Сочиненія

Фердинанда Лассаля.

Томъ третій.

Съ приложеніемъ портрета и автографа Ф. Лассаля.



Изданіе Н. ГЛАГОЛЕВА.

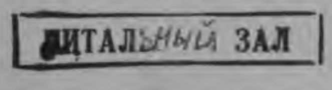
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1906.





Типографія Монтвида, Конная. 3—5.



ОГЛАВЛЕНІЕ.

„Капиталъ и Трудъ" переведенъ М. А. Энгельгардомъ, всѣ остальныя статьи С. Д. Львовымъ.

ФИЛОСОФІЯ ФИХТЕ И ЗНАЧЕНІЕ НѢМЕЦКАГО НАРОДНАГО ДУХА.

Юбилейная рѣчь, произнесенная Фердинандомъ Лассалемъ 19 мая 1862 г. въ честь Фихте на празднествѣ, устроенномъ Философскимъ Обществомъ и Научно-художественнымъ Союзомъ въ зало Арнима.

Глубокоуважаемое Собраніе!

Со стороны комитета этого общества мнѣ было предложено на сегодняшнемъ празднествѣ, на которое мы собрались для того, чтобы почтить рожденіе и дѣятельность одного изъ величайшихъ нѣмецкихъ геніевъ, произнести юбилейную рѣчь въ память Фихте.

На задачу это можно, повидимому, взглянуть съ разныхъ точекъ зрѣнія.

Если имѣть въ виду высокую и блестящую ученость собранія, къ которому я имѣю честь обращаться со своею рѣчью,—то, повидимому, мнѣ необходимо войти въ самую точную, строго-научную оцѣнку всѣхъ отдѣльныхъ твореній и достоинствъ Фихте.

Но если при этомъ имѣть въ виду то короткое время, которымъ я могу располагать даже при условіи самой строгой сжатости въ построеніи своей рѣчи, то задача моя сразу же осложняется. Въ самомъ дѣлѣ—вѣдь теперь въ интересахъ этой неизбѣжной относительной краткости задача моя ставится такимъ образомъ: сохраняя въ изложеніи самую строгую научность, даже до нѣкоторой степени ее усиливая, намъ необходимо обнажить тотъ глубочайшій внутренній корень, проявить (передъ нами) тотъ какъ бы духъ самого духа, который является общимъ источникомъ для всѣхъ этихъ отдѣльныхъ твореній и достоинствъ Фихте; необходимо эти творенія и достоинства разсмотрѣть не въ ихъ многообразіи и разно-

сторонности, не со стороны богатства ихъ содержанія — съ этой стороны ихъ нужно, конечно, предполагать извѣстными собранію и безъ моихъ усилій — нѣтъ, задача моя ставится именно такимъ образомъ, чтобы все богатство этихъ отдѣльныхъ проявленій свести къ тому единому, въ глубинѣ ихъ лежащему началу, которое и проявляется въ нихъ, какъ ихъ внутреннее дѣятельное начало.

Такъ опредѣлилась пока наша задача подъ давленіемъ чисто внѣшнихъ соображеній — необходимости сообразоваться съ краткостью времени.

Но мы немедленно придемъ къ тому же самому результату, какъ только подумаемъ о внутреннемъ требованіи, которое ставитъ предъ нами празднество: чтобы быть достойнымъ и отвѣчающимъ своей цѣли празднествомъ, оно должно соотвѣтствовать своему объекту, т. е. духу Фихте, оно должно его образъ вызвать предъ нашими глазами. Духъ самого Фихте долженъ сегодня витать надъ нами. И онъ долженъ не только войти въ это зало, — но, если только хватитъ у меня на это силы, онъ долженъ проникнуть въ ваши мысли и овладѣть всей вашей личностью. И эта цѣль позволяетъ исключить изъ сферы нашего разсмотрѣнія не только жизнь Фихте и все, подвластное въ немъ закону времени, но даже и оцѣнку всѣхъ его отдѣльныхъ научныхъ твореній, какъ таковыхъ, хотя и эти творенія съ полнымъ правомъ должны быть названы, какъ неподвластныя времени, безсмертными. Вѣдь съ теоретическими твореніями духа дѣло обстоитъ совершенно также, какъ и съ общей совокупностью практическихъ дѣяній, изъ которыхъ слагается жизнь въ ея цѣломъ. Чрезъ всю безконечную цѣпь ея отдѣльныхъ переживаній проходитъ одинъ, молчаливо, неслышно царящій въ глубинѣ ихъ, законъ, себя проявляя въ этихъ размахахъ и откровеніяхъ духа; но ни въ одномъ изъ нихъ, ни даже во всей ихъ внѣшней совокупности онъ не открывается, какъ законъ, въ своей простотѣ и единствѣ, въ своей внутренней сущности. Даже въ ихъ внутренней цѣльности только чувствуется дѣйствіе этого закона, вылившееся въ многосложности этихъ вибрацій духа. Но одно дѣло — созерцать или внутренно чувствовать всю эту послѣдовательно вздымающуюся предъ нами волну вибрацій и звуковъ, — и совсѣмъ другое — мысленно охватить ее разумомъ въ ея внутренней простотѣ и единствѣ, изъ котораго она развертывается передъ нами съ внутренней необходимостью.

И внутри сферы неподвластныхъ времени проявленій духа это единство образуетъ новую сферу, неподвластную времени въ еще болѣе высокомъ значеніи этого слова, — и только, устремляя наше вниманіе на этотъ законъ, — глубочайшій родникъ духовнаго творчества Фихте, на духъ его

духа, какъ я выразился раньше,—только въ этомъ случаѣ мы и можемъ вознести наше празднество на высоту, достойную Фихте, и возсоздать предъ собой его образъ во всей простотѣ, единствѣ и внутренней сущности его духа.

Однако, повидимому, снова совсѣмъ въ другомъ видѣ должна намъ представиться наша задача, когда мы вспомнимъ, что здѣсь собрались люди всевозможныхъ спеціальныхъ профессій,—въ этомъ наглядно сказался тотъ фактъ, что мы сошлись сюда нынче отнюдь не на простой философскій вечеръ, интересный однимъ спеціалистамъ-ученымъ,—но на празднество, касающееся всей націи. И, навѣрное, всѣ вы пришли сюда, уже чувствуя въ душѣ, что намъ предстоитъ здѣсь провести знаменательный для общаго развитія націи день, что мы совершаемъ здѣсь національное торжество, а потому должны отпраздновать его подобающимъ образомъ. И, однако, милостивые государи, встаетъ вопросъ—при всей строгой научности, присущей твореніямъ этого великаго человѣка, при всей его философской глубинѣ, недоступной пониманію націи, въ цѣломъ,—можетъ-ли существовать различіе между празднествомъ, имѣющимъ чисто-научный характеръ, посвященномъ памяти философа Фихте, и празднествомъ, имѣющимъ національное значеніе, понимаемомъ, какъ національное празднество?

Что дѣлаетъ человѣка великимъ человѣкомъ? Только одно: когда онъ въ себѣ, какъ въ фокусѣ, концентрируетъ духъ той націи, къ которой онъ самъ принадлежитъ, и путемъ такого концентрированія содѣйствуетъ наиболѣе чистому его проявленію и дальнѣйшему его развитію; т. е. когда самый національный духъ, воплотившись въ какую-либо опредѣленную индивидуальность, наиболѣе ясно раскрываетъ въ ней, въ этомъ человѣкѣ свое содержаніе, дѣятельно въ немъ проявляется. Поэтому нація не можетъ иначе прославлять память великаго человѣка, какъ прославляя въ его лицѣ свой собственный національный геній, его видимое воплощеніе, опорный этапъ его дальнѣйшаго развитія, который національный духъ нашелъ для себя въ лицѣ этого своего представителя. Такимъ образомъ, всякое чествованіе великаго человѣка, сознательно или безсознательно, сводится всегда къ самопрославленію національнаго духа со стороны этой націи.

Да, милостивые государи, это есть мысль, самымъ строгимъ образомъ согласующаяся съ духомъ самого Фихте, мысль о томъ, что нація вообще не можетъ чествовать ничего другого, кромѣ своего собственнаго духа! Все другое нація можетъ только чествовать лишь внѣшнимъ образомъ, создавая для этого внѣшнія установленія, устраивая празднества, произнося рѣчи. Но дѣйствительнымъ чествованіемъ, какъ и при всякомъ актѣ культа,

можетъ быть только самопрославленіе общественнаго духа этого народа.— Сознательное національное празднованіе можетъ поэтому состоять лишь въ томъ, что нація выясняетъ для себя, въ какой именной степени она можетъ назвать своимъ тотъ духъ, который, воплотившись въ общечеловѣческомъ духѣ данной индивидуальности, породилъ всѣ эти духовныя богатства, и на какую высшую ступень своего развитія она поднялась въ лицѣ этого своего представителя. Но поскольку нація отдаетъ себѣ ясный отчетъ въ томъ, въ какой именно степени ея духъ претворился въ то дѣятельное начало, которое лежитъ въ глубинѣ духа данной индивидуальности, въ тотъ внутренній законъ, печатью котораго отмѣчены всѣ ея творенія,—постольку одновременно выполняется то самое требованіе, которое мы раньше признали основнымъ условіемъ, придающимъ нашему празднеству характеръ, единственно достойный духа Фихте,—а именно то, что мы теперь собираемся судить о Фихте не по отдѣльнымъ его твореніямъ, но по тому основному закону, который ихъ порождаетъ, и такимъ путемъ вскрыть предъ собою духъ его духа.—Такимъ образомъ, національное празднованіе въ своей высшей сознательной формѣ является истиннымъ синтезомъ, высшей формой соединенія спеціально-научнаго и вульгарно или безсознательно-національнаго празднованія. Со всѣхъ точекъ зрѣнія оправдывается то пониманіе задачи нашего празднества, которое у насъ сложилось, какъ единственно-правильное.

Въ формальномъ понятіи празднованія сталкиваются и объединяются два представленія: покой и дѣятельность. Празднованіе чего бы то ни было есть покой; необходимо успокоиться отъ всѣхъ занятій и стремленій повседневной жизни. Но празднованіе есть въ то же самое время и дѣятельность, оно включаетъ въ себя и это понятіе, и безъ какой-либо формы дѣятельности, опредѣляемой ближе самимъ объектомъ празднованія, самое празднованіе было бы просто немыслимо. Что касается національнаго празднованія, то здѣсь оба понятія, какъ покой, такъ и дѣятельность, ближе опредѣляются самымъ понятіемъ національнаго.—Въ нашей повседневной дѣятельности національная жизнь внутри насъ постигается въ процессѣ своего торопливаго вѣчнаго теченія. Даже ученый, даже мыслитель,— и тѣ погружены въ единичное, имъ захвачены и ни въ коемъ случаѣ не въ силахъ въ процессѣ своей дѣятельности длительно держать свое вниманіе устремленнымъ на тотъ національный принципъ, который въ нихъ самихъ дѣятельно проявляется. Болѣе того—полное погруженіе въ это единичное есть основное условіе всякой дѣятельности. Этотъ вѣчно рвущійся впередъ потокъ національной жизни долженъ въ празднованіи,—въ силу

требуемаго послѣднимъ покоя,—находитъ себѣ пріостановку. Но въ силу того дѣятельнаго начала, которое лежитъ въ понятіи всякаго празднованія, этотъ покой національной жизни долженъ одновременно быть ея дѣятельнымъ проявленіемъ внутри насъ,—и притомъ такъ, чтобы оба эти начала, покой и дѣятельность, ни по времени, ни по субъекту, въ которомъ они проявляются, не расходились другъ съ другомъ, но неразрывно и внутри одного и того же субъекта этотъ покой заключался въ дѣятельности, а эта дѣятельность заключалась въ покоѣ. И слѣдовательно, потокъ національной жизни, приходя на моментъ, какъ я уже сказалъ, въ состояніе покоя, долженъ въ это же самое время внутри насъ продолжаться другою дѣятельной волной національной жизни,—и эта дѣятельная волна должна заключаться въ томъ самомъ покоѣ, которымъ прерываетъ истинное теченіе этого потока. Разрѣшеніе этого противорѣчія заключается какъ разъ въ томъ актѣ самопознаванія національной жизни, который осуществляется путемъ устремленія вниманія внутрь насъ самихъ и назадъ; и въ этомъ актѣ мы, пользуясь покоемъ отъ вѣчнаго напряженія національной жизни, путемъ самоуглубленія приходимъ къ познанію ея развитія и постигаемъ законъ, въ ней царящій.

Это познаніе нѣмецкаго духа актомъ самопознанія, познаніе того, съ какой необходимостью установленный самимъ же Фихте принципъ порождаетъ самого Фихте, какой высшей ступени достигаетъ въ немъ этотъ принципъ, какую почву онъ въ немъ находитъ для своего дальнѣйшаго развитія, и какимъ образомъ духъ Фихте, воплощаемый въ этомъ принципѣ, продолжаетъ и до сихъ поръ, неподвластный закону смерти, жить внутри насъ,—это самопознаніе, объединяя въ себѣ всѣ три требованія, выставляемыя раньше по отношенію къ нашему празднеству,—чтобы оно было достойнымъ Фихте, чтобы оно было національнымъ празднествомъ, чтобы оно, наконецъ, соотвѣтствовало идеѣ празднованія вообще,—и составляетъ такимъ образомъ нашу необходимую задачу въ сегодняшнемъ празднествѣ.

Опредѣливъ такимъ образомъ нашу задачу, мы ей дали отнюдь не произвольное истолкованіе, которое могло бы быть замѣнено тѣмъ или инымъ новымъ. Именно эта задача опредѣлилась для насъ, какъ безусловно необходимая задача сегодняшняго дня, и нельзя было выставить иной задачи, кромѣ той, которую мы только-что выставили.

Если я съ такою обстоятельностью остановился на опредѣленіи того, какъ необходимо понимать стоящую предъ нами задачу, то случилось это не только потому, что въ опредѣленіи задачи, производимомъ со всею

тщательностью и внутренней принудительностью, уже заключается всегда на половину ея разрѣшеніе; случилось это также и не потому, что вообще отличительной особенностью всякаго философскаго мышленія является какъ разъ правило—не хвататься торопливо за разрѣшеніе задачи, но начинать всегда съ ея изслѣдованія и опредѣленія и уже потомъ, исходя изъ этого опредѣленія, съ необходимостью идти къ ея разрѣшенію,—произошло это главнымъ образомъ и особенно для того, чтобы войти въ сферу собственнаго духа самого Фихте. И навѣрное, отъ вниманія столь просвѣщенныхъ лицъ, какъ здѣсь присутствующіе, давно уже не укрылось то обстоятельство, что это только что завершенное изслѣдованіе задачи является ни чѣмъ инымъ, какъ достаточно точнымъ воспроизведеніемъ того метода, которымъ руководствовалось собственное мышленіе Фихте, повтореніемъ той глубокой обстоятельности, съ которой оно производило свою работу, передъ каждымъ шагомъ впередъ подвергая изслѣдованію самый принципъ своего поступательнаго движенія. А въ сегодняшній день намъ, милостивые государи, подобаетъ облечься въ его одежды, украситься его цвѣтами. Если мы бросимъ теперь взглядъ на характерныя черты того положенія вещей, которое имѣло мѣсто въ серединѣ прошлаго столѣтія, то оно, будучи одинаковымъ и для Германіи, и для Франціи, представляется слѣдующимъ.

На лицо существуетъ дѣйствительность, которая, вмѣсто того, чтобы быть настоящимъ въ философскомъ значеніи этого слова, т. е. порожденіемъ и живымъ дѣятельнымъ проявленіемъ всеобщаго самосознанія, представляетъ собою во всѣхъ отношеніяхъ окаменѣлый продуктъ минувшихъ столѣтій. Унаслѣдованныя, во тьмѣ вѣковъ сложившіяся формы и догмы царятъ во всѣхъ сферахъ общественнаго духа; въ государствѣ, религіи, искусствѣ и гражданской жизни онѣ играютъ роль единственныхъ авторитетныхъ нормъ, которымъ вынуждено подчиняться самосознаніе, несмотря на то, что оно встрѣчаетъ въ нихъ абсолютно чуждую для себя сферу. Было бы заблужденіемъ думать, что философія обладаетъ какой-то привилегіей и способна ускользнуть отъ такого общаго состоянія народнаго духа. Если-бы она обладала такой привилегіей, то она сама должна была бы быть чѣмъ-то, стоящимъ внѣ сферы духа, чѣмъ-то недуховнымъ, вмѣсто того, чтобы выражать въ себѣ глубочайшую сущность каждой эпохи, являться высшимъ духовнымъ выраженіемъ.

И мы видимъ, что философія той эпохи вполнѣ отражаетъ охарактеризованное выше состояніе въ эмпиризмѣ, философіи опыта, которая проникла въ Германію главнымъ образомъ изъ Англіи при помощи Локка.

Въ эмпиризмѣ истина сводится къ воспріятію и опыту. Существуетъ такъ называемое дѣйствительное и объективное, и оно находится внѣ сознанія. Само сознаніе является здѣсь только tabula rasa, на которой дѣйствительно сущее оставляетъ свои слѣды; сознаніе—это безформенный воскъ, который легко подчиняется всякому давленію со стороны предметовъ внѣшняго міра; воспринимание этихъ внѣшнихъ толчковъ и впечатлѣній, лишенное всякой собственной индивидуальности, и составляетъ истину. Выше описанное состояніе вещей являлось, какъ было раньше замѣчено, общимъ для Франціи и Германіи. И, однако, тотъ способъ, въ которомъ проявилось отношеніе обѣихъ націй къ этому общему состоянію, оказался различнымъ, въ своемъ различіи противоположнымъ и тѣмъ не яснѣе по своимъ глубочайшимъ основамъ—идентичнымъ; способъ этого отношенія является въ высшей степени характернымъ, чтобъ по нему судить о присущемъ обѣимъ этимъ великимъ націямъ духѣ, который въ общемъ ходѣ своего развитія является столь же противоположнымъ, сколько и глубоко идентичнымъ; этотъ противоположный и тѣмъ не менѣе внутренне-идентичный способъ дастъ намъ поэтому въ руки наиболѣе вѣрный ключъ къ уразумѣнію того своеобразнаго закона развитія, который выпалъ на долю нѣмецкаго духа, какъ его жребій. То и другое, милостивые государи,—противоположность и идентичность, выражаются въ одной короткой формулѣ, но мы еще не исчерпаемъ всего ея дѣйствительнаго содержанія, если скажемъ, что французы являются народомъ практическаго идеализма, нѣмцы — народомъ теоретическаго идеализма.

Уже ребенокъ, милостивые государи, находится подъ властнымъ вліяніемъ практическаго идеализма. Когда онъ разрушаетъ какой-либо внѣшній предметъ, то уже въ этомъ актѣ онъ обнаруживаетъ чувство и увѣренность въ существованіи своего субъективнаго „я“ (selbst), своей активной дающей силы. Этотъ разрушительный практическій идеализмъ и является той силой, которая заставила Францію возстать противъ душившей ее окаменѣлой дѣйствительности и, такимъ образомъ, произвела огромный переворотъ конца прошлаго столѣтія. Иначе обстоитъ дѣло съ нѣмецкимъ духомъ. Не превозноситься желаемъ мы, милостивые государи, выпавшимъ на нашу долю жребіемъ. Ибо мы знаемъ, къ какой, временной хотя-бы, односторонности приводитъ всякая рѣшительная опредѣленность въ выпадающемъ на долю того или иного народа особенномъ пути его развитія, и мы знаемъ, чего намъ не достаетъ вслѣдствіе этого.

Итакъ, не превозноситься,—но только вознести себя до уровня духовнаго величія нашего національнаго жребія желаемъ мы, когда мы стремимся уловить законъ нашего развитія и изъ необъятной глубины его почерпнуть для себя увѣренность въ величіи нашего духа и нашего національнаго призванія, а вмѣстѣ съ тѣмъ силу и бодрость для продолженія нашей работы по пути нашего дальнѣйшаго развитія.

Итакъ, повторяю я, инымъ и притомъ болѣе глубокимъ образомъ направляется нѣмецкій духъ противъ той окаменѣлой дѣйствительности, противъ того объективнаго внѣшняго міра, который желаетъ существовать самъ по себѣ и самъ для себя и который стремится самовластно и принудительно навязать себя народному самосознанію. Онъ, нѣмецкій духъ, ополчаясь противъ этой дѣйствительности, подкапывается подъ самый сокровенный и глубочайшій ея духовный корень. Въ чувственномъ воспріятіи объективный внѣшній міръ былъ противопоставленъ субъекту,—но тотъ же принципъ разрыва былъ проведенъ вообще чрезъ всѣ сферы познанія. Съ одной стороны—ученіе о категоріяхъ объективнаго бытія, метафизика или онтологія; съ другой—логика или ученіе о субъективномъ мышленіи. Противъ этого разрыва, захватывающаго всѣ сферы мысли, поднимается теперь нѣмецкій духъ въ мірѣ критицизма, причемъ онъ самый принципъ этого разрыва превращаетъ въ объектъ своего изслѣдованія.

Раньше познанія должно подвергнуть изслѣдованію самую способность познанія—это есть принципъ, изъ котораго исходитъ критическая философія,—и въ процессѣ этого изслѣдованія она приходитъ къ выводу, что всѣ категоріи объективнаго бытія, количество, качество, отношеніе, причина и дѣйствіе, возможность, дѣйствительность, необходимость и т. п., даже, наконецъ, самочувственное созерцаніе пространства и времени, далекія отъ того, чтобы быть чѣмъ-то объективнымъ, сообразнымъ опыту, чѣмъ то самостоятельно противостоящимъ нашему самосознанію, представляютъ собою не что иное, какъ апріорныя [1]) понятія самого самосознанія, не что иное, какъ собственныя формы субъективнаго мышленія, собственныя функціи нашего составляющаго сужденія разсудка.

Истинно и безусловно объективное, вещь въ себѣ, остается лежать, согласно этой философіи, по ту сторону нашего познанія, являясь для послѣдняго абсолютно непостижимой. Все познаніе какъ чувственнаго, такъ и внѣ-чувственнаго міра превращается въ простое, вызываемое са-

---

[1]) Прежде данное.

мимъ нашимъ „я“ явленіе, въ простую апперцепцію [1]) дѣятельнаго самосознанія, въ объективное, существующее не само въ себѣ (an sich), но только для насъ (für uns), причемъ оно принимаетъ видъ внѣшней предметности, не оставляя въ себѣ ничего, что выдавало бы намъ собственную природу и дѣятельность субъективнаго сознанія.

Нѣмецкій геній, выполнившій эту колоссальную задачу, та скала, на которую опирается вся наша новѣйшая философія,—называется Кантомъ! Послѣ всего вышесказаннаго, едва-ли требуется выяснять еще болѣе всю огромность этого потрясшаго весь міръ подвига. Тотъ разрывъ, то противопоставленіе, которое раздѣляло дѣйствительное, существующее отъ субъективнаго, были такимъ образомъ превзойдены. Самостоятельность и вещественность, которыя приписывались эмпиризмомъ объективному внѣшнему міру, были теперь подорваны,—и передъ субъектомъ, въ качествѣ единственнаго содержанія его познанія о внѣшнемъ мірѣ, явилось теперь исключительно его собственная внутренняя сущность (Selbst).

Но, милостивые государи, вы сами теперь же видите: на ряду съ выше охарактеризованнымъ строемъ мысли и неразрывно съ нимъ переплетаясь въ каждой точкѣ, сохраняетъ еще все свое значеніе, на этой стадіи развитія философіи, и прямо ему противоположный строй мысли А именно—въ качествѣ истинно объективнаго сохранилась у насъ вещь въ себѣ, продолжая пребывать по ту сторону нашего познанія въ качествѣ абсолютно для него непостижимаго.

Такимъ образомъ, уничтоженіе той пропасти, которая разрывала на-двое міръ объективнаго и міръ субъективнаго, уничтоженіе, выполненное кантовской философіей, еще на каждомъ шагу сталкивается съ обратной работой—углубленія этой пропасти.

Неизбѣжнымъ результатомъ такого состоянія философской мысли является поэтому тотъ фактъ, что теперь на лицо предъ нами еще болѣе глубокій, еще болѣе болѣзненный разрывъ, чѣмъ раньше. Находясь на стадіи наивнаго эмпиризма, наше сознаніе, еще не умудренное критическимъ отношеніемъ къ возпріятію и опыту, вѣрило, что оно въ силахъ постигнуть истину саму по себѣ. Теперь объективная вещественность и незыблемость этого міра были разрушены, но въ процессѣ этого разрушенія у самосознанія выросла глубочайшая увѣренность въ самомъ себѣ—и въ результатѣ этой увѣренности,—послѣ его собственнаго признанія, что истинно объективное, вещь въ себѣ, никогда не можетъ явиться объек-

[1]) Воспріятіе, познаваемое, какъ таковое.

томъ апперцепціи нашего „я“,—сама истина, какъ таковая, погибла безвозвратно, переселившись въ потусторонній, недосягаемый міръ. Благодаря авторитарности самосознанія, объективная вещественность и незыблемость этого міра были разбиты вдребезги, но подъ осколками ея теперь пріютилось, насмѣшливо оттуда выглядывая, одно лишь его собственное субъективное отраженіе. Чѣмъ быстрѣе и настойчивѣе стремится самосознаніе уловить объективное, тѣмъ съ большей ловкостью ускользаетъ отъ него это объективное въ свое потустороннее, оставляя въ рукахъ несущагося за нимъ во слѣдъ самосознанія только одну свою тѣнь, и сжимая ее въ своихъ объятіяхъ, самосознаніе ничего не сжимаетъ, кромѣ самого себя. Это есть утратившій свою божественность міръ, въ каковой превратилось теперь одаренное разумомъ и одушевленное Все (All). Самъ Богъ, абсолютъ, съ этой точки зрѣнія является только постулатомъ практическаго разума; это значитъ, что онъ является не бытіемъ,—ибо разумъ, по Канту, не можетъ своимъ идеямъ сообщить реальности, но только предположеніемъ нуждающагося въ немъ самосознанія.

Отсюда—тоска и жалоба по поводу міра, потерявшаго свою божественность; отсюда—скорбь при мысли о томъ, что намъ недоступно никакое знаніе.

Титаническій духъ Канта, кантовскій принципъ поистинѣ подобенъ тому кулаку, къ которому взываетъ хоръ духовъ:

„Weh'! Weh'!
Du hast sie zerstört,
Die schöne Welt,
Mit mächtiger Faust;
Sie stürzt, sie zerfällt!
Ein Halbgott hat sie zerschlagen!
Wir tragen
Die Trümmer in's Nichts hinüber
Und klagen
Über die verlorne Schöne,
Mächtiger,
Der Erdensöhne,
Prächtiger,
Baue sie wieder,
In deinem Busen baue sie auf!“

„Разбилъ ты земной
Прекраснѣйшій міръ
Могучей рукой.
Онъ палъ предъ тобой!
Разбилъ полубогъ все творенье,
А мы?—мы убрали съ тоской
Развалины въ бездну забвенья,
Почтивши горячей слезой
Погибшей красы разрушенье.
Смѣлѣй же свободной душой
Воспрянь, земнородный, могучій!—
Міръ новый, чудесный и лучшій,
Создай въ мощномъ сердцѣ
своемъ“.

(Переводъ Холодковскаго).

И именно такъ, какъ молилъ его этотъ страстной тоскою звучавшій голосъ поэта—изъ собственной груди онъ воздвигнулъ его. Нѣмецкій

геній, вновь возсоздавшій міръ и притомъ именно на своей груди,—называется: Фихте!

Среди философовъ все развитіе заключается лишь въ томъ, что каждый послѣдующій философъ подводитъ итогъ дѣятельности своему предшественнику, лишь раскрываетъ то, что въ скрытой формѣ, въ своей сущности (an sich) уже содержалось въ твореніяхъ предшественника. Выраженное такимъ образомъ, оно является уже совершенно новой мыслью, новымъ принципомъ духа. Сообразно этому было бы возможно,—хотя такая концентрація и составляетъ, быть можетъ, труднѣйшую задачу историко-философскаго анализа,—каждую философскую систему свести къ одному единственному принципу, который немедленно же обнаруживаетъ стремленіе перейти въ другой принципъ, изъ него вытекающій и ему въ то же время противоположный.

Кантъ въ своемъ критицизмѣ принизилъ объективный міръ до степени простого явленія, самого по себѣ не существующаго и являющагося простой проэкціей субъективнаго сознанія; объективный міръ онъ растворилъ въ отрицательномъ результатѣ субъективнаго сознанія, какъ мы выше уже описали.

Фихте принимаетъ идею растворенія объекта въ субъектѣ, но онъ вмѣстѣ съ тѣмъ усматриваетъ въ объектѣ результатъ не отрицающей, но утверждающей дѣятельности субъекта. Фихте готовъ, подобно Канту, погрузить объективный міръ въ нѣдра чистаго самосознанія, но только для того, чтобы немедленно же онъ снова поднялся оттуда предъ нами,—иначе говоря, онъ переворачиваетъ кантовскую идею и превращаетъ ее въ такой принципъ: „я" или чистое мышленіе есть конститутивный законъ, положительный созидающій принципъ, материнское лоно, въ которомъ только и зарождается, изъ котораго только и развивается весь міръ объективнаго и реальнаго. Это и есть тотъ принципъ, который Фихте въ различныхъ формахъ развиваетъ въ своемъ наукоученіи.

Стремясь розыскать тотъ абсолютно первый, рѣшительно и безусловно несомнѣнный принципъ, изъ котораго можно было бы развить все остальное, Фихте начинаетъ съ понятія о чистомъ „я" или самосознанія. Именно, онъ отправляется отъ безусловно вѣрнаго положенія: А равно А, т. е. отъ принципа тождества. Но что въ сущности дается въ этомъ принципѣ? Не то, что А существуетъ, этого въ принципѣ не дано и отнюдь имъ не утверждается, но только то, что, если А существуетъ, то оно равно А. Только это отношеніе, но отнюдь не существованіе самого А, утверждается, какъ безусловно существующее. Такимъ образомъ, безу-

словность присуща не содержанію, а только формѣ этого принципа, только отождествленію какого-либо А съ самимъ собою, существованіе же этого А является пока еще гипотетическимъ, обусловленнымъ. Но, однако, этимъ самымъ принципомъ тождества устанавливается нѣкое бытіе, какъ безусловное, абсолютно-истинное, но только такимъ бытіемъ является не бытіе самого А, а бытіе нашего „я". Ибо этотъ принципъ тождества, утверждающій, что А, если оно существуетъ, равно А, содержится въ нашемъ „я" и имъ утверждается, причемъ наше „я" строитъ свои сужденія, опираясь именно на него, какъ на единственный безусловно данный ему фактъ сознанія. Такимъ образомъ, теперь найденъ принципъ, который уже не только по формѣ, но и по содержанію является безусловнымъ: „Я" существую; уже не только: я есть я, въ томъ смыслѣ, въ какомъ говорилось раньше: А есть А; т. е. теперь высказывается не только такое положеніе: если я существую, то я существую равнымъ самому себѣ, причемъ самый фактъ существованія этого „я", если только оно вообще существуетъ, мыслится нами еще только гипотетично или условно;— теперь мы обладаемъ по самому содержанію своему безусловнымъ принципомъ, который безусловно утверждаетъ, что наше „я" несомнѣнно существуетъ, т. е. принципомъ: я существую.

Такимъ образомъ „я" рѣшительно постулировало свое собственное бытіе, но это бытіе нашего „я" сводится лишь къ тому, чтобы рѣшительно провозгласить себя существующимъ. „Я" утверждаетъ самого себя: въ этомъ актѣ и состоитъ его существованіе; „я" существуетъ, но это существованіе выражается въ одной лишь чистой дѣятельности, которая сводится къ тому, чтобы постулировать самого себя. Другими словами: „то самое, чье бытіе выражается лишь въ томъ, что оно утверждаетъ самого себя, какъ существующее, есть чистое „я", чистое мышленіе".

Но пойдемъ дальше. Въ то время, какъ я говорю: „я", въ то время, какъ я утверждаю себя, свое самосознаніе, какъ существующее,—я тѣмъ самымъ уже проявляю извѣстную дѣятельность, чтобы себя, свое „я" отличить отъ всего другого. „Я" есть не неразличимое сліяніе со всѣмъ возможнымъ чувственнымъ бытіемъ, но сосредоточеніе вниманія на самомъ себѣ, различеніе своего и чужого. Въ то время, какъ я говорю: „я", я тѣмъ самымъ уже утверждаю нѣчто, чуждое относительно меня, нѣкое „не—я". Такимъ образомъ нашему „я" необходимо безусловно противопоставить „не—я", и это „не—я" противостоитъ нашему „я" и ограничиваетъ его. Но это „не—я", какъ видно уже изъ предыдущаго, утверждается въ своемъ существованіи чрезъ собственную дѣятельность „я".

И далѣе Фихте съ внутренней теперь необходимостью выводитъ всѣ категоріи объективнаго и реальнаго міра: количество, реальность, причину и дѣйствіе, субстанціональность и т. п. изъ этой утверждающей дѣятельности „я“ или чистаго мышленія.

Выводитъ категоріи,—говорю я,—это значитъ, что въ лицѣ Фихте нѣмецкій духъ обратился къ той завѣщанной намъ греками задачѣ, которая со временъ самого Аристотеля оставалась нетронутой, задачѣ, состоящей въ томъ, чтобы развить, возсоздать эти категоріи изъ чистой, съ внутренней необходимостью самоопредѣляющейся дѣятельности мышленія. Здѣсь предъ нами — совсѣмъ другая, даже прямо противоположная задача въ сравненіи съ тою, которая стояла предъ Кантомъ. Кантъ понимаетъ категоріи, какъ эмпирически мыслимыя, и превращаетъ ихъ въ функціи субъективнаго сознанія. Фихте наоборотъ производитъ, извлекаетъ всѣ категоріи предметнаго міра изъ чистаго мышленія, смотритъ на нихъ, какъ на объективно существующія, и видитъ въ нихъ необходимый продуктъ чистаго мышленія, изъ котораго онъ исходитъ. При этомъ онъ держится того момента, чтобы относительно каждой воспроизводимой категоріи показать, что она вступаетъ въ противорѣчіе сама съ собою, а затѣмъ путемъ дальнѣйшихъ опредѣленій онъ приходитъ къ синтезу, въ которомъ первоначальная категорія объединяется съ противорѣчающей ей антитезой, другими словами, у Фихте въ зародышѣ уже вполнѣ намѣчается діалектическій методъ Гегеля, развивающійся изъ закона противорѣчія. Да и вообще, внимательно вчитываясь въ творенія Фихте, нельзя найти ни одной страницы, гдѣ въ зародышѣ не чувствовался бы духъ будущаго Гегеля.

При критикѣ Фихте сдѣлалось общимъ правиломъ указывать на то, что его „я“ нуждается въ чуждомъ ему „не—я“, что поэтому въ основѣ и у него сохраняется тотъ же дуализмъ, какъ и у Канта. Даже такой великій человѣкъ, какъ Гегель, выставляетъ это возраженіе противъ Фихте. Нельзя сказать, чтобы мысль, содержащаяся въ этомъ возраженіи, не была справедлива, но она не является исчерпывающей сущность вопроса, а потому и неправильна. Ее нельзя назвать несправедливой, потому что дальнѣйшій выводъ понятій у Фихте въ самомъ дѣлѣ совершается путемъ постояннаго противопоставленія „не я“, которое снова ограничивается и опредѣляется черезъ посредство „я“. Но критика эта, не имѣя исчерпывающаго характера, неправильна, потому что она проглядываетъ два обстоятельства. Первое—чисто формальнаго свойства, и состоитъ оно въ томъ, что въ послѣдней инстанціи само „не—я“ утверждается въ

своемъ существованіи чрезъ посредство „я“, что, такимъ образомъ, въ послѣдней инстанціи все развивается изъ собственной утверждающей дѣятельности „я“. Второе относится къ содержанію, и состоитъ оно въ томъ, что всѣ категоріи предметнаго міра выводятся, порождаются изъ чистаго мышленія путемъ положительнаго метода утвержденія, какъ объективно существующія; тѣмъ самымъ вещь въ себѣ, которая у Канта противостояла самосознанію во всей своей непостижимости, теперь у Фихте исчезаетъ въ нѣдрахъ самого „я“.

„Я“ или чистое мышленіе превращается у Фихте въ настоящую вещь въ себѣ. Оно есть абсолютная сущность (Ansich) всякаго бытія, изъ которой развивается все существующее. „Я“ или чистое мышленіе охватываетъ собою, какъ говоритъ самъ Фихте, все реальное, и нѣтъ ничего реальнаго, кромѣ „я“, и того, что имъ утверждается. Слѣдовательно, здѣсь произошла полная перемѣна ролей сравнительно съ Кантомъ!—въ самомъ дѣлѣ, вещь въ себѣ перешла здѣсь въ чистое мышленіе, все остальное положительнымъ образомъ изъ себя творящее; она сама превратилась въ это чистое мышленіе, сдѣлалась его дѣятельностью, которая все остальное изъ себя порождаетъ; иначе говоря — здѣсь уже устраняется кантовскій дуализмъ и выставляется, въ своей сущности (an sich) принципъ тождества бытія и мышленія. Я уже говорилъ раньше, милостивые государи, что всякій философъ всегда только подводитъ итогъ тому, что сдѣлано его предшественникомъ, иначе говоря, улавливаетъ въ ясныя формулы то, что въ неразвернутомъ видѣ (an sich) содержится уже въ твореніяхъ послѣдняго. Если это вѣрно, то отсюда съ неизбѣжностью слѣдуетъ, что то, въ чемъ фактически проявилось творчество философа, еще не совпадаетъ съ тѣмъ итогомъ, въ которомъ онъ самъ резюмируетъ плоды этого творчества. Ни у кого это не обнаруживается такъ ясно, какъ у Фихте. Въ самомъ дѣлѣ, въ первое время своего философскаго творчества онъ еще вѣрилъ, что стоитъ вполнѣ на точкѣ зрѣнія Канта. Точно также во вступленіи къ своему сочиненію о понятіи наукоученія (1794, W., Bd. 1, 30) онъ выражаетъ свое глубокое убѣжденіе, что „никакой человѣческій умъ не въ силахъ проникнуть дальше той границы, у которой остановился Кантъ“. Онъ объявляетъ во всеобщее свѣдѣніе, „что никогда онъ не въ силахъ будетъ сказать что нибудь, на что уже не было бы, съ большей или меньшей ясностью, непосредственно или косвенно указано Кантомъ“. Такого же мнѣнія о своей философіи онъ придерживается въ общемъ и въ позднѣйшіе годы, хотя правда уже не безъ нѣкотораго колебанія. Напримѣръ, въ 1797 г. въ первомъ, напечатанномъ въ философскомъ журналѣ, введеніи къ науко-

ученію онъ заявляетъ, что его задачей является не что иное, какъ только дать систематическое и отъ Канта совершенно независимое изложеніе того великаго открытія, которое сдѣлано Кантомъ.

И замѣчательно! въ тѣхъ безсмысленныхъ и жалкихъ нападкахъ, которыя вызвали противъ себя первыя публикаціи фихтевскаго наукоученія, въ тѣхъ нападкахъ, которыя позоромъ покрыли бы нашу націю, если бы это не было вѣчнымъ и неизмѣннымъ удѣломъ, выпадающимъ на долю всего новаго и великаго,—вызывать противъ себя раздраженіе мелкой посредственности и дикую ярость невѣждъ, цѣпляющихся за старыя традиціи,—во всѣхъ этихъ, повторяю, смѣшныхъ и жалкихъ рецензіяхъ было одно только вѣрно, а именно то, когда рецензенты утверждали, что имъ предлагаютъ систему, глубоко расходящуюся съ кантовской. И, наоборотъ, во всѣхъ тѣхъ рѣзкихъ, дышавшихъ столь здѣсь умѣстной презрительной гордостью отвѣтахъ, въ которыхъ Фихте при случаѣ обрушивался на этихъ рецензентовъ,—было одно только несправедливо, именно то, когда онъ съ яростнымъ упорствомъ повторялъ, что Канта просто не понимаютъ и что кантовская идея вполнѣ тождественна съ его собственной.

Позднѣе, какъ вы знаете, Фихте совершенно отказался отъ этого мнѣнія и призналъ безусловно, что онъ отправляется отъ новаго, вполнѣ оригинальнаго и огромнаго по своей важности принципа, которымъ онъ, Фихте, отмѣтилъ новую эру въ исторіи развитія духа. Но уже и въ первыхъ его произведеніяхъ, развивающихъ принципы наукоученія, нѣтъ недостатка въ отдѣльныхъ мѣстахъ, въ которыхъ съ полной ясностью не выступала бы эта рѣзкая противоположность къ Канту и кантовскому принципу, не говоря уже о томъ, чѣмъ дышала вся полнота цѣлаго въ его твореніяхъ. Такъ какъ эти мѣста должны быть поэтому особенно пригодны для того, чтобы освѣтить то, что я вамъ раньше говорилъ о высшемъ, погашающемъ въ себѣ всѣ противорѣчія, міровоззрѣніи, которое—въ противность не устраненному еще самимъ Кантомъ дуализму—было отвоевано философіей Фихте для самопознающаго духа,—то для насъ имѣется особенный интересъ—привести здѣсь нѣкоторыя изъ нихъ.

Такъ въ очеркѣ о своеобразномъ въ наукоученіи (I. S. 332), въ очеркѣ, опубликованномъ въ 1795 году, онъ говоритъ: „Кантъ исходитъ отъ предположенія, что то, что является многообразнымъ для воспріятія, приводится къ единству въ сознаніи,—и съ той точки зрѣнія, которой онъ придерживается, онъ не можетъ исходить ни отъ какого другого предположенія. Стоя на этой почвѣ, онъ обосновалъ особенное для теоретическаго наукоученія; дальнѣйшими цѣлями онъ и не задавался и съ полнымъ пра-

вомъ шелъ поэтому дальше отъ особеннаго ко всеобщему. Правда, коллективно-всеобщее, совокупность прежняго опыта допускаетъ еще объяснить себя этимъ путемъ, какъ единство въ царствѣ однородныхъ законовъ: но никогда нельзя такимъ путемъ постигнуть безконечно всеобщее, продолженіе опыта въ безконечность. Отъ конечнаго нѣтъ никакого выхода въ безконечность; наоборотъ, отъ неопредѣленной и неопредѣлимой безконечности можно допустить переходъ къ конечному черезъ посредство способности къ опредѣленію—и поэтому все конечное есть продуктъ опредѣляющаго".

Вы видите, такимъ образомъ, милостивые государи, что въ противовѣсъ Канту, берущему исходнымъ пунктомъ конечное, отъ котораго, по словамъ Фихте, нѣтъ никакого выхода въ безконечность, чѣмъ фактически и объясняется кантовскій дуализмъ, потусторонность его вещи въ себѣ,—въ противность Канту, Фихте идетъ своей особой дорогой и создаетъ свою особую философію, исходя отъ самого безконечнаго и разсматривая конечное, какъ продуктъ самоопредѣленія безконечнаго; такимъ образомъ, онъ преодолѣваетъ разрывъ между объектомъ и субъектомъ и тѣмъ самымъ уже намѣчаетъ принципъ тождества того и другого.

Точно также въ другомъ мѣстѣ того же самого сочиненія (I. S. 386) онъ говоритъ: „Кантъ, который разсматриваетъ свои категоріи, какъ первичныя образованія, какъ формы мышленія, имѣя на это, конечно, съ своей точки зрѣнія полное право,—вынужденъ былъ обратиться къ содѣйствію силы воображенія, чтобы сдѣлать возможнымъ ихъ приложеніе къ объектамъ; поэтому, какъ и мы, онъ допускаетъ ихъ извѣстному воздѣйствію со стороны этой силы воображенія, допускаетъ въ нихъ способность къ этому воздѣйствію. Въ наукоученіи эти категоріи возникаютъ у него одновременно съ объектами и притомъ именно на почвѣ этой силы воображенія, безъ чего нельзя было бы понять самую возможность этихъ объектовъ".

Такимъ образомъ Фихте желаетъ разсматривать свои категоріи не такъ, какъ смотрѣлъ на нихъ Кантъ, т. е. не какъ формы мышленія (Фихте съ большимъ удареніемъ настаиваетъ на этомъ), но какъ формы самого бытія. Далекій отъ мысли, что мы можемъ приписывать категоріямъ непостижимую сущность, онъ утверждаетъ, что объекты только возникаютъ вмѣстѣ и черезъ посредство категорій.

Далѣе онъ обращается къ скептику Маймону (Maimon), который выставилъ противъ кантовской философіи такое возраженіе: „пожалуй, еще можно допустить, что человѣкъ обладаетъ апріорными формами мышленія,—

но что даетъ ему право прилагать эти законы къ объектамъ? какимъ образомъ онъ вообще подступаетъ къ объекту?"—отвѣчая на этотъ вопросъ Маймону, Фихте утверждаетъ (ib., S. 288): „Этотъ вопросъ нельзя разрѣшить иначе, какъ только такимъ образомъ: она—дѣятельность мысли—должна сама произвести на свѣтъ Божій его—этотъ самый объектъ, какъ уже было показано, по совершенно другимъ основаніямъ и вполнѣ независимо отъ этихъ недоумѣній, въ „Наукоученіи". И въ первомъ введеніи къ „Наукоученію", которое имъ было опубликовано—въ 1797 г.—въ философскомъ журналѣ, онъ объ истинномъ объектѣ своей системы высказывается такимъ образомъ (I, S. 428): „объектъ этой системы дѣйствительно пребываетъ въ сознаніи, какъ нѣчто реальное, но не какъ вещь въ себѣ, благодаря которой идеализмъ перестаетъ быть тѣмъ, что онъ есть, и превращается въ догматизмъ,—а какъ „я" въ себѣ".

Вы видите, такимъ образомъ, какъ здѣсь подтверждается то самое, что я вамъ говорилъ раньше, а именно, что вещь въ себѣ, которая у Канта противостоитъ и остается противостоящей сознанію, у Фихте совершенно мѣняетъ свою прежнюю роль. Субстанція бытія (Ansich der Seins) переходитъ въ само сознаніе, вещь въ себѣ превращается въ я въ себѣ, которое всякое бытіе изъ себя извлекаетъ и собой утверждаетъ, и прежняя пропасть между безконечнымъ и конечнымъ тѣмъ самымъ упраздняется, на что вскорѣ же указалъ и самъ Фихте (I. 454): „Выведеніе изъ чего либо объективной истины—и въ мірѣ явленій, и въ интеллигибельномъ мірѣ—это вѣдь и составляетъ единственную цѣль всякой философіи".

Вы видите теперь, милостивые государи, какъ у Фихте нашла себѣ, наконецъ, удовлетвореніе страстная мольба поэта. Объективный міръ вновь поднялся изъ своихъ развалинъ, и притомъ возсоздался онъ изъ чистой внутренней сущности „я", изъ чистаго мышленія, которое одарило его истинностью и объективностью только потому, что оно его изъ себя самого воздвигло, а одаривъ его объективностью, тѣмъ самымъ вынесло его изъ той сферы потустороннято, въ которой держалъ его кантовскій дуализмъ, и превратило его въ лишенное противорѣчій бытіе своей собственной внутренней сущности, мышленія. Изъ своей груди, изъ чистой внутренней сущности „я" воздвигнулъ Фихте весь міръ, онъ возсоздалъ его изъ праха того безплотнаго явленія, въ которое обратила его кантовская философія.

Въ новомъ и еще болѣе глубокомъ „Изложенія Наукоученія", которое Фихте издалъ въ 1801 году, онъ самъ, наконецъ, развиваетъ идею

тождества абсолютнаго мышленія и указываетъ на то, что абсолютное знаніе есть не что иное, какъ бытіе для самого себя (Das Fursichsein) самого абсолюта. А во второмъ, выпущенномъ имъ въ 1802 году, изданіи своего „Grundlage der gesammten Wisseuschaftslehre“ онъ къ прежнимъ своимъ словамъ: „Я первоначально и рѣшительно утверждаетъ свое собственное бытіе“ дѣлаетъ такое примѣчаніе (I. S. 98): „Все это другими словами значитъ: „я“ необходимо есть тождество субъекта и объекта, есть субъектъ — объектъ“.

Это значитъ, милостивые государи, что здѣсь, въ этихъ цитатахъ уже съ полной ясностью высказанъ принципъ, общій для позднѣйшей философіи Шеллинга и Гегеля, той философіи, которая, наконецъ, освободилась отъ послѣднихъ примѣсей дуализма, присущаго еще философіи Фихте и выражающагося у него въ правилѣ: исходить отъ „я“ или субъективнаго мышленія и противопоставлять ему имъ же утверждаемое и, однако, по отношенію къ нему независимое „не—я“. Лишь въ философіи Шеллингъ—Гегеля впервые дается настоящее и полное развитіе того принципа, до котораго, какъ мы видѣли, поднялась уже мысль самого Фихте. То новое, что подчеркивается въ этой позднѣйшей философіи, есть собственно простое заключеніе: если субъектъ и объектъ идентичны, то тѣмъ самымъ ни одинъ изъ нихъ не является самой вещью, субъектъ— столь же мало, какъ и объектъ, но оба они выражаютъ собою только односторонніе моменты этой вещи, а истинная вещь является ни чѣмъ инымъ, какъ именно этой, въ обоихъ этихъ моментахъ осуществляющейся идентичностью ея, т. е. самимъ процессомъ, который въ объективномъ утверждаетъ себя въ качествѣ существующаго, а въ субъектѣ достигаетъ сознанія о самомъ себѣ, превращается въ бытіе для самого себя (das Fürsichsein). Это двусторониее совершающееся движеніе и является абсолютомъ, который раскрывается предъ нами, съ одной стороны, какъ вещь въ себѣ, которая состоитъ только въ вѣчномъ становленіи для самой себя (das Fürsichwerden), съ другой, наоборотъ, какъ бытіе для самого себя (das Fürsichsein), которое, реализируется въ постоянномъ самообъектированіи; и такимъ образомъ оба фактора—мышленіе и предметный міръ—сливаются теперь въ послѣднее и глубочайшее единство, и въ обоихъ нихъ мы можемъ видѣть только отдѣльные моменты и собственное самосуществованіе всеобщаго духа.

Теперь, милостивые государи, мы можемъ сказать, что мы не только ознакомились съ Фихте, но и разрѣшили задачу, которую мы сами раньше передъ собой поставили, а именно познали духъ его духа,

познали законъ, управлявшій его дѣятельностью, или, если воспользоваться собственнымъ выраженіемъ Фихте, познали то первоначально законодательное начало (das Urgesetsliche), которое заложено въ глубинѣ его духа.

То самое національное начало духа, которое раньше Фихте мы обнаружили уже у Канта, которое въ лицѣ самого Фихте получило для себя только дальнѣйшее, необходимо ему присущее развитіе, которое составляетъ глубочайшую сущность всѣхъ его твореній, составляетъ въ то самое время, когда онъ самъ въ своемъ собственномъ самосознаніи еще заблуждается относительно дѣйствительно выполненной имъ работы, это начало, которое съ присущею ему внутреннею послѣдовательностью развивается далѣе у Шеллинга и Гегеля,—это самое начало и образуетъ собою то, что есть въ его духѣ независимаго отъ всего случайнаго и индивидуальнаго, что является дѣятельнымъ агентомъ, двигательнымъ закономъ, первоначально законодательнымъ началомъ его духа.

Это начало, оставаясь тождественнымъ для всего ряда этихъ титановъ духа, преемственно во всѣхъ нихъ продолжаясь и въ каждомъ изъ нихъ достигая притомъ такой высоты развитія, о которой и не подозрѣвало собственное сознаніе его индивидуальныхъ носителей,—это начало и составляетъ въ нихъ національное или народно-духовное начало. Оно образуетъ собою дѣйствительно общій субъектъ для всего этого ряда философовъ, и всѣ эти индивидуальности, Кантъ, Фихте, Шеллингъ, Гегель, являются только формами, въ которыхъ нѣмецкій духъ приходитъ къ своему самопознанію и достигаетъ въ нихъ все болѣе высокихъ ступеней бытія и саморазвитія.

Отсюда проистекаетъ то, необъяснимое простой случайностью и заслуживающее самого глубокаго изслѣдованія, явленіе, что въ то время, какъ ни англичане, ни французы не могутъ указать ни одного подобного генія,—у насъ въ Германіи ни одно поколѣніе не смѣняется безъ того, чтобы не выставить изъ своей среды по крайней мѣрѣ одного генія, который пламенемъ своего духа питаетъ и усиливаетъ священное пламя Весты—метафизическаго мышленія; пламя, съ которымъ, какъ и въ римской сагѣ, несмотря на его метафизическую сверхчувственность, неразрывно связаны земныя судьбы нашей націи.

Ибо этотъ національный духъ, какъ мы уже говорили раньше, самъ по себѣ, по своему содержанію, есть не что иное, какъ неугасимое стремленіе къ преодолѣнію дѣйствительнаго міра во имя внутренняго существа духа, преодолѣнію все болѣе глубокому и интенсивному, опирающемуся на

глубочайшій духовный принципъ, лежащій въ основѣ дѣйствительности; не что иное, какъ стремленіе къ все болѣе глубокому примиренію духа и реальнаго міра, примиренію, исходящему отъ глубочайшаго теоретическаго уразумѣнія этой противоположности. Это и есть то самое, повторяю я, что мы въ этомъ національномъ самопознаніи отмѣтили, какъ своеобразный законъ развитія нашей націи, а законъ этотъ состоитъ въ томъ, что мы приходимъ къ познанію нашей жизненной миссіи не путемъ разрушенія дѣйствительности, не путемъ позднѣйшаго размышленія о выполненныхъ уже нами дѣяніяхъ, какъ это бываетъ съ другими націями, но мы начинаемъ, наоборотъ, съ глубокаго и теоретическаго преодолѣнія этого конфликта, съ вполнѣ сознательнаго, метафизическаго, а потому и неизгладимаго устраненія призрачной самостоятельности и вещественности объективнаго міра.

Мы начинаемъ отсюда,—говорю я,—но ни въ коемъ случаѣ невозможно оставаться при этомъ исключительно теоретическимъ преодолѣніи, ибо оно,—разъ только дѣйствительность еще сохраняется въ качествѣ противостоящаго враждебнаго принципа,—вмѣсто того глубочайшаго примиренія, которое составляетъ удѣлъ и жизненную миссію нѣмецкаго духа, привело бы, именно благодаря своей теоретической ясности, къ самому рѣзкому контрасту и къ самому убійственному противорѣчію внутри самого сознанія.

„Къ какимъ цѣлямъ,—въ такихъ прекрасныхъ словахъ вопрошаетъ самого себя Фихте (D. R. VII. 394),—направлены всѣ наши усилія въ сферѣ абстрактнѣйшихъ наукъ? если мы отвѣтимъ, что ближайшей цѣлью этихъ усилій является—дальше и дальше развивать эти науки, передавать ихъ отъ поколѣнія къ поколѣнію, насаждать ихъ по всему міру,—то новый вопросъ поднимается предъ нами, для чего же должны мы заботиться о ихъ насажденіи? Очевидно, только для того, чтобы въ опредѣленное время преобразовать всю общественную жизнь, весь строй человѣческой жизни. Эта задача и составляетъ ихъ конечную цѣль; средствомъ къ этой цѣли, хотя бы и осуществленіе ея и состоялось только въ весьма отдаленномъ будущемъ служитъ всякое научное стремленіе, имѣющее цѣлью познать государство“.

Такъ говоритъ Фихте. Мы ознакомились теперь съ строго-спекулятивной философіей Фихте или его наукоученіемъ. Изъ него самъ собою вытекаетъ чисто-нравственный принципъ этики Фихте: беззавѣтная преданность индивидуума чистому „я“ или роду, жизнь въ родѣ и для рода. Однако здѣсь нѣтъ возможности слѣдить за центральной идей фихтевской философіи во всѣхъ ея излученіяхъ. Но на одну часть его философіи мы

должны бросить еще, хотя бы бѣглый, взглядъ: мы имѣемъ въ виду его популярную философію. Мы должны остановиться хотя бы коротко на ней уже просто потому, что этотъ городъ связанъ съ нею особеннымъ интересомъ. Здѣсь, въ этомъ самомъ городѣ, Фихте обрушился на иностраннаго завоевателя съ тѣмъ пламеннымъ краснорѣчіемъ, которое еще и понынѣ способно проникнуть священнымъ трепетомъ каждаго нѣмца, въ душѣ котораго время еще не истребило окончательно высокій даръ воодушевленія. Здѣсь, въ этомъ самомъ городѣ, онъ обратился къ нѣмецкой націи съ тѣми рѣчами, которыя, представляя собою одинъ изъ величайшихъ памятниковъ славы нашего народа, по своей глубинѣ и силѣ далеко превосходитъ все, что въ этой области унаслѣдовано нами изъ литературы всѣхъ временъ и народовъ.

Здѣсь, въ этомъ самомъ городѣ, онъ держалъ въ 1808 году свои знаменитыя рѣчи,—и въ то время, когда все трусливо и испуганно бросилось къ ногамъ всемірнаго властелина, онъ одинъ гордо стоялъ противъ него, поражая его молніей своей мысли, со взоромъ, устремленнымъ къ вѣчности, презирающій всякую опасность, увлеченный своимъ замысломъ, отъ котораго, какъ онъ самъ говоритъ, на него съ самого начала повѣяло дыханіемъ смерти.

Такъ стоялъ онъ здѣсь, вѣчнымъ тріумфомъ увѣнчавшій нравственное величіе всякой истинной философіи! Такъ стоялъ онъ здѣсь, вѣчнымъ тріумфомъ увѣнчавшій далеко проникающее вглубь духовное прозрѣніе всякой истинной философіи! Ибо, въ то самое время, когда властитель міра стоялъ на самой вершинѣ своего ничьимъ сомнѣніямъ недоступнаго могущества, онъ, тріумфаторъ мысли, въ этихъ самыхъ рѣчахъ съ увѣренностью предвѣщаетъ этому тріумфатору великой силы его неизбѣжную и близкую гибель. Теперь, восклицаетъ онъ, при современномъ просвѣщеніи Европы предаваться мечтамъ, что міръ допуститъ покорить себя подъ власть какого-либо новаго всемірнаго монарха?! И далѣе онъ отвѣчаетъ самъ: „Уже много вѣковъ миновало съ тѣхъ поръ, какъ европейскіе народы перестали быть дикими, перестали находить удовольствіе въ разрушеніи ради самого разрушенія. Въ войнѣ всѣ страстно стремятся отыскать путь къ вѣчному миру, на днѣ усилія--найти успокоеніе, за хаосомъ обрѣсти порядокъ,—и всѣ желаютъ въ концѣ своего жизненнаго пути выйти на дорогу мирной и тихой жизни. Нѣкоторое время еще можно поддерживать въ нихъ воинственное воодушевленіе, приковывая ихъ вниманіе къ какому-либо воображаемому національному интересу; но если, чтобы разжечь страсти, вѣчно возвращаются къ одному и тому же мотиву,—то въ концѣ концовъ видѣ-

нія расплываются, и лихорадочное опьяненіе, ихъ породившее, угасаетъ; вновь овладѣваетъ всѣми страстная жажда покоя и мира и встаетъ вопросъ: для чего я все это дѣлаю? Для чего подвергаюсь всѣмъ этимъ испытаніямъ? И передъ міровымъ завоевателемъ нашего времени должна прежде встать эта задача:—съ корнемъ вырвать всѣ эти чувства и въ такую эпоху, когда уже въ силу общихъ свойствъ ея нѣтъ дикихъ народовъ, искусственно воспитать одинъ изъ нихъ".

Внимательно вчитайтесь въ эти слова, милостивые государи,—и вы сами увидите, что они вамъ разскажутъ обо всѣхъ событіяхъ, которыми во Франціи сопровождалось паденіе Наполеона: утомленіе и ненависть къ нему французской буржуазіи, измѣну его маршаловъ, повышеніе ренты на парижской биржѣ послѣ битвы при Ватерлоо; а какимъ парадоксальнымъ должно было казаться это пророчество, съ такой проницательностью высказанное мыслителемъ,—въ то самое время, когда на глазахъ у всѣхъ французское войско и французскій народъ были охвачены общимъ ликованіемъ и восторгомъ!

Однако, какъ ни соблазнительно было бы подробнѣе остановиться на этомъ поразительномъ проявленіи нѣмецкаго генія, я хочу держаться въ рамкахъ поставленной мною задачи: — какъ ораторъ въ философскомъ обществѣ, я принужденъ все экзотерическое [1]) предоставить разсмотрѣнію другихъ круговъ. Но тѣмъ настоятельнѣе встаетъ предъ нами задача—уловить въ экзотерическомъ—экзотерическое [2]) въ особенности, если оно, какъ это и имѣетъ мѣсто въ данномъ случаѣ, не привлекало раньше должнаго вниманія. Даже Гегель не оцѣнилъ по достоинству популярно-философскихъ произведеній Фихте.

Именно, если первые популярно-философскіе доклады объ „основныхъ чертахъ современной эпохи", прочитанные Фихте въ 1804 году въ Берлинѣ, сопоставить съ его рѣчами къ нѣмецкой націи и разсмотрѣть совмѣстно еще нѣсколько отрывковъ изъ его философско-политическихъ произведеній,—то въ нихъ мы найдемъ не менѣе, какъ первый истинный принципъ—философіи исторіи. То, что у Лейбница въ видѣ его еще совершенно неясной и запутанной идеи о предустановленной гармоніи, теодиціи, имѣющей своей задачей объяснить дѣйствительность,—сохраняло еще только форму простого предположенія; то, что позднѣе у Гегеля достигло своего перваго конкретнаго развитія,—вы видите, милостивые государи, что мы

---

[1]) То, что выражается во внѣшнихъ своихъ проявленіяхъ,—здѣсь по отношенію къ массѣ, непричастной къ философскому мышленію.

[2]) Внутреннее зерно, сущность.

здѣсь снова имѣемъ дѣло съ національной, цѣлымъ рядомъ поколѣній выполняемой и постепенно развивающейся работой нѣмецкаго духа—это самое у Фихте впервые выступаетъ въ качествѣ вполнѣ развитого, разумомъ осознаннаго принципа.

Это не трудно выяснить. Въ „Основныхъ чертахъ...“ Фихте отправляется отъ правильнаго, принимаемаго гегелевской философіей, понятія объ исторіи, а именно отъ понятія, согласно которому исторія представляетъ и осуществляетъ въ себѣ развитіе человѣческаго рода къ свободѣ. Законъ этого общаго направленія историческаго процесса онъ называетъ разумнымъ міровымъ планомъ и принимаетъ затѣмъ расчлененіе этого плана во времени, а именно разбиваетъ земную жизнь на нѣкоторые необходимые отдѣлы и эпохи, въ которыхъ осуществляется постепенное развитіе рода къ свободѣ и которые онъ называетъ міровыми эпохами или возрастами, давая имъ болѣе или менѣе подробную характеристику. Въ „Основныхъ чертахъ“ дѣло идетъ лишь о расчлененіи общаго процесса развитія по эпохамъ во времени.

Къ этому въ „Рѣчахъ къ нѣмецкой націи“ и въ позднѣйшемъ „Ученіи о государствѣ“ присоединяется еще попытка со стороны Фихте опредѣлить подлинное и глубочайшее понятіе о томъ, что такое представляетъ собою народъ вобще. Онъ выставляетъ вопросъ „что такое народъ въ высшемъ значеніи этого слова?“ и отвѣчаетъ на него такимъ образомъ: народъ — это есть совокупность людей, которые живутъ вмѣстѣ другъ съ другомъ, которые непрерывно физически самихъ себя изъ себя же порождаютъ и духовно другъ друга формируютъ по своему образу и подобію, которые всѣ вмѣстѣ находятся подъ властью одного опредѣленнаго и особеннаго закона развитія духа, подчинены одному и тому же духовному закону природы и его движенія.

Это понятіе о народномъ духѣ, какъ стоящемъ подъ властью одного опредѣленнаго закона духа и его развитія и его въ себѣ воплощающемъ,— это понятіе теперь позволяетъ, на ряду съ расчлененіемъ мірового плана во времени или по эпохамъ, установить также и пространственное распредѣленіе отдѣльныхъ этаповъ въ развитіи человѣческаго рода къ свободѣ, иначе говоря, позволяетъ признать необходимость и разумность той работы развитія духа, которую выполняютъ отдѣльныя націи; вмѣстѣ съ тѣмъ встаетъ задача постигнуть ту разумную и необходимую связь, какая существуетъ между временнымъ и пространственнымъ рядомъ этаповъ въ этомъ развитіи рода и, сообразно съ этимъ, въ каждой націи уловить то, что дѣлаетъ ее необходимой представительницей опредѣленнаго этапа въ

общемъ развитіи духа. Это значить, милостивые государи, что здѣсь — не упоминая о нѣкоторыхъ представляющихъ большую цѣнность отрывкахъ, которые имѣются у Фихте въ его „Рѣчахъ къ нѣмецкой націи“, въ „Ученіи о государствѣ“ и въ другихъ философско-политическихъ сочиненіяхъ—уже содержится конкретный принципъ философіи исторіи, первая попытка къ развитію котораго была сдѣлана Гегелемъ, а дальнѣйшее и окончательное обоснованіе составляетъ еще и до сихъ поръ одну изъ величайшихъ задачъ нѣмецкаго генія. Но если Фихте принципъ экономіи во всемірно-историческомъ развитіи духа понимаетъ такимъ образомъ, что каждая нація въ процессѣ этого развитія выполняетъ одну опредѣленную и необходимо ей предназначенную функцію, то немедленно же и неизбѣжно встаетъ предъ нами вопросъ: какова же есть та миссія, которую онъ указываетъ намъ, нѣмецкой націи?

Такимъ образомъ, этотъ вопросъ приводитъ насъ къ естественному и неизбѣжному заключенію, благодаря которому мы убѣждаемся въ томъ, что анализъ понятія нашего праздества, понимаемаго въ смыслѣ національнаго самопознанія нѣмецкаго духа,—а отсюда мы первоначально и исходили,—возвращаетъ насъ снова къ нашему первоначальному исходному пункту и только такимъ путемъ и находитъ для себя полное завершеніе.

У Фихте мы узнаемъ, что нѣмецкій духъ есть тотъ дѣятельный законъ, который проявляется во всѣхъ его твореніяхъ: внутри Фихте и того ряда философовъ, къ которому принадлежитъ и самъ Фихте, мы этотъ національный духъ признали за духовный принципъ развитія, достигающій притомъ въ каждой индивидуальности высшей ступени развитія, чѣмъ то сознаетъ сама индивидуальность; теперь, наконецъ, мы должны разсмотрѣть, какъ этотъ національный духъ выражается самимъ Фихте, какимъ мы ему представляемся въ его собственномъ внутреннемъ созерцаніи. И если это вѣрно, что великіе представители націи всегда являются только центрами высшаго самопознанія національнаго духа; далѣе, если самопознаніе, котораго нѣмецкій духъ достигаетъ во внутреннемъ ясномъ и глубоко-отчетливомъ созерцаніи Фихте совпадаетъ какъ разъ съ тѣмъ, что мы у самого Фихте познали какъ законъ, что является ближайшимъ конкретнымъ его воплощеніемъ, то отсюда мы почерпнемъ, наконецъ, вѣрное значеніе о національной субстанціи нашего духа, мы достигнемъ, наконецъ, полнаго самопознанія, какъ нашего положенія въ мірѣ, такъ и нашей жизненной миссіи; и вмѣстѣ съ тѣмъ только теперь мы можемъ во всей его глубинѣ уразумѣть глубокій смыслъ этого національнаго праздества.

Итакъ—какими же являются, по Фихте, миссія и значеніе нѣмецкаго

народнаго духа въ міровой исторіи? Уже въ 1808 г. въ своихъ „Рѣчахъ къ нѣмецкой націи“ онъ выступилъ съ своей основной идеей, согласно которой нѣмцы предназначены къ тому, чтобы для всѣхъ остальныхъ народовъ осуществить въ исторіи принципъ совершенствованія и неустаннаго развитія. Поэтому во имя самихъ чужихъ народовъ, даже во имя провидѣнія и божественнаго мірового плана, который вѣдь можетъ осуществиться въ дѣйствительности лишь усиліями самихъ людей, онъ насъ заклинаетъ — мужественно стремиться къ возстановленію нашей національной самостоятельности и тѣмъ самымъ обезпечить божественному плану достойное его величіе и утвержденіе въ жизни.

Если спросить, на чемъ основывается Фихте, приписывая нѣмецкой націи право претендовать на такое особое предназначеніе, то намъ особенно подчеркнутъ то обстоятельство,—на него ссылается и Фихте,—что мы говоримъ неискаженнымъ первоначальнымъ языкомъ, благодаря которому сохраняется непрерывная связь со всѣми этапами нашего духовнаго развитія, начиная съ первоначальныхъ. Но если въ этомъ отношеніи мы отличаемся отъ французовъ и англичанъ, то существуютъ другіе народы, которые также могутъ съ гордостью сослаться на то, что они въ чистотѣ сохранили свой первоначальный языкъ, и уже въ „Рѣчахъ къ нѣмецкой націи“ чувствуется, что здѣсь таится какая-то великая мысль, не нашедшая пока еще себѣ полнаго и яснаго выраженія. Пять лѣтъ спустя въ „Ученіи о государствѣ“ эта мысль раскрывается Фихте во всей полнотѣ и опредѣленности, хотя и по другому поводу.

Какою радостью и гордостью, не свободными, правда, отъ нѣкотораго изумленія, должна преисполниться наша грудь, когда мы слышимъ, что нѣмецкій народъ представляетъ собою не только необходимый моментъ въ развитіи божественнаго міроваго плана, какъ и всякій другой народъ, — нѣтъ, но онъ является именно тѣмъ самымъ народомъ, которому одному только суждено явиться носителемъ идеи, той самой идеи, на которой, по Фихте, должно быть воздвигнуто царство будущаго, царство осуществившейся свободы; только имъ можетъ быть заложено основаніе этого царства, этого будущаго вѣка.

„Идея единства нѣмецкой націи,—говоритъ Фихте въ своемъ „Ученіи о государствѣ“ (VII, S. 573), — еще отнюдь не воплотилась въ дѣйствительности; она является всеобщимъ постулатомъ будущаго. Но она утвердитъ собою въ жизни не какую-либо своеобразную особенность націи, — она создастъ свободнаго гражданина“.

И пророчески возвѣщая будущее нѣмецкаго народа, онъ говоритъ въ

томъ же направленіи (IV, S. 423): „Эту задачу—создать государственное единство, создать государство, въ которомъ нераздѣльно и органически растворились бы всѣ его составныя части,—эту задачу и призваны выполнить нѣмцы, и она имъ предуказана въ вѣчномъ міровомъ планѣ. Въ лицѣ ихъ—ихъ будущее государство должно исходить отъ развитого ими принципа личной свободы, но не наоборотъ — не отъ личностей, такихъ, какъ онѣ сложились сперва еще до начала всякаго государства, потомъ — въ тѣхъ отдѣльныхъ государствахъ, въ которыхъ они обособились другъ отъ друга и которыя, какъ простое средство къ высшей цѣли, должны впослѣдствіи исчезнуть.

Такимъ образомъ, только нѣмцамъ суждено будетъ осуществить истинное правовое государство, подобнаго которому еще не было въ мірѣ, — и въ этомъ государствѣ всѣ будутъ воодушевлены столь пылкой преданностью гражданской свободѣ, какую мы встрѣчали только въ древнемъ мірѣ; только въ немъ эта свобода не будетъ окупаться цѣною обращенія огромныхъ человѣческихъ массъ въ рабское состояніе, безъ котораго не могли существовать древнія государства; и это будетъ свобода, основанная на равенствѣ всѣхъ, кто только обладаетъ человѣческимъ обликомъ. Только нѣмцамъ суждено будетъ выполнить эту великую миссію, для нея они прожили тысячелѣтія, для нея они медленно созрѣвали, другихъ элементовъ для этого развитія въ человѣчествѣ не существуетъ".

И какъ бы чувствуя, что никто, даже онъ самъ не въ силахъ не только превзойти, но даже просто подняться до столь же потрясающей силы этого краснорѣчія,—онъ дословно цитируетъ эти самыя свои слова въ заключеніи своего отрывочнаго философско-политическаго произведенія, которое онъ написалъ незадолго до своей смерти.

Но какой бы гордостью и ни должны были наполнить сердце каждаго нѣмца эти слова Фихте о нѣмецкомъ предназначеніи—еще остаются предъ нами вопросы: какъ нужно понимать эти слова великаго мыслителя? Почему въ сонмѣ другихъ народовъ именно намъ выпала великая всемірная историческая честь этого призванія? не заблуждается-ли здѣсь Фихте изъ чувства предубѣжденія въ пользу своей націи? На какой моментъ въ нашей прежней исторіи можемъ мы сослаться, отъ котораго должна начаться эта великая эра и не можетъ начаться никакая другая? Какъ должны мы отнестись къ тому факту, что пятьдесятъ уже лѣтъ прошло со дня смерти Фихте, а мы, повидимому, ни на іоту не приблизились къ осуществленію этого призванія? и, наконецъ, несмотря на кажущуюся парадоксальность

этого вопроса, мы спросимъ себя, насколько наше современное положеніе соотвѣтствуетъ этому призванію?

Дѣло идетъ здѣсь, слѣдовательно, о томъ, чтобы эту мысль Фихте снабдить точной и убѣдительной аргументаціей, которой она, высказанная въ такой апріористической формѣ, не нашла у самаго Фихте,—иначе говоря, нужно продумать ее далѣе въ его же духѣ и вскрыть наружу ея само себя оправдывающее содержаніе. Чѣмъ, болѣе достойнымъ, могли бы мы заняться въ этотъ день, посвященный чествованію Фихте, какъ не стремиться, руководствуясь его духомъ, проникнуть въ смыслъ той идеи, которая содержитъ въ себѣ указаніе на духовное призваніе нашей націи? такъ поступая, мы докажемъ, что мы достойны носить имя его потомковъ, что въ насъ продолжаетъ обитать его духъ! Принимаясь за эту трудную задачу, мы, чтобы не сойти съ вѣрной дороги, будемъ пользоваться, какъ вспомогательнымъ средствомъ, отдѣльными отрывками, которые тамъ и сямъ можно найти у самого Фихте, и по нимъ мы будемъ провѣрять правильность нашего истолкованія его мысли.

Повсюду, гдѣ Фихте стремится выяснить различіе между французскимъ и нѣмецкимъ національнымъ характеромъ, онъ исходитъ отъ той мысли, что у французовъ ихъ характеръ сложился подъ вліяніемъ ихъ исторіи, у нѣмцевъ же помимо исторіи и даже вопреки тому, что можно было бы назвать ихъ исторіей (VII, S. 565). „Это замѣчательно,—говоритъ онъ,—характеръ другихъ народовъ—прямой продуктъ ихъ исторіи. Но нѣмцы, какъ таковые, въ теченіе послѣднихъ столѣтій не имѣли никакой исторіи; то, что составляетъ ихъ характеръ, есть поэтому нѣчто безусловно первоначальное; они выросли безъ исторіи.

И въ другомъ мѣстѣ (VII, S. 572): „Итакъ, замѣчательной особенностью національнаго характера нѣмцевъ является ихъ существованіе безъ государства и выше государства, ихъ чисто духовный путь образованія“.

Но что что это значитъ, милостивые государи, что они выросли безъ исторіи? Что создаетъ крѣпкую сплоченность внутри семьи? Это есть общность ея судьбы, ея горестей и радостей, ея успѣховъ и неудачъ. Точно также происходитъ и съ народомъ. Война и миръ, побѣды и пораженія касаются и заставляютъ волноваться весь народъ, отъ одного края государства вплоть до другого,—и подъ этими тяжелыми ударами выковывается прочная цѣпь общей привязанности, создается единство сознанія. Но не такъ было въ Германіи. Одна часть націи равнодушно слѣдила за тѣми войнами, которыя вела другая, даже болѣе, одна извлекала для себя выгоды изъ тѣхъ пораженій, которымъ подвергалась другая. И если мы все же

обладаемъ общимъ нѣмецкимъ національнымъ характеромъ, если онъ глубоко въ насъ вкоренился, то мы получили его не изъ рукъ этой внѣшней исторіи, не изъ ея переживаній.

Эту первую мысль развить было не трудно и притомъ даже въ выраженіяхъ самого Фихте.

Но что значитъ другая фраза: существованіе нѣмцевъ -- и это есть ихъ замѣчательная черта—было существованіемъ безъ государства и выше государства? Здѣсь мысль лежитъ глубже, и намъ необходимо вскрыть ее тѣмъ же путемъ, какъ и раньше.

Когда Людовикъ XIV высказалъ свою знаменитую фразу „l'etat c'est moi"—„государство—это я", то въ ней въ силу ариѳметическаго равенства заключалась уже и другая обратная мысль: „moi c'est le'tat" — „я—это государство". Да и какъ могло бы это быть иначе, милостивые государи? Прекращалось могущество французскаго властелина, умолкалъ и голосъ самого народа; гдѣ его власть находила себѣ границу, тамъ же ограничивалась и сфера вліянія народнаго духа, народныхъ обычаевъ. То и другое взаимно совпадали, и такимъ образомъ совершенно непроизвольно, въ силу самого свойства вещей, создавалось чувство, что этотъ монархъ совпадаетъ съ этимъ народнымъ духомъ и является только его представителемъ.

Совершенно иное положеніе дѣлъ создалось въ Германіи, благодаря княжеской власти; гдѣ власть этого князя надрывалась, тамъ языкъ и духъ этого народа отнюдь не вымирали; гдѣ сфера вліянія этого князя встрѣчала свои границы, тамъ народный духъ, его культура и нравы отнюдь не останавливались, но шли и распространялись дальше. Это неизбѣжно порождало въ сознаніи мысль о несовпаденіи, о расхожденіи обоимъ моментовъ, мысль о самостоятельности и потусторонности княжеской власти относительно народнаго духа.

Княжескую власть можно, милостивые государи, понимать двоякимъ образомъ.

Княжескую власть можно понимать, какъ государственный институтъ. Тогда она является причастной той святости, какая свойственна народному духу и всѣмъ общественнымъ учрежденіямъ, въ которыхъ онъ проявляется.

Или же можно понимать ее не какъ государственный институтъ, но—мы уже говорили объ этомъ—какъ нѣчто самостоятельное и потустороннее относительно народнаго духа; тогда на нее нужно смотрѣть, какъ на собственное и тѣмъ самымъ частное право, на обладаніе народнымъ ду-

хомъ, право, освященное особенной, ему лишь свойственной благодатью; какъ на исторически пріобрѣтенное право, которое обладаетъ другими свойствами и иного рода божественностью, чѣмъ аналогичное право самого народнаго духа.

Ясно, что первое пониманіе совершенно непримѣнимо къ нѣмецкой княжеской власти, потому что ни про одного изъ этихъ князей нельзя сказать, чтобы сфера его вліянія совпадала съ сферой господства нѣмецкаго духа. Что касается отдѣльныхъ народностей, каковы пруссаки, саксонцы, жители Брауншвейга, Вюртемберга и т. д., то по отношенію къ нимъ внутри этихъ мѣстныхъ народныхъ группъ это пониманіе могло бы, повидимому, претендовать на свою истинность, — и, разумѣется, внутри этихъ народностей, оно могло казаться истиннымъ и, по временамъ, дѣйствительно, казалось таковымъ, именно въ эпоху просвѣщеннаго абсолютизма. Но такъ какъ прусскій народный духъ не заключалъ въ себѣ ничего особеннаго сравнительно съ брауншвейгскимъ, саксонскимъ, вюртембергскимъ и т. д. народнымъ духомъ, такъ какъ нѣмецкій народный духъ, оставаясь внутренно тождественнымъ, свободно утверждалъ свое вліяніе и за предѣлами этихъ мѣстныхъ территорій,—то, благодаря этому, невольно сама собою порождалась мысль, и при первомъ же конфликтѣ она должна была глубоко и неизгладимо укорениться въ сознаніи, мысль о томъ, что внутри этихъ случайныхъ народныхъ группировокъ, отнюдь не совпадавшихъ съ сферами вліянія того или другого народнаго духа, княжеская власть была чѣмъ-то частнымъ и постороннимъ, являлась частнымъ правомъ, притязавшимъ на господство среди этихъ случайныхъ народныхъ аггрегатовъ, правомъ, освѣщеннымъ особенной, ему только свойственной благодатью,—но отнюдь не государственнымъ установленіемъ. Это и составляетъ то, что мы назвали: существованіе нѣмцевъ безъ государства. И то, что мы, при всѣхъ видимыхъ формахъ государства, внутри его не образуемъ никакого дѣйствительнаго государства, но составляемъ объектъ частнаго владѣнія, — это-то и является величайшимъ нашимъ несчастіемъ, составляетъ весь ужасъ, какую-то абстрактность нашего существованія. Мы живемъ въ состояніи вѣчнаго кризиса, который, какъ кошмаръ, неустанно давитъ на грудь всего населенія, — и кризисъ этотъ состоитъ въ томъ, что наша княжеская власть является не государственнымъ институтомъ, но совершенно постороннимъ, въ народномъ духѣ не получившемъ своего освященія, правомъ господствовать надъ этимъ духомъ, почему она еще до сихъ поръ не обладаетъ истиннымъ бытіемъ и не добилась признанія себя государствомъ.

Это и составляетъ то, что Фихте назвалъ нашимъ существованіемъ безъ государства.

Но то, что мы, не взирая на все это, не имѣя общей исторіи, не имѣя никакого государственнаго воспитанія, — тѣмъ не менѣе крѣпко сохранили въ себѣ идею нѣмецкаго народа и его національности,—это и составляетъ то, что мы назвали нашимъ существованіемъ выше государства.

Но въ какомъ видѣ мы сохранили эту идею, въ какомъ видѣ мы только и могли сохранить ее?

Въ видѣ чисто-духовнаго образованія,—говоритъ Фихте,—т. е. въ видѣ чисто метафизической сущности, лишенной исторической реальности; въ видѣ чисто-внутренняго, чисто-духовнаго понятія о народѣ, лишеннаго внѣшняго бытія; т. е. какъ чистое мышленіе, причемъ оно проявляется то въ формѣ идеальной страстной тоски—у нашихъ поэтовъ, то въ формѣ упорной работы метафизики—у нашихъ великихъ философовъ; причемъ и то, и другое, въ своемъ внутреннемъ развитіи, по своему содержанію и значенію состоитъ, какъ мы видѣли, именно и исключительно въ томъ, чтобы преодолѣть эту противоположность между бытіемъ и мышленіемъ, чтобы утвердить принципъ тождества того и другого, чтобы извлечь его изъ глубочайшихъ нѣдръ нашего духа.

И именно здѣсь впервые раскрывается огромное національное и политическое значеніе нѣмецкой метафизики, раскрывается во всемъ своемъ истинномъ и глубочайшимъ содержаніи, — и нѣмецкая метафизика является теперь предъ нами, какъ глубочайшій типичный законъ, накладывающій свою печать на всю нѣмецкую исторію, какъ прообразъ, который уже заключаетъ въ себѣ форму и содержаніе, направленіе и цѣль нашего реальнаго политическаго развитія.

Такимъ образомъ, этотъ нѣмецкій духъ, который до сихъ поръ все еще существуетъ только въ формѣ чисто-духовнаго образованія, который къ тому же преодолѣлъ внутри себя противоположность между бытіемъ и мышленіемъ и въ силу этого знаетъ бытіе и его для себя требуетъ, какъ безусловно ему принадлежащую дѣйствительность,—этотъ самый нѣмецкій духъ является тѣмъ, что разумѣетъ Фихте, когда онъ говоритъ: понятіе о нѣмецкомъ народѣ отнюдь еще не есть дѣйствительность, оно есть только постулатъ будущаго; постулатъ, т. е. требованіе будущей дѣйствительности, которою онъ пока еще совершенно не обладаетъ,—но, какъ требованіе ея, онъ безусловно существуетъ, потому что все его духовное образованіе и развитіе, смыслъ всей его прежней жизни заключается не въ чемъ иномъ, какъ только въ слѣдующемъ: развивать себя въ направленіи къ осуществле-

нію этого требованія, осуществлять его и притомъ осуществлять рѣшительно и безусловно, предварительно внутренне преодолѣвъ его въ себѣ. Итакъ, въ чемъ же состоитъ раскрывающійся здѣсь предъ нами отличительный характеръ этой будущей реальной исторіи? Предоставимъ здѣсь слово опять-таки сначала самому Фихте: „Раньше предъ нѣмцами стояло препятствіе, которое мѣшало имъ сдѣлаться нѣмцами—ихъ характеръ принадлежитъ будущему; теперь онъ заключается только въ надеждѣ на новую и славную исторію. Началомъ ея будетъ великій подвигъ— создать самихъ себя силою своего сознанія. Это было бы славнѣйшее призваніе“.

Создать самихъ себя, силою своего сознанія,—это, по Фихте, и явилось бы славнѣйшимъ, специфическимъ и отличительнымъ призваніемъ нѣмецкаго духа. Но какимъ образомъ? По поводу французской революціи конца прошлаго столѣтія Гегель выразился: съ тѣхъ поръ, какъ солнце стоитъ на твердонебесной планетѣ и вращается вокругъ него,—никогда не видано было, чтобы человѣкъ могъ встать на свою голову, т. е. на свои идеи и согласно имъ воздвигнуть дѣйствительность. Итакъ, заблуждается-ли здѣсь Фихте? или, спросимъ себя, что же является здѣсь специфически-нѣмецкимъ?

Какъ ни колоссальна была задача, стоявшая передъ французской революціей,—французскій народъ имѣлъ уже подъ собою французскую почву, которая окрѣпла подъ нимъ въ процессѣ исторіи. Французская революція принесла поэтому съ собой только иную, преобразованную форму организаціи исторически уже существовавшаго государства. Нѣмецкій народъ не имѣетъ никакой нѣмецкой территоріи! Безплотный духъ встаетъ надъ этимъ народомъ, нѣмецкимъ народомъ—и состоитъ онъ изъ простой духовной сущности, и страстно томится онъ по реальной дѣйствительности— и этотъ духъ есть постулатъ будущаго! Метафизическому народу, нѣмецкому народу въ силу всего его развитія и въ полномъ согласіи его внутренней и внѣшней исторіи выпала, такимъ образомъ, на долю эта величайшая метафизическая задача; это величайшая всемірно-историческая почесть—изъ чисто духовнаго понятія о народѣ создать для себя національную почву, территорію, изъ чистаго мышленія породить для себя бытіе. Метафизическому народу - метафизическая задача! Это есть актъ, подобный божественному акту міротворенія! Изъ глубины чистаго духа нужно не только породить данную ему реальную дѣйствительность, но даже создать самое пристанище для его бытія, его территорію! Это есть событіе, которое еще ни разу не случалось съ тѣхъ поръ, какъ суще-

ствуетъ исторія. Въ исторіи, начиная съ самой сѣдой древности, каждый народный духъ исходилъ въ своемъ развитіи отъ какой-нибудь опредѣленной сложившейся почвы, которая и служила ему пристанищемъ, и, опираясь на нее, онъ продолжалъ свою работу саморазвитія, внутренно организовывался, отвоевывалъ для себя и канонизировалъ внѣшній міръ. Или же, какъ въ Америкѣ, процессъ канонизаціи отправлялся отъ отдѣльныхъ личностей,—а затѣмъ на территоріи, занятой ими, мало-по-малу путемъ ихъ ассимиляціи слагался какой-нибудь народъ, формировался своебразный народный духъ. Лишь одному нѣмецкому духу—и его собственный внутренній складъ, и сами звѣзды предназначили въ удѣлъ— самому для себя создать свое государство, самую почву для своего бытія, породить ее изъ отвлеченнаго, понимаемаго, какъ чисто-духовное образованіе, понятія о народѣ, породить ее изъ нѣдръ народнаго духа, самого въ себѣ замкнутаго и существующаго въ качествѣ метафизической сущности!

Но если бытіе, порожденное изъ нѣдръ чистаго духа, формировалось, не сплетаясь ни съ какимъ историческимъ, ни съ какимъ естественно-природнымъ и индивидуальнымъ процессомъ, оно можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ только точнымъ отраженіемъ чистой идеи и тѣмъ самымъ неизбѣжно предопредѣляетъ то призваніе къ высочайшей и совершеннѣйшей духовности и свободѣ, которую пророчески предуказалъ ему Фихте. Это и есть глубокій, раскрывшійся предъ нами теперь, смыслъ той задачи: „создать себя силою своего сознанія“,—которую Фихте возвѣстилъ намъ какъ специфическую задачу нѣмецкаго духа, какъ высочайшее изъ всѣхъ историческихъ призваній.

Но,—встаетъ вопросъ,—подобаетъ ли намъ превозноситься величіемъ этого призванія, намъ, когда уже пятьдесятъ лѣтъ протекло со дня смерти, Фихте, а мы все еще не сдѣлали, повидомому, ни одного шага къ реальному осуществленію этой задачи?

И здѣсь, милостивые государи, вы видите, какъ время выполняетъ всѣ предназначенныя ему задачи, какъ оправдывается всякая истинная философія.

Самъ Фихте въ своихъ чтеніяхъ объ основныхъ чертахъ современной эпохи (16 чтеніе) говоритъ: то, что въ одну эпоху составляетъ философію, то въ послѣдующую становится религіей.

Только пятьдесятъ лѣтъ протекло со дня смерти Фихте,—и уже то философское „создать самихъ себя силою сознанія“, которое онъ высказалъ въ философскомъ одиночествѣ своего мышленія, не находя для него

внѣ себя никакого отклика, никакого признанія, никакого сочувствія,— оно превратилось теперь въ религію, и въ популярномъ и догматическомъ выраженіи *„нѣмецкое единство“* священнымъ трепетомъ проникаетъ отнынѣ каждое благородное нѣмецкое сердце.

И въ тотъ день, когда всѣ колокола праздничнымъ звономъ возвѣстятъ о воплощеніи въ жизнь этого духа, возвѣстятъ о рожденіи нѣмецкаго государства,—въ этотъ день мы и отпразднуемъ истинный праздникъ въ честь Фихте, отпразднуемъ брачный союзъ его духа съ дѣйствительностью.

Господинъ Бастіа-Шульце Деличъ,

экономическій Юліанъ,

или

Капиталъ и трудъ.

Посвящается германскому рабочему классу и германской буржуазіи.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

„Юліанъ“, напечатанный мною въ 1862 г., былъ отповѣдью литературной черви. За нимъ послѣдовала, въ моемъ „Отвѣтѣ“ 1863 г., отповѣдь политической и экономической черни, продолжавшаяся въ рядѣ статей и получившая теперь, въ силу внутренней необходимости, теоретическое завершеніе въ новомъ „Юліанѣ“. Внѣшнимъ поводомъ послужила на этотъ разъ „Глава изъ катехизиса нѣмецкаго рабочаго“ господина Шульце-Делича, появившаяся или, по крайней мѣрѣ, попавшая въ мои руки только въ 1863 г. Я захватилъ это сочиненіе съ собою въ курортъ Тараспъ, и только тамъ познакомился, какъ слѣдуетъ, съ господиномъ Шульце, насчетъ котораго до тѣхъ поръ существенно заблуждался и долженъ былъ заблуждаться. Правда, изъ газетныхъ отчетовъ о его сообщеніяхъ, я могъ достаточно ясно видѣть, чего господинъ Шульце изъ себя не представляетъ; но я слишкомъ справедливъ, чтобы рѣшать по газетнымъ отчетамъ, что представляетъ изъ себя господинъ Шульце. Только на основаніи имъ самимъ напечатаннаго сочиненія я могъ съ увѣренностью рѣшить этотъ вопросъ.

Вернувшись въ октябрѣ 1863 г. въ Берлинъ, я рѣшилъ выяснить, что такое господинъ Шульце; и, насколько возможно, соединить съ критикой

его взглядовъ и либеральной экономіи вообще положительное теоретическое изложеніе нѣкоторыхъ важнѣйшихъ основаній политической экономіи; иными словами, вплести это изложеніе въ мою критику. Мнѣ приходилось писать эти страницы среди непрерывной агитаціи, хлопотъ по управленію и корреспонденціи, возложенныхъ на меня Общегерманскимъ Рабочимъ Союзомъ и, вдобавокъ, подъ бременемъ пяти уголовныхъ процессовъ, навлеченныхъ на меня моими агитаціонными брошюрами, то есть, вовсе не имѣя досуга, необходимаго для теоретической работы. При всемъ томъ, я надѣюсь, что ни господинъ Шульце, ни публика не будутъ слишкомъ разочарованы въ своихъ ожиданіяхъ.

Нѣсколько словъ по поводу посвященія.

Посвященіе германскому рабочему классу понятно само собою. Но посвященіе германской буржуазіи, пожалуй, нуждается въ объясненіи.

Эта книга найдетъ сотни прозелитовъ среди буржуазіи и именно въ средѣ наиболѣе способныхъ и интеллигентныхъ представителей этого класса. Большаго не можетъ достигнуть никакая теоретическая работа.

Но я отнюдь не надѣюсь, что она обратитъ къ моимъ взглядамъ буржуазію, какъ классъ. Заставить какой-либо классъ отрѣшиться отъ его дѣйствительныхъ и предполагаемыхъ интересовъ,—этого никакой теоретическій трудъ не сможетъ!

Въ одномъ отношеніи, я надѣюсь, моя книга подѣйствуетъ на германскую буржуазію, какъ классъ. Въ отношеніи стыда за абсолютное, непроходимое ничтожество и бездарность той мелюзги, которую она провозглашаетъ своими героями, вѣнчаетъ лаврами и привѣтствуетъ ликующими кликами,—полагаясь на авторитетъ „газетной братіи“, по выраженію Гёте! Въ самомъ дѣлѣ, врядъ-ли найдется мало-мальски образованный буржуа, который, прочитавъ эту книгу, не почувствуетъ на своихъ щекахъ жгучей краски стыда при мысли о безмѣрно-комическомъ положеніи, занимаемомъ на міровой сценѣ партіей, которая такъ охотно величаетъ себя „свѣтомъ“, и выдвигаетъ въ качествѣ вождей и героевъ, а стало быть и выразителей идейной сути своего класса, такихъ ужасающихъ духовныхъ калѣкъ. Быть можетъ, у нея хоть сколько-нибудь откроются глаза на неизбѣжное при такихъ условіяхъ ничтожество успѣховъ во всякой практической и политической борьбѣ! А вѣдь въ Германіи менѣе, чѣмъ въ какой бы то ни было другой странѣ, должно бы быть мѣста для этого духовнаго оскудѣнія,—если имѣть въ виду наши хорошія старыя традиціи. Но съ другой стороны, несомнѣнно, что именно въ Германіи это оскудѣніе буржуазіи проявляется всего рѣзче. Особенность судьбы Германіи въ томъ, что буржуазія въ ней

стремится къ расцвѣту своей власти не въ эпоху своего собственнаго расцвѣта, какъ это было во Франціи и въ Англіи, а въ такую эпоху, когда этотъ расцвѣтъ, въ силу дальнѣйшаго общаго историческаго развитія, уже подточенъ внутренней гнилью. Такъ называемый буржуазный періодъ міровой исторіи,—ниже я поясню точный смыслъ и содержаніе этого выраженія, —заканчивается, а наша буржуазія наивнѣйшимъ образомъ принимаетъ конецъ періода за его начало, и ей чудится, будто она въ себѣ самой ощущаетъ вѣяніе весны и распусканіе почекъ. Этотъ идейный анахронизмъ, сказываясь на всѣхъ частностяхъ, опредѣляетъ духовныя черты того печальнаго образа, который она собою являетъ.

Если наша буржуазія желаетъ играть какую-нибудь роль, то этого она можетъ достигнуть, лишь найдя въ себѣ силы для новаго мышленія и ученія,—только не по газетамъ! Но уже въ теченіе почти цѣлаго поколѣнія она думаетъ и учится только по газетамъ, избѣгая всякаго другого мышленія и ученія,—и вотъ непосредственная причина того, что изъ когда-то крупныхъ и значительныхъ задатковъ развился такой жалкій карликъ.

Еще пару словъ экономистамъ.

Въ моей, напечатанной въ 1861 г., „Системѣ пріобрѣтенныхъ правъ", ч. I, стр. 264, я говорю: „Въ соціальномъ отношеніи міръ стоитъ передъ вопросомъ, должно-ли теперь, когда не существуетъ правъ на непосредственное обладаніе другимъ человѣкомъ, сохраниться право на его непосредственную эксплуатацію, т. е.: можетъ-ли быть свободное проявленіе и развитіе рабочей силы исключительною собственностью обладателя трудового матеріала и трудовыхъ средствъ (капитала), и, слѣдовательно, можно ли признать за предпринимателемъ, какъ таковымъ, независимо отъ вознагражденія за умственный трудъ, право собственности на чужую трудовую цѣнность (премія капитала, прибыль на капиталъ, образующаяся вслѣдствіе разницы между продажной стоимостью продукта и суммой платы и вознагражденія за всѣ работы, въ томъ числѣ и умственную, которыя какимъ бы то ни было способомъ содѣйствовали появленію продукта)".

Въ этомъ положеніи, какъ легко видѣть всякому знакомому съ дѣломъ, содержится, въ самой сжатой формѣ, программа политико-экономическаго труда, который я въ то время намѣревался написать въ систематической формѣ подъ заглавіемъ „Основы научной политической экономіи". Я собирался приступить къ исполненію этого намѣренія, когда въ началѣ 1863 г. вопросъ предсталъ передо мною въ практической постановкѣ, благодаря письму Лейпцигскаго Центральнаго Комитета. Я написалъ мой „Гласный

отвѣтъ“, началась агитація, и, понятно, для меня не могло уже быть рѣчи о досугѣ и размышленіи, необходимыхъ для такой работы.

Какъ часто съ тѣхъ поръ я жаловался про себя, что практическая агитація предшествовала теоретической! Какъ часто я сожалѣлъ, что мнѣ не удалось выработать сначала теоретическій кодексъ, въ которомъ практическая агитація нашла бы твердое основаніе относительно всѣхъ теоретическихъ вопросовъ. Дѣло въ томъ, что политическая экономія — наука, которую еще нужно создать; въ настоящее время существуютъ только ея начатки!

Но какъ ни горько я жаловался прежде, — теперь не жалуюсь! Правда, и въ предлагаемомъ сочиненіи я даю лишь небольшую, сравнительно, часть того, что могъ бы развить въ упомянутомъ трудѣ, и эта моя работа лишена преимуществъ систематическаго, шагъ за шагомъ, изложенія, но, съ другой стороны, указанные недостатки въ достаточной мѣрѣ возмѣщаются жизненностью и силой полемической формы изложѣнія; и, во всякомъ случаѣ, здѣсь нашли мѣсто важнѣйшія основоположенія.

А главное: мы переживаемъ моментъ великаго возбужденія! Нація пробудилась отъ экономической спячки! Вездѣ и всюду соціальный вопросъ становится вопросомъ дня. Эту книгу будутъ читать сотни и тысячи людей, которые равнодушно и безучастно отвернутся отъ тяжеловѣснаго систематическаго трактата, находящаго читателей только среди привыкшей къ отвлеченностямъ ученой публики.

Такъ что и въ этомъ отношеніи моя звѣзда поблагопріятствовала мнѣ!

Берлинъ, 16 января 1864.

Ф. Лассаль.

ВВЕДЕНІЕ.

Быть можетъ, въ первую минуту покажется страннымъ, почему я начинаю съ цитаты изъ сочиненій Шеллинга. Но чѣмъ дольше читатель будетъ подвигаться къ концу этой книги, тѣмъ болѣе будетъ сама собою выясняться причина такого вступленія. Поэтому я, безъ дальнѣйшихъ комментаріевъ, привожу въ качествѣ вступленія слѣдующее мѣсто изъ Шеллинга.

Отвѣчая на рецензію „Jenaer Allgemeine Litteratur-Zeitung“ Шеллингъ говоритъ [1]):

„Вообще же нетрудно опредѣлить, къ какому классу людей принадлежитъ этотъ рецензентъ. Кромѣ безстыдства, съ которымъ онъ вступаетъ въ защиту науки и докторскаго достоинства, хотя обнаруживаетъ большее невѣжество, чѣмъ любой студентъ, который учится теперь въ какомъ-нибудь университетѣ и, вздумавъ выступить кандидатомъ на докторскую степень при Бамбергскомъ медицинскомъ факультетѣ, былъ бы съ позоромъ устраненъ за невѣжество,—его характеризуетъ развязность, съ какою онъ обращается къ интеллигентной и просвѣщенной публикѣ. Это общая, родовая черта многочисленной категоріи людей, которая образовалась и постоянно растетъ съ тѣхъ поръ, какъ успѣхи науки и искусствъ отодвинули множество лицъ на полстолѣтія назадъ. Характерная черта этого класса та, что онъ все еще воображаетъ себя образованнымъ, стоящимъ на уровнѣ времени, на высотѣ современнаго вкуса и сужденія, и, состоя изъ глубочайшихъ невѣждъ, для которыхъ изъ всѣхъ видовъ дѣятельности доступны развѣ сплетни, считаетъ себя хорошимъ обществомъ и просвѣщенной публикой. Скажите имъ, что они давно уже перестали принадлежать къ современному міру,—они не примутъ этого въ серьезъ; попробуйте увѣрять, что ихъ совершенно серьезно считаютъ шушерой,—они не возьмутъ этого въ толкъ; поклянитесь, что на нихъ смотрятъ, какъ на отжившее племя,—они опять-таки не повѣрятъ искренности вашего заявленія и увидятъ въ немъ только грубость. Словомъ, ихъ не вразумишь, и они такъ сжились съ своей пошлостью, такъ неспособны поразмыслить надъ ней, что рѣшительно не въ силахъ понять, какъ можетъ порядочный человѣкъ третировать и принимать ихъ за то, что они есть, то есть за сволочь.

Любимое словечко, которое они то и дѣло повторяютъ безъ всякаго смысла,—хорошій тонъ. Точно можетъ быть хорошій тонъ въ отношеніи шушеры!

Въ рецензіи, напечатанной въ „Litteratur-Zeitung“, одинъ изъ этихъ пошляковъ убѣждаетъ другого, что образованная публика не одобряетъ тона, принятаго современными философами въ отношеніи противниковъ; а въ одномъ журналѣ, издаваемомъ аптекаремъ для аптекарей, мнѣ рекомендовалось даже взять примѣръ съ аттической вѣжливости. Желалъ бы я знать, какой такой памятникъ аттической вѣжливости случилось читать этому господину; и воображаю, какъ удивилась бы эта публика, которой,

---

[1]) Сочиненія Шеллинга, отд. 1, т. IV, стр. 557.

попади она въ древнюю Грецію, пришлось бы исполнять развѣ что самыя низкія обязанности рабовъ или илотовъ,—воображаю, какъ бы она удивилась, доведись ей испытать на себѣ образчикъ аттической вѣжливости. Эти воплощенные и заклятые варвары, способные уважать только родственную имъ грубость, лишенные всякой воспріимчивости къ идеямъ, къ истинѣ и красотѣ, готовы объявить пагубнымъ все, что заявляетъ претензію на эти вещи, лишь бы нашлось ухо, склонное ихъ слушать, а такъ какъ простой руганью ничего не возьмешь, то ихъ гнусность выражается въ готовности взывать къ правительству и начальству, какъ сдѣлалъ, между прочимъ, рецензентъ Решлаубскаго магазина въ „Іенской литературной газетѣ“. Фанаберія „образованной публики“ убиваетъ въ нихъ даже чувство приличія, которое могло бы подсказать, что правительства врядъ-ли станутъ безпокоиться изъ-за болтовни салопницъ. Пока государства и все, что въ нихъ есть высокаго и священнаго, основываются на этихъ началахъ, тѣ, въ которыхъ персонифицируется реальность, будутъ считать пагубнымъ именно этотъ пробивающійся порокъ пошлости, неспособный питать уваженіе не только вообще къ идеѣ, но и ко всему, что выдается надъ уровнемъ пошлости, ко всему, что носитъ печать возвышеннаго и божественнаго. Господство черни въ искусствахъ и наукахъ, если бъ оно наступило или было поощряемо, явилось бы предвѣстникомъ совершенно иного господства черни. Этотъ, не воображаемый и такъ называемый, а настоящій и подлинный санкюлотизмъ, готовый отбросить почтеніе ко всему великому, истинному и прекрасному, чтобы безъ всякой помѣхи валяться въ грязи своей пошлости, отвергая верховную власть генія, таланта и идей, отвергаетъ и всякую другую верховную власть; такъ какъ всякая власть или суверенитетъ на землю, велика ли она или мала, господствуетъ только въ силу идей, и если въ народѣ теряется уваженіе къ идеямъ, если неуваженіе къ нимъ даже защищается или поощряется, то необходимымъ результатомъ явится неуваженіе ко всему, что можетъ быть уважено только благодаря могуществу идей. Взывая къ правительству, эти люди стараются также взволновать и большую публику, что, очевидно, имѣется въ виду въ указаніи на бамбергскіе тезисы“.

. . . .

„Все это окажется недостаточнымъ, и чѣмъ дальше вникать въ дѣло, тѣмъ неизбѣжнѣе придешь къ такому выводу:

„Авторъ этого извѣта даже не цирюльникъ,—не говоря уже о принадлежности къ медицинскому факультету,—но совершенный профанъ въ медицинѣ“.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Сначала придется, даже рискуя утомить читателя, довольно долго передавать, буквально и безъ пропусковъ, содержаніе вашихъ, господинъ Шульце, сообщеній, только сопровождая ихъ нашимъ критическимъ аккомпаниментомъ. Мы вынуждены избрать этотъ методъ и слѣдовать ему въ теченіе нѣкотораго времени, дабы никто не подумалъ, что мы выбираемъ у васъ только плохое, а хорошее игнорируемъ.

Мы сохраняемъ, по этому, ваше подраздѣленіе предмета и предоставляемъ вамъ рѣчь:

„I. Трудъ".

„а) Сущность и цѣль труда. Общественная самопомощь".

„Мы начинаемъ,—говорите вы,—обсужденіе этой важной темы съ того ближайшаго и самаго естественнаго, что происходитъ ежечасно и ежедневно въ насъ самихъ и передъ глазами всѣхъ, и для пониманія чего нуженъ только здравый смыслъ и охота къ размышленію, а учености никакой не требуется. Пусть каждый обратится на минутку къ себѣ самому, заглянетъ внутрь себя, пусть онъ затѣмъ обратитъ вниманіе на другихъ: что собственно даетъ человѣку толчокъ къ дѣятельности и обезпечиваетъ ему успѣхъ, скажемъ, хотя бы средства къ жизни? Какая побуждающая и дѣйствующая сила проявляется въ насъ при этомъ?

„Тутъ мы замѣчаемъ двѣ вещи, прирожденныя всѣмъ намъ: потребности и способности. Съ тѣми и другими являемся мы на свѣтъ, и что такое наши потребности, мы знаемъ какъ нельзя лучше объ этомъ намъ напоминаетъ каждый часъ. Но дѣло обстоитъ такъ: въ каждой потребности уже изначала заложено (!) побужденіе къ удовлетворенію, такъ какъ по болѣе или менѣе сильному выраженію этого побужденія мы узнаемъ о существованіи самой потребности (!). Такъ, о потребности ѣсть и пить мы узнаемъ по голоду и жаждѣ (!!), т. е. побужденію ѣсть и пить, о потребности въ отдыхѣ по усталости (!!), т. е. побужденію отдохнуть".

„Besoin—effort—satisfaction", „потребность—усиліе—удовлетвореніе": такъ начинается знаменитый политико-экономическій букварь Бастіа: „Harmonies économiques", критическое достоинство котораго мы увидимъ въ теченіе дальнѣйшаго изложенія. „Потребность—усиліе—удовлетвореніе" повто-

ряете вы, какъ его вѣрный двойникъ [1]). Но, какъ нѣмецъ, вы знаете, что у насъ, нѣмцевъ, принято не ограничиваться остроумничаньемъ, а основательно и осмысленно исходить изъ опредѣленій, изъ точно установленныхъ различій въ понятіяхъ.

Вы хотите поэтому напустить на себя передъ рабочими видъ основательной осмысленности, приставляете палецъ къ носу и различаете между „потребностью ѣсть и пить и голодомъ и жаждой“ или „побужденіемъ ѣсть и пить“, между „потребностью отдыха“ и „усталостью или побужденіемъ къ отдыху“.

Мы, прочіе смертные, да вѣроятно и ваши рабочіе, пока они не слыхали васъ, думали до сихъ поръ, что „потребность“ и „побужденіе къ удовлетворенію“ одно и то же, что это лишь различныя слова для обозначенія одной и той же вещи.

Мы въ нашей ограниченности думали до сихъ поръ, что „потребность ѣсть“ и „голодъ“ или „побужденіе ѣсть“, „потребность пить“ и „жажда“ или „побужденіе пить“, „потребность отдыха“ и „усталость“ или „побужденіе отдохнуть“ рѣшительно тоже самое.

---

[1]) „Катехизисъ“ господина Шульце есть ничто иное, какъ извлеченіе, resp. переводъ, изъ дѣтской книжки Бастіа, доставившій послѣднему такую незаслуженную репутацію среди либеральныхъ экономистовъ. Разница лишь въ томъ, что остроуміе и блескъ формы Бастіа, помогшіе ему пріобрѣсти эту незаслуженную репутацію, у господина Шульце исчезли, и сухая безтолковщина сути выступаетъ въ обнаженномъ видѣ.— Берлинскій прогрессивный экономистъ, господинъ Фаухеръ, заявилъ какъ-то въ здѣшнемъ экономическомъ обществѣ, что Бастіа „уничтожилъ“ Прудона и соціализмъ. Уничтожить экономически г. Прудона было, конечно, нетрудно, такъ какъ онъ никогда не былъ экономистомъ. Но что касается соціализма, то этотъ послѣдній при моемъ посредствѣ не затруднится оказать ту же услугу—по теоріи Бастіа, это называется услуга за услугу—господину Бастіа, съ позволенія господина Фаухера. Но было бы совершенно лишнимъ и утомительнымъ, какъ для автора, такъ и для читателя, всякій разъ приводить рядомъ съ словами нѣмецкаго Бастіа тожественныя слова французскаго Шульце. Поэтому достаточно разъ навсегда указать на это тождество, въ которомъ легко можетъ убѣдиться всякій нѣмецъ, знающій французскій языкъ, и всякій французъ, понимающій по-нѣмецки. Только тамъ, гдѣ это потребуется въ интересахъ критической отчетливости и точности, напр., излагая теорію цѣнности и услуги, мы позволимъ себѣ приводить рядомъ съ Шульцевскимъ переводомъ подлинныя слова Бастіа и притягивать его къ отвѣту. Случается, конечно, господину Шульце высказывать нелѣпости, въ которыхъ Бастіа не повиненъ,—эти случаи мы будемъ отмѣчать изъ чувства справедливости.

Передъ вашимъ остроуміемъ это оказалось несостоятельнымъ. Вы различаете между „потребностью“ и особеннымъ „побужденіемъ къ ея удовлетворенію“, которое заложено въ потребности. Вотъ „образованіе“, которое вы даете вашимъ рабочимъ. Съ какимъ торжествомъ эти люди вернутся домой, какъ будутъ они гордиться своимъ „образованіемъ“, узнавъ, что голодъ и жажда или „побужденіе ѣсть и пить“, „усталость“ или „побужденіе отдохнуть“ — нѣчто отличное отъ потребности ѣсть и пить или потребности въ отдыхѣ!

Эта безсмысленная фабрикація словъ — теоретическая основа вашихъ политико-экономическихъ воззрѣній. И, безъ сомнѣнія, это самая подходящая основа воззрѣній, которыя съ начала до конца, какъ мы увидимъ, сводятся къ пустословію безъ признаковъ мысли, къ словесной кашѣ, назначеніе которой замазать, подобно клейстеру, мозги рабочихъ и даже тѣхъ образованныхъ, у кого не хватитъ критической проницательности, чтобы разобрать полнѣйшую внутреннюю пустоту этой болтовни.

Послѣ этого блестящаго различенія „потребности въ отдыхѣ“ и „побужденія отдохнуть“ вы продолжаете такъ:

„Но удовлетвореніе достигается обыкновенно только посредствомъ дѣятельности, усилія. Жареные рябчики не летятъ въ ротъ людямъ (а мысли тѣмъ менѣе, господинъ Шульце); хлѣбъ, пищу, одежду и т. п. не найдешь на улицѣ, ихъ нужно заработать“.

Вы очевидно хотите сказать: „Пищу, одежду и т. п. надо произвести“. Но именно это „заработать“ неоцѣнимо, господинъ Шульце, и характерно для васъ.

Вы хотите читать рабочимъ политико-экономическія лекціи. Вы хотите имъ показать, какъ размышленіе приводитъ къ убѣжденію въ необходимости и законности существующей системы хозяйственныхъ учрежденій. Вы хотите вывести эту систему изъ самой „сущности труда“, разсмотрѣніемъ которой начинаете ваши лекціи. Но „заработокъ“ или прибыль, экономическій „заработокъ“, о которомъ вы говорите, есть уже крайне сложное экономическое явленіе. Это явленіе уже предполагаетъ общество, производство котораго опирается на вполнѣ развитой базисъ мѣновой стоимости; оно предполагаетъ капиталъ, конкуренцію, частнаго предпринимателя, заработную плату. Всѣ эти отдѣльныя исторически-развившіяся учрежденія должны быть налицо, чтобы могъ имѣть мѣсто „заработокъ“ [1]).

[1]) Нѣмецкое слово „Verdienst“ значитъ „заработокъ“ и „прибыль“. Въ русскомъ языкѣ эти два понятія не сливаются въ одномъ терминѣ,

Въ Перу, напр., господинъ Шульце, въ высокоцивилизованномъ государствѣ инковъ поразительно много производили и работали, но не „заработывали“ [1]). Въ основанномъ на рабствѣ хозяйствѣ древности тоже не было „заработка“. Его не было даже въ натуральномъ хозяйствѣ начала среднихъ вѣковъ, господинъ Шульце!

Предполагая существованіе современныхъ хозяйственныхъ учрежденій, „заработокъ“ или „прибыль“ предполагаетъ и ихъ объясненіе, т. е. объясненіе мѣновой цѣнности, капитала, обращенія, конкуренціи, частнаго предпринимательства, наемнаго труда и общества, неизмѣнно проводящаго всѣ свои продукты сквозь денежную форму, — и изъ этихъ понятій она должна быть выведена, чтобъ стать понятной.

Ничего этого вы не объяснили и не можете объяснить. Вы остаетесь еще только на второй страницѣ вашего „Катехизиса“. Вы коснулись только естественной сущности труда и еще не вывели изъ нея общественную форму труда. Поэтому, вы не можете еще говорить о „заработкѣ“.

Но именно это—драгоцѣнная черта для вашей характеристики, господинъ Шульце! Ваша мелкобуржуазная душа такъ поглощена особенными, нынѣ существующими, учрежденіями, что вы даже въ мысляхъ не можете отрѣшиться отъ нихъ хоть на минуту; не можете освободиться отъ нихъ настолько, чтобы выводить и объяснять ихъ. Вмѣсто того, чтобы объяснять, вы попросту предполагаете ихъ,—и въ этомъ-то и суть путаницы, проявляющейся съ такой драгоцѣнной очевидностью на каждой страницѣ вашего безсмысленнаго пустословія.

Даже естественную сущность труда, простую дѣятельность производства, созданія потребительныхъ цѣнностей вы не можете мыслить иначе, какъ въ формѣ спекуляціи капиталиста, одержимаго маніей прибыли!

Вы правильно назвали вашу книгу „Катехизисомъ“. Превратившійся въ

какъ въ нѣмецкомъ. Поэтому, въ подлинникѣ еще рѣзче, чѣмъ въ переводѣ, выступаетъ нелѣпость и непродуманность мнѣній Шульце, въ глазахъ котораго „заработокъ“ (сложное, обусловленное опредѣленной, исторически развившейся, формой экономическихъ отношеній, явленіе) оказывается фактомъ элементарнымъ, первичнымъ, обусловленнымъ человѣческой природой, какъ таковой, независимо отъ всякихъ общественныхъ формъ. *М. Э.*

[1]) См. объ организаціи труда въ Перу, напр., „Исторію завоеванія Перу“ Вильяма Прескотта, Лондонъ, 1858. Т. I, гл. 2, 4 и 5. Въ Перу не знали и денегъ, ни золотыхъ и серебряныхъ, ни изъ какого либо другого матеріала, несмотря на высокое развитіе производства и искусства и богатство страны металлами.

религію догматъ прибыли спекулирующаго капиталиста заранѣе, какъ самое непосредственное данное вашего духа, сообщаетъ вамъ всю непосредственность и рвеніе вѣрующаго.

Даже „работникъ“ для васъ только мелкій, ограниченный предприниматель!

Вы продолжаете ваши глубокомысленныя разсужденія:

„Разъ побужденіе къ удовлетворенію потребности становится достаточно сильнымъ, чтобы преодолѣть естественную лѣность, присущую всѣмъ людямъ, оно пришпориваетъ существующія способности, заставляя ихъ выступать на сцену для облегченія достиженія цѣли, и путемъ упражненія и привычки развиваетъ ихъ въ силы и навыки. Нѣтъ болѣе тягостнаго состоянія, чѣмъ состояніе неудовлетворенной потребности, и потому этотъ стимулъ такъ силенъ и постояненъ, что исчезаетъ въ насъ только вмѣстѣ съ самой жизнью.

„Этотъ простой процессъ: потребность—усиліе—удовлетвореніе—составляетъ все содержаніе человѣческой жизни; понимая, конечно, потребность не въ узкомъ смыслѣ часто физической нужды, а принимая въ расчетъ все разнообразіе побужденій и задатковъ нашей природы. Итакъ, въ потребности, въ побужденіи къ ея удовлетворенію таится движущая сила, скрытая пружина, которая толкаетъ и ведетъ людей къ намѣченнымъ цѣлямъ, тѣмъ непреодолимѣе, что безъ удовлетворенія массы потребностей мы не могли бы существовать,- такъ что, стало быть, она совпадаетъ съ инстинктомъ самосохраненія, сильнѣйшимъ изъ инстинктовъ у всѣхъ живыхъ существъ. Ей противуполагается удовлетвореніе, какъ моментъ достиженія цѣли и покоя, причемъ, однако, изъ его нѣдръ постоянно выростаютъ новыя потребности, чтобы въ непрерывномъ круговоротѣ снова быть погребенными въ его нѣдрахъ. Укажу на раньше приведенные примѣры голода и отдыха. Съ послѣднимъ глоткомъ уже начинается пищевареніе, съ первыми шагами и дѣйствіями въ началѣ дня—затрата силъ: то и другое источники новаго голода, новой усталости.

„Но человѣкъ есть существо, одаренное способностью къ самосознанію и самоопредѣленію, разсудкомъ и волей. Поэтому, онъ можетъ, съ одной стороны, познать законъ этого круговорота, степень необходимости отдѣльныхъ потребностей, ихъ регулярное возвращеніе, а съ другой стороны онъ неизбѣжно будетъ стремиться къ обезпеченному положенію, къ воздѣйствію на процессъ, столь существенно обусловливающій все его существованіе, приложитъ всѣ силы, чтобы овладѣть имъ и регулировать его. Мы знаемъ, что завтра и во всѣ послѣдующіе дни намъ потребуется ѣда, жилище,

платье, мы знаемъ смѣну временъ года, возрастающія потребности нашей семьи, требованія дѣловыхъ предпріятій, и естественно дѣлаемъ все, чтобы имѣть необходимое намъ подъ рукой въ надлежащее время. Это сознательное вмѣшательство человѣка въ охарактеризованный нами круговоротъ его существованія, (потребность — усиліе — удовлетвореніе) и есть тотъ великій факторъ, та главная дѣйствующая сила въ хозяйствѣ человѣчества, которой мы теперь занимаемся — трудъ. Трудъ — это всякая планомѣрная дѣятельность человѣка, направленная, въ предвидѣніи будущихъ потребностей, на удовлетвореніе послѣднихъ. Трудиться въ этомъ смыслѣ можетъ только человѣкъ, такъ какъ его одного изъ всѣхъ существъ земного шара природа надѣлила необходимыми для этого способностями разума и воли. Правда, и животное примѣняетъ свои силы для удовлетворенія своихъ потребностей и дѣлаетъ усилія въ этомъ смыслѣ, но обыкновенно лишь въ тотъ моментъ, когда потребность ощущается, и только до тѣхъ поръ, пока она ощущается. Это, однако, не значитъ работать, какъ нельзя назвать работой дѣйствіе путника, который зачерпнетъ изъ ручья воды или сорветъ съ дерева плодъ, чтобъ утолить жажду или голодъ. Только когда человѣкъ носитъ воду въ сосудахъ для употребленія въ домашнемъ хозяйствѣ, или собираетъ ягоды и фрукты про запасъ, — онъ работаетъ, такъ какъ только въ этомъ случаѣ можетъ быть рѣчь о расчетахъ, связанныхъ съ заботой о будущемъ".

Итакъ, вы опредѣленно заявляете, что „трудъ" есть только „всякая планомѣрная дѣятельность человѣка, направленная, въ предвидѣніи будущихъ потребностей, на удовлетвореніе послѣднихъ".

Рѣшительно сказано! Выходитъ по вашему, что дѣятельность, направленная на удовлетвореніе настоящихъ потребностей, не есть „трудъ!"

Вмѣсто того, чтобы усматривать разницу между человѣческой работой и дѣятельностью животныхъ попросту въ томъ, что человѣкъ дѣйствуетъ сознательно, животное же нѣтъ—разница, изъ которой само собою вытекаетъ, что человѣкъ, въ силу своей сознательной дѣятельности, работаетъ и для будущихъ потребностей, поскольку настоящія развязываютъ ему для этого руки—вы заходите гораздо дальше и устанавливаете теоретическое положеніе: дѣятельность человѣка отличается отъ дѣятельности животнаго собственно тѣмъ, что она направлена на удовлетвореніе „будущихъ потребностей".

Какъ вы дошли до такого чудовищнаго произвольнаго утвержденія? Неужели вы не видите его нелѣпыхъ и смѣшныхъ послѣдствій?

Выходитъ, что трудъ раба—такъ какъ рабъ ни на минуту не бываетъ

собственникомъ своего продукта и не можетъ помѣшать господину немедленно растратить его,—не человѣческій трудъ, а дѣятельность животнаго? Вѣдь это неизбѣжно слѣдуетъ изъ вашего опредѣленія! Или возьмемъ наши современныя отношенія. Положеніе рабочаго класса характеризуется именно тѣмъ, что во вскяомъ случаѣ громадное большинство рабочихъ не можетъ ничего откладывать; оно характеризуется тѣмъ, что ежедневный трудъ обезпечиваетъ громадному большинству рабочихъ только ежедневное пропитаніе, и стало быть объ откладываніи для будущихъ потребностей — сбереженіи — не можетъ быть и рѣчи.

Вы сами признали это, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ заявленіяхъ, которыя вы высказывали сотни разъ, утверждая. что только потребительные союзы могутъ улучшить положеніе рабочаго класса. Оставляя въ сторонѣ вопросъ, могутъ-ли эти союзы помочь рабочимъ или нѣтъ, мы знаемъ, что ихъ не было въ теченіе столѣтій, да и теперь еще и нѣтъ.

Стало быть, въ теченіе всѣхъ этихъ столѣтій рабочій классъ трудился не для удовлетворенія своихъ „будущихъ потребностей“, а только для удовлетворенія своихъ настоящихъ, насущныхъ нуждъ. Ежедневный заработокъ доставлялъ ежедневный хлѣбъ.

Стало быть, въ теченіе всѣхъ этихъ столѣтій, — это неизбѣжно вытекаетъ изъ вашего опредѣленія, какъ бы вы ни старались увернуться отъ такого вывода, — въ теченіе всѣхъ этихъ столѣтій дѣятельность нашихъ рабочихъ, служившая не для обезпеченія будущихъ, а всегда только для удовлетворенія настоящихъ потребностей, была не „человѣческимъ трудомъ“, а „животной дѣятельностью“.

Таковы, — что бы вы ни толковали, — неизбѣжныя слѣдствія вашего остроумнаго опредѣленія.

Итакъ, еще разъ: какъ могли вы прійти къ этому чудовищному произвольному утвержденію, которое влечетъ за собой такія смѣшныя слѣдствія? Я вамъ объясню это, господинъ Шульце!

Капиталъ для васъ сдѣлался религіей, и потому вызываетъ у васъ совершенно тѣ же явленія, совершенно то же извращеніе всѣхъ экономическихъ отношеній, какъ вѣра у религіозныхъ людей въ отношеніи естественныхъ явленій.

Исходя изъ готоваго представленія о производствѣ, какъ „зарабатываніи“, вы и „трудъ“ понимаете, какъ актъ накопленія капитала, сбереженія и откладыванія для будущихъ потребностей. Въ вашей мелкобуржуазной головѣ, незамѣтно для васъ самихъ, всѣ реальныя отношенія до такой степени превратились въ свою противоположность, что вы считаете

„работникомъ“ только капиталиста, который ежегодно отрѣзаетъ и откладываетъ купоны своихъ кельнско-минденскихъ желѣзнодорожныхъ акцій, и, обратно, въ настоящемъ работникѣ усматриваете только дѣятельность животнаго, которое заботится лишь о потребностяхъ минуты.

Вы продолжаете:

„Итакъ, цѣль труда — удовлетвореніе человѣческихъ потребностей, и достигается оно разумнымъ употребленіемъ силъ, заложенныхъ въ человѣка природой. Отсюда (!!) мы извлекаемъ первое основное положеніе, опредѣляющее отношеніе человѣка къ обществу въ вопросѣ о существованіи: обязанность самопопеченія, упованіе каждого на себя самого. „У тебя есть потребности, съ удовлетвореніемъ которыхъ природа связала твое существованіе,—гласитъ это положеніе,—но та же природа надѣлила тебя и силами, которыя тебѣ слѣдуетъ только правильно употреблять, чтобы удовлетворить твои потребности. Поэтому, твоя судьба въ значительной степени находится въ твоихъ рукахъ, и ты самъ отвѣтственъ за нее, подобно твоимъ собратьямъ-людямъ, которыхъ ты не долженъ обременять твоими претензіями, такъ какъ всѣ они, какъ и ты, должны заботиться о себѣ“.

Итакъ, если „цѣль труда—удовлетвореніе человѣческихъ потребностей, и достигается она разумнымъ употребленіемъ силъ, заложенныхъ въ человѣка природой“, то „отсюда (!!) мы извлекаемъ первое основное положеніе, опредѣляющее отношеніе человѣка къ обществу въ вопросѣ о существованіи: обязанность самопопеченія, упованіе каждаго на себя самого!“

Какая классическая аргументація!

Я не хочу сказать, что “обязанность самопопеченія“ не можетъ быть доказана. Я тоже думаю, господинъ Шульце, что на каждомъ лежитъ „обязанность самопопеченія“, и притомъ поддерживаю это мнѣніе въ гораздо большемъ объемѣ, о которомъ вы, съ вашими мелкобуржуазными воззрѣніями, и понятія не имѣете.

Но какъ ни доказуемо это положеніе, — во всякомъ случаѣ вашъ способъ доказательства забавнѣйшій карточный фокусъ, какой только можно себѣ представить. Прыжокъ канатнаго плясуна черезъ Ніагару пустяки въ сравненіи съ вашими прыжками!

Позвольте же мнѣ разъяснить вамъ кое-что изъ той путаницы, въ которую завлекло васъ ваше глубокое образованіе.

1. Цѣль труда — удовлетвореніе человѣческихъ потребностей, и эта цѣль, говорите вы, „достигается разумнымъ употребленіемъ силъ, заложенныхъ въ человѣка природой“. Это утвержденіе, къ которому вы вне-

запно переходите, — такъ какъ, будь оно сама истина, но у васъ это мнѣніе является въ формѣ ничѣмъ не доказаннаго утвержденія, — это утвержденіе вполнѣ правильно и, какъ общеизвѣстный фактъ, не нуждается въ доказательствахъ, разъ вы говорите о естественномъ человѣкѣ, объ изолированномъ человѣкѣ. Робинзонъ Крузо на необитаемомъ островѣ достигаетъ удовлетворенія потребностей только „разумнымъ употребленіемъ силъ, заложенныхъ въ него природой“. Но въ человѣческомъ обществѣ это положеніе немедленно измѣняется существеннѣйшимъ образомъ въ ту или другую сторону. Опредѣленныя общественныя учрежденія могутъ однимъ людямъ доставить возможность достигать гораздо большаго, чѣмъ они могли бы достигнуть „разумнымъ употребленіемъ заложенныхъ въ нихъ природою силъ“, т. е. силъ, заложенныхъ въ нихъ, какъ въ отдѣльныхъ людяхъ. Равнымъ образомъ, опредѣленныя общественныя учрежденія могутъ помѣшать другимъ людямъ достигнуть того, чего они могли бы достигнуть „разумнымъ употребленіемъ заложенныхъ въ нихъ природою силъ“. И за все время существованія исторіи то и другое имѣло мѣсто.

Если, по вашему мнѣнію, опредѣленныя современныя общественныя учрежденія уже не причиняютъ такого ущерба однимъ людямъ сравнительно съ другими, то вамъ слѣдовало доказать свое мнѣніе анализомъ этихъ опредѣленныхъ общественныхъ учрежденій. Вы должны были сначала критически изслѣдовать мѣновую стоимость, деньги, кредитъ, капиталъ, конкуренцію, наемный трудъ, земельную ренту и проч. и показать при этомъ, что всѣ эти опредѣленныя нынѣшнія общественныя учрежденія не измѣняютъ „разумнаго употребленія силъ, заложенныхъ въ человѣка природой“ и достигаемаго этимъ путемъ „удовлетворенія человѣческихъ потребностей“, или только равномѣрно усиливаютъ ихъ у всѣхъ отдѣльныхъ людей, такъ что эти послѣдніе, при всемъ умноженіи ихъ силъ, благодаря общественнымъ учрежденіямъ, остаются въ тѣхъ же отношеніяхъ другъ къ другу, то есть въ томъ же, обусловленномъ только ихъ индивидуальностью, положеніи, что и въ абстракціи естественнаго состоянія.

Только выведя это доказательство, дѣйствительное или хотя бы кажущееся, изъ разсмотрѣнія нашихъ общественныхъ учрежденій, только тогда имѣли бы вы право, на основаніи того положенія, что удовлетвореніе человѣческихъ потребностей достигается разумнымъ употребленіемъ силъ, заложенныхъ въ человѣка природой, заключать о томъ, что такое „обязанность“ при современныхъ общественныхъ учрежденіяхъ.

Или, другими словами:

Кто говоритъ о „силахъ, заложенныхъ въ человѣка природой“, тотъ

говоритъ о людяхъ, представляемыхъ, какъ изолированные индивидуумы, о настоящихъ Робинзонахъ Крузо на необитаемомъ островѣ, такъ какъ только индивидуумы, какъ таковые, только люди въ естественномъ состоянiи получаютъ свои силы отъ „природы" [1]). Напротивъ, силы людей, живущихъ въ обществѣ, обусловлены опредѣленными историческими и общественными условiями страны, которыми даже опредѣляются ихъ индивидуальныя силы, поскольку онѣ коренятся въ образованiи. А вы, тотчасъ послѣ положенiя: „удовлетворенiе человѣческихъ потребностей достигается разумнымъ употребленiемъ силъ, вложенныхъ въ человѣка природой", — продолжаете: „отсюда мы извлекаемъ первое основное положенiе, опредѣляющее отношенiе человѣка къ обществу въ вопросѣ о существованiи: обязанность самопопеченiя" etc.

„Отсюда", господинъ Шульце,—т. е. изъ того, что вы посредствомъ грубаго фокуса, переносите положенiе, годное для представленiя о естественномъ состоянiи, въ человѣческое общество, о которомъ вы еще не говорили ни слова, учрежденiя котораго не разсматривали и насчетъ котораго не задавались вопросомъ: не могутъ-ли его положительныя отношенiя измѣнить, уничтожить, быть можетъ выворотить наизнанку положенiе, годное для абстракцiи естественнаго состоянiя.

Начавъ съ положенiя, заимствованнаго изъ представленiя о естественномъ состоянiи, вы при помощи простого „отсюда" однимъ прыжкомъ перескакиваете изъ чистаго естественнаго состоянiя черезъ длинный рядъ историческихъ развитiй и отношенiй прямо въ современныя общественныя учрежденiя! Это скачокъ черезъ всю исторiю культуры, въ сравненiи съ которымъ прыжокъ канатнаго плясуна черезъ Нiагару чисто дѣтская игра.

„Отсюда", господинъ Шульце, т. е. изъ того, что имѣетъ силу для естественнаго состоянiя, для людей, живущихъ, какъ изолированные индивидуумы, еще нельзя вывести никакого, ни малѣйшаго слѣдствiя относительно того, что возможно или обязательно въ сферѣ „человѣческаго общества" и его твердыхъ, конкретныхъ отношенiй!

Такъ вотъ какое „образованiе", господинъ Шульце, приносите вы рабочимъ! Въ этой непродуманной путаницѣ всѣхъ простѣйшихъ основоположенiй, въ этой шумихѣ словъ, пустота которыхъ обнаруживается при

---

[1]) Такъ именно, какъ Робинзоновъ Крузо, какъ людей въ естественномъ состоянiи, вы и Бастiа представляете людей въ современномъ обществѣ, съ той лишь, безконечно усиливающей смѣхотворность и противорѣчiя этого представленiя, прибавкой, что эти живущiе въ естественномъ состоянiи дикари обмѣниваются своими продуктами.

самомъ бѣгломъ разборѣ, заключается образовательная болтовня, посредствомъ которой вы энервируете рабочихъ и вводите ихъ въ заблужденіе относительно классового инстинкта и естественной силы, за которые они до сихъ поръ держались.

При вашей непродуманной защитѣ даже совершенно правильное. въ извѣстномъ смыслѣ, положеніе объ „обязанности самопопеченія" оказывается фальшивымъ и лживымъ.

Одно изъ двухъ, господинъ Шульце:

Или это смѣшеніе,— а мы увидимъ дальше, что вся ваша книга представляетъ цѣпь такихъ же или еще болѣе грубыхъ смѣшеній,—неумышленное, и въ такомъ случаѣ автору настоятельнѣйше необходимо позаботиться о своемъ образованіи, прежде чѣмъ браться за образованіе массъ,—иначе онъ только привьетъ имъ заразу своей собственной неспособности мыслить.

Можно, обладая образованіемъ commis voyageur'а, держать длинныя рѣчи въ палатѣ,—но для того, чтобы просвѣщать и поднимать массы, господинъ Шульце, требуется совсѣмъ другое, настоящее образованіе и большая ясность мышленія.

Или же это смѣшеніе намѣренное, сознательное,—и въ такомъ случаѣ вы сами можете сказать, какой выводъ отсюда слѣдуетъ.

Второе недоразумѣніе, заключенное въ томъ же положеніи, состоитъ въ слѣдующемъ: „обязанность самопопеченія" вы опредѣляете, какъ „упованіе каждаго на самого себя".

„Но „обязанность самопопеченія" и исключительное „упованіе каждаго на самого себя"—двѣ вещи, различныя, какъ небо и земля, господинъ Шульце, даромъ что вы такъ развязно утверждаете ихъ тождество.

Если каждый долженъ уповать исключительно на самого себя и на свои изолированныя силы, если принятый вами и вашими единомышленниками девизъ „всякъ за себя, а Богъ за всѣхъ", дѣйствительно долженъ быть девизомъ человѣческаго общества, то къ чему тогда человѣческое общество вообще и въ чемъ его оправданіе?

Почему тогда люди не живутъ другъ подлѣ друга, какъ звѣри въ пустынѣ, гоняясь каждый самъ за своей добычей, и только—въ отличіе отъ животныхъ—находя въ уголовныхъ законахъ преграду, не позволяющую забираться въ чужую сферу? Это былъ бы, очевидно, вашъ идеалъ человѣческаго общества! Но въ такомъ случаѣ не устояла бы и преграда уголовныхъ законовъ. Такъ какъ и уголовное право вытекаетъ въ концѣ концовъ только изъ общности народнаго духа, то есть вовсе не изъ „упованія

каждаго на самого себя",—при которомъ, будь оно дѣйствительно верховнымъ нравственнымъ основоположеніемъ, немыслимо было бы ни уголовное право, ни право вообще,—а изъ солидарности этого народнаго духа во всѣхъ индивидуумахъ, составляющихъ народъ, изъ упованія каждаго на всѣхъ, на единство и общность, связывающія его со всѣми. (Если вы этого не понимаете, господинъ Шульце, что болѣе, чѣмъ вѣроятно, то справьтесь у Савиньи, „Система римскаго права", т. VIII, стр. 533—536).

Да и самая нравственность возможна лишь въ силу этого единства и общности всѣхъ. Безъ этого не было бы ничего нравственнаго или правового, ничего внѣшне или внутренне обязательнаго между людьми.

„Такъ какъ всякое совмѣстное существованіе есть общество соединенныхъ людей", начинаетъ Аристотель свое ученіе о государствѣ. „Такъ какъ всякое совмѣстное существованіе есть общество изолированныхъ, упавающихъ каждое на себя, существъ", начинаете вы свое ученіе.

Пытаться послѣдовательно вывести общество изъ „перваго основного положенія" объ „упованіи каждаго на самого себя" значило бы пятиться назадъ еще дальше негритянскаго королевства Дагомэ; впрочемъ, это само по себѣ такъ противорѣчиво и невозможно, что можетъ возбудить только веселость, такъ какъ въ реальномъ мірѣ подобныя нелѣпости не выдержатъ суроваго давленія реальности. Но проповѣдывать рабочимъ такую теорію общества значитъ отодвигать ихъ сознаніе дальше того, что безсознательно дѣлаютъ негры Дагомэ; и такъ какъ извратить на время сознаніе людей во всякомъ случаѣ гораздо легче, чѣмъ извратить реальныя учрежденія, то это уже отнюдь не можетъ возбудить веселья!

Дальше вы говорите: „на томъ, что каждый несетъ послѣдствія своихъ дѣйствій, не сваливаетъ ихъ на другихъ, на личной отвѣтственности и вмѣняемости основывается возможность общественнаго сожитія людей, равно какъ и государственной связи".

Какъ плохо вы знаете исторію, господинъ Шульце!

Наоборотъ, всякое историческое развитіе съ незапамятныхъ временъ исходило изъ общности, и безъ нея не могла бы возникнуть никакая культура.

Господинъ и рабъ образуютъ, по Аристотелю, первое хозяйство.

Семья, родъ — все понятія, долгое время даже прямо исключавшія всякую „личную отвѣтственность и вмѣняемость", — вотъ оттуда вышло всякое „общественное сожитіе людей" и всякая „государственная связь".

Я хочу пояснить вамъ смыслъ моего возраженія, господинъ Шульце.

Весь древній міръ, а также и все средневѣковье до французской ре-

волюціи 1789 г., искали человѣческой солидарности и общности въ насильственной связи или подчиненіи.

Французская революція 1789 г., историческій періодъ, ею направляемый, справедливо возставъ противъ этой насильственной связи, искали свободы въ разрушеніи всякой солидарности и общности. Они достигли этимъ не свободы, а произвола. Ибо свобода безъ солидарности—произволъ.

Новое время, современная эпоха ищетъ солидарности въ свободѣ.

Вотъ, вкратцѣ, ходъ и смыслъ исторіи до настоящаго времени!

Но чтобы еще яснѣе выставить на показъ безграничную путаницу, переплетающуюся въ хаосѣ вашего недомыслія, я повторю ваши послѣднія слова и слѣдующее за ними предложеніе.

Итакъ, вы говорите:

„На томъ, что каждый несетъ послѣдствія своихъ дѣйствій, не сваливая ихъ на другихъ, на личной отвѣтственности и вмѣняемости основывается возможность всякаго общественнаго сожитія людей, равно какъ и государственной связи. Только между существами, которыя знаютъ, что дѣлаютъ, и отвѣчаютъ за свои дѣйствія, вообще мыслимо общество, управляемое нравственными и политическими законами, взаимность хозяйственныхъ и гражданскихъ отношеній, служащая къ преуспѣянію всѣхъ“.

Въ этихъ словахъ вы развязнѣйшимъ образомъ приравниваете юридическую личную отвѣтственность и вмѣняемость экономической, какъ-будто между ними нѣтъ ни малѣйшей разницы.

Въ юридической области личная отвѣтственность безспорно представляетъ необходимый основной принципъ по той простой причинѣ, что въ сферѣ права каждый зависитъ отъ своихъ собственныхъ дѣйствій.

Если кто-нибудь совершаетъ кражу, или убійство, или другой какой-нибудь поступокъ, то онъ, какъ отдѣльное лицо, является его единственнымъ виновникомъ. Поступокъ—продуктъ его свободной воли.

Разъ совершеніе или несовершеніе этихъ поступковъ зависѣло исключительно отъ свободной воли индивидуума,—необходимымъ и яснымъ слѣдствіемъ этого является отвѣтственность каждаго за то, что онъ сдѣлалъ, т. е. ясно, что здѣсь имѣетъ мѣсто исключительно индивидуальная „вмѣняемость и личная отвѣтственность“.

Напротивъ, экономическая область представляетъ, сравнительно съ юридической, ту крошечную разницу, что въ области права всякій отвѣтственъ за то, что онъ сдѣлалъ, а въ экономической области, въ настоящее время, наоборотъ, всякій отвѣтственъ за то, чего онъ не дѣлалъ.

Если, напр., урожай коринки въ Коринфѣ и Смирнѣ, или хлѣба въ

долинѣ Миссисипи, Дунайскихъ земляхъ и Крыму окажется исключительно обильнымъ, то берлинскіе и кёльнскіе торговцы коринкой или хлѣбомъ, сдѣлавшіе большіе запасы по прежнимъ цѣнамъ, потеряютъ, благодаря паденію цѣнъ, быть можетъ, половину своего состоянія.

Если, наоборотъ, у насъ окажется плохой урожай хлѣбовъ, то рабочіе потеряютъ въ этомъ году половину своей заработной платы, такъ какъ, хотя ея денежная величина останется прежней, но она доставитъ имъ лишь соотвѣтственно меньшую часть пищевыхъ продуктовъ. Только для „образованныхъ“ напомню здѣсь извѣстное экономистамъ Кингъ-Авенантовское правило, которое и Тукъ („Geshichte der Preise“, Teil l, S. 4) считаетъ весьма близкимъ къ истинѣ, и согласно которому недородъ повышаетъ цѣну хлѣба въ слѣдующихъ, втрое—вдевятеро превышающихъ размѣръ самого недорода, отношеніяхъ:

Недородъ хлѣба въ

1	десятую	повышаетъ	цѣну	хлѣба	на	0,3
2	„	„	„	„	„	0,8
3	„	„	„	„	„	1,6
4	„	„	„	„	„	2,8
5	„	„	„	„	„	4,5

Еще рѣзче такое же несоразмѣрное паденіе цѣнъ при хорошемъ урожаѣ.

Если урожай у насъ хорошъ, происходитъ то, что французскій король такъ наивно и жалобно выражаетъ въ своемъ отвѣтѣ на адресъ палаты депутатовъ 30 ноября 1821 г.: „Законы исполнялись, но никакой законъ не можетъ предотвратить неудобствъ, вытекающихъ изъ черезчуръ обильнаго урожая“ [1]).—Именно, въ случаѣ обильнаго урожая, цѣна хлѣба падаетъ не соразмѣрно избытку урожая, какъ думаетъ публика, а въ гораздо большей степени, такъ что общая стоимость всего сбора не достигаетъ общей стоимости сбора въ годъ средняго урожая, но часто оказывается вдвое ниже. Такъ по Кордье („Mémoires sur l'agriculture de la Flandre française“. Paris, 1823) сборъ пшеницы во Франціи составлялъ:

Годъ.	Гектолитровъ.	Валовая стоимость.
1817	48.157.127	2.046 милліон. франковъ.
1818	52.879.782	1.441 „ „
1819	63.945.078	1.170 „ „

[1]) См. „Moniteur“, № 335, отъ 1 декабря 1821: „Les lois ont été exécutées, mais aucune loi ne peut prévenir les inconvénients qui naissent de la surabondance des récoltes“.

Этимъ объясняется нужда земледѣльцевъ при очень обильныхъ урожаяхъ.

Если въ Южныхъ Штатахъ случится неурожай хлопка или по какимъ-нибудь другимъ причинамъ пріостановится его ввозъ, рабочіе бумагопрядильныхъ и ситцевыхъ фабрикъ въ Англіи, Франціи, Германіи массами остаются безъ хлѣба и безъ работы.

Если же, вмѣсто хорошаго урожая хлопка, въ Америкѣ случится, скажемъ, промышленный или денежный кризисъ, и переполненіе рынка иностранными товарами, вслѣдствіе того, что многіе, ничего не зная другъ о другѣ, производили одни и тѣ же товары и отправляли ихъ за море въ чрезмѣрномъ количествѣ, то европейскимъ экспортерамъ придется уступать свой товаръ на американскихъ аукціонахъ гораздо ниже покупной цѣны, а шелковыя и бархатныя фабрики въ Крефельдѣ, Эльберфельдѣ, Ліонѣ останутся безъ работы вслѣдствіе недостатка заказовъ. Открытіе новыхъ богатыхъ залежей золота и серебра въ другихъ частяхъ свѣта измѣняетъ, вызывая паденіе стоимости благородныхъ металловъ, всѣ контракты, дѣлаетъ всѣхъ европейскихъ кредиторовъ бѣднѣе, а всѣхъ должниковъ богаче, тогда какъ продолжительное повышеніе спроса на серебро въ Китаѣ и Японіи можетъ произвести обратное дѣйствіе.

Вслѣдствіе простого телеграфнаго извѣстія, что рапсъ въ Голландіи обѣщаетъ лучшій урожай, чѣмъ въ прошломъ году, прусскіе маслодѣлы лишаются всякаго вознагражденія за свою промышленную дѣятельность и часто должны радоваться, если имъ удастся сбыть заготовленное масло по покупной цѣнѣ рапса. Новое механическое изобрѣтеніе, удешевляющее стоимость производства товара, болѣе или менѣе, а то и совершенно, обезцѣниваетъ заготовленную массу того же товара, и разоряетъ множество предпринимателей и торговцевъ. Нельзя провести новой желѣзной дороги, чтобы не поднять въ нѣсколько разъ цѣны земель, домовъ и предпріятій мѣстечка, къ которому она примыкаетъ, и не обезцѣнить надолго земли, дома и предпріятія другого мѣстечка или даже на противуположномъ концѣ того же мѣстечка.

Этотъ рядъ примѣровъ, которые можно безъ конца умножать и спеціализировать, показываетъ вамъ, господинъ Шульце, какъ вѣрно утвержденіе, что въ экономической области, въ противоположность правовой, каждый отвѣтственъ за то, чего онъ не дѣлалъ.

Причина очень простая. Въ правовомъ отношеніи каждый отдѣльный поступокъ есть продуктъ индивидуальной свободной воли. Но если такъ обстоитъ дѣло въ правовой области, въ которой общимъ является только

обязательство (законъ), а поступокъ лишь продуктомъ свободной воли отдѣльнаго лица, то экономическая область есть область общественныхъ связей, то есть область солидарности или общности.

Даже отдѣльное дѣйствіе, продуктъ свободной воли въ правовой области, въ экономической опредѣляется только всей совокупностью общественныхъ связей. Послѣднія дѣлаютъ его тѣмъ, что оно есть, формируютъ и чеканятъ его, дѣлаютъ его своимъ продуктомъ и придаютъ ему свой характеръ.

Когда, такимъ образомъ, вы совершенно спокойно уравниваете въ вышеприведенныхъ мѣстахъ правовую и экономическую „личную отвѣтственность и вмѣняемость" и думаете обосновать послѣднюю тѣми же словами, что и первую, то по истинѣ подобное смѣшеніе двухъ совершенно различныхъ и противоположныхъ областей обличаетъ, выражаясь словами Шеллинга, образованіе „цирюльника", господинъ Шульце!

Въ предыдущихъ строкахъ достаточно обстоятельно разобранъ вашъ юридическій тезисъ, который вы съ торжествомъ принимаете за экономическій.

Но разъ уже вы заставили меня коснуться мимоходомъ этой темы, позвольте удѣлить ей еще нѣсколько словъ.

Человѣческую общность, солидарность можно не признавать, господинъ Шульце, но ея нельзя уничтожить!

Если, такимъ образомъ, существуютъ общественныя учрежденія, которыя не признаютъ и не регулируютъ этой солидарности, то она тѣмъ не менѣе продолжаетъ существовать, но проявляется, какъ грубая сила, мстящая за свое непризнаніе, какъ судьба, которая играетъ, словно мячемъ, мнимою свободой отдѣльныхъ лицъ, предоставленныхъ самимъ себѣ. Одинъ высоко взлетаетъ въ этой игрѣ, которую ведутъ невѣдомыя и тѣмъ болѣе необузданныя силы,—высоко на вершину богатства; сотни другихъ падаютъ глубоко внизъ, въ бездну нищеты; а колесо общественныхъ соотношеній, уродуя и давя, катится по нимъ и ихъ дѣйствіямъ, по ихъ стараніямъ и работѣ. Случай играетъ въ мячъ, и мячами въ этой игрѣ служатъ люди.

Теперь вы, можетъ быть, поймете, господинъ Шульце, если серьезно постараетесь, что тамъ, гдѣ господствуетъ случай, уничтожена свобода индивидуума. Вы поймете, что случай есть ничто иное, какъ отмѣна всякой „личной отвѣтственности и вмѣняемости", а съ тѣмъ вмѣстѣ и всякой свободы.

Вмѣстѣ съ тѣмъ вы поймете, что люди, желающіе ввести мѣропріятія, результатомъ которыхъ должно явиться ограниченіе и устраненіе этого вмѣшательства случая въ ходъ развитія, а, поскольку онъ неустранимъ, распредѣленіе его на всю совокупность членовъ общества, чтобы сокруши-

тельная тяжесть, съ какою онъ обрушивается на отдѣльныхъ лицъ, стала нечувствительной для всѣхъ,—вы поймете, быть можетъ, что этимъ устраненіемъ случая, этимъ разумнымъ вниманіемъ къ общности и солидарности, которыя можно не признавать, но нельзя уничтожить непризнаваніемъ, они хотятъ не уничтожить, а впервые установить вмѣняемость, личную отвѣтственность и свободу индивидуумовъ; впервые доставить этой свободѣ просторъ и почву для дѣятельности, межъ тѣмъ, какъ теперь она подавляется и поглощается общественными взаимоотношеніями, дѣйствующими, какъ грубая сила природы.

Общественныя взаимоотношенія, господинъ Шульце,—это древняя орфическая цѣпь, о которой послѣдователи орфическаго культа говорили, что она неразрывно сковываетъ и связываетъ все существующее. И что замѣчательно и не лишено глубокаго смысла и ироніи,—эта древняя орфическая цѣпь еще и нынѣ, въ нашемъ меркантильномъ мірѣ, у нашихъ купцовъ и предпринимателей носитъ древнее орфическое имя! Эта связь общественныхъ взаимоотношеній, эта цѣпь, связующая всѣ существующія, недоступныя знанію, обстоятельства, называется въ нашемъ меркантильномъ мірѣ—конъюнктурой [1]).

А сверхъестественное метафизическое гаданіе о дѣйствіи этихъ недоступныхъ знанію обстоятельствъ,—спекуляція.

Конъюнктура и спекуляція правятъ всѣмъ нашимъ экономическимъ существованіемъ; онѣ правятъ всей дѣятельностью нашего меркантильнаго міра, и круги, расходящіеся отъ ихъ бурныхъ, высокихъ волнъ опредѣляютъ индивидуальную форму каждой капли, притекающей, повидимому, совершенно спокойно и самостоятельно къ отдаленнѣйшему берегу.

Онѣ управляютъ каждымъ индивидуальнымъ существованіемъ тѣмъ въ большей степени, чѣмъ тѣснѣе область его работы связана съ этой великой меркантильной системой; и тѣмъ въ меньшей степени, чѣмъ ближе оно стоитъ къ формамъ отжившаго, сохранившагося лишь въ скудныхъ, исчезающихъ остаткахъ періода; иными словами: онѣ управляютъ каждымъ существованіемъ тѣмъ въ большей степени, чѣмъ болѣе его работа заключается въ производствѣ общественныхъ мѣновыхъ цѣнностей, и тѣмъ въ меньшей степени, чѣмъ болѣе его работа направлена на производство

---

[1]) Conjunctio rerum omnium (соединеніе, связь существующаго),—такъ называютъ римскіе и греческіе стоики орфическую „неразрывную связь“, цѣпь судьбы, отрицательно связующую и опредѣляющую все бытіе; см. Heraklit, Teil 1, Seite 374—379.

потребительныхъ цѣнностей для собственнаго употребленія,—форма труда, почти исчезнувшая. Подробнѣе объ этомъ различіи будетъ рѣчь ниже.

Отсюда замѣчаніе, которое такъ часто приходится слышать отъ опытныхъ купцовъ: что именно дѣльные спекулянты едва-ли не чаще всѣхъ терпятъ крушеніе въ торговой карьерѣ, тогда какъ глупцы, повидимому, имѣютъ больше шансовъ на успѣхъ.

Этотъ, съ виду поразительный и непонятный, фактъ легко объясняется изъ предыдущаго.

Сумма недоступныхъ знанію обстоятельствъ всегда безмѣрно перевѣшиваетъ сумму обстоятельствъ, доступныхъ знанію.

Чѣмъ важнѣе и точнѣе учетъ доступныхъ знанію обстоятельствъ, на которыхъ основаны разумные расчеты спекулянта, тѣмъ болѣе вѣроятность того, что безмѣрно большая сумма обстоятельствъ, недоступныхъ знанію, измѣнитъ результатъ.

Чѣмъ вѣрнѣе, проницательнѣе и точнѣе приспособляется спекулянтъ въ своихъ расчетахъ къ извѣстнымъ ему обстоятельствамъ, тѣмъ, вообще говоря, болѣе вѣроятность противъ него.

Все вышесказанное, господинъ Шульце, относится къ нашимъ экономическимъ условіямъ вообще и касается въ особенности купцовъ и предпринимателей, интересы которыхъ вы представляете.

Но въ совершенно иномъ положеніи находятся рабочіе. Для нихъ недоступна даже та индивидуальная игра счастья, которая такъ соблазняетъ нашихъ купцовъ и предпринимателей, что они забываютъ, какой цѣной—цѣной обнищанія массы своихъ членовъ—оплачиваетъ ихъ собственный классъ счастливые случаи, выносящіе отдѣльныхъ лицъ на вершину богатства.

Имъ недоступна, говорю я, эта азартная игра, къ которой сводится все наше производство, такъ какъ она не можетъ внести необходимую для этой игры ставку: капиталъ.

Допускаются къ этой игрѣ лишь тѣ, кто продаетъ продукты за свой счетъ и, стало быть, располагаетъ достаточнымъ капиталомъ, чтобы при благопріятныхъ обстоятельствахъ заготовить или пріобрѣсти эти продукты въ большомъ количествѣ, использовать, выжать благопріятную конъюнктуру и взлетѣть на вершину богатства, благодаря счастливому удару конъюнктуры и спекуляціи.

Устраненъ отъ благопріятныхъ шансовъ этой игры рабочій классъ, какъ таковой (какъ промышленный, такъ и земледѣльческій рабочій классъ) потому что рабочій никогда не выступаетъ въ роли продавца товаровъ за свой счетъ.

Фактически устраненъ также мелкій ремесленникъ, такъ какъ, хотя онъ заготовляетъ и продаетъ продуктъ за собственный счетъ, но съ одной стороны все болѣе и болѣе превращается въ простого наемнаго рабочаго въ крупномъ капиталистическомъ производствѣ; а съ другой и при самостоятельномъ производствѣ лишенъ возможности, вслѣдствіе недостатка капитала, выжать въ свою пользу благопріятную конъюнктуру, межъ тѣмъ, какъ неблагопріятная конъюнктура, съ своей стороны, выжимаетъ его тѣмъ неодолимѣе.

Такимъ образомъ, рабочій и ремесленный классы образуютъ въ нашемъ обществѣ хозяйственный отдѣлъ, надъ которымъ стоитъ надпись Дантова ада:

„Оставьте всякую надежду, входящіе сюда!"

Но если эти классы устранены отъ непосредственнаго участія въ азартной игрѣ конъюнктуры, то косвеннымъ путемъ ея шансы отражаются на нихъ очень чувствительно, только, разумѣется, благопріятные и неблагопріятные шансы даютъ себя чувствовать въ безконечно различной степени.

Благопріятная конъюнктура — періодъ благополучія, возрастанія производства — косвенно отражается на рабочихъ и ремесленникахъ въ томъ смыслѣ, что стремится нѣсколько повысить заработную плату. Но если даже это стремленіе осуществится, то результатомъ является лишь крайне незначительное и незамѣтное временное улучшеніе положенія рабочихъ.

Обыкновенно же этому стремленію противодѣйствуютъ два обстоятельства. Если благопріятная конъюнктура не является всеобщей для многихъ отраслей труда, то сопротивленіе предпринимателей всякому повышенію заработной платы приводитъ къ тому, что она вовсе не повышается или повышается лишь очень незначительно. Если же благопріятная конъюнктура — общая и продолжительная, то постепенно наступающее повышеніе заработной платы сопровождается такимъ умноженіемъ браковъ и семействъ въ рабочемъ классѣ, и слѣдовательно такимъ усиліемъ предложенія труда, что усиленный спросъ обыкновенно снова выравнивается съ предложеніемъ, и заработная плата падаетъ до прежняго или даже ниже прежняго уровня.

Если, такимъ образомъ, рабочій классъ испытываетъ на себѣ лишь очень легкое, мимолетное воздѣйствіе благопріятной конъюнктуры, то неблагопріятная, наоборотъ, обрушивается на него сокрушающей тяжестью. Непосредственное пониженіе заработной платы, сокращеніе работы, полная безработица — вотъ удары, которые сыплятся на рабочихъ вслѣдствіе перепроизводства, вызваннаго неблагопріятной конъюнктурой и конкуренціей между спекулянтами.

А по вашему, господинъ Шульце, нѣтъ ничего удивительнѣе мудрости этой самой конкуренціи, которая въ вашихъ глазахъ дѣлаетъ этотъ міръ лучшимъ изъ міровъ! Позвольте же мнѣ, ради примѣра, охарактеризовать глубокую мудрость этой конкуренціи не моими словами, а словами одного изъ главныхъ представителей либерально-буржуазной экономіи, который, однако, въ отличіе отъ васъ, по крайней мѣрѣ, знаетъ то, о чемъ пишетъ; словами прославленнаго буржуазными экономистами англійскаго статистика и экономиста Макъ-Куллоха: „Послѣ перваго открытія сношеній съ Буэносъ-Айресомъ, Бразиліей и Каракасомъ туда было отправлено въ теченіе нѣсколькихъ недѣль больше манчестерскихъ фабрикатовъ, чѣмъ въ предыдущіе двадцат лѣтъ. Масса англійскихъ товаровъ, доставленныхъ въ Ріо-де-Жанейро, была такъ велика, что для нихъ не хватало складовъ, и самыя дорогія вещи по цѣлымъ недѣлямъ валялись на берегу, страдая отъ непогоды и расхищаемыя ворами. Изящная посуда изъ граненаго стекла или фарфора предлагалась людямъ, драгоцѣннѣйшими кубками которыхъ были до той поры рогъ или скорлупа кокосоваго орѣха; были присланы орудія съ молоткомъ на одномъ концѣ и топоромъ на другомъ, какъ будто жителямъ стоило лишь разбить первый попавшійся камень, чтобы извлечь изъ него золото или алмазы; нашлись даже спекулянты, приславшіе въ Ріо-де-Жанейро коньки“.

Вся исторія европейской промышленности въ нашемъ столѣтіи—непрерывное чередованіе „разнузданныхъ спекуляцій“, непомѣрнаго, лихорадочнаго напряженія кредита, вызываемаго „незнаніемъ фактовъ“, и порождаемаго имъ неудержимаго перепроизводства, и слѣдующихъ затѣмъ кризисовъ, паденія товарныхъ цѣнъ гораздо ниже издержекъ производства, сокращенія работы, заминки, а часто и болѣе или менѣе продолжительнаго прекращенія работъ. Укажу, напр., на знаменитую, классическую „Исторію цѣнъ съ 1793 по 1857“ Т. Тука.

Такимъ образомъ спина рабочаго играетъ роль ни въ чемъ неповиннаго зеленаго стола, за которымъ предприниматели и спекулянты ведутъ азартную игру, какою сдѣлалось современное производство. Спина рабочаго — зеленый столъ, съ котораго сгребаютъ груды золота въ случаѣ удачнаго оборота рулетки, и по которому бьютъ кулакомъ въ случаѣ неудачи, утѣшаясь надеждой на лучшіе шансы въ будущемъ.

Рабочій пониженіемъ заработной платы, потерей потомъ и кровью накопленныхъ сбереженій, полнымъ отсутствіемъ работы, а съ нею и средствъ къ существованію, оплачиваетъ неизбѣжныя неудачи въ этой игрѣ работодателей и спекулянтовъ, хотя въ ихъ ошибочныхъ спекуляціяхъ и расче-

тахъ онъ не участвовалъ, въ ихъ жадности онъ не новиненъ, и ихъ удачи онъ не дѣлитъ. И все это вы, не подозрѣвая объ „общественныхъ взаимоотношеніяхъ“ и разсчитывая на невѣжество рабочихъ, которое, конечно, нѣсколько превосходитъ даже ваше невѣжество, такъ какъ они, разумѣется, не въ состояніи выяснить себѣ, какимъ образомъ ихъ личная участь связана съ состояніемъ мірового рынка и какими причинами опредѣляется это послѣднее, — все это вы называете, почтеннѣйшій, „личной отвѣтственностью“ и „вмѣняемостью“ рабочихъ! И этимъ пустословіемъ вы стараетесь, почтеннѣйшій, настроить рабочихъ противъ тѣхъ людей, которые хотятъ именно установить подлинную „личную отвѣтственность и вмѣняемость“ для вашихъ рабочихъ, являющихся теперь безотвѣтными козлищами отпущенія въ игрѣ предпринимателей!

Можно, конечно, найти нѣкоторое полу-смягчающее обстоятельство для этого злоупотребленія народнымъ невѣжествомъ въ томъ, что вы даже отдаленнаго понятія не имѣете о тѣхъ вещахъ, относительно которыхъ взялись быть „учителемъ“. Да и откуда вамъ знать ихъ? Были вы сначала общиннымъ судьей, потомъ окружнымъ судьей въ маленькомъ городишкѣ, и въ этихъ судейскихъ званіяхъ, конечно, честно старались воздавать каждому „свое“. Но эта юридическая дѣятельность, эти мелкія дѣлишки не могли васъ ознакомить съ „общественными взаимоотношеніями“, съ условіями мірового рынка и его процессами, постоянно рѣшающими индувидуальныя, повидимому, судьбы людей. Крупные купцы и промышленники въ совершенно иномъ положеніи на этотъ счетъ, и втайнѣ покатываются со смѣху надъ наивностью вашихъ „ученій!“

Если, такимъ образомъ, ваши практическія занятія не могли ознакомить васъ съ этими отношеніями, то на другой путь къ ознакомленію съ ними, на путь науки, вы никогда не вступали. Вообще, о наукѣ вы не имѣете ни малѣйшаго представленія. Что касается спеціально вашего знакомства съ политической экономіей, то для каждаго знатока этой науки будетъ ясно, послѣ внимательнаго чтенія вашей книги, что вы,—какъ это, впрочемъ, сдѣлается очевиднымъ изъ продолженія нашей критики, — никогда никакой политическо-экономической книги, кромѣ азбучки Вастіа, не читали, да развѣ еще, быть можетъ, перелистовали нѣмецкій переводъ учебника Сэя. Безъ всякой научной подготовки вообще, безъ всякаго политико-экономическаго образованія въ частности, вооруженный лишь путаницей понятій, нахватанныхъ изъ той азбучки, да еще сплошь и рядомъ искаженныхъ и исковерканныхъ вами, идете вы распространять эту путаницу въ народѣ и называете ее своимъ „ученіемъ!“

Какъ видите, я вполнѣ склоненъ допустить въ вашу пользу всѣ извиненія, которыя можетъ дать невѣжество. И тѣмъ не менѣе, господинъ Шульце, врядъ-ли возможно допустить, что вы дѣйствительно съ полнымъ убѣжденіемъ говорите о „личной отвѣтственности и вмѣняемости“ рабочихъ при нашихъ промышленныхъ условіяхъ, и, провозглашая этотъ лозунгъ, стараетесь настроить рабочихъ въ пользу этихъ плачевныхъ условій и удержать ихъ отъ попытки къ водворенію условій дѣйствительной „личной отвѣтственности, вмѣняемости и свободы“. Даже тотъ, кто лишь самымъ поверхностнымъ образомъ и очень отдаленно знакомъ съ этими промышленными условіями, кто, хотя бы совершенно не размышляя, живетъ въ большихъ городахъ, въ обществѣ фабрикантовъ и купцовъ [1]), тотъ долженъ, въ концѣ концовъ, дойти хоть до смутной догадки, какъ обстоитъ въ дѣйствительности съ „личной отвѣтственностью и вмѣняемостью“ нашихъ рабочихъ!

Но, можетъ быть, дальнѣйшій разборъ вашей книги болѣе обстоятельно

---

[1]) По крайней мѣрѣ, вашъ другъ, крупный фабрикантъ, коммерціи совѣтникъ и прогрессивный депутатъ, господинъ Леоноръ Рейхенгеймъ, знаетъ все это гораздо лучше и вѣроятно втихомолку потѣшается надъ вами и хохочетъ такъ весело, что долженъ любить васъ еще и за „услугу“, которую вы оказываете его пищеваренію! Въ 1848 г. онъ написалъ чисто-соціалистическую брошюру по рабочему вопросу („Die sociale Frage und die Mittel zu deren Lösung“), въ которой высказываетъ совершенно другой взглядъ на эти вещи. Въ отличіе отъ меня, признающаго, что средняя заработная плата обезпечиваетъ необходимое, соотвѣтствующее народнымъ привычкамъ, содержаніе, онъ объявляетъ, что во многихъ округахъ рабочіе опустились до того, что „у нихъ едва хватаетъ на удовлетвореніе необходимѣйшихъ жизненныхъ потребностей“ (стр. 9). Ввести эти принципы заработной платы,—продолжаетъ онъ,—въ рамки человѣчности не только необходимость, но и „нравственная обязанность“. Основной принципъ, слишкомъ часто опредѣляющій размѣры заработной платы, — говоритъ онъ на стр. 10, — заключается не въ томъ: „сколько нужно рабочему, чтобы вести человѣческое существованіе“, а въ томъ, „сколько нужно рабочему, чтобы не умереть съ голода“. Средство къ улучшенію этого положенія онъ усматриваетъ только въ законѣ, регулирующемъ и опредѣляющемъ заработную плату или минимумъ заработной платы!!. „Только оно, положивъ конецъ нищетѣ и горю, ужаснѣйшія картины которыхъ встрѣчаютъ насъ въ рабочихъ *норахъ*,—потому что жилищами ихъ нельзя назвать“ и проч., и проч. (стр. 11). Конечно, только въ 1848 г. сердце этого милліонера и прогрессиста такъ горячо билось за народъ.

разъяснитъ сомнѣнія насчетъ вашей искренности, возникшія уже теперь, сами собою, противъ нашей воли.

Непосредственно за вышеприведенной фразой вы продолжаете: „Затронуть эту личную отвѣтственность, соціальную самопомощь въ сферѣ удовлетворенія матеріальныхъ нуждъ существованія, гдѣ и безъ того животный элементъ нашей природы находитъ свою темную пограничную линію, значило бы водворить войну всѣхъ въ промышленной области, — въ такой области, гдѣ миръ и безопасность, болѣе чѣмъ гдѣ-либо, являются условіями процвѣтанія“.

Прежде всего я радъ слышать, господинъ Шульце, что у васъ „матеріальныя нужды существованія“ являются тѣмъ пунктомъ, гдѣ „животный элементъ нашей природы находитъ свою темную пограничную линію“. У другихъ людей онъ, пожалуй, отсюда начинается. У васъ, наоборотъ, онъ находитъ здѣсь свою границу, то есть досюда простирается. Разъ это такъ, то, конечно, это чистосердечное признаніе вполнѣ объясняетъ духовное содержаніе и характеръ вашей книги!

Но пойдемъ далѣе: должна „водвориться война всѣхъ“, если, на мѣсто такъ называемой вами „соціальной самопомощи“ предоставленныхъ самимъ себѣ отдѣльныхъ лицъ, рабочій классъ, благодаря великимъ органическимъ мѣропріятіямъ, получитъ возможность солидарнаго производства.

Въ какую львиную шкуру вы закутываетесь, и какъ неловко и предательски выглядываютъ изъ подъ нея ваши уши, когда вы напоминаете о „войнѣ всѣхъ“! „Война всѣхъ противъ всѣхъ“, „bellum omnium contra omnes“ терминъ, изобрѣтенный великимъ англійскимъ философомъ Гоббсомъ (род. 1588).

Но Гоббсъ обозначаетъ имъ какъ разъ состояніе предоставленныхъ самимъ себѣ, живущихъ при условіяхъ абсолютной самостоятельности и равенства, индивидуумовъ, status naturalis (естественное состояніе), словомъ то, что, въ отличіе отъ государства, называютъ сферой гражданскаго общества, предоставленнаго свободной конкуренціи. По его мнѣнію, эта война всѣхъ противъ всѣхъ устраняется только съ учрежденіемъ положительнаго государства съ его принудительными законами.—Еще до Гоббса Монтэнь (род. 1553) изображалъ состояніе этого гражданскаго общества, какъ непрерывную войну на жизнь и смерть. купецъ наживается оттого, что молодежь разоряется, ар.итекторъ оттого, что дома разрушаются. Докторъ живетъ смертью паціентовъ, похороны которыхъ даютъ хлѣбъ насущный священнику. Тутъ царитъ законъ: „Le profit de l'un est dommage de l'autre“ („Польза одного ущербъ другому“). А по мѣрѣ того, какъ сво-

бодная конкуренція развивалась и вступила въ такую стадію, когда стала подвергаться критикѣ, выраженіе англійскаго философа—„война всѣхъ противъ всѣхъ“—стали примѣнять, какъ типичное для нея, свободной конкуренціи, и это значеніе за нимъ остается до сихъ поръ.

Не зная этого, не имѣя понятія о Гоббсѣ, вы мечтаете о томъ естественномъ состояніи, которое онъ назвалъ „войной всѣхъ противъ всѣхъ“. Вы отстаете почти на три столѣтія отъ людей мысли, восхищаясь нынѣ тѣмъ, что они признали никуда негоднымъ уже триста лѣтъ тому назадъ, еще задолго до наступленія ужасающей современной дѣйствительности.

Не зная исторіи этого выраженія—„война всѣхъ противъ всѣхъ“—не имѣя понятія о его смыслѣ, вы однако слышали это выраженіе, которое, какъ я уже замѣтилъ, сдѣлалось общеупотребительнымъ для обезпеченія „свободной конкуренціи“. Не потрудившись выяснить себѣ, что оно характеризуетъ именно желанное вамъ состояніе, и находя, что это хорошая „фраза“—очень хорошая фраза, превосходная фраза, какъ говоритъ мировой судья Шалло въ Шекспировскомъ „Генрихѣ четвертомъ“—фраза, которая бросаетъ тѣнь на то, къ чему ее примѣняютъ, вы рѣшили, что ее можно по произволу, какъ ярлыкъ къ бутылкѣ, приклеить къ совершенно противоположнымъ стремленіямъ! И такимъ образомъ выходитъ, по вашему, что соціализмъ не только уничтожаетъ „свободу“, но и „водворяетъ въ промышленной области войну всѣхъ противъ всѣхъ“.

Великій Шульце!

Затѣмъ вы продолжаете:

„Между тѣмъ, личная отвѣтственность предполагаетъ, какъ необходимое дополненіе, свободу труда, устраненіе препятствій, стѣсняющихъ рабочаго въ сферѣ приложенія его труда и средствъ съ цѣлью добыть себѣ пропитаніе.

„Если вы возлагаете отвѣтственность за наше существованіе на наши собственныя плечи, потому что природа надѣлила насъ необходимыми для этого силами,—то не мѣшайте же намъ свободно прилагать эти силы для достиженія этой цѣли“,—такъ, съ полнымъ правомъ отвѣчаютъ рабочіе на выше поставленное требованіе. Мы согласны, что мы обязаны повиноваться законамъ государства, какъ и всякій другой гражданинъ, обязаны уважать право, которое защищаетъ и насъ, существуетъ и для насъ, какъ для всякаго другого. Но въ области промышленности и труда должна быть свобода, каждому должна быть предоставлена возможность дѣйствовать и прилагать свои силы, какъ онъ хочетъ и можетъ, чтобы добыть средства къ существованію для себя и своихъ близкихъ. Если вы произвольно

вмѣшиваетесь въ эту область, распоряжаетесь и ограничиваете, приказываете и запрещаете, защищаете и устраняете, вносите привилегіи и поощренія для отдѣльныхъ классовъ,—то берите на себя и послѣдствія. Если, при такихъ условіяхъ, встрѣчая помѣху и стѣсненіе въ свободномъ выборѣ и осуществленіи нашей промышленной дѣятельности, мы не справимся съ нуждой, то отвѣтственность будетъ на васъ, и вы должны будете взять на себя заботу о нашемъ существованіи".

„Но эта забота не по силамъ отдѣльному классу, не по силамъ государству, еслибъ даже оно согласилось взять ее на себя. Государство не есть нѣчто, висящее въ воздухѣ, надъ людьми и внѣ людей, это совокупность всѣхъ гражданъ, и государственная казна составляется изъ того, что притекаетъ въ нее изъ кошельковъ частныхъ лицъ. Многіе могутъ содержать немногихъ, всѣ могутъ выдержать временную нужду многихъ. Но содержать продолжительное время самый многочисленный класъ гражданъ на государственныя средства, т. е. на средства остальныхъ классовъ общества,—содержать многихъ насчетъ немногихъ—было бы равносильно государственному банкротству, такъ какъ обусловленное этимъ напряженіе государственныхъ финансовъ, экстраординарное повышеніе расходовъ сопровождается при такомъ положеніи дѣлъ столь же значительнымъ уменьшеніемъ доходовъ. Не только вспомоществуемый такимъ образомъ классъ совершенно исключается изъ состава плательщиковъ податей, число которыхъ, такимъ образомъ, уменьшается; но и платежная сила остающагося меньшинства ослабѣваетъ, такъ какъ неизбѣжное повышеніе ложащихся на него налоговъ уменьшаетъ промышленный фондъ, активный капиталъ страны, а съ тѣмъ вмѣстѣ и ея доходы. И по истинѣ, результатомъ такого положенія явится не только дефицитъ въ государственныхъ финансахъ, но и нравственное и хозяйственное разложеніе общества, а прежде всего самого рабочаго класса. Полагаясь на государственную помощь, въ убѣжденіи, что рабочій не можетъ помочь себѣ своими силами, рабочій классъ утратитъ нравственное достоинство, его члены—всякое побужденіе къ старанію, прилежанію, бережливости. Вся промышленная жизнь страны попятится назадъ, и милостыня поглотитъ, наконецъ, промышленный капиталъ страны, фондъ, предназначенный для уплаты заработной платы рабочимъ".

Я не стану разбирать здѣсь всѣ извороты, заключающіеся въ приведенной цитатѣ. Сдѣлаю только два замѣчанія. Вы примѣняете своеобразный пріемъ: ополчаться противъ того, о чемъ никто не думалъ, чего никто не предлагалъ. Никто у насъ не предлагалъ, чтобы рабочіе жили милостыней государства.

Далѣе, господинъ Шульце, правильно-ли, нѣтъ-ли ваше отрицательное отношеніе къ вопросу о томъ, можетъ-ли государство внести въ наши условія производства измѣненіе въ пользу рабочихъ классовъ, —но обсуждать этотъ вопросъ вы могли бы лишь въ томъ случаѣ, если бы разъяснили сначала основныя экономическія понятія: цѣнности, обмѣна, конкуренціи, капитала, etc. Тогда бы вы могли хоть сдѣлать видъ, что утверждаемая вами невозможность или недопустимость какого бы то ни было государственнаго вмѣшательства выведена вами изъ анализа экономическихъ основоположеній и этимъ анализомъ доказана. Между тѣмъ, вы до сихъ поръ не объяснили еще ни одного экономическаго явленія. Вы нанаходитесь еще на 7 страницѣ вашего катехизиса. Рабочіе еще ни словечка не слышали отъ васъ о томъ, что такое цѣнность, обмѣнъ, конкуренція, капиталъ etc. Вы еще не покончили съ общимъ введеніемъ. И если вы уже здѣсь, не сдѣлавъ ни малѣйшей попытки къ объясненію экономическихъ законовъ, распинаетесь за невозможность государственнаго вмѣшательства, то это, очевидно, простое предположеніе; это не только по существу пустословіе, но и высказывается, какъ пустословіе. Вы сами признаете этимъ, что ваша цѣль не просвѣтить рабочихъ, выводя практическія слѣдствія изъ изслѣдованія экономическихъ предпосылокъ, а набить имъ головы пустыми предположеніями.

Вы продолжаете: „Отсюда свобода труда, свобода промышленности и свобода передвиженія, какъ необходимое условіе соціальной самопомощи. Взваливать личную отвѣтственность на человѣка, которому не дано свободы самостоятельно распоряжаться своей судьбой было бы нелѣпостью. Отвѣтственность и свобода,—это взаимно обусловливающія одна другую опоры нравственнаго, политическаго и хозяйственнаго міра“.

Итакъ „свобода промышленности и передвиженія“—вотъ, оказывается, ваши средства соціальной самопомощи. Достаточно указать на Бельгію, Францію, Англію, гдѣ свобода промышленности и свобода передвиженія давно уже осуществлены въ своемъ крайнемъ развитіи, а „соціальный вопросъ“ тѣмъ не менѣе существуетъ, и притомъ въ колоссальныхъ размѣрахъ, въ сравненіи съ которыми у насъ онъ находится еще только на первой стадіи развитія.

в) „Вспомогательныя средства труда“.

Этимъ заголовкомъ начинаете вы второй отдѣлъ вашей первой главы.

До сихъ поръ, господинъ Шульце, я слѣдовалъ за вами буквально, слово въ слово переписывая и комментируя вашу книгу, дабы, какъ уже замѣчено, никто изъ моихъ читателей не вообразилъ, что я вывожу на

свѣтъ Божій только сказанный вами вздоръ, а путное замалчиваю; дабы каждый изъ моихъ читателей видѣлъ, что только дословное приведеніе вашихъ воззрѣній можетъ показать, какую невѣроятную, непродуманную кашу представляетъ ваше сочиненіе.

Но я не могъ до конца слѣдовать этому пріему: переписывать вашу книгу слово въ слово. Мои читатели заснутъ отъ скуки. Я самъ пропаду отъ скуки. И, наконецъ, если бы я, несмотря ни на что, вздумалъ бы продолжать переписывать и объяснять вашу книгу фраза за фразой, то моя книга разрослась бы до такого объема, который сдѣлалъ бы ее недѣйствительной, недоступной читателямъ, для которыхъ она предназначается.

Итакъ, въ дальнѣйшемъ я постараюсь передавать въ сжатой формѣ ваши разсужденія, хотя ихъ кашеобразный, непродуманный характеръ дѣлаетъ эту задачу почти невыполнимой; а цитировать дословно стану лишь такія мѣста, въ которыхъ безсмыслица достигаетъ кульминаціоннаго пункта. Но ради сбереженія времени и мѣста я даже въ отношеніи такихъ мѣстъ буду снисходителенъ, очень снисходителенъ, и большинство ихъ спущу вамъ.

Итакъ, подъ заголовкомъ „Вспомогательныя средства труда" вы на цѣлыхъ трехъ страницахъ разводите простое положеніе о томъ, что человѣческая природа предполагаетъ трудъ, или—на вашемъ неясномъ языкѣ — о „помощи", которую трудъ оказываетъ человѣческой природѣ. При этомъ у васъ вырывается между прочимъ слѣдующее признаніе (стр. 10): „Итакъ, прежде, чѣмъ начнется какое-либо занятіе, какая-либо работа съ промышленными цѣлями, надо позаботиться о заготовленіи сырого матеріала для обработки, необходимыхъ орудій и, наконецъ, средствъ къ существованію, для себя и сотрудниковъ, во время работы".

Въ самомъ дѣлѣ, господинъ Шульце? Вамъ это извѣстно? Вы сознаетесь, что „прежде чѣмъ" приступить къ работѣ, необходимо позаботиться о сырыхъ матеріалахъ, орудіяхъ и средствахъ къ существованію, имѣть ихъ въ запасѣ, то-есть—имѣть капиталъ? Но если такъ, то что же остается отъ „свободы" и „самостоятельности" рабочаго, лишеннаго средствъ? Стало быть, даже по вашему выходитъ, что со всей „свободой труда" лишенный капитала рабочій остается ни причемъ, не можетъ даже „начать" работу или, иначе сказать, совершенно несвободенъ въ отношеніи работы, предоставленъ въ жертву нищетѣ и эксплуатаціи, пока такъ или иначе не будутъ „предварительно заготовлены сырые матеріалы, орудія и средства къ существованію", которыхъ у него нѣтъ. И все это строго

послѣдовательный выводъ изъ вашихъ собственныхъ словъ! Вы сами, великій мыслитель, приходите къ тому, что для лишеннаго средствъ рабочаго, не обладающаго капиталомъ, наличность котораго необходима „прежде чѣмъ можно будетъ приступить къ какой бы то ни было работѣ съ промышленными цѣлями“,—что для такого рабочаго „свобода промышленности“ сводится къ свободѣ выбирать отрасль труда, въ которой онъ не работаетъ, или, работая, голодаетъ; „свобода передвиженія“ сводится къ свободѣ выбирать мѣсто голодовки! Все это строго послѣдовательно вытекаетъ изъ вашихъ собственныхъ словъ, послѣдовательный мыслитель!

Послѣ этого, съ несравненной, характерной для васъ, логикой, вы принимаетесь доказывать, что „деньги“—не капиталъ, прежде чѣмъ опредѣлили самое понятіе капитала,—это вы пытаетесь сдѣлать только во второй главѣ,—а затѣмъ переходите къ третьему отдѣлу:

c) „Форма труда внутри человѣческаго общества“.

Здѣсь намъ снова приходится слѣдовать за вами дословно и безъ сокращеній.

Вы начинаете съ положеній, которыя сами по себѣ совершенно правильны, но у васъ лишены всякаго смысла, такъ какъ вы всѣ свои усилія напрягаете къ тому, чтобы уничтожить ихъ смыслъ и вытекающія изъ нихъ слѣдствія. Вы говорите: „необходимо принять въ соображеніе еще одинъ элементъ, которымъ опредѣляется форма и способъ совершенія работы: человѣческое общество“.

Правильно, господинъ Шульце! И если бы вы продумали и послѣдовательно развили это положеніе, которое, при надлежащей постановкѣ, уже само по себѣ даетъ ключъ къ пониманію экономическихъ отношеній,—если бы оно не фигурировало у васъ только въ качествѣ ходячей и общепринятой фразы, которой вы пользуетесь такъ же непродуманно, какъ и противоположными фразами, то оно привело бы васъ, какъ увидимъ ниже, къ совершенно инымъ выводамъ, діаметрально противуположнымъ тѣмъ, которые вы дѣлаете.

Вы продолжаете: „Рабочій человѣкъ не живетъ одиноко на необитаемомъ островѣ; подлѣ него и вокругъ него живутъ другіе люди съ такими же потребностями и побужденіями, удовлетвореніе которыхъ также зависитъ отъ ихъ личной дѣятельности“.

Строго говоря, уже здѣсь обнаруживается пошлость вашего пониманія этого тезиса, которая мѣшаетъ вамъ вывести его послѣдствія.

Не просто проживаніе рядомъ людей, только обмѣнивающихся продуктами индивидуальной работы, образуетъ человѣческое общество и обще-

ственную работу,—какъ вы это себѣ представляете и то и дѣло повторяете, господинъ Шульце,—процессъ производства также является общественнымъ. Современная общественная работа, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, представляетъ не совокупность рядомъ идущихъ самостоятельныхъ дѣятельностей, но тѣсное общественное соединеніе взаимно переплетающихся работъ многихъ надъ производствомъ одного и того же продукта.

Любая фабрика можетъ вамъ показать это, господинъ Шульце,—для этого достаточно непосредственнаго внѣшняго наблюденія.

Да и въ большинствѣ производствъ существуетъ тоже самое, хотя въ болѣе скрытой формѣ.

Но если крупное производство современнаго общества уже въ настоящее время стало общимъ, кооперативнымъ, то распредѣленіе производимыхъ продуктовъ,—въ этомъ одно изъ основныхъ противорѣчій современнаго общества,—остается не общимъ, а индивидуальнымъ, т. е. продуктъ, не только какъ предметъ, но и какъ цѣнность, становится личной собственностью предпринимателя, который пользуется имъ только для своей выгоды, а ко всѣмъ рабочимъ, трудившимся сообща надъ изготовленіемъ продукта, относится, какъ къ людямъ, которые, по вашему выраженію, „прежде чѣмъ начнется какое-либо занятіе, какая-либо работа съ промышленными цѣлями“, „не позаботились“ о заготовкѣ сырого матеріала, необходимыхъ орудій и, наконецъ, средствъ къ существованію, для себя и своихъ соработниковъ, во время работы“; а потому могутъ эксплуатироваться по закону заработной платы, какой долженъ сложиться, при такихъ условіяхъ, для людей, не имѣющихъ возможности „начать какое либо занятіе, какую либо работу съ промышленными цѣлями“.

Эта уже осуществившаяся общность производства съ одной стороны и этотъ крайній индивидуализмъ въ распредѣленіи съ другой—составляютъ то глубокое противорѣчіе, „которымъ существенно опредѣляется форма и способъ совершенія работы; противорѣчіе, которое мы подробнѣе анализируемъ ниже, прослѣдивъ его отдаленнѣйшія послѣдствія для общественной работы“.

Но вы сами должны были бы прійти, по крайней мѣрѣ, къ признанію факта существованія этого противорѣчія, если бы хоть сколько-нибудь вникли въ ваше собственное положеніе объ обществѣ, какъ элементѣ, „который существенно опредѣляетъ форму и способъ совершенія работы“,—если бы вы обратили вниманіе на опредѣленную форму нашего производства. Но вѣрное и невѣрное,—все у васъ превращается въ смутную, ту-

манную, надутую фразу! Вмѣсто того, чтобы поразмыслить о томъ, какую именно „опредѣленную форму" придаетъ производству современное общество, вы продолжаете пережевывать жвачку своихъ фразъ: „и это не только не мѣшаетъ индивидууму въ добываніи средствъ къ существованію, не только не препятствуетъ ему въ достиженіи цѣли работы, но, наоборотъ, поощряетъ его, и всѣ чувствуютъ, что врожденный общественный инстинктъ побуждаетъ ихъ къ живѣйшему общенію и тѣсной связи". (Вмѣсто того, чтобы исходить изъ экономическихъ соображеній, вы внезапно впадаете въ „чувствительное" настроеніе). „Нѣтъ сомнѣнія, что человѣкъ созданъ природой для общественнаго сожитія съ себѣ подобными, такъ какъ всѣ его инстинкты и способности неодолимо побуждаютъ его искать и добиваться этого общенія. Онъ не можетъ, хотя бы и захотѣлъ, жить одинъ, какъ звѣрь въ лѣсу. Въ одиночествѣ онъ пропадетъ, не исполнитъ своего назначенія,—подразумѣваемъ естественное назначеніе, такъ какъ теологическое насъ не касается. Но это естественное назначеніе человѣка, какъ и всѣхъ остальныхъ живыхъ существъ, заключается въ развитіи всѣхъ заложенныхъ въ немъ задатковъ и способностей".

Какъ отлично рабочіе вашего друга, коммерціи совѣтника и фабриканта Леонора Рейхенгейма могутъ развивать „всѣ заложенные въ нихъ задатки и способности"!

„Такого развитія, однако, человѣкъ не можетъ достигнуть, ведя вполнѣ замкнутую жизнь наединѣ съ самимъ собою; онъ нуждается для этого въ совмѣстной жизни, обусловливающей возможность обмѣна взаимными услугами съ себѣ подобными".

Въ этомъ елейномъ пустословіи „обмѣнъ" снова играетъ главную роль! Ниже я объясню вамъ, какъ вы злоупотребляете этимъ понятіемъ, отнимая у него всякую опредѣленность. „Обмѣнъ" можетъ существовать лишь у тѣхъ, кто мѣняется готовыми продуктами. Но, конечно, коммерціи совѣтникъ Рейхенгеймъ и его работники „обмѣниваются взаимными услугами"! (Какъ мило, какъ трогательно!)

„Безъ этого индивидуумъ могъ бы вести развѣ только самое скаредное матеріальное существованіе, и все его время и силы уходили бы на утомительные и грубые способы добыванія необходимѣйшихъ жизненныхъ средствъ, а для развитія высшихъ задатковъ ума и духа не было бы ни времени, ни случая. Никогда не слѣдуетъ упускать изъ вида, что самая жалкая и низкая участь, какая можетъ выпасть на долю кому-либо изъ насъ, предпочтительнѣе существованія внѣ человѣческаго общества, внѣ всякихъ сношеній съ другими людьми. Бѣднѣйшій поденщикъ спитъ на

соломѣ, имѣетъ хотя бы самую плохую одежду и кровъ, кусокъ хлѣба для утоленія голода и какую-нибудь утварь и орудія для хозяйства и работы. А каково бы ему было, если бъ онъ очутился, голый и съ пустыми руками, одинъ въ пустынѣ,—могъ-ли бы онъ тогда добыть эти предметы?"

Но вѣдь, по вашему же, такая участь постигла бы всякаго, если бъ не было человѣческаго общества,—даже господина Леонора Рейхенгейма, если бы онъ жилъ внѣ общества. И вамъ никогда не приходило въ голову, господинъ Шульце, поразмыслить о томъ, какъ же это случилось, что человѣческое общество приноситъ одному индивидууму такъ много, другому такъ мало пользы.

По вашимъ же собственнымъ словамъ, это не можетъ зависѣть отъ индивидуальной работы; такъ какъ, по вашимъ собственнымъ словамъ, мы, очутившись внѣ человѣческаго общества, въ положеніи изолированныхъ индивидуумовъ, всѣ вмѣстѣ не имѣли бы ничего, несмотря на какую угодно индивидуальную рабочую силу. Слѣдовательно, по вашимъ собственнымъ словамъ, это должно зависѣть отъ данной организаціи человѣческаго общества! И вы сами уже признали это, усмотрѣвъ въ „человѣческомъ обществѣ" элементъ, „которымъ существенно опредѣляется форма и способъ совершенія работы",—а, стало быть, и приносимый ею доходъ.

Итакъ, въ этой формѣ производства, посредствомъ которой современное человѣческое общество опредѣляетъ „форму и способъ совершенія работы", слѣдовало бы измѣнить именно то, изъ-за чего одинъ человѣкъ получаетъ отъ „человѣческаго общества", отъ общенія людей, такъ много, а другой такъ мало пользы.

Такимъ образомъ даже въ вашей дрянной книгѣ, даже въ вашей непродуманной болтовнѣ все-таки содержатся положенія, которыя вполнѣ допускаютъ и признаютъ необходимость измѣненія формы производства, „формы и способа совершенія работы", придаваемыхъ современнымъ человѣческимъ обществомъ общественному труду.

Конечно, вы пуще всего остерегаетесь взглянуть прямо въ глаза вашему собственному положенію, что человѣческое общество является элементомъ, опредѣляющимъ форму и способъ совершенія труда.

Мы видѣли, какъ, вмѣсто выясненія сути этого положенія, которымъ начинается отдѣлъ, цѣликомъ посвященный его разъясненію, вы разжижаете его пустѣйшими общими фразами. Посмотримъ, какъ вы его развиваете дальше. На той же страницѣ (стр. 12) вы продолжаете:

„Посмотримъ теперь, какъ эти условія относятся къ тому круговороту, который, какъ мы видѣли, составляетъ содержаніе жизни отдѣльнаго че-

ловѣка, и какимъ образомъ эти два факта- -требованія личной жизни и условія общественныхъ сношеній,- -приходятъ въ согласіе между собою.

„Потребность—усиліе—удовлетвореніе, таковы три момента, изъ которыхъ, какъ мы видѣли, слагается упомянутый круговоротъ. Если мы станемъ разсматривать ихъ по одиночкѣ, то, при внимательномъ наблюденіи, существенная разница между ними тотчасъ бросится намъ въ глаза. Въ потребности и удовлетвореніи, начальномъ и конечномъ пунктахъ цѣлаго, постоянно переходящихъ одинъ въ другой и возникающихъ одинъ изъ другого, мы имѣемъ передъ собою нѣчто въ высшей степени личное, въ томъ смыслѣ, что ихъ переходъ другъ въ друга постоянно совершается въ одномъ и томъ же лицѣ, безъ участія другого. Нѣтъ такой потребности, удовлетвореніе которой могло бы происходить не у того лица, которое эту потребность испытываетъ, а у другого. Ни моего голода, ни моей жажды, ни моей усталости не могу я сообщить сытому или отдохнувшему, и самъ не сдѣлаюсь сытымъ или отдохнувшимъ оттого, что другой ѣстъ или спитъ. Ничего не подѣлаешь: я долженъ самъ ѣсть, пить, спать, дышать и т. д., если испытываю потребность въ этомъ,—безъ этого не обойдешься; другой не можетъ сдѣлать этого за меня. Итакъ, это установлено разъ навсегда: невозможно, чтобы кто-либо передалъ свою потребность другому и чтобы удовлетвореніе потребности, кѣмъ-либо ощущаемой, могло совершиться не въ немъ самомъ, а въ другомъ лицѣ. Оба процесса непосредственно и неизбѣжно сливаются въ одномъ и томъ же человѣкѣ.

„Совершенно иначе обстоитъ дѣло съ среднимъ звѣномъ цѣпи—усиліемъ, при посредствѣ котораго потребность достигаетъ удовлетворенія. „Продукты человѣческаго труда передаваемы“,—гласитъ относящійся сюда экономическій законъ. Мы не можемъ пользоваться одинъ за другого, но мы можемъ работать одинъ за другого, можемъ оказывать другъ другу взаимныя услуги и доставлять другъ другу то, въ чемъ каждый нуждается—таково великое и мудрое установленіе природы, благодаря которому становится возможнымъ общество, общественныя отношенія людей“.

Слыхано ли это! Да развѣ ваши рабочіе негры, господинъ Шульце? На цѣлой страницѣ вы объясняете имъ, что каждый долженъ самъ ѣсть, самъ пить, если хочетъ быть сытымъ, что тутъ „ничего не подѣлаешь“ и проч., и проч., и проч. Ваши рабочіе этого не знали, пока не обратились къ вамъ, господинъ Шульце? И этотъ младенческій лепетъ вы называете популярными лекціями для рабочихъ?

На цѣлой страницѣ вы объясняете рабочимъ, что они не могутъ возложить ѣду и питье на другихъ людей—и все это, какъ замѣтилъ одинъ

острякъ, съ цѣлью доказать рабочимъ, что они должны возложить ѣду и питье на буржуазію.

Продолжая свое просвѣщенное объясненіе положенія о человѣческомъ обществѣ, какъ элементѣ, опредѣляющемъ форму и способъ совершенія труда, вы говорите:

„Но эта естественная организація труда, коренящаяся въ организаціи самого человѣка, какъ мы уже упоминали въ общихъ чертахъ, не только дѣлаетъ возможнымъ общество,—она дѣлаетъ его необходимымъ". „Эта организація труда"? Какая организація труда, господинъ Шульце? Вы еще ни о какой организаціи труда не говорили. Вы еще даже не пробовали описать, изложить, разъяснить существующую нынѣ организацію труда. У васъ пока нѣтъ ничего, кромѣ злоупотребленія фразами, громкими фразами! Вы еще ничего не высказали, кромѣ ребяческаго положенія, что „хотя никто не можетъ возложить на другого ѣду, но можетъ возложить работу". Правда, это положеніе вы не только высказали, но и размазали на двухъ страницахъ. Но отъ этого оно не сдѣлалось содержательнѣе. И ссылаясь на это положеніе, вы уже говорите объ „этой естественной организаціи труда", какъ будто хоть сколько-нибудь потрудились описать и разъяснить дѣйствительно существующую организацію.

О, неистощимый пустословъ!

Тотчасъ затѣмъ вы продолжаете, или, лучше сказать, начинаете сызнова: „Мы не только можемъ работать другъ за друга, снабжать другъ друга продуктами нашего труда,—нѣтъ, мы должны это дѣлать, если желаемъ достигнуть полнаго удовлетворенія всѣхъ потребностей посредствомъ нашего труда".

Бимъ! бамъ! бимъ! бамъ!

„Такъ какъ,—продолжаете вы,—уже формулированному нами положенію: что внѣ общества потребности изолированнаго человѣка превосходятъ его силы, и онъ осужденъ на гибель, противостоитъ другое, столь же неопровержимое, положеніе:

что внутри общества въ обмѣнѣ взаимныхъ продуктовъ труда и услугъ силы человѣка далеко превосходятъ его потребности".

Ну-съ, господинъ Шульце: первое изъ этихъ положеній, которое вы печатаете особымъ шрифтомъ и въ разрядку,—что внѣ общества потребности изолированнаго человѣка превосходятъ его силы и онъ осужденъ на гибель,—вѣрно, внѣ всякаго спора вѣрно. Оно вѣрно для всѣхъ, для каждаго человѣка, даже, какъ я уже замѣтилъ вамъ, для господина Леонора Рейхенгейма, что вы и сами признаете, прилагая это положеніе къ человѣку вообще, просто къ „человѣку".

Но второе положеніе, напечатанное тѣмъ же шрифтомъ,—что „внутри общества силы человѣка далеко превосходятъ его потребности“,—можно ли его назвать вѣрнымъ въ такомъ же всеобщемъ смыслѣ? По отношенію къ Леонору Рейхенгейму и многимъ, находящимся въ такомъ же или даже нѣсколько менѣе благополучномъ состояніи, оно, конечно, вѣрно, въ высшей степени и въ различныхъ степеняхъ вѣрно. Но значитъ ли это, что оно вѣрно „для человѣка“? Или для большинства людей? Для половины? для четвертой части?

Долженъ-ли я указывать вамъ на статистическія изслѣдованія о положеніи пролетаріата въ Англіи, странѣ, гдѣ „свобода промышленности и передвиженія“ безусловно господствуютъ,—странѣ, которую вы (стр. 70 вашего катехизиса), въ своемъ колоссальномъ невѣжествѣ, такъ прославляете именно за положеніе ея рабочихъ? или на Фландрію, которая также пользуется всѣми преимуществами свободы промышленности и передвиженія, и, благодаря этимъ благамъ, уже въ 1847 г. насчитывала 225.894 бродягъ моложе 18 лѣтъ на населеніе менѣе чѣмъ въ полтора милліона, а въ Восточной Фландріи 36 нищихъ на 100 жителей.

Но останемся въ нашемъ отечествѣ.

Просмотрите же данныя о положеніи земледѣльческаго рабочаго населенія въ моемъ сочиненіи „Косвенные налоги и положеніе рабочаго класса“,—данныя, заимствованныя мною изъ официальныхъ изслѣдованій Королевской Экономической Коллегіи и основанной на нихъ работы профессора Ленгеркс, напечатанной, по распоряженію правительства, въ 1849. Тамъ вы на каждой страницѣ найдете офиціальныя признанія и спеціальныя указанія,—хотя офиціальный отчетъ естественно стремится представить положеніе вещей въ возможно лучшемъ свѣтѣ,—на то, что эти люди „даже при дешевыхъ цѣнахъ на пищевые продукты почти постоянно терпятъ нужду въ пищѣ“; „что большинство мужчинъ этого класса не достигаютъ высокаго возраста, вслѣдствіе плохого образа жизни, чрезмѣрной работы и недостаточнаго питанія“, что „ихъ физическая сила понижается“, вслѣдствіе преимущественнаго питанія картофелемъ и „недостаточнаго и плохого питанія вообще“.

Или, быть можетъ, вы предпочитаете статистическія данныя о положеніи промышленнаго рабочаго класса.

Въ такомъ случаѣ прочтите въ моей „Книгѣ для чтенія рабочимъ“ данныя о средней продолжительности жизни промышленнаго рабочаго класса, собранныя мною изъ лучшихъ и неоспоримыхъ статистическихъ источниковъ. Прочтите, напр., приводимыя мною изъ изслѣдованій тайнаго совѣт-

ника Энгеля, директора здѣшняго офиціальнаго статистическаго бюро, свѣдѣнія о томъ, что средняя продолжительность жизни берлинскихъ рантье $66^1/_2$ лѣтъ, рабочихъ-механиковъ только $37^1/_2$ лѣтъ, переплетчиковъ—35, а рабочихъ на табачныхъ и сигарныхъ фабрикахъ—31 годъ,—иными словами: вслѣдствіе плохихъ условій существованія рабочіе не достигаютъ и половины естественной продолжительности жизни.

Или, не желаете-ли вы получить понятіе о количественныхъ отношеніяхъ между тѣми, чьи „силы и средства въ обществѣ далеко превышаютъ ихъ потребности", и тѣми, чьи силы и средства „далеко отстаютъ отъ ихъ потребностей"?

Въ такомъ случаѣ загляните еще разъ въ мое сочиненіе „Косвенные налоги и положеніе рабочаго класса", гдѣ я показалъ, сопоставленіемъ точнѣйшихъ офиціальныхъ данныхъ, что бѣднѣйшій классъ общества, платящій $^1/_2$, 1, 2 и 3 талера ежегодно класснаго налога, составляетъ не менѣе 89,06 процентовъ всѣхъ плательщиковъ класснаго налога въ государствѣ. И если въ моемъ „Гласномъ отвѣтѣ" я еще долженъ быть удовольствоваться общими указаніями, то въ упомянутыхъ сочиненіяхъ доказательства, основанныя на новѣйшихъ и точнѣйшихъ офиціальныхъ изданіяхъ настолько точны, что со времени обнародованія моихъ „Косвенныхъ налоговъ" и „Приложенія" къ франкфуртской „Книгѣ для чтенія рабочимъ" никакой Шульце и никакой Вакернагель не могли ничего возразить, и весь шумъ, поднявшійся въ этомъ направленіи противъ моего „Гласнаго Отвѣта", долженъ былъ плачевно замолкнуть!

Вотъ, стало быть, количественныя отношенія между тѣми, чьи силы и средства въ обществѣ, какъ вы говорите, „далеко превосходятъ потребности", и тѣми, чьи силы и средства далеко отстаютъ отъ потребностей!

Но къ чему намъ съ вами возиться съ статистикой, господинъ Шульце?

Загляните въ вашъ собственный здѣшній рабочій союзъ.

Кто изъ этихъ работниковъ, хотя бы даже тѣхъ, которые восторженно привѣтствуютъ васъ,—если вы спросите ихъ просто и серьезно,—согласится что ихъ силы и средства „далеко превосходятъ потребности"? Кто изъ этихъ рабочихъ не смутился бы, если бъ вы прямо, безъ аппарата фразъ, предложили ему согласиться съ этимъ утвержденіемъ. Неужели вы не видите, господинъ Шульце, что эти люди аплодируютъ вамъ только потому, что безконечная шумиха вашихъ непродуманныхъ, трескучихъ, надутыхъ фразъ уже отняла у нихъ способность мыслить, уже довела ихъ до того, что они не понимаютъ смысла фразъ, на которыя отвѣчаютъ крикомъ „ура!"?

Итакъ, когда вы говорите, что внутри общества силы и средства „человѣка далеко превосходятъ его потребности“, на это можно возразить одно: какъ „рабочимъ“ въ вашихъ глазахъ является акціонеръ Кельнъ-Минденской желѣзной дороги, что уже доказано мною выше, такъ и „человѣкомъ“, нормальнымъ человѣкомъ, представителемъ рода, вы, вполнѣ послѣдовательно, считаете господина Леонора Рейхенгейма.

Или, быть можетъ, высказывая положеніе, что внутри общества „силы человѣка далеко превосходятъ его потребности“, вы употребляете это неопредѣленоое, двусмысленное выраженіе—„силы человѣка“—не въ томъ смыслѣ, какъ я его опредѣлилъ и пояснилъ въ своей передачѣ: „силы и средства человѣка“? Можетъ быть, вы понимаете его въ томъ смыслѣ, что внутри общества только производительныя силы человѣка—но не его средства—„далеко превосходятъ потребности“, такъ что хотя онъ производитъ, вырабатываетъ гораздо больше, чѣмъ нужно для его потребностей, но это не обращается на его личную пользу, въ качествѣ его собственныхъ средствъ?

Но въ такомъ случаѣ куда же дѣвается то, что человѣкъ внутри общества производитъ свыше собственныхъ потребностей, и что, однако, не идетъ въ его пользу, въ качествѣ его собственныхъ средствъ? Значитъ, этотъ избытокъ, создаваемый его производительными силами, перемѣщается въ чужіе карманы?

Если такъ, то вы признали все, что я утверждаю, и что вы оспариваете!

Такъ какъ именно я утверждаю, что въ настоящее время человѣкъ производитъ и можетъ производить по крайней мѣрѣ столько, сколько ему нужно, но благодаря современной организаціи производства его производительныя силы и производительныя работы не превращаются въ его собственныя средства.

Выходитъ, стало быть,—такъ какъ вы, конечно, не расположены признать мое мнѣніе,—что въ вашемъ положеніи: „внутри общества силы человѣка далеко превосходятъ его потребности“—слово „силы“ надо понимать въ смыслѣ „силы и средства“, какъ я уже объяснилъ. Выходитъ, что для васъ, дѣйствительно, господинъ Леоноръ Рейхенгеймъ есть „человѣкъ“ вообще, представитель рода.

Въ самомъ дѣлѣ, что значатъ люди, находящіеся въ иномъ положеніи? Ихъ можно забавлять громкими фразами, ихъ можно пичкать словесной кашей и клейстеромъ, пока не замажешь каждую щелку въ ихъ мозгахъ, такъ что они начнутъ рычать и ревѣть противъ собственныхъ интересовъ!

Но послушаемъ дальше, несмотря на нестерпимую скуку трезвона, при

помощи котораго вы разъясняете задачу, поставленную вами себѣ въ этомъ отдѣлѣ, озаглавленномъ „Форма труда въ человѣческомъ обществѣ“,—задачу показать, какъ „форма и способъ осуществленія труда существенно опредѣляются человѣческимъ обществомъ“. Вѣдь вы еще ни слова не сказали въ объясненіе этой задачи! До сихъ поръ всѣ ваши слова,—а мы привели безъ пропусковъ, слово за словомъ, то, что уже сказано въ этомъ отдѣлѣ, — исчерпывались безсмысленнѣйшей размазней общихъ мѣстъ. Но должны же вы когда нибудь подойти къ сути дѣла; быть можетъ, это случиться дальше; посмотримъ!

Немедленно вслѣдъ за вышеприведенной фразой вы продолжаете такъ:

„Одна изъ главныхъ причинъ, почему люди, дѣйствуя каждый самъ по себѣ, неспособны обезпечить удовлетвореніе всѣхъ своихъ потребностей, заключается въ крайне различномъ распредѣленіи между ними способностей и силъ, въ различіи дарованій, благодаря которому отдѣльные люди способны лишь къ тѣмъ или другимъ, а не ко всѣмъ многочисленнымъ и разнообразнымъ работамъ, необходимымъ для этой цѣли. Вслѣдствіе этого, они должны были, побуждаемые собственной природой, прійти къ единственному возможному выходу и распредѣлить между собой эти задачи. Вмѣсто того, чтобы браться за всѣ работы, необходимыя для удовлетворенія всѣхъ своихъ потребностей, каждый посвящаетъ свои силы только той или другой изъ нихъ. Конечно, въ такомъ случаѣ его непосредственная дѣятельность можетъ удовлетворить лишь ту или другую изъ его потребностей. Но отдавая все свое время и силы изготовленію извѣстныхъ предметовъ или исполненію извѣстныхъ работъ, онъ естественно производитъ въ этой спеціальной отрасли гораздо больше, чѣмъ нужно для него самого, и, такимъ образомъ, получитъ болѣе или менѣе значительный избытокъ, который можетъ уступить другимъ лицамъ. А такъ какъ они, съ своей стороны, поступаютъ точно также, и каждый изъ нихъ избираетъ спеціальную отрасль труда, то, при безконечномъ разнообразіи наклонностей и способностей человѣческихъ, можно съ увѣренностью разсчитывать, что всѣ мыслимые роды занятій найдутъ своихъ представителей, и общій итогъ во всевозможныхъ направленіяхъ окажется достаточнымъ. Такимъ образомъ, каждый можетъ быть увѣренъ въ томъ, что получитъ все необходимое въ обмѣнъ за избытокъ, производимый имъ въ своей отрасли труда, подъ тѣмъ условіемъ, конечно, что продукты его труда тоже могутъ служить для удовлетворенія потребностей другихъ людей и годятся для нихъ. Одинъ, напр., изготовляетъ сукно, другой платье, третій обувь, тотъ мебель, другіе строятъ дома, занимаются хлѣбопашествомъ, горнымъ дѣломъ и т. д., и

каждый обмѣниваетъ добытые имъ продукты, ненужные для его собственнаго употребленія, на продукты другихъ".

Это заявленіе превосходитъ все, что сказано вами до сихъ поръ!

Вы говорите съ рабочими, господинъ Шульце. Вы пишете „Рабочій катехизисъ". И вы изображаете этимъ людямъ „форму труда въ современномъ обществѣ" такъ: „одинъ, напр., изготовляетъ сукно, другой платье, третій обувь, тотъ мебель, другіе строятъ дома, занимаются хлѣбопашествомъ, горнымъ дѣломъ и т. д., и каждый обмѣниваетъ добытые имъ продукты, негодные для его собственнаго употребленія, на продукты другихъ". Иными словами, вы изображаете рабочимъ ихъ классъ, какъ міръ чистыхъ предпринимателей!

Въ вашей розовой фантазіи фабричные рабочіе, эти части машинъ крупнаго производства, превращаются въ маленькихъ самостоятельныхъ предпринимателей, которые обладаютъ готовыми продуктами и продаютъ ихъ за свой счетъ! Такъ вотъ какова по вашему „форма труда въ (современномъ) человѣческомъ обществѣ", вотъ какимъ образомъ человѣческое общество „опредѣляетъ форму и способъ осуществленія труда"! Былъ-ли когда-нибудь такой грубый обманъ, и можно-ли послѣ этого вѣрить вашей искренности? Правда, вы и въ области народнаго хозяйства остаетесь все тѣмъ же маленькимъ судейскимъ крючкомъ, какимъ были раньше,—но всякій ребенокъ знаетъ о современныхъ экономическихъ отношеніяхъ настолько, чтобы осмѣять ваше изображеніе процесса труда!

Вы рѣшаете этотъ соціальный вопросъ гораздо скорѣе и безспорнѣе, чѣмъ я,—на бумагѣ! Вы прячете всѣхъ рабочихъ и превращаете ихъ въ предпринимателей—на бумагѣ!

И работникъ, котораго это одурачиваніе, этотъ туманъ пустословія уже наркотизировали до того, что отняли у него не только разсудокъ, но и слухъ, зрѣніе, осязаніе,—работникъ съ восторгомъ кричитъ „ура", когда вы изображаете современный трудъ его класса въ такомъ видѣ, какъ будто каждый отчуждаетъ „добытые имъ продукты", каждый является самостоятельнымъ предпринимателемъ!

Если это фальсификація, которая устраняетъ всякую мысль о томъ, что вы вѣрите вашимъ собственнымъ словамъ, и заставляетъ удивляться смѣлости, съ какою вы рѣшаетесь преподносить ее собранію рабочихъ, то, съ другой стороны, въ той же коротенькой, въ двѣ строчки, фразѣ проявляется такое грандіозное и такое наивное непониманіе современнаго общественнаго труда, „формы и способа осуществленія труда", опредѣляемой совре-

меннымъ человѣческимъ обществомъ, которое можетъ вынудить только самый веселый смѣхъ.

„Каждый обмѣниваетъ добытые имъ продукты, ненужные для его собственнаго употребленія, на продукты другихъ“.

Господинъ Шульце! Патримоніальный судья! Неужели же вы не имѣете никакого представленія о дѣйствительной организаціи современнаго общественнаго труда? Или вы никогда не выѣзжали изъ Биттерфельда и Делича? Въ какомъ собственно столѣтіи среднихъ вѣковъ живете вы со всѣми вашими воззрѣніями?

Въ этихъ наивныхъ словахъ вы изображаете современный процессъ общественнаго труда такъ, какъ будто каждый добываетъ своей работой сначала продукты, которые потребляетъ самъ, а затѣмъ избытокъ продуктовъ, ненужный „для его собственнаго употребленія“.

Это изображеніе современнаго производственнаго процесса не результатъ описки или неточнаго употребленія словъ,—будь это такъ, я не сталъ бы и говорить о немъ. Напротивъ, вы дѣйствительно такъ представляете себѣ организацію современнаго труда. Такъ, на стр. 14 вы говорите еще обстоятельнѣе: „такимъ образомъ, каждый можетъ быть увѣренъ въ томъ, что получитъ все необходимое въ обмѣнъ за избытокъ, производимый имъ въ своей отрасли труда“; тоже повторяется въ другихъ мѣстахъ. И это ничуть не удивительно съ вашей стороны. Правда, Бастіа говоритъ въ одномъ мѣстѣ („Harm. écon.“, ed. Brux., стр. 102): „Обмѣнъ, говорятъ нѣкоторые, есть обмѣниваніе излишка на необходимое. Помимо того, что это противорѣчитъ фактамъ, происходящимъ на нашихъ глазахъ, такъ какъ кто рѣшится сказать, что крестьянинъ, продавая пшеницу, которую онъ посѣялъ и которой никогда не ѣстъ, продаетъ излишекъ“ и т. д. Но, если не ошибаемся, тотъ же Бастіа въ другомъ мѣстѣ, котораго мы не можемъ сейчасъ найти, хотя ясно его помнимъ, вполнѣ опредѣленно объясняетъ современную организацію труда въ томъ смыслѣ, что каждый производитель обмѣниваетъ „excès de sa production“ (избытокъ своего производства) на избытокъ производства другихъ. Противорѣчіе между этими двумя мѣстами не удивитъ того, кто прочтетъ ниже наши указанія на безпрестанныя противорѣчія, въ которыя впадаетъ недомысліе этого господина.

Итакъ, господинъ Шульце, вы представляете себѣ современный общественный трудъ такимъ, какимъ онъ дѣйствительно былъ въ ранніе вѣка средневѣковья, — трудомъ натуральнаго хозяйства, въ которомъ каждый производилъ сначала то, что необходимо ему самому, а обмѣниваетъ только избытокъ своихъ продуктовъ, ненужный для него самого!

Вы, стало быть, и не подозрѣваете, что современный общественный трудъ характеризуется именно тѣмъ, что каждый производитъ то, что ему самому не нужно. Вы не подозрѣваете о томъ, что со времени водворенія крупной промышленности такъ и быть должно, что въ этомъ заключается форма и суть современнаго труда, и что, не уяснивъ себѣ совершенно отчетливо этого пункта, невозможно понять ни одной стороны современныхъ экономическихъ явленій?

По вашему, стало быть, господинъ Леоноръ Рейхенгеймъ въ Вюсте-Гирсдорфѣ производитъ сначала ту хлопчато-бумажную пряжу, которую потребляетъ самъ. Избытокъ же ея, который его дочери уже не могутъ превратить въ носки и ночныя фуфайки, онъ обмѣниваетъ.

Господинъ Борзигъ производитъ сначала машины для надобностей собственной семьи. Избытокъ же ихъ продаетъ.

Магазины траурныхъ принадлежностей предусмотрительно работаютъ прежде всего ради смертныхъ случаевъ въ собственныхъ семьяхъ. Но, за немногочисленностью такихъ случаевъ, остается избытокъ траурныхъ матерій, который они обмѣниваютъ.

Господинъ Вольфъ, владѣлецъ здѣшняго телеграфнаго бюро, отправляетъ телеграммы прежде всего себѣ самому для собственнаго поученія и развлеченія. А когда насытится ими, то обмѣнивается остаткомъ съ биржевыми дѣльцами и газетными редакціями на излишнія для нихъ корресполденціи и акціи.

Я происхожу изъ семьи оптоваго торговца, господинъ Шульце. Когда мнѣ было 10 лѣтъ, я никакъ не могъ понять, почему мои мать и сестра, желая сшить себѣ шелковыя платья, отправлялись въ лавку розничнаго торговца, гдѣ естественно платили гораздо дороже за тѣ же матеріи, большой запасъ которыхъ хранился въ магазинѣ моего отца. Но достигнувъ двѣнадцатилѣтняго возраста, я понялъ причину безпокоившаго меня явленія. Мой отецъ продавалъ матеріи оптомъ, и потому понесъ бы гораздо большій убытокъ, испортивъ въ угоду семьѣ цѣлую штуку матеріи, чѣмъ заплативъ розничному торговцу какую-угодно надбавку. Кромѣ того, лавка розничнаго торговца представляла для моей матери и сестры то преимущество, что при меньшей массѣ товара, могла предложить имъ гораздо большее число образцовъ, такъ что для нихъ являлась полная возможность выбирать по своему вкусу цвѣточекъ съ крапинкой или цвѣточекъ безъ крапинки и т. д.

Даже на ремесло распространилось правило, что каждый производитъ то, чего онъ не потребляетъ. Мозесъ и сынъ, крупные торговцы платьемъ въ лондонскомъ Сити, по всей вѣроятности, заказываютъ для себя сюртуки

какому-нибудь модному портному въ Вестендѣ, тогда какъ этотъ послѣдній, рабочее время, имя и фасонъ котораго оплачиваются исключительно высокой цѣной, поступилъ бы очень расчетливо, купивъ сюртукъ у Мозеса и сына.

Ниже будетъ указано вкратцѣ, — хотя это общеизвѣстно, — что и въ земледѣліи натуральное хозяйство, производство для удовлетворенія собственныхъ потребностей, играетъ въ настоящее время самую ничтожную роль, какъ вслѣдствіе денежной формы, черезъ которую въ настоящее время должны проходить всѣ продукты, такъ и вслѣдствіе большихъ размѣровъ производства: два средства, при помощи которыхъ современная промышленность придала свой господствующій характеръ земледѣлію.

Итакъ, отличительный, рѣзко опредѣленный признакъ труда болѣе раннихъ промышленныхъ періодовъ заключается въ томъ, что въ тѣ времена производили, прежде всего, для собственнаго потребленія, а отчуждали избытокъ, т. е. вели главнымъ образомъ натуральное хозяйство.

И, наоборотъ, отличительная черта, специфически опредѣляющая трудъ въ современномъ обществѣ та, что каждый производитъ только то, чего самъ не потребляетъ, т. е. каждый производитъ мѣновыя цѣнности, тогда какъ раньше производилъ главнымъ образомъ потребительныя цѣнности.

И вы не понимаете, господинъ Шульце, что это необходимая и все болѣе распространяющаяся „форма и способъ осуществленія труда“ въ обществѣ, гдѣ раздѣленіе труда развилось до такой степени, какъ въ современномъ?

Но если вы, судейскій крючокъ, не понимаете этого, если вы все еще представляете себѣ трудъ въ формѣ неорганизованнаго труда биттерфельдскаго или деличскаго мясника, который, быть можетъ, колетъ самую жирную свинью для себя, и только то, что ему не годится, продаетъ своимъ кліентамъ, то вы не въ состояніи понять ни одного изъ фактовъ и явленій, управляющихъ современными экономическими отношеніями. Такъ какъ всѣ они развиваются и вытекаютъ изъ того, что трудъ современнаго общества есть трудъ, производящій исключительно мѣновыя цѣнности, производящій то, чего самъ производитель не потребляетъ! И потому ихъ можно понять, лишь уразумѣвъ совершенно отчетливо этотъ отличительный и опредѣляющій признакъ современнаго труда!

Итакъ, вы не понимаете, что этотъ трудъ, направленный исключительно на производство мѣновыхъ цѣнностей, вещей, которыхъ самъ производитель не потребляетъ, является источникомъ великаго богатства и вмѣстѣ съ тѣмъ великой бѣдности нашего современнаго общества.

Вы не понимаете, что онъ создалъ міровой рынокъ и что только благодаря ему возможно производство для мірового рынка.

Вы не понимаете, что онъ является причиной перепроизводства, кризисовъ, застоевъ торговли и производства.

Вы не понимаете, что онъ дѣлаетъ такимъ печальнымъ и ненадежнымъ положеніе рабочаго класса и подвергаетъ послѣдній самымъ ужаснымъ страданіямъ. Конечно, положеніе, напр., прядильщика или ткача было болѣе обезпеченнымъ въ то время, когда онъ, — какъ это было въ Англіи еще въ концѣ прошлаго столѣтія, — обрабатывалъ кусокъ земли, имѣлъ корову и такимъ образомъ производилъ вещи для собственнаго потребленія. Тотъ, кто производитъ главные пищевые продукты для собственнаго потребленія, не можетъ такъ быстро впасть въ глубочайшую нищету, какъ тотъ, кто, подобно нашимъ рабочимъ, лишенъ всякой силы сопротивленія, сообщаемой капиталомъ, выброшенъ весь какъ есть на міровой рынокъ и находится въ зависимости отъ его малѣйшихъ колебаній! Вы, стало быть, совершенно не понимаете причины, которая создала нашъ пролетаріатъ вообще?

Вы, стало быть, не понимаете и того, — да и дѣйствительно не понимаете, но я заставлю васъ понять это посредствомъ дальнѣйшихъ разъясненій, — что только при такомъ производствѣ исключительно мѣновыхъ цѣнностей, только при такой „формѣ и способѣ осуществленія труда", когда каждый производитъ вещи, имъ самимъ не потребляемыя, — только при такихъ условіяхъ, говорю я, можетъ существовать капиталъ въ собственномъ смыслѣ.

Словомъ, вы пока не понимаете ничего, ничего, абсолютно ничего изъ всѣхъ вашихъ экономическихъ отношеній!

И противъ этого дѣтскаго лепета я долженъ выступить съ ученіемъ политической экономіи?

Позднѣйшія времена, которымъ собственно и посвящены мои труды и усилія, поставятъ мнѣ въ величайшую заслугу именно то, что я рѣшился даже подвергнуться униженію, критикуя вашу ребяческую болтовню!

А теперь каждый можетъ самъ прочесть, какъ вы еще на цѣлой страницѣ (стр. 15) размазываете и пережевываете уже сказанное вами, не прибавляя рѣшительно ничего новаго. Этимъ вы и заканчиваете отдѣлъ съ гордымъ заголовкомъ: „Форма труда въ современномъ обществѣ".

Слѣдуетъ глава: „Раздѣленіе труда на различныя отрасли занятій въ частности".

Но вмѣсто того, чтобы изложить „Раздѣленіе труда на различныя отрасли занятій въ частности", вмѣсто того, чтобы изслѣдовать и показать

дѣйствіе процесса раздѣленія труда на положеніе различныхъ факторовъ труда въ частности, вы и здѣсь ограничиваетесь давно извѣстными, наполняющими каждый учебникъ, даже дѣтскія книжки, общими мѣстами о томъ, что раздѣленіе труда повышаетъ производительность работы, сокращаетъ издержки производства, даетъ возможность использовать естественныя силы и сокровища (?) разныхъ поясовъ. Иными словами, обѣщая въ заголовкѣ потолковать о „раздѣленіи труда на различныя отрасли занятій въ частности“, вы толкуете о раздѣленіи труда вообще. Вы не понимаете даже смысла вашихъ заголовковъ! Заголовокъ идетъ къ содержанію, какъ коровѣ сѣдло.

Кромѣ того, говоря, что вы повторяете здѣсь вещи, давно уже ставшія общими мѣстами, я сказалъ слишкомъ мало. Мнѣ слѣдовало прибавить, что вы и ихъ разжижаете и перевираете!

Адамъ Смитъ, который еще около ста лѣтъ тому назадъ, вслѣдъ за Фергюсономъ [1]), обстоятельно доказалъ выводы раздѣленія труда въ смыслѣ повышенія его производительности, воспользовался для этого примѣромъ иголки, т. е. примѣнилъ достойное этого остроумнаго человѣка конкретное поясненіе специфической особенности современной формы труда. Онъ показалъ, какъ внутри одной и той же мастерской, фабрикація такого мелкаго предмета, какъ иголка, распадается на восемнадцать различныхъ операцій, причемъ каждая изъ нихъ выполняется обыкновенно особыми работниками, такъ что каждый работникъ выдѣлываетъ только одну восемнадцатую часть иголки. Далѣе онъ показываетъ, какъ именно вслѣдствіе этого общій про-

---

1) Фергюсонъ при этомъ объективнѣе Адама Смита, такъ какъ тутъ же указываетъ и на вредныя послѣдствія развитаго раздѣленія труда для духовныхъ способностей, — послѣдствія, извѣстныя, впрочемъ, и Смиту. Теперь, послѣ всего, что сказано по этому поводу Лемонтэ и другими, даже Ж. Б. Сэемъ и нѣмецкими учебниками, они достаточно извѣстны, и только сокращеніе рабочаго времени и совершенно другая система образованія является въ будущемъ дѣйствительнымъ противодѣйствіемъ умственному ослабленію, къ которому приводитъ развитая система раздѣленія труда. Поэтому здѣсь мы можемъ ограничиться констатированіемъ того интереснаго обстоятельства, что господинъ Шульце, вопреки всему, что уже признано, приписываетъ промышленному прогрессу, обусловленному раздѣленіемъ труда, слѣдующее дѣйствіе: ручной трудъ все болѣе превращается въ головной („Катехизисъ“, стр. 38)!! Если,— оставаясь при примѣрѣ Смита,—рабочій, который въ прежнее время выдѣлывалъ цѣлую иголку, теперь всю жизнь готовитъ только 1/18 часть ея,—то господинъ Шульце усматриваетъ въ этомъ, неизбѣжно понижающемъ умственныя способности, занятіи переходъ отъ ручного труда къ головному!!

дуктъ ихъ соединенной дѣятельности безконечно превосходитъ продуктъ такого же числа рабочихъ, изъ которыхъ каждый изготовляетъ цѣлую иголку. Такимъ образомъ онъ обнаруживаетъ въ этомъ примѣрѣ специфическіе, отличительные признаки, опредѣляющіе дѣйствительный характеръ современнаго труда. Послѣдній является у него не обмѣномъ спеціальныхъ продуктовъ, произведенныхъ спеціальными, независимыми другъ отъ друга, рабочими-предпринимателями, а совмѣстнымъ производствомъ многихъ соединенныхъ для изготовленія одного и того же продукта рабочихъ, изъ которыхъ каждый осуществляетъ только совершенно не самостоятельную, абстрактную, частичную дѣятельность и, такимъ образомъ, никакимъ готовымъ „продуктомъ для обмѣна“ не обладаетъ.

Этотъ примѣръ Адама Смита такъ удачно выбранъ, что сдѣлался стереотипнымъ и перешелъ во всѣ учебники. Онъ замѣняется только примѣромъ фабрикаціи игральныхъ картъ, о которомъ можно сказать то же самое.

Но вамъ, господинъ Шульце, неудобно обнаруживать специфическія особенности современнаго труда! Вамъ неудобно показывать рабочимъ на такомъ примѣрѣ, что они превратились въ несамостоятельныя колеса крупнаго общаго производства. Напротивъ, это нужно какъ можно тщательнѣе прикрыть, нужно всячески внушать имъ мысль, что „каждый обмѣниваетъ добытые имъ продукты!“

И вотъ, вы уклоняетесь на этотъ разъ отъ мудрости учебниковъ и переносите вашъ примѣръ на почву свободной торговли. Чтобъ показать усиленіе производительности подъ вліяніемъ раздѣленія труда, вы заставляете обмѣниваться между собою страны. „Примѣромъ удивительнаго дѣйствія раздѣленія труда“ вы избираете (стр. 18)—сюртукъ! Шерсть для него,—говорите вы,—привозится изъ Австраліи или Южной Россіи, прядется въ Англіи, ткется въ Германіи; шелкъ для швовъ портной получаетъ изъ Франціи, ножницы опять-таки изъ другого мѣста и т. д.—и такимъ образомъ раздѣленіе труда благополучно разрѣшается на вполнѣ самостоятельныя операціи самостоятельныхъ предпринимателей и обмѣнъ между ними, благополучно обходится все, что напоминаетъ о современныхъ специфическихъ свойствахъ труда, которыя очевидно вамъ не по вкусу,—все, что можетъ открыть рабочимъ глаза!

Однако, господинъ Шульце! Этимъ примѣромъ вы хотите выяснить людямъ „удивительное дѣйствіе раздѣленія труда“ въ современномъ смыслѣ? Но такое раздѣленіе труда практиковали уже финикійцы, привозившіе пурпуръ изъ Тира въ Грецію, и получавшіе янтарь съ береговъ Балтій-

скаго моря! И это должно объяснить людямъ современное раздѣленіе труда и его „удивительное дѣйствіе“?

Вмѣсто того, чтобы разъяснять дѣйствіе раздѣленія труда, вы разъясняете,—потому ли, что не имѣете понятія о томъ болѣе высокомъ и точномъ смыслѣ, который придаютъ этому выраженію экономисты, или потому, что изъ вышеуказанныхъ основаній стараетесь скрыть этотъ смыслъ,—вы разъясняете попросту дѣйствія обмѣна!

Обмѣнъ, обмѣнъ, обмѣнъ—вотъ все, что вы знаете. Этимъ коротенькимъ словечкомъ исчерпывается все содержаніе вашихъ политико-экономическихъ свѣдѣній. О болѣе высокихъ и болѣе опредѣленныхъ формахъ у васъ нѣтъ ни малѣйшаго представленія! Все, что вы хотите разъяснить людямъ, всѣ высшія и болѣе опредѣленныя экономическія явленія превращаются въ вашихъ рукахъ,—въ дальнѣйшемъ я представлю новыя доказательства этого,—безсознательно для васъ самихъ въ простой „обмѣнъ“!

О, судейскій крючокъ!

Вы заключаете эту размазню фразъ елейными словами: „Искуство и наука уже начинаютъ выплачивать ему (труду) долго задерживавшіеся проценты, и работники которые сумѣютъ уяснить себѣ и использовать этотъ необходимый ходъ развитія, не преминутъ получить полностью свой удѣлъ въ великомъ наслѣдіи человѣчества“.

Да избавитъ насъ милосердное небо отъ „процентовъ“, которые наука въ вашемъ смыслѣ сулитъ человѣчеству.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

„II.—Капиталъ“.

Такъ какъ мы разовьемъ ниже правильное понятіе капитала, но желаемъ теперь же, въ этомъ критическомъ разборѣ, заложить реальныя основы нашего позднѣйшаго изложенія, то разберемъ предварительно, въ этой и слѣдующей главахъ, какъ невѣрны и противорѣчивы всѣ ваши опредѣленія „капитала“.

Конечно, справедливость требуетъ сдѣлать оговорку, что этотъ упрекъ относится не только къ вамъ и Бастіа, но къ современной политиче-

ской экономіи вообще, такъ какъ она еще не дала правильнаго объективнаго опредѣленія капитала. Конечно, все превратное, нелѣпое и ложное, что вы и Бастіа высказываете относительно капитала, коренится въ общей основной ошибкѣ всей либеральной экономіи, и потому цѣль этой и слѣдующей главъ разобрать общее всей либеральной экономіи понятіе капитала и показать его истинное значеніе. Но, конечно, вы и вашъ оригиналъ и въ этомъ отношеніи далеко превосходите все, что было до сихъ поръ, и возвышаетесь мѣстами до безсмертнаго невольнаго комизма.—

Итакъ, вы начинаете эту главу отдѣломъ: „a) Понятіе и приложеніе капитала, продуктивное потребленіе“ и такъ устанавливаете это понятіе: „Чтобъ имѣть возможность начать и продолжать какую-либо промышленную дѣятельность вообще, безусловно требуются три вещи: a) сырые матеріалы для обработки, b) орудія для работы, c) средства къ существованію въ теченіе работы, или, что тоже самое для того, кто даетъ занятіе другимъ рабочимъ, фондъ для выплачиванія заработной платы.— Эти предметы, являющіеся необходимымъ предварительнымъ условіемъ всякой трудовой дѣятельности, называются въ своей совокупности капиталомъ“.

Но сырой матеріалъ, орудія для работы и средства къ существованію обнимаютъ всѣ виды продуктовъ, и потому сразу не видно, отчего вы не разрѣшились попросту милымъ опредѣленіемъ: „Капиталъ, —это продукты“?

Вы скажете, что изъ дальнѣйшаго изложенія у васъ ясно, что важна „цѣль, назначеніе“ этихъ продуктовъ.

Хорошо, въ такомъ случаѣ почему вы все-таки не скажете просто: „Капиталъ—это продукты, непрерывно употребляемые для дальнѣйшаго производства“?

И это опредѣленіе, какъ вы убѣдитесь изъ главы, посвященной мною объективному анализу капитала, все еще слишкомъ хромаетъ, слишкомъ абстрактно и потому слишкомъ невѣрно. Оно отнюдь не устанавливаетъ понятія о капиталѣ. Но оно было бы, по крайней мѣрѣ, яснымъ, короткимъ, законченнымъ, толковымъ опредѣленіемъ.

Но вы не въ состояніи подняться даже до такого опредѣленія, потому-ли, что вообще не способны толково мыслить и выражаться, или потому, что хотите съ самого начала незамѣтно внушить работнику представленіе,— котораго не заключается въ этомъ опредѣленіи,—будто всякій капиталъ долженъ быть частной собственностью; а этого, какъ и вообще замазыванія вашихъ постоянныхъ противорѣчій, гораздо легче достигнуть въ длинной канители, чѣмъ въ короткомъ, ясномъ, точномъ опредѣленіи.

Тотчасъ за приведенными словами, замѣтивъ предварительно, что какая бы то ни было сумма денегъ собственно еще не представляетъ капитала, вы продолжаете: „Отсюда слѣдуетъ, что капиталъ представляетъ ту часть имущества человѣка, которая не потребляется немедленно“.—

Прошу извиненія, но я уже здѣсь долженъ васъ перебить, господинъ Шульце! Являются-ли слова „имущество человѣка“ только слѣдствіемъ вульгарной ненаучной рѣчи, которая не можетъ подняться до общихъ опредѣленій, или они сказаны умышленно, съ цѣлью тутъ же несомнѣнно внушить рабочему представленіе, будто всякій капиталъ непремѣнно долженъ быть частной собственностью?

Вѣдь вы же знаете, и въ качествѣ члена палаты должны знать о существованіи общественныхъ капиталовъ, которые не составляютъ „части имущества человѣка“, а принадлежатъ всей націи, какъ таковой. Почему же вы не опредѣляете капиталъ просто какъ „ту часть имущества“ и т. д., оставивъ въ покоѣ „человѣка“, которому рѣшительно нечего дѣлать съ этимъ опредѣленіемъ?

Но вернемся къ вашему опредѣленію: „Отсюда слѣдуетъ,—говорите вы,—что капиталъ представляетъ ту часть имущества человѣка, которая не потребляется немедленно, не употребляется для удовлетворенія личныхъ потребностей даннаго момента, но или накопляется для продолжительнаго использованія и употребленія въ будущемъ, или вкладывается въ дѣло при организаціи будущей работы, при началѣ или продолженіи какого-нибудь предпріятія. Стало быть, цѣль, назначеніе, которое даютъ различнымъ частямъ своего состоянія, своего дохода, рѣшаетъ, что считать капиталомъ, и только часть, сбереженная за удовлетвореніемъ насущныхъ потребностей, имѣетъ право на это названіе“.

Легко возможно, что такую размазню даже образованный человѣкъ прочтетъ, не сознавая даже въ малой мѣрѣ всей ея безсмыслицы. Размазня,—и это одно изъ ея вреднѣйшихъ, по истинѣ отравляющихъ народный умъ, послѣдствій,—моментально усыпляетъ и притупляетъ ясность мысли читателя.

Но кто проницателенъ и самостоятеленъ настолько, что сохранитъ ясность мысли даже передъ этой размазней, тотъ изумится логической безсмыслицѣ, которую вы сумѣли сконцентрировать въ нѣсколькихъ строчкахъ!

Я попытаюсь растолковать вамъ это въ трояком отношеніи:

1. Стало быть, капиталъ по вашему „та часть состоянія, которая не потребляется немедленно, для удовлетворенія личныхъ потребностей дан-

наго момента“. „Цѣль, назначеніе, которое даютъ различнымъ частямъ своего состоянія, своего дохода, рѣшаетъ, что считать капиталомъ, и только часть, сбереженная за удовлетвореніемъ насущныхъ потребностей“, имѣетъ право на названіе капитала.

То есть: вы объясняете капиталъ изъ дохода, и какъ часть дохода. На дѣлѣ же „капиталъ“ приноситъ „доходъ“; стало быть, доходъ вытекаетъ изъ капитала (притомъ, какъ логически, такъ и исторически). Стало быть, сначала нужно установить понятіе капитала, а ихъ него уже выводить „доходъ“. Вы, наоборотъ, „капиталъ“ выводите изъ „дохода“!

А между тѣмъ ниже вы пытаетесь, въ главѣ „d) кредитъ и рента съ капитала (стр. 29), объяснить процентъ и ренту, т. е. „доходъ“ производительной силой капитала!

Ничего не значитъ! Все у васъ выходитъ такъ, какъ нужно для данной страницы вашего катехизиса! Тамъ доходъ выводится изъ капитала, здѣсь капиталъ изъ дохода! Такъ какъ капиталъ приноситъ доходъ, то слово „доходъ“ значитъ доходъ съ капитала. Стало быть, если формулировать точно ваше опредѣленіе, то окажется, что вы опредѣляете „капиталъ“, какъ извѣстную „часть дохода съ капитала“!!!

Великій Шульце!

Не требуется большого остроумія, чтобы сообразить, какъ эта хаотическая путаница завелась въ вашей судейской головѣ. Вы конечно знали въ Деличѣ такой случай, что кто-нибудь, получая 1.000 талеровъ дохода, сберегаетъ 500 и откладываетъ, съ цѣлью скопить капиталецъ. И вы вообразили,— какъ я докажу ниже,—что таковъ именно былъ историческій процессъ возникновенія капитала, и что такъ именно происходитъ образованіе капитала въ современной Европѣ! Но если бы даже то и другое было бы такъ же вѣрно, какъ оно въ дѣйствительности ложно и ребячески наивно,—то неужели вы не видите, господинъ Шульце, что этотъ процессъ образованія капитала не имѣетъ никакого отношенія къ занимающей васъ задачѣ. Такъ какъ:

2. Вы хотите и должны опредѣлить здѣсь понятіе капатала, вы хотите и должны сказать намъ, что такое капиталъ, — а вмѣсто того вы изображаете: какъ, будто бы, происходитъ капиталъ.

Неужели ваше „образованіе“ не подозрѣваетъ, что это два совершенно различные и отдѣльные вопроса? Если я васъ спрошу, что такое человѣкъ, а вы мнѣ станете описывать, какъ человѣкъ происходитъ,—будетъ ли это отвѣтомъ на мой вопросъ?!

Вы и сами не ходите толковать здѣсь о происхожденіи капитала.

Только ниже, въ концѣ стр. 24, вы начинаете особый отдѣлъ подъ заголовкомъ: „в) Происхожденіе капитала“. Стало быть только тамъ будетъ и должна быть рѣчь о происхожденіи. Здѣсь, какъ показываетъ заголовокъ, вы должны сообщить намъ „понятіе“ о капиталѣ, и вы сообщаете его, заявляя, что капиталъ есть та „часть“ состоянія, „дохода“, которая „не потребляется немедленно“, „сберегается за удовлетвореніемъ насущныхъ потребностей“, „накопляется для продолжительнаго использованія и употребленія въ будущемъ“, т. е. излагаете намъ вашъ взглядъ на происхожденіе капитала!!

Гдѣ же у васъ стыдъ, господинъ Шульце? Вы не чувствуете, темный человѣкъ, что тотъ, кто хочетъ выступить передъ народомъ, передъ рабочими въ роли учителя, долженъ по крайней мѣрѣ усвоить себѣ хоть самую скудную логику? Я говорю: самую скудную, потому что у васъ и той нѣтъ! По настоящему же такой человѣкъ долженъ обладать высшей логикой, полнѣйшей ясностью мысли и совершеннымъ знаніемъ предмета, которое даетъ возможность представить его съ чистѣйшей прозрачностью, изложить какъ шутя развертывающуюся изъ себя самой ткань познанія.

Чтобъ читать лекціи рабочимъ, требуется,—какъ бы вы ни дивились такому заявленію,—гораздо болѣе высокая степень „образованія“, чѣмъ для лекцій студентамъ!

И вмѣсто нея полнѣйшее незнакомство съ предметомъ, неслыханное мелево недомыслія, клубокъ противорѣчій, путающихся между собою и съ дѣйствительностью, безпримѣрная неспособность хотя бы только поставить вопросъ, кашеобразная расплывчатость опредѣленій, такъ что слова, точно вода, текутъ между пальцевъ читателя, и даже тотъ, кто читаетъ со смысломъ и знаніемъ дѣла, только съ величайшимъ напряженіемъ и усиліями можетъ удержать ихъ!—все это, что мы уже такъ часто обнаруживали и въ дальнѣйшемъ изложеніи обнаружимъ въ еще большей степени, можетъ послужить только къ отравѣ и потемнѣнію здраваго народнаго ума.

Неужели вы не видите, что

3. устанавливаемый вами признакъ: капиталъ есть то, что „не потребляется немедленно, не служитъ для удовлетворенія личныхъ потребностей даннаго момента“, а „накопляется для продолжительнаго использованія и употребленія въ будущемъ“,—вдобавокъ ко всему невѣренъ.

Въ этомъ могло бы васъ убѣдить уже ходячее подраздѣленіе капитала экономистами на capital fix и capital circulant, постоянный и оборотный капиталъ. Оборотный капиталъ состоитъ, главнымъ образомъ, изъ такихъ

предметовъ, которые, какъ жизненныя средства, заработная плата и проч., служатъ для „немедленнаго потребленія", для „удовлетворенія личныхъ потребностей даннаго момента".

Да настолько-то и вы знаете, и потому немедленно вступаете въ противорѣчіе съ самимъ собою. Въ самомъ дѣлѣ, вы пишете на той же страницѣ: „Далѣе, запасы мелочной лавки. Для лавочника они капиталъ, такъ какъ ихъ продажа доставляетъ ему средства для продолженія предпріятія. Въ рукахъ же покупателя лотъ кофе или пряностей, фунтъ риса или сахара, взятые имъ для немедленнаго употребленія, могутъ считаться только предметами потребленія".

Такъ какъ же: капиталъ или не капиталъ эти вещи? Если нѣтъ, то невѣрны ваши слова на стр. 22, что „средства къ существованію" или „фондъ для выплачиванія заработной платы" — капиталъ; невѣрно и все, что вы еще напутаете въ этомъ смыслѣ. Если да, то невѣрно, будто капиталомъ можно назвать лишь то, что не служитъ „для удовлетворенія личныхъ потребностей даннаго момента". Итакъ, еще разъ, капиталъ или не капиталъ эти вещи? Прошу яснаго отвѣта!

Да, изъ вашей книги этого никто не узнаетъ!

И если бы отъ васъ пыткой вынуждали отвѣтъ на этотъ вопросъ, вы могли бы только повторять, заикаясь: для одного капиталъ... для другого не капиталъ!

Здѣсь, конечно, и я еще могу отвѣтить читателю на этотъ вопросъ. Такъ какъ, для того, чтобы расчистить чащу противорѣчій, въ которыхъ вы запутались, надо идти совсѣмъ другимъ путемъ. Назначеніе же этой главы до сихъ поръ—только освѣтить вашъ путь и указать противорѣчія, игрушкой которыхъ вы сдѣлались. Поэтому, чтобъ хоть сколько-нибудь навести васъ на путь, ограничусь вопросомъ: пишете ли вы, какъ гласитъ „предисловіе" къ вашему катехизису, „курсъ народнаго хозяйства" или курсъ частнаго хозяйства, занимаетесь національной экономіей, народнымъ хозяйствомъ или частной экономіей, частнымъ хозяйствомъ? И въ какомъ отношеніи другъ къ другу находятся эти двѣ области?

Каждая строчка вашего катехизиса свидѣтельствуетъ, что вы, а вмѣстѣ съ вами и многіе другіе экономисты, даже не ставили себѣ этихъ вопросовъ, никогда не думали о различіи или тождествѣ этихъ двухъ областей, даже вообще не подозрѣваете о существованіи такого различія, и потому то и дѣло, желая излагать національную экономію, излагаете частную или, наоборотъ, желая излагать частную, излагаете національную.

Насколько это косноязычное „для одного капиталъ, для другого не ка-

питалъ“, „цѣль... назначеніе рѣшаетъ“ является несостоятельнымъ отвѣтомъ даже съ вашей точки зрѣнія,—показываютъ другія забавныя противорѣчія, выростающія на вашемъ пути, точно розы подъ ногами феи.

Именно, на стр. 35 вы даете опять-таки новое опредѣленіе капитала. Вы говорите: „На дѣлѣ всякій капиталъ, по своей конечной цѣли, есть ничто иное, какъ фондъ заработной платы, и каждая затрата капитала, въ концѣ концовъ, неизмѣнно сводится къ выплачиванію заработной платы“.

Чтобъ сдѣлать это очевиднымъ, вы объясняете намъ, какъ всѣ затраты капитала, хотя бы на пріобрѣтеніе орудій и сырыхъ матеріаловъ, сводятся къ выплачиванію заработной платы тѣмъ, кто изготовлялъ эти вещи, и продолжаете (с. 36):

„Даже въ томъ крайнемъ случаѣ, когда кто-нибудь не вкладываетъ своего состоянія въ какое-нибудь производительное предпріятіе, а просто потребляетъ его, напримѣръ, затрачиваетъ съ цѣлью изученія наукъ или какой-нибудь отрасли искусства, или даже просто транжиритъ на предметы роскоши,—даже въ этомъ случаѣ онъ, въ концѣ концовъ, только выплачиваетъ заработную плату. Гонораръ ученаго, стоимость книгъ, затраты на жилище, ѣду—что это, какъ не плата за работы лицъ, такъ или иначе участвовавшихъ въ изготовленіи этихъ предметовъ? И когда я строю прекрасную виллу, покупаю самые дорогіе предметы гастрономіи, тонкія вина, драгоцѣнныя произведенія искусства и утварь,—въ чьи руки попадаютъ деньги, какъ не въ руки тѣхъ, кто посредственно или непосредственно работалъ надъ изготовленіемъ всѣхъ этихъ предметовъ?—Короче сказать, какъ мы уже замѣтили:

„Всякое мыслимое употребленіе имущества, какъ производительная затрата, такъ и простое непроизводительное потребленіе, чистое проѣданіе, всегда имѣютъ цѣлью воспользоваться продуктами человѣческаго труда или услугами, и неизмѣнно разрѣшаются въ концѣ концовъ выплачиваніемъ заработной платы“.

Если это вѣрно, если всякое, даже самое непроизводительное потребленіе „разрѣшается выплачиваніемъ заработной платы“, и если въ этомъ именно и заключается суть капитала—быть „фондомъ заработной платы“, „разрѣшаться выплачиваніемъ заработной платы“, то, значитъ, не вѣрно, что эта суть опредѣляется „цѣлью, назначеніемъ“ (стр. 22 вашей книги), значитъ нѣтъ разницы между производительнымъ и непроизводительнымъ потребленіемъ, между „немедленно потребляется“ и „накопляется“. Все въ концѣ концѣ сводится къ „выплачиванію заработной платы“ и, слѣдовательно, къ образованію капитала.

Великій Шульце! Виттова пляска вашихъ противорѣчій можетъ только позабавить безучастнаго зрителя, который любуется на нее съ надежной позиціи экономическаго знанія.

Но она способна довести до нервнаго разстройства несчастнаго, который попытается заполучить изъ вашей книги знаніе того, что такое капиталъ.

Живо, еще pas de deux противорѣчій.

Итакъ, капиталъ есть „та часть имущества человѣка, которая не потребляется немедленно... а накопляется для продолжительнаго использованія въ будущемъ", или, какъ вы еще разъ повторяете на стр. 25, „часть, отложенная для обезпеченія нашего будущаго существованія".

„Для обезпеченія нашего будущаго существованія" мы откладываемъ—деньги, господинъ Шульце. Но по вашему же заявленію, деньги „собственно никогда не представляютъ капитала", какъ вы говорите на стр. 23, и какъ уже говорили на стр. 10; за деньги можно только получить, вымѣнять капиталъ. Замѣчательная, однако, вещь этотъ капиталъ. Капиталъ всегда только „отложенная часть состоянія", которая не „потребляется" немедленно, а „накопляется"; и, однако, капиталъ никогда не бываетъ тѣмъ, что дѣйствительно накопляется, а всегда только тѣмъ, что потребляется и тратится, а не накопляется и откладывается (средства къ существованію, заработная плата) людьми, пріобрѣтшими его за деньги, которыя мы имъ ссужаемъ. Но при всемъ томъ опять-таки твердо установлено, что капиталъ всегда есть только то, что накопляется и откладывается!!!

Святой Непомукъ! Какой милый букетъ противорѣчій! Какимъ таинственнымъ, непостижимымъ существомъ долженъ являться для васъ и для Бастіа,—которому вы и здѣсь, какъ во всемъ остальномъ, вѣрно слѣдуете, только не такъ ловко проскользаете черезъ опасныя мѣста,—капиталъ, господинъ Шульце! Я понимаю ваше преклоненіе передъ нимъ. Человѣкъ во всѣ времена обнаруживалъ наклонность поклоняться тому, чего онъ не понимаетъ!

А если я не ссужаю деньги, которыя ежегодно откладываю, а прячу ихъ въ горшокъ, какъ еще недавно дѣлали наши крестьяне, чтобы скопить себѣ сокровище,—будутъ они капиталомъ или нѣтъ?

Если будутъ, то невѣрно ваше опредѣленіе, по которому капиталъ не можетъ заключаться „въ какой бы то ни было суммѣ денегъ"; если не будутъ,—невѣрно ваше опредѣленіе, по которому капиталъ есть „часть нашего состоянія, отложенная для обезпеченія нашего будущаго существованія".

Я спущу вамъ дюжину другихъ противорѣчій и послѣдую за вами

дальше въ вашемъ изложенiи понятiя капитала: „Съ этой все охватывающей точки зрѣнія (именно, съ точки зрѣнія, согласно которой только то, что „накопляется и примѣняется для продолжительнаго использованія и употребленія въ будущемъ“ есть капиталъ) не только осязаемыя имущества, матеріальныя, физическія вещи причисляются къ капиталу. Познанія, умѣнья и навыки, сила воли и духъ предпріимчивости, и другія духовныя и тѣлесныя преимущества и способности, которыя кто-либо пріобрѣлъ или развилъ въ себѣ продолжительнымъ трудомъ и упражненіемъ, и утилизируетъ ихъ въ своей жизни или призваніи, въ извѣстномъ смыслѣ принадлежатъ сюда же, уже потому, что не расходуются употребленіемъ даннаго момента, а существенно содѣйствуютъ удовлетворенію будущихъ потребностей. Равнымъ образомъ, великое открытіе или изобрѣтеніе, результатъ продолжительныхъ и утомительныхъ изслѣдованій,—такъ какъ его дѣйствія простираются далеко въ будущее, и, будучи надлежащимъ образомъ использовано, оно приноситъ своему обладателю доходъ“.

Съ какой поистинѣ царской щедростью вы одаряете здѣсь міръ массою новыхъ капиталовъ [1]), о которыхъ политическая экономія до сихъ поръ ничего не знала! Національная благодарность въ 45.000 талеровъ, поднесенная вамъ en revanche фабрикантами и купцами,—нищенская подачка въ сравненіи съ такимъ даромъ!

Вамъ извѣстно, съ какимъ почтеніемъ нѣмецкій рабочій относится къ уму и знаніямъ. Какъ же не причислить „знанія и умѣнья“ и „духовныя преимущества и способности“ къ капиталамъ! Профессоръ, который извлекаетъ изъ своихъ знаній приличное содержаніе или другой какой-либо годовой доходъ, для васъ не интеллектуальный, квалифицированный рабочій, который пользуется такъ или иначе квалифицированнымъ вознагражденіемъ за трудъ,— Боже сохрани, онъ капиталистъ. Шиллеръ и Лессингъ и проч., однако, несмотря на свои „познанія, духовныя преимущества и способности“, при всѣхъ этихъ капиталахъ жили впроголодь! Ничего не значитъ! Все-таки они были капиталистами! Только вѣроятно по скупости или чудачеству не умѣли на свои капиталы ничего „вымѣнять“!

Кромѣ того, не найденъ ли тутъ секретъ, который насъ всѣхъ, всѣхъ дѣлаетъ капиталистами, оставляя только несущественное различіе между

[1]) Новыхъ капиталовъ, или, по крайней мѣрѣ, такихъ, которые, лишь только кому нибудь приходило въ голову водворить ихъ въ экономіи, тотчасъ выбрасывались вонъ наукой. Ср. B. Herman, „Staatsw. Untersuchungen“, München, 1832, s. 50—59; Quarterly Review, Bd. 44, s. 1—52, Rau, „Grundsätze„ etc. Bd. 1, § 130a и другіе.

нами въ отношеніи величины капитала? Въ самомъ дѣлѣ, если „умѣнья и навыки“, если „духовныя и тѣлесныя преимущества и способности, которыя кто-нибудь пріобрѣлъ или развилъ въ себѣ постояннымъ трудомъ и упражненіемъ и используетъ ихъ въ своей жизни или призваніи“— капиталы, то какой рабочій не обладаетъ „умѣньемъ и навыкомъ“, „тѣлесными преимуществами и способностями“, которыя онъ „пріобрѣлъ или развилъ въ себѣ постояннымъ трудомъ и упражненіемъ“ и которыя „не расходуются употребленіемъ даннаго момента“, а дѣйствительно—въ формѣ заработной платы—обезпечиваютъ ему постоянный доходъ? Итакъ— „обнимитесь, милліоны!“ Наконецъ-то заключенъ между нами великій братскій союзъ, мы всѣ капиталисты, одни больше, другіе меньше! Доходы съ капитала и заработная плата—это все единственно! Заработная плата и дивиденды Кёльнъ-Минденскихъ желѣзнодорожныхъ акцій—все это доходы съ капитала! Какъ ночью всѣ кошки сѣры, такъ въ темнотѣ вашего тупоумія исчезаютъ всѣ экономическія различія и опредѣленности, и такимъ образомъ всякій разладъ исчезъ, соціальный вопросъ рѣшенъ, и можно возгласить осанна! И все это ваша заслуга! Великій спаситель человѣчества!

Но, возразите вы, если не познанія и преимущества въ чисто-духовной области, то, по крайней мѣрѣ, „великія открытія и изобрѣтенія“ въ области матеріальной, въ техникѣ etc.—капиталы? Такъ же мало, какъ и тѣ, господинъ Шульце!

„Великое открытіе и изобрѣтеніе“ можетъ быть съ большимъ барышомъ использовано капиталистомъ, но—не припомните-ли вы, кстати, судьбу Фультона, великаго изобрѣтателя парохода, котораго погубило его изобрѣтеніе, или Гаргревса, изобрѣтателя прядильной машины, умершаго въ горькой бѣдности, или длиннаго ряда людей, которыхъ можно бы вамъ здѣсь перечислить—но само по себѣ оно такъ же мало капиталъ, какъ философская идея Гегеля или поэтическій геній Гёте.

И если вы называете что-либо капиталомъ, „потому что его дѣйствія простираются далеко въ будущее, и, надлежащимъ образомъ использованное, оно приноситъ своему обладателю доходъ“, то и красота женщины будетъ капиталомъ,—да, впрочемъ, вы дѣйствительно причисляете къ капиталамъ „физическія преимущества“,—такъ какъ „ея дѣйствіе простирается далеко въ будущее, и, надлежащимъ образомъ использованная“, она приноситъ своей обладательницѣ доходъ,—притомъ нерѣдко блестящій.

Словомъ, великій судейскій крючекъ, вы понимаете „капиталъ“ съ совершенно той же научной, экономической точностью и опредѣленностью,

какую вложилъ бы въ это выраженіе тотъ, кто прижалъ бы васъ къ сердцу, и, слѣдуя общеупотребительному способу выраженія, воскликнулъ: вы капитальный болванъ!

в) „Происхожденіе капитала“!

Обращаясь къ происхожденію капитала,—такъ начинаете вы этотъ отдѣлъ,—замѣтимъ, что мы уже говорили объ откладываніи и накопленіи, и такимъ образомъ указали, какимъ путемъ онъ прежде всего образуется. Капиталъ во всѣхъ случаяхъ является непосредственнымъ результатомъ сбереженія (!!) (Трудно сказать, что болѣе заслуживаетъ удивленія, господинъ Шульце! ваше поразительное мужество или ваша невѣроятная наивность!) „Онъ возникаетъ лишь въ томъ случаѣ, если кто-нибудь не растрачиваетъ непроизводительно, на удовлетвореніе своихъ текущихъ потребностей весь свой заработокъ или доходъ, но часть его откладываетъ. Инымъ способомъ капиталы вообще не могутъ возникать“!!!

Надо бы написать почти цѣлую книгу, чтобы разоблачить всѣ фальсификаціи и подвохи, которые вамъ удается втиснуть въ нѣсколько строчекъ! Сначала только вопросъ: итакъ, капиталъ возникаетъ, „если кто-нибудь не растрачиваетъ непроизводительно, на удовлетвореніе своихъ текущихъ потребностей, весь свой заработокъ или доходъ“. Но вотъ въ чемъ вопросъ: развѣ до сихъ поръ или въ настоящее время, при владычествѣ капитала, для кого нибудь совпадаютъ, тождественны „заработокъ“и „доходъ“? Дѣйствительно ли „доходъ“, получаемый кѣмъ либо, есть его „заработокъ“ или, быть можетъ, чужой заработокъ? Это именно и есть спорный пунктъ всѣхъ современныхъ дебатовъ о капиталѣ.

Съ несравненнымъ мастерствомъ вы, играючи, разрѣшаете весь этотъ споръ попросту тѣмъ—все дѣло въ проворствѣ!—что безцеремонно сопоставляете, какъ равнозначущія, слова „весь заработокъ“ и „весь его доходъ“! Такимъ образомъ предполагается то, что слѣдовало доказать, а предположеніемъ того, что слѣдовало доказать, доказывается то, что слѣдовало доказать—и спору конецъ!

Вы понимаете, господинъ Шульце, что главный интересъ сосредоточивается именно на этомъ вопросѣ. Съ тѣхъ поръ какъ мы оба существуемъ, я всегда, какъ вы выражаетесь на стр. 29, бралъ на себя „трудъ и лишеніе“, чтобы „беречь“ вашъ заработокъ, не проѣдать его, „дать ему накопляться“. Что если бы, ссылаясь на эту мою „бережливость“, я потребовалъ въ свою пользу вашъ заработокъ или проценты съ него.

Вы понимаете также, господинъ Шульце, громадное значеніе этого пункта для вашего объясненія „происхожденія капитала“. Вѣдь если бы

вамъ пришлось сказать рабочимъ: капиталъ возникаетъ, „когда кто-нибудь сберегаетъ чужой заработокъ, не растрачиваетъ его на свои текущія нужды“,—ого! тогда они могли бы, опираясь на ваше опредѣленіе, потребовать капиталы всего міра, такъ какъ, въ самомъ дѣлѣ, трудно указать, чего только этимъ людямъ не приходилось не потреблять и слѣдовательно „сберегать“, въ гораздо большей степени, чѣмъ намъ съ вами!

Но вотъ что я вамъ выясню и докажу, частью въ этой, частью въ одной изъ слѣдующихъ главъ, посвященной объективному анализу капитала: что капиталисты, при господствѣ капитала, дѣйствительно „сберегаютъ“ чужой заработокъ.

Здѣсь же еще одинъ вопросъ: всѣ экономисты разсматриваютъ капиталъ, какъ собранный, накопленный трудъ (travail accumulé, accumulated labour). Хотя это не глубокое опредѣленіе, которое выясняло бы понятіе капитала, но оно, по крайней мѣрѣ, внѣшнимъ образомъ правильно. Нѣтъ такого капитала, который не былъ бы „накопленнымъ трудомъ“.

Почему же вы измѣняете это общеупотребительное толкованіе въ томъ смыслѣ, что капиталъ „есть результатъ сбереженія, которое происходитъ, когда кто-нибудь не весь свой заработокъ, не весь свой доходъ затрачиваетъ для непроизводительныхъ цѣлей“ [1]). Конечно, на первый взглядъ это можетъ показаться просто болѣе наивнымъ изложеніемъ, безобидной перемѣной способа выраженія. Если капиталъ „накопленная работа“, думаете вы, то, чтобы „накопиться“, работа не должна потребляться, и, слѣдовательно, является продуктомъ сбереженія, откладыванія части дохода.

И тѣмъ не менѣе, этой, съ виду тождественной по смыслу, перефразировкой, вамъ удалось внести существенную безсмыслицу и искаженіе въ это опредѣленіе — притомъ въ различныхъ отношеніяхъ — и, вдобавокъ, искаженіе безусловно тенденціозное. Прислушайтесь, я вамъ это докажу, господинъ Шульце!

1. Опредѣленіе „капиталъ есть накопленный трудъ“ — вполнѣ объективное и именно потому внѣшне правильное выраженіе. Въ немъ нѣтъ ни слова о томъ, что этотъ накопленный трудъ есть трудъ того, кому на-

---

[1]) Тоже по Бастіа, у котораго („Harm. économ“, стр. 216) капиталисты создаютъ капиталы „par leurs privations“, „своими лишеніями“. Но, конечно, въ основѣ своей эта иллюзія неизбѣжно свойственна всей либеральной экономіи, и потому проявляется уже у Адама Смита и его послѣдователей. Только у Бастіа и господина Шульце она гораздо сильнѣе подчеркнута и потому выступаетъ въ болѣе забавномъ видѣ.

копленное принадлежитъ [1]). Можно себѣ представить, напр., что въ какой-нибудь странѣ производство основано на трудѣ рабовъ, такъ что хотя въ силу положительнаго юридическаго установленія накопленный трудъ принадлежитъ капиталистамъ, но самъ трудъ производился рабами. Упомянутое общеупотребительное опредѣленіе экономистовъ не рѣшаетъ, стало быть, вопроса, соединяются ли накопленіе и трудъ въ одномъ и томъ же лицѣ.

Вы же, посредствомъ вашей перефразировки, въ силу которой капиталъ есть „результатъ сбереженія", происходящаго, когда „кто-нибудь не растрачиваетъ всего своего заработка, всего своего дохода", разомъ достигаете самаго существеннаго, изъ чего у васъ вытекаетъ все остальное, именно, незамѣтно, при помощи самого опредѣленія, внушаете рабочимъ предположеніе, будто капиталисты накопляютъ свой собственный заработокъ, будто „сберегающій" откладываетъ свое, часть „своего заработка, своего дохода", такъ что и капиталъ, и, въ особенности, все что изъ него слѣдуетъ, не только юридически, въ силу существующихъ законовъ, принадлежитъ ему, но и экономически ему слѣдуетъ по заслугамъ.

О, шарлатанъ изъ шарлатановъ! Но вѣдь извѣстно, что нѣтъ болѣе глупаго положенія, чѣмъ положеніе выведеннаго на чистую воду шарлатана, изобличеннаго фокусника.

2. При этомъ у васъ неизбѣжно, по необходимости, получается логическая безсмыслица, на которую я уже указывалъ (см. стр. 91 и слѣд.): вы опредѣляете капиталъ, какъ результатъ сбереженія части дохода, „доходъ" же происходитъ отъ капитала,—такимъ образомъ, капиталъ у васъ вытекаетъ изъ того, что въ дѣйствительности вытекаетъ изъ капитала, капиталъ оказывается частью „дохода съ капитала", т. е., иными словами: капиталъ есть часть самого себя! Въ словахъ общеупотребительнаго опредѣ-

---

[1]) Конечно, у Адама Смита и у всей либеральной экономіи есть эта наивная предпосылка, и она-то именно характеризуетъ либеральную экономію. Но у нея это было именно наивной, простодушной, лежащей въ основѣ, предпосылкой. Смитъ и Рикардо еще не безпокоились насчетъ соціализма. А у господъ Бастіа и Шульце это молчаливое предположеніе выступаетъ нынѣ въ полемической формѣ. Если у великихъ основателей буржуазной экономіи этотъ пунктъ остался неизслѣдованнымъ и предполагался, какъ нѣчто очевидное и само собою подразумѣвающееся, то въ настоящее время, у эпигоновъ,—какъ оно, впрочемъ, бываетъ съ закономѣрной правильностью во всѣхъ наукахъ,—это упущеніе превратилось въ суть дѣла, на которую пуще всего налегаютъ. Въ этомъ примѣчаніи скоцентрирована вкратцѣ суть исторіи либеральной экономіи со времени Рикардо.

ленія экономистовъ: „капиталъ есть накопленный трудъ“ не содержится этой безсмыслицы, хотя она по необходимости всегда обрѣтается на днѣ души либеральнаго экономиста. Но опредѣленіе не говоритъ о „доходахъ“, а указываетъ исключительно и правильно на процессъ производства, какъ источникъ образованія капитала. Но что для васъ значитъ одной безсмыслицей больше или меньше?

3. Въ-третьихъ, выходитъ у васъ такъ, что вы разомъ открываете совершенно новый факторъ, причемъ вступаете въ самое рѣшительное противорѣчіе съ самимъ собою. Со времени Адама Смита весь міръ освоился съ положеніемъ, что трудъ есть источникъ всѣхъ цѣнностей. И вы частенько повторяете это въ вашей книгѣ,—повторяете слова; содержаніе же ихъ вамъ нѣтъ возможности усвоить. Въ самомъ дѣлѣ, вмѣсто того, чтобы признать—какъ въ опредѣленіи экономистовъ: „капиталъ есть накопленный трудъ“—положительный трудъ, производство факторомъ образованія капитала, вы внезапно открываете новый, чисто отрицательный факторъ, оказывающійся источникомъ капитала: „сбереженіе“, простое непотребленіе вещи. Это противорѣчіе настолько жгучее, что на этотъ разъ вы, противъ обыкновенія, сами его чувствуете, и подъ вліяніемъ этого мучительнаго чувства тотчасъ вслѣдъ за приведенными словами продолжаете: „Впрочемъ, одно сбереженіе, непотребленіе вещи само по себѣ еще недостаточно для образованія капитала. Ему необходимо должна предшествовать приносящая заработную плату (!) дѣятельность, производительная работа, что понятно само собою, такъ какъ безъ этого не окажется предметовъ, которые можно сберегать. Надо сначала создать имущества и цѣнности, которыя можно накоплять, изъ которыхъ можно что-нибудь сберегать; надо сначала заработать доходъ, изъ котораго можно что-нибудь отложить. Для этого есть только одно средство: трудъ. Онъ одинъ доставляетъ людямъ всѣ полезныя и необходимыя вещи, какія есть на свѣтѣ; онъ одинъ создаетъ всѣ цѣнности, и такимъ образомъ, мы опять возвращаемся къ труду, какъ первичному источнику всякаго состоянія, какъ жизненныхъ средствъ, предметовъ, назначенныхъ для немедленнаго потребленія, такъ и той, откладываемой для дальнѣйшихъ задачъ промышленности, для обезпеченія нашихъ будущихъ нуждъ, части, которую мы назвали капиталомъ“.

Какое издѣвательство, какое издѣвательство надъ бѣдными рабочими,— господинъ Шульце,—неужели у васъ нѣтъ капли совѣсти? Въ этихъ двусмысленныхъ, лукавыхъ, искусственно переплетенныхъ словахъ — „должна предшествовать приносящая заработную плату дѣятельность... надо сначала заработать доходъ, изъ котораго можно что-нибудь отложить. Для этого

есть только одно средство: трудъ“ etc.—вы представляете рабочимъ европейскіе капиталы такъ, какъ будто они скоплены первоначальными работниками изъ отложенной заработной платы.

Но я не объ этомъ хочу говорить здѣсь, а о противорѣчіи, которое заключается въ томъ, что источникомъ капитала является то положительный трудъ, то отрицательное непотребленіе вещи. Развѣ противорѣчіе устраняется оттого, что у васъ хватило храбрости поставить его передъ самимъ собою? Вовсе нѣтъ. Приведенныя положенія — все тотъ же визгъ и вой противорѣчій, точно сотни наказанныхъ собакъ! Сначала „сбереженіе“, простое непотребленіе вещи оказывалось единственнымъ источникомъ образованія капитала. Затѣмъ, „одно сбереженіе, непотребленіе вещи само по себѣ“ оказывается „недостаточнымъ для образованія капитала“. Тутъ, стало быть, выходитъ, повидимому, что у насъ два фактора образованія капитала: сбереженіе и трудъ. Но дальше о трудѣ говорится: „онъ одинъ доставляетъ въ распоряженіе людей всѣ вещи, онъ одинъ создаетъ всѣ цѣнности“, такъ что опять-таки получается впечатлѣніе, будто трудъ здѣсь снова сдѣлался единственнымъ факторомъ образованія капитала. А тамъ снова оказывается, что „часть, отложенная для обезпеченія нашихъ будущихъ нуждъ“ есть то, „что мы называемъ капиталомъ“. Такимъ образомъ, въ концѣ концовъ снова возвращаемся къ тому, что откладываніе, сбереженіе—единственный источникъ образованія капитала. Хотя трудъ,—такъ можно формулировать смутное представленіе, лежащее въ основѣ всей этой канители, — производитъ вещи, какъ отдѣльные предметы, но капиталомъ они становятся только вслѣдствіе накопленія, т. е. непотребленія, и такимъ образомъ непотребленіе, сбереженіе является единственнымъ источникомъ капитала. На этомъ и порѣшено окончательно, и на стр. 29 капиталистъ является тѣмъ, „кто взялъ на себя трудъ и воздержаніе, съ которыми несомнѣнно связано накопленіе капитала“.

Неужели же вы не видите, что, независимо отъ всякой исторической дѣйствительности, само по себѣ безсмысленно выдавать чисто отрицательное явленіе, каково сбереженіе, непотребленіе вещи, за факторъ образованія капитала въ народномъ хозяйствѣ, и притомъ, разумѣется, одинаково безсмысленно, считать ли его единственнымъ факторомъ или дѣйствующимъ совмѣстно съ трудомъ? Одно коротенькое замѣчаніе, чтобъ выяснить вамъ это. Оглянитесь кругомъ, господинъ Шульце? Какіе продукты труда вообще могутъ потребляться и, слѣдовательно, не сберегаться? Хлѣбъ, мясо, вино и тому подобные продукты. И эти вещи, которыя могутъ быть потреблены, въ большинствѣ случаевъ и должны быть потреблены человѣческимъ обще-

ствомъ болѣе или менѣе быстро, такъ какъ обыкновенно не выдерживаютъ продолжительнаго сохраненія, продолжительнаго „сбереженія“, а пропадаютъ въ такомъ случаѣ безъ пользы. А теперь взгляните на другіе продукты труда, изъ которыхъ дѣйствительно состоитъ главное капиталистическое богатство современнаго общества, напр., паровыя машины, почвенныя меліораціи, дома, или добытые трудомъ сырые матеріалы всякаго рода‘ желѣзныя полосы, куски желѣзной и мѣдной руды, черепицы, каменныя глыбы и проч., и проч. Можно ли эти вещи, разъ они на лицо, „потреблять“ и, слѣдовательно, „не сберегать“? Тутъ, стало быть, несбереженіе само собою оказывается невозможнымъ, и заслуга, которую вы приписываете капиталистамъ и за которую такъ превозносите ихъ до сихъ поръ и въ дальнѣйшемъ изложеніи,—заслуга, состоящая въ томъ, что они не потребили этихъ паровыхъ машинъ, почвенныхъ меліорацій, черепицъ, каменныхъ глыбъ, желѣзныхъ полосъ, кусковъ желѣзной и мѣдной руды, кажется мнѣ довольно скромной. Вы, конечно, возразите: однако же, обладатели всѣхъ этихъ вещей могли продать ихъ, а выручку прокутить! Пусть такъ, господинъ Шульце, но какое это имѣетъ значеніе для общественнаго образованія капиталовъ? Въ такомъ случаѣ эти капиталы, эти паровыя машины и почвенныя меліораціи, эти черепицы и куски руды принадлежали бы Петру вмѣсто Павла, что для общества, для націи и для существованія общественнаго капитала совершенно безразлично. Я снова долженъ спросить: пишете-ли вы національно-экономическія лекціи, господинъ Шульце, пишете-ли, вы какъ утверждаете, „курсъ народнаго хозяйства“, или курсъ частнаго хозяйства, азбучку подъ заглавіемъ „Искусство сдѣлаться богатымъ“? [1]) Не стоитъ даже напоминать вамъ ваши слова, сказанныя раньше, насчетъ того, что если даже владѣльцы прокутятъ деньги, вырученныя за машины и проч., то результатъ получится тотъ же самый, такъ какъ они заказываютъ новые продукты, вызываютъ развитіе производства, выплачиваютъ заработную плату и, такимъ образомъ, по необходимости дѣлаютъ то самое, къ чему „сводится всякая затрата капитала“.

Происхожденіе капитала въ отношеніи его частноправоваго распредѣленія я объясню вамъ вкратцѣ позднѣе. Здѣсь я хотѣлъ только показать

---

[1]) Наиболѣе проницательные изъ буржуазныхъ экономистовъ давно замѣтили эту разницу, хотя никогда не могли усвоить ее твердо. Мальтусъ, въ „Нач. политической экономіи“ (цитирую по большому французскому собранію экономистовъ, ч. 8, стр. 359) опредѣляетъ національное богатство, какъ „совокупность того, что производится и потребляется, а не избытокъ продуктовъ надъ потребленіемъ“.

вамъ, какъ мало связи между „сбереженіемъ“ и „происхожденіемъ“ капитала въ народномъ хозяйствѣ! Итакъ, вы убѣдились, что производство есть единственный источникъ всякаго образованія капитала, а потому опредѣленное направленіе, принятое производствомъ какого-либо общества, имѣетъ большое вліяніе на процессъ образованія капитала. Такъ какъ, очевидно, для хозяйственнаго состоянія общества будетъ имѣть важное значеніе, направляется-ли его трудъ главнымъ образомъ на производство жизненныхъ средствъ (земледѣліе), или на производство египетскихъ пирамидъ, или на производство кораблей, паровыхъ машинъ, желѣзныхъ дорогъ и проч.

Я вскорѣ разовью вамъ это подробнѣе. Пока замѣчу, что это подробное разсмотрѣніе различныхъ направленій производства не имѣетъ ничего общаго съ „сбереженіемъ“, относительно котораго я хотѣлъ только показать вамъ, какъ мало оно является факторомъ общественнаго образованія капитала. Такъ какъ, разъ продукты на лицо,—а для того, чтобы быть „сбереженными“, они должны сначала оказаться на лицо,—то для однихъ (съѣстныхъ припасовъ) само собою устраняется сбереженіе, для другихъ, дѣйствительно составляющихъ основу нашего общественнаго капиталистическаго богатства, само собою устраняется потребленіе, такъ какъ самый несокрушимый капиталистическій желудокъ откажется ихъ переварить.

Здѣсь, далѣе, я хотѣлъ только показать вамъ, какой рядъ безобразныхъ искаженій, какое безсмысленное извращеніе вносите вы въ это употребительное у буржуазныхъ экономистовъ опредѣленіе: „Капиталъ есть накопленная работа“, думая, въ своемъ глубокомъ невѣжествѣ и недомысліи, что только перефразировываете его. Послѣдней, указанной мною, безсмыслицы въ словахъ этого опредѣленія тоже не содержится, какъ бы оно ни понималось. Оно вовсе не говоритъ, что нѣчто вполнѣ отрицательное, какъ „сбереженіе“, является источникомъ образованія капитала. „Накопленіе“ вѣдь вовсе не значитъ „сбереженіе“, господинъ Шульце, хотя вы считаете два эти слова равнозначущими. Но сбереженіе есть накопленіе такихъ вещей, которыя могли бы быть не сбереженными, потребленными.

Какъ видите, господинъ Шульце, вы лишены не только какихъ-либо экономическихъ знаній, вы лишены даже необходимаго элементарнаго образованія, самого скуднаго пониманія значенія словъ. Я долженъ подчеркнуть это различіе смысла словъ „накопленіе“ и „сбереженіе“, господинъ Шульце; иначе вы, пожалуй, скоро начнете увѣрять меня, что вы „сберегли“ солнце, луну и звѣзды. Увѣрять, что вы ихъ „накопили“, вы не можете по той причинѣ, что для накопленія требуется положительное дѣйствіе. Итакъ, опредѣленіе буржуазной экономіи—если не по смыслу, то, по крайней мѣрѣ,

по словамъ—свободно и отъ третьей безсмыслицы, которую вы ему навязали вашей искажающей, фальсифицирующей, уродующей перефразировкой.

Никто не требуетъ отъ васъ,—а я менѣе всѣхъ,—чтобы вы хоть что-нибудь создали, дали что-нибудь новое, хотя бы самое незначительное. Почтенная роль людей вашего пошиба въ томъ и заключается, чтобы разносить по свѣту то, надъ чѣмъ наука топчется уже сто лѣтъ. Но можно требовать отъ васъ, по крайней мѣрѣ, чтобы вы не искажали такъ жалко вещей, уже столѣтіе повторяемыхъ всѣми учебниками (сто лѣтъ тому назадъ Адамъ Смитъ опредѣлилъ капиталъ, какъ „накопленный трудъ").

Вотъ это-то я и долженъ поставить вамъ въ особенную вину передъ вашимъ принципаломъ, буржуазіей: что вы, какъ я всюду доказалъ, никуда негодный commis voyageur, совершенно неспособный отстаивать интересы своего принципала. А ихъ еще можно защищать совершенно иначе, аргументами, если не правильными и вѣрными,—что невозможно,—то, по крайней мѣрѣ, приличными и осмысленными. Но вы понятія не имѣете о томъ, что сдѣлано до сихъ поръ буржуазной экономіей; вамъ совершенно незнакомы ходы того арсенала, изъ котораго вы должны были добыть себѣ оружіе,—вамъ, „королю въ соціальномъ царствѣ", какъ величали васъ въ публичной рѣчи въ Кёльнѣ господа Георгъ Юнгъ, Генрихъ Бюргеръ и Гелльвицъ!

И вы всего болѣе вредите интересамъ вашего принципала, всего болѣе выдаете его дѣловыя тайны, именно этими глупо-лукавыми изворотами, которые, по вашему мнѣнію, должны оказать имъ услугу, а на дѣлѣ такъ неловки, что бросаютъ яркій свѣтъ на ваши мотивы, а съ тѣмъ вмѣстѣ и на всю суть вашего дѣла, и всякому, кто проникнетъ въ эту суть, могутъ внушить только величайшее отвращеніе къ ней.

Такъ, я уже указалъ вамъ выше (sub 1) мотивъ, въ силу котораго вы такъ безсмысленно превращаете капиталъ изъ „накопленнаго труда" въ „сбереженную часть дохода". Но, кромѣ него, у васъ есть для этого еще два основанія. Вы не могли опредѣлять рабочимъ капиталъ, какъ „накопленный трудъ", такъ какъ боялись, что у нихъ могъ бы возникнуть вопросъ, почему же они, которые такъ много работаютъ, ничего не „накопляютъ". Если же вы опредѣлите имъ капиталъ, какъ сбереженную часть дохода, то этимъ людямъ, во всякомъ случаѣ, извѣстно, что они никогда не сберегаютъ и не откладываютъ,—на это есть свои основанія,—а стало быть, думаете вы, имъ даже понравится, что у нихъ нѣтъ капиталовъ!

Наконецъ, есть и третье основаніе, которое побудило васъ къ этой безсмысленной фальсификаціи.

Въ Германіи все должно быть „нравственнымъ“: для нѣмецкаго буржуа недостаточно имѣть право на обладаніе капиталомъ, для него недостаточно объективнаго утвержденія экономической неуязвимости этого обладанія, ему нужно еще, чтобы это обладаніе было моральной заслугой съ его стороны.

Эту моральную заслугу надо, значитъ, обосновать, признать за ней право на монтіоновскую премію за добродѣтель,—для этого, конечно, годится теорія „сбереженія“. „Капиталъ во всѣхъ случаяхъ есть непосредственный результатъ сбереженія“. „Инымъ способомъ капиталисты вообще не могутъ создаваться“, говорите вы на стр. 25, и трогательно выставляете на видъ на стр. 27, что капиталистъ великій страстотерпецъ, который взялъ на себя „трудъ и воздержаніе, несомнѣнно связанныя съ накопленіемъ капитала“! Вотъ они, наши европейскіе капиталисты, съ блѣдными, истощенными лицами, тихо и скорбно опустивъ глаза, размышляютъ о своемъ, полномъ самоотреченія и страданій, жизненномъ пути, пристыженные все-таки, въ своей скромности, тѣмъ, что ихъ великія заслуги, которыя имъ хотѣлось бы скрыть отъ всѣхъ глазъ, съ такимъ шумомъ разоблачаются передъ всѣмъ свѣтомъ.

Господинъ Шульце... впрочемъ, нѣтъ! Предоставимъ еще слово вамъ самому; приведемъ здѣсь дифирамбъ, который вы поете на стр. 25 тотчасъ вслѣдъ за уже разобранными словами, что капиталъ есть „часть, отложенная для обезпеченія нашихъ будущихъ нуждъ“:

„Будучи исключительно продуктомъ труда [1]), капиталъ, какъ мы видѣли, снова расходуется на поощреніе трудовыхъ цѣлей, возвращается оплодотворяющимъ потокомъ въ нѣдра труда, чтобы въ постоянномъ круговоротѣ возобновиться въ новыхъ продуктахъ труда. Чудная связь взаимоотношеній, которая, какъ ничто въ мірѣ, неразрывно связываетъ интересы обоихъ, труда и капитала! А насколько при этомъ вступаютъ въ дѣйствіе высшія свойства человѣческой природы, пробуждаются и упражняются лучшія силы человѣка,—покажетъ самый бѣглый взглядъ. Развѣ прилежаніе, работоспособность, бережливость не коренятся въ духовныхъ и моральныхъ свойствахъ нашей природы? Какая предусмотрительность, какія познанія и опытность требуются для того, чтобы хорошо и успѣшно работать въ какой-

---

[1]) Конечно, капиталъ есть такъ же продуктъ труда, господинъ Шульце, какъ и многое другое, что не является капиталомъ; но именно потому это не есть отличительное понятіе капитала: быть продуктомъ труда. Отличительное понятіе капитала состоитъ, напротивъ, исключительно въ томъ, что онъ форма труда,—пока вы этого еще не понимаете, но позднѣе поймете.

либо спеціальности, чтобы создать что-нибудь путное! А затѣмъ, для надлежащаго распоряженія доходами своего труда каждый долженъ принимать въ расчетъ будущность, опредѣлять воздѣйствіе сберегаемаго капитала на удовлетвореніе будущихъ потребностей въ дѣлѣ и хозяйствѣ и взвѣшивать его, чтобы рѣшиться пожертвовать настоящимъ будущему. Далѣе, надо господствовать надъ собою и своими склонностями, отказываться отъ соблазна минутныхъ наслажденіи ради большихъ и длящихся выгодъ въ будущемъ, противостоять всякаго рода искушеніямъ, упражняться въ умѣренности и воздержаніи. Особенно задѣваются здѣсь самыя священыя семейныя узы и обязанности, такъ какъ каждый долженъ быть проникнутъ самоотверженной любовью къ своимъ, чтобы не испугаться трудовъ и лишеній, плоды которыхъ нерѣдко достаются только его дѣтямъ и внукамъ. Короче, съ какой стороны ни разсматривай дѣло, всюду хозяйственныя стремленія при образоваіи капитала опираются па благороднѣйшую часть человѣческой природы“.

Никогда Давидъ не пѣлъ такъ сладко подъ аккомпаниментъ арфы:

„Хвалите Господа, мощнаго Царя славы!“

Неужели же вамъ взаправду нужно серьезно объяснять, что и въ отношеніи своего частноправоваго распредѣленія европейскіе капиталы отнюдь не являются результатомъ „сбереженія“, моральныя заслуги котораго вы такъ пышно расписываете въ этой размазнѣ.

Такъ вы дѣйствительно не имѣете понятія о томъ, какъ возникли и продолжаютъ возникать капиталы?

Итакъ, въ самыхъ короткихъ словахъ, господинъ Шульце: отъ начала цивилизаціи до водворенія христіанства господствовалъ трудъ рабовъ. Сами работники, со всѣмъ, что они производили, были собственностью господина. Но при господствѣ рабскаго труда можетъ быть рѣчь только о „накопленіи“, а не о „сбереженіи“. Такъ какъ независимо отъ того, что всякій, обладавшій, напр., сотней рабовъ, промотавъ продукты труда 60 человѣкъ, что, вѣроятно, не называется „сбереженіемъ“, все-таки накоплялъ продукты труда остальныхъ 40, это накопленіе не было „сбереженіемъ“: сбереженіемъ въ вашемъ смыслѣ, такъ какъ оно не было сбереженіемъ собственнаго заработка. Сбереженіе чужого заработка называютъ въ настоящее время грабежемъ, или, по меньшей мѣрѣ, хищеніемъ. Если же нѣтъ, то я опять-таки напомню вамъ, неблагодарный, что съ тѣхъ поръ какъ мы оба существуемъ, я всегда съ несравненнымъ воздержаніемъ сберегалъ вашъ заработокъ, вашъ и вашего друга Рейхенгейма, а потому въ скорости ихъ — особенно послѣдній — потребую!

Но съ водвореніемъ христіанства, это, какъ извѣстно, не измѣнилось Вмѣсто рабства явилось крѣпостное состояніе и подневольная работа, то есть, по прежнему, трудъ людей, остававшихся, въ различной степени, юридической собственностью своихъ господъ, то есть, по прежнему, накопленіе чужого заработка. Это было не только въ области сельско-хозяйственнаго труда, нѣтъ,—вамъ извѣстно, господинъ Шульце, да и всякому ребенку извѣстно, что въ теченіе многихъ столѣтій, въ средніе вѣка, промышленный трудъ въ городахъ также совершался сначала крѣпостными, потомъ обязанными работой слугами городского дворянства и патриціата. Когда это прекратилось въ городахъ,—въ деревняхъ крѣпостное право и обязательный трудъ сохранились до французской революціи,—то на мѣсто подневольнаго труда водворились цехи, великимъ противникомъ и ярымъ врагомъ которыхъ вы являетесь (вашъ „прогрессъ“ именно въ томъ и состоитъ, что вы еще разъ теоретически опровергаете то, что уничтожено уже 75 лѣтъ тому назадъ), и относительно которыхъ вы должны знать, что они состояли въ положительныхъ юридическихъ учрежденіяхъ, принуждавшихъ, въ сотнѣ формъ, силою закона, бѣдныхъ людей работать на сословіе городскихъ мастеровъ и отправлять въ ихъ карманы доходы своего труда.

Наконецъ, грянулъ громъ французской революціи 1789 г.!

Точно испепеленные молніей, исчезли крѣпостное право, обязательный трудъ, цехи! Свободная конкуренція осуществилась!

Трудъ былъ объявленъ юридически-свободнымъ при безконечномъ ликованіи!

Но точно-ли измѣнился старый фактъ вынужденнаго перехода заработка рабочихъ въ карманы привилегированныхъ, правящихъ классовъ? Точно-ли устранился старый эксплуататорскій общественный строй, въ силу котораго эти привилегированные, правящіе классы накопляютъ чужой заработокъ—продукты труда рабочихъ—какъ свою, юридически закрѣпленную за ними, собственность?

Юридически трудъ, какъ уже сказано, былъ объявленъ свободнымъ, и, стало быть, ничто бы не мѣшало каждому получать, накоплять и „сберегать“ свой заработокъ, если-бъ не препятствовало этому одно маленькое затрудненіе.

„Прежде, чѣмъ начнется какое-либо занятіе, какая-либо работа съ промышленными цѣлями,—говорите вы на стр. 10 вашего „Катехизиса“,—надо позаботиться о заготовленіи сырого матеріала для обработки, необхо-

димыхъ орудій и, наконецъ, средствъ къ существованію, для себя и сотрудниковъ, во время работы".

„Эти необходимыя предпосылки всякаго, направленнаго на производство имущественныхъ благъ, труда,—продолжаете вы,—во всѣхъ безъ исключенія случаяхъ могутъ быть созданы только прежними, предшествовавшими задуманной, работами; ихъ мы и подразумѣваемъ подъ названіемъ капиталъ".

Вы, стало быть, сами знаете, господинъ Шульце, что прежде чѣмъ приступить къ какой бы то ни было работѣ, необходимо приложить къ дѣлу ранѣе совершенную работу, необходимо приложить къ дѣлу капиталъ.

Внезапно объявленные юридически „свободными", крѣпостные, обязанные, цеховые ремесленники и ученики, какъ и ихъ предки въ теченіе тысячелѣтій, оборудовали для привилегированныхъ всякаго рода эту предварительную работу, а теперь оказались юридически свободными, но фактически лишенными всякихъ средствъ, лицомъ къ лицу съ этими капиталами, скопившимися въ рукахъ имущихъ.

Такъ какъ у нихъ не было того, безъ чего нельзя даже приступить къ какой бы то ни было работѣ,—то, несмотря на „юридическую свободу", несмотря на провозглашеніе свободной конкуренціи, что имъ оставалось и остается дѣлать, какъ не продавать жизнь за средства, необходимыя для поддержанія жизни?

Иными словами: что имъ оставалось и остается дѣлать, если они не хотятъ голодать и умирать съ голода, какъ не искать работы у предпринимателей, вооруженныхъ капиталами, созданными ихъ же тысячелѣтнимъ трудомъ, результатами ихъ собственной предварительной работы, —и притомъ за плату, которая лишь въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ, рѣдко, и всегда лишь на короткое время, можетъ превышать установленный народными привычками минимумъ необходимыхъ средствъ существованія? За плату, которая, будучи заранѣе низведена до этого минимума, отнимаетъ у рабочихъ всякую возможность „сберегать", а съ другой стороны съ неизбѣжной необходимостью предоставляетъ въ карманы предпринимателя,—который съ своей стороны удѣляетъ извѣстную часть капиталисту, какъ таковому,—весь избытокъ заработка этихъ рабочихъ надъ издержками ихъ существованія, какъ бы ни былъ онъ великъ, какъ бы ни была доходна производительность труда вообще или въ данной спеціальной отрасли производства?

Я изложилъ этотъ законъ заработной платы съ присущими ему незначительными колебаніями вверхъ и внизъ въ моемъ „Гласномъ отвѣтѣ".

И если вы и „газетная братія“ оспаривали меня, то я могъ бы вполнѣ утѣшиться въ этомъ несчастіи словами Родбертуса рабочимъ: „Лассаль такъ обстоятельно разъяснилъ вамъ этотъ законъ съ его незначительными колебаніями, что на это незачѣмъ больше тратить словъ“.

Тѣмъ не менѣе я еще подробнѣе обосновалъ его въ моей „Книгѣ для чтенія рабочимъ“, какъ доводами, такъ и указаніями на признаніе его всѣми буржуазными экономистами.

Наконецъ, я далъ (въ IV гл.) еще болѣе убѣдительное систематическое обоснованіе этого закона и въ довершеніе всего докажу, что вы сами знаете его истинность.

Итакъ, „свободная конкуренція“ ничуть не измѣнила стараго факта, состоящаго въ томъ, что рабочій долженъ весь доходъ отъ своей работы, остающійся за удовлетвореніемъ необходимыхъ жизненныхъ потребностей (а такую часть дохода получали и рабы, и крѣпостные, и обязанные, и цеховые ремесленники и ученики), отдавать „капиталу“, какъ раньше отдавалъ „господину“.

Да, если бы трудъ и нынѣ осуществлялся въ своей первоначальной естественной формѣ, какъ у индѣйцевъ въ американскихъ лѣсахъ, гдѣ работа дня—охота—доставляетъ средства существованія на этотъ день! Въ такомъ случаѣ, безъ сомнѣнія, провозглашенная 1789 г. юридическая свобода рабочихъ превратила бы ихъ въ фактически свободныхъ людей и теперь каждый, охотясь за свой счетъ, получалъ бы только продуктъ своего собственнаго труда, свой собственный индивидуальный охотничій доходъ, ни болѣе, ни менѣе.

Но успѣхи раздѣленія труда, этой причины европейской цивилизаціи, придали труду совершенно другой характеръ! Каждый вырабатываетъ только отвлеченную часть продукта, а не готовыя средства къ жизни, которыми онъ могъ бы существовать. Использованіе этого продукта отодвигается на недѣли, мѣсяцы, годы, а для существованія въ теченіе этого времени необходимъ предварительный запасъ. Далѣе, раздѣленіе труда предполагаетъ уже состоявшееся раздѣленіе предшествующаго труда, стало быть и наличность запаса для достиженія результатовъ послѣдняго, для заготовки сырыхъ матеріаловъ, орудій труда, промышленныхъ продуктовъ. Наконецъ, раздѣленіе труда осуществляется только путемъ соединенія многихъ для достиженія одного и того же результата труда, и такимъ образомъ опять-таки предполагаетъ наличность запаса для ихъ содержанія и т. д., и т. д. Словомъ, каждая нота въ производственномъ концертѣ, реветъ неумолимо: Запасъ! запасъ! запасъ!

Итакъ, объявленные „свободными“ въ 1789 г., рабочіе не могли разойтись по своимъ охотничьимъ удѣламъ, какъ гордые сыны лѣсовъ. Никакихъ охотничьихъ удѣловъ у нихъ не было; процессъ общественнаго прокормленія осуществляется нынѣ въ другой, болѣе искусственной формѣ.

Этотъ запасъ, этотъ предуготовленный трудъ, необходимый нынѣ для прокормленія каждаго, они накопили въ рукахъ правящихъ классовъ, до тѣхъ поръ и юридически привилегированныхъ. Къ этому-то, ими же предуготовленному, труду и пришлось имъ, несмотря на свободную конкуренцію, очнѣе, именно благодаря свободной конкуренціи, итти въ кабалу и, какъ прежде, отдавать своимъ, раньше юридическимъ, нынѣ фактическимъ „господамъ“ свой избытокъ труда, часть заработка, остающуюся за удовлетвореніемъ необходимѣйшихъ потребностей.

Предуготовленный трудъ, капиталъ въ обществѣ, производящемъ при словіяхъ раздѣленія труда и при дѣйствіи закона „свободной конкуренціи“ и „самопомощи“, подавляетъ живой трудъ. Продукты своей же работы душатъ рабочаго, его вчерашній трудъ возстаетъ противъ него, валитъ его на земь и отнимаетъ у него сегодняшній заработокъ!!.

И, такимъ образомъ, чѣмъ болѣе рабочій производитъ съ 1789 года, чѣмъ болѣе онъ, на службѣ у буржуазіи, накопляетъ предуготовленную работу, капиталы, становящіеся ея собственностью, чѣмъ болѣе онъ этимъ самымъ обезпечиваетъ дальнѣйшіе успѣхи раздѣленія труда, тѣмъ болѣе растетъ тяжесть цѣпи, приковывающей его къ землѣ, тѣмъ печальнѣе становится положеніе его класса [1]).

И вотъ почему въ Англіи это положеніе печальнѣе, чѣмъ во Франціи и Бельгіи, во Франціи и Бельгіи печальнѣе, чѣмъ въ Германіи.

Ну, я, кажется, достаточно убѣдительно доказалъ вамъ, господинъ Шульце, что „происхожденіе капиталовъ“, и именно въ отношеніи ихъ частноправового распредѣленія, рѣшительно ничего общаго съ „сбереженіемъ“ не имѣло до 1789, не имѣетъ и съ тѣхъ поръ до сего дня, при господствѣ свободной конкуренціи! Я доказалъ вамъ, что какъ до, такъ и послѣ 1789, работники не могли и не могутъ накоплять, а тѣ, кто накопляетъ,— накопляютъ не свой, а чужой заработокъ, и, стало быть, не „сберегаютъ!“

Но если вы были неспособны сами сдѣлать этотъ краткій очеркъ

---

[1]) Это очень хорошо знаютъ и буржуазные экономисты, и иногда сами сознаются въ этомъ, см., напр., профессора Рошера, „Ansichten der Volkswirtschaften etc“, 1861, s. 217: „Почти съ каждымъ шагомъ впередъ фабричной системы зависимость рабочаго отъ его господина растетъ.“

историческаго развитія отношеній труда въ Европѣ, то какъ у васъ не хватило простого здраваго смысла сообразить, что такое происхожденіе капитала путемъ индивидуальнаго сбереженія собственнаго заработка, какъ вы его себѣ представляете, уже a priori является совершенно невозможнымъ?

Какъ вы себѣ представляете возникновеніе первыхъ капиталовъ?

Обратитесь еще разъ къ первичной формѣ труда свободнаго дикаря индѣйца, охотящагося на своихъ охотничьихъ земляхъ. Могъ ли онъ что-нибудь „откладывать" изъ своихъ доходовъ? Приносилъ-ли его трудъ какой-нибудь избытокъ сверхъ средствъ, необходимыхъ для поддержанія жизни? Исторія даетъ вамъ отвѣтъ, указывая на массовое вымираніе индѣйскихъ племенъ отъ голода. Иными словами: только при раздѣленіи труда онъ доставляетъ избытокъ сверхъ средствъ, необходимыхъ для поддержанія жизни.

Но, можетъ быть, вы спросите: почему же этотъ глупый индѣецъ не попробовалъ сыграть роль капиталиста,—нанять нѣсколькихъ индѣйцевъ и заставить ихъ охотиться сообща за его счетъ!

Изволите видѣть, господинъ Шульце, эти свободные люди никогда бы не согласились на такую вещь,—тѣмъ болѣе, что и въ такомъ случаѣ они могли бы добывать охотой только средства, необходимыя для поддержанія жизни, какъ раньше при полной свободѣ.

А во-вторыхъ: откуда взялъ бы тотъ индѣецъ средства для содержанія остальныхъ, пока они охотились бы за его счетъ? Изъ продуктовъ собственной охоты, урывая кусокъ изъ своего рта? Но онъ превратился бы въ скелетъ, прежде чѣмъ успѣлъ накопить запасъ, котораго хватило бы на содержаніе хоть небольшого числа наемныхъ охотниковъ.

Вы скажете, пожалуй, что этотъ глупецъ все-таки самъ виноватъ. Почему онъ не заставилъ наемныхъ охотниковъ заняться земледѣліемъ или ремесломъ, которыя доставляютъ средства къ существованію въ избыткѣ?

Но развѣ вы не видите, господинъ Шульце, что здѣсь только что обсуждавшееся препятствіе возвращается въ стократно усиленной степени?

Какъ могъ бы онъ накопить изъ своего личнаго охотничьяго заработка средства, достаточныя для содержанія этихъ земледѣльцевъ и ремесленниковъ въ теченіе года или нѣсколькихъ мѣсяцевъ, которые должны пройти, прежде чѣмъ земледѣліе или ремесло дадутъ доходъ?

Отсюда вы можете сдѣлать два вывода, господинъ Шульце:

I. Производство при раздѣленіи труда, которое одно доставляетъ избы-

токъ сверхъ необходимаго для насущныхъ потребностей, въ свою очередь предполагаетъ, чтобъ быть возможнымъ, предшествующую затрату собраннаго капитала, слѣдовательно, также предшествующее раздѣленіе труда, которое одно можетъ доставить этотъ избытокъ, недостижимый для индивидуальнаго труда.

II. Поэтому, народы, живущіе при условіяхъ полной индивидуальной свободы, какъ индѣйскія охотничьи племена, никогда не могутъ достигнуть какого-либо накопленія капиталовъ, а, вслѣдствіе того, и какого-либо культурнаго успѣха.

И потому, дѣйствительно, бѣлые, добравшись до большого соленаго озера, застали ирокезовъ, делаваровъ, чироковъ, чиказасовъ и проч. на той же самой культурной ступени, какую занимали они нѣсколько тысячъ лѣтъ тому назадъ, да и теперь еще остатки этихъ племенъ, поскольку они сохранили прежній образъ жизни и не европеизировались, остаются на той же ступени.

Итакъ: индивидуальный трудъ не можетъ сберегать.

Но теперь бросьте взглядъ на рабство, которое вы находите у колыбели всѣхъ цивилизованныхъ народовъ.

Картина тотчасъ перемѣняется.

Господинъ владѣетъ, напр., сотней рабовъ. Изъ нихъ 30 онъ можетъ употребить на производство предметовъ потребленія для него самого, которые и будетъ лично расходовать. Вы согласитесь, что потреблять заработокъ 30 человѣкъ не значитъ „сберегать". 60 другихъ рабовъ онъ можетъ употребить для земледѣлія, чтобъ произвести необходимыя средства къ существованію для себя самихъ, для первыхъ 30 и для остающихся 10. Наконецъ 10 остающихся рабовъ онъ утилизируетъ для приготовленія необходимыхъ орудій, въ которыхъ нуждаются какъ первые 30, обязанные заботиться о предметахъ его личнаго потребленія, такъ и 60, добывающіе средства къ существованію для всѣхъ 100.

Такой, по существу, характеръ дѣйствительно имѣли когда-то человѣческія общества.

Вы, пожалуй, скажете, что этотъ человѣкъ все же „сберегаетъ", по крайней мѣрѣ, продукты труда тѣхъ 10 рабовъ, которые изготовляютъ орудія.

И если даже признать, что накопленіе чужого заработка нельзя назвать „сбереженіемъ", то, во всякомъ случаѣ, онъ могъ, на основаніи рабовладѣльческаго права, растратить заработокъ и этихъ 10 лѣтъ, и

стало быть проявилъ извѣстное „воздержаніе“, отказавшись отъ этого и давъ ихъ заработку накопиться въ формѣ орудій всякаго рода.

Но это опять-таки глубокое заблужденіе, господинъ Шульце.

Заставивъ 10 рабовъ готовить орудія для 60 и для 30 занятыхъ добываніемъ предметовъ его личнаго потребленія, этотъ человѣкъ пріобрѣтаетъ, благодаря такому раздѣленію труда, гораздо болѣе обильное хозяйство, гораздо болѣе обильныя средства, чѣмъ если бы онъ заставилъ и этихъ 10, или всѣхъ 100 добывать жизненныя средства непосредственно пальцами и ногтями. А продолжающаяся работа этихъ 10, изготовляющихъ орудія для 30 и 60, вскорѣ приводитъ къ тому, что собственникъ можетъ утилизировать для земледѣльческаоо труда только 50 рабовъ вмѣсто 60, такъ какъ благодаря улучшеннымъ орудіямъ трудъ ихъ оказывается достаточнымъ для содержанія всей сотни. Освободившихся 10 человѣкъ онъ присоединяетъ къ изготовляющимъ орудія, число которыхъ достигаетъ такимъ образомъ 20. Благодаря гораздо лучшимъ и болѣе дѣйствительнымъ орудіямъ, изготовляемымъ этими 20, работа какъ тѣхъ 30 рабовъ, которые изготовляютъ предметы роскоши для его личнаго потребленія, такъ и 50 земледѣльцевъ, становится гораздо продуктивнѣе. Его сундуки и лари, погреба и амбары переполняются, привычки къ роскоши становятся все болѣе утонченными; пурпуръ, шелкъ и душистое полотно къ его услугамъ; и оказывается, что, благодаря усовершенствованнымъ земледѣльческимъ орудіямъ и методамъ, 40 рабовъ достаточно для добыванія средствъ къ существованію всѣхъ 100.

Освободившіися такимъ образомъ десятокъ рабовъ онъ можетъ раздѣлить: пятерыхъ присоединить къ группѣ 30 человѣкъ, работающихъ для удовлетворенія его потребности въ роскоши, образовавъ въ ней отдѣленіе играющихъ на лютнѣ и танцовщицъ, а остальными пятью усилить группу производящихъ орудія и инструменты, которая теперь возросла съ 10 до 25 человѣкъ. Но благодаря все болѣе сложнымъ и дѣйствительнымъ орудіямъ, изготовляемымъ этой группой, умножаются предметы роскоши, производимые рабами, занятыми удовлетвореніемъ его личныхъ надобностей, и онъ видитъ, что эти предметы роскоши могутъ и еще увеличиться и улучшиться, если онъ выдѣлитъ изъ 35 десять человѣкъ и присоединитъ ихъ къ группѣ, изготовляющей орудія, чтобы такимъ образомъ косвеннымъ путемъ увеличить призводство предметовъ роскоши. Теперь эта группа, состоявшая первоначально изъ 10, насчитываетъ уже 35 рабовъ; владѣлецъ заставляетъ непрерывно сверлить, ковать, катать, мастерить новыя машины и этимъ самымъ достигаетъ, благодаря все возрастающей произво-

дительности труда, постояннаго увеличенія массы какъ тончайшихъ продуктовъ, такъ и необходимыхъ жизненныхъ средствъ,—не говоря уже о томъ, что благодаря умноженію этихъ послѣднихъ является возможность увеличить число рабовъ путемъ усиленнаго размноженія, и это увеличившееся число раздѣлить на прежнія три группы.

Внутри же сотни рабовъ, состоявшей первоначально изъ 30 производившихъ предметы роскоши, 60—жизненныя средства, 10—орудія, численныя отношенія измѣнились такъ: 25 рабовъ производятъ непосредственно предметы роскоши; 40—непосредственно жизненныя средства и 35—орудія.

Итакъ, вы видите, господинъ Шульце, что дѣло этого человѣка является въ дѣйствительности не „сбереженіемъ", а непрерывнымъ измѣненіемъ направленія производства, введеніемъ все новаго и новаго раздѣленія труда, постояннымъ отвлеченіемъ все большей доли рабочихъ силъ отъ непосредственнаго производства предметовъ роскоши или необходимости къ посредственному, то есть къ производству орудій, машинъ, короче сказать, capital fix (постояннаго капитала) всякаго рода,—и чѣмъ больше онъ дѣйствуетъ въ этомъ смыслѣ,—что вамъ кажется „сбереженіемъ",—тѣмъ больше средствъ къ наслажденію стекается въ его руки.

Съ этимъ человѣкомъ случилось то, что Джульетта говоритъ о своей любви къ Ромео: „чѣмъ больше я даю, тѣмъ болѣе имѣю". Чѣмъ больше рабовъ присоединялъ онъ къ третьей группѣ, предназначенной для производства постояннаго капитала, тѣмъ больше получалъ, проживалъ и могъ прожить средствъ къ наслажденію.

Этотъ человѣкъ, господинъ Шульце,—реальное изображеніе развитія европейскаго общества и его капиталовъ.

Вы видите, стало быть, что о „воздержаніи" и „сбереженіи" даже чужого заработка тутъ нѣтъ и рѣчи.

Вы видите также, господинъ Шульце, что тотъ, кто говоритъ „раздѣленіе труда",—говоритъ этимъ самымъ,—не замѣтить этого было бы черезчуръ,—„общая, соединенная работа", и что эта общая, соединенная работа и обусловленные ею культура и образованіе капиталовъ, въ началѣ и въ теченіе долгаго времени, были возможны только въ формѣ рабства, въ формѣ насильственнаго подчиненія и соединенія путемъ накопленія чужого заработка.

Стало быть, конечно, это счастье, что въ колыбели цивилизованныхъ народовъ существовало рабство.

Но не находите-ли вы, господинъ Шульце, что пришла пора положить

конецъ рабству въ его различныхъ формахъ и градаціяхъ, по существу сохранившемуся и до сихъ поръ,—пришла пора положить конецъ присвоенію чужого заработка.

Положить конецъ, говорю я? Ахъ, нѣтъ! Путь еще дологъ, и развитіе совершается только постепенно! Но тѣмъ болѣе, не пора-ли положить, по крайней мѣрѣ, начало конца?

Во всякомъ случаѣ, теперь вы видите, что „сбереженіе“ не при чемъ въ процессѣ возникновенія и наростанія капиталовъ.

Но, можетъ быть, вы хотите знать, какъ образуются новые капиталы въ такомъ развитомъ обществѣ, какъ наше?

Обратимся къ конкретнымъ примѣрамъ, господинъ Шульце.

Я покупаю имѣніе за 100.000 талеровъ. Беремъ такой случай: я получаю съ имѣнія 5 процентовъ моего капитала и затрачиваю ихъ полностью.

Я, стало быть, ничего не „сберегаю“. Мало того, я каждый годъ затрачиваю 2.000 талеровъ сверхъ моего дохода, стало быть, расточаю, вхожу въ долги. Но спустя 10 лѣтъ я продаю имѣніе и, вслѣдствіе выросшей тѣмъ временемъ густоты населенія и обусловленнаго этимъ повышенія цѣнъ на хлѣба и земельные участки, получаю за него 200.000 талеровъ. Я выплачиваю 20.000 талеровъ долга, образовавшагося вслѣдствіе десятилѣтнихъ расточительныхъ затратъ, и у меня все-таки оказывается новый капиталъ въ 80.000 талеровъ. Онъ образовался вслѣдствіе—общественныхъ взаимоотношеній.

Онъ образовался вслѣдствіе того, что на той же земельной площади оказалось болѣе многочисленное и густое населеніе. Онъ образовался вслѣдствіе того, что теперь, для удовлетворенія потребностей націи въ жизненныхъ средствахъ, приходится воздѣлывать и менѣе плодородныя почвы, на которыхъ полученіе урожая обходится дороже, причемъ рыночная цѣна хлѣба должна оплатить и эти издержки производства на неплодородныхъ поляхъ,—а это даетъ мнѣ возможность продавать и мой хлѣбъ по повышенной цѣнѣ.

Онъ образовался, быть можетъ, благодаря тому, что возросшее богатство какого-нибудь другого населенія даетъ здѣшнему возможность, вслѣдствіе усиленнаго спроса на хлѣба, поднять на нихъ цѣну; или благодаря тому, что отмѣна хлѣбныхъ пошлинъ въ какой-нибудь странѣ привела къ такому же результату.

Короче сказать, онъ могъ образоваться всячески—только не моимъ трудомъ и не моимъ „сбереженіемъ“.

Или возьмемъ такой случай: при постройкѣ Кёльнъ-Минденской желѣзной дороги я купилъ на 100.000 талеровъ акцій al pari. Затѣмъ, не пошевеливъ пальцемъ для этой дороги, я въ теченіе многихъ лѣтъ получалъ сначала 5, потомъ 8, потомъ 10, потомъ 12, потомъ 13 процентовъ на затраченный мною капиталъ, то есть по истинѣ исполинскіе дивиденды, и безжалостно истратилъ ихъ до послѣдней полушки. Я продаю теперь эти Кёльнъ-Минденскія акціи по существующему курсу въ 175, и такимъ образомъ пріобрѣтаю новый капиталъ въ 175.000 талеровъ, хотя ни одной полушки я не „накопилъ“ и не „сберегъ изъ моихъ доходовъ“.

Какъ образовался этотъ новый капиталъ? Въ силу общественныхъ взаимоотношеній, господинъ Шульце!

Пассажирское движеніе возросло; товарное движеніе возросло; благодаря изобрѣтенію какого-нибудь англійскаго инженера уменьшились, быть можетъ, расходы по веденію дѣла; словомъ, вслѣдствіе всѣхъ общественныхъ взаимоотношеній — только не вслѣдствіе моего труда и моего сбереженія — крупное предпріятіе, называемое Кёльнъ-Минденской желѣзной дорогой, а, стало быть, и каждая отдѣльная частица (акція) его, представляетъ теперь дѣйствительно повысившуюся капитальную стоимость.

И замѣтьте, господинъ Шульце, что такимъ образомъ на Кёльнъ-Минденскихъ желѣзнодорожныхъ акціяхъ пріобрѣтаются новые капиталы,—это вы должны знать! Этимъ способомъ обогатился весь кругъ вашихъ знакомыхъ—на Кёльнъ-Минденскихъ, и на верхне-силезскихъ Littera A, и на верхне-силезскихъ Littera B, и на Магдебургъ-Гальберштадтскихъ, и какъ тамъ еще онѣ называются. И если даже вы смыслите въ политической экономіи меньше, чѣмъ новорожденный младенецъ,—то объ этомъ вы должны знать, такъ какъ сотни разъ слышали разговоры въ кругу вашихъ знакомыхъ.

Стало быть, когда вы говорите (стр. 25): „Капиталъ во всѣхъ случаяхъ есть непосредственный результатъ сбереженія. Онъ возникаетъ только въ томъ случаѣ, когда кто-нибудь не затрачиваетъ всего своего дохода на удовлетвореніе своихъ текущихъ надобностей, но часть его откладываетъ“, и когда вы еще разъ подчеркиваете это въ словахъ: „инымъ способомъ капиталы вообще не могутъ возникать“,—то этимъ самымъ вы безнадежно убиваете всякую возможность повѣрить въ вашу искренность!

Не всякій способенъ выяснить разницу между народнохозяйственнымъ и частнохозяйственнымъ значеніемъ капитала, и, тѣмъ менѣе, всегда

имѣть въ виду эту разницу при всѣхъ дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ и отдѣльныхъ случаяхъ.

Не всякій способенъ выяснить еще болѣе сложный вопросъ, почему даже мелочной торговецъ въ Деличѣ, откладывая изъ годовой выручки въ 1.000 талеровъ 500 талеровъ, накопляетъ этимъ самымъ чужой заработокъ, такъ какъ всякая продуктивность капитала въ настоящее время основана именно на томъ, что въ собственно производительныхъ предпріятіяхъ заработокъ рабочаго накопляется предпринимателемъ, а потому, разъ капиталъ вообще продуктивенъ, онъ и во всѣхъ другихъ общественно-необходимыхъ капиталистическихъ предпріятіяхъ долженъ представлять ту же продуктивность, что въ производительныхъ, также долженъ давать прибыль, такъ какъ иначе для этихъ другихъ предпріятій не найдется капиталовъ.

Все это и еще многое другое можетъ быть извинено вашимъ невѣжествомъ.

Но то, что касается Кёльнъ-Минденскихъ акцій, вы **должны** знать безъ всякихъ отговорокъ!

О мильярдахъ, которые такимъ путемъ пріобрѣтались въ Европѣ въ теченіе послѣднихъ десяти-двадцати лѣтъ, вы знали.

Стало быть, если даже въ вашей головѣ могло сложиться представленіе, будто капиталы образуются **также** путемъ сбереженія,—вы знали, во всякомъ случаѣ, что они образуются **также** другимъ путемъ. И если вы, тѣмъ не менѣе, съ цѣлью внушить рабочимъ необходимое почтеніе къ тихому мученичеству капиталистовъ и религіозную вѣру въ законность современныхъ экономическихъ отношеній; съ цѣлью избѣжать опаснаго вопроса со стороны рабочихъ, поскольку капиталъ возникаетъ однимъ, поскольку другимъ путемъ,—если вы сказали съ этою цѣлью, что капиталъ возникаетъ „во всѣхъ случаяхъ“ только благодаря тому, что кто нибудь „не затрачиваетъ всего своего дохода на удовлетвореніе личныхъ потребностей“, а „часть его откладываетъ“, и еще прибавили: „инымъ путемъ капиталы вообще не возникаютъ“,—то—ничего не подѣлаешь, господинъ Шульце, я долженъ вамъ сказать это: правда прежде всего!—то вы совершенно сознательно солгали!

А такъ какъ вы солгали передъ рабочими, передъ публикой, всѣ жизненные интересы которой связаны съ этимъ вопросомъ, и которая въ тоже время не обладаетъ необходимымъ „образованіемъ“, чтобы выяснить и опровергнуть ваши лживые выводы, то этимъ самымъ вы квалифицируете себя, какъ вполнѣ сознательнаго м......... Я не напишу этого слова, господинъ Шульце, но только потому не напишу, что общественное мнѣ-

ніе, какъ я увѣренъ, само дополнитъ названіе, которое вамъ приличествуетъ!

И замѣтьте, господинъ Шульце, въ обоихъ случаяхъ, которые я предположилъ и которые вамъ вполнѣ извѣстны, въ случаѣ съ имѣніемъ и въ случаѣ съ Кёльнъ-Минденскими акціями, не произошло одного изъ тѣхъ „перемѣщеній капитала", о которомъ вы распространяетесь въ главѣ „с) Перемѣщеніе капитала" (стр. 26 и 27). Вы говорите въ ней для вящщаго одураченія рабочихъ: конечно, мы часто видимъ, что огромными капиталами обладаютъ люди, которые никогда не работали, никогда не сберегали. Но это не противорѣчитъ вашему опредѣленію капитала, такъ какъ къ этимъ людямъ капиталъ „перемѣщенъ" отъ другихъ. Въ качествѣ способовъ перемѣщенія вы перечисляете: наслѣдство, подарокъ, игру, обманъ, грабежъ, воровство, и въ заключеніе прибавляете (стр. 27): „но послѣ всего сказаннаго каждому ясно, что всѣ эти дозволенные и недозволенные способы только перемѣщаютъ уже созданный капиталъ изъ однѣхъ рукъ въ другія, а не создаютъ капитала или вообще какого-либо состоянія: разъ навсегда, послѣднее возможно только путемъ труда и сбереженія". И послѣ этого побѣдоноснаго замѣчанія вы увѣрены, что въ мозгу вашихъ рабочихъ закупорена послѣдняя щелка, сквозь которую могло бы проникнуть свѣжее вѣяніе разума! Но, господинъ Шульце, въ вышеприведенномъ примѣрѣ новаго капитала въ 75.000 талеровъ, пріобрѣтеннаго мною на Кёльнъ-Минденскихъ акціяхъ, я не работалъ и не сберегалъ. Я въ тоже время не обманывалъ, не грабилъ, не воровалъ; вообще, оставался неуязвимымъ съ точки зрѣнія прокурорскаго надзора. Я не получилъ его въ наслѣдство или въ подарокъ. Я не игралъ, господинъ Шульце, и не присвоилъ этимъ путемъ собственность, которой до меня кто-нибудь другой владѣлъ по праву. Вы, конечно, замѣтили, господинъ Шульце, что я не говорилъ въ этомъ случаѣ объ ажіотажѣ и биржевой игрѣ. Однако же, въ немъ дѣйствительно и реально возникла новая капитальная стоимость. Вслѣдствіе усилившагося движенія, уменьшившихся издержекъ производства и проч., вся Кёльнъ-Минденская желѣзная дорога,— а съ тѣмъ вмѣстѣ и каждая доля въ ней,—въ настоящее время дѣйствительно стоитъ дороже. Никто до меня не былъ юридическимъ обладателемъ этой новой капитальной стоимости; стало быть, никто ее не „перемѣстилъ" въ мои руки; въ то же время я не сберегалъ и не работалъ. Откуда же взялась эта новая капитальная стоимость? Въ самомъ дѣлѣ выходитъ что-то чудесное! Съ неба, что-ли, она свалилась!

Но, можетъ быть, вы здѣсь взбѣситесь, господинъ Шульце, и восклик-

ните: „Глупецъ! Развѣ вы не видите, что эта капитальная стоимость создана Кёльнъ-Минденскими желѣзнодорожными рабочими и всѣми другими группами рабочихъ, содѣйствовавшими имъ въ достиженіи этого результата, и передана вамъ, какъ обладателю желѣзнодорожныхъ акцій?“ О, я то, разумѣется, вижу это, господинъ Шульце! Я изъ кожи лѣзу на протяженіи всей этой книги, стараясь доказать вамъ это! Но если и вы это знаете, то вы трижды изобличены!

Вѣдь, въ такомъ случаѣ вы знаете все, что я вамъ доказываю! Въ такомъ случаѣ вы знаете, что это „перемѣщеніе“ не свободное,—такъ какъ рабочіе не хотѣли ничего перемѣщать въ мои руки,—что это вообще не юридическое „перемѣщеніе“, такъ какъ эта капитальная стоимость до меня не принадлежала никакому обладателю по праву,—какъ это бываетъ въ случаяхъ грабежа, воровства, игры,—но что это именно экономическое „перемѣщеніе“ современнаго производственнаго процесса, состоящее въ томъ, что капиталисту достается заработокъ рабочаго.

Въ такомъ случаѣ вы знаете все, все, изъ-за чего мы споримъ! Вы знаете противуположное всему, всему, что вы говорите рабочимъ!

Теперь я вамъ доказалъ, господинъ Шульце, и трижды, четырежды доказалъ, продуктомъ какого „сбереженія“ и какого „воздержанія“ со стороны нашихъ капиталистовъ являются европейскіе капиталы.

Но я не могу закончить этотъ отдѣлъ, не разсмотрѣвъ классическаго изреченія, въ которомъ одинъ вашъ талантливый ученикъ формулировалъ вашу теорію капитала! До сихъ поръ мы восхищались вами какъ псалмопѣвцемъ (стр. 92) и солистомъ, теперь же не откажемъ себѣ въ удовольствіи прослушать коротенькій дуэтъ, который вы спѣли съ этимъ талантливымъ ученикомъ, и, присоединивъ къ нему нашъ голосъ, превратить его въ мощное тріо.

Этотъ дуэтъ былъ исполненъ въ засѣданіи вашего берлинскаго рабочаго союза 4 декабря 1863.

Нѣкоторые изъ рабочихъ высказали мнѣніе, что рабочій союзъ хорошо бы сдѣлалъ, перейдя отъ „образованія“, для котораго уже достаточно сдѣлано шульцевскимъ катехизисомъ, къ изысканію способа улучшенія матеріальнаго положенія рабочихъ и повышенія заработной платы.

Тутъ вскакиваетъ на трибуну вашъ ученикъ и адъютантъ, депутатъ-профессоръ господинъ Фаухеръ (все нижеслѣдующее я заимствую дословно изъ берлинской „Реформы“—газеты, въ высшей степени дружественной господину Шульце—отъ 6 декабря 1863) и заявляетъ слѣдующее: „......Наряду съ законной заработной платой стоитъ столь же законный

факторъ—процентъ съ капитала; этотъ процентъ ничто иное, какъ плата за доказанную воздержность: кто накопляетъ капиталъ, тотъ налагаетъ на себя лишенія, онъ не потребляетъ пріобрѣтенныя имъ средства, а превращаетъ ихъ въ орудія, запасы и т. под., и, такимъ образомъ, оказывается обладателемъ капиталовъ, которые приносятъ пользу всему обществу; за то, что онъ отдаетъ свой запасъ, плодъ своего воздержанія, онъ долженъ быть вознагражденъ, и такимъ вознагражденіемъ являются проценты на капиталъ, такъ какъ это воздержаніе стоитъ не меньше, а часто еще больше, чѣмъ самый трудъ. Невозможно, поэтому, повышать заработную плату засчетъ платы за лишенія".

Слыхано-ли это!!! Итакъ, прибыль на капиталъ (такъ какъ,—замѣчу мимоходомъ, господинъ Фаухеръ, —требуя повышенія заработной платы, рабочій имѣетъ дѣло не непосредственно съ процентомъ на капиталъ, какъ таковымъ, а со всей прибылью съ капитала—прибылью предпринимателя—скромную часть которой составляетъ процентъ на капиталъ), есть „плата за лишенія"!!

Затѣмъ поднимается на трибуну господинъ Шульце-Деличъ собственной особой: „изъ только что выслушаннаго сообщенія господина Фаухера очевидна необходимость правильной организаціи лекцій. То, что вамъ сейчасъ было сказано, есть азбука всего того, что я изложилъ вамъ въ моихъ сообщеніяхъ, какъ мнѣ казалось, съ полнѣйшей ясностью".

Такъ точно, господинъ Шульце, это вы правильно говорите. „Плата за лишеніе", какъ мы видѣли при обстоятельномъ изслѣдованіи вашего ученія, есть только рѣзкое, характерное изложеніе вашего ученія въ двухъ словахъ. Но именно потому—слыхано-ли это, слыхано-ли это!!!

Прибыль на капиталъ есть „плата за лишенія"! Счастливое словечко, безцѣнное словечко! Европейскіе милліонеры—аскеты, индійскіе факиры, святые столпники, стоящіе на одной ногѣ на столпѣ, вытянувъ руку и туловище, съ блѣдными лицами, протягивая толпѣ тарелку для сбора платы за свои лишенія! А посреди нихъ, высоко возносясь надъ своими кающимися коллегами,—главный кающійся и страстотерпецъ: фирма Ротшильдъ! Вотъ состояніе современнаго общества! Какъ это я просмотрѣлъ его!

И добро бы еще говорилъ это кто-нибудь другой, какой-нибудь банкиръ! Какимъ, однако, кутилой и мотомъ были вы всю вашу жизнь, господинъ Фаухеръ! По крайней мѣрѣ, мои друзья говорили мнѣ, что никакихъ капиталовъ у васъ нѣтъ, и средней руки банкиръ не далъ бы за получае-

мую вами годовую „плату за лишенія“ (доходъ съ капитала) суммы, которую онъ привыкъ тратить на одинъ приличный обѣдъ!

А какіе, должно быть, кутилы и моты эти рабочіе! гдѣ только они прячутъ свои виллы, дачи и любовницъ и устраиваютъ свои оргіи?—разъ что они не получаютъ вовсе никакой „платы за лишенія“.

Однако, шутки въ сторону, такъ какъ невозможно шутить по такому поводу, и самая злая шутка здѣсь оказывается недостаточной и необходимо, сама собой, превращается во взрывъ откровеннаго негодованія! Пора, пора заглушить голоса этихъ кастратовъ раскатами грубаго баса! Слыхано-ли это,—несмотря на то, что прибыль на капиталъ возникаетъ такъ, какъ мы уже объяснили и объяснимъ еще обстоятельнѣе, несмотря на то, что капиталъ—губка, всасывающая весь заработокъ, весь потъ рабочаго, оставляя ему лишь столько, чтобы не умирать съ голода,—у людей хватаетъ смѣлости заявлять рабочимъ, что прибыль на капиталъ—„плата за лишенія“ изнуряющихъ свою плоть капиталистовъ?! Рабочимъ, бѣднякамъ-рабочимъ, нуждающимся рабочимъ смѣютъ публично бросать въ лицо эту безконечную насмѣшку, это наглое издѣвательство?! Или нѣтъ больше совѣсти, и стыдъ улетѣлъ къ звѣрямъ?

И вѣдь дошли до такого успѣха въ одураченіи и обезсиленіи народа, что сами рабочіе, вмѣсто того, чтобы разразиться бурей негодованія, терпѣливо выслушиваютъ это публичное оскорбленіе. Почему же законъ не налагаетъ никакого наказанія за такія вещи, и систематическое одурачиваніе народа не считается преступленіемъ?

Всемірная исторія не знаетъ такого жалкаго, такого поповскаго лицемѣрія, какъ это! Средневѣковые попы, толку о неравенствѣ богатыхъ и бѣдныхъ, утѣшали, по крайней мѣрѣ, народъ надеждой на устраненіе и возмѣщеніе этого неравенства въ будущей, загробной жизни. Они признавали, по крайней мѣрѣ, существованіе этого гнетущаго неравенства и оправдывали надежду на будущее воздаяніе!

Вы, неподражаемые лицемѣры, перещеголяли все, что поповское лицемѣріе среднихъ вѣковъ могло придумать! Вы, наоборотъ, состоянія и преимущества богатыхъ объявляете справедливой наградой за лишенія и воздержаніе, которыя они наложили на себя въ этой жизни!!

Но, господинъ Шульце, всему свое время, все находитъ свое возмездіе уже здѣсь, въ этой жизни, и наступитъ день, когда общественная совѣсть заклеймитъ по заслугамъ лицемѣріе — ваше и вашихъ помощниковъ!

Вамъ выжгутъ на лбу слово „плата за лишенія!“

„д) Кредитъ и рента съ капитала".

Теперь я могу и долженъ быстрѣе раздѣлываться съ вами, господинъ Шульце. Могу, потому что мы уже слишкомъ достаточно ознакомились съ вашими политико-экономическими свѣдѣніями, а все послѣдующее у васъ только повтореніе и дальнѣйшее размазываніе той же болтовни. Долженъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ я далеко превзойду объемъ, намѣченный для этого сочиненія. Но я могу это и потому, что теперь каждый, кто внимательно и съ толкомъ прочелъ все вышеизложенное, сумѣетъ и самъ, если вздумаетъ читать вашу книгу для собственнаго увеселенія, разобраться въ пустословіи, которымъ вы прикрываете свое невѣжество и недомысліе, и разоблачить безсмыслицу, лежащую въ его основѣ.

Итакъ, я только разсмотрю, какъ можно короче, главные пункты. Въ этомъ отдѣлѣ вы хотите дать экономическое объясненіе рентѣ съ капитала, т. е. продуктивности капитала. И это вы дѣлаете по примѣру Бастіа, объясняя процентъ съ капитала (стр. 29) слѣдующимъ образомъ: „процентъ съ капитала есть ничто иное, какъ торговая плата за пользованіе или употребленіе какой-нибудь вещи въ теченіе извѣстнаго времени".

Иными словами: вы опять разсматриваете этотъ вопросъ фальшиво, какъ будто онъ возникаетъ между предпринимателемъ и предпринимателемъ, капиталистомъ и капиталистомъ, чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ, такъ какъ онъ, наоборотъ, имѣетъ мѣсто между капиталистомъ и работникомъ.

Довольно установить это, и не было бы даже заслугой излагать вопросъ дальше, такъ какъ Родбертусъ уже сдѣлалъ это обстоятельно и мастерски тринадцать лѣтъ тому назадъ (1851) въ третьемъ соціальномъ письмѣ къ господамъ Бастіа и Тьеру,—это изложеніе каждый можетъ прочесть. Но вы его или не прочли или не поняли,—хотя я знаю рабочихъ, которые поняли его вполнѣ,—и потому совершенно игнорируете содержаніе этой блестящей, составившей эпоху, критики, очевидно, считая болѣе простымъ и безопаснымъ не опровергать ее ни единымъ словомъ!

Процентъ съ капитала, господинъ Шульце, справедливъ онъ или нѣтъ, вообще нельзя разсматривать такъ, какъ вы пытаетесь его разсматривать, — какъ первичное, самостоятельное явленіе. Это явленіе производное, что, кажется, и вы иногда замѣчаете, но тотчасъ упускаете изъ вида въ вашемъ обычномъ недомысліи,—производное изъ прибыли, которую капиталъ даетъ въ рукахъ непосредственно производящаго предпринимателя. Такъ какъ капиталъ въ рукахъ предпринимателя оказывается продуктивнымъ, такъ какъ каждая лишняя тысяча талеровъ даетъ ему новую прибыль, то если я, желая избѣжать хлопотъ по веденію дѣла, предпочту производить

не прямо, а при посредствѣ предпринимателя, для чего и передамъ ем свою тысячу талеровъ,—онъ можетъ удѣлить мнѣ извѣствую часть прибыли, приносимой капиталомъ въ его рукахъ.

Эта часть и есть процентъ, и если капиталъ такимъ образомъ является вообще продуктивнымъ и приносящимъ процентъ, то и при всякомъ другомъ примѣненіи, для котораго онъ требуется, онъ долженъ давать процентъ, иначе не найдется капиталовъ для этого примѣненія.

Это и буржуазнымъ экономистамъ давно извѣстно, и они сами не только объяснили процентъ, какъ производную часть предпринимательской прибыли, но и опредѣлили законы, регулирующіе въ нашемъ обществѣ ростъ и паденіе процента въ связи съ ростомъ и паденіемъ предпринимательской прибыли.

Итакъ, чтобъ объяснить процентъ, вы должны были сначала критически разсмотрѣть и анализировать продуктивность капитала въ рукахъ предпринимателя, а между тѣмъ, какъ мы видѣли, вы ни единымъ словомъ не коснулись этого предмета.

Вмѣсто этого, вы хотите доказать справедливость процента съ капитала „разительными примѣрами". „Чтобъ доказать это разительными примѣрами,—говорите вы тамъ же на стр. 29,—нужно опять-таки указать на то, что капиталъ надо понимать въ его настоящемъ смыслѣ, а не просто какъ извѣстную сумму денегъ. Итакъ, если владѣлецъ поля сдаетъ это поле съ стоящимъ на корню урожаемъ (его капиталъ) кому-нибудь въ аренду на годъ, съ условіемъ черезъ годъ вернуть его обратно тоже съ стоящимъ на корню урожаемъ, то каждому ясно, что это возвращеніе поля съ урожаемъ въ слѣдующемъ году отнюдь не является достаточнымъ вознагражденіемъ для владѣльца, что онъ съ полнымъ правомъ можетъ требовать арендную плату, такъ какъ потерялъ жатву арендного года.

Эта предоставленная арендатору жатва даетъ ему не только сѣмена, изъ которыхъ развивается возвращаемая позднѣе жатва, и незначительную плату за полевые труды, но и значительный избытокъ хлѣба, который арендаторъ можетъ использовать для собственнаго потребленія или для продажи".

Я тоже нахожу этотъ примѣръ „разительнымъ", господинъ Шульце! Онъ дѣйствительно „разитъ" васъ въ лицо и доказываетъ, что вы не умѣете думать!

Что поле приноситъ хлѣбъ, въ этомъ, конечно, легко убѣдиться непосредственнымъ наблюденіемъ. Но что куча денегъ—или куча какихъ бы то ни было товаровъ—равнымъ образомъ что-нибудь приноситъ и потому

должна давать процентъ,—это не такъ легко видѣть и это вы должны были объяснить. Вы дѣлаете это очень просто! Вы предполагаете, что куча денегъ или куча товаровъ такъ же продуктивна, какъ поле, и затѣмъ съ торжествомъ спрашиваете: не должна-ли эта куча также давать жатву, хотя на ней никакой жатвы не видно.

Или, чтобъ покончить съ полемъ и разомъ освѣтить всѣ приводимые вами скучные примѣры: вы предполагаете, что капиталъ, продуктивность котораго вы должны разъяснить, продуктивенъ въ рукахъ Петра, и съ торжествомъ спрашиваете: развѣ онъ не будетъ продуктивнымъ также въ рукахъ Павла и, въ такомъ случаѣ, развѣ не справедливо, что Павелъ удѣляетъ долю этой, предоставленной ему, продуктивности Петру. Ну, конечно, господинъ Шульце, что справедливо для одного, то и для другого правильно. Если капиталъ продуктивенъ въ рукахъ Петра, то онъ продуктивенъ и въ рукахъ Павла, и все остальное въ порядкѣ.

Надо только разъяснить, откуда вообще берется продуктивность капитала, откуда она попадаетъ въ руки Петра, и анализировать природу этой производительной способности мертваго, не одареннаго никакими „естественными силами“, предмета. Вмѣсто этого вы незамѣтнымъ образомъ допускаете, какъ фактъ, то, что требуетъ доказательства, и такимъ образомъ доказываете его этимъ допущеніемъ.

Этотъ блестящій методъ мышленія тянется непрерывно черезъ всю вашу книгу, и каждая страница ея кишитъ его образчиками. Но кульминаціоннымъ пунктомъ вашей могучей мыслительной силы является положеніе, слѣдующее непосредственно за только что приведеннымъ мѣстомъ.

Разсматривая процентъ, вы обращаетесь противъ соціалистовъ, противъ „неразумныхъ“, которые хотятъ уничтожить процентъ, и восклицаете: „Да, процентъ тягостенъ! Уничтожьте процентъ,—исчезнетъ кредитъ, и когда вы наиболѣе будете въ немъ нуждаться, —его не окажется!“

Не говоря уже о томъ, господинъ Шульце, что никто изъ насъ еще не предлагалъ уже уничтожить процентъ,—неужели вы не замѣчаете неподражаемой логической безсмыслицы, которую вы такъ мастерски сконцентрировали въ этомъ коротенькомъ предложеніи?

Всѣ соціалисты, желавшіе уничтожить процентъ, à la Прудонъ и др., никогда не предполагали достигнуть этого тѣмъ, что никто не будетъ давать другому взаймы или давать безъ процентовъ, изъ любви къ ближнему, какъ этого требуетъ каноническое право, или, какъ этого требовалъ законъ Моисея, по крайней мѣрѣ, въ отношеніяхъ между евреями, на

основаніи національнаго чувства. Они хотѣли достигнуть этого, организовавъ при помощи народныхъ или государственныхъ банковъ и т. п., короче сказать, при помощи положительныхъ государственныхъ или общественныхъ учрежденій безвозмездный кредитъ, т. е. такое состояніе, при которомъ каждый могъ бы получать необходимые для него капиталы въ безпроцентную ссуду. Прудонъ выразилъ это уже своей формулой уничтоженія процентовъ: „la gratuité du crédit“, „безвозмездность кредита“. Это вамъ тоже должно быть извѣстно, такъ какъ азбучку Бастіа вы читали, а споръ Бастіа съ Прудономъ вертится именно на этой темѣ и носитъ это заглавіе.

Можно, конечно,—и притомъ съ полнымъ основаніемъ—доказывать, что проекты мелкаго буржуа Прудона никогда не приведутъ къ достиженію этого результата.

Можно зайти и дальше, и утверждать, что этотъ результатъ вообще недостижимъ.

Но вы ничего этого не дѣлаете, господинъ Шульце. Вы просто говорите: „уничтожьте процентъ!“—и, стало быть, допускаете въ этой фразѣ возможность такого уничтоженія, по крайней мѣрѣ, на мгновеніе. Вы допускаете его намѣренно, чтобъ показать, къ какимъ пагубнымъ послѣдствіямъ привело бы это уничтоженіе. И обращаясь противъ соціализма и противъ „уничтоженія процентовъ“ въ томъ смыслѣ, какой оно можетъ имѣть въ разсужденіяхъ настоящаго столѣтія, вы разрѣшаетесь великолѣпнымъ положеніемъ: „Да, процентъ тягостенъ! Уничтожьте процентъ, то есть добейтесь безвозмезднаго кредита и возможности каждому получать безпроцентно въ ссуду нужные ему капиталы, и—кредитъ исчезнетъ, и когда вы будете наиболѣе въ немъ нуждаться, его не окажется!!“

Понимаете-ли вы теперь ужасающую безсмыслицу и противорѣчіе этого положенія? Позволительно-ли, господинъ Шульце, писать предложеніе въ двѣ строчки, передняя часть котораго уничтожаетъ заднюю, задняя—переднюю?

Пріятный вы мыслитель! Но скрывать отъ рабочихъ реальный смыслъ формулы уничтоженія процентовъ, который она имѣетъ у соціалистовъ да и во всемъ спорѣ нашего вѣка,—это жалкій, неуклюжій обманъ, при помощи котораго вы думаете своимъ торжествующимъ изворотомъ убѣдить рабочихъ въ пагубныхъ послѣдствіяхъ уничтоженія процента!

Дѣйствительно-ли вы такъ тупы, что пишете это предложеніе, не замѣчая его противорѣчія, или это умышленный обманъ,—пусть каждый рѣшаетъ самъ!

Въ пользу второго предположенія говоритъ мѣсто, непосредственно предшествующее только что приведенной фразѣ. Вотъ оно (стр. 32):

„Это соображеніе пріобрѣтаетъ еще больше вѣса, если мы вдумаемся въ положеніе небогатаго работника, кормится-ли онъ своимъ собственнымъ маленькимъ дѣломъ, или получаетъ плату за свой трудъ отъ другихъ. Что было бы съ нимъ въ старости, когда онъ удаляется отъ дѣлъ, чтобъ доживать вѣкъ на свои скромныя сбереженія, если-бъ эти послѣднія не приносили ему никакого дохода. Какія громадныя суммы надо было бы скопить этимъ людямъ, чтобъ имѣть обезпеченіе подъ старость, если-бъ это накопляемое состояніе не давало ренты, если-бъ оно не наростало съ годами, благодаря процентамъ на проценты?—Многаго достигъ бы работникъ, такъ называемый маленькій человѣкъ, своими трудовыми сбереженіями? Помѣститъ-ли онъ ихъ въ какое нибудь доходное предпріятіе, которое, оставаясь въ рукахъ другого работника, прокормитъ и его до конца дней, будетъ-ли онъ постепенно вносить ихъ въ инвалидную кассу или кассу страхованія старости—безъ прибыли, безъ ренты, благодаря которой его вклады, велики они или малы, съ теченіемъ времени удваиваются сами собою, они никогда не достигнуть размѣровъ, способныхъ удовлетворить самымъ скромнымъ требованіямъ. Потребовались бы тысячи, чтобъ обезпечить хотя бы самое скаредное существованіе въ теченіе ряда лѣтъ, и врядъ-ли бы ими было достигнуто то, что теперь достигается сотнями. Именно эта, поносимая многими неразумными людьми, рента съ капитала, процентъ, который онъ приноситъ, есть истинное благословеніе, постоянно приносящее плоды, служащіе въ конечномъ результатѣ на пользу всѣмъ, и особенно необходимые маленькому капиталу рабочаго, какъ бы ни были скромны его требованія“.

Какъ восхитительно, господинъ Шульце, сумѣли вы нарисовать работнику его положеніе въ совершенно противуположномъ дѣйствительности свѣтѣ, чтобъ доказать ему необходимость, въ *его* интересахъ, ренты съ капитала! По вашему изложенію, европейскій рабочій въ старости оказывается—мелкимъ рантье! Онъ негласный участникъ, пайщикъ, если не Бреста и Гельпке или Учетно-Акціонернаго Общества, то во всякомъ случаѣ какого-нибудь другого „доходнаго предпріятія“! *Здѣсь*, господинъ Шульце, вамъ не можетъ служить извиненіемъ глупость и тупоуміе! Что дѣло не въ этомъ, что ваше милое разсужденіе о положеніи старика-рабочаго, получающаго ренту, наглѣйшій обманъ, какой только можно найти во всей исторіи литературы,—это вы знаете! Надо только удивляться, что рабочіе, которые должны же знать свое положеніе и видали, въ какомъ

положеніи находятся ихъ знакомые или родственники-старики, могутъ спокойно выслушивать такія вещи. Но, вѣроятно, эти люди, очарованные описаніемъ вашего милаго эльдорадо, забыли о голодѣ и жаждѣ.

Далѣе: если, какъ вы допускаете на минуту въ приводимомъ вами примѣрѣ, исчезнетъ продуктивность капитала, рента съ капитала, то куда же дѣнется доходъ европейскаго производства, который теперь достается капиталу, образуетъ прибыль на капиталъ? Не въ воду же канетъ! Не на луну улетитъ! Онъ попадетъ, слѣдовательно, въ карманы рабочихъ.

И это вы должны были знать и никоимъ образомъ не могли выводить изъ современнаго положенія рабочихъ какого-либо заключенія о такомъ состояніи, когда весь продуктъ труда, весь доходъ, падающій нынѣ на капиталъ, будетъ попадать въ карманы рабочихъ!

Но изъ такихъ жалкихъ обмановъ слагается, какъ мы уже до тошноты доказали, шагъ за шагомъ вся ваша сѣть: если, преодолѣвъ отвращеніе, раскопать вашу размазню, то къ каждому пальцу пристанетъ глупость и ложь!

На такомъ неуклюжемъ фокусничествѣ, посредствомъ котораго вы систематически вытравляете у рабочаго разсудокъ, отуманиваете его сужденія и искусственно затемняете всякій свѣтлый взглядъ, къ которому онъ придетъ самостоятельно,—на такомъ планомѣрномъ обманѣ, на такомъ намѣренномъ одурачиваніи массъ вы основываете—какое кощунство!—въ средѣ рабочихъ свои притязанія на титулъ „учителя“!

Господинъ Шульце! Нѣтъ больше справедливости въ исторіи, и нѣтъ больше силы въ моей рукѣ, если ваше имя, какъ и имя вашего литературнаго предшественника, не сдѣлается когда-нибудь среди рабочихъ символомъ всѣхъ, кто идетъ подъ тѣмъ же знаменемъ.

Да и не только среди рабочихъ! Во всѣхъ классахъ общества найдутся люди, по мнѣнію которыхъ планомѣрное притупленіе народнаго ума, намѣренное обморачиваніе массъ, съ цѣлью сдѣлать ихъ покорнѣе интересамъ капиталистовъ,—есть преступленіе!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

III.—„Обмѣнъ, цѣнность и свободная конкуренція“.

Мы пропускаемъ два слѣдующіе отдѣла вашей „капитальной“ чепухи, такъ какъ въ нихъ только варьируется на всевозможные фальшивые лады все та же основная тема, и нелѣпость ихъ достаточно выясняется сама собою изъ всего вышесказаннаго; впрочемъ, мы коснемся ихъ мимоходомъ ниже.

Здѣсь мы только бросимъ бѣглый взглядъ на мудрость вашей третьей главы: „Обмѣнъ, цѣнность и свободная конкуренція“.

Самый порядокъ главъ у васъ классическій и показываетъ глубин вашихъ экономическихъ познаній! Сначала вы разсматриваете „капи талъ“, а затѣмъ „обмѣнъ, цѣнность и свободную конкуренцію“, тогда какъ въ экономической дѣйствительности и въ теоретическомъ изслѣдованіи категорія „капиталъ“ является только слѣдствіемъ категорій обмѣна и цѣнности, которыя, такимъ образомъ, должны предшествовать развитію и установленію понятія „капиталъ“.

Между тѣмъ, для васъ это совершенно безразлично, и, конечно, этимъ безразличіемъ вы, въ извѣстномъ смыслѣ, воздаете себѣ должное.

Дѣйствительно, въ томъ, что вы понимаете подъ развитіемъ доказательствъ, не имѣетъ никакого значенія послѣдовательность, согласно которой одно должно трактоваться въ началѣ, другое въ концѣ.

Ничто не выводится, ничто не развивается изъ предыдущаго, нѣтъ и рѣчи объ извѣстномъ ходѣ изложенія; сплошное тавтологическое повторе ніе произвольныхъ и непродуманныхъ утвержденій. При этомъ вы, разумѣется, можете совершенно свободно толковать объ обмѣнѣ и цѣнности, послѣ того какъ уже говорили о „капиталѣ“, а мы, осужденные гоняться за вами съ критическимъ бичемъ, вынуждены также слѣдовать за вашимъ нелѣпымъ ходомъ.

Послѣ того, какъ во всемъ предыдущемъ содержаніи вашей книги вы въ сущности не сказали ничего, кромѣ повторенія слова: обмѣнъ, обмѣнъ, обмѣнъ,—вы переходите теперь къ изложенію „обмѣна“, т. е. подъ заголовкомъ „личный интересъ“ и „обмѣнъ“, на одиннадцати страницахъ, еще разъ въ невыносимыхъ тривіальностяхъ размазываете уже сказанное

раньше, а затѣмъ (стр. 29) переходите къ изложенію—или, вѣрнѣе, къ искаженію—интереснѣйшей экономической категоріи цѣнности. Здѣсь мы опять будемъ слѣдовать за вами ближе, такъ какъ это дастъ намъ, какъ и раньше, случай къ положительнымъ заключеніямъ.

Въ ученіи о цѣнности вы опять-таки слѣдуете Бастіа,—онъ вообще является единственнымъ источникомъ вашей мудрости,—излагая его извѣстную теорію „услуги", доказать абсолютное внутреннее ничтожество которой будетъ нашей ближайшей задачей. Правда, нѣкоторыя изъ самыхъ забавныхъ глупостей надо отнести на вашъ собственный счетъ, такъ какъ вы во всѣхъ отношеніяхъ далеко превосходите Бастіа, который, не будучи ни экономистомъ, ни мыслителемъ, былъ, по крайней мѣрѣ, „остроумнымъ болтуномъ", какъ говорятъ французы,—но мы будемъ разбирать, главнымъ образомъ, суть вашего изложенія, въ которой вы сходитесь съ Бастіа.

Итакъ, вы говорите, что при обмѣнѣ происходитъ между обмѣнивающимися сторонами расчетъ, оцѣнка „того, что отъ нихъ требуется, и того, что за это получается; и онѣ рѣшаются на обмѣнъ только въ томъ случаѣ, если каждая находитъ, путемъ сравненія, что то, что она должна отдать или сдѣлать другой сторонѣ, стоитъ ей меньшихъ трудовъ и издержекъ, чѣмъ стоило бы приготовленіе того, что она получаетъ въ обмѣнъ". Затѣмъ вы опредѣляете: „Найденное путемъ произведеннаго для этой цѣли сравненія отношеніе обмѣниваемыхъ вещей или услугъ есть цѣнность" [1]).

Старое Адамъ Смитовское положеніе, что трудъ есть источникъ и факторъ всѣхъ цѣнностей [2]), проведенное Смитомъ съ частыми колебаніями

---

[1]) Бастіа опредѣляетъ: „Итакъ, я говорю: цѣнность есть отношеніе двухъ обмѣниваемыхъ услугъ". Вы же, говоря, „двухъ обмѣниваемыхъ вещей или услугъ", по неумѣлости, сами того не желая, опрокидываете все опредѣленіе Бастіа! Его опредѣленіе, по крайней мѣрѣ съ формальной стороны, есть дѣйствительно опредѣленіе, и именно потому, что выбрасываетъ „вещи" и принимаетъ мѣриломъ ихъ цѣнности,—какъ принимаетъ, увидимъ ниже,—требующіяся для ихъ изготовленія услуги. Этимъ самымъ, по крайней мѣрѣ, дается мѣрило для искомаго (цѣнность вещи). Вы же, вставивъ въ опредѣленіе Бастіа слово „вещей", уничтожаете его, сами того не желая, и превращаете въ остроумное опредѣленіе: цѣнность вещи есть отношеніе двухъ вещей! Bon! Но я спущу вамъ это, какъ и тысячи другихъ промаховъ.

[2]) Адамъ Смитъ: „Реальная цѣна всякой вещи, то, что она въ дѣйствительности стоитъ каждому, кто въ ней нуждается, есть трудъ и напряженіе, требующіяся для ея пріобрѣтенія.—Что куплено деньгами или товарами, куплено работой совершенно такъ же, какъ и то, что пріобрѣтено непосредственнымъ напряженіемъ нашего тѣла. Эти деньги и эти

и противорѣчіями, но развитое у Рикардо въ послѣдовательную и строго выдержанную систему,—это положеніе на словахъ остается и у Бастіа, на дѣлѣ же превращается у него,—какъ мы покажемъ ниже,—въ свою прямую противуположность. На словахъ, поэтому, и вы его сохраняете, и тотчасъ принимаетесь доказывать, что не вещественность предмета опредѣляетъ его цѣну, а рядъ „дѣятельныхъ услугъ“, способствовавшихъ ея изготовленію. При этомъ васъ постигло своеобразное несчастіе! Вы хотите пояснить это примѣромъ дюжины рубашекъ и говорите на стр. 60: „Возьмемъ предметъ общей надобности: дюжину рубашекъ. Получить ее я могу двоякимъ путемъ. Въ одномъ случаѣ я покупаю ленъ у земледѣльца и сдаю его пряхѣ, которая превращаетъ его въ пряжу. Послѣднюю я сдаю ткачу, изготовленное имъ полотно бѣлильщику, затѣмъ швеѣ, и только отъ нея получаю готовыя рубашки. Всѣмъ этимъ лицамъ, оказавшимъ мнѣ упомянутыя услуги, я долженъ заплатить: въ чемъ же заключается цѣнность рубашекъ, конечнаго продукта всѣхъ ихъ дѣйствій? Очевидно, въ совокупности всѣхъ этихъ дѣйствій, необходимыхъ для изготовленія и доставленія мнѣ рубашекъ, и опредѣляющихъ мѣру моего отвѣтнаго дѣйствія—плату, которая слѣдуетъ съ меня за каждое изъ нихъ,—такъ что, въ сущности, я выплатилъ ничто иное, какъ заработныя платы, а не платилъ за рубашки“.

Несчастіе, постигшее васъ при этомъ, заключается въ томъ, что если эти рубашки бумажныя, то вы, заставляя міръ въ цѣнѣ продукта „выплачивать ничто иное, какъ заработныя платы“, отбираете у вашего друга Рейхенгейма весь процентъ и всю прибыль на капиталь, которую онъ тѣмъ временемъ успѣлъ заполучить на своей хлопчатобумажной пряжѣ и, конечно, уже припряталъ отъ васъ въ безопасное мѣсто!

Кромѣ шутокъ, господинъ Шульце, если въ цѣнѣ продукта „оплачивается ничто иное, какъ заработныя платы“, то откуда же взялись процентъ капиталистовъ и прибыль на капиталъ?

Смутно, смутно, въ какихъ-нибудь изворотахъ Бастіа, до васъ долетѣло, быть можетъ, кое-что о глубокомъ и великомъ положеніи Рикардо, коренящемся въ словахъ Адама Смита, приведенныхъ въ моемъ послѣднемъ примѣчаніи,—положеніи, изъ котораго должна исходить вся новѣйшая

товары избавляютъ насъ въ такомъ случаѣ отъ этого напряженія. Они содержатъ стоимость извѣстнаго количества труда, которое мы обмѣниваемъ на то, что, предполагается, содержитъ въ себѣ такое же количество труда. Трудъ былъ первой цѣной, монетой, уплачивавшейся за первоначальную покупку всѣхъ вещей“ etc. etc.

экономическая наука: что въ цѣнѣ продуктовъ оплачивается ничто иное, какъ сумма труда (количество труда),—и вы, милый мальчикъ, совершенно просто отождествляете сумму труда и заработную плату, и съ легкимъ сердцемъ утверждаете,—какъ успокоительно должно это звучать въ ушахъ рабочихъ!—что въ цѣнѣ продуктовъ оплачивается ничто иное, какъ заработная плата! Это у васъ отнюдь не описка, а всюду повторяемое совершенно догматическое представленіе, напр. на стр. 64 вашего катехизиса: „всѣ расходы сводятся въ концѣ концовъ опять-таки къ заработной платѣ"; также на стр. 36, 60 и въ другихъ мѣстахъ.

Несравненный Шульце! Въ различіи между количествомъ работы и заработной платой, въ этомъ маленькомъ изгибѣ, надъ которымъ вы топчетесь съ такой медвѣжьей ловкостью, спрятана почти вся политическая экономія, и, въ особенности, весь процентъ и прибыль капиталистовъ.

Или для васъ все нипочемъ, учитель политической экономіи!

Видите-ли, противъ такихъ глупостей самъ Бастіа ничего не подѣлаетъ.

Бастіа, какъ Сэй и вся французская школа, тоже считаетъ процентъ съ капитала и прибыль образующими факторами въ цѣнѣ вещей и признаетъ, что они оплачиваются потребителями,— да и въ самомъ дѣлѣ, должна же откуда нибудь браться прибыль на капиталъ, такъ какъ она вѣдь существуетъ, реально существуетъ!—Наоборотъ, вся англійская школа со времени Рикардо, твердо стоитъ на томъ, что процентъ съ капитала и прибыль не образующіе факторы цѣны вещей, что въ цѣнѣ вещей оплачивается только количество работы. Если это вѣрно, то отсюда вытекаетъ и дальнѣйшее слѣдствіе, которое я вкратцѣ развилъ въ моемъ „Гласномъ отвѣтѣ": что прибыль на капиталъ образуется изъ разницы между оплатой количества труда потребителями и заработной платой, выдаваемой предпринимателями; иными словами, что она образуется путемъ вычета изъ заработка рабочаго,—вычета, благодаря которому слѣдующее рабочему вознагражденіе за количество труда, имъ затраченнаго, понижается до заработной платы.

(Бастіа опредѣленно разсматриваетъ прибыль, которая достается капиталу за „услугу", оказываемую имъ промышленности, какъ особенный элементъ, оплачиваемый въ цѣнѣ продуктовъ потребителями; напр. „Harm. écon", стр. 230: „изъ всѣхъ элементовъ, составляющихъ мѣновую цѣнность какого-либо продукта, мы съ особенной охотой должны оплачивать проценты на капиталъ", или тамъ же на стр. 223: „Жалкіе экономисты—тѣ, кто думаетъ, что мы выплачиваемъ капиталистамъ проценты только въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣлаемъ у нихъ займы",—по поводу чего онъ разъ-

ясняетъ, что проценты оплачиваются въ цѣнѣ всякаго продукта.—Правда, Бастіа говоритъ, напр. на стр. 157, поясняя это примѣромъ каменнаго угля: „Общая сумма всѣхъ этихъ работъ образуетъ стоимость каменнаго угля“. Здѣсь, какъ это часто бываетъ у Бастіа, слово „работъ“ вполнѣ правильно употреблено въ смыслѣ количествъ труда Рикардо, требующихся для изготовленія продукта. Но даже Бастіа, при всей лживости этого писателя, былъ бы рѣшительно неспособенъ вмѣсто „общая сумма работъ“ сказать: „общая сумма заработныхъ платъ образуетъ цѣнность каменнаго угля“. Это безцеремонное отождествленіе количествъ труда и заработныхъ платъ,—если оно сдѣлано сознательно, а какого названія заслуживаетъ экономистъ, который способенъ сдѣлать его безсознательно?—одна изъ самыхъ непростительныхъ мистификацій, которыя когда-либо пятнали литературу. Допущенная въ лекціяхъ для рабочихъ, она заслуживаетъ квалификаціи, для которой нашъ языкъ не обладаетъ достаточно сильными выраженіями.—Разница между трудомъ или количествомъ труда и заработной платой разъясняется подробно выше и въ дальнѣйшемъ изложеніи).

Итакъ, весь соціальный вопросъ, какъ и вся политическая экономія, отличіе всей французской школы отъ англійской,—все это скрывается въ разницѣ между количествомъ труда и заработной платой!

Вы, въ вашемъ курьезномъ невѣжествѣ, не слыхали даже о существованіи этой разницы и потому безъ долгихъ разговоровъ предоставляете исчезнуть съ лица земли проценту съ капитала и прибыли, признавъ, что въ цѣнѣ продукта оплачивается только „заработная плата“!

Но это мимоходомъ!

Теперь вы хотите доказать, что цѣнность,—которую вы совершенно правильно понимаете въ смыслѣ мѣновой цѣнности,—не заключается въ полезности вещи. И для того, чтобы доказать это, само по себѣ правильное, въ высшей степени простое и до тавтологіи ясное положеніе,—такъ какъ, конечно, это почти тавтологія, что мѣновая стоимость не заключается въ потребительной стоимости,—вы снова выбираете разительный примѣръ, какъ разъ такой примѣръ, который опять-таки бьетъ васъ по лицу справа и слѣва:

Вы говорите (стр. 63): „Возьмемъ, напр., обыкновенную булку, которая стоитъ нѣсколько пфенниговъ, но въ случаѣ голода въ осажденномъ городѣ можетъ продаваться иногда на вѣсъ золота. Матеріаломъ булки, ея полезностью это не можетъ быть объяснено, такъ какъ въ нихъ ничего не измѣнилось. Составныя части булки, ея питательное достоинство, бла-

годаря которому она утоляетъ голодъ, въ обоихъ случаяхъ одни и тѣ же, и тѣмъ не менѣе разница въ цѣнности громадная.“

Какой наборъ словъ и какое невѣжество!

Отнюдь не доказывая того, что вы хотите доказать, этотъ примѣръ, относящійся въ силу вашихъ фактическихъ предпосылокъ къ совершенно другому порядку вещей, доказываетъ только ваше абсолютное незнакомство съ политической экономіей.

Въ отношеніи цѣны всѣ предметы распадаются, по Рикардо, на двѣ группы: такіе, количество которыхъ можно произвольно увеличить, и очень незначительное число такихъ, которые нельзя умножать произвольно.

Для предметовъ перваго рода ихъ рыночная цѣна хотя и опредѣляется непосредственно отношеніемъ между спросомъ и предложеніемъ, но такъ какъ предложеніе можетъ быть произвольно увеличено, то въ послѣдней инстанціи цѣна этихъ предметовъ опредѣляется издержками ихъ производства.

Напротивъ, предметы другого рода, которые нельзя умножить произвольно, имѣютъ монопольную цѣну, т. е. зависятъ, въ этомъ смыслѣ, исключительно отъ отношенія между ихъ числомъ и спросомъ, который еще существуетъ на нихъ при данной цѣнѣ. Таковы, напр., произведенія генія. Картины Рафаэля—предметы, число которыхъ не можетъ быть произвольно увеличено затратой какого угодно капитала и труда.

Цѣна ихъ можетъ поэтому достигать 30.000, 50.000, 100.000 талеровъ. Она не имѣетъ никакого отношенія къ издержкамъ ихъ производства. Тоже можно сказать о цѣнѣ нѣкоторыхъ, очень рѣдкихъ и выдѣлываемыхъ лишь въ немногихъ мѣстностяхъ, винъ, напр. Clos de Vougeôt. Цѣна въ этихъ случаяхъ вполнѣ монопольная, которая, какъ это вообще бываетъ при монополіяхъ, опредѣляется отношеніемъ имѣющихся въ продажѣ Рафаэлей etc. къ числу покупателей, которые могутъ дать такую цѣну.

Это подраздѣленіе Рикардо принято и разработано дальше съ различными модификаціями, о которыхъ здѣсь не мѣсто распространяться, всей научной экономіей.

Теперь вы видите, господинъ Шульце, что такъ какъ въ азбучкѣ Бастіа объ этомъ ничего не сказано, то и вы не имѣете ни малѣйшаго представленія о подраздѣленіи Рикардо. Иначе вы бы не могли выбрать вашего примѣра.

Дѣло въ томъ, что въ осажденномъ городѣ, гдѣ, вслѣдствіе прекращенія сообщеній, царствуетъ голодъ, цѣна булки есть въ высшей степени

монопольная цѣна. Она зависитъ исключительно отъ того, сколько булокъ можно напечь и сколько ртовъ надо накормить въ этомъ городѣ.

Итакъ, этотъ примѣръ отнюдь не можетъ доказать того положенія, которое вы хотите доказать при его помощи, такъ какъ запмствованъ изъ совершенно иного порядка вещей; и именно въ немъ трудъ, необходимый для изготовленія булокъ, совершенно исчезаетъ въ качествѣ фактора цѣнности. Мало того, вы сумѣли выбрать какъ разъ такой случай, въ которомъ предметъ можетъ, въ видѣ исключенія, оплачиваться только по его полезности,—а это именно вы хотите опровергнуть примѣромъ.

Если, напр., осажденъ Берлинъ и въ немъ царствуетъ голодъ, какъ вы предполагаете, и если въ Берлинѣ осталась одна булка или, скажемъ, тысяча булокъ, то господинъ Рейхенгеймъ, пожалуй, дастъ и 100.000 талеровъ за булку, другіе же, не обладающіе такими средствами, пустятъ въ ходъ руки, палки, ножи, произойдетъ смертоубійство и рѣзня изъ-за булки. Иными словами: за булку станутъ платить соотвѣтственно ея полезности, чтобы спастись отъ голодной смерти; ея мѣновая цѣность сдѣлается въ этомъ случаѣ равной ея потребительной цѣнности и ею будетъ опредѣляться; такъ какъ полезность булки выражается спасеніемъ жизни, то за нее и жизни не пожалѣютъ!

Словомъ, вы такъ умѣло и ловко подбираете свои примѣры, что именно въ выбранномъ вами случаѣ, въ видѣ исключенія, оказывается то, что вы хотите опровергнуть,—именно, что вещи оплачиваются по ихъ полезности.

Вы продолжаете (стр. 64): „Итакъ, только и исключительно въ трудѣ, въ человѣческомъ напряженіи, которое требуется для того, чтобы изготовить предметъ для нашего употребленія, или оказать намъ полезную услугу, заключается цѣнность“.

Пока, принципомъ цѣнности все еще является—на словахъ—трудъ въ положительномъ смыслѣ Смита-Рикардо. Но, въ концѣ концовъ, надо же постепенно перейти къ совершенно противуположному, какъ мы показали, воззрѣнію Бастіа, къ теоріи „услуги“.

И вотъ, вы еще разъ переводите дыханіе и начинаете:

„Однако же, этимъ вопросъ еще не рѣшается, такъ какъ обмѣнъ соединяетъ, какъ извѣстно, два трудовыхъ акта, двѣ работы, обладатели которыхъ, обмѣнивающіяся стороны, противуположно заинтересованы въ ихъ оцѣнкѣ. А всегда будетъ стараться получить за свою вещь или услугу какъ можно больше, В—дать за нее какъ можно меньше, иными словами, каждый будетъ цѣнить работу другого въ обмѣниваемомъ предметѣ какъ

можно ниже, свою какъ можно выше. Что же рѣшаетъ этотъ споръ, въ чемъ опредѣляющій пунктъ заключительнаго соглашенія?—Въ усиліяхъ, затратахъ, которыхъ каждый изъ этихъ продуктовъ потребовалъ отъ того: кто его предлагаетъ? Можетъ ли, напр., А сказать: то, что я тебѣ предлагаю, стоило мнѣ трехъ дней моего труда, и ты долженъ также дать мнѣ въ обмѣнъ продуктъ твоей трехдневной работы? Этому противорѣчитъ уже вышеизложенная нами цѣль труда и обмѣна, удовлетвореніе потребностей. При этомъ естественно дѣло идетъ не о томъ, въ большей или меньшей степени человѣкъ занятъ, а о томъ, что онъ этими занятіями создаетъ; не объ актѣ, но о результатѣ работы, такъ какъ не усилія человѣка, а его продуктъ перемѣщаемъ и можетъ удовлетворять потребности. Какъ бы ни мучился, напр., булочникъ,—но если тѣсто ему не удалось, никто его работой сытъ не будетъ, и никто ему за потраченный трудъ не заплатитъ. Далѣе, неумѣлый работникъ можетъ затратить восемь дней на изготовленіе вещи, которую искусный работникъ сдѣлаетъ въ два дня; но кто же согласится отдать первому въ обмѣнъ за его вещь продуктъ своего восьмидневнаго труда?“

Послѣ этихъ ребяческихъ примѣровъ [1]) вы переходите, наконецъ, къ знаменитому примѣру съ алмазомъ Бастіа, на которомъ онъ основалъ свою теорію „услуги“.

„Кто-нибудь находитъ случайно алмазъ и становится, такимъ образомъ, обладателемъ крупной цѣнности. Онъ требуетъ отъ какого-нибудь любителя за этотъ камень сумму, равную годовому заработку покупщика. Можетъ-ли покупщикъ возразить на это, что нашедшій камень врядъ-ли потратилъ

---

[1]) Вы даже доходите при этомъ (стр. 65) до заявленія: „Предложитъ-ли кто-нибудь, напр., врачу, государственному человѣку, художнику отдать свой заработокъ, полученный въ теченіе извѣстнаго періода времени, за заработокъ простого поденщика въ теченіе того же періода времени. А такъ бы оно и слѣдовало, еслибъ мѣриломъ цѣнности служилъ трудъ того, кто оказываетъ услугу.“ (!!!) Конечно, вы слѣдуете въ этомъ случаѣ вашему предшественнику Бастіа (стр. 177). Стало быть, ни вы, ни вашъ оригиналъ ничего не знаете объ общепринятомъ въ политической экономіи различеніи квалифицированнаго и неквалифицированнаго обыкновеннаго труда, согласно которому всякій высшій квалифицированный трудъ разрѣшается въ большее количество простого обыкновеннаго труда, который является, такимъ образомъ, единицей мѣры всѣхъ болѣе сложныхъ видовъ труда. Сколько рабочихъ дней обыкновеннаго труда заключаетъ въ себѣ день квалифицированнаго труда въ томъ или другомъ производствѣ,—рѣшаетъ въ настоящее время конкуренція; см. мою „Книгу для чтенія рабочимъ“.

минуту времени, чтобъ его поднять; что пріобрѣтеніе не стоило ему, можно сказать, никакого труда, а между тѣмъ они должны обмѣниваться результатами одинаковыхъ количествъ труда, и потому даже тысячная доля потребованной имъ платы чрезмѣрно высока? Конечно, нашедшій возразилъ бы, что если тотъ находитъ требованіе чрезмѣрнымъ, то пусть самъ попробуетъ поискать такой камень. Разумѣется, любитель рисковалъ бы въ такомъ случаѣ затратить на поиски нѣсколько лѣтъ, проведенныхъ въ опасныхъ и дорого стоящихъ путешествіяхъ, и все-таки, въ концѣ концовъ, потерпѣть неудачу. Вотъ здѣсь-то и находится рѣшающій пунктъ дѣла. Не въ находкѣ алмаза, а въ передачѣ его любителю заключается услуга, которую оказываетъ послѣднему нашедшій, и для любителя совершенно безразлично, а на цѣну камня не можетъ имѣть никакого вліянія, какимъ способомъ камень достался нашедшему. Цѣна, которую имѣетъ передача камня въ глазахъ любителя, скорѣе равна тому труду, отъ котораго любитель избавленъ, т. е. тѣмъ затратамъ труда и средствъ, которыхъ стоили бы ему собственные поиски камня".

Такимъ образомъ мы достигли наконецъ главнаго пункта знаменитой категоріи „услуги" Бастіа, которую вы, впрочемъ, съ самаго начала положили въ основу своего опредѣленія цѣнности (какъ отношенія между двумя услугами).

Но даже брюхо Джона Фальстафа не было такъ вздуто, пухло и нездорово, какъ эта категорія „услуги" Бастіа, и пора, пора, господинъ Шульце, проткнуть, наконецъ, это вздувшееся брюхо, и удалить дурные соки, которыми оно отравляетъ политическую экономію со времени Бастіа. „Услуга" вообще не экономическая категорія, господинъ Шульце, и потому мы намѣрены, съ вашего и Бастіа позволенія, оказать этой „услугѣ" услугу, выпроводивъ ее изъ политической экономіи, къ которой она вовсе не принадлежитъ. Вы, конечно, найдете вполнѣ естественнымъ, что при этомъ мы будемъ оспаривать главнымъ образомъ вашего великаго учителя Бастіа, а не васъ, который частью повторяетъ, частью искажаетъ и перевираетъ то, что высказала на этотъ счетъ его не экономическая голова. Впрочемъ, и вы при этомъ не останетесь въ убыткѣ!

Итакъ, я сказалъ: въ этой категоріи, болѣе вздутой, пухлой и нездоровой, чѣмъ брюхо Фальстафа, пропадаетъ рѣшительно всякая экономическая опредѣленность, такъ что уже вслѣдствіе этого она перестаетъ быть экономической категоріей.

Чего только нельзя отнести къ категоріи услуги, господинъ Шульце?

Когда гамбургскій матросъ, послѣ многомѣсячнаго плаванія, возвра-

щается въ гамбургскіе кабачки, тамошнія публичныя женщины оказываютъ ему несомнѣнную „услугу“! Депутатъ, который продастся министерству или перебѣгаетъ къ нему изъ трусости, съ тѣмъ, напр., чтобы, какъ объявилъ Леве-Кальбе во время дебатовъ о двѣнадцати милліонахъ, „принести свою партійную политику въ жертву на алтарь отечества“,—тоже оказываетъ этому министерству „услугу“. Конечно, о трудѣ здѣсь нѣтъ и помина, но это услуги, и притомъ услуги, которые оплачивались бы чертовски своеобразно, если-бъ платить за нихъ, по вашему предписанію, „трудомъ, отъ котораго они избавляютъ любителя“!

Паяцъ, который заставляетъ меня смѣяться въ циркѣ, тоже оказываетъ мнѣ „услугу“, и если бы я даже захотѣлъ оцѣнить эту „услугу“, какъ „трудъ“, то я во всякомъ случаѣ не могъ бы оплатить ее тѣмъ трудомъ, отъ котораго она избавляетъ любителя, т. е. тѣми усиліями, которыя мнѣ пришлось бы сдѣлать, чтобы заставить себя такъ же смѣяться.

Я, написавъ эту книгу, оказываю вамъ великую „услугу“, господинъ Шульце. Такъ какъ,—хотя вы никому не признаетесь въ этомъ,—вы почерпнете изъ нея много политико-экономическихъ знаній,—а подумайте только, сколько книгъ вамъ пришлось бы прочесть и какое напряженное самостоятельное мышленіе, къ которому вы совершенно неспособны, потребовалось бы вамъ для того, чтобы самому пріобрѣсти познанія, которыя вы шутя пріобрѣли изъ этой книги и еще пріобрѣтете изъ дальнѣйшаго изложенія. И однако,—что если-бъ я прислалъ вамъ счетъ къ уплатѣ за эту „услугу“? Вы бы очень удивились и разомъ, совершенно вопреки вашей теоріи, рѣшили бы, что есть „услуги“, которыя не оплачиваются.

Вдобавокъ, я оказалъ вамъ и другую услугу, которую вы, очевидно не слишкомъ цѣнящій знанія, должны были бы оцѣнить гораздо выше, чѣмъ первую.

Своей агитаціей я побудилъ купцовъ и фабрикантовъ, которые раньше,—вспомните признанія „Южногерманской Газеты“,—знать васъ не хотѣли, преподнести вамъ національный даръ въ 45.000 талеровъ. Эту услугу оказалъ вамъ я, а не будь меня,—не видать бы вамъ ни пфеннига изъ этой суммы. И тѣмъ не менѣе, какъ бы вы расхохотались, если бъ я потребовалъ за нее отъ васъ всю стоимость работы, отъ которой этотъ подарокъ васъ избавилъ, т. е. всѣ 45.000 талеровъ.

Какъ видите, есть услуги, которыя не оплачиваются, чего нельзя сказать о трудѣ, и уже отсюда вы можете заключить, что „услуга“ не экономическая категорія!

Но шутки въ сторону, господинъ Вастіа-Шульце; теперь я вамъ при-

веду тройное доказательство, чтобы разъ навсегда изгнать изъ политической экономіи туманное изобрѣтеніе господина Бастіа.

Я покажу, во первыхъ, какая надобность и какія кажущіяся затрудненія вызвали къ жизни теорію „услуги“ Бастіа; во-вторыхъ, какъ принципъ Адама Смита-Рикардо, согласно которому трудъ является принципомъ и мѣриломъ цѣнности, превратился въ ней въ свою абсолютную логическую противуположность; въ третьихъ, что это мѣрило цѣнности Бастіа есть экономическая невозможность и нелѣпость, которой нѣтъ равныхъ.

Общій Адаму Смиту и Рикардо принципъ, согласно которому трудъ является принципомъ и мѣриломъ цѣнности вещей, принятый съ рѣдкимъ единодушіемъ экономической наукой, повидимому дѣйствительно еще оставляетъ неразрѣшенными нѣсколько серьезныхъ трудностей. Я говорю не о вашихъ ребяческихъ примѣрахъ, вродѣ булочника, которому не удалось тѣсто, или неумѣлаго работника, которому требуется восемь дней, чтобы изготовить продуктъ двухневной работы. Индивидуальная неумѣлость не составляетъ экономическаго возраженія, и согласно тому принципу, каждый можетъ требовать въ цѣнѣ только оплаты нормальнаго количества труда, требующагося для изготовленія продукта, что и было съ самаго начала понятно всякому, кромѣ, конечно, васъ и Бастіа! Но есть болѣе серьезныя затрудненія, которыя повидимому противорѣчатъ этому принципу.

Если, напр., сегодня, благодаря какому либо изобрѣтенію или хотя бы незначительному улучшенію методовъ, произойдетъ болѣе или менѣе значительное сокращеніе издержекъ, а слѣдовательно и количества труда, потребныхъ для производства какого-либо предмета, то всѣ, имѣющіеся въ запасѣ, продукты этого рода подвергнутся такому же пониженію цѣны. Тщетно производители взываютъ, что новая цѣна ниже стоимости производства, то есть, ниже того количества труда, которое до сихъ поръ и не далѣе какъ вчера должно было нормально и необходимо фиксироваться въ этомъ продуктѣ. Безъ всякихъ разговоровъ приходится отдавать эти продукты по ихъ сегодняшей цѣнѣ, хотя бы она выражала только половину фиксированнаго въ нихъ количества труда.

Можно-ли въ такомъ случаѣ говорить, что нормальное количество труда (стоимость издержекъ производства), необходимое для его изготовленія, является мѣриломъ его цѣнности?

Или представимъ себѣ такой случай, когда, какъ это регулярно случается время отъ времени, наступаетъ измѣненіе вкуса и потребностей извѣстнаго періода. Предметы, до сихъ поръ удовлетворявшіе вкусамъ и потребностямъ, тотчасъ, несмотря на все фиксированное въ нихъ и при-

томъ необходимо фиксированное въ нихъ, количество труда, превращаются въ хламъ и находятъ на толкучкѣ исходъ для своего разбитаго существованія.

Или, помимо измѣненія вкусовъ и потребностей, обнаруживается перепроизводство, и хотя ни одному производителю нельзя вмѣнить въ вину, что его конкуренты въ Европѣ и другихъ частяхъ свѣта произвели больше, чѣмъ онъ могъ ждать, хотя ни потребность въ этомъ продуктѣ, ни количество труда, необходимое для его изготовленія не уменьшились, однако, цѣна всѣхъ этихъ продуктовъ падаетъ, быть можетъ, до половины цѣны издержекъ, и ихъ приходится отдавать за половину фиксированнаго въ нихъ полезнаго и необходимаго труда.

Возможно-ли, въ виду этихъ явленій, отстаивать принципъ, согласно которому фиксированное въ данномъ предметѣ количество труда является мѣрпломъ его цѣнности?

Возможно, по крайней мѣрѣ, что такія соображенія вызвали у Бастіа мысль поставить на мѣсто „труда", въ качествѣ мѣрила цѣнности, мнимо устраняющую эти мнимыя затрудненія „услугу" передачи результатовъ труда потребителю.

И лишь только у него мелькнула эта мысль, какъ онъ, а за нимъ и всѣ умы того же калибра съ восхищеніемъ замѣтили, какую услугу эта новая категорія „услуги" можетъ оказать интересамъ эксплуатаціи и всѣмъ скорбнымъ главою. Это новое обманное слово „услуга" еще намекаетъ на „трудъ"; плохо соображающимъ головамъ кажется, что оно подразумѣваетъ усиліе, требующееся для осуществленія результата труда, и еще находится въ полномъ согласіи съ Адамомъ Смитомъ. Но въ то же время въ обманномъ содержаніи этого полинявшаго, на всѣ стороны кокетничающаго слова вытравлена вся специфическая опредѣленность, содержащаяся въ честномъ словѣ „трудъ". Что только нельзя назвать „услугой"! Трудно было бы утверждать, что фабрикантъ Рейхенгеймъ работаетъ на своихъ рабочихъ,—напротивъ, они работаютъ на него, а онъ имъ платитъ: двѣ совершенно различныя специфически-опредѣленныя категоріи общественнаго процесса производства!

Но разъ изобрѣтена „услуга", то нѣтъ ничего проще и допустимѣе представленія о томъ, что Рейхенгеймъ и его рабочіе „оказываютъ другъ другу взаимныя услуги", и такимъ образомъ—

„Словами можно побѣждать,
Изъ словъ систему создавать!"

—вся противуположность интересовъ въ общественномъ процессѣ производства разрѣшается въ мнимый и благодушный обмѣнъ взаимныхъ „услугъ" въ чистѣйшій розовый тонъ полнѣйшаго взаимнаго равенства!

Вотъ почему теорія „заслуги" была единственнымъ и характернымъ „прогрессомъ", на который буржуазная экономія послѣ Рикардо оказалась способной въ своемъ собственномъ кругу.

Она была прогрессомъ—обмана!

Существуетъ глубокое соотвѣтствіе въ развитіи политической и экономической доктрины буржуазіи!

Какъ честное опредѣленное старое слово „демократія" вылиняло въ двусмысленное лживое названіе „прогрессивной партіи" — правда, этотъ терминъ, употребляемый въ такомъ смыслѣ, специфически-нѣмецкій, за исключеніемъ Испаніи, но суть дѣла общеевропейская—такъ честное опредѣленное слово „трудъ" въ „услугу".

Послѣ того, какъ буржуазія убѣдилась, въ политической и экономической области, что въ кругу своего собственнаго существованія и интересовъ она не въ силахъ одолѣть противуположности, которыя выдвигаетъ передъ нею дѣйствительность, она и тамъ и здѣсь пытается посредствомъ затушеванія и лжи создать иллюзію ихъ устраненія.

Удивляться-ли послѣ этого восторженному пріему, оказанному Бастіа съ его открытіемъ „услуги" всѣми прогрессивными душами въ Европѣ?

Въ чемъ же собственно заключается, если опредѣлять ее рѣзко и точно, опредѣленная мысль категоріи „услуги" Бастіа, и чѣмъ отличается она отъ принципа „труда" Смита-Рикардо?

Все дѣло въ ясномъ опредѣленіи этой разницы и того, что въ ней содержится,—и уже ея одной будетъ достаточно, чтобы распороть брюхо этой вздутой категоріи!

На словахъ Бастіа обыкновенно разъясняетъ прибыль, какъ „effort", усиліе, которое люди дѣлаютъ съ цѣлью удовлетворить свои потребности

Поэтому, людямъ, неспособнымъ къ размышленію, можетъ показаться что подъ этимъ „усиліемъ" все-таки подразумѣвается то самое усиліе, которое требуется для изготовленія вещи. Въ такомъ случаѣ вышло бы только, что Бастіа замѣнилъ слово „трудъ" другимъ, неудачнымъ словомъ „услуга", а по существу все осталось бы неизмѣннымъ въ положеніи Смита-Рикардо о трудѣ, какъ мѣрилѣ цѣнности.

И вы, господинъ Шульце, дѣйствительно такъ неспособны къ размышленію, что не видите разницы между основнымъ положеніемъ Бастіа и принципомъ труда, какъ опредѣленнаго мѣрила цѣнности, или, по крайней

мѣрѣ, не имѣете *яснаго* представленія объ этой разницѣ. Оттого вы и можете говорить на стр. 64: „Итакъ, только и исключительно въ трудѣ, въ человѣческомъ усиліи, требующемся для того, чтобы доставить въ наше распоряженіе полезный предметъ или оказать намъ полезную услугу, заключается цѣнность. Изъ приведенныхъ примѣровъ это вытекаетъ съ достаточной ясностью, а что касается издержекъ, то онѣ сами во всѣхъ случаяхъ относятся къ труду. Мы уже показали раньше, что капиталъ, употребляемый при работѣ, всегда является продуктомъ предшествовавшаго труда, и всѣ издержки сводятся въ концѣ концовъ опять-таки къ заработной платѣ, такъ что вышеприведенное положеніе должно быть принято въ полномъ объемѣ“.

Не говоря о томъ, что вы здѣсь снова допускаете безсмысленное смѣшеніе количества труда и заработной платы, которое мы уже указали выше, разбирая одно изъ вашихъ положеній,—нѣкоторыя слова этого абзаца намекаютъ на „услугу“ Бастіа, другія на необходимый для изготовленія предмета трудъ и на „издержки производства“ Рикардо, и обѣ теоріи цѣнности излагаются и переплетаются такъ, какъ будто бы между ними не было никакой разницы.

Не таково было мнѣніе Бастіа, и при всемъ своемъ недомысліи, такимъ безсмысленнымъ оно не было.

Онъ, напротивъ, опредѣленно заявляетъ: „я хочу доказать, что цѣнность не зависитъ ни отъ труда, ни отъ полезности“ (предмета).

А нѣсколькими страницами ниже онъ устанавливаетъ рѣшительную разницу между своимъ принципомъ и принципомъ труда:

„Не только цѣнность не находится здѣсь въ необходимомъ соотношеніи съ осуществленнымъ трудомъ того, кто оказываетъ услугу, но можно сказать, что она скорѣе соотвѣтствуетъ труду, котораго не пришлось дѣлать тому, кто получаетъ услугу. И это законъ цѣнности, ея общій законъ, не замѣченный, насколько мнѣ извѣстно, теоретиками, но господствующій на практикѣ. Правда, мы еще будемъ говорить ниже объ удивительномъ механизмѣ, посредствомъ котораго цѣнность приноровляется къ труду, когда онъ свободенъ; но при всемъ томъ остается истиной, что принципъ цѣнности заключается не въ усиліи, которое совершаетъ оказывающій услугу, а въ усиліи, отъ котораго избавляется получающій услугу“.

Итакъ, не въ осуществленномъ трудѣ, необходимомъ для изготовленія предмета, заключается принципъ и мѣрило цѣнности, а въ трудѣ, котораго не осуществляетъ тотъ, кто получаетъ услугу, потребитель,—таково значеніе „услуги“.

Когда имѣешь дѣло съ людьми, которые вообще могутъ считаться только „комическими персонажами“ въ драмѣ политической экономіи, съ паяцами вродѣ васъ, господина Фаухера, господина Вирта, господина Михаэлиса и проч., съ людьми, которые вообще за всю свою жизнь никогда не могли продумать ни своей, ни чужой мысли, а только поднимали или воспринимали словесный шумъ, то, конечно, вполнѣ возможно, что они воскликнутъ: осуществленный или неосуществленный трудъ все равно остается трудомъ и, стало быть, въ обоихъ случаяхъ, трудъ признается, только въ нѣсколько различной формулировкѣ, мѣрпломъ цѣнности.

Для человѣка, въ уши котораго проникаетъ только шумъ словъ, а въ мозгъ не можетъ проникнуть и тѣнь мысли, это вполнѣ возможно,—и дѣйствительно, вслѣдъ за приведеннымъ мѣстомъ, гдѣ говорится о „трудѣ“, какъ принципѣ цѣнности, вы излагаете, при помощи перехода: „однако, этимъ вопросъ еще не рѣшается“, теорію Бастіа, какъ болѣе точную модификацію и опредѣленіе того же принципа труда, и заключаете вышеприведенными положеніями, что цѣнность при передачѣ продукта опредѣляется лишь „тѣмъ трудомъ, отъ котораго любитель избавленъ, благодаря этой передачѣ“.

Но если для васъ такъ выходитъ, то для всякаго, кто способенъ мыслить, достаточно просто привести извращеніе принципа цѣнности Смита-Рикардо, происходящее у Бастіа, къ его логическому выраженію, чтобы сразу уяснить себѣ все кричащее противорѣчіе формулъ, и всю чудовищную безсмыслицу открытія Бастіа.

Итакъ, не въ осуществленномъ трудѣ, требующемся для производства предмета, но въ трудѣ, отъ котораго „избавленъ“ потребитель, благодаря передачѣ ему продукта,—въ этомъ избавленіи и состоитъ „услуга“,—заключается, по Бастіа, принципъ и мѣрило цѣнности.

Трудъ, отъ котораго потребитель избавленъ,—не состоявшійся, неисполненный трудъ. Не въ положительномъ трудѣ производителя, какъ у Адама Смита и Рикардо, а въ не состоявшемся, неисполненномъ трудѣ потребителя, т. е. въ чисто отрицательной величинѣ заключается мѣрило цѣнности вещей! Существующее измѣряется ничѣмъ!!!

И не пытайтесь отвѣтить на это, господинъ Шульце, что трудъ, отъ котораго избавленъ потребитель, равенъ труду, который долженъ быть затраченъ на изготовленіе вещи. Въ такомъ случаѣ теорія Бастіа явилась бы двойной безсмыслицей. Такъ какъ: 1) было бы абсолютной безсмыслицей принимать мѣриломъ нѣчто такое, что, вмѣсто того, чтобы самому служить мѣриломъ, должно быть, напротивъ, измѣрено чѣмъ-либо

другимъ, и 2) въ такомъ случаѣ все осталось бы при старомъ принципѣ труда Рикардо, какъ именно оно не должно оставаться по Бастіа, не было бы никакой „услуги“, и Бастіа ничего бы не изобрѣлъ, а между тѣмъ онъ безусловно желаетъ и долженъ что-то изобрѣсти.

Какая,—выражаясь библейскимъ языкомъ,—„гнусность передъ Господомъ“ это открытіе Бастіа, а вѣдь только на немъ и зиждется вся его слава! По крайней мѣрѣ, это единственное новое, что сказалъ Бастіа въ своей азбучкѣ.

Для тѣхъ, кто хоть въ незначительной степени освоился съ логикой и діалектикой, этого простого приведенія принципа цѣнности Бастіа къ его логическому содержанію трижды достаточно, чтобы привѣтствовать его заслуженнымъ взрывомъ смѣха, который онъ долженъ былъ бы вызвать съ перваго же дня.

Но, къ сожалѣнію, наши современные экономисты не просто въ незначительной, а въ очень незначительной степени являются логиками и діалектиками, и потому необходимо разоблачить, кромѣ логической нелѣпости, также реальную экономическую невозможность и нелѣпость открытія Бастіа.

Итакъ, цѣнность опредѣляется не тѣмъ трудомъ, который осуществленъ производителемъ, а тѣмъ, отъ котораго избавленъ потребитель, или „любитель“, по вашему выраженію.

Я не стану говорить о новыхъ изобрѣтеніяхъ. Желѣзныя дороги изобрѣтены уже давно. Но я допускаю, что кёльнъ-минденская желѣзная дорога еще не построена, и представляю себѣ компанію капиталистовъ, которая строитъ кёльнъ-минденскую желѣзную дорогу или соединяетъ желѣзной дорогой два другіе города, между которыми она еще не проведена. Можетъ-ли это желѣзнодорожное общество требовать за пассажирскій билетъ отъ потребителя,—отъ „любителя“, выражаясь вашимъ стилемъ, господинъ Шульце,—въ обмѣнъ за услугу, которую оно ему оказываетъ, „того же труда, той же затраты усилій и издержекъ“, какъ выражаетесь вы и Бастіа, отъ которой его избавляетъ эта услуга? Можетъ-ли оно требовать, въ качествѣ цѣны билета, ту сумму, которую составитъ затрата труда, издержекъ и времени въ случаѣ, если любитель вздумаетъ, какъ прежде, отправиться изъ Кёльна въ Минденъ пѣшкомъ или на лошадяхъ? Какъ плохо пошли бы дѣла кёльнъ-минденской желѣзной дороги, какое поразительно ничтожное число пассажировъ пришлось бы ей возить, если-бъ такой принципъ былъ положенъ въ основу цѣны! И неужели вы не видите, господинъ Бастіа-Шульце, что съ другой стороны весь культурный прогрессъ, обусловленный желѣзными дорогами, свелся бы къ нулю, если-бы публика

дѣйствительно была вынуждена выплачивать за проѣздъ по желѣзнымъ дорогамъ сумму, равную тѣмъ издержкамъ, отъ которыхъ ее избавили желѣзныя дороги?

И замѣтьте, этотъ примѣръ взятъ изъ такого круга отношеній, который—такъ какъ у насъ обыкновенно два города соединены только одной дорогой—лежитъ внѣ свободной конкуренціи, такъ что желѣзнодорожныя общества, фактически обладающія монополіей, скорѣе всего могли бы предъявить такія требованія, еслибъ они не были безусловно исключены уже въ силу своей собственной безсмыслицы и всей природы нашего производства.

Теперь взгляните на такія производства, которыя остаются въ кругу свободной конкуренціи!

Требуются-ли еще дальнѣйшія доказательства того, что все наше производство, каждый великій или малый успѣхъ культуры, все возрастающая дешевизна, каждый дальнѣйшій шагъ въ раздѣленіи труда,—все это основывается на томъ, что оплачивается не тотъ трудъ, отъ котораго избавляетъ „услуга", а безконечно меньшее и становящееся все меньше и меньше количество положительнаго труда, требующагося для производства предмета? Еслибъ не такъ, и еслибъ этого не было,—міръ и сейчасъ оставался бы на той же точкѣ, на которой онъ стоялъ 4.000 лѣтъ тому назадъ и раньше, во мракѣ временъ.

Все развитіе основано только и исключительно на прямой противоположности принципу Бастіа, исключительно на томъ, что количество труда, отъ котораго „услуга" избавляетъ потребителя, становится все больше, а количество труда, выполняемаго производителемъ для изготовленія предмета и оплачиваемаго въ цѣнѣ послѣдняго, все меньше; т. е. разница между трудомъ, выполняемымъ производителемъ, и тѣмъ, отъ котораго избавленъ потребитель, все громаднѣе! Если бы міръ былъ сотворенъ буржуазно-прогрессивнымъ разумомъ господъ Бастіа-Шульце,—первый же „прогрессъ" былъ бы задушенъ въ колыбели ихъ принципомъ цѣнности, какъ петлей.

Но всего забавнѣе то, что эта глубокомысленная теорія исходитъ именно отъ Бастіа,—отъ Бастіа, который всю свою азбучку написалъ съ цѣлью доказать, что „gratuité", „безвозмездность" продуктовъ постоянно возрастаетъ, и въ этомъ непрерывномъ улучшеніи положенія потребителей заключается культурно-историческій ходъ экономическаго развитія, „истинный коммунизмъ", какъ величаетъ онъ старое, задолго до него извѣстное положеніе о постоянно возрастающей дешевизнѣ продуктовъ! Такъ велико недомысліе этого господина и ему подобныхъ, что они не въ силахъ за-

мѣтить глубокаго внутренняго противорѣчія между двумя положеніями, которыя они разомъ, однимъ духомъ, безъ умолку проповѣдуютъ.

Принципъ Бастіа такъ безсмысленъ, что онъ не въ силахъ выдержать его, и постоянно хватается за оспариваемый имъ же законъ Смита-Рикардо. Напр., „Harm. écon.“, стр. 250: „Когда я плачу земледѣльцу, мельнику и проч.,—я оплачиваю человѣческій трудъ, который необходимо приложить для изготовленія орудій“ etc. Не слѣдуетъ думать, что этотъ возвратъ къ Рикардо основывается только на неточности выраженій. Еще потѣшнѣе онъ обнаруживается у Бастіа на стр. 348 и сл. „Благодаря моему солнцу,—говоритъ у него обитатель тропиковъ европейцу,—я могу добыть опредѣленное количество сахара, кофе, какао, хлопка, съ усиліемъ, равнымъ 10“, тогда какъ европеецъ, при дорого стоющихъ вспомогательныхъ средствахъ, необходимыхъ, чтобы произвести тѣ же продукты въ его холодномъ климатѣ, можетъ добыть ихъ только съ затратой усилія равнаго 100, почему обитатель тропиковъ требуетъ сначала за свои продукты 100. Затѣмъ этотъ утомительный болтунъ доказываетъ, размазывая на трехъ страницахъ, что обитатель тропиковъ, вслѣдствіе конкуренціи, въ концѣ концовъ долженъ будетъ обмѣнять продуктъ своего труда „на европейскій трудъ, равный 10“. Настолько правильнымъ, оказывается, по самому же Бастіа, положеніе, согласно которому принципомъ цѣнности является не трудъ, необходимый для производства, а тотъ, отъ котораго избавленъ потребитель!!! Это, опять-таки, не мѣшаетъ тому же Бастіа говорить тономъ превосходства на стр. 177: „Въ слѣдующемъ особенно грѣшитъ опредѣленіе англійскихъ экономистовъ. Говорить, что цѣнность заключается въ трудѣ, значитъ заставлять человѣческій духъ вѣрить, что они (результаты труда) служатъ другъ другу мѣриломъ, что они пропорціональны между собою. Въ этомъ отношеніи опредѣленіе противорѣчитъ фактамъ“. Такъ противорѣчитъ, что обыватель тропиковъ, по словамъ самого же Бастіа, долженъ обмѣнивать свой трудъ, равный 10, на европейскій трудъ, равный 10!! И этотъ человѣкъ, у котораго не хватаетъ смысла и памяти настолько, чтобы замѣтить безсмысленныя противорѣчія, въ которыя онъ вступаетъ на каждой страницѣ съ самимъ собою, этотъ человѣкъ—герой, котораго наша буржуазія съ 1848 г. прославляетъ и провозглашаетъ представителемъ „науки“. И наши „научные экономисты“, какъ они любятъ себя называть, спокойно просматриваютъ всѣ противорѣчія и всю безсмыслицу, совершенно не воспринимая ихъ сознаніемъ. Этотъ духовный упадокъ нашей буржуазіи болѣе, чѣмъ что-либо, доказываетъ, что ея царство приближается къ концу.

Я уже исполнилъ мое тройное обѣщаніе, господинъ Шульце. Я показалъ вамъ, во-первыхъ, изъ какихъ затрудненій, повидимому, еще не мирящихся съ ученіемъ Рикардо о трудѣ, какъ исключительномъ мѣрилѣ цѣнности, могла возникнуть теорія „услуги“ Бастіа. Правда, самъ Бастіа основываетъ ее не на этихъ затрудненіяхъ, а исключительно на ребяческомъ примѣрѣ съ алмазомъ.

По Рикардо, этотъ ребяческій примѣръ устраняется попросту тѣмъ обстоятельствомъ, что алмазы принадлежатъ къ числу продуктовъ, количество которыхъ не можетъ быть увеличено по произволу, вслѣдствіе чего цѣна опредѣляется спросомъ и предложеніемъ, resp.—продуктовъ, умноженіе которыхъ связано съ такими громадными издержками производства, которыя поднимаютъ цѣну до указаннаго имъ еще высшаго уровня, такъ что человѣкъ, случайно нашедшій алмазъ безъ такихъ издержекъ, естественно можетъ требовать за него нормальную цѣну, совершенно такъ же, какъ фабрикантъ, обладающій секретомъ, уменьшающимъ издержки производства, можетъ сбывать свои товары по нормальной цѣнѣ. Еслибъ въ одинъ прекрасный день прошелъ градъ алмазовъ, они бы сдѣлались дешевыми, и въ самомъ дѣлѣ стоимость бриллiантовъ значительно понизилась съ древнихъ временъ.

Бастіа самъ говоритъ (стр. 153): „Возьмите собраніе экономистовъ, прочтите, сравните всѣ опредѣленія (цѣнности). Если найдется хоть одно, которое подходитъ одновременно къ воздуху и алмазу, то бросьте эту книгу въ огонь (jetez ce livre au feu)“. Такъ какъ опредѣленіе цѣнности Рикардо одинаково подходитъ и къ алмазу, и къ воздуху,—который по этому опредѣленію не можетъ имѣть никакой цѣны, такъ какъ не представляетъ результата человѣческаго труда,—то слѣдовало бы уже давно послѣдовать совѣту Бастіа, въ которомъ проявляется, по крайней мѣрѣ, правильное сознаніе того, что вся его книга въ 387 страницъ ничто иное, какъ непрерывное отшлифовываніе этого алмаза.

Несчастіе Бастіа заключается въ томъ, что онъ заставляетъ находить эти алмазы въ Европѣ, гдѣ ихъ не попадается. Если бы для этой находки онъ отправился въ ихъ дѣйствительныя мѣсторожденія, Остъ-Индію и Бразилію, то увидѣлъ бы, что нашедшему отнюдь не оплачивается „услуга“, которую онъ оказываетъ, отдавая найденные алмазы. Въ Сумбулпурѣ въ Индостанѣ живутъ въ 16 деревняхъ два племени искателей алмазовъ, схара и тора, которые съ женами и дѣтьми розыскиваютъ алмазы въ руслѣ Могоноддн. Это нищее, оборванное населеніе, такъ какъ найденные алмазы они должны отдавать раджѣ,—и его положеніе осталось бы та-

кимъ же, если бъ ему пришлось искать алмазы на службѣ у какой-нибудь кампаніи европейскихъ капиталистовъ.

Зато въ Бразиліи, гдѣ алмазныя копи разработываются невольничьимъ трудомъ, негръ, нашедшій алмазъ вѣсомъ не менѣе 17 каратовъ, получаетъ въ награду свободу,—хорошо, что это осталось неизвѣстнымъ господину Бастіа, а то бы онъ какъ разъ объяснилъ происхожденіе гражданской свободы!

Но я тѣмъ болѣе хотѣлъ бы вамъ помочь справиться съ указанными выше, съ виду серьёзными, затрудненіями, что они дѣйствительно устраняются теоріей „услуги“ Бастіа (такъ какъ онъ просто отвѣтитъ, что въ случаѣ новаго изобрѣтенія, или измѣненія вкусовъ, или перепроизводства потребителю не будетъ оказана „услуга“, если ему придется оплачивать то количество труда, которое раньше было необходимо для изготовленія предмета), и, можетъ быть, этимъ обстоятельствомъ объясняется, почему она легко принимается нѣкоторыми. Но мы видимъ въ то же время, во вторыхъ, что эта теорія отнюдь не можетъ сохраниться ради объясненія нѣкоторыхъ особенныхъ случаевъ, такъ какъ и безъ того она разрѣшается въ ужасную логическую безсмыслицу, въ блистательную мысль сдѣлать мѣриломъ цѣнности не-трудъ, и наконецъ, въ третьихъ, приводитъ къ неимѣющей себѣ равныхъ экономической нелѣпости.

Наконецъ, въ четвертыхъ, мы хотимъ вкратцѣ объяснить вамъ, какъ эти кажущіяся затрудненія устраняются и съ точки зрѣнія принципа цѣнности Рикардо, хотя это объясненіе въ его надлежащей формѣ можетъ быть дано только при изложеніи свободной конкуренціи и дѣйствующаго при ней закона рыночныхъ цѣнъ.

Трудъ есть дѣятельность и, стало быть, движеніе. Но всякое количество движенія—время. Это зналъ уже Платонъ (въ Тимеѣ), это знала еще раньше іоническая философія. Не будучи метафизикомъ и не достигнувъ этого познанія метафизическимъ путемъ, Рикардо пришелъ къ нему по своему.

Сведеніе всѣхъ цѣнностей къ количествамъ труда, а количествъ труда къ рабочему времени,—это блестящая и послѣдняя заслуга, оказанная буржуазной экономіей при посредствѣ Рикардо.

Между прочимъ, вы видите, господинъ Шульце, что бываютъ противники, передъ которыми охотно и съ удовольствіемъ снимаешь шапку! Рикардо глава и увѣнчаніе буржуазной экономіи, которая послѣ него не сдѣлала никакихъ успѣховъ. Онъ довелъ буржуазную экономію до ея высшаго пункта, т. е. до самаго края той пропасти, гдѣ ей въ силу ея соб-

ственнаго теоретическаго развитія остается только превратиться въ соціальную экономію. Соціальная экономія есть ничто иное, какъ борьба противъ Рикардо, борьба, которая вмѣстѣ съ тѣмъ является необходимымъ дальнѣйшимъ развитіемъ его ученія. Достигнувъ этой вершины, наука буржуазной экономіи, вмѣсто того, чтобы съ научнымъ мужествомъ спуститься въ эту пропасть, предпочла повернуть обратно съ вершины.

Уже то обстоятельство, что въ настоящее время соціальная экономія должна бороться съ вами и Бастіа, а не съ Рикардо, показываетъ, въ какую безобразную каррикатуру превратилась съ тѣхъ поръ европейская буржуазія.

Итакъ, всякая цѣнность сводится къ рабочему времени, которое потребовалось для изготовленія продукта [1]).

Но теперь дальше!

Слѣдуетъ-ли подъ этимъ рабочимъ временемъ понимать индивидуальное рабочее время?

Я работаю, и если исходить отъ субъекта этого предложенія, всякій трудъ кажется индивидуальнымъ трудомъ. Онъ былъ бы таковымъ и по объекту предложенія, по предмету, который является результатомъ этого движенія работника, то есть по количеству движенія (время), которое фиксировалось въ продуктѣ, если бы я производилъ реальные полезные объекты, предметы моего личнаго потребленія. Но теперь, и уже давно, я этого больше не дѣлаю. Я работаю для удовлетворенія потребностей всѣхъ другихъ людей, только не своихъ; я произвожу столько то милліоновъ булавокъ въ годъ; я создаю мѣновыя цѣнности, и всѣ другіе „я" дѣлаютъ тоже самое, удовлетворяютъ посредствомъ создаваемыхъ ими мѣновыхъ цѣнностей потребностямъ всѣхъ другихъ людей, только не своимъ собственнымъ.

Но мѣновая цѣнность, которую я произвожу, только въ томъ случаѣ бываетъ мѣновой цѣнностью, когда она превращается въ потребительную цѣнность, въ полезный объектъ для кого-нибудь другого.

Мои булавки становятся только тогда мѣновыми цѣнностями, когда онѣ, какъ разъ наоборотъ, становятся потребительными цѣнностями для всего міра, когда онѣ переходятъ въ нѣжныя руки дамъ, для которыхъ и предназначались съ самаго начала.

Значитъ, то, что я дѣйствительно осуществилъ въ своей работѣ, есть

---

[1]) Причемъ, слѣдовательно, день квалифицированнаго, сложнаго труда въ свою очередь сводится къ большему количеству неквалифицированнаго, простого труда, который служитъ единицей мѣры.

реальный (т. е. создающій потребительныя цѣнности) индивидуальный трудъ всѣхъ индивидуумовъ, то есть: всеобщій, общественный трудъ. То, что дѣйствительно фиксировано въ продуктѣ и внесено съ моей стороны для этой фиксаціи,—не мое индивидуальное рабочее время, а всеобщее, общественное рабочее время, и оно-то представляетъ единицу для измѣренія фиксированнаго въ продуктѣ количества труда.

Но всеобщее общественное рабочее время имѣетъ свое самостоятельное существованіе въ формѣ—денегъ. Деньги—овеществленное общественное рабочее время, очищенное отъ всякой индивидуальной опредѣленности отдѣльнаго вида труда (трудъ въ булавкахъ, деревѣ, полотнѣ и проч.). Только посредствомъ „salto mortale товара въ золото“ товаръ становится тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ быть,—осуществленіемъ общественнаго рабочаго времени.

Какъ видите, господинъ Шульце, вы могли бы пріобрѣсти эти свѣдѣнія частью изъ внимательнаго чтенія англійскихъ экономистовъ, частью путемъ самостоятельнаго дальнѣйшаго мышленія. Однако же, ни отъ кого нельзя требовать самостоятельнаго, творческаго мышленія. Но вотъ чего можно по всей справедливости требовать, господинъ Шульце, отъ каждаго, кто пишетъ и „учительствуетъ“ по какому-либо предмету: знанія, по крайней мѣрѣ, всего важнаго и значительнаго, что уже сдѣлано по этому предмету.

А извольте видѣть, господинъ Шульце! То, что я вамъ сейчасъ изложилъ, насчетъ денегъ и общественнаго значенія рабочаго времени, какъ единицы мѣры цѣнности,—все это въ своей духовной сути цѣликомъ заимствовано, представляетъ только краткій экстрактъ мыслей изъ въ высшей степени важнаго и мастерскаго произведенія, откуда взяты и приведенныя выше слова; изъ произведенія, появившагося еще въ 1859 г., то есть за пять лѣтъ до вашего катехизиса, такъ что вы обязательно должны бы были знать о немъ! Должны бы были знать тѣмъ болѣе, что оно издано вашимъ другомъ Дункеромъ: я говорю о превосходномъ и составившемъ эпоху произведеніи Карла Маркса: „Къ критикѣ политической экономіи“

Но какое вамъ дѣло до всего этого? Вы также мало читали Карла Маркса, какъ Родбертуса, Родбертуса такъ же мало, какъ Мальтуса и Рикардо, этихъ такъ же мало, какъ Адама Смита, Смита также мало, какъ Джэмса Стьюарта, Стьюарта, какъ Петти, Петти, какъ Буагильбера и Сисмонди; все это до очевидности ясно изъ вашей книги каждому знакомому съ дѣломъ. Но все это ничего не значитъ! Такъ какъ вы человѣкъ, облюбованный „Народной Газетой“ и „Національной Газетой“,—а это все, что требуется!

Вы видите также, господинъ Шульце, какимъ образомъ устраняются мнимыя трудности, которыя, какъ я излагалъ выше, повидимому противорѣчатъ теоріи Рикардо, усматривающей въ трудѣ единственное мѣрило цѣнности, въ цѣнностяхъ только опредѣленныя количества рабочаго времени.

Я сказалъ: если кто-нибудь употребилъ на изготовленіе предмета только нормально-необходимыя издержки производства, которыя всѣ сводятся къ рабочему времени (не заработной платѣ, господинъ Шульце!), и по милости появившагося въ одно прекрасное утро новаго изобрѣтенія, удешевляющаго производство, оказался вынужденнымъ сбыть свой продуктъ за половину стоимости производства,—то можно-ли въ такомъ случаѣ говорить, что трудъ является мѣриломъ цѣнности?

Да разумѣется, господинъ Шульце: вѣдь вы же видите, что хотя индивидуальный трудъ, который фиксировался въ продуктѣ и въ свое время необходимо долженъ былъ въ немъ фиксироваться, остался тѣмъ же самымъ, но общественное рабочее время, сгущеніе котораго представляетъ вещь, концентрируется, сгущается еще больше.

Или, если вслѣдствіе измѣненія вкуса или подъ вліяніемъ перепроизводства продукты должны быть выброшены на рынокъ по цѣнѣ гораздо низшей необходимыхъ издержекъ производства, а то и совсѣмъ не находятъ сбыта,—то вы видите теперь, какъ все это гармонируетъ съ теоріей рабочаго времени. Эти товары не могутъ продѣлать „salto mortale“ превращенія въ деньги, такъ какъ теперь въ нихъ—въ случаѣ измѣненія вкуса—вообще уже не представлено общественное рабочее время; они не могутъ быть мѣновыми цѣнностями, такъ какъ перестали быть потребительными цѣнностями. Въ случаѣ перепроизводства тоже можно сказать объ излишнемъ количествѣ вещей. Если, напр., для человѣческаго общества требуется 1 милліонъ аршинъ шелку, а предприниматели произвели 5 милліоновъ аршинъ, то хотя они выбросили много индивидуальной работы, общественное рабочее время, фиксированное въ шелковыхъ товарахъ, отъ этого не возросло, такъ какъ дѣйствительная потребность всѣхъ индивидуумовъ въ работѣ, фиксированной въ шелковыхъ товарахъ, не возросла. Стало быть, теперь въ пяти милліонахъ аршинъ шелка заключается то же самое количество общественнаго рабочаго времени, которое раньше заключалось въ одномъ милліонѣ, и слѣдствіемъ этого должно явиться то, что эти пять милліоновъ спеціальнаго труда, противупоставленные своей совѣсти, осуществленію общественнаго труда—деньгамъ—вѣсятъ не болѣе, чѣмъ вѣсилъ раньше одинъ милліонъ аршинъ.

Слѣдовательно, то же самое количество общественнаго труда растягивается теперь на пять милліоновъ вмѣсто одного. Въ силу этого, конечно, пять милліоновъ аршинъ шелку должны бы были обмѣниваться теперь на такое же количество денегъ, какъ раньше одинъ милліонъ, и, слѣдовательно, цѣна одного аршина шелковой матеріи должна бы была понизиться только до одной пятой прежней цѣны, тогда какъ, въ большинствѣ случаевъ, при перепроизводствѣ—всего рѣзче обнаруживается это на хлѣбѣ—общая цѣна всего количества продуктовъ, созданнаго перепроизводствомъ, далеко не достигаетъ прежней общей цѣны потребнаго количества, такъ что въ данномъ случаѣ цѣна одного аршина шелка упадетъ не до одной пятой, а до одной восьмой или одной десятой его прежней цѣны.

Но хотя подробное объясненіе этого уклоненія можно представить только при изложеніи законовъ свободной конкуренціи и рыночной цѣны, однако, возможно и здѣсь указать вкратцѣ его основаніе. Разъ грозитъ опасность, что изъ 5 милліоновъ аршинъ шелка 4 не найдутъ сбыта,—неизбѣжно, вслѣдствіе конкуренціи между продавцами, начинается взаимное сбиваніе цѣнъ, и каждый, вмѣсто того, чтобы держаться за $^{1}/_{5}$ прежней цѣны, соотвѣтственно общественному труду въ его товарѣ, готовъ продавать за одну восьмую, одну десятую и еще дешевле, лишь бы избѣжать опасности, грозящей отбросить его товаръ къ „пріобщенной къ дѣлу" части буржуазнаго процесса производства, причемъ ему пришлось бы прясть еще меньше шелка!

Вообще, господинъ Шульце, если вы слѣдите за мной сколько-нибудь внимательно, то видите теперь ясно, какъ обстоитъ со всѣмъ буржуазнымъ „дѣломъ". Общественное рабочее время или мѣновая цѣнность,—это холодный античный рокъ буржуазнаго міра. Въ вопросѣ, насколько ему удается продать свой индивидуальный трудъ или продукты другихъ, принадлежащіе ему, выше или ниже мѣрила ихъ цѣнности, общественнаго рабочаго времени—въ этомъ вопросѣ заключаются страданія и радости буржуазнаго Вертера! Въ этомъ колебаніи между слишкомъ много или слишкомъ мало, между ущербомъ для купца и ущербомъ для покупателя заключается пафосъ буржуазной драмы и, вкратцѣ, законъ рыночныхъ цѣнъ. Мѣрило цѣнности, абстрактная общественная работа, эта совѣсть буржуазнаго міра, осуществляется только въ своемъ постоянномъ нарушеніи, въ слишкомъ много или слишкомъ мало, въ активномъ или пассивномъ обманѣ рыночной цѣны, и темнымъ инстинктивнымъ подозрѣніемъ этого опредѣлялось, при гуманномъ направленіи античнаго міра, античное воззрѣніе на mercator'a (купца).

Наконецъ, мнѣ всего удобнѣе теперь же объяснить вамъ, господинъ Шульце, какую громадную ошибку вы дѣлаете, говоря, что капиталъ „собственно никогда не состоитъ въ какой бы то ни было суммѣ денегъ" (стр. 21), а всегда только въ реальныхъ продуктахъ. Вы такъ гордитесь этимъ положеніемъ, показывающимъ, что вы не только списываете съ Бастіа, но заглянули какъ-то и въ учебникъ Сэя, что повторяете его въ трехъ или четырехъ мѣстахъ, даже тамъ, гдѣ оно совсѣмъ не у мѣста. Возможно-ли, господинъ Шульце, что вы, чей богъ—капиталъ, такъ плохо знаете своего бога, что не узнаете его, когда онъ является въ своемъ подлинномъ, живомъ воплощеніи?

Какъ! воскликнете вы: значитъ, вы отрицаете великое положеніе Ж. Б. Сэя, что продукты обмѣниваются только на продукты, что деньги при этомъ являются только „промежуточнымъ товаромъ" и потому всякій капиталъ состоитъ только изъ реальныхъ продуктовъ страны?

Мнѣ это „великое" положеніе Сэя, несмотря на его относительную истинность, всегда напоминаетъ загадку, которую мнѣ задали однажды при игрѣ въ фанты.

Вотъ эта загадка: „Какая разница между Наполеономъ I и акушеркой Мюллеръ?"

Я, сколько ни бился, не могъ рѣшить загадку, и, наконецъ, призналъ себя побѣжденнымъ, послѣ чего мнѣ сказали разгадку: Наполеонъ I былъ мужчина, а акушерка Мюллеръ—женщина.

Тогда я, конечно, всецѣло призналъ истинность этой разгадки. Въ самомъ дѣлѣ, если предварительно допустить нелѣпость устраненія всякой конкретной опредѣленности изъ образовъ Наполеона I и акушерки Мюллеръ, то придешь къ абстрактному равенству, которое заключается въ томъ, что оба они люди, а разъ имѣешь въ рукахъ абстрактное равенство, обнаруживается, какъ очевидная истина, и то, что они различаются, какъ мужчина и женщина.

Такова же точно истина Сэевскихъ положеній, что продукты обмѣниваются только на продукты, что поэтому капиталъ страны состоитъ только изъ ея продуктовъ, а деньги не капиталъ,—истина, которая состоитъ именно въ отвлеченіи отъ всякой конкретной опредѣленности экономическаго процесса.

Въ дѣйствительности, продукты никогда не обмѣниваются на продукты, но всегда на деньги. Пока эти продукты не продѣлали „salto mortale" превращенія въ деньги,—для кого они могутъ быть капиталомъ? Для ихъ обладателей, въ складахъ которыхъ они лежатъ?

Спросите же всякаго рода торговцевъ, отъ крупныхъ хлопчатобумажныхъ и шелковыхъ фабрикантовъ до мелкаго переплетчика, торгующаго портфелями, писчей бумагой и портмонэ, могутъ-ли они оплатить свой вексель своими продуктами, еслибъ даже вздумали, ссылаясь на Ж. Б. Сэя, утверждать, что это „капиталъ". Посмотрите, съ какими жертвами мелкій торговецъ, когда приближается срокъ уплаты по векселю, долженъ добывать капиталъ отъ ростовщика и въ какой именно формѣ, хотя его лавки и магазины биткомъ набиты сэевскими капиталами, непроданными продуктами.

Итакъ, для своихъ продавцовъ продукты не капиталы. Для кого же они являются таковыми? Они могутъ въ рукахъ какого-либо третьяго лица послужить для дальнѣйшаго производства и такимъ образомъ выступить въ качествѣ капитала. Но для этого они должны, чтобъ послужить этимъ лицамъ въ качествѣ капитала, сначала быть куплены, перескочить черезъ деньги, превратиться въ деньги. Такимъ образомъ, они получаютъ возможность сдѣлаться капиталомъ. Но развѣ простая возможность есть дѣйствительность, простая способность—бытіе, возможность стать—осуществленіе?

Конкретная опредѣленность простыхъ продуктовъ—постоянный капиталъ, какъ, напр., паровая машина, разумѣется, уже не простой продуктъ, а принадлежитъ къ высшей, требующей болѣе точнаго опредѣленія, категоріи, съ которой намъ теперь нечего дѣлать—конкретная опредѣленность простыхъ продуктовъ заключается, слѣдовательно, именно въ томъ, что характеръ капитала у нихъ прерывается, временно отнимается.

Біеніе пульса капитала, проходящее сквозь буржуазный производственный процессъ, перемежается, и въ теченіе этихъ паузъ онъ называется продуктомъ. Какъ только біеніе пульса возобновляется, продуктъ снова исчезаетъ и потребляется для дальнѣйшаго производства.

Или, иными словами: то, что здѣсь нужно понять и чего никогда не понимали буржуазные экономисты, это простое діалектическое противуположеніе производства и продукта. Производство — рѣка, движущая сила которой капиталъ. Продуктъ — застываніе этой рѣки. Въ продуктѣ она останавливается. Если продуктъ долженъ снова стать капиталомъ, то для этого онъ долженъ быть высвобожденъ изъ застывшаго состоянія и снова брошенъ въ рѣку производства, т. е. исчезнуть, какъ продуктъ (будетъ ли это, какъ средство къ жизни, или какъ сырой матеріалъ, переработываемый дальнѣйшимъ трудомъ). Слѣдовательно, въ продуктѣ капиталъ опредѣляется именно такъ: не-капиталъ, исчезнувшій капиталъ. Съ 1848 года въ особенности усилія буржуазнаго міра направляются, главнымъ образомъ, къ тому, чтобы уничтожить это противорѣчіе въ предѣлахъ ея собственнаго круга,

такъ какъ Сэевская иллюзія естественно не могла оказать ей практической помощи.

Какъ добиться того, чтобы продуктъ, дѣйствительно, оказался тѣмъ, чѣмъ онъ является только въ себѣ, т. е. капиталомъ? Такъ гласила бы философская формула этой проблемы.

Какъ реализовать товары? Такъ гласилъ буржуазный переводъ этой формулы. Но только для крайне немногочисленныхъ продуктовъ крупной торговли (напр., англійскіе доки; исторія французскихъ доковъ извѣстна) удалось отчасти разрѣшить противорѣчіе; какъ и у насъ, напр., масло мѣстами реализируется въ банкахъ и т. п. Всякій разъ, какъ пытались устранить это противорѣчіе буржуазнаго производства общепримѣнимымъ способомъ, попытки кончались неудачей [1]), и „товарно-кредитныя общества“ могли бы кой-что поразсказать объ этомъ. И именно частичный успѣхъ съ нѣкоторыми предметами крупной торговли естественно могъ послужить только къ увеличенію преимуществъ и силы крупнаго капитала и оказать тѣмъ большее давленіе на среднее состояніе.

Итакъ, мы говоримъ: біеніе пульса капитала, проходящее сквозь буржуазный производственный процессъ, перемежается, и именно въ этихъ своихъ паузахъ онъ называется продуктомъ. Есть только одинъ продуктъ, въ которомъ это біеніе пульса никогда не перемежается, но существуетъ непрерывно въ живительной теплотѣ крови, продуктъ, который въ то же время всегда капиталъ, и этотъ капиталъ-продуктъ—деньги! Поэтому, деньги не только такой же капиталъ, какъ всякій другой продуктъ, но и капиталъ par excellence, богъ-отецъ собственной персоной!

Свойства капитала въ нихъ постоянно подвижны, постоянно могутъ оплодотворить любой матеріалъ, въ любомъ мѣстѣ. Поэтому деньги, какъ „капиталъ par excellence“, являются въ еще болѣе высокомъ смыслѣ капиталомъ, чѣмъ даже постоянный капиталъ.

Хлопко-прядильная машина, конечно, есть капиталъ и притомъ въ гораздо болѣе высокомъ и квалифицированномъ смыслѣ, чѣмъ простой про-

---

[1]) Прудоновскій „Народный банкъ“ принадлежитъ къ числу подобныхъ же проектовъ. Поэтому никого, кто знаетъ буржуа Прудона, ничуть не удивитъ, что его адъютантъ, г. Даримонъ, недавно въ засѣданіи Законодательнаго корпуса открыто заявилъ себя сторонникомъ теоріи Шульце-Бастіа, несмотря на прежній споръ Прудона съ Бастіа. Съ тѣхъ поръ они стоятъ за одно, а раньше ихъ раздѣляло только недоразумѣніе. Во всякомъ случаѣ, это интересный симптомъ, свидѣтельствующій о европейскомъ значеніи, которое получила прогрессивная болѣзнь.

дуктъ. Но когда въ Ланкаширѣ разразился хлопчатобумажный кризисъ, эти машины должны были остановиться, слѣдовательно превратились на время въ деградированный капиталъ, чего съ деньгами не можетъ случиться. Даже такіе фабриканты, у которыхъ еще имѣлся запасъ хлопка, остановили машины, налегли, несмотря на Ж. Б. Сэя и бѣшеные упреки „Times'а“, при всѣхъ своихъ запасахъ и деньгахъ, на торговлю, превратились въ купцовъ, спекулировали на еще болѣе повысившихся цѣнахъ хлопка-сырца и, такимъ образомъ, не заботясь о теоретическихъ вывертахъ, показали, что отлично понимаютъ свои практическія выгоды.

Итакъ, только деньги, какъ бы мудро ни думала о нихъ либеральная экономія, осмѣивая меркантильную систему, только деньги — вездѣсущій, всемогущій и всевѣдующій, словомъ, чтобъ не перечислять по одиночкѣ аттрибутовъ божества, абсолютный капиталъ!

Что же, не уничтожены вы, господинъ Шульце, капитало-поклонникъ, тѣмъ, что могли не узнать вашего бога именно тамъ, гдѣ онъ явился передъ вами въ своемъ подлинномъ видѣ, въ золотомъ огненномъ блескѣ, какъ Моисею въ Неопалимой Купинѣ?

d) Конкуренція. „Кромѣ возможности самому изготовить нужную вещь,— такъ начинаете вы этотъ отдѣлъ на стр. 67,—самому оказать себѣ услугу, если за нихъ требуютъ цѣну, которая кажется намъ несходной, мы указали выше еще одинъ выходъ: получать желаемое отъ третьяго лица, какъ главное средство противъ запрашиванія“. Въ самомъ дѣлѣ? Мы имѣемъ теперь, кромѣ „возможности самому изготовить вещь“, еще одинъ выходъ: получить ее отъ третьяго лица? Можно досмѣяться до судорогъ, читая ваше описаніе состоянія производства! Это превосходитъ даже обмѣнъ излишнихъ продуктовъ, не потребляемыхъ самимъ производителемъ!

Поговоривъ затѣмъ о пилѣ дровосѣка, и объ инструментахъ слесаря, и о котлѣ прачки,—отъ болѣе подробнаго анализа мы должны отказаться въ виду рѣшительнаго недостатка времени,—въ такомъ глубокомысленномъ стилѣ, что никакая прачка съ вами не поравняется, вы заключаете слѣдующимъ объясненіемъ свободной конкуренціи: „Такъ получаемъ мы въ конкуренціи главный регуляторъ цѣнности. Еще раньше мы признали элементомъ труда и обмѣна свободу, неограниченное право всѣхъ предпринимать все возможное, заниматься всѣмъ, что кажется выгоднымъ, а дальнѣйшее неограниченное право в с ѣ х ъ о б м ѣ н и в а т ь с я в с ѣ м ъ есть именно свободная конкуренція“.

Объяснивъ, такимъ образомъ, свободную конкуренцію снова, какъ „обмѣнъ“ и размазавъ это еще на одной страницѣ, вы отпускаете на двухъ страни-

цахъ нѣсколько общихъ фразъ противъ монополіи и заканчиваете въ пасторскомъ стилѣ елейнымъ прославленіемъ вашего „образованія“ и „науки“.

Вотъ все, что вы сумѣли сказать о свободной конкуренціи. Вмѣсто того, чтобы вывести изъ нея, въ которой обрѣтается ключъ для объясненія всего современнаго состоянія, законы рыночной цѣны, стоимости издержекъ производства, заработной платы, прибыли предпринимателя, земельной ренты; вмѣсто того, чтобы вывести изъ нея матеріальную и духовную физіономію нашего строя, что мы сдѣлаемъ положительнымъ образомъ въ слѣдующей главѣ, насколько это здѣсь мыслимо, вы объясняете „свободную конкуренцію“, какъ „обмѣнъ“—какъ обмѣнъ, который однако практиковался уже во времена финикійцевъ! Вотъ все, что вы сумѣли сказать о ней.

Какъ видите, я доказалъ вамъ теперь, что вся ваша книга не заходитъ дальше этого коротенькаго словечка! Трудъ былъ обмѣнъ, капиталъ былъ обмѣнъ, кредитъ былъ обмѣнъ, цѣнность была обмѣнъ, и свободная конкуренція также оказывается обмѣномъ.

Бастіа начинаетъ главу „Обмѣнъ“ словами: „Обмѣнъ, это политическая экономія“. Эти, на французскій манеръ подчеркнутыя, якобы остроумныя слова, вы поняли буквально, и думаете, что всякій, кто только затвердилъ слово „обмѣнъ“,—настоящій экономистъ.

Если я куплю скворца и научу его выкрикивать словечко „обмѣнъ! обмѣнъ! обмѣнъ!“,—это будетъ точное содержаніе вашей книги.

Въ этомъ словечкѣ заключается вся ваша жалкая мудрость!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Объективный анализъ капитала.

ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЯ АССОЦІАЦІИ.

Остается еще развить въ возможно краткой формѣ объективное понятіе капитала.

Мы сможемъ сдѣлать это относительно тѣмъ короче, что уже во всѣхъ нашихъ предыдущихъ положительныхъ объясненіяхъ установили основы этого понятія и намѣтили его конкретное представленіе.

Если бы мы сказали: капиталъ есть историческая категорія,—то хотя этимъ все было бы сказано въ самой краткой формѣ, но поняли бы насъ только очень немногіе.

Мы должны, слѣдовательно, приступать къ дѣлу болѣе постепенно.

Разсмотрите, господинъ Шульце, приведенныя нами до сихъ поръ опредѣленія капитала; только. конечно, не то излюбленное вами опредѣленіе капитала, какъ „сбереженной части дохода", которое вы заимствуете у Бастіа, такъ какъ оно слишкомъ ужъ безсмысленно и достаточно разобрано нами.

Но разсмотрите другія опредѣленія, которыя вы также приводите, и суть которыхъ сводится къ положенію: капиталъ есть орудіе труда. Или то, которое я вамъ рекомендовалъ: капиталъ,—это продукты, непрерывно употребляемые для производства.

Теперь бросьте еще разъ взглядъ на индѣйца въ дѣвственныхъ лѣсахъ Америки, съ лукомъ въ рукѣ добывающаго себѣ средства къ жизни охотой.

Капиталистъ-ли этотъ человѣкъ? Можно-ли назвать его лукъ капиталомъ?

Вы видите, господинъ Шульце, что сюда подходятъ всѣ три опредѣленія. Лукъ есть дѣйствительно орудіе труда. Равнымъ образомъ, онъ представляетъ изъ себя накопленный трудъ. Онъ также продуктъ, который постоянно употребляется для производства.

И тѣмъ не менѣе, господинъ Шульце, ваше собственное чувство не позволитъ вамъ назвать этого индѣйца капиталистомъ!

Вы видите, стало быть, что всѣ эти опредѣленія надо признать невѣрными, такъ какъ ни въ одномъ изъ нихъ не содержится отличительнаго и правильнаго признака.

Но, можетъ быть,—отъ васъ вѣдь всего можно ждать,—вы, наперекоръ своему собственному чувству, скажете: „Да, лукъ есть капиталъ, и, слѣдовательно, индѣецъ—мелкій капиталистъ".

Въ такомъ случаѣ не трудно будетъ доказать вамъ, что лукъ не капиталъ и индѣецъ не капиталистъ.

Перенеситесь на мгновеніе,—чтобъ лучше уяснить себѣ дѣло,—съ этимъ самымъ лукомъ въ эти самые лѣса. Лѣсъ далъ бы вамъ возможность стрѣлять дичь, т. е. оказалъ бы вамъ поддержку,—на то онъ и орудіе труда,—въ вашей личной, направленной на добываніе средствъ къ существованію работѣ; но если бы—чего можно ожидать—вы устали гоняться по лѣсамъ за дичью въ легкихъ мокассинахъ, вамъ не было бы никакой возможности пустить въ оборотъ вашъ лукъ, какъ дѣятельное, приносящее доходъ, сред-

ство. А такъ какъ безусловный признакъ капитала, поскольку онъ не употребляется для покупки другого капитала,— способность быть дѣятельнымъ, то вы видите: этотъ лукъ орудіе труда, но не капиталъ.

Допустимъ, что вы, предполагая, что только форма лука не позволяетъ вамъ утилизировать накопленную въ немъ работу, какъ капиталъ, вздумали обмѣнять его на какую-нибудь другую цѣнность и предлагаете эту сдѣлку вышеупомянутому индѣйцу.

Вполнѣ возможно, что этотъ индѣецъ, если лукъ ему годится, согласится на ваше предложеніе. Онъ дастъ вамъ въ обмѣнъ убитую дичь, или шкуру, или, быть можетъ, въ богатой золотомъ мѣстности, большой слитокъ золота.

Но всѣ эти предметы вамъ тоже нѣтъ никакой возможности пустить въ оборотъ. Чтобы сдѣлать эти цѣнности продуктивными, приносящими ренту, вы должны отправиться въ совершенно другія, съ европейскими порядками, страны. А при тѣхъ опредѣленныхъ историческихъ условіяхъ, въ которыя вы переселились, у васъ нѣтъ къ этому никакой возможности.

Мало того, теперь, обладая цѣнностями, полученными въ обмѣнъ за лукъ— дичью, шкурой, золотымъ слиткомъ,—вы оказались въ еще худшемъ положеніи, чѣмъ раньше, такъ какъ лукъ, по крайней мѣрѣ, помогалъ вамъ въ вашей охотничьей практикѣ.

Запомните же твердо, господинъ Шульце, то рѣшающее и отличительное, что мы замѣтили при разсмотрѣніи этого случая: есть историческія состоянія, при которыхъ имѣются орудія труда, при которыхъ существуетъ даже обмѣнъ, но при которыхъ тѣмъ не менѣе еще нѣтъ капитала. Но, можетъ быть, въ виду нашихъ предыдущихъ разсужденій вы сами скажете: здѣсь, хотя и есть орудія труда, еще нѣтъ капитала, такъ какъ нѣтъ раздѣленія труда; поэтому орудіе труда можетъ быть продуктивнымъ только въ рукахъ самого рабочаго.

Отсюда уже вытекаетъ положеніе: самостоятельная продуктивность капитала, его продуктивность при разъединеніи съ трудомъ возможна только при системѣ раздѣленія труда, и является ея послѣдствіемъ.

Но теперь бросьте взглядъ на цивилизованныя государства древности. Здѣсь уже господствуетъ, какъ бы ни было оно ничтожно въ сравненіи съ современнымъ, извѣстное раздѣленіе труда и большое богатство. Но вы видите, что античный собственникъ соединяетъ въ своемъ владѣніи: земельную собственность, рабовъ и всѣ продукты и орудія ихъ труда.

„Капиталистъ“-ли этотъ человѣкъ? Нѣтъ, господинъ Шульце! Скажете-ли вы о древнемъ персидскомъ шахѣ, которому принадлежала вся земля,

ему подвластная, со всѣми ея богатствами и людьми: этотъ человѣкъ былъ крупный „капиталистъ“?

Конечно, нѣтъ! Вы этого не скажете, такъ какъ чувствуете, что онъ былъ чѣмъ-то большимъ.

Также обстоитъ дѣло и съ античнымъ собственникомъ. Тотъ, кому принадлежитъ, на правахъ собственности, не только орудіе труда, но и самъ рабочій, не можетъ быть „капиталистомъ“, такъ какъ его участіе въ доходѣ общественнаго производства основывается не на обладаніи орудіемъ труда, а на обладаніи самимъ работникомъ. Рабъ, посредствомъ котораго онъ осуществляетъ трудъ, для него только другой рычагъ, а рычагъ— только другой рабъ.

Это отсутствіе разграниченія и различія является причиной того, что здѣсь существуютъ господа, но не капиталисты, цѣнности и богатства, но не капиталы.

Вы можете прослѣдить это дальше, если примете во вниманіе реальныя характерныя черты античнаго хозяйства. Античный земле- и рабовладѣлецъ производятъ прежде всего преимущественно потребительныя цѣнности для нуждъ собственнаго хозяйства. Избытокъ ихъ, или, если онъ фабрикуетъ ихъ посредствомъ рабовъ только для продажи,—что, однако, составляетъ исключеніе и встрѣчается только среди гражданъ низкаго состоянія,—пріобрѣтенные этимъ способомъ продукты, онъ продаетъ. На вырученныя за нихъ деньги покупаетъ онъ продукты роскоши всѣхъ доступныхъ ему поясовъ, пурпуръ и янтарь, для собственнаго потребленія. Обмѣнъ и торговля уже развиты и распространены. Но золото, остающееся у него за удовлетвореніемъ его потребностей въ роскоши, онъ если не употребляетъ на покупку земельной собственности и рабовъ, т. е. опять-таки на расширеніе своего натуральнаго хозяйства, въ которомъ онъ является „господиномъ“, а не „капиталистомъ“, то сберегаетъ для позднѣйшаго употребленія на предметы роскоши. Онъ копитъ казну, хотя бы въ видѣ золотой и серебряной утвари. Пустить золото въ оборотъ, вложивъ его въ чужое производство, для него сначала и еще много позднѣе даже не представляется случая.

Дѣло въ томъ, что это чужое производство въ свою очередь естественно выросло изъ избытка собственнаго натуральнаго хозяйства этого другого производителя, и потому еще не нуждается въ современной системѣ кредита, которая можетъ образоваться только въ обществѣ, производящемъ исключительно мѣновыя цѣнности.

Когда же начинаютъ сами собой представляться случаи для такого помѣщенія капитала, противъ него возстаютъ моральныя воззрѣнія народа,

которыя въ свою очередь являются слѣдствіемъ только что описаннаго, до тѣхъ поръ господствовавшаго, а въ то время, о которомъ мы говоримъ, все еще преобладающаго, экономическаго состоянія.

Отсюда,—замѣтимъ мимоходомъ,—вы понимаете, почему процентъ на капиталъ съ такимъ трудомъ завоевывалъ себѣ право гражданства въ воззрѣніяхъ древнихъ народовъ, почему онъ считался позорнымъ и недостойнымъ свободнаго человѣка, неприличнымъ въ античномъ смыслѣ.

Если Аристотель. Цицеронъ, Сенека, отцы церкви и каноническое право считаютъ процентъ на капиталъ постыднымъ и приравниваютъ его къ ростовщичеству, если еще въ римской республикѣ взиманіе процентовъ запрещалось закономъ, если Катонъ восхваляетъ законъ предковъ, по которому воръ подлежитъ двойной, взимающій проценты четверной пенѣ, а католическая церковь лишала взимающихъ проценты причастія, права завѣщанія и церковнаго погребенія, и если Іеремія Бентамъ, а съ нимъ вся либеральная экономія, наоборотъ, усматриваютъ въ ростовщичествѣ святѣйшее неотъемлемѣйшее естественное право человѣка, то эти столь рѣзкія противорѣчія объясняются и разрѣшаются теперь какъ нельзя проще.

Юристъ, говорятъ римскіе юристы, обращаетъ вниманіе лишь на „id quod plerumque fit“, „то, что бываетъ въ большинствѣ случаевъ“. О нравственныхъ воззрѣніяхъ народа, порожденныхъ его экономическимъ состояніемъ, съ еще большимъ правомъ можно сказать, что они принимаютъ во вниманіе лишь „то, что бываетъ въ большинствѣ случаевъ“.

Займы давали и въ древности, какъ въ наше время. Но такъ какъ въ древности очень долго не было или почти не было повода и случая вкладывать ссуду въ чужое производство, которое основывалось на собственномъ натуральномъ хозяйствѣ и его естественномъ ростѣ, то пока эти отношенія господствовали или хотя бы только преобладали, ссуда въ большинствѣ случаевъ требовалась только для потребительныхъ цѣлей. Ее искали, стало быть, только въ виду личной нужды или стѣсненія, хотя бы это было стѣсненіемъ римскаго эдила, который вздумалъ на свой счетъ обить народный циркъ пурпуромъ, но не обладаетъ достаточной для этого суммой.

Наживаться на ссудѣ, сдѣланной для чисто потребительныхъ цѣлей, отъ которой должникъ отнюдь не становится богаче, эксплуатировать личную нужду и стѣсненіе человѣка во всякомъ случаѣ постыдно, что и чувствовали вполнѣ справедливо древность и церковь.

Наоборотъ, въ наше время, хотя и нѣтъ недостатка въ ссудахъ для потребительныхъ цѣлей, но далеко преобладаютъ продуктивныя ссуды, займы, которые дѣлаются должникомъ для помѣщенія въ производительное

предпріятіе. Правда, и такой заемъ возникаетъ изъ стѣсненія, но это стѣсненіе заключается лишь въ невозможности сдѣлаться еще богаче и вполнѣ естественно поэтому, что кредиторъ рѣшается полюбовно раздѣлить это стѣсненіе съ должникомъ. Иными словами: продуктивная ссуда есть экономическое участіе въ доходѣ предпріятія [1]), и противуположность античнаго и буржуазнаго воззрѣній на взиманіе процентовъ — воззрѣній, которыя опредѣляются экономической природой ссуды соотвѣтственныхъ эпохъ, находитъ, такимъ образомъ, при правильномъ историческомъ освѣщеніи, свое естественное объясненіе.

Итакъ, когда случаи продуктивнаго помѣщенія денегъ въ видѣ ссуды начинаютъ представляться все чаще и чаще, сильной помѣхой для ихъ распространенія въ практикѣ еще долго являются частью запрещеніе, частью нравственныя воззрѣнія народа. Помѣщеніе состоянія въ чужое производство, —а при помѣщеніи его въ собственное натуральное хозяйство античный владѣлецъ остается „господиномъ", но не „капиталистомъ",—составляетъ все еще лишь самую незначительную часть античныхъ помѣщеній капитала. „Почти все въ землѣ, но кое-что и въ процентѣ",—такъ еще характеризуется состояніе римскаго сенатора въ такую позднюю эпоху, какъ времена Плинія. Даже у такого богача, какъ Крассъ, имя котораго вошло въ поговорку,—древніе оцѣнивали его состояніе въ 7.000 талантовъ, что при величинѣ таланта, равной приблизительно 1.400 талерамъ, составитъ сумму въ 9.940.000 талеровъ,—даже у него, по словамъ Плутарха, перечисляющаго различныя статьи его состоянія, серебряные рудники, имѣнія и массы обработывающихъ ихъ рабовъ, дома и проч.,— „все это ничего не значило въ сравненіи съ цѣною его домашнихъ рабовъ; столько у него было и такихъ искусныхъ чтецовъ, писцовъ, пробирщиковъ серебряныхъ рудъ, надзирателей, служителей".

Почти всѣ эти рабы—потребительныя средства. Такія потребительныя средства, а не „капиталы", создаетъ античное хозяйство, которое въ своей дѣятельной формѣ является господскимъ, а не капиталистическимъ

[1]) Эта внутренняя природа ссуды очень оригинально обнаруживается въ одномъ, возникшемъ изъ Моисеевскаго запрещенія взимать проценты, обычаѣ русскихъ ортодоксальныхъ іудеевъ, о которомъ разсказываетъ Бонавентура Майеръ („Іудеи нашего времени", 1842 г., стр. 13 и слѣд.). Заимодавецъ выговариваетъ себѣ половину прибыли, и контрагенты опредѣляютъ ее предварительно какой-нибудь предполагаемой суммой. Если же позднѣе должникъ заявилъ, что предпріятіе не дало ему никакой прибыли, то можетъ не выплачивать условленной суммы, но за то лишается кредита въ будущемъ.

хозяйствомъ. Въ античномъ мірѣ есть орудія труда, потребительныя средства, цѣнности и богатства, но еще нѣтъ „капиталовъ“. Въ силу этой господствующей формы общаго состоянія, „продуктивности капитала“ не оказывается даже въ такихъ случаяхъ, когда, напр., отецъ Софокла занимается, при посредствѣ своихъ рабовъ, фабрикаціей мечей. Съ этой фабрикаціей, связанной съ торговлей, отпадаетъ сначала только характеръ натуральнаго хозяйства; но, съ одной стороны, это производство сохраняетъ характеръ господскаго, съ другой, оно связано вначалѣ только съ торговлей, которая, какъ мы уже замѣтили, въ то время достаточно развилась; теперь эти рабы производятъ всѣ предметы потребленія, нужные для владѣльца, въ формѣ мечей, предназначенныхъ для „обмѣна“ на эти предметы потребленія. Но всѣ эти мечи превращаются пока только въ потребительныя средства, или въ деньги, предназначенныя для покупки потребительныхъ средствъ, и, стало быть, представляютъ только эти послѣднія. Эти мечи еще не въ силахъ превратиться въ дѣятельную форму капитала, пріобрѣсть его свободную и самостоятельную продуктивность, его накопляющую процентъ на процентъ силу. Конечно, первый шагъ уже сдѣланъ посредствомъ этого фабричнаго производства мѣновыхъ цѣнностей. Но общій строй античнаго міра еще не даетъ осуществиться послѣдствіямъ этого перваго шага. Богатство и золото античнаго міра зародышъ капитала, который развился позднѣе. Но развитіе этихъ богатствъ въ специфическую и своеобразную форму капитала еще не совершилось.

Бросьте взглядъ на другую культурную эпоху. Посмотрите на средневѣковаго землевладѣльца, знатнаго сеньёра въ кругу его замковъ и усадебъ, его крѣпостныхъ, обязанныхъ и колоновъ, его деревень и городовъ, несущихъ самыя разнообразныя ленныя повинности. Былъ-ли этотъ человѣкъ капиталистъ?

Вы не должны, господинъ Шульце, раздѣлять грубое, широко распространенное представленіе, будто въ то время жили только продуктами земледѣлія! Производство было довольно развито, роскошь значительна, потребительныя средства многочисленны, разнообразны и утонченны. Прочтите, напр., оставленное миннезингеромъ, рыцаремъ Ульрихомъ фонъ-Лихтенштейномъ (тринадцатаго столѣтія) описаніе пріема въ покояхъ его жены. „Чистая, — говоритъ онъ въ этомъ стихотвореніи, — сидѣла на постели, приняла меня скромно и привѣтствовала. На доброй была малая сорочка, сверху шарлаховая сукенія, подбитая горностаемъ; ея плащъ былъ зеленаго цвѣта, подъ нимъ красивая cЬürsen съ довольно широкой накидкой. Восемь женщинъ, тоже хорошо одѣтыхъ, стояли подлѣ нея; на кро-

вати лежалъ бархатный матрацъ, на немъ двѣ шелковыя простыни, сверху пышное одѣяло, на которомъ дорогой тюфякъ и двѣ прелестныя подушки. Самой кровати совсѣмъ не было видно, нѣсколько хорошихъ ковровъ служили ей балдахиномъ; въ ногахъ постели горѣли двѣ большія свѣчи въ подсвѣчникахъ, а по стѣнамъ висѣло не менѣе сотни свѣчей“.

Или прочтите его описаніе собственной поѣздки по странѣ въ роли Frau Venussin: „Здѣсь я провелъ зиму и заказалъ себѣ женскія платья, двѣнадцать юбокъ и тридцать рукавовъ къ малымъ сорочкамъ: кромѣ того пріобрѣлъ двѣ косы, и перевилъ ихъ жемчугомъ, въ которомъ оказалось множество поддѣльныхъ жемчужинъ; сшили мнѣ также бѣлый бархатный плащъ. Сѣдла были серебристо-бѣлыя, и мастеръ вложилъ въ нихъ много прилежанія и труда, къ нимъ чепраки изъ бѣлаго сукна, длинные, мастерской работы; уздечки тоже были превосходныя. Для двѣнадцати оруженосцевъ сшили хорошее платье изъ бѣлаго сукна, сдѣлали мнѣ также сотню серебристобѣлыхъ копій; все, что было на моихъ, было бѣлое какъ снѣгъ; шлемъ у меня былъ бѣлый и бѣлый щитъ: изъ пяти кусковъ бѣлаго бархата я велѣлъ сшить три покрывала съ гербами для моего коня, мое гербовое платье должно было имѣть видъ юбки со складками, изъ бѣлаго сукна“.

Какъ видите, господинъ Шульце, тогда ни въ чемъ себѣ не отказывали. Былъ-ли обладатель всѣхъ этихъ прекрасныхъ вещей, былъ-ли средневѣковой землевладѣлецъ капиталистомъ?

Отнюдь нѣтъ! И я надѣюсь постепенно доказать вамъ это относительно среднихъ вѣковъ, если вы будете внимательно читать меня, такъ же ясно, какъ относительно древности.

Рабство уничтожено, а замѣстившее его крѣпостное право смягчается въ теченіе среднихъ вѣковъ въ систему личной несвободы самыхъ разнообразныхъ степеней, въ мозаику повинностей. Это именно опредѣляетъ специфическій типъ средневѣковья.

Я уже объяснилъ въ другомъ мѣстѣ, что средніе вѣка характеризуются въ историко-философскомъ отношеніи обособленностью. Не весь человѣкъ, а его воля и особые акты его воли признаются частной собственностью. Это создаетъ въ экономической области систему особыхъ повинностей, систему правовыхъ отношеній особыхъ лицъ къ особымъ лицамъ, которая разрѣшается особенными продуктами (потребительныя цѣнности въ отличіе отъ всеобщей мѣновой цѣнности: денегъ); т. е. это даетъ систему средневѣковыхъ натуральныхъ услугъ и натуральныхъ повинностей.

Этимъ вполнѣ опредѣляется преобладающій характеръ средневѣковаго хозяйства и производства.

Разсмотрите поближе, хотя бы только бѣгло, хозяйство средневѣковаго феодальнаго землевладѣльца.

Независимо отъ труда крѣпостныхъ, поля его обработываются конной и ручной тягловой работой, опредѣленной и неопредѣленной барщиной, несвободными и свободными колонами всѣхъ степеней; такъ какъ даже свободные mansi (крестьянскіе дворы) обязаны ему барщиной: только несвободные отбываютъ ее три дня въ недѣлю, а свободные пять — шесть недѣль въ годъ.

Но оставимъ въ сторонѣ земледѣліе.—Однако, нѣтъ такого рода услугъ, которыя при ленной системѣ, не отбывались бы для него натурой несвободными и свободными mansi, и повинными ему, въ различной степени, мѣстечками и горожанами маленькихъ городовъ.

Перенесемся мысленно въ день полученія доходовъ, когда благородный феодальный владѣлецъ принимаетъ слѣдуемые ему сборы. Усадьба кишитъ рожью, ячменемъ, курами, быками, свиньями, яйцами, масломъ коровьимъ и растительнымъ, фруктами, воскомъ, свѣчами, медомъ,—все это приносятъ ему обязанные; тутъ есть даже пирожное, букеты цвѣтовъ и chapeaux de rose! Портные, сапожники подвластнаго городка—вспомнивъ правило: nulle terre sans seigneur—приносятъ ему платье и башмаки, изготовленные для него и его людей въ теченіе той недѣли, когда они обязаны работать на него. Перчаточники, мастера, изготовляющіе кубки, и плотники также обязаны работать на него безъ платы (sine mercede); кузнецы, слесаря доставляютъ ему цѣпи и стрѣлы, а сверхъ того извѣстное количество подковъ и гвоздей. Въ болѣе раннюю эпоху средневѣковья можно было даже найти въ самихъ усадьбахъ ремесленниковъ и мастеровъ всякаго рода. Мясники, кожевники, бондари, скорняки, каретники, разносчики, архитекторы, каменотесы и каменщики, живописцы и проч., даже купцы, ювелиры и рѣзчики по дереву, вообще всякаго рода ремесленники, жившіе въ предѣлахъ мѣстности, подчиненной землевладѣльцу, должны были поставлять ему въ усадьбу по одному представителю—„von einem ieklichen antwergke ein antwergmann“ („отъ каждаго ремесла одинъ ремесленникъ“)—и если въ позднѣйшія времена средневѣковья ремесленники и мастера уже не живутъ непосредственно въ бургахъ, то все же, въ воспоминаніе о прежнихъ отношеніяхъ или въ уплату за свои mansi и ленныя имѣнія, они обязаны поставлять владѣльцу продукты своей ремесленной дѣятельности: всякаго рода кожи, ножницы и щипцы, мотыки и топоры, кубки, всевозможную посуду, сѣдла и

другую утварь. Если мясникъ продаетъ быка, то языкъ и ноги онъ обязанъ доставить господину; подобная же дань поступаетъ въ его пользу съ вина, пива и другихъ напитковъ. Но что ему дѣлать съ виномъ и пивомъ, если у него нѣтъ посуды? И вотъ, ему доставляются также бочки, простыя и на колесахъ, затычки для нихъ, обручи, блюда, котлы, желѣзные и мѣдные, а также гвоздь и другіе матеріалы для починки кровель. И погребщики „должны моему милостивому господину безвозмездно закупоривать вино и пиво", и шинкари обязаны „моему милостивому господину всѣ винныя и пивныя бочки безвозмездно мѣрять".

И кузнецы обязаны доставлять ему шпоры, а ткачи—скатерть въ шесть локтей длиною и „утиральникъ".

Какъ вы можете представить себѣ, господинъ Шульце, женщины не отстаютъ отъ мужчинъ въ всеобщемъ стараніи хорошо устроить хозяйство этого человѣка.

Жена каждаго колона обязана доставить кусокъ полотна и кусокъ шерстяной ткани, готовить солодъ и печь хлѣбъ. Нѣкоторыя женщины должны поставлять готовыя платья, и притомъ изъ своего матеріала, другія обязаны только работой; а потому другіе mansi должны поставлять, кромѣ поросятъ, льняного сѣмени, чечевицы и т. д., также льняное волокно для его рабочихъ. Рыбаки обязаны доставлять ему форель и другую рыбу („Dienstfische"), наловленную ими въ теченіе извѣстнаго періода времени; а также возить его по рѣкѣ въ лодкѣ, куда онъ захочетъ, но привилегіей служить гонцами, если ему понадобится написать письмо, отправлять для него почтовую службу, пользуются мясники.

Я могъ бы еще долго, долго продолжать перечень этого хозяйственнаго инвентаря, господинъ Шульце, если-бъ не боялся васъ утомить.

Поэтому, приведу еще только нѣсколько примѣровъ, чтобъ показать вамъ, что вы дѣйствительно врядъ-ли придумаете какую-нибудь потребность, которая не удовлетворялась бы особой повинностью въ этой системѣ натуральнаго хозяйства. Каждая особенная потребность имѣетъ особаго обязаннаго, выполняющаго свою повинность in natura.

Кто изъ насъ нуждается въ совѣтѣ для своихъ дѣлъ, тотъ беретъ съ большими издержками адвоката. Но средневѣковой сеньёръ въ этомъ не нуждается: всѣ буржуа подвластныхъ ему коммунъ обязаны давать ему совѣты въ его дѣлахъ, прилагая къ нимъ все свое разумѣніе.

Мы за большую плату идемъ въ балетъ или другія увеселительныя мѣста. Но феодальный господинъ не нуждается въ этомъ. У него есть

вассалы, обязанные представлять пьяныхъ, или продѣлывать забавные прыжки, или развлекать его даму двусмысленной пѣсней.

Мы въ царствѣ особничества. Отсюда совершенно логически вытекаетъ необходимость позаботиться о каждомъ особенномъ вкусѣ, а такъ какъ вкусъ вообще нѣчто совсѣмъ особенное—такъ что о немъ и не спорятъ, по народной поговоркѣ,—то можетъ случиться, хотя я надѣюсь, что это случалось не часто, что найдется человѣкъ съ совсѣмъ особеннымъ вкусомъ, которому будетъ желательно... какъ бы передать это?—ну, желательно услышать „pet". И на этотъ случай найдется въ числѣ подвластныхъ молодая дѣвушка, на которую возложена феодальная обязанность, въ день сбора доходовъ при всемъ собраніи дать услышать „pet".

Теперь вамъ должно быть совершенно ясно, господинъ Шульце, положеніе этого человѣка.

Онъ очень, очень богатый человѣкъ. Но онъ не можетъ—и въ этомъ его несчастье, въ сравненіи съ вашимъ другомъ Рейхенгеймомъ, и отличіе отъ этого послѣдняго — онъ не можетъ капитализировать „pet"! Ни его, ни козлиные прыжки, ни почтовую службу, а также ни воскъ, ни яйца, ни куръ, ни медъ, ни быковъ, ни блюда, ни тарелки, ни ленъ, ни полотно, ни кубки, ни обручи, ни бочки, ни шкуры, ни котлы, ни форель, ни шерстяныя матеріи, ни вино, ни пиво, ни сѣдла и проч., и проч., ни услуги шинкарей, погребщиковъ, каретниковъ, кожевниковъ, каменщиковъ, кузнецовъ, ювелировъ, рѣзчиковъ, живописцевъ и проч., и проч.

Со всѣми этими вещами онъ можетъ жить пышно и, дѣйствительно, живетъ пышно и въ полное свое удовольствіе! Такъ какъ совершенно правильно говоритъ Мауреръ: „Въ такое время, когда поэзія еще не исчезла изъ жизни, какъ нынѣ, когда ея мѣсто занялъ все взвѣшивающій холодный разсудокъ—въ такое время каждый чувствовалъ потребность, проведя день въ охотѣ, разъѣздахъ, военныхъ упражненіяхъ или въ другихъ болѣе серьезныхъ занятіяхъ, развлечься вечеромъ музыкой и танцами или по крайней мѣрѣ веселой компаніей",—и приводитъ прекрасные стихи Тристана (ст. 3725—30).

„tages so sul'wir riten, jagen,
des nahtes uns hie heime tragen,
mit hovischlichen Dingen:
harpfen, videlen, singen,
daz kanstu wohl, daz tu du mir,
so kann ich spiel, daz tun ich dir!" [1])

---

[1]) „Днемъ должны мы ѣздить, охотиться, а къ ночи возвращаться

Онъ можетъ проживать всѣ эти средства, которыя въ изобиліи окружаютъ его, и расточаетъ ихъ добросовѣстно, щедрой рукой, проживаетъ ихъ беззаботно и весело и потому съ гораздо болѣе благодушнымъ настроеніемъ, чѣмъ нынѣ, когда, какъ вамъ хорошо извѣстно, вашего друга Леонора Рейхенгейма даже въ оперѣ, въ то время какъ онъ слушаетъ Моцарта и Бетховена, внезапно охватываетъ мысль о капитализированіи и отравляетъ ему удовольствіе.

Но онъ только и можетъ проживать эти потребительныя средства или сохранять ихъ для будущаго потребленія, и не можетъ предоставить имъ наростать изъ самихъ себя.

Существенная черта его положенія заключается именно въ томъ, что онъ имѣетъ дѣло съ особенными потребительными цѣнностями или, что то же, службами; но еще не противустоитъ общей мѣновой цѣнности, деньгамъ, не видитъ лицомъ къ лицу Бога-Отца. „Служба была той общей связью, которая соединяла всѣхъ членовъ государства другъ съ другомъ и съ его главою“, справедливо говоритъ Мауреръ („Geschichte der Frohnhöfe“, I, 376). И въ самомъ дѣлѣ, если бы въ безсмысленномъ изобрѣтеніи Бастіа относительно „услуги“ была какая-нибудь правда, то именно для среднихъ вѣковъ—но, конечно, въ совершенно другомъ смыслѣ и значеніи, чѣмъ у Бастіа—поскольку тогда еще не существовала мѣновая цѣнность, тогда какъ у этого фантазера она должна быть именно принципомъ мѣновой цѣнности.

Даже денежныхъ сборовъ, получаемыхъ этимъ землевладѣльцемъ, хотя они начинаютъ постепенно все болѣе и болѣе вытѣснять натуральныя повинности, хватаетъ только на пріобрѣтеніе изъ міровой торговли предметовъ роскоши, которые не производятся въ предѣлахъ его владѣній. И если бы даже у него оказался избытокъ денежныхъ сборовъ, то онъ не могъ бы ихъ умножить и капитализировать въ своемъ производствѣ. Такъ какъ въ силу его общаго устройства здѣсь все такъ прочно и крѣпко пригнано къ своему мѣсту, такъ устройчиво и неподвижно, благодаря системѣ опредѣленныхъ взаимныхъ служебныхъ и натуральныхъ повинностей, благодаря опредѣленности всѣхъ рабочихъ силъ, способовъ потребленія, обязанностей, натуральныхъ запросовъ и обязательствъ, что для такого помѣщенія и умноженія нигдѣ не найдется мѣста и возможности.

домой и заниматься пріятными вещами: игрой на арфѣ, флейтѣ, пѣніемъ,—ты это можешь, такъ дѣлай для меня, а я могу играть, и сдѣлаю это для тебя“.

Оказывается, напр., что выгодно засѣять поле пшеницей, вмѣсто ржи или кормовыми растеніями, клеверомъ и люцерной, вмѣсто пшеницы. Но на этомъ полѣ лежитъ повинность въ 10 мальтеровъ ржи, вслѣдствіе чего поле должно вѣчно воздѣлываться подъ рожь. Или оказывается, что было бы лучше выкорчевать лѣсъ для раздѣлки подъ пшеницу. Но въ силу взаимныхъ обязанностей, связывающихъ землевладѣльца съ колонами, общинами, церковью и проч., на этомъ лѣсѣ лежитъ такое множество всевозможныхъ натуральныхъ обязательствъ, что не приходится и думать объ этой разработкѣ. Обособленность, связанная съ системой особенныхъ служебныхъ и натуральныхъ повинностей, необходимо создаетъ германскую собственность или раздѣленную собственность (въ юридическомъ смыслѣ верховной и подчиненной собственности, владѣнія и пользованія), и никакая перемѣна системы хозяйства и усиленіе производительности невозможны, хотя бы и нашлись для того деньги, такъ какъ все приколочено крѣпкими сваями.

Не думаете-ли вы, что въ городахъ было иначе?

На первый взглядъ, конечно, средневѣковой бюргеръ и мастеръ въ городахъ находятся въ совершенно иномъ положеніи, чѣмъ знатный землевладѣлецъ.

Но въ дѣйствительности тоже самое направленіе мысли приводитъ къ тому же самому результату, хотя и скрытому въ другихъ формахъ.

Я оставлю въ сторонѣ болѣе раннюю эпоху средневѣковья, когда и въ городахъ патриціи производили посредствомъ крѣпостныхъ ремесленниковъ, такъ что въ основаніи этого производства также лежало простое господство. Я займусь только позднѣйшимъ временемъ, когда развилась цеховая организація. И здѣсь я не стану входить въ подробности, чтобы не утомить васъ.

Но и при самомъ бѣгломъ взглядѣ для васъ ясно станетъ слѣдующее:

Цеховой мастеръ, который обладаетъ правомъ мастера, потому что его отецъ уже былъ скорнякомъ [1]), или потому, что онъ гражданинъ этого города, или потому, что онъ удовлетворяетъ какимъ-либо другимъ требованіямъ, съ пестрымъ множествомъ которыхъ средневѣковые цеховые уставы связываютъ право мастера, осуществляетъ свое производство на основаніи особеннаго права. Стало быть, онъ съ самаго начала стоитъ на одной

---

[1]) Такъ, напр. въ 1352 г. булочные цехи восьми городовъ, въ томъ числѣ Франкфуртъ на Майнѣ, постановили, въ заключенномъ между ними трактатѣ, наказывать штрафомъ мастера, который обучилъ булочному мастерству мальчика, родившагося не для этого мастерства; см. Kriegk, Frankfurter Bürgerzwiste und Zustände im Mittelalter.

принципіальной почвѣ съ землевладѣльцемъ: доходы его производства вытекаютъ изъ особаго полномочія, онъ получаетъ ихъ на основаніи особаго права, привилегіи, а не какъ нынѣшній фабрикантъ, на основаніи фактическихъ отношеній.

Но если онъ привилегированъ, т. е. надѣленъ преимуществомъ, какъ особенное лицо, то рядомъ съ нимъ необходимо стоятъ, — это заключено въ самомъ понятіи особеннаго,—другія особенныя лица, также надѣленныя преимуществами, какъ особенныя лица, особенное право которыхъ поэтому всюду суживаетъ, пересѣкаетъ, ограничиваетъ его особенное право, нигдѣ и никогда не давая ему возможности вырваться на волю и развиваться.

Изъ этого простого опредѣленія понятія вытекаютъ всѣ безчисленныя предписанія насчетъ матеріала, который позволительно обрабатывать производителю, методовъ труда, которымъ онъ долженъ слѣдовать, способовъ производства, которые онъ долженъ примѣнять, рабочихъ часовъ, которыми онъ долженъ ограничиваться, заработной платы, которую онъ долженъ платить, качества продуктовъ, которые онъ долженъ производить, цѣнъ и ихъ максимумовъ, которыми онъ долженъ довольствоваться и проч., и проч. Чтобы найти всѣ эти и множество другихъ ограниченій [1]), вамъ стоитъ только заглянуть въ статуты и ордонансы среднихъ вѣковъ. Въ случаѣ надобности я могъ бы вамъ предложить богатый букетъ. Но здѣсь я разсмотрю только два ограниченія, которыя общеизвѣстны и одни стоятъ всѣхъ остальныхъ.

Мастеръ обладаетъ правами мастера, какъ особенное лицо, особоуполномоченный. Но въ силу этого ему необходимо противустоятъ двѣ группы тоже особоуполномоченныхъ лицъ. Во-первыхъ, группа всѣхъ остальныхъ ремеслъ, мастера которыхъ такіе же особоуполномоченныя лица, какъ и онъ, а потому ни одинъ мастеръ не можетъ соединить въ своихъ рукахъ двѣ отрасли какого-либо ремесла, хотя бы онѣ были близко сродны между собою и ихъ соединеніе требовалось для производства. Во-вторыхъ, противостоятъ всѣ мастера его ремесла, какъ такіе же особоуполномоченные, и потому онъ не долженъ употреблять больше рабочихъ силъ, чѣмъ любой другой мастеръ въ томъ же городѣ, т. е. число помощниковъ, которое можетъ имѣть мастеръ, установлено закономъ для каждаго города и каждаго ремесла.

---

[1]) Попадаются забавные случаи; приведу только одинъ примѣръ: въ Вьеннѣ ордонансомъ Карла VI, отъ мая 1391 г., ст. 52 постановлено было, что виноторговцы до Мартинова дня могутъ продавать вино только за половину цѣны стараго вина, а послѣ Мартинова дня только владѣльцамъ кабаковъ.

Само собою ясно, что уже эти два постановленія не позволяютъ и думать о капитализаціи дохода производства.

Самыя остроумныя изобрѣтенія должны разбиваться уже объ это юридическое разграниченіе различныхъ отраслей того же производства, не допускающее ихъ соединенія въ рукахъ одного и того же фабриканта; этимъ самымъ поставлено препятствіе удешевленію производства, а черезъ это и массовому производству, а черезъ это дальнѣйшему удешевленію. И если бы, несмотря на все это и несмотря на всѣ ограничительные законы, которые стоятъ поперекъ дороги промышленному производителю въ отношеніи пріобрѣтенія матеріаловъ, выбора работъ, цѣнъ и проч., и проч., ему удалось бы получить больше дохода, чѣмъ его сосѣду, что могъ бы онъ предпринять съ этимъ доходомъ своего производства?

Онъ не можетъ съ пользою вложить его въ свое производство, такъ какъ не можетъ увеличить свои рабочія силы, установленное статутомъ для всѣхъ такихъ мастеровъ число подмастерьевъ, и, слѣдовательно, не можетъ расширить производство. На томъ же основаніи не можетъ онъ и ссудить его сосѣднему мастеру и другимъ мастерамъ въ различныхъ производствахъ, такъ какъ и они по той же причинѣ не могутъ расширять свое производство.

Такимъ образомъ, и въ промышленномъ производствѣ среднихъ вѣковъ уничтожена капитализирующая сила дохода производства. Талеръ, полученный мастеромъ, мертвый талеръ,—талеръ, который не размножается. Онъ какъ нельзя лучше годится для пріобрѣтенія потребительныхъ средствъ или для того, чтобы быть отложеннымъ въ кубышку въ видахъ будущаго потребленія. Но живой, производящей силы онъ еще не пріобрѣлъ. Такимъ образомъ, и въ промышленности, какъ у землевладѣльца, доходъ производства сводится къ потребительнымъ средствамъ.

Есть только одна область въ средніе вѣка, въ которой капиталъ, какъ таковой, начинаетъ развиваться. Это міровая торговля, главнымъ образомъ при посредствѣ Венеціи и съ Востокомъ. Здѣсь, въ позднѣйшую эпоху средневѣковья, эти ограничительныя постановленія статутовъ частью отмѣняются; частью же, хотя и остаются, но оказываются безсильными подрѣзать въ корнѣ жизненную, воспроизводящуюся въ постоянно умножающихся предпріятіяхъ, мощь капитала.

Когда португальцы открыли путь въ Индію вокругъ мыса Доброй Надежды, домъ Фуггеровъ въ Аугсбургѣ нажилъ на одной экспедиціи, кромѣ 100.000 дукатовъ, окупившихъ издержки, 175.000 дукатовъ чистой прибыли (175 процентовъ!). Къ чудовищнымъ барышамъ этой міровой тор-

говли присоединяются развившіеся изъ нихъ барыши ростовщичества, которое въ средніе вѣка долгое время практиковалось, какъ залоговое и земельное ростовщичество.

Въ этой связи событій сама собою обнаруживается естественная историческая причина возникновенія ранней меркантильной системы, т. е. той экономической школы, которая усматриваетъ капиталъ страны исключительно въ ея деньгахъ. Это воззрѣніе просто выведено изъ вышеизображенной исторической дѣйствительности, какъ позднѣе промышленная система (Адамъ Смитъ и проч.).

Такъ античный зародышъ капитала въ средніе вѣка постепенно превращается въ ребенка и юношу и созрѣваетъ для того момента, когда наберется силъ, чтобы разбить оковы и выступить взрослымъ мужемъ, развитымъ капиталомъ!

Къ этому ведутъ всѣ событія, все гражданское развитіе, всякое изобрѣтеніе и открытіе, всякій успѣхъ раздѣленія труда, всякое сокращеніе издержекъ производства, всякое расширеніе сбыта, наконецъ, орудія производства, которыя при старыхъ условіяхъ просто не могутъ производить!

Такъ постепенно окрѣпшій юноша разбиваетъ, наконецъ, свои оковы, разражается французская революція, всѣ правовыя ограниченія и установленія исчезаютъ, свободная конкуренція завоевана, и освобожденный гигантъ „капиталъ“ впервые встаетъ въ своей развитой, живой дѣйствительности. Буржуазная „свобода“ завоевана, и эта свобода заключается въ томъ, что всѣмъ безъ различія закономъ дозволено становиться милліонерами!

Разсмотримъ, какъ можно короче, отличительныя черты этого новаго періода, на которыхъ основывается капитализирующая сила производства, и которыя всѣ объединяются въ общей физіономіи свободной конкуренціи и изъ нея же вытекаютъ.

Буржуазный производитель уже не стоитъ, ни въ промышленномъ, ни въ земледѣльческомъ производствѣ, на почвѣ особыхъ привилегій. Всѣ правовыя различія и условія исчезли и поглощены однимъ чисто фактическимъ условіемъ: имѣть въ рукахъ необходимую для производства заручку, капиталъ. Такъ какъ всѣ ограниченія въ производствѣ исчезли, то успѣхи раздѣленія труда достигаютъ своего кульминаціоннаго пункта, и производство разлагается на безконечный рядъ частичныхъ операцій и массовое производство для міроваго рынка, разрѣшающееся мѣновой цѣнностью, такъ что каждый теперь, какъ мы уже сказали, производитъ то, чего не потребляетъ и не можетъ потребить. Такимъ образомъ, въ противоположность

услугамъ и производству непосредственныхъ потребительныхъ цѣнностей (натуральное производство) среднихъ вѣковъ, вещи постоянно снова и снова проходятъ въ своемъ обращеніи сквозь денежную форму, и мѣновая цѣнность становится реальнымъ бытіемъ вещей, тогда какъ ея подлинное реальное бытіе, потребительная цѣнность, отступаетъ блѣднѣющей тѣнью, которая не находитъ больше мѣста въ системѣ экономическихъ отношеній. Ясно также, что теперь это происходитъ и въ земледѣльческомъ производствѣ такъ же, какъ въ промышленномъ, которое накладываетъ свою печать на всѣ отношенія вѣка. Кто производитъ хлѣбъ не для собственнаго потребленія и ближайшихъ мѣстъ сбыта, а для мірового рынка, и не можетъ исполнять свои обязательства въ формѣ натуральныхъ повинностей, тотъ—будетъ-ли это крупный производитель, работающій съ крупнымъ капиталомъ съ цѣлью вернуть свои крупныя затраты и издержки и исполнить свои крупныя обязательства, или мелкій, съ маленькимъ кругомъ отношеній и еще болѣе гнетущими его обязательствами—находится въ зависимости отъ отмѣтокъ хлѣбной биржи въ Лондонѣ и Амстердамѣ, въ Берлинѣ, Кёльнѣ и Парижѣ, такъ что оба они, крупный и мелкій, производятъ въ этихъ жизненныхъ припасахъ только мѣновыя цѣнности, а производство для собственныхъ нуждъ или производство потребительныхъ цѣнностей и здѣсь умаляется въ блѣдную, исчезающую тѣнь.

Ясно также, что законъ Рикардо [1]), по которому цѣна продуктовъ равна издержкамъ ихъ производства, именно теперь, а не въ средневѣковомъ производствѣ, становится всеобъемлющей истиной. При средневѣковомъ цеховомъ устройствѣ цѣны зависѣли въ значительной степени отъ рѣшенія производителей, которые могли довольствоваться установленною прибылью, и при ограниченномъ сбытѣ, возможномъ для каждаго въ силу ограниченія рабочихъ силъ, не имѣли повода отступать отъ такого порядка. Частые случаи установленія максимальныхъ цѣнъ показываютъ даже, что они слишкомъ крѣпко держались за этотъ интересъ. Подъ нивеллирующимъ

---

[1]) Этотъ законъ издержекъ производства, котораго Ж. Б. Сэй никогда не могъ понять и противъ котораго онъ разражался такими скучными діатрибами какъ въ примѣчаніяхъ къ Рикардо, такъ и въ перепискѣ съ нимъ, былъ обстоятельно разъясненъ еще до Адама Смита старымъ шотландскимъ экономистомъ, сэромъ Джемсомъ Стьюартомъ, съ той большой разницей, однако, что Стьюартъ считаетъ еще прибыль на капиталъ и земельную ренту особыми элементами издержекъ производства, тогда какъ у Рикардо они тоже сводятся къ количествамъ рабочаго времени.

господствомъ свободной конкуренціи это измѣняется. Каждый старается продать дешевле другого, чтобы отбить у него покупателей, или самъ принуждается другимъ продавать дешевле, чтобы не отстать отъ него. Здѣсь, стало быть, цѣна продукта въ концѣ концовъ должна дѣйствительно понизиться до издержекъ производства. Это влечетъ за собой реальную выгоду для потребителей или дешевизну. Но эта дешевизна, уменьшеніе прибыли на отдѣльную штуку или сбиваніе цѣнъ продавцами, осуществляется только благодаря увеличенію сбыта или числа штукъ, съ которыхъ продавецъ получаетъ прибыль, такъ что пониженіе нормы прибыли на отдѣльную штуку съ избыткомъ возмѣщается большимъ количествомъ штукъ, дающихъ прибыль. Но естественнымъ результатомъ этого является необходимость, въ видахъ расширенія сбыта, производства на большую ногу, болѣе значительнаго соединенія рабочихъ силъ въ однѣхъ и тѣхъ же рукахъ, заготовленія большей массы сырыхъ матеріаловъ, короче сказать—болѣе значительнаго запаса, болѣе крупнаго капитала. Иными словами: всякій капиталъ при господствѣ свободной конкуренціи имѣетъ естественное притяженіе къ крупному капиталу, который необходимо декапитализируетъ, привлекаетъ къ себѣ и поглощаетъ мелкій капиталъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, это постоянное расширеніе производства и его выгоды открываютъ путь для капитализирующей силы производства. Пріобрѣтенный сегодня въ производствѣ талеръ порождаетъ завтра другой талеръ; онъ сталъ живымъ талеромъ, онъ размножается въ силу закона обращенія.

Наконецъ, разъ всѣ и каждая отрасли производства, всѣ и каждый производители находятся въ этомъ положеніи и, слѣдовательно, всѣ нуждаются въ неограниченномъ расширеніи капитала, вложеннаго въ дѣло, или способны къ такому расширенію,—развивается чрезвычайно сложная система кредита, которая даетъ возможность всякому обладателю капитала, совсѣмъ или временно излишняго въ его собственномъ производствѣ, помѣстить его съ выгодой въ чужое производство въ различныхъ формахъ: ссуды, векселей, паевъ, акцій и проч.

Таковы, въ самомъ сжатомъ очеркѣ, какой только и возможно здѣсь дать, существеннѣйшія черты производства, какъ таковаго, при господствѣ свободной конкуренціи.

Но до сихъ поръ мы разсматривали производителя только какъ производителя, т. е. въ его простомъ сжатомъ образѣ. Теперь, чтобъ лучше различить черты, которыя „свободная конкуренція“ запечатлѣваетъ на общественномъ производствѣ, разсмотримъ его въ его двойномъ реальномъ образѣ, какъ предпринимателя и какъ рабочаго.

Судьба того и другого естественно опредѣляется цѣною продукта при отчужденіи и той долей, которую свободная конкуренція отводитъ каждому изъ двухъ въ этомъ доходѣ производства.

Мы уже не разъ затрогивали и излагали этотъ законъ цѣны.

Цѣнность продуктовъ выступаетъ прежде всего какъ рыночная цѣна, т. е. она въ каждую данную минуту находится въ зависимости отъ отношенія предложенія этихъ продуктовъ къ спросу на нихъ.

Въ этомъ обнаруживается всеобщій законъ, который опредѣляетъ всѣ цѣны при свободной конкуренціи.

Но, какъ мы равнымъ образомъ уже видѣли, этотъ законъ, въ свою очередь, разрѣшается въ другой законъ, лежащій въ его основѣ и опредѣляющій это отношеніе,—законъ, въ силу котораго цѣна продуктовъ въ концѣ концовъ равна издержкамъ ихъ производства. Такъ какъ если предложеніе какихъ нибудь продуктовъ превыситъ спросъ настолько, что ихъ цѣна упадетъ ниже издержекъ производства, то производство прекратится или замедлится, пока не возстановится нормальное отношеніе.

Если же, наоборотъ, вслѣдствіе значительнаго спроса, рыночная цѣна продуктовъ въ теченіе продолжительнаго времени будетъ настолько высокой, что барыши въ этомъ производствѣ окажутся выше, чѣмъ въ остальныхъ, то капиталы, въ силу свободной конкуренціи, будутъ устремляться въ это производство и увеличивать предложеніе продукта до тѣхъ поръ, пока цѣна его не понизится снова до уровня необходимыхъ издержекъ производства.

Итакъ, необходимыя издержки производства, опредѣляя въ послѣдней инстанціи снабженіе рынка и отношеніе предложенія къ спросу, являются при свободной конкуренціи дѣйствительнымъ внутреннимъ закономъ, опредѣляющимъ цѣну продукта.

Но издержки производства, какъ мы опять-таки уже не разъ объясняли, только практическое выраженіе требующихся для изготовленія продукта количествъ рабочаго времени, къ которому свелъ ихъ Рикардо, что и является его блестящимъ научнымъ подвигомъ.

Количество рабочаго времени, требующагося для изготовленія продукта,—вотъ истинное мѣрило и масштабъ цѣнности, совѣсть буржуазнаго производства, хотя эта совѣсть обнаруживается всегда только въ ея оскорбленіяхъ, въ колебаніяхъ, на подобіе маятника, рыночныхъ цѣнъ, въ постоянныхъ слишкомъ много и слишкомъ мало.

Этотъ вѣчный обманъ рыночной цѣны,—вспомните то, что я говорилъ вамъ въ самомъ началѣ относительно азартной игры, въ которую превра-

тилось современное производство,—можетъ сопровождаться непріятными и разорительными послѣдствіями для отдѣльныхъ предпринимателей и капиталистовъ. Отдѣльный предприниматель или капиталистъ можетъ оказаться съ своимъ товаромъ на рынкѣ и быть вынужденнымъ сбывать его въ тотъ моментъ, когда маятникъ идетъ внизъ, и можетъ не оказаться на рынкѣ въ тотъ моментъ, когда маятникъ идетъ вверхъ. Но это касается отдѣльныхъ предпринимателей или капиталистовъ, а не всего класса предпринимателей или капитала, который именно въ этихъ маятникообразныхъ колебаніяхъ, уничтожающихъ мелкихъ предпринимателей и капиталистовъ и устраняющихъ ихъ конкуренцію, развиваетъ игру своихъ свободныхъ силъ и способность крупнаго капитала притягивать мелкіе.

Стало быть, для „капитала“ эти колебанія, въ среднемъ результатѣ, выравниваются въ ихъ опредѣляющемъ законѣ,—рабочемъ времени.

Итакъ, ни единый часъ рабочаго времени, ни одна капля пота рабочаго не пропадаютъ для класса предпринимателей или капитала въ цѣнѣ продуктовъ. Потребитель оплатитъ ему все, каждую каплю.

Если таково отношеніе предпринимателя къ потребителю, то какъ дѣлится доходъ производства предпринимателемъ—который при современной индивидуальной формѣ производства держитъ въ своихъ рукахъ какъ продуктъ, такъ и выручку за него—между нимъ самимъ и рабочимъ, какова окончательная доля того и другого?

Я уже сказалъ въ моемъ „Гласномъ отвѣтѣ“: средняя заработная плата при современныхъ условіяхъ производства съ желѣзною необходимостью ограничивается необходимыми при данныхъ народныхъ привычкахъ средствами къ существованію.

Вы тогда оспаривали это, вы и ваши приверженцы. Вы противупоставляли мнѣ утвержденіе, что величина заработной платы опредѣляется отношеніемъ спроса къ предложенію.—Это совершенно вѣрно. Но въ томъ то и заключается глубокое и отталкивающее лицемѣріе ваше, господъ Вирта, Фаухера, Михаэлиса и всей вашей шайки, что вы дѣлали видъ, будто говорите нѣчто иное, чѣмъ я, тогда какъ на самомъ дѣлѣ говорили то же самое, только другими словами.

Признавая, что заработная плата опредѣляется исключительно спросомъ и предложеніемъ, вы относитесь къ труду—и притомъ въ настоящее время съ полнѣйшимъ историческимъ правомъ—какъ къ товару.

Какъ цѣна всѣхъ другихъ товаровъ, такъ и цѣна труда (заработная плата) опредѣляется отношеніемъ спроса къ предложенію. Совершенно вѣрно. Но что же, въ свою очередь, опредѣляетъ эту всегдашнюю рыночную

цѣну всякаго товара или среднее отношеніе предложенія къ спросу для какого-либо предмета? Необходимыя издержки его производства, какъ мы только что видѣли и какъ вы, впрочемъ, мѣстами сами говорите.

Рынокъ очень своеобразная, нелюбезная, не эстетичная вещь, господинъ Шульце! „Фунтъ пряжи, собственноручно выпряденной ея милостью герцогиней,—говоритъ старый шотландскій экономистъ, сэръ Джэмсъ Стюартъ,—стоитъ на рынкѣ столько же, а не больше, чѣмъ фунтъ такой же пряжи, выпряденной бѣдной работницей, не проживающей и шести пенсовъ въ день“.

Для рынка рѣшительно все равно, что на немъ продается, китайскій фарфоръ или американскій хлопокъ, вонючія тюленьи шкуры, прекрасныя черкесскія рабыни или трудъ, т. е. европейскія рабочія руки. У него только одно мѣрило и одна совѣсть: спросъ и предложеніе, отношеніе которыхъ въ послѣдней инстанціи опредѣляется необходимыми издержками производства.

Во что же, въ среднемъ, можетъ обойтись рынку, господинъ Шульце, произвести рабочаго?

Но, очевидно, именно во столько, сколько нужно для того, чтобы обезпечить работнику съ семьей необходимѣйшія средства существованія! Дайте ему эти средства, и будьте покойны,—ребенка онъ уже самъ произведетъ, хотя и не ради предпринимателя. Его не нужно, какъ другихъ поставщиковъ товара для рынка, побуждать къ производству этого предмета надеждой на „прибыль“! Онъ поставляетъ его уже ради самого дѣла, разъ дѣло идетъ.

Регулируемая „свободной конкуренціей“ заработная плата или издержки производства труда заключаются, стало быть, именно — въ издержкахъ производства рабочаго! [1]).

Если войдетъ въ обычай пользоваться на фабрикахъ дѣтскимъ трудомъ, то рынокъ дѣлаетъ новый расчетъ. Онъ находитъ, что рабочему-отцу въ такихъ отрасляхъ производства незачѣмъ получать полностью средства

---

[1]) Буржуазная экономія отлично знаетъ это, и достаточно ясно изложила это соотношеніе. „Понижаютъ,—говоритъ Рикардо,—издержки производства шляпъ, и цѣна ихъ, наконецъ, падаетъ до ихъ естественной цѣны (стоимость издержекъ), хотя спросъ на шляпы можетъ удвоиться, утроиться или учетвериться. Понижаютъ издержки содержанія людей, уменьшая естественную цѣну пищи и одежды, необходимыхъ для существованія, и заработная плата падаетъ, хотя спросъ на рабочія руки можетъ значительно возрасти.

къ существованію, необходимыя для средней семьи, а можно удовольствоваться меньшимъ, такъ какъ дѣти сами зарабатываютъ свое содержаніе [1]).

Такъ говоритъ и дѣйствуетъ рынокъ! И онъ не можетъ говорить иначе, такъ какъ рѣчь его диктуется закономъ свободной конкуренціи, распространеніе котораго на всѣ моральныя и гуманистическія отношенія является боевымъ кличемъ и религіозной обязанностью васъ и вашей шайки!

Не требуется доказывать, что изъ всѣхъ поставщиковъ товара на рынокъ, работникъ, поставляющій товаръ-трудъ, находится въ самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ относительно конкуренціи. Что было бы съ продавцами товаровъ, еслибъ они не могли, въ случаѣ низкихъ цѣнъ, обусловленныхъ слабымъ спросомъ, выждать одну, двѣ, три недѣли?

Продавецъ товара-труда именно этого не можетъ сдѣлать. Онъ долженъ продавать подъ угрозой голода.

Колебанія маятника вверхъ наступаютъ, стало быть, для этого товара гораздо труднѣе и въ гораздо меньшей степени [2]), и если даже наступаютъ, то, дѣлая сильный толчокъ къ размноженію населенія, часто дѣлаютъ его положеніе еще болѣе печальнымъ, чѣмъ раньше.

Такъ же мало требуется упоминать о томъ, господинъ Шульцс, что самые „добросердечные“ предприниматели не въ силахъ измѣнить это положеніе. Каждому, кто попробуетъ этого добиться, его сосѣдъ нанесетъ предательскій ударъ кинжаломъ свободной конкуренціи, съ которой тотъ уже не можетъ тягаться.

Итакъ, предприниматель, при свободной конкуренціи, относится къ рабочему, какъ къ товару! Работникъ—это трудъ, а трудъ—продуктъ необходимыхъ издержекъ производства.

---

[1]) Сэръ Джэмсъ Стьюартъ еще не зналъ дѣтскаго фабричнаго труда, но ср. его разсужденіе: „Какъ можетъ женатый человѣкъ, которому надо кормить дѣтей, соперничать въ этомъ преимуществѣ (большой дешевизнѣ) съ тѣмъ, кто долженъ заботиться только о себѣ самомъ. Такимъ образомъ, холостой заставляетъ другихъ голодать, и основаніе пирамиды суживается“.

[2]) Ср. Toock. Gesch. der Preise, Thl. 1., S. 219. „На основаніи всѣхъ данныхъ, доставлены ли они новѣйшими наблюденіями или историческими свидѣтельствами, можно считать твердо установленнымъ, что заработная плата изъ всѣхъ предметовъ обмѣна послѣдній, который поднимается въ цѣнѣ вслѣдствіе дороговизны или пониженія цѣны денегъ; и, съ другой стороны,—послѣдній, который повышается въ цѣнѣ вслѣдствіе избытка товаровъ или вздорожанія денегъ“. Ср. мои „Косвенные налоги и положеніе рабочаго класса“.

Вотъ что, замѣтимъ мимоходомъ, специфически опредѣляетъ физіономію людей нашего времени при господствѣ свободной конкуренціи.

Всѣ прежнія отношенія, господина и раба въ древности, феодальнаго землевладѣльца и крѣпостныхъ или обязанныхъ или вассаловъ; были все-таки человѣческими отношеніями.

Человѣческими, господинъ Шульце, не въ филантропическомъ смыслѣ болѣе или менѣе мягкаго обращенія,—объ этомъ я здѣсь не говорю, хотя положеніе работниковъ нашего времени какъ небо отъ земли далеко отъ участи, которую гуманный духъ грековъ и римлянъ въ большинствѣ случаевъ создавалъ для своихъ рабовъ. Человѣческими прежде всего въ отношеніи общей идейной подкладки самихъ отношеній, изъ которой вытекаетъ и все остальное.

Эти отношенія были человѣческими отношеніями, говорю я, такъ какъ это были отношенія властителя къ подвластнымъ, что во всякомъ случаѣ есть вполнѣ человѣческое отношеніе. Это были человѣческія отношенія, потому что они были отношеніями такого-то опредѣленнаго индивидуума къ такому-то опредѣленному индивидууму. Это были человѣческія отношенія,—и даже обиды, которымъ подвергались рабы и крѣпостные, подтверждаютъ это. Такъ какъ гнѣвъ и любовь человѣческія отношенія, и если даже я въ припадкѣ бѣшенства обижаю кого-нибудь, то и въ этомъ случаѣ отношусь къ нему, какъ къ человѣку, такъ какъ иначе онъ не могъ бы возбудить мой гнѣвъ.

Холодное, безличное отношеніе предпринимателя къ рабочему, какъ къ вещи, которая, подобно всякому другому товару на рынкѣ, производится по закону издержекъ производства,—вотъ что образуетъ вполнѣ специфическую, вполнѣ обезчеловѣченную физіономію буржуазнаго періода!

Отсюда ненависть нашей либеральной буржуазіи къ государству,—не къ извѣстному государству, а къ понятію государства вообще, которое она охотно уничтожила бы совсѣмъ, добившись поглощенія его буржуазнымъ обществомъ, т. е. полнаго подчиненія его свободной конкуренціи. Такъ какъ въ государствѣ рабочіе все еще разсматриваются какъ люди, тогда какъ въ буржуазномъ обществѣ, гдѣ царитъ законъ свободной конкуренціи, они, какъ и все остальное, разсматриваются только съ точки зрѣнія стоимости издержекъ производства, только какъ вещь.

Отсюда прежде всего крайняя ненависть буржуазіи ко всякому сильному государству, какъ бы ни было оно организовано и устроено, ея стремленіе, разъ она не можетъ совсѣмъ уничтожить государство, по крайней мѣрѣ свести его въ возможно большемъ числѣ пунктовъ къ индивидуализму

свободной конкуренціи, по крайней мѣрѣ ассимилировать его, насколько возможно, съ буржуазнымъ обществомъ и поставить подъ обезчеловѣчившуюся власть господствующаго надъ этимъ обществомъ закона!

Не хотите-ли уяснить себѣ эту противуположность между культурными періодами немногими характерными примѣрами.

Знаете-ли вы, какъ относился къ своимъ рабамъ тотъ самый Маркъ Крассъ, о которомъ я вамъ разсказывалъ выше, какъ объ обладателѣ 9.900.000 талеровъ, за что вы, конечно, готовы отвѣсить ему земной поклонъ?

Плутархъ сообщаетъ намъ объ этомъ. Разсказавъ о легіонѣ рабовъ, принадлежавшихъ Крассу, онъ продолжаетъ: „Но онъ самъ присутствовалъ при обученіи своихъ рабовъ, то слушая, то уча; такъ какъ онъ вообще думалъ, что господину слѣдуетъ всего болѣе заботиться о рабахъ, одушевленныхъ органахъ хозяйства. И совершенно правильно думалъ Крассъ, какъ и говорилъ самъ: всѣмъ остальнымъ можно управлять посредствомъ рабовъ, но рабами необходимо управлять самому“.

И Плутархъ справедливо прибавляетъ въ объясненіе этого: „Экономія, которая для неодушевленныхъ вещей есть искусство пріобрѣтенія, превращается въ отношеніи людей въ политику (искусство управленія)“.

Замѣтьте, между прочимъ, какое здоровое экономическое пониманіе, какую полноту экономическихъ знаній обнаруживаетъ этотъ древній римлянинъ, жившій двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ, сравнительно съ Бастіа и вами.

Рабовъ онъ считаетъ управителями и производителями своего богатства, себя же ихъ политическимъ властителемъ и правителемъ.

Теперь, живо, самое коротенькое и рѣзкое противоположеніе этому Марку Крассу, который считаетъ своей обязанностью, какъ правителя, присутствовать при обученіи рабовъ и принимать въ немъ участіе.

„Швейцарскіе фабриканты хвастались передъ нѣмецкими, что они могли бы работать по болѣе дешевымъ цѣнамъ, такъ какъ въ Швейцаріи нѣтъ обязательнаго образованія“. Это слова либеральнаго профессора Рошера.

Какъ дорого обходится рынку производство рабочаго? Это главный интересъ буржуазнаго періода. А отсюда вполнѣ послѣдовательно вытекаетъ и другой вопросъ: что прибыльнѣе на рынкѣ,— содержать людей или отдѣлаться отъ людей и заняться производствомъ другихъ предметовъ? Когда въ первыя десятилѣтія нашего вѣка оказалось, что при извѣстныхъ обстоятельствахъ превращеніе полей въ луга и пастбища приноситъ боль-

шій денежный доходъ, цѣлыя крестьянскія населенія были изгнаны и доведены до разоренія и голодной смерти, въ особенности крупными шотландскими землевладѣльцами. Во владѣніяхъ одной только герцогини Сутерлэндъ были выгнаны, между 1811 и 1820 г.г. не менѣе 15.000 жителей ихъ деревни сожжены, а поля обращены въ пастбище; за то уже въ 1820 эта счастливая, продуктивная операція увѣнчалась стадомъ овецъ въ 131.000 штукъ! Вотъ во что, въ періодъ свободной торговли и производительности капитала, въ „буржуазный“ періодъ, превратились отношенія шотландскаго клака къ своимъ вождямъ: Сутерлэндамъ, Арджилямъ, Гамильтонамъ и проч.

Старый шотландскій экономистъ, сэръ Джэмсъ Стьюартъ уже въ половинѣ прошлаго столѣтія предвидѣлъ эти событія. Онъ заставляетъ своихъ „макіавелистовъ“ подробно разсказывать о нихъ. Конечно, онъ еще прибавляетъ къ этому, что не считаетъ кого-либо способнымъ на такое безчеловѣчіе и не допускаетъ возможности внезапнаго осуществленія такого переворота. Но когда однажды въ Берлинскомъ экономическомъ обществѣ зашла рѣчь объ этихъ изгнаніяхъ, одинъ депутатъ-прогрессистъ и экономистъ, какъ мнѣ сообщали, воскликнулъ: „Что же изъ этого, милостивые государи? Если у націи убавилось извѣстное количество людей, то прибавилось такое же количество жирныхъ барановъ“. Я не назову этого человѣка, такъ какъ знаю объ этомъ только изъ устнаго сообщенія. Въ литературѣ, впрочемъ, можно найти много подобныхъ заявленій. Самъ Рошеръ однажды такъ ужаснулся ученія своей школы, что воскликнулъ: „Можно подумать, что люди существуютъ для продуктовъ, а не продукты для людей“.

Въ политическомъ отношеніи рабочій, какъ и раньше, управляемъ, но въ общественномъ онъ превратился въ вещь [1]).

Поспѣшимъ теперь сдѣлать заключенія!

Итакъ, мы еще разъ, независимо отъ нашихъ прежнихъ доказательствъ, въ систематической формѣ убѣдились, что средняя заработная плата неиз-

---

[1]) Изъ этого общественнаго положенія нѣтъ, поэтому, выхода общественнымъ путемъ. Тщетныя усилія вещи сдѣлаться человѣкомъ— англійскія стачки, печальный исходъ которыхъ достаточно извѣстенъ. Поэтому единственный исходъ рабочимъ открывается при посредствѣ той сферы, въ которой они еще считаются людьми, то есть при посредствѣ государства, такого именно, которое поставитъ это своей задачей, что съ теченіемъ времени неизбѣжно случится. Отсюда инстинктивная, но безграничная ненависть либеральной буржуазіи къ самому понятію государства во всѣхъ его проявленіяхъ.

бѣжно сводится къ самымъ необходимымъ средствамъ существованія, такъ какъ цѣна труда, какъ и цѣна чулокъ, опредѣляется въ концѣ концовъ необходимыми издержками производства. Таковъ законъ свободной конкуренціи,—и во имя этого закона вы стараетесь одушевить вашихъ рабочихъ, изображая его съ великимъ моральнымъ пафосомъ, какъ осуществленіе „полной человѣчности"!

Но если заработная плата, въ среднемъ, всегда ограничена необходимыми средствами существованія, то отсюда само собою слѣдуетъ, что всякій, полученный отъ продажи продуктовъ, избытокъ дохода производства надъ средствами къ существованію, необходимыми въ теченіе производства, остается въ рукахъ предпринимателя. Этотъ избытокъ онъ дѣлитъ, на основаніи дальнѣйшихъ законовъ, которые мы здѣсь не можемъ изслѣдовать, между собою и чистымъ капиталистомъ (процентъ, или, землевладѣльцу, земельная рента, спеціальные законы которыхъ мы тѣмъ менѣе можемъ излагать здѣсь).

Всякій избытокъ продуктовъ труда надъ установленнымъ народными привычками минимумомъ средствъ существованія рабочаго достается, такимъ образомъ, капиталу въ его различныхъ формахъ,—есть премія капитала.

Вы знаете—простите, господинъ Шульце, что я для проформы долженъ иногда относиться къ вамъ, какъ къ человѣку, который что-нибудь смыслитъ въ экономическихъ вопросахъ—вы знаете интересную экономическую категорію физіократовъ: избытокъ производства. Физіократы называли производительнымъ только такой трудъ, который создаетъ больше средствъ, чѣмъ нужно для того, чтобы просуществовать самому рабочему въ теченіе работы. Всякій же трудъ, создающій только такія средства, они называли безплоднымъ. Физіократы выводили изъ этого основного положенія ложное заключеніе, что только земледѣльческій трудъ производителенъ, а всякій промышленный трудъ стериленъ, безплоденъ. Но само по себѣ это основное положеніе въ достаточной мѣрѣ оправдывается существующими отношеніями. Кто постоянно долженъ отдавать остающійся, за удовлетвореніемъ необходимѣйшихъ жизненныхъ потребностей, доходъ своего труда—доходъ, который все растетъ, растетъ и растетъ,—въ чужія руки, въ которыхъ онъ приноситъ новые и новые барыши, межъ тѣмъ какъ самъ трудящійся устраненъ отъ участія въ этомъ непрерывно растущемъ доходѣ производства и принужденъ довольствоваться необходимѣйшими средствами существованія, для того, конечно, его трудъ оказывается непроизводительнымъ. Этими необходимыми средствами долженъ былъ конечно пользоваться и античный рабъ,

и рабъ пользовался ими въ большемъ изобиліи, чѣмъ современный, плохо питающійся рабочій. Но противорѣчіе именно теперь тѣмъ больше и невыносимѣе, что этотъ современный фактическій рабъ юридически объявленъ свободнымъ человѣкомъ.

Въ непроизводительности труда лежитъ, стало быть, тайна производительности капитала, и наоборотъ. Въ разницѣ между количествами труда, которыя оплачиваются въ цѣнѣ продуктовъ, и заработной платой—разницѣ, которую вы такъ наивно просмотрѣли—заключается какъ прибыль, падающая на капиталъ, премія капитала, такъ и сама собою умножающаяся, непрерывно производящая дѣятельная сила капитала или его производительность, прорвавшаяся, наконецъ, на волю благодаря свободной конкуренціи.

Каждая капля пота рабочаго, сказали мы выше, оплачивается для капитала въ цѣнѣ продукта, тогда какъ самъ рабочій принужденъ ограничиваться установленнымъ народными привычками минимумомъ необходимыхъ средствъ существованія. Каждый талеръ въ рукахъ предпринимателя, какъ мы уже раньше показали, приноситъ завтра новый талеръ вслѣдствіе новаго помѣщенія въ производство. Два эти положенія соединяются теперь, въ своемъ послѣднемъ анализѣ, въ одно: каждый талеръ, т. е. каждая капля пота рабочаго приносятъ завтра рабочему новую безплодную каплю пота, а капиталу новый талеръ! И чѣмъ болѣе удешевляются цѣны продуктовъ, а, стало быть, и необходимыя средства существованія рабочаго, тѣмъ болѣе — вмѣсто возрастанія дохода рабочихъ соотвѣтственно этой растущей производительности труда—возрастаетъ капитализирующая сила нашего производства. Рей можетъ теперь то, чего не могъ никакой феодальный сеньёръ. Онъ можетъ капитализировать каждую каплю пота рабочаго, т. е. превратить ее въ источникъ новой капли пота для рабочаго и новаго талера для себя.

Разница между заработной платой или цѣною труда и количествомъ работы, которое оплачивается въ цѣнѣ вещей капиталу, необходимо приводитъ къ тому, что всѣ работники, способствовавшіе изготовленію продукта, интеллектуальнымъ или физическимъ трудомъ, не могутъ купить на свою соединенную заработную плату продуктъ своего собственнаго труда, — это только другое выраженіе того, что уже развито выше. Не говорите мнѣ о машинахъ, господинъ Шульце, которые должны приводить къ этому результату своей увеличившейся производительностью и проч., и проч. Это возраженіе было бы безсмыслицей. Машины такіе же продукты труда, какъ и все остальное, и я понимаю подъ соединенными работниками всѣхъ, кто

участвовалъ въ изготовленіи продукта, въ томъ числѣ и машиностроителей, рабочихъ, добывающихъ сырой матеріалъ, горнорабочихъ и проч. Мало того,—и это слѣдствіе еще яснѣе выступаетъ при такой формѣ выраженія,—чѣмъ продуктивнѣе трудъ рабочихъ при неизмѣняющихся издержкахъ ихъ содержанія, тѣмъ менѣе они могутъ снова купить продуктъ своей собственной работы, тѣмъ больше разница между доходомъ труда и заработной платой, тѣмъ бѣднѣе—такъ какъ богатство и бѣдность только относительныя понятія, только выражаютъ отношеніе къ доходу производства—тѣмъ бѣднѣе они становятся!

И не пытайтесь, господинъ Шульце,—хотя вы, конечно, попытаетесь,—убѣждать рабочихъ, что прибыль, достающаяся капиталу, есть вознагражденіе за умственный трудъ предпринимателя, плата за интеллектуальное руководство дѣломъ. Только, относительно, очень-очень, совершенно ничтожная часть дохода предпринимателей данной націи составляетъ заработную плату предпринимателямъ за ихъ интеллектуальное руководство, и я никогда не вводилъ ее въ ту часть, которую называю прибылью на капиталъ. Что эта заработная плата за интеллектуальный трудъ предпринимателей составляетъ лишь незначительную часть ихъ дохода,—давно извѣстно наукѣ, и либеральные экономисты сами довольно часто признавались въ этомъ. Но англійскіе экономисты съ самаго начала, съ достойной уваженія откровенностью, разсматривали предпринимательскую прибыль только какъ премію капитала, а ту часть предпринимательской прибыли, которую можно назвать „платой за умственный трудъ" совершенно игнорировали въ виду ея незначительности. Только такъ называемое гуманное направленіе французскихъ экономистовъ создало эту ложь: попытку выдавать предпринимательскую прибыль за „плату за умственный трудъ".

Впрочемъ, если вы хотите на практикѣ убѣдиться, какую поразительно малую часть предпринимательскаго дохода составляетъ эта плата за интеллектуальное руководство, то вамъ стоитъ только оглянуться вокругъ себя. Сколько землевладѣльцевъ предоставляютъ завѣдываніе всѣми своими имѣніями управляющимъ, сколько крупныхъ фабрикантовъ и купцовъ поручаютъ веденіе дѣла завѣдующимъ, директорамъ и проч., тогда какъ сами путешествуютъ по Италіи, Востоку и другимъ странамъ или во всякомъ случаѣ не руководятъ своими дѣлами. Жалованье руководителей дѣла, столь незначительное сравнительно съ доходами предпринимателей,—вотъ все, что эти послѣдніе могли бы отчислить себѣ за свою интеллектуальную дѣятельность, если бы сами вели дѣло.

Въ большихъ акціонерныхъ предпріятіяхъ нашего времени, каковы же-

лѣзныя дороги, банки и проч., это разъединеніе происходитъ даже по необходимости. Капиталистъ или предприниматель, являющійся въ видѣ множества лицъ, уже вслѣдствіе этой множественности не можетъ самъ вести дѣла, для чего назначается директоръ на жалованьи. Если бы прибыль предпринимателя состояла изъ вознагражденія за интеллектуальную дѣятельность веденія дѣла, то откуда взялись бы 13 процентовъ дивиденда, приносимыхъ Кёльнъ-Минденскими желѣзнодорожными акціями предпринимателямъ (акціонерамъ), которые пальцемъ не пошевелятъ для веденія дѣла. Откуда 17 процентовъ дивиденда Магдебургъ-Лейпцигскихъ акцій? Откуда $25^1/_2$ процентовъ дивиденда Магдебургъ-Гальберштадскихъ?

Въ предпріятіяхъ этого рода директорамъ часто даже выплачиваются, по различнымъ соображеніямъ, жалованія, совершенно исключительныя по размѣрамъ. Тѣмъ не менѣе, чтобъ получить понятіе о поразительно малой, относительно, величинѣ вознагражденія за веденіе дѣла, содержащагося въ національномъ доходѣ предпринимателей, сравните содержаніе директоровъ или членовъ правленія этихъ желѣзныхъ дорогъ съ суммой прибыли на капиталъ, доставляемой дорогами.

Чтобы помочь вашему незнанію дѣла, приведу практическій цифровой примѣръ. Передо мною лежитъ печатный отчетъ дирекціи Кёльнъ-Минденскаго желѣзнодорожнаго общества за 1862 г. Согласно этому отчету— стр. 243 — въ 1862 г. Кёльнъ-Минденская желѣзная дорога дала въ 1862 году:

дивиденда	1.641.950	талеровъ.
кромѣ того процентовъ на акціи учредителей . .	1.726.271	„
Сумма.	3.367.521	талеровъ.

Я оставляю въ сторонѣ 521.290 талеровъ, отчисленные въ запасной фондъ, 73.000 талеровъ на погашеніе (амортизацію), 628.952 талера экстра-дивидендовъ государству, что составитъ въ итогѣ сумму въ 1.223.242 талера, которую, собственно говоря, слѣдовало бы причислить къ вышеуказаннымъ 3.367.521 талеровъ.

Итакъ, по крайней мѣрѣ эти 3.367.521 составляютъ премію, достающуюся капиталу изъ годового дохода одного этого предпріятія. А какъ велико, думаете вы, господинъ Шульце, вознагражденіе за главное руководство дѣломъ, выплачиваемое этимъ предпріятіемъ? Вы можете это видѣть тамъ же на стр. 262 и 266:

Содержаніе	желѣзнодорожныхъ директоровъ	3.475	талеровъ.
„	начальниковъ движенія	3.200	„
„	контролеровъ движенія.	1.900	„
„	спеціальныхъ директоровъ.	2.200	„
„	ихъ замѣстителей	1.500	„
	Сумма	12.275	талеровъ.

Всѣ остальныя, тамъ же перечисленныя жалованія архитекторамъ, чертежникамъ, инспекторамъ, вагоннымъ мастерамъ и рабочимъ всякаго рода долженъ былъ бы выплачивать и отдѣльный предприниматель, такъ что и у него, какъ здѣсь, они представляютъ только расходныя статьи и никоимъ образомъ не могутъ быть отнесены къ доходу предпріятія, который, за вычетомъ всѣхъ содержаній, жалованій и издержекъ всякаго рода изъ валового дохода, составитъ чистый доходъ въ $3^1/_2$—$4^1/_2$ миліона талеровъ.

Такимъ образомъ, на $3^1/_2$—$4^1/_2$ миліона преміи на капиталъ, ежегодно доставляемой предпріятіемъ, приходится здѣсь, при разъединеніи между предпринимателями и руководителями дѣла, вознагражденіе за интеллектуальный трудъ веденія дѣла въ 12.000 талеровъ. Вотъ насколько вѣрно, господинъ Шульце, положеніе, будто предпринимательская прибыль есть ничто иное, какъ плата за умственный трудъ!

Наконецъ, какъ вытекаетъ изъ нашего предыдущаго изложенія, всѣ, кто изъ кожи лѣзетъ, стараясь пріурочить предпринимательскую прибыль къ личности предпринимателя, исходятъ изъ смѣшного недосмотра.

Личность предпринимателя, его трудолюбіе, его лѣность, его предпріимчивость и его грубость и проч.,—всѣ эти свойства имѣютъ, конечно большое вліяніе на то, сколько удается захватить на свою долю предпринимателю Петру сравнительно съ предпринимателями Павломъ, Вильгельмомъ и т. п. изъ предпринимательской прибыли, ежегодно достающейся классу предпринимателей. Иными словами: это вопросъ, который касается конкуренціи предпринимателей между собою и опредѣленія участія отдѣльныхъ предпринимателей въ долѣ, приходящейся изъ всего годового дохода производства классу предпринимателей. Но на эту долю, достающуюся всему классу предпринимателей націи, онъ, какъ неизбѣжно слѣдуетъ изъ вышеизложеннаго, не вліяетъ.

Общая сумма годового дохода труда равна A. Сумма, требующаяся для удовлетворенія среднихъ жизненныхъ потребностей рабочаго класса, равна Z. Въ такомъ случаѣ, будутъ-ли всѣ предприниматели лѣнивы или прилежны,

мны или глупы, классу предпринимателей достанется A—Z, и только вопросъ о распредѣленіи A—Z между отдѣльными предпринимателями можетъ находиться въ зависимости отъ ихъ личныхъ свойствъ.

Далѣе, предпріимчивость предпринимателей можетъ увеличить общую сумму годового дохода производства, то есть превратить ее изъ A въ A+B; и если данныя предпріятія основаны не заграницей,—это достигается посредствомъ увеличенія суммы труда, производимаго націей. Но если даже увеличеніе суммы труда повлечетъ за собой увеличеніе общей суммы заработныхъ платъ,—что вовсе не необходимо бываетъ въ такихъ случаяхъ,—то причиной или слѣдствіемъ этого является соотвѣтственное возрастаніе массы рабочихъ, уже происшедшее или вызванное повышеніемъ заработной платы. (Это и есть внутренняя причина роста европейскаго населенія).

Итакъ, общая сумма заработныхъ платъ націи увеличилась, но эта увеличившаяся общая сумма распредѣляется теперь, какъ слѣдуетъ изъ вышесказаннаго, между соотвѣтственно, а часто и въ еще большей степени, возросшимъ числомъ рабочихъ. Стало быть, плата, достающаяся отдѣльному рабочему, доля продуктовъ, которую онъ получаетъ, въ концѣ концовъ не увеличилась.

Даже для класса рабочихъ въ цѣломъ доля продуктовъ его труда, получаемая въ формѣ заработной платы, можетъ уменьшиться, хотя бы даже количество продуктовъ, приходящееся на всѣхъ работниковъ, увеличилось,—если производительность труда, какъ это и бываетъ обыкновенно, возраститъ въ еще большей степени! Англія именно такая страна, которая посредствомъ несомнѣннаго духа предпріимчивости своихъ предпринимателей создала пауперизмъ своихъ рабочихъ.

Но предметомъ изслѣдованія экономической науки естественно можетъ быть только вопросъ объ участіи рабочихъ и предпринимателей въ доходѣ производства, и въ связи съ нимъ вопросъ: какое количество продуктовъ достается отдѣльному рабочему, и какая доля дохода, создаваемаго трудомъ, достается всему рабочему классу. Изслѣдованіе, какія личныя свойства помогаютъ предпринимателю урвать возможно большую долю этого, достающагося всему классу предпринимателей, дохода, принадлежитъ частью практическимъ коммерческимъ школамъ, частью входитъ въ область конторскихъ тайнъ; а славословіе этимъ личнымъ свойствамъ умѣстно только на званыхъ обѣдахъ богатыхъ коммерціи совѣтниковъ, но отнюдь не въ политической экономіи! Это именно смѣшеніе разныхъ областей, возникающее вслѣдствіе общаго всей нашей либеральной экономіи смѣшенія частной и національной экономіи, повлекло за собой путаницу въ данномъ и многихъ

другихъ случаяхъ, и приводитъ подобныя изслѣдованія къ двусмысленнымъ результатамъ, потому что вопросъ уже съ самаго начала поставленъ двусмысленно.

Вы узнали изъ этого длиннаго изложенія, господинъ Шульце, какъ велика общая ошибка всѣхъ буржуазныхъ экономистовъ, постоянно принимающихъ капиталъ и всѣ другія экономическія категоріи за логическія, вѣчныя категоріи. Экономическія категоріи не логическія, а историческія категоріи. Продуктивность капитала не „естественный законъ"; при другихъ историческихъ условіяхъ она можетъ и должна исчезнуть.

Слѣдовательно, какъ здѣсь, такъ и въ дальнѣйшемъ изложеніи, мы доказали собственно то, что экономическая категорія „капиталъ" и юридическая категорія „собственность" только историческія категоріи, какъ я подробно доказалъ это относительно всѣхъ юридическихъ категорій въ моей „Системѣ пріобрѣтенныхъ правъ".

Въ то же время вы, быть можетъ, начинаете сознавать истинность словъ, съ которыми обращается къ вамъ Гёте въ „Западно - Восточномъ Диванѣ":

„Wer nicht von dreitausend Jahren
Sich weiss Rechenschaft zu geben,
Bleib'im Dunkeln unerfahren,
Mag von Tag zu Tage leben" [1]).

— и видите вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ рискованно корчить изъ себя „образованнаго", не удовлетворяя этому условію!

Но чтобы научиться изъ этого длиннаго разсужденія всему, чему изъ него дѣйствительно можно научиться, слѣдуетъ теперь представить сжатый и точный сводъ того, что въ немъ дано.

Сравните начальный и конечный пунктъ длиннаго историческаго процесса, который я развернулъ передъ вашими глазами.

Въ первобытномъ состояніи индивидуальнаго, изолированнаго труда, отъ котораго мы исходили, орудіе труда—лукъ индѣйца—было продуктивнымъ только въ рукахъ самого рабочаго, то есть, только трудъ былъ продуктивнымъ.

Посредствомъ раздѣленія труда,—не забывайте, что съ раздѣленіемъ труда, въ отличіе отъ труда индѣйца, является уже общій трудъ, общее веденіе производства, хотя бы еще при индивидуальныхъ запасахъ для

---

[1]) „Кто не умѣетъ дать себѣ отчета за три тысячи лѣтъ, тотъ остается во мракѣ незнанія и можетъ жить только со дня на день".

производства и, вслѣдствіе того, при индивидуальномъ распредѣленіи дохода съ труда тѣми, кто дѣлаетъ эти запасы,—итакъ, посредствомъ раздѣленія труда, затѣмъ посредствомъ постепенно и необходимо развивающагося изъ раздѣленія труда преобразованія производства въ систему мѣновыхъ цѣнностей, и, наконецъ, посредствомъ свободной конкуренціи, къ которой должно привести это производство мѣновыхъ цѣнностей при индивидуальныхъ запасахъ, необходимо достигается, наконецъ, результатъ, противуположный исходному пункту: орудіе труда, отдѣлившись отъ рабочаго, становится самостоятельнымъ, всасываетъ въ себя всю производительность труда, а труду оставляетъ лишь то, что необходимо для возмѣщенія жизненныхъ силъ, потраченныхъ во время работы, то есть дѣлаетъ его непроизводительнымъ.

Если раньше былъ производителенъ только трудъ, то теперь производительно только отдѣленное отъ работника орудіе труда.

Орудіе труда, сдѣлавшееся самостоятельнымъ, и помѣнявшееся ролью съ рабочимъ, низвело живого рабочаго до мертваго орудія труда, а себя, мертвое орудіе труда, развило до живого органа воспроизведенія—это и есть капиталъ!

Кому не нравится это опредѣленіе, тому придется, чтобы дать правильное опредѣленіе, пригодное для учебника, формулировать его приблизительно такъ: капиталъ есть созданный при раздѣленіи труда, при производствѣ, представляющемъ систему мѣновыхъ цѣнностей и при свободной конкуренціи, запасъ предварительно осуществленнаго труда, необходимый для поддержанія жизни производителей до продажи продукта окончательному потребителю и приводящій къ тому, что избытокъ дохода производства надъ этими необходимыми для поддержанія жизни средствами достается тому или распредѣляется между тѣми, кто доставилъ запасъ. Это опредѣленіе прежде всего упрекнутъ въ томъ, что оно упускаетъ изъ вида заготовленіе „сырыхъ матеріаловъ“, которые также необходимы для производства. Но это несправедливо. Сырые матеріалы и проч., также и при подобныхъ же условіяхъ, производятся рабочими насчетъ запаса, принадлежащаго производителю сырого матеріала, вмѣсто котораго выступаетъ затѣмъ промышленный производитель, подвергающій его продукты дальнѣйшей переработкѣ. Весь рядъ капиталистовъ, выступающихъ одинъ за другимъ для изготовленія продукта, доставляетъ только средства, необходимыя для поддержанія жизни всего ряда работниковъ (работники, изготовляющіе сырые матеріалы, чернорабочіе и проч.), участвующихъ въ осуществленіи продукта.—Всякое другое опредѣленіе, опускающее хоть одинъ изъ содержащихся въ этомъ

опредѣленіи признаковъ, является, какъ показываетъ нашъ анализъ, неполнымъ и ложнымъ.

Раздѣленіе труда—источникъ всѣхъ богатствъ. Только благодаря раздѣленію труда производство становится все продуктивнѣе и все дешевле:—этотъ законъ, вытекающій изъ сущности труда, есть единственный экономическій законъ, который, ради сравненія, можно назвать „закономъ природы“. Онъ не законъ природы, такъ какъ относится не къ царству природы, а къ царству духа, но онъ обладаетъ той же необходимостью, какъ и электричество, сила тяжести, упругость пара и проч. Это соціальный законъ природы!

И вотъ, у всѣхъ народовъ выдвинулась горсть индивидуумовъ, захватила въ свое личное пользованіе этотъ соціальный законъ природы, существующій только благодаря духовной природѣ всѣхъ, а изумленнымъ и бѣдствующимъ народамъ, скованнымъ невидимыми цѣпями, выбрасываетъ изъ всё болѣе обильнаго, постоянно и мощно растущаго дохода, создаваемаго трудомъ этихъ народовъ, по существу все тѣ же крохи, которыя при благопріятныхъ условіяхъ добываетъ индѣецъ раньше всякой культуры: средства, необходимыя для поддержанія жизни! Это все равно, какъ если бы нѣсколько индивидуумовъ объявили своей собственностью силу тяжести, упругость пара, теплоту солнечныхъ лучей! Они кормятъ народъ, какъ смазываютъ и топятъ машины, чтобы поддержать его въ работоспособномъ состояніи: его питаніе принимается въ расчетъ только какъ необходимыя издержки производства.

Вастіа пускаетъ въ ходъ, въ качествѣ своего главнаго козыря, противъ Прудона слѣдующій аргументъ:

„Капиталы,—это орудія труда. Назначеніе орудій труда заставить содѣйствовать производству даровыя силы природы. Посредствомъ паровой машины овладѣваютъ упругостью пара; посредствомъ часовой пружины—упругостью стали; посредствомъ груза или паденія воды — тяжестью; посредствомъ вольтова столба быстротой электрической искры; посредствомъ почвы химическими и физическими соединеніями, которыя называются растительностью и т. д. и т. д. И вотъ, смѣшивая полезность съ цѣнностью, воображаютъ, что эти естественные агенты имѣютъ цѣнность, которая имъ присуща, и что, слѣдовательно, тѣ, кто овладѣваетъ ими, заставляютъ платить себѣ за пользованіе ими, такъ какъ цѣнность включаетъ плату. Воображаютъ, что цѣна продуктовъ слагается изъ платы за услуги людей, что считается справедливымъ, и платы за услуги природы, что отвергается,

какъ несправедливость. Съ какой стати—говорятъ—платить за силу тяжести, электричество, растительную жизнь, упругость и проч., и проч?

„Отвѣтъ дается теоріей цѣнности. Та группа соціалистовъ, которая называетъ себя уравнителями (égalitaires) смѣшиваетъ законную цѣнность орудія труда, дочь человѣческой услуги, съ его полезнымъ результатомъ, который оказывается даровымъ, если откинуть законную цѣнность или соотвѣтствующій ей процентъ. Когда я плачу земледѣльцу, мельнику, желѣзнодорожному обществу, я не плачу ничего, абсолютно ничего за явленія растительной жизни, за силу тяжести, за упругость пара. Я плачу за человѣческій трудъ, который надо было приложить для изготовленія инструментовъ, заставившихъ дѣйствовать эти силы; или, что для меня еще выгоднѣе, выплачиваю проценты этого труда."

Противъ Прудона, который раньше былъ остроумнымъ человѣкомъ, но никогда не былъ экономистомъ, эта смѣшная увертка могла оказаться достаточною. Но вы видите, господинъ Шульце, какъ безсильно отлетаетъ теперь въ сторону шпага вашего учителя Бастіа, открывая его сердце для смертельнаго удара.

Да, мы узнали отъ великихъ англійскихъ экономистовъ, что въ цѣнѣ продуктовъ потребители оплачиваютъ только человѣческій трудъ, а не силы природы [1]), узнали гораздо лучше Бастіа, который, какъ мы видѣли, ничего объ этомъ не знаетъ!

Но мы видѣли также, что эта плата за человѣческій трудъ, вслѣдствіе разницы между заработными платами и количествами труда, опредѣляющими цѣну, всегда неизбѣжно попадаетъ не въ тѣ руки; что хотя оплачивается только человѣческій трудъ, но плата не достается трудящемуся, а всасывается губкой-капиталомъ, которая изъ ливня нашего производства допускаетъ до народа только необходимую для скуднаго прозябанія влажность. Если капиталистъ не забралъ въ свои руки „полезность" пара, силы тяжести, электричества, то захватилъ—и это такъ же скверно—въ свое исключительное пользованіе „полезность" раздѣленія труда и его постоянно растущей производительности - этого великаго закона соціальной природы! Да, въ принципѣ это почти хуже, чѣмъ то. Такъ какъ, если бы кто-нибудь овладѣлъ, напр., солнцемъ и превратилъ его въ свою частную собственность, то онъ овладѣлъ бы вещью, которая, по ученію римскихъ

---

[1]) Какъ это— аналогично, но, тѣмъ не менѣе, съ извѣстными уклоненіями—осуществляется въ отношеніи земельной ренты, мы не можемъ здѣсь объяснять.

юристовъ, не есть чья-либо собственность, чей-либо продуктъ. Но, овладѣвъ преимуществами упомянутаго закона соціальной природы, капиталисты овладѣваютъ непосредственно продуктами труда другихъ, превращаютъ въ свою частную собственность человѣческую рабочую силу и ея все растущую производительность!

Вслѣдствіе развившагося основного разъединенія продуктивности, падающей на сторону орудія, сдѣлавшагося самостоятельнымъ, и труда, создалось такое общественное состояніе собственности, въ которомъ каждый называетъ своимъ только то, что не составляетъ продукта его труда!

На первый взглядъ можетъ показаться, что это имѣетъ мѣсто только въ отношеніяхъ капитала къ труду, капиталистовъ къ рабочимъ. Но это было бы большимъ заблужденіемъ и совершенной невозможностью. Принципъ, на которомъ основывается строй общественнаго производства, долженъ проникать всѣ его сферы и, слѣдовательно, сказываться также въ отношеніяхъ между капиталистами, внутри самаго класса предпринимателей.

Здѣсь я напомню вамъ, что объяснялъ въ вступленіи къ этому труду насчетъ „общественныхъ взаимоотношеній“, въ силу которыхъ каждый долженъ отвѣчать за то, чего онъ не сдѣлалъ, совершенно также, какъ теперь, по выясненіи органическаго корня этого опредѣленія, оказалось, что каждый называетъ своимъ только то, что не представляетъ результата его труда.

Только теперь эти разъясненія дѣйствія „общественныхъ взаимоотношеній“ сами собой являются въ надлежащемъ свѣтѣ; только теперь, если прочесть ихъ снова, они пріобрѣтаютъ окончательную ясность, и только здѣсь ихъ слѣдовало бы привести. Но вы понимаете, что не моя вина, если, начавъ съ конца, вы и меня принудили слѣдовать за вами. Впрочемъ, теперь вамъ самому станетъ ясно, если вы внимательно слѣдили за нашими различными объясненіями, какими путями—именно посредствомъ мѣновой цѣнности и рыночной цѣны—этотъ корень нашего общественнаго состоянія, т. е., что каждый называетъ своимъ то, что не есть результатъ его труда, приводитъ къ тому, что и въ кругу капиталистовъ каждый долженъ отвѣчать за то, чего онъ не дѣлалъ; что обратившееся въ простую игру случая состояніе производства играетъ людьми и капиталами, какъ мячикомъ, и черезъ этотъ водоворотъ случайностей проходитъ только одно мощное закономѣрное теченіе, выражающееся въ стремленіи крупнаго капитала къ постоянной декапитализаціи и притяженію мелкаго капитала.

Заботы предпринимателей, ихъ постоянная безсильная борьба съ крупнымъ капиталомъ, непрерывное—захватывающее даже самыхъ мелкихъ

рантье, живущихъ въ сторонѣ отъ всякихъ дѣлъ—измѣненіе ихъ имущественныхъ отношеній, благодаря общественнымъ отношеніямъ, совершенно недоступнымъ расчету и воздѣйствію съ ихъ стороны, потеря, какъ наказаніе за правильные, и прибыль, какъ награда за ложные расчеты въ предпринимательскихъ спекуляціяхъ, постоянное издѣвательство надъ предпринимательскимъ духомъ—вотъ послѣдовательная месть самимъ капиталистамъ и дальнѣйшее развитіе состоянія, первымъ основоположеніемъ котораго является фактъ, что каждый называетъ своимъ то, что не есть результатъ его труда.

Это насмѣшливый хохотъ хора духовъ надъ капиталистами, въ лицѣ которыхъ капиталъ пытается выступить какъ индивидуальность при такомъ міровомъ состояніи, которое изначала опирается на обезличеніе всякой собственности!

Не комично-ли, г. Шульце, что господа Бастіа, Тьеръ, Тролонъ и проч., короче, всѣ экономисты и юристы, выступающіе въ походъ противъ соціалистовъ, всегда оправдываютъ современную собственность тѣмъ, что она есть „le fruit de son travail“, плодъ личнаго труда, тогда какъ въ дѣйствительности, какъ мы основательно и внѣ всякихъ споровъ доказали, наоборотъ, всякій называетъ въ собственности своимъ то, что не есть продуктъ его труда? Не комично-ли также, что всѣ эти господа, чтобъ оправдать эту собственность, должны хвататься именно за принципы, ей противоположные?

Собственность сдѣлалась „чужестью“,—вотъ положеніе, въ которое можно сжать нашъ критическій разборъ!

Каждое общественное состояніе необходимо стремится развивать явленія, въ которыхъ въ самой чистой и неприкрытой формѣ выражается то, что составляетъ его общую основу.

Эти чистѣйшія проявленія современнаго состоянія—ажіотажъ и биржа, помѣщеніе состояній въ акціи, государственныя и кредитныя бумаги вообще!

Каждое событіе въ Турціи или Мексикѣ, война и миръ,—да не только война и миръ! нѣтъ,—каждое проявленіе „общественнаго мнѣнія“, болтовня журналистовъ, обманная депеша, заемъ въ Парижѣ или въ Лондонѣ, урожай на Миссисипи, золотыя розсыпи въ Австраліи—короче, каждое объективное событіе, чисто-объективныя движенія общества, какъ таковаго, происходятъ-ли они въ политической, финансовой, меркантильной и проч. сферахъ,—ежедневно опредѣляютъ и устанавливаютъ на биржѣ мое и твое индивидуумовъ.

Но здѣсь обнаруживается съ такой наглядной очевидностью не осо-

бенное и своеобразное,—нѣтъ, здѣсь именно выступаетъ въ чистомъ и неприкрытомъ видѣ тотъ фактъ, что, какъ мы видѣли въ началѣ, въ цѣнностяхъ земель и предпріятій, въ повышеніи и пониженіи цѣнъ хлѣбовъ и промышленныхъ продуктовъ и проч., въ силу общественныхъ соотношеній всякаго рода и ихъ вліянія на мѣновую цѣнность, ежеминутно измѣняется все мое и твое въ обществѣ и просто вслѣдствіе этихъ объективныхъ движеній самого общества перераспредѣляется наново, какъ индивидуальная собственность, совершенно безличнымъ, лишеннымъ всякой интвидуальности способомъ.

Какъ бы вы опредѣлили соціализмъ, господинъ Шульце? Очевидно такъ: общественное распредѣленіе собственности.

Такъ видите-ли,—это состояніе, какъ я вамъ доказалъ, существуетъ именно теперь!

Именно теперь царитъ подъ маской индивидуальнаго производства непрерывное, обусловленное случаемъ, перераспредѣленіе собственности въ силу чисто-объективныхъ движеній общества, общественное распредѣленіе собственности. Именно теперь царитъ анархическій соціализмъ! Этотъ анархическій соціализмъ—буржуазная собственность!

Итакъ, соціализмъ хочетъ не уничтожить собственность, а, наоборотъ, впервые ввести индивидуальную собственность, собственность, основанную на трудѣ!

И если мы даже оставимъ въ сторонѣ уже возникшую капиталистическую собственность, въ виду того, что она возникла въ законномъ соотвѣтствіи съ существующими отношеніями — какъ ни мало законности въ нихъ самихъ — то во всякомъ случаѣ имѣемъ неоспоримое право превратить, путемъ преобразованія производства, еще не возникшую будущую собственность въ собственность труда.

Наши почтенные буржуа, надо надѣяться, не выступятъ съ феодальнымъ заявленіемъ, что рабочіе ихъ крѣпостные и что даже теперь, когда выяснилась сердечная тайна современнаго производства, народъ долженъ продолжать этотъ способъ производства съ цѣлью заставить рабочихъ по прежнему отбывать барщину въ пользу капитала.

Горе имъ, если они предъявятъ такое требованіе или приведутъ народъ къ убѣжденію въ томъ, что они его предъявляютъ!

Но какимъ образомъ—спросите вы, быть можетъ — измѣнить это состояніе, при которомъ безжизненное орудіе труда мѣняется ролью съ живымъ рабочимъ и захватываетъ въ свою пользу результаты его труда,—

разъ оно, какъ мы сами объяснили, является необходимымъ слѣдствіемъ раздѣленія труда?

Очень просто! Дѣло вовсе не въ томъ, чтобы устранить раздѣленіе труда, этотъ источникъ всякой культуры, а въ томъ, чтобы снова низвести капиталъ на степень мертваго, служебнаго орудія труда. Не объ устраненіи раздѣленія труда идетъ рѣчь, а скорѣе о дальнѣйшемъ его развитіи.

Раздѣленіе труда уже само по себѣ есть общій трудъ, общественная связь съ цѣлью производства. Это и нужно за нимъ закрѣпить. Для этого требуется только во всемъ производствѣ устранить индивидуальныя средства производства—такъ какъ именно они приводятъ къ вышеизложенному захвату дохода производства предпринимателемъ, причемъ въ его рукахъ остается весь избытокъ надъ средствами, необходимыми для поддержанія жизни—и вести и безъ того общую работу на общія же средства, а доходы производства распредѣлять между всѣми его участниками сообразно работѣ каждаго.

Переходной мѣрой къ этому, самой легкой и безобидной переходной мѣрой, — являются производительныя ассоціаціи рабочихъ при поддержкѣ государственнаго кредита.

И потому эти ассоціаціи должны осуществиться, и потому онѣ осуществятся, — хотя бы вы лопнули, господинъ Шульце, и хотя бы весь свѣтъ лопнулъ. Такъ какъ народъ голодаетъ и тупѣетъ! Онъ отупѣлъ уже настолько, что считаетъ васъ передовымъ борцомъ, а вы понимаете—этого не должно быть!

Я говорю, что это самая безобидная мѣра; она еще отнюдь не является, какъ я уже объяснилъ въ моей „Книгѣ для чтенія рабочимъ", „рѣшеніемъ соціальнаго вопроса", которое потребуетъ работы многихъ поколѣній, но представляетъ изъ себя его органическое горчичное зерно, неудержимо побуждающее къ дальнѣйшему развитію и распускающееся само собою.

Именно потому, что эта переходная мѣра такъ безобидна и практически выполнима—и тѣмъ не менѣе содержитъ въ себѣ органическій зародышъ всего дальнѣйшаго развитія — именно потому мое предложеніе и вызвало такой несказанный вопль бѣшенства со стороны буржуазіи во всѣхъ ея газетахъ, и именно благодаря этому моя агитація могла пріобрѣсти такіе размѣры. Этого бы не случилось, если-бъ я пошелъ дальше и выставилъ какое-нибудь абстрактное требованіе, которое буржуазія преспокойно замолчала бы, какъ безопасное сектантство. Теоретическая работа и практическая агитація, какъ я ее велъ въ моемъ „Гласномъ отвѣтѣ" и послѣдовавшихъ за нимъ рѣчахъ, подчиняются въ одномъ отношеніи со-

вершенно противуположнымъ законамъ. Теоретическая работа тѣмъ лучше, чѣмъ полнѣе она развиваетъ всѣ, даже послѣднія и самыя отдаленныя слѣдствія развиваемаго ею принципа. Наоборотъ, практическая агитація тѣмъ могущественнѣе, чѣмъ болѣе она сосредоточивается на исходномъ пунктѣ, изъ котораго вытекаетъ все остальное. Только этотъ пунктъ долженъ быть именно такимъ, который уже носитъ въ себѣ всѣ дальнѣйшія послѣдствія, и изъ котораго они должны развиваться съ органической необходимостью. Иначе онъ съ самаго начала не стоитъ на теоретической высотѣ, т. е. съ самаго начала является мертвымъ палліативомъ, нелѣпымъ вспомогательнымъ средствомъ, которое не только не можетъ привести къ какимъ-либо послѣдствіямъ, но даже само не въ состояніи осуществиться, какъ напр. всѣ требованія прогрессивной партіи, которая ставитъ себѣ въ честь не стоять на теоретической высотѣ и считаетъ это „практическимъ".

Въ Германіи еще очень плохо понимаютъ условія практической агитаціи. Въ связи съ этимъ находится то обстоятельство, что въ потокѣ либеральной критики всплываютъ время отъ времени и критики благожелательные, которые упрекаютъ меня въ томъ, что я добиваюсь не „увеличенія производства", а простого измѣненія „распредѣленія дохода производства" и дѣлаю его лозунгомъ движенія! Подобные упреки являются, конечно, только результатомъ господствующей у насъ гиперкритики, въ силу которой всякій, услышавъ чужія слова и не давъ себѣ труда вдуматься въ ихъ необходимыя слѣдствія, сразу чувствуетъ себя призваннымъ къ лучшему пониманію. Конечно, „увеличеніе производства" есть необходимое условіе всякаго улучшенія нашего соціальнаго состоянія. Но оно является также необходимымъ слѣдствіемъ требуемыхъ мною производительныхъ ассоціацій, которыя представляютъ, такимъ образомъ, практическое средство, въ высшей степени способствующее этому результату. Конечно, я не могъ разъяснить это слѣдствіе въ моемъ „Отвѣтѣ" ($2^1/_4$ листа), такъ какъ сжатость и краткость первое условіе агитаціоннаго сочиненія.

Въ „Книгѣ для чтенія рабочимъ" я уже опредѣленно указалъ на него. Но только здѣсь, въ теоретическомъ трудѣ, примыкающемъ къ практической агитаціи, умѣстно изложеніе вопроса объ увеличеніи производства, которое должно явиться слѣдствіемъ ассоціаціи, причемъ такія сами собою понятныя причины, какъ большее прилежаніе, сбереженіе матеріала рабочими въ виду ихъ собственнаго интереса, и т. п., можно оставить въ сторонѣ. Но на знамени движенія должно быть выставлено только измѣненіе распредѣленія дохода производства, а не увеличеніе производства, во-пер-

выхъ потому, что производительная ассоціація есть матеріально, практически осязаемая мѣра, слѣдствіемъ которой является увеличеніе производства, а не наоборотъ; во-вторыхъ, такъ какъ именно по этой причинѣ измѣненіе распредѣленія дохода производства является непосредственно понятнымъ лозунгомъ, способнымъ задѣть за живое и двинуть народныя массы. Напротивъ, увеличеніе производства, въ сравненіи съ измѣненіемъ распредѣленія, ученая рефлексія, и кто съ ней носится, долженъ обладать достаточной силой мышленія, чтобы видѣть, что оно является необходимымъ слѣдствіемъ производительныхъ ассоціацій.

Что можете вы возразить противъ этого средства?

Вы сами, подъ давленіемъ моей агитаціи, не только высказались въ пользу производительныхъ ассоціацій, но даже, какъ вы сообщили въ собраніи здѣшняго рабочаго союза 21 іюня 1863, собрали у имущихъ сто тысячъ талеровъ. чтобъ вызвать къ жизни такія производительныя ассоціаціи. Правда, съ тѣхъ поръ мы не слыхали, что изъ этого вышло, и какія производительныя ассоціаціи были основаны на эти средства. Но оставляя это въ сторонѣ, неужели вы не видите, что этимъ поступкомъ вы сами отреклись отъ своего принципа „самопомощи", признали его ложность и неосуществимость и уступили мнѣ все, чего только я могъ пожелать?

Итакъ, вы признались теперь, что рабочій классъ не можетъ самъ двинуться впередъ посредствомъ „самопомощи", хотя въ вашемъ „Катехизисѣ" вы непрерывно повторяете это, какъ абсолютное условіе [1]). Если вы признаете теперь, что изъ „самопомощи" ничего не выйдетъ, что рабочій

---

[1]) См., напр., „Катехизисъ", стр. 81: „Одушевляемые сознаніемъ собственной силы, вы никогда не согласитесь, ради поддержки, которая вамъ не нужна, попасть въ зависимость, которая постигаетъ всякаго, кто опирается въ важнѣйшемъ вопросѣ существованія на добрую волю другихъ, на чужую милость". Или стр. 123: „Кто требуетъ поддержки отъ кого-либо другого, хотя бы отъ государства, тотъ допускаетъ надъ собой опеку, надзоръ и отказывается отъ своей самостоятельности. Это значило бы отречься отъ самого себя и проч. и проч. Это значило бы отречься отъ духа предковъ, измѣнить потомкамъ и проч.".

Здѣсь вы даже соглашаетесь, въ словахъ „...отъ кого-либо другого, хотя бы даже отъ государства", что помощь со стороны другого, а не государства, еще хуже. И вы, дѣйствительно, возстаете на стр. 78 противъ помощи со стороны состоятельныхъ классовъ; ср. стр. 128 и почти каждую страницу вашей книги. И вдругъ теперь вы сами совершаете „измѣну": собираете 100.000 талеровъ отъ этихъ классовъ.

классъ долженъ искать помощи капиталомъ и кредитомъ со стороны,—то не лучше-ли, во всякомъ случаѣ, искать ихъ у законодательства, для котораго рабочій свободный человѣкъ, а не у манчестерцевъ, для которыхъ онъ покорный, кастрированный служитель милостиваго господина.

А далѣе, неужели вы не видите, что на такую смѣхотворную сумму, какую вамъ удалось собрать у либеральныхъ коммерціи совѣтниковъ для вящщаго одурачиванія рабочихъ, быть можетъ, и возможно помочь горсточкѣ рабочихъ, поставивъ ихъ въ буржуазныя условія, превративъ ихъ въ буржуа, но никоимъ образомъ нельзя помочь рабочему классу, никоимъ образомъ нельзя разбить анализированныя выше цѣпи капитала?

Но даже и этой горсточкѣ рабочихъ нельзя будетъ помочь. Такъ какъ поймите одно! Въ каждомъ общественномъ состояніи все направляется согласно господствующему теченію и воспринимаетъ его законъ. „Id quod plerumque fit",—вы вѣдь еще не забыли этого?—„то, что происходитъ въ большинствѣ случаевъ, опредѣляетъ каждый отдѣльный случай". Поэтому-то экономическіе вопросы всегда разрѣшаются только въ большомъ, а не въ маломъ масштабѣ. Ничего не могло бы быть легче для „свободной конкуренціи", какъ раздавить горсть рабочихъ, соединившихся въ ассоціацію. Какъ на полѣ битвы большія арміи, такъ на экономическомъ полѣ большія массы рабочихъ, большіе капиталы рѣшаютъ побѣду. Конечно, именно потому и обратно,—ничего не могло бы быть легче, какъ обратить свободную конкуренцію, которая теперь душитъ рабочаго, въ орудіе его освобожденія. Но для этого потребовалось бы сначала перевести большія арміи на сторону рабочихъ, на сторону ассоціаціи. А это можетъ только государство, которое и на полѣ битвы и на экономическомъ полѣ одно способно привести въ движеніе большія арміи рабочихъ и одержать, благодаря этому, побѣду.

Отсюда само собою вытекаетъ опроверженіе того возраженія, которому вы, повидимому, придаете главное значеніе. Какъ можетъ государство взять на себя такой рискъ! восклицаете вы.

Этотъ рискъ иллюзія, господинъ Шульце!

Въ самомъ дѣлѣ, предприниматель Петръ и предприниматель Павелъ подвергаются опасности потерять при производствѣ свой капиталъ, такъ какъ возможно, что предприниматели Христофъ, Готлибъ и Іоганнъ отобьютъ у нихъ рынокъ.

Но если отдѣльный предприниматель подвергается этой опасности, то производство никогда не можетъ ей подвергнуться. Производство всегда сопровождается прибылью и возрастаніемъ. Прочтите любую статистическую

книгу по этому вопросу,—вы увидите постоянное, изъ года въ годъ, наростаніе національнаго капитала, заложеннаго въ промышленности.

Теперь вамъ будетъ ясно, что если бы государство рѣшилось на такое освобожденіе труда въ большомъ масштабѣ, то въ каждомъ городѣ въ ассоціацію соединились бы не отдѣльные рабочіе, а всѣ рабочіе даннаго производства, то есть само производство въ цѣломъ, или, по крайней мѣрѣ, всѣ тѣ рабочіе, которые вообще желаютъ соединиться въ производительныя ассоціаціи.

Если вы хоть сколько-нибудь сомнѣваетесь въ этомъ, то я обращу ваше вниманіе на то, что еще въ Парижѣ въ 1848 году, когда государство послѣ іюльской революціи, съ цѣлью оказать притворную справедливость побѣдоносно разстрѣляннымъ рабочимъ, декретировало 5 іюля 1848 года смѣхотворную субсидію въ 3.000.000 франковъ на рабочія ассоціаціи,—въ этомъ фактѣ отчетливо проявилось естественное стремленіе массъ.

Такъ, въ Парижѣ 30.000 сапожниковъ заявили желаніе образовать одну ассоціацію сапожниковъ. Само собою разумѣется, назначенный для распредѣленія этой субсидіи „Conseil d'encouragement", оказавшійся въ дѣйствительности „совѣтомъ обезкураживанія", отказалъ имъ.

Такъ, предполагавшаяся „братская ассоціація портныхъ" охватывала всѣхъ парижскихъ портныхъ, числомъ болѣе 20.000, и уже 28 марта 1848 г. заключила съ городомъ Парижемъ контрактъ на поставку 100.000 мундировъ, для выполненія котораго помѣстилась въ зданіяхъ тюрьмы Клиши, освободившейся вслѣдствіе отмѣны заключенія за долги. Но подъ предлогомъ опасности такого скопленія рабочихъ для общественнаго спокойствія, они были выгнаны изъ залъ Клиши спустя нѣсколько недѣль послѣ іюньскаго боя, и городъ постыднѣйшимъ образомъ нарушилъ заключенный имъ контрактъ, уплативъ неустойку въ 30.000 франковъ. О субсидіи же сначала и рѣчи не было.

Точно также цѣлая корпорація жестяниковъ уже 12 марта 1848 года рѣшила основать ассоціацію. Но и жестяникамъ было отказано въ государственной поддержкѣ.

Итакъ, вы видите, что въ самомъ рабочемъ классѣ живетъ стремленіе сосредоточить въ одной ассоціаціи цѣлую отрасль производства даннаго города. Кромѣ того, и государство помогло бы этому стремленію, если бы въ каждомъ городѣ открыло кредитъ только одной ассоціаціи въ каждой отдѣльной отрасли производства, разумѣется, открывая свободный доступъ въ эту ассоціацію всѣмъ рабочимъ даннаго производства.

Государству, разумѣется, не придетъ въ голову вводить въ міръ рабо-

чихъ тѣ же явленія, которыя характеризуютъ буржуазію, и превращать рабочихъ, сгруппированныхъ въ мелкія ассоціаціи, въ конкурирующихъ буржуа. Не стоитъ труда! Короче сказать, какъ я уже указалъ съ достаточной ясностью въ моемъ „Отвѣтѣ", предлагая кредитный и страховой союзъ ассоціацій: производительная ассоціація,—это распадающаяся въ каждомъ данномъ пунктѣ на различныя отрасли производства производительная ассоціація. При такихъ условіяхъ цѣлая отрасль производства въ данномъ пунктѣ очень скоро сосредоточится въ одной единственной ассоціаціи, и всякая конкуренція между ассоціаціями одного города окажется невозможной, вслѣдствіе чего, какъ видите, для ассоціаціи устраняется рискъ, которому подвергается отдѣльный предприниматель, и она овладѣваетъ вѣрнымъ, всегда прогрессирующимъ успѣхомъ, присущимъ „производству" въ цѣломъ.

Кромѣ того, я, какъ уже замѣчено, обратилъ вниманіе въ моемъ „Отвѣтѣ" на то обстоятельство, что не только кредитный, но и страховой союзъ могъ бы охватить или всѣ рабочія ассоціаціи вообще, или, что, можетъ быть, на первое время было бы практичнѣе, всѣ ассоціаціи страны въ предѣлахъ одной и той же отрасли производства и, такимъ образомъ, выравнять до незамѣтныхъ размѣровъ всѣ случайныя потери. Мимоходомъ обращу ваше вниманіе и на то, что путемъ взаимнаго сообщенія и просмотра балансовъ и дѣловыхъ книгъ ассоціацій одной и той же отрасли производства страны легко будетъ перемѣстить отрасль промышленности, которая по какимъ-либо специальнымъ причинамъ не можетъ процвѣтать въ данномъ городѣ, въ болѣе подходящую для нея мѣстность.

Итакъ, рискъ, которому подвергается капиталъ, для рабочихъ ассоціацій не существуетъ, такъ какъ онъ существуетъ только для каждаго изъ борющихся, конкурирующихъ производителей въ силу этой самой борьбы, но не для производства, представляемаго ассоціацией!

Вы видите здѣсь также съ достаточной ясностью, какъ у васъ рушится кусокъ за кускомъ все сооруженіе, съ помощью котораго вы и либеральная школа хотите обосновать прибыль на капиталъ.

„Рискъ", по вашему, справедливое и главное основаніе прибыли на капиталъ; но если-бъ даже такъ было, то теперь вы видите, что это справедливо, самое большее, для современнаго міра, что есть способъ такой организаціи производства, при которой всякій рискъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и всякое оправданіе прибыли на капиталъ исчезаютъ. Иными словами, рискъ—явленіе чисто отрицательное. Это, какъ я уже объяснялъ вамъ, —только месть за злоупотребленіе, послѣдовательная месть за то, что вмѣсто труда

капиталъ сдѣлался пріобрѣтающимъ. Устраните зло,—вмѣстѣ съ нимъ сама собою исчезнетъ и отрицательная месть за него, которую остроумное міросозерцаніе ваше и либеральныхъ экономистовъ превращаетъ въ положительное правовое основаніе этого зла!

Все ваше сооруженіе, говорю я, распадается, и такъ плачевно, что теперь это должно быть ясно даже для самыхъ близорукихъ глазъ. Такъ какъ то же самое происходитъ теперь и съ „вознагражденіемъ за интеллектуальный трудъ“ веденія дѣла,—вознагражденіемъ, которое, по вашему, составляетъ природу предпринимательской прибыли. Если для господъ буржуа дѣйствительно требуется только „плата за интеллектуальный трудъ“, которая, однако, на дѣлѣ составляетъ лишь крошечную частицу современной предпринимательской прибыли, — то неужели вы не видите, господинъ Шульце, что эту плату, и еще въ гораздо болѣе щедрыхъ размѣрахъ, они получали бы и въ большихъ рабочихъ ассоціаціяхъ и, стало быть, не имѣли бы никакого основанія возставать противъ этой мѣры. Завѣдующіе, директора фабрикъ, управляющіе, бухгалтеры, кассиры, короче сказать, интеллектуальные руководители всякаго рода потребуются и въ большихъ рабочихъ ассоціаціяхъ, и, стало быть, господа буржуа могутъ оказаться тамъ очень полезными и получать свою „плату за умственный трудъ“ такъ же успѣшно, какъ и при своихъ теперешнихъ предпріятіяхъ. Мало того, эта плата за умственный трудъ была бы тамъ гораздо щедрѣе того, что нынѣ выплачивается за умственный трудъ или что дѣйствительно можетъ считаться такой платой въ современномъ предпринимательскомъ доходѣ. Такъ какъ я уже доказалъ вамъ въ моей „Книгѣ для чтенія рабочимъ“, что повышеніе оплаты неквалифицированнаго, простого труда должно вызвать соотвѣтственное повышеніе оплаты всякаго квалифицированнаго и умственнаго труда.

Надо-ли мнѣ еще тратить слова по поводу вашего великолѣпнаго аргумента насчетъ жестокаго обремененія „податной кассы“ такой государственной мѣрой? Податная касса вовсе не будетъ привлекаться къ этой цѣли! Всякій капиталъ есть запасъ для веденія производства, который въ производствѣ возвращается самъ собою въ выручкѣ за продукты, и распадается на двѣ части: 1) перемѣнный капиталъ; онъ возвращается въ производствѣ въ теченіе одного года, даже нѣсколькихъ мѣсяцевъ; въ большинствѣ случаевъ онъ даже выплачивается предпринимателями, пользующимися кредитомъ у поставщиковъ сырья, послѣ этого возвращенія. Но этотъ кредитъ рабочія ассоціаціи, обезпеченныя государственнымъ кредитомъ, также легко найдутъ у поставщиковъ сырого матеріала, какъ богатѣйшіе частные пред-

приниматели, что же касается остальныхъ денегъ, то потребность въ нихъ будетъ съ избыткомъ удовлетворена простымъ предписаніемъ Королевскому Банку учитывать векселя этихъ рабочихъ ассоціацій. 2) Постоянный капиталъ. Онъ также погашается въ нашемъ промышленномъ производствѣ, въ большинствѣ случаевъ, въ теченіе немногихъ лѣтъ. Запасти этотъ капиталъ, какъ я показалъ въ „Книгѣ для чтенія рабочимъ“, было бы также нетрудно при посредствѣ государственнаго банка, такъ что „податную кассу“ совсѣмъ не придется трогать для этого возрожденія рода человѣческаго.

Я вамъ показалъ, что производительная ассоціація принесла бы обществу безконечныя выгоды, устранивъ рискъ капитала и связанныя съ нимъ отчасти дѣйствительныя потери. Не хотите-ли бросить бѣглый взглядъ на нѣкоторые другіе источники громаднаго обогащенія всего общества, открывающіеся при этомъ способѣ производства.

Мы видѣли, что всѣ рабочія ассоціаціи въ странѣ объединяются въ одинъ кредитный союзъ и, для начала, по крайней мѣрѣ всѣ рабочія ассоціаціи одной и той же отрасли производства въ одинъ страховой союзъ.

Вамъ понятно также само собою, что во всѣхъ этихъ ассоціаціяхъ очень скоро проявится стремленіе къ объединяющей ихъ всѣхъ организаціи, которое для начала выразится, по крайней мѣрѣ, взаимнымъ освѣдомленіемъ о состояніи и условіяхъ производства (при этихъ словахъ, господинъ Шульце, вы и весь вашъ мѣщанскій міръ, привыкшій къ торгашескимъ секретамъ, имѣющимъ основаніе при современномъ веденіи дѣлъ, въ бѣшенствѣ и отчаяніи рвете на себѣ волосы!) Эта естественная потребность въ солидарности всего производства немедленно обнаружилась въ рабочемъ классѣ въ Парижѣ въ 1848. Въ концѣ 1848 парижскія рабочія ассоціаціи назначили, для объединенія въ извѣстныхъ границахъ всѣхъ ассоціацій, сто делегатовъ, составившихъ „рабочую камеру“. Но „государственная власть очень скоро запретила имъ собираться“.

Но потребность въ солидарности была слишкомъ жива въ рабочемъ классѣ, чтобъ уступить первому же полицейскому препятствію. Въ октябрѣ 1849 эта потребность снова привела къ возникновенію „Братскаго союза ассоціацій“. Но 20 мая 1850 эти делегаты, числомъ 49, собравшіеся въ Rue Michel le Comte, въ засѣданіи общества, чтобъ выслушать отчетъ о трудахъ комиссіи, были арестованы и послѣ пятимѣсячнаго предварительнаго заключенія осуждены судомъ присяжныхъ подъ тѣмъ предлогомъ, будто они образовали тайное политическое общество!

Вы видите, господинъ Шульце,—вся ваша мѣщанская мразь существуетъ только по милости полиціи, которую ей доставляетъ государство!

Горе ей, если оно въ одинъ прекрасный день иначе посмотритъ на дѣло!

Итакъ, вначалѣ это объединеніе всѣхъ ассоціацій страны выразится, по меньшей мѣрѣ, въ взаимномъ освѣдомленіи насчетъ состоянія и условій производства. А если такъ, то неужели вы не видите, что въ дѣловыхъ книгахъ всѣхъ этихъ ассоціацій, при посредствѣ центральныхъ комиссій, учрежденныхъ для ознакомленія съ ними, будетъ дано надежное основаніе для научной статистики потребности въ производствѣ, и, такимъ образомъ, очень скоро явится возможность избѣгать перепроизводства? А пока это будетъ еще не вполнѣ достигнуто, перепроизводство превратится въ простой запасъ для будущаго, такъ какъ ассоціаціи, благодаря своимъ громаднымъ средствамъ, будутъ избавлены отъ необходимости сбывать продуктъ ради конкуренціи? Но понимаете-ли вы, что это значитъ? какимъ источникомъ благополучія и обогащенія явилось бы для всего общества избавленіе отъ перепроизводства и вызываемыхъ имъ кризисовъ?!

Бросьте взглядъ на другой громадный, положительный источникъ обогащенія для всего общества, связанный съ этимъ способомъ производства.

Развѣ вы никогда не слыхали объ уменьшеніи издержекъ, обусловленномъ крупнымъ производствомъ. Я долженъ былъ бы исписать цѣлые фоліанты, если бъ захотѣлъ привести все, что указывалось по этому поводу со временъ Артура Юнга! Ограничусь поэтому, въ видѣ примѣра, лишь немногими цитатами, которыя случайно имѣются у меня подъ рукой. Румфордъ показалъ, что хлѣбная печь, которая при первой топкѣ требуетъ 366 фунтовъ дерева, при непрерывной топкѣ требуетъ, начиная съ шестой, уже только 74 фунта каждый разъ. А тайный совѣтникъ Энгель показалъ, что въ одномъ только королевствѣ Саксоніи, благодаря сосредоточенію хлѣбопеченія па фабрикахъ съ непрерывнымъ производствомъ, ежегодно сберегался бы только на топливѣ, по меньшей мѣрѣ, милліонъ талеровъ. Тотъ же тайный совѣтникъ Энгель вычисляетъ, между прочимъ, производительность талера основного капитала въ саксонскихъ бумагопрядильняхъ. Она достигаетъ въ бумагопрядильняхъ, имѣющихъ:

до 1.000	веретенъ	ежегодно	17	кгр.,	0,9 пфен.
отъ 1.001 до 2.000	„	„	28	„	4,8 „
„ 5.001 „ 6.000	„	„	31	„	4,7 „
болѣе 12.000	„	„	36	„	4,6 „

Имѣете-ли вы также представленіе о громадномъ положительномъ обогащеніи—оставляя даже въ сторонѣ распредѣленіе—всего общества, которое явилось бы результатомъ этой концентраціи производства въ большихъ ассоціаціяхъ, благодаря сокращенію издержекъ и повышенію дохода производства?

Вы видите, эта концентрація не только преобразовала бы распредѣленіе, но и вызвала бы, устранивъ современное раздробленіе производства, совершенно негаданный подъемъ самого производства.

(Насчетъ обогащенія, которое даетъ концентрація производства, устраняя издержки пересылки, перевозки и пр., можно прочесть уже у сэра Вильяма Петти, тамъ, гдѣ онъ говоритъ о выгодахъ большихъ городовъ для промышленности и торговли. „Several Essays in Political Arithmetic", 4 изд., Лондонъ, 1754. Стр. 29).

Теперь бросьте взглядъ на міровой рынокъ! Той націи будетъ принадлежать міровой рынокъ, которая первая рѣшится произвести это соціальное преобразованіе въ грандіозномъ масштабѣ. Онъ будетъ заслуженной наградой ея энергіи и рѣшимости. Нація, которая въ этомъ отношеніи опередитъ остальныя, займетъ, благодаря дешевизнѣ концентрированнаго производства, по отношенію къ капиталистамъ другихъ націй, еще гораздо болѣе выгодное положеніе, чѣмъ то, которое такъ долго занимала Англія по отношенію къ континентальнымъ націямъ, благодаря большей концентраціи своихъ капиталовъ.

Я указалъ вамъ уже три великія причины умноженія богатства всего общества, благодаря производительнымъ ассоціаціямъ.

Перейдемъ къ четвертой, пятой и шестой.

Съ удовольствіемъ можемъ мы здѣсь замѣтить, что и новѣйшій политико-экономическій писатель Англіи, мистеръ Генри Фаусеттъ, съ особенною настойчивостью высказался въ пользу рабочихъ ассоціацій именно въ земледѣльческомъ производствѣ, въ отношеніи котораго ихъ возможность подвергалась особеннымъ сомнѣніямъ.

Здѣсь умѣстно сначала указать вкратцѣ причину, въ силу которой только посредствомъ производительныхъ ассоціацій на большую ногу земледѣліе можетъ развить всю свою доходность. Большинство земельныхъ улучшеній представляютъ покупку ренты, затрату капитала, который возмѣщается въ этихъ улучшеніяхъ только въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ въ формѣ ренты, но не можетъ быть снова разомъ извлеченъ изъ нихъ, какъ капиталъ. Поэтому, при настоятельной необходимости въ короткое время вернуть заимодавцу занятый подъ закладную и превращенный посредствомъ

земельнаго улучшенія въ ренту капиталъ, важнѣйшія и доходнѣйшія улучшенія оказываются просто невозможными для землевладѣльца, если случайно онъ не является въ то же время крупнымъ капиталистомъ, что, какъ извѣстно, бываетъ лишь въ очень рѣдкихъ исключительныхъ случаяхъ.

Только для производительной ассоціаціи, при ея грандіозныхъ средствахъ, это окажется доступнымъ.

Входить въ разсмотрѣніе другого, вытекающаго изъ крупнаго производства, повышенія производительности, особливо натуральнаго дохода земледѣлія, здѣсь не мѣсто,—и мы ограничимся лишь этимъ замѣчаніемъ.

Но остановимся на минуту на вопросѣ, почему мистеръ Фаусеттъ считаетъ производительную ассоціацію еще болѣе умѣстной въ земледѣльческомъ производствѣ, чѣмъ въ промышленномъ.

Вотъ его собственныя слова: „отрасль производства, въ которой будетъ примѣненъ принципъ кооперацiи, не должна быть спекулятивной природы“.

Разсмотрите внимательно, и вы увидите, что здѣсь содержится очень вѣрный моментъ, который обращается въ дальнѣйшее большое преимущество производительной ассоціаціи.

Въ самомъ дѣлѣ, буржуазіи вполнѣ присущъ одинъ талантъ: специфическій талантъ спекуляціи. Этотъ специфическій талантъ спекуляціи разрѣшается по своему содержанію всегда въ одинъ вопросъ: какою хитростью отобью я всего вѣрнѣе сбытъ или доходъ у моего коллеги-производителя? Это талантъ, вытекающій изъ свободной конкуренціи, слѣдствіемъ котораго является не ростъ и умноженіе общаго дохода производства, а распредѣленіе его, перемѣщеніе изъ однѣхъ рукъ въ другія. Это талантъ обиранія. Въ этомъ отношеніи буржуазный періодъ, надо отдать ему справедливость, недосягаемъ! Эта жизненная стихія свободной конкуренціи становится прирожденнымъ элементомъ господъ буржуа, воспитывающихся въ ней съ юности. Какъ индѣецъ въ лѣсу, выслѣживаетъ дичь по признакамъ, которые совершенно непостижимы для европейца, такъ и они обладаютъ особымъ чутьемъ, помогающимъ выслѣживать всякую возможность обиранія.

Рабочій продуктивенъ, продуктивный талантъ буржуазіи онъ раздѣляетъ вполнѣ. Но ея спекулятивнымъ талантомъ онъ, конечно, не обладаетъ и, надо надѣяться, никогда не будетъ обладать.

Лишняя причина, облегчающая буржуазіи возможность раздавить мелкія рабочія ассоціаціи, какъ ихъ представляетъ себѣ господинъ Фаусеттъ.

Но какъ хитрости и извороты лисы не помогутъ противъ удара львиной лапы, какъ изощренныя чувства индѣйца пасуютъ передъ ружейнымъ

огнемъ европейца, такъ этотъ спекулятивный генiй обиранiя не можетъ имѣть сколько-нибудь серьезнаго значенiя въ борьбѣ съ большими армiями ассоцiацiй отраслей производства и обусловленной ими дешевизной. А благодаря счастливому устраненiю этого спекулятивнаго таланта получилась бы и другая огромная выгода, какъ въ нравственномъ, такъ и въ экономическомъ отношенiяхъ, такъ какъ, разумѣется, этотъ спекулятивный талантъ обиранiя влечетъ за собой массу безполезныхъ издержекъ, анонсы, рекламу, назойливыхъ комми-вояжеровъ, обманныя этикетки, фальсификацiю, плату газетнымъ сотрудникамъ, подкупъ и пр., и пр., и пр., короче, обманы всякаго рода, къ которымъ теперь каждый болѣе или менѣе вынужденъ прибѣгать, потому что ими пользуется его конкурентъ, и которыя, окупаясь въ отдѣльныхъ случаяхъ, значительно удорожаютъ производство въ цѣломъ.

Другое и значительное обогащенiе общества, благодаря производительнымъ ассоцiацiямъ, заключается въ измѣненiи направленiя производства и также можетъ быть здѣсь указано лишь въ самыхъ короткихъ словахъ. Предметы производства сообразуются, главнымъ образомъ, съ числомъ имѣющихся для нихъ потребителей и имъ опредѣляются. Потребители безъ платежныхъ средствъ,—а таковъ нынче рабочiй классъ въ отношенiи всего, что выходитъ за предѣлы необходимѣйшихъ средствъ существованiя -- вовсе не потребители.

Такъ какъ измѣнившееся распредѣленiе дохода производства превратитъ рабочихъ въ платежеспособныхъ потребителей, то и предметы потребленiя будутъ сообразоваться главнымъ образомъ съ потребностями и вкусомъ рабочихъ, т. е. произойдетъ, въ существенныхъ чертахъ, слѣдующее превращенiе: соотвѣтственно вкусу этого класса будетъ производиться полезное и красивое [1]), а не дорогое, какъ нынѣ, соотвѣтственно вкусу буржуазiи, требующей дорогого, потому что оно дорого и, слѣдовательно въ немъ, хотя бы оно было безполезно и некрасиво. выступаетъ на показъ богатство владѣльца. Умноженiе общественнаго богатства, обусловленное этимъ измѣненiемъ въ направленiи производства, отнюдь нельзя считать незначительнымъ.

---

[1]) Справедливо указываетъ Губеръ („Konkordia", стр. 20), что ассоцiацiя такъ называемыхъ Рочдэльскихъ пiонеровъ устроила общественный водоемъ, который на много миль кругомъ въ области паровой индустрiи является единственнымъ виднымъ произведенiемъ искусства.

И новый расцвѣтъ искусства,—хотя здѣсь мы не можемъ вдаваться въ объясненiе этихъ соотношенiй,—наступитъ только послѣ этого мiрового поворота.

Наконецъ, только тѣсная связь государства съ производствомъ, вызванная производительной ассоціаціей, сдѣлаетъ возможнымъ оборудованіе массы предпріятій, которыя будутъ сопровождаться неисчислимыми послѣдствіями для народнаго благосостоянія и богатства и, тѣмъ не менѣе, въ настоящее время никѣмъ не могутъ быть оборудованы. Мнѣніе, будто свободная конкуренція способствуетъ развитію общественнаго богатства какъ таковаго, само по себѣ, независимо отъ всѣхъ нашихъ предыдущихъ объясненій, есть мнѣніе слишкомъ общее и потому совершенно невѣрное; оно вѣрно лишь постольку, поскольку вновь открывающійся источникъ богатства можетъ быть тутъ же, цѣликомъ или отчасти, захваченъ для эксплуатаціи въ свою пользу частными предпринимателями. Только при этомъ условіи индивидуумъ или отдѣльный капиталъ, при условіяхъ свободной конкуренціи, имѣютъ поводъ или только возможность содѣйствовать умноженію общественнаго богатства. Но великія предпріятія, хотя бы ихъ послѣдствіемъ явилось величайшее обогащеніе націи, разъ они не удовлетворяютъ этому условію, т. е. не приспособлены къ тому, чтобы пересыпать свой доходъ, цѣликомъ или частью, на болѣе или менѣе продолжительное время, въ карманы индивидуума—не могутъ быть осуществлены при свободной конкуренціи. Чтобы пояснить это, приведемъ нѣсколько примѣровъ: уже много лѣтъ тому назадъ нашъ знаменитый физіологъ Бурмейстеръ доказалъ, что безчисленныя стада буйволовъ въ Техасѣ и другихъ штатахъ центральной и южной Америки, до самыхъ береговъ моря,—на которыхъ туземцы охотятся ради развлеченія и бросаютъ за ненадобностью, безъ всякихъ затрудненій могли бы быть использованы для питанія европейскаго рабочаго населенія, кормящагося картофелемъ. Мясо буйволовъ можно бы было на мѣстѣ превращать въ сгущенный бульонъ, который, сохраняя всѣ свои питательныя свойства, прессуется въ такой ничтожный объемъ, что расходы на перевозку громадныхъ массъ не стоятъ и упоминанія. Или: болѣе ста лѣтъ тому назадъ мореплаватель Кукъ объявилъ, что тотъ, кто посадитъ одно хлѣбное дерево, сдѣлаетъ для человѣчества столько же и даже больше, чѣмъ европейскій рабочій, который мучился всю жизнь. Питательное вещество плодовъ хлѣбнаго дерева тоже можно бы прессовать на островахъ Товарищества въ массу, занимающую ничтожный объемъ. Во время крымской войны возможность подобной прессовки, которая практиковалась въ то время для армій, была вполнѣ доказана [1]). Нашъ бѣдствующій и голодающій народъ, силезскіе ткачи, сак-

---

[1]) На лондонской промышленной выставкѣ 1862 г. фигурировали

сонскіе рудокопы, рейнскіе фабричные пролетаріи, часто едва вырабатывающіе на разрушительное для организма картофельное питаніе, имѣли бы хлѣбъ и мясо почти за безцѣнокъ!

Но открывается-ли въ настоящее время хотя бы только возможность для такихъ предпріятій? Какой капиталистъ согласится на огромныя затраты, требуемыя такими предпріятіями, разъ, даже въ случаѣ блестящаго успѣха, на нихъ не сдѣлаешь никакого „гешефта", такъ какъ тогда и другіе капиталисты или общества капиталистовъ устремятся въ эту отрасль производства и, благодаря свободной конкуренціи, отнимутъ у перваго предпринимателя, преодолѣвшаго всѣ хлопоты, опасности и затрудненія перваго опыта, прибыль предпріятія, такъ что окажется, что онъ работалъ только въ пользу своихъ преемниковъ? Для такой роли капиталы не годятся, вслѣдствіе чего то, что не можетъ попасть, по крайней мѣрѣ на время, въ исключительное владѣніе индивидуума, по необходимости остается непредпринятымъ, особливо, если оно связано съ болѣе или менѣе значительными издержками.

Приведенные примѣры надо, конечно, принимать въ расчетъ только какъ примѣры. Но можно бы привести тысячи другихъ примѣровъ въ томъ же родѣ. Вся область науки и ея успѣховъ только тогда станетъ дѣйствительно плодотворной для націи, когда производительная ассоціація установитъ непосредственную связь между государствомъ и производствомъ.

И... но иногда можно завести черезчуръ далеко теоретическія доказательства и именно ихъ точностью и мѣткостью еще умножить стоящія поперекъ дороги практическія затрудненія, а ихъ и безъ того довольно!

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Я говорилъ положительно и серьезно, и проявилъ бы меньше вкуса, чѣмъ у меня есть, если бъ вздумалъ теперь снова перейти къ выясненію дальнѣйшихъ безчисленныхъ нелѣпостей вашего сочиненія.

Да и зачѣмъ?

образчики концентрированнаго сухого мяса изъ Уругвая, которое притомъ отличалось хорошимъ вкусомъ. См. Lothar Bucher. „Bilder aus dem Fremde". Т. 2, стр. 178 и слѣд.

Мы узнали, что вы такое и что вы можете. Вы,—простите мнѣ это благородное сравненіе, но я не хочу употреблять другого, дѣйствительно подходящаго,—вы освѣжеваны, какъ олень, и здѣсь подлѣ меня моя собака держитъ въ пасти ваши дымящіяся внутренности!

Копаться въ васъ дальше значило бы только вызвать тошноту и отвращеніе.

Итакъ, я не хочу больше говорить о вашихъ ошибкахъ, а хочу лишь извиниться въ своей ошибкѣ по отношенію къ вамъ.

Эта ошибка коренится въ томъ, что, какъ я уже сказалъ въ предисловіи, я вовсе не зналъ васъ до тѣхъ поръ, пока не прочелъ въ Тараспѣ вашъ катехизисъ.

До тѣхъ поръ я совершенно ошибался въ васъ.

Правда, я зналъ, что вы не ученый и еще менѣе человѣкъ научнаго образованія, за котораго вы такъ охотно выдаете себя.

Но все-таки я считалъ васъ за сносно-образованнаго человѣка.

Правда, я зналъ, что вы надоѣдаете рабочимъ мѣщанскими предложеніями, которыя ни къ какому путному результату привести не могутъ.

Но я думалъ, что это только слѣдствіе вашей ограниченности; я думалъ, что эта ограниченность соединяется у васъ съ теплымъ благожелательствомъ въ отношеніи рабочаго класса. Я еще не зналъ—такъ какъ еще не прочелъ вашего катехизиса!—что вы обрабатываете его только какъ орудіе буржуазіи въ интересахъ буржуазіи и капитала.

Отсюда вѣжливое обращеніе съ вами еще въ моемъ „Отвѣтѣ". Отсюда горячая признательность, которую я высказывалъ вамъ за ваши добрыя намѣренія, хотя и разъяснялъ жалкое безсиліе вашихъ предложеній.

Даже послѣ того какъ вслѣдъ за моимъ „Отвѣтомъ" на меня обрушилась вся свора вашихъ листковъ, и сотни клоакъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ ежедневно изливали на меня самую неслыханную ложь, извращенія и пошлости,—мое отношеніе къ вамъ не измѣнилось!

Я думалъ, подъ вліяніемъ преувеличеннаго чувства справедливости, что необходимо различать между партіей и ея вождемъ.

Я видѣлъ, что у васъ хватаетъ безстыдства не препятствовать вашей партіи и извлекать возможную пользу изъ всѣхъ ея невѣжественныхъ выходокъ и клеветъ.

Но я не считалъ васъ настолько невѣжественнымъ и безстыднымъ, чтобы вы могли сами непосредственно участвовать во всемъ этомъ. Я думалъ, что вы предоставили своей партіи это благородное ремесло: аргументировать невѣжествомъ и ложью.

Я, какъ уже сказано, еще не зналъ вашего „Катехизиса“.

Такъ, первымъ крупнымъ козыремъ, съ помощью котораго ваша партія думала нанести мнѣ смертельный ударъ, было утвержденіе, будто я хочу „подогрѣть Луи Блановскія національныя мастерскія 1848 года“. Со страницъ всѣхъ листковъ вашей партіи ежедневно раздавался тогда этотъ торжествующій упрекъ по моему адресу. Я взялъ „Volkszeitung“, которая раньше всѣхъ принялась гарцовать на этомъ конькѣ, и пригвоздилъ ее въ статьѣ отъ 24 апрѣля 1863, напечатанной въ „Deutsche Allgemeine Zeitung“, къ позорному столбу ея невѣжества.

Но такъ какъ въ газетныхъ отчетахъ о вашихъ лекціяхъ я не нашелъ указаній на то, что вы сами повинны въ такомъ грандіозномъ невѣжествѣ, то и счелъ долгомъ констатировать это, поддаваясь все тому же преувеличенному чувству справедливости.

Касаясь этого пункта въ моей франкфуртской рѣчи, я говорю совершенно опредѣленно: „господинъ Шульце этого не говорилъ; онъ говорилъ о субсидированныхъ ассоціаціяхъ, которыя организовались въ Парижѣ уже послѣ крушенія національныхъ мастерскихъ, и т. д.“.

Теперь я, напротивъ, нахожу въ вашемъ катехизисѣ, что вы это, во всякомъ случаѣ, говорили. Вы тамъ возражаете мнѣ на стр. 82. „Именно, напомнимъ предложенія Луи Блана и національныя мастерскія 1848 во Франціи. Согласно этому плану, государство, въ видахъ устраненія пагубной конкуренціи и вреднаго преобладанія частнаго капитала, должно постепенно привлечь къ себѣ всѣ промышленныя предпріятія и вести ихъ на общественный счетъ и т. д.“.

Вы, слѣдовательно, повинны въ томъ же невѣжествѣ, что и господинъ Бернштейнъ, редакторъ „Volkszeitung“. Но ваше дѣло обстоитъ еще хуже.

Господинъ Бернштейнъ могъ бы по крайней мѣрѣ оправдаться ссылкой на свое глубокое и свойственное его профессіи, какъ редактора газеты, невѣжество.

Но въ то время, когда вы печатали свой катехизисъ, моя статья, въ которой разъясняется вопросъ о національныхъ мастерскихъ, уже давно появилась. Она помѣчена 24 апрѣля 1863.

Стало быть, вы должны были уже знать эту статью.

Пусть же всякій судитъ, какой мѣдный лобъ — или, такъ какъ это выраженіе слишкомъ благородно для васъ,—какую мѣщанскую, лживую, ни на что кромѣ „гешефта“ не способную, душонку надо имѣть, чтобъ повторять то же утвержденіе послѣ того, какъ моя статья уже появилась.

Вотъ мое первое извиненіе! Теперь перейдемъ ко второму!

Въ моемъ „Отвѣтѣ“ я излагаю „желѣзный законъ заработной платы“ и тамъ же говорю: „Какъ я уже замѣтилъ, въ самой либеральной школѣ не найдется ни одного извѣстнаго экономиста, который отрицалъ бы его. Адамъ Смитъ и Сэй, Рикардо и Мальтусъ, Бастіа и Джонъ Стюартъ Милль сходятся на его признаніи. Въ этомъ отношеніи полное единодушіе господствуетъ среди людей науки“.

Несказанный крикъ бѣшенства вырвался изъ буржуазной утробы, когда я выдалъ народу это таинство Цереры!

Теперь наступилъ чередъ наглаго отрицанія!

Господинъ Максъ Виртъ первый получилъ соотвѣтственный приказъ отъ своего кормильца. Онъ выскочилъ впередъ, и въ статьяхъ, которыя нашли отголосокъ отъ „Rheinische Zeitung“ въ Дюссельдорфѣ до „Berliner Reform“ и „Süddeutsche Zeitung“ въ Франкфуртѣ, а также и въ Вюртембергѣ, Баваріи и Баденѣ,—объявилъ этотъ законъ „гнилымъ закономъ Рикардо“, пояснивъ, съ великолѣпнѣйшими изворотами и передержками, что заработная плата опредѣляется отношеніемъ „расцвѣта промышленности къ національному капиталу“.

Замѣтимъ мимоходомъ, что наемные писаки буржуазной экономіи, въ періодъ эпигоновъ, въ эпоху Бастіа, дошли до того, что принялись презрительно отзываться о величайшемъ учителѣ буржуазной экономіи, Рикардо, такъ какъ откровенность, съ какою онъ излагаетъ результаты своихъ научныхъ изслѣдованій, сдѣлалась для нихъ неудобной“.

Ничто не сравнится съ моимъ удивленіемъ, когда я увидѣлъ, что этотъ, единогласно признанный всѣми авторитетами либеральной экономіи, законъ теперь внезапно встрѣтилъ столь же единодушное отрицаніе!

Именно потому я и сосредоточилъ на этомъ пунктѣ почти все содержаніе моего „Отвѣта“, что мнѣ казалось совершенно невозможнымъ отрицать этотъ пунктъ, насчетъ котораго господствуетъ рѣдкое единодушіе въ наукѣ либеральной экономіи.

Я еще слишкомъ мало оцѣнилъ лживость и въ особенности несравненное безстыдство буржуазіи.

Въ моей франкфуртской рѣчи я воздалъ ей справедливость.

Прежде всего я указалъ на то, что выдвигаемое противъ меня господиномъ Максомъ Виртомъ и его коллегами утвержденіе о регулированіи заработной платы отношеніемъ „расцвѣта промышленности къ національному капиталу“, т. е. спроса къ предложенію, говоритъ какъ разъ то самое, что и развитый мною законъ, только въ лукавыхъ, обманчивыхъ, не

понятныхъ рабочему фразахъ,—и самъ Максъ Виртъ ничего не могъ возразить на мое указаніе.

Далѣе, я тамъ же доказалъ цѣлымъ рядомъ цитатъ, что всѣ авторитеты, и не только авторитеты, но даже господинъ Максъ Виртъ всегда открыто признавали этотъ законъ.

Воздавая справедливость господину Вирту и его коллегамъ, я опять-таки считалъ себя обязаннымъ даже къ избытку справедливости!

Въ газетныхъ отчетахъ о вашихъ рѣчахъ мнѣ не случилось прочесть, что вы сами имѣли смѣлость оспаривать этотъ законъ. Я еще думалъ, что вы предпочли предоставить эту грязную задачу своимъ приспѣшникамъ.

Я счелъ своею обязанностью констатировать это.

Для оспариванія этого закона,—говорилъ я въ своей франкфуртской рѣчи,—у господина Шульце-Делича не нашлось необходимой дозы лживости; этого онъ не дѣлалъ. Это было привилегіей господина Макса Вирта и т. д.

Я снова ошибся, господинъ Шульце, какъ показываетъ мнѣ вашъ катехизисъ. Въ немъ вы совершенно опредѣленно оспариваете этотъ законъ и притомъ въ самой рѣзкой формѣ.

Но прежде чѣмъ разобрать слова, въ которыхъ вы высказываете это противорѣчіе, сдѣлаю еще одно замѣчаніе.

Теперь уже я не собираюсь доказывать истину этого закона. Это я сдѣлалъ въ „Книгѣ для чтенія рабочимъ“ и кромѣ того выше въ систематическомъ изложеніи и систематическимъ образомъ.

Здѣсь я приведу вамъ только еще одно доказательство: то именно, что вы сами знаете истинность этого закона, хотя и отрицаете ее.

Доказательство это въ скрытомъ видѣ содержится въ одномъ изъ положеній вашего катехизиса (стр. 37). „Отсюда слѣдуетъ,—говорите вы,—что усиленный ростъ капиталовъ обусловливаетъ усиленіе занятій и лучшую оплату рабочихъ, если только размноженіе рабочихъ не послѣдуетъ въ еще большей прогрессіи, чѣмъ возрастаніе капитала, заработной платы и занятій“.

Да? „Если только“? Если только число рабочихъ не возрастаетъ въ еще большей прогрессіи, то заработная плата растетъ. Если же число рабочихъ возрастаетъ въ еще большей прогрессіи, то заработная плата не растетъ или, въ случаѣ временнаго возрастанія, снова падаетъ.

Весь вопросъ, стало быть, сводится къ тому, не наступаетъ-ли, дѣйствительно, это „если только“, т. е. не возрастаетъ-ли число рабочихъ, въ случаѣ возрастанія капитала и заработной платы, въ еще большей степени, такъ что заработная плата снова падаетъ такъ же низко или еще ниже.

Когда появился мой „Отвѣтъ“, профессору Рау въ Гейдельбергѣ было поручено выступить противъ моего закона заработной платы. Чувствовали, что господъ Шульце, Фаухера, Вирта, Михаэлиса, недостаточно; и хотѣли противопоставить мнѣ какой-нибудь профессорскій спеціальный авторитетъ.

Господинъ профессоръ Рау дѣйствительно рѣшился яко-бы возражать мнѣ въ „Южнонѣмецкой“ и „Фоссовой газетѣ“. Онъ сдѣлалъ это при помощи того же „если только“! Мой законъ заработной платы не вѣренъ, если только не наступитъ „слишкомъ сильнаго размноженія рабочихъ“.

Однако же, наступитъ оно или нѣтъ?

Я возразилъ господину профессору Рау въ „Фоссовой газетѣ“ отъ 10 мая 1863.

Въ этомъ отвѣтѣ я показалъ господину профессору, на основаніи его собственныхъ сочиненій, какъ и почему это умноженіе числа рабочихъ дѣйствительно наступитъ и какимъ образомъ это „если только“ доказываетъ, что онъ самъ признаетъ истину этого, какъ будто, при помощи обманчивыхъ словоизворотовъ, имъ оспариваемаго закона. Я показалъ ему вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ мало „честно и достойно“ такое обморачиваніе народа словесными изворотами и до какой степени ему слѣдуетъ „краснѣть“ своего объясненія.

Господинъ профессоръ Рау не пытался возразить хоть словечко, несмотря на тяжесть этихъ упрековъ, обязывавшихъ его отвѣтить, если-бъ отвѣтъ былъ возможенъ.

Получивъ отповѣдь, онъ спокойно удалился съ поля сраженія!

У господина профессора Рау оказалась по крайней мѣрѣ совѣсть, въ которую можно было бить, можно было попадать.

А у васъ во что бить?

Статья противъ профессора Рау доказала въ тоже время и вамъ, что упомянутое „если только“ въ приведенной фразѣ свидѣтельствуетъ о томъ, какъ хорошо вамъ извѣстенъ этотъ законъ. Всякій, кто утверждаетъ, что заработная плата можетъ испытать длящееся повышеніе подъ вліяніемъ умноженія капиталовъ, если только умноженіе рабочихъ не окажется еще болѣе значительнымъ, знаетъ — и показываетъ, что знаетъ — что заработная плата не можетъ испытать длящагося повышенія, а смотря по обстоятельствамъ даннаго случая, или вовсе не повышается или вскорѣ падаетъ, по меньшей мѣрѣ, до прежняго уровня (если не ниже, какъ часто случается), такъ какъ умноженіе капиталовъ вызываетъ еще большее умноженіе рабочихъ.

Онъ знаетъ это, такъ какъ экономисты разсматриваютъ оба эти во-

проса въ однихъ и тѣхъ же мѣстахъ своихъ сочиненій, и упомянутое „если только“ указываетъ какъ разъ на знакомство съ обоими вопросами.

Теперь, когда мы заранѣе убѣдились, что вы сами знаете истину закона, который съ такой несравненной безсовѣстностью отрицаете передъ рабочими, разсмотримъ также опредѣленную форму, въ которой у васъ выступаетъ это противорѣчіе.

Вы говорите, разбирая мой „Гласный отвѣтъ“, въ вашемъ „Катехизисѣ“ на стр. 150: „Отсюда слѣдуетъ необходимо, что при современныхъ отношеніяхъ „средняя заработная плата всегда остается низведенной къ необходимымъ жизненнымъ средствамъ, которыя требуются привычками даннаго народа, для продленія существованія и размноженія“. Полнѣйшую невѣрность этого положенія вы чувствуете сами, какъ люди, живущіе среди этихъ отношеній, лишь только оглянетесь на свои собственные ряды, и нужно обладать всей наглостью, всѣмъ полузнаніемъ господина Лассаля, чтобы убѣждать васъ въ чемъ-либо подобномъ, да еще утверждать при этомъ, что всѣ авторитеты политической экономіи на его сторонѣ“.

Что касается авторитетовъ, то, кромѣ Рикардо, я цитировалъ въ моей „Книгѣ для чтенія рабочимъ“ Адама Смита, Ж. Б. Сэя, Джона Стюарта Милля, профессора Рошера, профессора Рау, профессора Цахаріэ, которые всѣ говорятъ буквально тоже самое. Другой рядъ (Тукъ, Мальтусъ, Сисмонди и проч.) приведенъ въ моихъ „Косвенныхъ налогахъ“, и мнѣ нетрудно было бы удвоить, утроить этотъ списокъ. Но, по словамъ господина Макса Вирта, я совершилъ „обманъ“. Въ цитированномъ выше мѣстѣ моего „Гласнаго отвѣта“, говоря о единодушіи, съ которымъ этотъ законъ признанъ экономистами, я упоминаю Бастіа въ числѣ тѣхъ, кто его признаетъ. А хотя господинъ Максъ Виртъ долженъ согласиться, что всѣ другіе авторитеты сдѣлали это, но Бастіа, великій Бастіа, золотой Бастіа никогда этого не дѣлалъ!

Бастіа не такъ дерзокъ и глупъ, чтобы выбалтывать подобныя вещи! думаетъ господинъ Виртъ. Поэтому, въ одной изъ статей своего „Работодателя“ господинъ Виртъ обвинилъ меня въ обманѣ. Съ безстыдствомъ, не имѣющимъ себѣ равнаго, я ссылаюсь на Бастіа, чтобы притянуть на свою сторону „и такое великое имя, какъ Бастіа“.—Я такъ основательно доказалъ въ этой книгѣ ничтожество этого „великаго Бастіа“, что, разумѣется, отнесся бы съ полнѣйшимъ равнодушіемъ къ его согласію или отрицанію.

Но все равно, господинъ Шульце, вотъ вамъ то мѣсто Бастіа, которое

я имѣлъ въ виду, когда утверждалъ, что даже Бастіа, самый лживый, до васъ, писатель-экономистъ, не отрицаетъ этого закона. Резюмируя возраженія противъ свободной конкуренціи, Бастіа упоминаетъ и высказывается о законѣ заработной платы въ слѣдующихъ словахъ: „Отсюда слѣдуетъ, что заработная плата имѣетъ тенденцію устанавливаться на уровнѣ того, что безусловно необходимо для жизни, и при такомъ положеніи вещей наступленіе малѣйшаго прироста и конкуренціи между рабочими является истиннымъ бѣдствіемъ, такъ какъ для нихъ дѣло идетъ не объ уменьшеніи благосостоянія, но о невозможности существовать. Конечно, въ этихъ выводахъ много, слишкомъ много фактически вѣрнаго. Отрицать страданія и униженія того класса людей, который осуществляетъ матеріальную часть въ дѣлѣ производства, значило бы закрывать глаза на то, что ясно какъ день. Говоря по правдѣ, именно въ этомъ печальномъ положеніи огромнаго числа нашихъ братьевъ заключается то, что справедливо названо соціальной проблемой“.

Такъ говоритъ Бастіа! И вскорѣ затѣмъ продолжаетъ:

„И такъ какъ въ этомъ, главнымъ образомъ, заключается соціальная проблема, то читатель пойметъ, что здѣсь я не могу ея касаться.

„Да будетъ угодно Богу, чтобы рѣшеніе вытекало изъ всей книги, но, конечно, оно не можетъ вытечь изъ одной главы“.

Богу, однако, не было угодно, чтобы рѣшеніе этой соціальной проблемы вытекло изъ книги Бастіа, такъ какъ оно столь же мало вытекаетъ изъ всей книги, какъ и изъ главы, о которой идетъ рѣчь, и слова Бастіа только простой способъ увернуться отъ рѣшенія неразрѣшимой для него проблемы.—Но сравните, что говоритъ о законѣ заработной платы Бастіа и что господинъ Шульце, и вы увидите, насколько ученикъ превзошелъ учителя.

Фактически слишкомъ истиннымъ называетъ его Бастіа и утверждаетъ, что отрицать печальное положеніе рабочихъ значило бы закрывать глаза на то, что ясно какъ день.

„Совершенно ложнымъ“, опирающимся только на „все мое полузнаніе и всю мою наглость“ называетъ его господинъ Шульце и его приспѣшники, господа Бернштейнъ, Виртъ, Михаэлисъ, Фаухеръ и сотни другихъ на всѣ лады повторяютъ это,—а чтобъ доказать эту ложность, онъ рѣшается предложить рабочимъ „оглянуться на свои собственные ряды!“

Какъ видите, отъ лживости Бастіа еще огромный шагъ до подлости господина Шульце и его сотоварищей по плутовству, шагъ, который безчеститъ Германію!

Такъ какъ вы сами заводите рѣчь о „полузнаніи", которое меня, по вашему, характеризуетъ, господинъ Шульце, и такимъ образомъ заставляете меня коснуться этого предмета, то скажу, что мнѣ не приходится стыдиться моего трудолюбія! Я приводилъ великія произведенія человѣческаго трудолюбія и знанія и могу сослаться на свидѣтельство Гумбольдта, Бека, Савиньи и многихъ имъ подобныхъ!

Но, сказали вы себѣ, объ этомъ не можетъ быть извѣстно въ кругу рабочихъ! Къ тому же вы опирались на сотни газетъ, —газетъ, слишкомъ глупыхъ для того, чтобы знать разницу между вами и мной, и слишкомъ лживыхъ, чтобы безпокоиться объ этой разницѣ, если-бъ она была имъ извѣстна.

Что касается спеціально моего „полузнанія" въ экономической области, то именно въ то время я напечаталъ мои „Косвенные налоги", сочиненіе, которое я написалъ, какъ и настоящее, среди агитаціи, рѣчей, газетныхъ объясненій и судебныхъ процессовъ, безъ всякаго теоретическаго досуга, исключительно въ цѣляхъ защиты, и въ которомъ, тѣмъ не менѣе, шутя, просто для провѣрки своей экономической начитанности, обнаружилъ основательнѣйшее знакомство съ цѣлыми рядами сочиненій, неизвѣстныхъ вамъ даже по названію, даже по именамъ авторовъ!

Но какое дѣло до всего этого? Вѣдь за вами сотня газетъ, рѣшившихъ ежедневно повторять все, что вы скажете, рѣшившихъ замалчивать все остальное, рѣшившихъ съ безпримѣрной наглостью отвергнуть всякій стыдъ! У меня не было газеты, я стоялъ одинъ, и потому вы и ваши рептиліи не сомнѣвались,—такъ мало вы знали силу одного человѣка,— что вамъ удастся уничтожить меня!

Итакъ, вы рѣшили, что вѣрнѣйшее средство для этого уничтоженія совершенно спокойно явиться передъ рабочими въ великолѣпной позѣ человѣка науки, смотрящаго сверху внизъ на невѣжественнаго недоучку!! [1])

[1]) Имѣя въ виду то время, когда всѣ экземпляры „Volkszeitung" давно уже послужатъ для той цѣли, которая имъ предназначена, я хочу увѣковѣчить здѣсь одно мѣсто изъ этого безстыжаго листка. чтобы потомство могло подивиться циническому безстыдству нашихъ современныхъ журналистовъ. Въ первомъ номерѣ той, состоящей изъ 13 передовицъ, глисты, которой опутала меня „Volkszeitung", говорится (№ 94 отъ 23 апрѣля 1863) обо мнѣ буквально слѣдующее: „Какъ всѣ любящіе аффронтъ (?) недозрѣлые умы, господинъ Лассаль имѣетъ, къ счастью, глупую претензію выступать въ роли ученаго передъ публикой, которой ученость чужда, и примѣшиваетъ такія дозы полузнанія къ своимъ работамъ, предназначеннымъ для парода, что остается непонятнымъ ему, и самъ уничтожаетъ свою опасность".

Сохрани Богъ, чтобы такому противнику, какъ вы, удалось задѣть мою гордость!

Поэтому я буду очень сдержаннымъ. Но, Шульце,—при всей сдержанности я могу сказать вамъ одно: разспросите обо мнѣ друзей и враговъ. И если только среди враговъ есть такіе, которые чему-нибудь учились, то и враги и друзья единогласно скажутъ вамъ обо мнѣ: каждую строчку, которую я пишу,—я пишу вооруженный всѣмъ образованіемъ моего вѣка.

И человѣкъ съ образованіемъ цирюльника—выражаясь языкомъ Шеллинга—осмѣливается упрекать меня въ „полузнаніи и наглости"!

ПОСЛѢСЛОВІЕ.

Меланхолическое размышленіе.

Такъ вотъ „король въ соціальномъ царствѣ", какъ величали его въ поздравительной рѣчи въ Кёльнѣ господа Георгъ Юнгъ, Генрихъ Бюргеръ и Гельвицъ! Вотъ признанный глава и вождь партіи прогрессистовъ! Вотъ „великій человѣкъ" всѣхъ нашихъ либеральныхъ газетъ всѣхъ оттѣнковъ, отъ „Volkszeitung" до „Rheinische Zeitung" и „Berliner Reform"!

Короче сказать, вотъ воплощенный разумъ нашей буржуазіи!

Если-бъ моей цѣлью было только уничтожить васъ, господинъ Шульце,—я могъ бы быть доволенъ результатомъ, и не имѣлъ бы поводовъ къ меланхолическому настроенію!

Такъ какъ въ эту минуту, когда я сдаю въ печать мою книгу, вы можете считать себя мертвымъ, а въ ту минуту, когда она найдетъ нѣсколько тысячъ читателей,—и погребеннымъ!

Въ этомъ порукой для меня,—какъ ни важно для жизненныхъ интересовъ вашей партіи защищать васъ,—уже людское тщеславіе. Опять будетъ то же, что случилось послѣ моего „Юліана", когда даже редакторъ „Національной Газеты", господинъ докторъ Цабель, каждому, кто только хотѣлъ его слушать, повторялъ: „я всегда это говорилъ, я всегда это говорилъ", хотя въ дѣйствительности самъ же печаталъ въ своей газетѣ неимовѣрно льстивыя хвалы Юліану, выходившія изъ-подъ пера господина Тита Ульриха!

Теперь случится то же самое, говорю я. Въ виду безпримѣрнаго невѣжества и неспособности къ мышленію, которыя я у васъ обнаружилъ, никто не захочетъ показать себя „невѣжественнымъ“ и „неспособнымъ“ настолько, чтобы стоять на одномъ съ вами уровнѣ, а не выше васъ. Мало-по-малу къ вамъ охладѣютъ, пока не дойдутъ до „всегда это говорили“. Дѣло еще будутъ отстаивать, но, сначала съ глазу на глазъ, потомъ въ кружкѣ пріятелей и наконецъ все громче и громче станутъ говорить, что вы то во всякомъ случаѣ „очень неспособный“ представитель этого дѣла, истинный enfant terrible. Въ концѣ концовъ, вы окажетесь скомпрометированнымъ человѣкомъ, съ которымъ никто не захочетъ знаться, изъ опасенія сдѣлаться смѣшнымъ самому вслѣдствіе сношеній съ вами.

Все это наступитъ въ самое короткое время, и, стало быть, васъ можно считать мертвымъ и погребеннымъ!

Но что же этимъ достигнуто?

Наши добрые Тифенбахскіе куманьки, портной и перчаточникъ, помажутъ въ „короли“ новаго дурака.

Тутъ можно сказать, слегка измѣняя стихи Гёте:

„Дурака они лишились—
Но остались дураки!“

Въ самомъ дѣлѣ, господинъ Шульце, къ сожалѣнію, не личность, а типъ: выраженіе нашей буржуазіи!

Когда недавно въ палатѣ господинъ фонъ-Бланкенбургъ противупоставилъ Квицовыхъ стараго времени современнымъ „Шульце и Мюллерамъ“, господинъ Шульце могъ объявить при бурномъ одобреніи прогрессистской партіи, что его имя, „конечно, не безъ отношенія къ его личности“, символизируетъ всю буржуазію!

Эти слова,—чего не поняла ликующая палата,—были самымъ убійственнымъ приговоромъ буржуазіи, какой только можно произнести!—но эти слова совершенная правда!

Всюду, всюду, куда ни оглянись, тѣ же выразители класса.

Въ литературѣ они называются Юліанами, въ палатѣ прогрессистской партіей, въ печати Цабелемъ и Бернштейномъ, въ экономіи Шульце!

Отсюда, отсюда ихъ великіе успѣхи въ практической и политической борьбѣ!

Какъ она удивляется, эта мелко плавающая чернь, что монархія и старая, привыкшая къ господству, аристократія не хотятъ склониться передъ нею! Разумѣется, это выглядѣло бы очень странно!

И какъ она удивляется, обращаясь къ другой сторонѣ, что ради нея не разверзается пропасть и не поглощаетъ ея противниковъ! Съ какимъ смущеніемъ оглядывается она на французскія національныя собранія конца прошлаго столѣтія и не можетъ понять, почему оказавшееся возможнымъ для тѣхъ оказывается невозможнымъ для этихъ?

Но поймите же, милостивые государи! Французскія національныя собранія конца прошлаго столѣтія соединяли въ себѣ весь геній и весь умъ Франціи, не было въ тогдашней Франціи ни одной единственной мысли, которая заходила бы дальше цѣлей, поставленныхъ себѣ этими собраніями! Во всей литературѣ и философіи этого періода нельзя указать хоть одну мысль, которая не заставляла бы биться пульсъ этихъ собраній, которую они не пытались бы осуществить! Они стояли, такимъ образомъ, на высшемъ теоретическомъ уровнѣ своего времени, на вершинѣ его просвѣщенія!

Такъ сдѣлались они живымъ воплощеніемъ духа своего времени и своей страны,—отсюда и могущество, которымъ они въ ней располагали, и всѣхъ увлекающее одушевленіе, которымъ они ее наполняли!

Вы же, милостивые государи, какъ я уже раньше вамъ замѣтилъ, ставите свою честь именно въ томъ, чтобы не стоять на теоретической высотѣ: вы усматриваете „практичность“ именно въ томъ, чтобы не желать и не добиваться ничего, что превышало бы уровень послѣдняго мѣщанина въ странѣ! Духовная низменность,—вотъ умственный уровень, выше котораго вы, прирожденные болотные жители, принципіально не заходите въ силу элементарной житейской необходимости!

Межъ тѣмъ какъ духовное развитіе нашего вѣка, въ своемъ неудержимомъ стремленіи впередъ, достигло такой высоты, съ которой вся прусская конституція, законное герцогство Аугустенбургскаго принца и цѣлость союзной конституціи являются окаменѣлостями давно пережитаго періода развитія, вы пережевываете вопросы, которые еще 50 или 40 лѣтъ тому назадъ представляли только второстепенный интересъ и рѣшаете ихъ такими средствами, которыя даже въ эпоху сословности не могли бы быть признаны дѣломъ „любви и вѣрности“!

Но имѣйте въ виду, просвѣщенные государственные мужи, что такимъ способомъ вы сами превращаете себя въ „дохлыхъ собакъ“, о которыхъ говоритъ Шеллингъ.

Имѣйте въ виду: чтобы увлечь за собой страну, надо опередить ее на цѣлую голову!

Невозможно сдѣлать эти положенія доступными пониманію современной буржуазіи!

Инстинктивная ненависть къ „идеѣ“ обуяла ее, и межъ тѣмъ какъ практично только то, что дышитъ живительнымъ воздухомъ теоріи, она принципіально считаетъ практичнымъ только то, что теоретически давно мертво и гнило.

И это абсолютное духовное отупѣніе буржуазіи — въ странѣ Лессинга и Канта, Шиллера и Гёте, Фихте, Шеллинга и Гегеля!

Неужели эти герои духовнаго міра дѣйствительно только пронеслись надъ нашими головами, подобно станицѣ журавлей? Неужели изъ громадной идейной работы, изъ духовнаго мірового переворота, къ которому она повела, ничего, ничего, такъ-таки совершенно ничего не дошло до націи, и нѣмецкій геній дѣйствительно состоитъ изъ ряда одинокихъ личностей, которыя, принимая каждая извѣстную долю наслѣдства своихъ предшественниковъ, продолжаютъ свою одинокую и для націи безплодную работу подъ гнетомъ горькаго пренебреженія своихъ современниковъ?

Какое проклятіе унаслѣдовала буржуазія, что изъ всѣхъ великихъ культурныхъ работъ, совершившихся въ ея средѣ, изъ всей этой атмосферы просвѣщенія ни капли оплодотворяющей росы не упало въ ея все болѣе высыхающій мозгъ? Ахъ, это старый историческій законъ! Классы губитъ то самое, что доставило имъ господство. Развитіе раздѣленія труда доставило господство европейской буржуазіи, и еще сто лѣтъ тому назадъ шотландецъ Фергюсонъ въ двухъ строкахъ указалъ причину, которая, вытекая изъ того же раздѣленія труда, должна была привести европейскую буржуазію къ упадку, духовному упадку, — причинѣ ея политическаго и предвѣстнику ея соціальнаго упадка: „и самое мышленіе, въ этотъ вѣкъ раздѣленія труда, можетъ превратиться въ особое ремесло“!

Оно — мышленіе буржуазіи—и превратилось въ особое ремесло, и ремесло это попало въ самыя жалкія руки —въ руки нашихъ газетъ!

Здѣсь я буду говорить не о самихъ газетахъ,—я достаточно охарактеризовалъ ихъ въ другомъ мѣстѣ (см. мою рѣчь: „Празднества, пресса и франкфуртскій съѣздъ депутатовъ“),—а только объ отношеніи къ нимъ публики.

Гёте говоритъ:

„Das Zeitungsgeschwister,
Wie mag sich gestalten,

Als um die Philister
Zum Narren zu halten?“ [1])

Но коранъ и библія не пользовались въ свое время такимъ суевѣрнымъ почтеніемъ, какъ нынѣ газеты! Національное мышленіе, поскольку его представляетъ буржуазія, фабрикуется въ настоящее время газетами.

Кто читаетъ въ настоящее время газету, тому нѣтъ надобности думать, нѣтъ надобности учиться, нѣтъ надобности изслѣдовать. Онъ со всѣмъ покончилъ и стоитъ „выше“ всего. Съ почти ужасающимъ—такъ какъ оно охватываетъ мельчайшія подробности—ясновидѣніемъ Фихте еще шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ изобразилъ „чистаго читателя“, который никогда не читаетъ книги, а только газетные отзывы о книгѣ, и въ этомъ одуряющемъ чтеніи теряетъ волю, разумъ, мыслительныя способности и всякую силу разсудка. А взамѣнъ этой потери пріобрѣтаетъ величайшее самодовольство и непоколебимость „мнѣнія“!

Тогда все это было еще въ зародышѣ и касалось только литературныхъ вопросовъ.

Теперь оно достигло полнаго расцвѣта и захватываетъ всѣ политическіе и соціальные вопросы, которые опредѣляютъ благо и бѣдствіе націи!

Въ этомъ расцвѣтѣ я имѣлъ случай убѣдиться прошлой осенью.

Всюду, куда бы я ни появлялся, разговоръ немедленно самъ собою переходилъ на великій вопросъ дня, на то, что называли борьбой между мною и господиномъ Шульце: со всѣхъ сторонъ сыпались мнѣнія и приговоры. Доброжелательныя, недоброжелательныя, горячія, страстныя, благосклонныя, порицающія—но всюду высказывались „мнѣнія“ и высказывались съ величайшей увѣренностью!

А затѣмъ происходила слѣдующая стереотипная игра въ вопросы и отвѣты между мною и высказавшимъ мнѣніе:

— Читали вы мои сочиненія, о которыхъ судите?—Нѣтъ, не читалъ.—Но, по крайней мѣрѣ, прочли вы сочиненія господина Шульце?—Еще менѣе.—На чемъ же вы основываете сужденія, которыя высказываете съ такой увѣренностью.—Но, газеты!...

Да, именно газеты! Они сдѣлались функціонирующимъ мозгомъ нашей буржуазіи!

Буржуа не думаетъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ обладаетъ

---

1) „Какой еще можетъ быть газетная братія, какъ не такой, чтобы дурачить филистеровъ?“

требующимися для того способностями въ большей степени, чѣмъ тѣ, отъ кого онъ получаетъ готовый фабрикатъ мысли. Само по себѣ мышленіе неудобно, оно предполагаетъ чтеніе книгъ, трудъ, ученье и собственное изслѣдованіе. Такъ покойно и удобно получать свои мысли готовыми и законченными съ фабрики!

Еще менѣе обращается онъ къ оптовымъ поставщикамъ мысли, которыми гордится Германія, къ ея великимъ мыслителямъ и философамъ.

Для этого у него въ еще большей степени не хватаетъ вкуса, времени и необходимаго образованія.

Но какъ тотъ, кто по недостатку средствъ не можетъ закупать жизненные припасы у оптовыхъ торговцевъ, а долженъ покупать ихъ плохими и попорченными въ мелочной лавкѣ, такъ и онъ получаетъ готовый фабрикатъ мысли изъ рукъ самыхъ жалкихъ разносчиковъ, либеральныхъ газетныхъ писателей.

Такъ и случилось, что великіе и лучшіе люди нашей націи, наши мыслители и поэты пронеслись, точно журавли, надъ головами нашей буржуазіи, и ничего отъ нихъ не достигло до массы, кромѣ пустого звука именъ!

Буржуа прославляетъ память нашихъ мыслителей—потому что никогда не читалъ ихъ произведеній! Онъ сжегъ бы ихъ, если бы прочелъ. Такъ какъ эти произведенія полны самаго горькаго презрѣнія къ этой буржуазіи!

Онъ восхищается нашими поэтами, такъ какъ можетъ цитировать изъ нихъ нѣсколько стиховъ или видалъ и прочелъ кое-какія изъ ихъ произведеній, но онъ никогда не вдумывался въ ихъ міросозерцаніе!

Такова умственная физіономія нашей буржуазіи, экономическую и нравственную физіономію которой я разоблачилъ въ четвертой главѣ, и здѣсь, какъ и тамъ, показалъ, что первая вытекла изъ второй!

Но культъ газетъ невозможно исповѣдывать открыто, какъ таковой. Слишкомъ непристойно выйдетъ, если нація открыто признается, что ея мышленіе и вѣра зависятъ отъ горсти литературныхъ проходимцевъ, негодныхъ ни для какого буржуазнаго промысла, неспособныхъ ни къ какой самостоятельной умственной работѣ, способныхъ только — такъ превращаются другъ въ друга противуположности! — опредѣлять въ анонимныхъ роизведеніяхъ процессъ мышленія націи.

Поэтому культъ газетъ, какъ всякій культъ, нуждается въ своей мистической богинѣ!

Эта мистическая богиня—„общественное мнѣніе“!

Что оно такое, это „общественное мнѣніе“, передъ которымъ буржуазія пляшетъ, какъ Давидъ передъ кивотомъ завѣта, требуя отъ всѣхъ насъ, чтобы и мы плясали вмѣстѣ съ нею?

Изъ нашихъ мыслителей Гегель опредѣлилъ его вѣрнѣе всѣхъ и, тѣмъ не менѣе, всѣхъ мягче: „Общественное мнѣніе,—говоритъ онъ,—заслуживаетъ, поэтому, столько же уваженія, сколько презрѣнія: послѣдняго за его конкретное сознаніе и выраженіе, перваго за его существенное основаніе, которое, болѣе или менѣе загрязненное, только проявляется въ этомъ конкретномъ“.

Это, значитъ, въ переводѣ съ Гегелевскаго на болѣе понятный языкъ: то, что собственно лежитъ въ основѣ общественнаго мнѣнія, всегда вѣрно. Но его постоянное безуміе заключается въ томъ, что оно не понимаетъ самого себя и потому всегда говоритъ противуположное тому, что собственно хочетъ сказать.

„Такъ какъ въ себѣ самомъ,—объясняетъ Гегель,—оно не имѣетъ масштаба для различенія, ни способности возвысить субстанціальную (существенную) сторону на степень опредѣленнаго знанія, то независимость отъ него есть первое формальное условіе всего великаго и разумнаго, какъ въ дѣйствительности, такъ и въ наукѣ“.

Но пусть наши мыслители клянутся какими угодно клятвами—въ самомъ дѣлѣ, врядъ-ли въ какомъ-нибудь другомъ пунктѣ они такъ согласны, какъ въ этомъ—Цабель (редакторъ „Національной Газеты“) и Бернштейнъ (редакторъ „Народной газеты“) другого мнѣнія, и эта „независимость отъ общественнаго мнѣнія“, первое условіе, по Гегелю, всего великаго и разумнаго въ дѣйствительности и въ наукѣ, является въ глазахъ нашей буржуазіи главнымъ гражданскимъ преступленіемъ, въ отношеніи котораго всѣ другія преступленія, собственно говоря, только разновидности и менѣе важныя степени.

Гегель заключаетъ: „Оно—великое и разумное—можетъ съ своей стороны быть увѣрено въ томъ, что со временемъ понравится, будетъ признано, и сдѣлается однимъ изъ ихъ предразсудковъ“.

Нельзя писать болѣе эпиграмматическимъ стилемъ! Къ тому времени, когда „общественное мнѣніе“ признаетъ разумное, послѣднее уже начнетъ становиться, въ томъ примѣненіи, которое сдѣлаетъ изъ него общественное мнѣніе, ложнымъ, и превращаться изъ сужденія въ предразсудокъ!

Въ независимости рабочаго класса отъ „общественнаго мнѣнія“,—а эту независимость, которая a priori вытекаетъ изъ условій жизни рабочаго класса, я доказалъ практически, когда успѣлъ, дѣйствуя одинъ, вырвать

обширные круги рабочихъ изъ зависимости отъ либеральной прессы,—въ независимости отъ общественнаго мнѣнія рабочій классъ обнаруживаетъ свое рѣшительное духовное превосходство надъ буржуазіей и свое призваніе къ преобразованію послѣдней.

Еще энергичнѣе, чѣмъ Гегель, увѣнчиваетъ общественное мнѣніе Гёте:

„Übers Niederträchtige
Keiner sich beklage,
Denn es ist das Mächtige,
Was man dir auch sage.

In dem Schlechten waltet es
Sich zum Hochgewinne,
Und mit Rechten schaltet es
Ganz nach seinem Sinne.

Wandrer?—Gegen solche Not
Wolltest du dich sträuben?
Wirbelwind und trocknen Kot,
Lass sie drehn und sträuben!" [1]).

А вѣдь въ то время, въ эпоху Гегеля и Гёте, этотъ идолъ буржуазіи, общественное мнѣніе, находился еще въ процессѣ своего органическаго развитія. Онъ далеко еще не принялъ своей прочной, ремесленной, окостенѣвшей нынѣшней формы.

Въ самомъ дѣлѣ, что оно такое,—современное общественное мнѣніе? Кто его отецъ, кто его мать, чьи сосцы питали его?

Зависимость Цабеля отъ интересовъ худшей клики лавочниковъ — его мать, а зависимость всѣхъ лавочниковъ отъ интересовъ и интеллекта Цабеля—его отецъ!

Да пусть бы еще такъ было! Какъ ни печально такое положеніе, но мыслимо было бы спасеніе. Активный и пассивный интересъ и неинтеллигентность Цабеля должны же были бы найти гдѣ-нибудь свои границы! Но всѣ Цабели въ странѣ играютъ роль такихъ отцовъ и матерей,—а при такихъ обстоятельствахъ гдѣ найти спасеніе отъ воды этого духовнаго всемірнаго потопа!

---

[1]) „Не жалуйся на низменное, такъ какъ оно то и есть могущественное, чтобы тебѣ ни толковали. Въ дурномъ человѣкѣ оно достигаетъ своей выгоды, да и въ хорошемъ дѣйствуетъ по своему. Странникъ! неужели ты вздумаешь бороться съ этимъ зломъ? Это пыльный вихрь и сухой навозъ,—пусть его крутится и пылитъ!"

Такъ осуществилось то, что Шеллингъ предсказывалъ въ 1803 году: „Возвышеніе вульгарнаго разсудка на степень судьи въ дѣлахъ разума необходимо ведетъ къ охлократіи въ царствѣ науки, а съ тѣмъ вмѣстѣ рано или поздно къ общему возвышенію черни. Пошлые или льстивые болтуны, мечтающіе замѣнить владычество идей приторной смѣсью такъ называемыхъ нравственныхъ правилъ, показываютъ только, какъ мало они понимаютъ нравственность. Нѣтъ нравственности безъ идей, и всякая нравственная дѣятельность есть только выраженіе идей“.

Развѣ не можетъ прійти въ голову, что Шеллингъ зналъ господина Бернштейна?

Эта охлократія въ наукѣ и это общее возвышеніе черни наступили. Господинъ Бастіа, Шульце и многіе другіе представляютъ первую, духовное господство нашей газетной черни, „общественное мнѣніе“, — вторую.

И тѣмъ невозможнѣе кажется всякое сопротивленіе, что мотивами здѣсь выставляются свобода и нравственность, во имя которыхъ практикуется эта тупоумная тираннія надъ обманутымъ народомъ, размахиваетъ бичъ этой монопольной шайки, и раздаются вѣнцы ложной популярности!

Гордо и властно выступить противъ этой вавилонской блудницы и разбить ея лживые алтари,—вотъ въ чемъ заключаются все мужество и вся честь нашего періода.

„Пусть вертится и пылитъ!“—въ самомъ дѣлѣ, какъ легко было бы, если-бъ и теперь, какъ во времена Гёте, можно было замкнуться въ образованіи собственной личности, и отвлечься отъ состоянія націи!

Но именно въ Германіи эта борьба противъ буржуазіи является болѣе необходимой, настоятельной, жгучей потребностью, чѣмъ гдѣ бы то ни было!

Процессъ разложенія европейской буржуазіи всюду въ полномъ ходу!

Она отреклась отъ власти во Франціи и позволила узурпатору свергнуть себя явнымъ насиліемъ. Путемъ медленнаго, постепеннаго процесса, дату котораго невозможно точно опредѣлить, она уступила свою власть въ Англіи кликѣ шарлатановъ, которымъ нѣтъ названія.

Но обѣ эти націи еще находятъ опору въ наслѣдствѣ великаго національнаго прошлаго, Франція въ своемъ мечѣ, Англія въ своемъ золотѣ; имъ есть что терять и что проживать.

Въ Германіи буржуазія, поощряемая режимомъ маленькихъ государствъ, приняла самый отвратительный обликъ, и наконецъ—наше національное существованіе еще нужно завоевать, оно еще въ будущемъ!

Уже столѣтія тому назадъ распалось то, что насъ объединяло и связывало, и только необычайный поворотъ мысли можетъ намъ вернуть это

національное существованіе! Шеллингъ также понималъ это: „Въ Германіи не внѣшняя связь,—которой это не по силамъ,—а только внутренняя, связь господствующей религіи или философіи, можетъ вызвать къ жизни старый національный характеръ, который распался и все болѣе и болѣе распадается на отдѣльности".

Но именно потому буржуазія совершенно неспособна и не можетъ вернуть это національное существованіе. Такъ какъ именно эта буржуазія сама олицетворяетъ собою индивидуализмъ или, чтобъ вѣрнѣе охарактеризовать то, что подъ этимъ понимаютъ, стремленіе къ обособленію, которое подорвало наше существованіе, какъ націи; и режимъ маленькихъ городовъ и маленькихъ государствъ является только самымъ послѣдовательнымъ, самымъ филистерскимъ ея выраженіемъ! Глубокая внутренняя общность существуетъ между тѣмъ и другимъ, то и другое только внутреннее и внѣшнее выраженіе одной и той же мысли, и вотъ гдѣ таится объясненіе того, почему, при всемъ желаніи, невозможно завоевать національное возрожденіе, возрожденіе Германіи, при господствѣ нашей буржуазіи!

Такимъ образомъ, для насъ эта классовая борьба сдѣлалась также условіемъ нашего національнаго существованія!

Ближе и ближе подходитъ время! Предостерегая, стучится его желѣзный палецъ! То, что сегодня еще вопросъ національнаго возрожденія,—скоро станетъ вопросомъ національнаго существованія. Мы и этого лишимся, если не завоюемъ того!

Неужели такова участь германскаго генія? Неужели мы дѣйствительно предназначены, какъ утверждаютъ зловѣщія предсказанія, лишь для того, чтобы дать народамъ отдѣльныхъ мыслителей и затѣмъ раствориться среди этихъ народовъ, сыграть роль евреевъ среди народовъ Европы?

Но прочь эти меланхолическія мысли! Я уже слышу въ дали глухой топотъ шаговъ рабочихъ батальоновъ! Спасайте—спасайте—спасайте себя самихъ отъ узъ производства, которое превратило васъ изъ людей въ товаръ, — спасайте — спасайте — спасайте германскій геній отъ духовной смерти,—спасайте націю отъ раздробленія!

Уже сверкаетъ въ высотѣ молнія прямого и всеобщаго избирательнаго права! Тѣмъ или другимъ путемъ она скоро упадетъ на землю. Съ тѣхъ поръ, какъ этотъ лозунгъ былъ высказанъ, онъ сдѣлался необходимостью. Вооружившись этой молніей, спасайте себя, спасайте Германію!

А вы, которые вмѣстѣ съ прирожденными буржуа всасывали отъ нашихъ мыслителей и поэтовъ идею свободы, чтобы подняться надъ усло-

віями существованія класса, который принесъ народу нищету, нѣмецкому генію упадокъ, націи раздробленіе и безсиліе—сюда, присоединяйтесь къ моему „jacta est alea“. Вотъ ваше знамя и ваша честь!

Возраженіе „Крестовой Газетѣ“ на рецензію книги „Бастіа-Шульце Деличъ“.

Въ № 123 вашего почтеннаго листка помѣщена, въ качествѣ заключенія вашего подробнаго разбора моей книги „Бастіа-Шульце“, статья, въ которой сказано: „При такихъ обстоятельствахъ, думается намъ, мы должны, прежде чѣмъ приступать къ серьезному обсужденію его (Лассаля) положительныхъ предложеній, указать господину Лассалю, что его священная обязанность объяснить откровенно и безъ недомолвокъ: намѣревается-ли онъ, и если да, то какимъ образомъ онъ намѣревается и разсчитываетъ осуществить свои предложенія въ рамкахъ существующаго христіанскаго государственнаго и общественнаго порядка“.

Хотя, кажется, я уже такъ часто „откровенно и безъ недомолвокъ“ объяснялся по этому поводу, что могу только удивляться подобному запросу, и хотя, пріѣхавъ сюда въ качествѣ посѣтителя минеральныхъ водъ, я нахожусь, болѣе чѣмъ когда-либо, въ положеніи неудобномъ для обстоятельныхъ литературныхъ дебатовъ, но этотъ запросъ поставленъ, можно сказать, такъ торжественно и, если я не ошибаюсь насчетъ его автора, исходитъ отъ лица, настолько заслуживающаго вниманія, что я считаю необходимымъ отвѣтить на него и обосновать этотъ отвѣтъ разборомъ четырехъ возраженій, которыя выставляетъ противъ меня г. рецензентъ:

Итакъ, я возражаю:

1) Вопросъ, въ какой степени властная политическая потребность настоящаго времени можетъ развиваться въ рамкахъ или вопреки рамкамъ существующаго государственнаго и общественнаго порядка, поставленъ неправильно, и абсолютнаго отвѣта на него не можетъ быть дано, разъ этотъ вопросъ обращенъ ко мнѣ.

Я, съ своей стороны, такъ высказываюсь объ этомъ вопросѣ въ моей рѣчи передъ королевской судебной палатой, „Косвенные налоги и поло-

женіе рабочихъ классовъ“ [1]). „Въ этомъ смыслѣ я убѣжденъ, что революція (подъ которой я понимаю, какъ обстоятельно разъяснилъ тамъ же, только осуществленіе новаго принципа) должна во всякомъ случаѣ совершиться въ будущемъ! Она совершится или вполнѣ законнымъ путемъ среди всѣхъ благодѣяній мира, если благоразумно рѣшатся во-время произвести ее сверху, или же она, сопровождаемая насильственными потрясеніями, ворвется съ дико развѣвающимися волосами, въ желѣзныхъ сандаліяхъ на ногахъ. Такъ или иначе, но она придетъ, и когда, вдали отъ уличнаго шума, я углубляюсь въ исторію, я слышу ея приближающіеся шаги“.

Неужели это не ясно?

Иными словами: чтобъ получить абсолютный отвѣтъ на этотъ вопросъ, на который я могу дать только отвѣтъ условный, надо обратиться съ нимъ не ко мнѣ, а къ представителямъ существующаго государственнаго и общественнаго порядка!

Эта политически-соціальная потребность—властвая, безусловная. Въ какое отношеніе она станетъ къ существующему государственному и общественному порядку, зависитъ, поэтому, по необходимости отъ того, въ какое отношеніе къ этой потребности станутъ представители существующаго государственнаго и общественнаго порядка. Если эти представители будутъ упорствовать въ своемъ активно или пассивно отрицательномъ отношеніи къ этой потребности, то и она съ своей стороны, не имѣя возможности измѣнить это отношеніе, естественно вынуждена будетъ занять отрицательное положеніе въ отношеніи существующаго государственнаго и общественнаго порядка и вступить на путь отрицательнаго развитія.

Пока довольно о первомъ пунктѣ.

2) Второе возраженіе г. рецензента заключается въ томъ, что я, повидимому, принимаю въ расчетъ только противуположность, а не связь капитала и труда. „Въ дѣйствительности же,—говоритъ г. рецензентъ,—именно связь того и другого должна считаться вѣрнымъ масштабомъ для трактованія соціальнаго вопроса“. Эта связь, по словамъ г. рецензента, представлена среднимъ классомъ. „Существеннѣйшая задача всякаго разумнаго трактованія заключается именно въ устраненіи крайностей (капитала и труда),—продолжаетъ г. рецензентъ,—т. е. сохраненіи средняго класса, и всѣ проницательные люди усматриваютъ главную опасность со-

[1]) Цитир. по русскому переводу, помѣщенному въ 1-мъ томѣ этого изданія.

временнаго промышленнаго развитія въ томъ, что оно поглощаетъ средній классъ и чѣмъ дальше, тѣмъ больше вызываетъ къ жизни означенныя крайности“.

Я охотно готовъ признать все вѣрное, что заключается въ этихъ положеніяхъ. Вмѣсто возраженія, оно является скорѣе превосходнымъ доказательствомъ въ мою пользу и въ пользу предлагаемаго мною рѣшенія!

Въ самомъ дѣлѣ, установить связь капитала и труда,—это именно и есть истинное содержаніе и дѣйствительная формула соціальнаго вопроса. Не менѣе справедливо и то, что сохраненіе—или возстановленіе—здороваго средняго класса должно быть главной цѣлью рѣшенія соціальнаго вопроса. Пробный камень правильности рѣшенія соціальнаго вопроса заключается именно въ томъ, въ состояніи-ли оно создать такой средній классъ.

Но какъ же сохранить средній классъ?

Именно въ силу физіологически разъясненной мною въ моемъ „Бастіа-Шульце“ необходимой игры силъ крупная промышленность непреодолимо захватываетъ въ сферу своего притяженія мелкій капиталъ и поглощаетъ его, то есть постоянно и все болѣе и болѣе уничтожаетъ средній классъ. Критики и спеціалисты консервативнаго направленія часто признавали это. Мало того, вашъ господинъ рецензентъ самъ какъ нельзя опредѣленнѣе признаетъ въ послѣднемъ изъ цитированныхъ выше предложеній, что это дѣйствительно происходитъ, и притомъ „чѣмъ дальше, тѣмъ больше“.

Какъ же сохранить средній классъ, разъ его исчезновеніе не случайный, а необходимый результатъ нашего современнаго общественнаго порядка, крупной промышленности? Противъ органической силы этой, поддерживаемой современнымъ общественнымъ порядкомъ, крупной промышленности палліативы, очевидно, ничего не подѣлаютъ,—а „благія пожеланія“ и подавно!

Отвѣтъ на этотъ роковой и съ виду неразрѣшимый вопросъ—какъ сохранить или возстановить средній классъ—очень простъ!

Крупная промышленность съ ея поглощающей средній классъ силой притяженія можетъ быть побѣждена только... еще болѣе крупной, крупнѣйшей промышленностью! то есть, той связью государства съ промышленностью, которую я предлагалъ и разъяснялъ подробнѣе, говоря о производительной ассоціаціи, основанной на государственномъ кредитѣ, въ моемъ „Бастіа-Шульце“.

Если, стало быть, господинъ рецензентъ, присоединившись ко всѣмъ моимъ теоретико-экономическимъ разъясненіямъ и засвидѣтельствовавъ несокрушимость ихъ научно-критическаго обоснованія, высказывается тѣмъ не менѣе противъ моихъ практическихъ предложеній, какъ идущихъ отъ

невѣрнаго исходнаго пункта, потому что „всякое здоровое рѣшеніе стоящаго на очереди рабочаго вопроса должно исходить изъ сохраненія средняго класса, причемъ всѣ попытки возстановить связь капитала и труда тамъ, гдѣ она утрачена, являются иллюзорными, пока мы не знаемъ, какъ сохранить еще существующую связь“,—то я позволю себѣ предложить ему еще разъ обдумать то, что здѣсь сказано, и что я повторю теперь въ слѣдующей формѣ: возстановить старую связь капитала и труда тамъ, гдѣ она утрачена,—если-бъ даже на мгновеніе это оказалось возможнымъ,— также немыслимо на продолжительное время, какъ уберечь эту старую связь, гдѣ она еще существуетъ въ среднемъ классѣ, отъ притягательной силы крупной промышленности.

Разъ существуетъ органическая сила крупной промышленности, невозможно уберечь отъ нея еще существующіе остатки средняго класса въ ихъ старой формѣ. Невозможно удержать рѣчки, ручьи и источники отъ сліянія съ большими рѣками! Но овладѣть оплодотворяющей силой великой рѣки, водворить связь капитала и труда новымъ, основаннымъ на развитіи современныхъ отношеній крупной промышленности способомъ, создать средній классъ, который въ сущности уже не будетъ отдѣльнымъ классомъ въ народѣ, а охватитъ весь народъ, основать его процвѣтаніе именно на сущности крупной промышленности, отъ которой его тщетно пытаются уберечь и отгородить, — вотъ что мнѣ кажется самымъ плодотворнымъ и — такъ какъ при этомъ исторически существующая и все болѣе и болѣе развивающаяся сила крупной промышленности, не отметается, а принимается, какъ опора достигаемой цѣли — самымъ „историческимъ“ дѣломъ.

3) Въ своемъ третьемъ возраженіи г. рецензентъ замѣчаетъ: „Въ виду этого не лишено основанія и то возраженіе, которое дѣлаютъ господину Лассалю уже съ другой стороны,—что улучшеніе положенія рабочихъ зависитъ не только отъ другого распредѣленія, но, по меньшей мѣрѣ въ той же степени, отъ повышенія общаго дохода, причемъ, само собою разумѣется, повышеніе доходовъ сельскаго хозяйства стоитъ на первомъ планѣ. При этомъ,—какъ замѣчаетъ одинъ проницательный экономистъ,— тотъ, кто добьется, чтобы тамъ гдѣ раньше выросталъ одинъ колосъ пшеницы, теперь выростало два, окажетъ своему отечеству, а также и рабочему классу, болѣе значительную услугу, чѣмъ величайшій промышленный талантъ или геніальнѣйшій изобрѣтатель машинъ“.

Вашъ господинъ рецензентъ представилъ такія убѣдительныя доказательства серьезнаго чтенія моей книги, что я никоимъ образомъ не могу заподозрить его въ ознакомленіи лишь съ ея отрывками.

Но, повидимому, вслѣдствіе разнообразнаго содержанія книги, не всѣ части ея одновременно возстановляются въ его памяти.

По крайней мѣрѣ, только такъ я и могу объяснить приведенныя здѣсь положенія.

Такъ какъ именно въ моемъ „Бастіа-Шульце“ я самъ опредѣленно высказалъ, что „умноженіе производства есть необходимое условіе всякаго улучшенія нашего соціальнаго состоянія“. Но я тамъ же подробно объяснилъ, почему предлагаемая мною великая производительная ассоціація должна имѣть послѣдствіемъ не только измѣненіе распредѣленія, но и громаднѣйшее повышеніе общаго дохода общества.

Далѣе, я отчетливо изложилъ тамъ же шесть великихъ причинъ этого повышенія общественнаго дохода въ силу производительной ассоціаціи.

Вашъ господинъ рецензентъ не опровергъ и не оспаривалъ сути и значенія этихъ разъясненій,— и мнѣ даже кажется, что онъ слишкомъ уменъ, чтобы оспаривать ихъ!

Равнымъ образомъ, я тамъ-же („Бастіа-Шульце“), какъ и въ моей „Книгѣ для чтенія рабочимъ“ въ особенности подчеркивалъ повышеніе сельскохозяйственной производительности!

Совершенно справедливо замѣчаніе вашего г. рецензента, что человѣкъ, удвоившій урожаи пшеницы, сдѣлалъ для народа больше, чѣмъ промышленный изобрѣтатель.

Но тотъ, кто улучшитъ общественный способъ производства соотвѣтственно отношеніямъ своего времени, сдѣлаетъ для повышенія общаго дохода общества еще больше, чѣмъ было бы достигнуто улучшеніемъ техники производства, какъ сельскохозяйственнаго, такъ и промышленнаго,— въ сотни разъ больше! И именно по той весьма простой причинѣ, что соотвѣтствующее болѣе развитымъ отношеніямъ улучшеніе общественнаго способа производства само дѣйствуетъ на обѣ эти области, сельскохозяйственную и промышленную, и въ каждой отрасли ихъ вызываетъ тысячи техническихъ улучшеній.

Итакъ, говорю я, улучшеніе общественнаго способа производства, соотвѣтствующее отношеніямъ даннаго времени, всегда остается величайшимъ изъ улучшеній, могущественнѣйшимъ источникомъ возрастанія общаго дохода, сильнѣйшей машиной этого возрастанія и, кромѣ того, влечетъ за собою всѣ другія техническія улучшенія и машины въ каждой изъ этихъ двухъ областей.

Введеніе свободной конкуренціи французской революціей въ свое время явилось сильнѣйшей машиной для подъема общественнаго богатства,

какая когда-либо была изобрѣтена, и повлекло за собой всѣ дальнѣйшія изобрѣтенія.

И мнѣ, конечно, нѣтъ надобности разсказывать вашему г. рецензенту, какъ свободная конкуренція не только въ промышленной области создала это богатство, но и въ сельскохозяйственной вызвала негаданное дотолѣ повышеніе продуктивности путемъ связаннаго съ нею устраненія феодальной системы въ сельскохозяйственномъ производствѣ, путемъ устраненія системы натуральныхъ повинностей, обязанностей, и рентъ, и платы натурой! Мнѣ нѣтъ надобности говорить вашему господину рецензенту, какое повышеніе сельскохозяйственныхъ доходовъ явилось результатомъ этого улучшенія способа общественнаго производства, и почему сотни улучшеній, меліорацій почвенныхъ и въ способахъ производства, благодаря которымъ теперь получается два колоса пшеницы тамъ, гдѣ раньше получался одинъ или ни одного, были несовмѣстимы съ системой натуральныхъ повинностей и проч.

Что свободная конкуренція для того времени, то великая производительная ассоціація для еще болѣе развитыхъ отношеній нашего времени, какъ я доказалъ въ „Бастіа-Шульце“,—и потому это третье возраженіе вовсе не возраженіе противъ меня.

4) Крайне странный четвертый упрекъ, дѣлаемый мнѣ г. рецензентомъ, который вдобавокъ считаетъ его наиболѣе принципіальнымъ и существеннымъ—заключается въ томъ, что мои выводы молчаливо предполагаютъ, будто вся „добродѣтель“ обрѣтается на сторонѣ труда, а всѣ вины и вся несправедливость на сторонѣ капитала. Этому г. рецензентъ противупоставляетъ весьма правильное положеніе, что рабочіе обманулись бы, вообразивъ, будто имъ могутъ помочь какія бы то ни было средства и учрежденія, „пока они остаются и хотятъ оставаться такими, какіе они есть“.

Нигдѣ въ моихъ сочиненіяхъ, ни явно, ни молчаливо, не высказано предположеніе, что на сторонѣ рабочихъ „всѣ добродѣтели“. Двѣ единственныя мои работы—„Программа работниковъ“ и „Книга для чтенія рабочимъ“,—гдѣ идетъ рѣчь и объ этой субъективной сторонѣ, высказываютъ скорѣе противуположное, и притомъ очень опредѣленно и очень энергично!

Въ другихъ моихъ сочиненіяхъ я разсматриваю только объективныя стороны вопроса—наши учрежденія. И я вправѣ такъ поступать. Такъ какъ вообще человѣкъ есть продуктъ своего положенія, и кто хочетъ дѣйствительно измѣнить цѣлые классы людей, тотъ долженъ сначала измѣнить условія ихъ положенія, которыя дѣлаютъ ихъ тѣмъ, что они есть.

Могъ-ли, стало быть, г. рецензентъ дѣйствительно, положа руку на сердце, подумать, будто я хочу, чтобы рабочіе оставались такими, каковы они есть? Не противорѣчитъ-ли этому каждый шагъ моей агитаціи и каждая строчка каждой страницы моихъ сочиненій?

Я первый готовъ объявить, что никакое соціальное улучшеніе не стоило бы труда, если-бъ и послѣ него—что, къ счастію, объективно совершенно невозможно—рабочіе субъективно остались бы такими же, каковы они, въ своей массѣ, теперь.

Каковъ же былъ бы первый шагъ къ субъективному подъему рабочихъ? Такимъ шагомъ было бы—я не охотно употребляю теперь слово „образованіе", съ тѣхъ поръ какъ его изгадили прегрессисты—такимъ шагомъ было бы воспитаніе рабочихъ при помощи безплатнаго обязательнаго обученія въ совершенно иномъ объемѣ, чѣмъ тотъ, въ которомъ осуществляются теперь его слабые зародыши.

И въ этомъ отношеніи, стало быть, государство должно прійти на помощь рабочему классу, оборудовавъ великую воспитательную машину, если ужъ ставить вопросъ о солидномъ образованіи рабочихъ. Самое значительное изъ того, что осуществлено пока, до оборудованія государствомъ воспитательной машины, для образованія рабочихъ,—совершено—я могу сказать это безъ колебаній—агитаціей Всеобщаго Союза Германскихъ Рабочихъ и моими популярными сочиненіями. Что касается содержащихся въ нихъ элементовъ образованія, то я могу смѣло предоставить судить о нихъ самому господину рецензенту. Но что эти сочиненія въ безпримѣрномъ до сихъ поръ количествѣ проникли въ массы, это я лично могу засвидѣтельствовать господину рецензенту. Во время моей рейнской поѣздки я, къ своему собственному изумленію, встрѣтилъ даже деревенскія общины, въ которыхъ многія изъ этихъ сочиненій сдѣлались, болѣе или менѣе, почти общимъ достояніемъ. Но цѣлыя деревенскія общины, посвящающія свой досугъ чтенію, размышленію и взаимному объясненію,—это, мнѣ кажется, сильнѣйшее, что можетъ быть сдѣлано для образованія массъ упомянутымъ государственнымъ воспитательнымъ механизмомъ.

Но это обязательное и безплатное обученіе въ свою очередь мыслимо только при всеобщемъ и прямомъ избирательномъ правѣ, и такимъ образомъ моя агитація, требуя этого избирательнаго права, добивается и его послѣдствія: солиднаго воспитанія и образованія народа.

5) Упомянувъ о всеобщемъ и прямомъ избирательномъ правѣ, я вмѣстѣ съ тѣмъ подхожу, наконецъ, и къ упреку, сдѣланному мнѣ господиномъ рецензентомъ въ самомъ началѣ его возраженій: упреку въ томъ,

что я требую избирательнаго права въ его „грубѣйшей формѣ“. За эту „грубость“ я стою непреклонно! Я, разумѣется, не обольщаюсь насчетъ всеобщаго и прямого избирательнаго права. Я не считаю его волшебнымъ жезломъ. Очень хорошо сознаю, что и при всеобщемъ и прямомъ избирательномъ правѣ соціальное преобразованіе, къ которому я стремлюсь, еще долго не будетъ достигнуто. Но первая предпосылка этого преобразованія будетъ достигнута.

Теперь, кажется, въ различныхъ кругахъ носятся съ мыслью объ извѣстномъ осуществленіи моей соціальной программы, объ извѣстныхъ экспериментахъ съ производительными ассоціаціями, безъ всеобщаго и прямого избирательнаго права. Но независимо отъ того, что это разъединеніе политической и соціальной стороны программы и недопустимо и невозможно, только всеобщее и прямое избирательное право будетъ для рабочихъ классовъ гарантіей дѣйствительно серьезнаго и прочнаго осуществленія производительныхъ ассоціацій въ большомъ масштабѣ. Я подчеркиваю слово: въ большомъ. Отъ маленькихъ экспериментовъ пользы не будетъ,—и легко можетъ быть только вредъ! Производительныя ассоціаціи надо осуществлять съ осторожностью, съ мудростью, въ порядкѣ и постепенно,—но во всякомъ случаѣ на большую ногу.

Такъ называемые опыты въ маломъ масштабѣ не имѣли бы рѣшительно никакого экспериментальнаго значенія въ смыслѣ указанія на разрѣшимость этого вопроса въ большомъ масштабѣ. Я не безъ основанія подробнѣе выяснялъ въ „Бастіа-Шульце“, почему производительныя ассоціаціи только въ большомъ масштабѣ могутъ быть осуществлены съ увѣренностью въ успѣхѣ и съ достиженіемъ всѣхъ тѣхъ дѣйствій, которыя повлечетъ за собою истинное и грандіозное измѣненіе положенія рабочихъ классовъ, и къ какимъ совершенно другимъ дѣйствіямъ должны привести опыты въ маломъ размѣрѣ, мало того, какъ велика вѣроятность неудачи этихъ маленькихъ опытовъ. Удайся они, этимъ будетъ достигнута только самая умѣренная филантропическая польза для весьма ограниченнаго числа людей, а отнюдь не то, совершенно иное по объему и интенсивности, преобразованіе положенія рабочихъ классовъ, къ которому я стремлюсь.

Если же же опыты въ маломъ масштабѣ не удадутся, то въ глазахъ поверхностныхъ людей это явится, хотя совершенно несправедливо, доказательствомъ неразрѣшимости вопроса въ большомъ масштабѣ.

Итакъ, уже вслѣдствіе того, что дѣйствительное осуществленіе соціальнаго улучшенія въ большомъ масштабѣ находитъ свою формальную

арантію только во всеобщемъ и прямомъ избирательномъ правѣ, я считаю „грубость“ этого права неизбѣжнымъ conditio sine qua non всего дальнѣйшаго.

Попытаемся, однако, столковаться насчетъ этой „грубости“.

Что касается идеи права, то я нигдѣ еще не могъ найти болѣе послѣдовательнаго принципа, чѣмъ это всеобщее и равномѣрное участіе всѣхъ въ государствѣ, предлагаемое всеобщимъ и прямымъ избирательнымъ правомъ.

Если же придавать культурной цѣли государственнаго порядка больше значенія, чѣмъ формальной юридической сторонѣ, то я думаю, что вашъ господинъ рецензентъ, да и и всѣ и каждый сойдутся на томъ, что интеллигентность и образованіе должны служить мѣриломъ участія въ законодательной власти.

Разъ всѣ сходятся на этомъ пунктѣ, возникаетъ только дальнѣйшій вопросъ: гдѣ же мѣрило интеллигентности?

Буржуазія усматриваетъ это мѣрило въ цензѣ, т. е. въ обладаніи деньгами.

Мнѣ нѣтъ надобности опровергать это для васъ и вашего г. рецензента.

Равнымъ образомъ послѣдній не станетъ утверждать, что какое-нибудь обладаніе, напр. землевладѣніе, является этимъ мѣриломъ—въ эпоху крупной промышленности, когда и землевладѣніе сдѣлалось только одной изъ формъ и способовъ осуществленія денежнаго владѣнія, такъ что денежные люди и евреи также могутъ владѣть и владѣютъ землей, какъ древніе дворянскіе роды.

При такихъ обстоятельствахъ остается только слѣдующая альтернатива.

Или пытаться опредѣлять интеллигентность по образцу китайскаго мандарината сверху,—но этого опыта никто у насъ не захочетъ, да и не сочтетъ возможнымъ.

Или предоставить интеллигентности вытекать изъ свободы и принять ея мѣриломъ свободную вѣру всѣхъ въ нее.

За это-то рѣшеніе я и стою!

Выскажу здѣсь два положенія, которыя многимъ покажутся парадоксальными, но надъ которыми совѣтую серьезно подумать вашему господину рецензенту: нѣтъ ничего болѣе сроднаго съ истинной интеллигентностью, какъ здравый разсудокъ большихъ массъ, —и никто не обладаетъ такою способностью къ организаціи, какъ большія массы.

Въ качествѣ болѣе подробнаго обоснованія этихъ, только съ виду

парадоксальныхъ, положенiй позволю себѣ рекомендовать господину рецензенту мою „Рѣчь на празднествѣ учрежденiя Общаго Германскаго Союза Рабочихъ, въ Ронсдорфѣ“, которая скоро появится въ печати.

Хотя я касаюсь въ ней этой темы лишь вкратцѣ и косвенно, но приведенные тамъ факты врядъ-ли окажутся лишенными своего важнаго значенiя и своей доказательной силы въ глазахъ господина рецензента. Но факты эти коренятся не въ моей личности, а исключительно въ духѣ самихъ массъ.

Да, нѣтъ ничего болѣе неспособнаго къ организацiи и творчеству, ничего менѣе интеллигентнаго, чѣмъ безпокойно брюзжащiй индивидуализмъ, эта великая болѣзнь нашего времени! Но этотъ безпокойно брюзжащiй индивидуализмъ отнюдь не болѣзнь массъ, а коренится необходимо и естественно въ половинчатыхъ интеллигенцiяхъ буржуазiи!

Причина ясна: массовый умъ, соотвѣтственно положенiю массъ, всегда направленъ на объективныя, фактическiя цѣли. Голоса безпокойныхъ себялюбивыхъ индивидуумовъ прозвучали бы въ этомъ хорѣ, даже не будучи услышанными! Только олигархическая почва—однородная, материнская почва для отрицательнаго разъѣдающаго индивидуализма нашей либеральной буржуазiи съ ея субъективнымъ упрямымъ самообожанiемъ!

Да, свобода и власть должны слиться.

Готхольдъ Эфраимъ Лессингъ.

Г. Э. Лессингъ съ культурно-исторической точки зрѣнія.

„Lessing's Leben und Werke" („Жизнь и сочиненія Лессинга")— Адольфа Штара. Berlin, bei Guttentag, 2 Bde.

Наша эпоха есть эпоха эпигоновъ, и, чтобы преодолѣть ее, трудно было бы найти болѣе лучшее средство въ настоящее время, какъ погрузиться въ созерцаніе ослѣпительныхъ и цѣлостныхъ образовъ нашихъ великихъ предшественниковъ и въ нихъ почерпнуть силу и крѣпость, вѣру въ наше національное призваніе и обновленіе нашего національнаго генія.

Это и есть тотъ болѣе или менѣе инстинктивный мотивъ, который съ столь властной настойчивостью заставляетъ все литературное творчество нашей эпохи искать для себя вдохновенія въ концѣ прошлаго столѣтія, въ покрытой безсмертной славой эпохѣ Шиллера и Гёте. Но какъ ни блестяща эта эпоха, она сама является только итогомъ развитія другой ей предшествующей эпохи, и лишь этой послѣдней мы съ полнымъ правомъ можемъ приписать ту великую заслугу, что она вырвала, наконецъ, Германію изъ невообразимаго духовнаго оцѣпенѣнія, въ которомъ та прозябала почти цѣлое столѣтіе со времени вестфальскаго мира. Середина прошлаго столѣтія и есть тотъ періодъ, о которомъ мы говоримъ, — въ двухъ личностяхъ нашелъ онъ для себя полное и совершенное воплощеніе, и какъ сильно ни раздѣлены онѣ другъ отъ друга положеніемъ и условіями жизни, какъ рѣзко ни отличаются онѣ другъ отъ друга своими вкусами и образованіемъ, своими склонностями и влеченіями,—тѣмъ не менѣе та и другая, въ столь различныхъ сферахъ своей дѣятельности, воплощаютъ одну и ту же основную идею времени, — и эти личности есть Фридрихъ Великій и Лессингъ.

Про обоихъ принято говорить, что они безконечно далеко опередили свое время,—но стоять выше своего времени это значитъ—воплотить его въ себѣ наиболѣе совершеннымъ образомъ!

Если мы бросимъ взглядъ на характерныя черты этой эпохи, то. какъ въ Германіи, такъ и во Франціи, онѣ оказываются одинаковыми и заключаются въ томъ, что и тамъ, и здѣсь передъ нами на лицо дѣйствительность, которая во всѣхъ отношеніяхъ представляетъ собою безжизненный окаменѣлый продуктъ минувшихъ столѣтій и не открываетъ для личности никакого простора для вмѣшательства въ ходъ этой дѣйствительности, для дѣятельнаго проявленія своей собственной активности, своихъ мѣняющихся потребностей. Традиціонныя, утратившія всякую связь съ тогдашней дѣйствительностью, формы царятъ во всѣхъ сферахъ жизни, — и какъ въ государствѣ, такъ и въ религіи, какъ въ искусствѣ, такъ и въ гражданской жизни онѣ образуютъ собою единственно авторитетныя и неприкосновенныя нормы, которыя заранѣе въ корнѣ убиваютъ всякій живой порывъ и всему, что ни происходитъ, придаютъ рѣзко выраженный отпечатокъ старомоднаго филистерства, столь характернаго для Германіи того времени.

При видѣ этого умерщвленія духа одинъ вопросъ, глубоко затрагивающій сущность явленія, встаетъ предъ нами: въ состояніи-ли духъ разбить гробовую крышку сковывающей его дѣйствительности, или же ему суждено на-вѣки оставаться замуравленнымъ въ ея каменныя стѣны, и нѣтъ такихъ словъ, которыя могли бы снять съ него эти чары колдовства, пробудить его къ новой жизни и возстановить его въ его внутреннихъ правахъ?

Во Франціи этотъ протестъ противъ дѣйствительности дошелъ до такой огромной степени напряженія, что пришли даже къ полному разрыву съ понятіемъ исторіи и ея развитія (цивилизаціи) и провозгласили желательность возвращенія къ первобытному природному состоянію субъекта, какъ истинному и высшему состоянію, въ противовѣсъ цивилизаціи (Руссо). И такъ какъ во Франціи господствующая власть отказалась совершить этотъ переворотъ сверху внизъ, то дѣло дошло здѣсь позднѣе до революціоннаго взрыва, который естественно повлекъ за собой самыя глубокія послѣдствія.

Въ Германіи Фридрихъ Великій оказался тѣмъ лицомъ, которое, возставъ противъ всѣхъ историческихъ воплощеній власти, противъ императора и имперіи, взялъ руководство этимъ переворотомъ въ свои руки. Это была не война въ обычномъ значеніи этого слова, когда дѣло идетъ о безразличномъ по существу вопросѣ, кому — тому или этому князю—долженъ принадлежать какой нибудь кусокъ земли, — это было возстаніе, которое маркизъ бранденбургскій, какъ его называли при дворѣ madame Помпадуръ, поднялъ противъ императорской фамиліи, противъ всѣхъ формъ и традицій нѣмецкой имперіи, противъ, наконецъ, единодушной воли евро-

пейскаго континента, — возстаніе, которое онъ поднялъ, какъ настоящій, въ себѣ самомъ черпающій силы, революціонеръ, держащій оружіе на готовѣ!

И какъ бы для того, чтобы не было недостатка въ формальныхъ условіяхъ, которыя могли бы истиннымъ свѣтомъ освѣтить все значеніе этой великой борьбы—нѣмецкая имперская власть не остановилась передъ тѣмъ, чтобы возбудить процессъ противъ Фридриха, какъ не остановился и посланникъ его въ Регенсбургѣ, когда онъ, при крикахъ одобренія со стороны всей Германіи, выгналъ вонъ прибывшихъ посланцевъ отъ сейма, изощрявшихся въ инсинуаціяхъ.

Теперь должно было обнаружиться, обладаетъ-ли современная жизнь достаточными силами къ тому, чтобъ подчинить своей собственной волѣ историческую дѣйствительность, или же она должна будетъ безпомощно склониться предъ обветшалымъ зданіемъ отжитыхъ формъ государственной жизни.

И современность доказала свои силы. Уже послѣ заключенія Хубертбургскаго мира, нѣмецкій императоръ, по условіямъ того времени, могъ бы съ такимъ же успѣхомъ низложить съ себя императорскую корону и провозгласить уничтоженіе имперіи, какъ онъ это дѣйствительно сдѣлалъ, приблизительно сорокъ лѣтъ спустя, при образованіи Рейнскаго Союза.

Безсиліе существующаго строя обнаружилось предъ всѣми, похоронныя одѣянія были сорваны съ трупа нѣмецкой имперіи. Останки прошлаго открылись предъ всѣми въ своемъ смертномъ тлѣніи и безжизненности,—готовъ былъ забить источникъ новой жизни.

Только этимъ революціоннымъ значеніемъ его борьбы и можно объяснить тотъ безграничный восторгъ, съ которымъ было встрѣчено извѣстіе о торжествѣ Фридриха даже въ чужихъ государствахъ и въ которомъ слилась вся ликующая Германія, несмотря на всѣ тяжести и ужасы перенесенной войны.

Какъ Россія въ праздникъ Пасхи оглашается привѣтствіями:

„Христосъ воскресе!“ и отвѣтными: „Воистину воскресе!“ — такъ и теперь такой же ликующій кличъ всеобщаго искупленія и обновленія проносился среди пораженныхъ величіемъ дѣла народовъ. Тяжелый кошмаръ, такъ долго давившій народную жизнь, былъ, наконецъ, сброшенъ. Въ жизни взяла, наконецъ, свои права современность, новая, не только уже историческая, но иная, въ борьбѣ проложившая себѣ дорогу дѣйствительность!

И могучую силу, съ которой совершалось это вторженіе новыхъ на-

чалъ жизни, нисколько не ослабляло, а, наоборотъ, сообщало ей широкій всеобщій размахъ то обстоятельство, что участники и зрители этой великой драмы возрожденія дѣйствовали, какъ это почти всегда и неизбѣжно случается, не отдавая себѣ вполнѣ яснаго отчета въ ея внутреннемъ содержаніи и ея необходимыхъ послѣдствіяхъ, что эта сила дѣйствовала въ нихъ, лишь какъ духовный инстинктъ, лишь какъ духовная атмосфера, вліянію которой безсознательно подчинялись современники. Слова, въ которыхъ у Лессинга маіоръ фонъ-Тэльхеймъ объясняетъ, почему онъ вступилъ на службу къ Фридриху Великому: „Я сдѣлался солдатомъ изъ преданности къ политическимъ принципамъ—какимъ, я самъ хорошенько этого не знаю“,—эти слова въ то время съ одинаковой основательностью могла бы повторить вся ликовавшая Европа, если-бы она вздумала искренно отдать себѣ отчетъ въ глубочайшихъ причинахъ этого ликованія. И замѣчательно сходно съ этимъ въ основѣ высказывается самъ Фридрихъ Великій въ письмѣ къ своему другу Іордану, въ письмѣ, написанномъ имъ въ моментъ отправленія въ первую силезскую войну: „Моя юность, огонь страстей, жажда славы, само любопытство, чтобы уже ничто отъ тебя не скрывать, и, наконецъ, какой-то тайный инстинктъ вырвали меня изъ того сладкаго спокойствія, которымъ я наслаждался“(W. W. VIII. S. 85).

И въ самихъ реформахъ Фридриха, въ ихъ внутренней сущности, лишь раскрывается разъясненный выше смыслъ его историческаго возвышенія,—а эпоха просвѣщенія, какъ принято называть этотъ періодъ, представляетъ собою вообще не что иное, какъ достигшее самосознанія превосходство субъекта надъ міромъ старыхъ традицій. И если это превосходство было возвѣщено, какъ принципъ, на который съ внѣшней стороны опиралось существованіе государства,—то теперь оно должно было, какъ внутреннее начало, проникнуть въ жизнь государства, сдѣлаться основой всѣхъ его отправленій. Но всякое революціонизированіе внѣшней дѣйствительности остается чисто внѣшнимъ и построеннымъ на пескѣ, если духу не удается съ такимъ же успѣхомъ освободиться изъ подъ власти исторически тяготѣющаго надъ нимъ міра духовнаго бытія, провести свой новый принципъ чрезъ всѣ свои сферы и инстанціи и сызнова воздвигнуть его изъ самого себя.

Для этой цѣли исторія создала—Лессинга.

Мы говоримъ,—она создала его. Ибо, какъ всякій инструментъ своимъ устройствомъ и формой заранѣе предопредѣляетъ тѣ цѣли и функціи, къ выполненію которыхъ онъ предназначенъ,—такъ и въ этой замѣчательной и богато одаренной натурѣ соединены были всѣ тѣ драгоцѣнныя и,

повидимому, противорѣчивыя свойства, соединеніе которыхъ одно только способно было сдѣлать его тѣмъ, чѣмъ онъ и сдѣлался — побѣдоноснымъ революціонеромъ въ царствѣ духа, мстителемъ и побѣднымъ борцомъ за поручаемое достоинство живого самосознанія и въ литературѣ, и въ искусствѣ, и въ религіи, и въ этикѣ, и въ исторіи,—и этими свойствами его духа были: живая свѣжесть и вмѣстѣ съ тѣмъ страстная, не пугающаяся книжной пыли жажда знанія, живое, непосредственное чувство красоты и вмѣстѣ съ тѣмъ способность глубочайшаго умозрительнаго мышленія; одновременно—и всесторонность интересовъ и способность гакъ глубоко погружаться во все единичное, какъ если бы это единичное было всѣмъ; властная, все себѣ подчиняющая сила личнаго начала и въ то же время глубокая ненависть ко всякому произволу личности, наконецъ, по существу критическое направленіе его духа и единовременно—способность превращать эту критику въ орудіе положительнаго творчества.

Вся дѣятельность Лессинга была одухотворена этой единой идеей—принципъ живой активности самосознанія и его внутреннихъ творческихъ силъ утвердить во всѣхъ сферахъ духовнаго міра, который не менѣе внѣшняго былъ окованъ мертвыми традиціями, былъ подавленъ и задыхался подъ внѣшними нормами и сухими формулами прошлаго, порвавшаго всякія внутреннія связи съ настоящимъ; всѣ столь многообразныя творенія его духа были только излученіями этой единой центральной идеи. Всякая новая норма, претендовавшая на признаніе, должна была сама доказать предъ субъектомъ свое право на это, и доказательство это состоитъ лишь въ томъ, соотвѣтствуетъ-ли она собственной внутренней природѣ субъекта. Лессингъ былъ никѣмъ инымъ, какъ свѣтскимъ Лютеромъ, т. е. Лютеромъ, не связаннымъ больше никакими религіозными принципами. Непосредственная внутренняя увѣренность въ своей вѣрѣ превращается поэтому у него въ осмысленную внутреннюю увѣренность въ своемъ разумномъ мышленіи. На мѣсто Testimonium spiritus sancti у него является имманентное самосознаніе субъекта, свое собственное разумное пониманіе дѣйствительности. И, именно поэтому, мы готовы поставить Лессинга,—и мы заявляемъ объ этомъ безъ всякаго колебанія, нисколько не смущаясь всѣми возможными противъ насъ криками раздраженія,—еще выше самого Лютера, ибо онъ не только сферу религіи, но и всѣ остальныя сферы духа подчинилъ своему новому принципу.

Прежде всего дѣло коснулось драмы. Здѣсь царила, не зная никакой конкуренціи, французская античная трагедія. Правила Аристотеля, канонизированнаго на подобіе какого нибудь святого отца церкви, были пропи-

таны теперь самымъ мертвящимъ формализмомъ. Матеріалъ для своего содержанія искусство должно было заимствовать исключительно изъ далекаго, притомъ, по своей внутренней сущности, плохо понятаго прошлаго—оно должно было быть источникомъ чувства трагическаго.—Не можетъ быть двухъ взглядовъ на то, какимъ именно образомъ должно было новое направленіе отнестись къ этому окаменѣлому состоянію трагедіи. Это понятно само собой, но отъ этого не уменьшается его міровое значеніе. Вмѣсто того, чтобы держаться омертвѣлаго формальнаго канона, Лессингъ выступилъ съ критикой, которая опиралась на внутреннее понятіе трагическаго искусства и привела его къ тому выводу, что Шекспиръ, совершенно пренебрегавшій правилами Аристотеля, тѣмъ не менѣе ближе стоитъ къ истинному духу античной трагедіи, чѣмъ французы; на мѣсто трагедіи, созданной Корнелемъ, Расиномъ и Вольтеромъ, онъ выдвинулъ буржуазную драму и прежде всего миссъ Сару Самсонъ. Современная жизнь духа (это и составляетъ міровое значеніе выполненнаго Лессингомъ дѣянія),—этотъ живой источникъ его горестей и радостей—и должна была утвердиться теперь и въ сферѣ трагическаго искусства, причемъ цѣлью послѣдняго сдѣлалось воспроизведеніе жизни духа съ его вѣчно мѣняющимся и подвластнымъ вліянію современности содержаніемъ. Съ названіемъ „буржуазная драма“ у Лессинга меньше всего слѣдуетъ связывать представленіе о томъ, лишенномъ духовныхъ интересовъ, прозябаніи, съ которымъ связывалось это представленіе позднѣе въ эпоху Иффланда. У Лессинга дѣло всегда идетъ о великихъ принципахъ духа, о его реальныхъ и истинныхъ интересахъ. „Минна фонъ-Барнхэльмъ“ есть уже политическая драма. Еще до самаго послѣдняго времени нашъ современный театръ находился подъ тяжестью суроваго правила, которое не позволяло выводить на театральные подмостки князей прусскаго правящаго дома. Теперь, въ „Миннѣ фонъ-Барнхэльмъ“ были выведены на сцену, правда, еще не само лицо, но духъ Фридриха Великаго, его правительственныя дѣянія и правила, семилѣтняя война, противоположность между Саксоніей и Пруссіей, весь характеръ и жизненная обстановка того періода, какъ она сложилась подъ вліяніемъ такого огромнаго событія, какъ только что оконченная война (См. прекрасныя разсужденія на эту тему Штара—Band I, S. 216—222).

Сама проза, которую Лессингъ въ „Миннѣ фонъ-Барнхэльмъ и „Эмиліи Галотти“ ввелъ въ качествѣ языка своей драмы—позднѣе, впрочемъ, въ самомъ „Натанѣ“ онъ отказался отъ нея—сама проза была для того времени большимъ шагомъ впередъ сравнительно съ неуклюжимъ александ-

дрійскимъ стихомъ, была формой, выдвинутой все тѣмъ же плодотворнымъ принципомъ. Это былъ языкъ реальной естественной жизни, который могъ быть пригоденъ только для воспроизведенія современности и совершенно не годился для міра боговъ и героевъ, по необходимости вынужденныхъ выступать на ходуляхъ.

Отъ этого принципа одухотворенной современности, составлявшей живую душу его драмы, Лессингъ позднѣе никогда не отступалъ въ сторону. Тотъ до крайнихъ предѣловъ доведенный конфликтъ между внутренней свободой субъекта, его правомъ на самостоятельность и уваженіе, и внѣшней тяготѣющей надъ личностью силой, конфликтъ, который разыгрывается въ „Эмиліи Галотти“ и, наконецъ, въ чисто-римскомъ республиканскомъ духѣ завершается самоубійствомъ со стороны героя, даже убійствомъ собственнаго ребенка, какъ высшимъ тріумфомъ неугасимой свободы и самоопредѣленія личности, вѣдь этотъ конфликтъ въ то время могъ разыграться съ такой же силой въ любомъ маленькомъ нѣмецкомъ княжествѣ. И какъ прекрасно сумѣлъ Лессингъ въ лицѣ принца изобразить эту современную княжескую натуру, которая, въ отличіе отъ прежнихъ тирановъ, не принимаетъ даже на себя отвѣтственности за свои поступки, но, полная лживости и лицемѣрія, взваливаетъ все на своего слугу! Относительно „Натана“, драматически воплощающаго въ себѣ три религіозныя системы, здѣсь нѣтъ абсолютно никакой нужды распространяться о томъ, какимъ образомъ въ его содержаніи отразился глубочайшій духъ времени; здѣсь, какъ вообще во всѣхъ драмахъ Лессинга, прославляется великая цѣнность самосознанія, въ самомъ себѣ черпающаго свои силы и освободившагося отъ власти религіи, рожденія, положенія, милости сильныхъ и всѣхъ другихъ объективныхъ условій.

Поэтому Лессингъ par excellence является поэтомъ идеи гуманизма. Если его герои еще и не рвутся, подобно Теллю, къ внѣшней свободѣ, хотя по нѣкоторымъ отрывкамъ изъ „Спартака и Хэнуп“ у Лессинга можно подмѣтить порыванія и въ эту сторону, то зато они проявляютъ поразительное упорство въ стремленіи отвоевать для себя внутреннюю свободу. Даже нѣкоторыя, повидимому, отклоняющіяся отъ этого правила черты, на самомъ дѣлѣ, вполнѣ согласуются съ нимъ. Такъ бросается въ глаза, что Лессингъ неоднократно съ большимъ удовольствіемъ воспѣваетъ прелести солдатской службы, напр., въ Тэльхеймѣ и Одоардо Галотти. Но солдатская служба, если только особыя историческія условія не ставятъ ее въ прямое противорѣчіе къ интересамъ страны, а вслѣдствіе этого и не придаютъ ей антикультурнаго характера, особенно пригодна для того,

чтобы открыть просторъ для проявленія индивидуальной отваги и самостоятельности. На полѣ битвы, какъ говоритъ Шиллеръ,

„Da steht kein Andrer für ihn ein,
Auf sich selbst steht er da ganz allein“.

(„Никто его не защититъ, онъ предоставленъ исключительно своимъ собственнымъ силамъ“).

Достаточно ясно объ этомъ высказывается Тэльхеймъ, когда онъ говоритъ, что онъ сдѣлался солдатомъ — „такъ, изъ-за жажды встряхнуться, потому что для всякаго порядочнаго человѣка это очень полезно — пробыть нѣкоторое время въ этомъ состояніи, чтобы свыкнуться со всѣмъ, что называется опасностью, и пріучаться къ хладнокровію и рѣшимости“. То, о чемь говорятъ эти слова, это есть настоящее понятіе Лессинга о самостоятельной личности.

Какой ясный отчетъ отдавалъ самому себѣ Лессингъ относительно того полнаго жизненной силы принципа, которому онъ стремился подчинить искусство трагическаго, какъ сильно увлекался онъ своимъ пониманіемъ національно-политической драмы, видя въ ней средство довести до высшей степени напряженія тотъ полный драматизма конфликтъ, къ которому, по духовнымъ условіямъ современности, была расположена душа зрителя, и почему онъ въ этихъ, полныхъ глубочайшаго содержанія духовныхъ запросахъ видѣлъ силу, всего болѣе способную пробудить личность и захватить ее своимъ обаяніемъ, — обо всемъ этомъ онъ, быть можетъ, всего яснѣе высказывается въ своихъ замѣткахъ по поводу „Осады Калэ“ Дю-Беллуа, произведенія, вызвавшаго въ то время большой шумъ во Франціи. „Если это произведеніе, — говоритъ Лессингъ, — и не заслуживаетъ того, чтобы французы подняли такой шумъ изъ-за него, то, однако, самый этотъ шумъ служитъ къ чести французовъ. Онъ доказываеть, что французы являются народомъ, ревниво оберегающимъ свою славу, народомъ, на который не потеряли еще своего вліянія великіе подвиги предковъ, который проникнутъ сознаніемъ великой цѣнности поэтовъ и признаетъ вліяніе театра на добродѣтель и нравы народа, отнюдь не причисляя поэтовъ къ категоріи безполезныхъ сочленовъ общества, а театры — къ категоріи вещей, которыми могутъ интересоваться лишь праздные люди. Какъ далеко еще отстоимъ мы, нѣмцы, въ этомъ отношеніи отъ французовъ! Если говорить прямо, то мы, по сравненію съ ними, являемся еще настоящими варварами. — Пожалуй, здѣсь усмотрятъ французское тщеславіе. Но какъ

еще далеко отстоимъ мы отъ того времени, когда мы окажемся способными на такое тщеславіе!“ (Lessing's W. B. VII, S. 79, Moltzahnsche Ausgabe).

И опять-таки это является прямымъ и несомнѣннымъ послѣдствіемъ выше развитого принципа, когда Лессингъ въ другомъ мѣстѣ и по другому поводу выставляетъ въ высшей степени важное положеніе, что „званіе настоящаго историка можетъ принадлежать лишь тому, что описываетъ исторію своего времени и своей страны“. Отъ драмы былъ одинъ только шагъ къ искусству вообще. Что у французовъ вызывало безконечныя разсужденія въ эстетикѣ того времени — это былъ „хорошій вкусъ“, чисто произвольная норма, которая еще по сегодня продолжаетъ царить надъ нашимъ такъ называемымъ образованнымъ обществомъ. И такъ какъ въ случаѣ чистаго произвола ничто не можетъ находиться въ устойчивомъ положеніи, такъ какъ далѣе этотъ произволъ выбора, оставаясь совершенно внѣшнимъ по отношенію къ вещи, можетъ найти себѣ преграду опять-таки только въ какихъ-либо внѣшностяхъ, то „хорошій вкусъ“ необходимо ищетъ для себя опоры въ какомъ-нибудь „образцѣ“. Произволъ одного своимъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ имѣетъ подчиненіе внѣшности для другого. Такимъ образомъ, и здѣсь въ послѣдней инстанціи царило внѣшнее, данное, какъ таковое, которое вообще господствовало въ искусствѣ, и послѣднее, поэтому, не знало никакого внутренно присущаго ему расчлененія, произведеннаго въ согласіи съ его внутренней глубочайшей идеей. Классики, особенно Гомеръ, считались тогда въ царствѣ прекраснаго какъ разъ за „такіе образцы“, и такимъ образомъ, благодаря такой чисто-внѣшней объективизаціи произвольнаго вкуса и произвольно выбранныхъ образцовъ его, во всѣхъ сферахъ этого обширнаго царства царила самая невозможная путаница. Что имѣло значеніе нормы для одной сферы, то безъ всякаго различія переносилось въ такомъ же значеніи и въ другую сферу. Въ грубыхъ антитезахъ поэзія характеризовалась, какъ „прибѣгающее къ помощи слова художество“, а художество, какъ „нѣмая поэзія“. Сущность опредѣленныхъ родовъ искусства, а вмѣстѣ съ тѣмъ неизбѣжно и самое понятіе прекраснаго оставались совершенно невыясненными.

Лессингъ положилъ конецъ и произволу „хорошаго вкуса“ и чисто внѣшней объективизаціи образцовъ его, поскольку онъ установилъ логическое развитіе между формами искусства, пользующимися помощью слова или пластики, и вмѣстѣ съ тѣмъ развилъ понятіе прекраснаго для каждаго спеціальнаго рода искусства, а также понятіе прекраснаго въ искусствѣ вообще.

Эта задача, выполненная Лессингомъ въ его „Лаокоонѣ“, имѣла огромнѣйшія послѣдствія для развитія нѣмецкаго духа, она имѣла не меньшее историческое и революціонное значеніе въ высшемъ смыслѣ этого слова, чѣмъ остальныя дѣянія Лессинга. Благодаря этому, прекрасное было высвобождено изъ-подъ власти чисто внѣшней позитивной объективности, оно было вырвано изъ сферы потусторонняго, въ которой оно, относительно нашего духа, находилось еще до сихъ поръ; и даже казалось, что это прекрасное, относясь къ сферѣ чувственнаго, къ сферѣ непосредственныхъ воздѣйствій на наше чувство и ощущеніе и т. п., должно необходимо входить въ царство потусторонняго. Но теперь прекрасное было введено во внутреннія сферы нашего мышленія, ему былъ приданъ интимно-внутренній характеръ. Иначе говоря, наша мысль уничтожила теперь мнимую потусторонность и самостоятельность, которую необходимо было приписать прекрасному во имя его принадлежности къ сферѣ чувственнаго. Она сама, по отношенію къ этой сферѣ непосредственнаго, была возстановлена въ своихъ суверенныхъ правахъ, она была провозглашена, какъ направляющее начало въ этомъ царствѣ чувственно-прекраснаго.

Вслѣдствіе этого, Лессингъ былъ не только критикомъ и художественнымъ судьей, но вмѣстѣ съ тѣмъ отцомъ и родоначальникомъ современной философіи искусства вообще. И если въ послѣднее время не только нашимъ образованнымъ обществомъ, но даже и записными критиками такъ часто еще отстаивается положеніе, что идея о конкретно-прекрасномъ есть прямая нелѣпость, если въ наше время еще черезчуръ часто, какъ восклицалъ Лессингъ въ благородномъ гнѣвѣ, „и чернь, и ученье удовлетворяются жалкой фразой, что о вкусахъ не спорятъ“, если, такимъ образомъ, для всѣхъ этихъ людей творенія Лессинга пропали совершенно задаромъ, то, однако, самъ нѣмецкій духъ сумѣлъ прекрасно воспользоваться наслѣдствомъ, завѣщаннымъ Лессингомъ, и философія искусства, сумѣвшая внести въ сферу прекраснаго извѣстную систему и порядокъ, расчленить ее на отдѣльныя сферы и въ этомъ отношеніи уподобить организму логически развитого понятія, сумѣвшая открыть новыя положительные образы духа и создать, такимъ образомъ, новый источникъ радости для нашего самопознанія, эта философія является великимъ послѣдствіемъ того великаго и славнаго пріобрѣтенія, которое Лессингъ, какъ великій завоеватель, сдѣлалъ въ этой сферѣ духа.

Высоко держа надъ собою знамя своей идеи, горячо преданный своему принципу, онъ съ неослабной энергіей бросался въ атаку противъ всѣхъ позицій, одна за другой; духовнаго міра! И по мѣрѣ того, какъ онъ, въ

сіяніи побѣды, наносилъ одной за другой свои разрушительные удары, — интересъ къ каждой изъ нихъ разсѣевался. Отъ искусства онъ необходимо подвигался къ религіи.

Протестантизмъ опирается на принципъ инспираціи, а послѣдній въ свою очередь на принципъ исторической подлинности и истинности Писанія. Но какъ подавить сомнѣніе относительно всякаго историческаго доказательства, относительно вообще всякой увѣренности въ исторически-минувшемъ? И почему невозможны эти сомнѣнія тамъ, гдѣ дѣло идетъ о томъ, чтобы эту увѣренность сдѣлать основой той абсолютной увѣренности, той внутренней, не выносящей никакого прикосновенія убѣжденности, въ которой нуждается религіозная вѣра?

„Когда, наконецъ, перестанутъ, — восклицалъ по этому поводу Лессингъ, стремясь снести прочь всѣ эти историческія подпорки, — усиливаться подвѣсить на тонкую паутинную нить не что иное, не менѣе огромное, какъ всю вѣчность! Нѣтъ! Столь глубокихъ ранъ никогда не наносила религіи сама схоластическая догматика, какія теперь ей ежедневно наноситъ историческая экзегетика (наука толкованія Писанія). Какъ? Развѣ это не правда, что исторически ложь можетъ оказаться не подлежащей сомнѣнію? Что среди многихъ тысячъ вещей, сомнѣваться въ которыхъ намъ не даетъ ни малѣйшаго повода ни разумъ, ни исторія, — что среди нихъ можетъ оказаться вещь несуществовавшая?“ По существу въ этой мысли нѣтъ ничего невозможнаго, нѣтъ ничего и новаго. Уже Эпископій (Episcopius—родился въ 1583 году) сказалъ: „Impossibile omnino est, id quod dictum, factum, scriptumve ab aligno est, postquam auctor in vivis esse desiit, ita probare ab eo scriptum, dictum, factumve esse, ut covilli aut tergiversationis locus nullus reliquus maneat“ [1]) (Disp. de autor. sacr. scr. Opp. II, 2, p. 444).

Но если двое говорятъ объ одномъ и томъ же, это еще не значитъ, что они говорятъ одно и то же. Эпистолій воспользовался этой мыслью, чтобы сдѣлать простое замѣчаніе, — Лессингъ, наоборотъ, для того, чтобы въ согласіи со своимъ принципомъ построить систему, отвергающую все, что является внѣшнимъ относительно духа и историческимъ. „Конечно, — продолжаетъ онъ, — если это правда, то гдѣ же нахо-

---

[1]) Совершенно невозможно—относительно того, что гдѣ-нибудь, кѣмъ-нибудь сказано, сдѣлано или написано, представить, послѣ смерти автора, въ удостовѣреніе того, что это дѣйствительно имъ сказано, сдѣлано или написано, такое доказательство, чтобы не оставалось уже никакой возможности отпираться отъ этого.

дятся всѣ историческія доказательства въ защиту подлинности христіанской религіи?“—„Тамъ, гдѣ ихъ желаютъ найти!“—послѣдовалъ съ его стороны полный энергіи отвѣтъ. И затѣмъ онъ вывелъ отсюда свои важныя заключенія: „Случайная истинность историческихъ данныхъ никогда не можетъ служить доказательствомъ того, что они необходимо должны казаться истинными и для разума“ и пришелъ, такимъ образомъ, къ выводу: „Религія истинна не потому, что ей учили евангелисты и апостолы, но наоборотъ,—они учили ей потому, что она была истиной“; и отсюда у него явилось уже заключеніе, что „безусловно необходимо претвореніе истинъ, доставшихся путемъ откровенія, въ истины для разсудка, если только эти истины должны принести пользу человѣческому роду“. Другими словами: всякое историческое свидѣтельство для мыслящаго самосознанія является внѣшнимъ и потому несуществующимъ. Истинность Религіозныхъ догмъ можетъ состоять только въ томъ, что въ нихъ отражается внутреннее существо самосознанія, что это самосознаніе въ нихъ самого себя находитъ.

Тотъ же самый принципъ внутренней (имманентной) сродности съ самосознаніемъ, благодаря Лессингу, утверждаетъ свое господство не только въ догматикѣ, но — не менѣе того — и въ религіозной этикѣ. Примѣненный къ анализу евангельскихъ дѣяній, этотъ принципъ заставляетъ смотрѣть на добродѣтель, какъ на самостоятельную цѣль, независимую отъ всякихъ религіозныхъ заповѣдей и обѣщаній, какъ на внутреннюю радость, которую самосознаніе находитъ въ дѣланіи добра, которое является его собственной природой. Само христіанство, по Лессингу, является лишь предтечей „новаго евангелія“, того времени, когда человѣкъ будетъ дѣлать добро ради самого добра, а не во имя той совершенно внѣшней награды, обѣщаніе которой должно было только укрѣпить его колеблющуюся волю, пока онъ не научился въ самомъ добрѣ находить для себя свою „высшую глубочайшую награду“. Такимъ образомъ, Лессингъ—вслѣдъ за Спинозой—сдѣлался основателемъ философской этики, которая добродѣтель понимаетъ, какъ реализацію своей собственной идеи.

Но именно потому, что здѣсь дѣятельность человѣка необходимо опредѣляется его собственной идеей, именно потому съ этой точки зрѣнія не можетъ уже быть рѣчи о чисто формальной свободѣ „дѣлать по произволу или то, или другое“, иначе говоря, не можетъ быть рѣчи о лишенномъ какихъ бы то ни было внутреннихъ основаній, а потому несвободномъ произволѣ; и если можно гегелевское опредѣленіе свободы сжато

выразить въ такой антитезѣ: быть свободнымъ — это значитъ быть должнымъ (а именно—должнымъ реализировать субстанціональную человѣческую идею), то уже Лессингъ возвышается до формулированія этой основной идеи въ своемъ полномъ глубокой силы восклицаніи: „Я благодаренъ Творцу за то, что я долженъ,—долженъ стремиться къ лучшему“.

Въ этомъ исключительномъ интересѣ, съ которымъ самосознаніе стремится всюду отыскать воплощеніе своей собственной внутренней сущности, въ этомъ отметаніи всего того, что является—относительно прошлаго или будущаго, безразлично — потустороннимъ для самосознанія, Лессингъ доходитъ до поразительно смѣлаго (смѣлаго—именно благодаря той условности, которая въ немъ еще остается) заключенія: „Если бы дѣйствительно могло существовать такое искусство, которое давало бы намъ возможность постигать будущее, то мы должны были бы лучше не изучать этого искусства. И если бы дѣйствительно существовала религія, которая давала бы намъ вѣрныя свѣдѣнія загробной жизни, то мы должны были бы лучше отказаться отъ всякаго послушанія велѣніямъ этой религіи“.

Но всего яснѣе, быть можетъ, выражаетъ Лессингъ эту царившую въ его душѣ идею въ слѣдующихъ столь же знаменитыхъ, сколько и прекрасныхъ словахъ, звучащихъ почти парадоксально: „Цѣнность человѣка создаетъ не истина, которой человѣкъ обладаетъ или думаетъ, что обладаетъ, но искренния усилія, прилагаемыя имъ къ тому, чтобы обрѣсти эту истину. Потому что не обладаніе истиной, но стремленіе къ истинѣ умножаетъ его силы, а вѣдь въ этомъ одномъ и состоитъ его совершенствованіе. Обладаніе дѣлаетъ человѣка спокойнымъ, лѣнивымъ, гордымъ. Если бы Богъ въ своей правой рукѣ держалъ всю истину, а въ лѣвой—одно только вѣчно дѣятельное стремленіе къ истинѣ, хотя бы и съ условіемъ—вѣчно и постоянно заблуждаться, и сказалъ бы мнѣ: выбирай!— я со смиреніемъ прикоснулся бы къ его лѣвой рукѣ и сказалъ: „Отецъ небесный! дай мнѣ это! вѣдь чистая истина существуетъ лишь для тебя одного.“

И несомнѣнно! истина, мыслимая, какъ нѣчто внутренно вполнѣ законченное, является совершенно внѣшней для духовной природы субъекта, превращается въ безжизненную омертвѣлую формулу. Свое собственное внутреннее саморазвитіе, свое собственное стремленіе — вотъ что составляетъ основную цѣль духа, который покончилъ разъ навсегда съ объективно внѣшнимъ и сумѣлъ найти свою сущность въ жизненности своего

внутренняго процесса развитія. Внутреннее исканіе истины — и есть сама истина, какъ таковая, для дѣятельнаго самосознанія. Конечно,

„Es irrt der Mensch, so lang er strebt“,

человѣкъ ошибается такъ долго, пока онъ стремится.

Но если всякое стремленіе приводитъ только къ заблужденію, то тогда, и какъ разъ поэтому,—само заблужденіе необходимо понимать, какъ положительное стремленіе, и Лессингъ такимъ путемъ приходитъ къ слѣдующему поразительному заключенію: „Почему мы во всѣхъ позитивныхъ религіяхъ не желаемъ видѣть ничего больше, какъ только путь, по которому единственно и исключительно — человѣческій разсудокъ въ каждомъ опредѣленномъ конкретномъ случаѣ только могъ и долженъ былъ развиваться, почему по поводу каждой такой религіи мы считаемъ возможнымъ лишь глумиться или выражать свое негодованіе?—или же рука Божія замѣтна во всѣхъ проявленіяхъ міровой трагедіи, и только не видно ея при нашихъ заблужденіяхъ?“ Иначе говоря, объективно-данное лишается относительно самосознанія своего нормативно-обязательнаго характера не только въ настоящемъ, но тотъ же принципъ получаетъ силу обратнаго дѣйствія, и подъ него подводится царство прошлаго, и такимъ образомъ сама исторія превращается во внутреннее развитіе самосознанія.

Это и есть тотъ пунктъ, въ которомъ нѣмецкій геній, поскольку онъ воплотился въ Лессингѣ, всего глубже и принципіальнѣе отличается какъ отъ Руссо, такъ и отъ Вольтера. Исторія перестаетъ быть царствомъ безсмыслія и произвола. Самосознаніе отказывается отъ своего чисто отрицательнаго отношенія къ историческому и занимаетъ теперь относительно него позицію положительную, т. е. такую, находясь на которой, оно возвышается до пониманія исторіи, какъ процесса своего собственнаго развитія. Такимъ образомъ, Лессингъ оказался мыслителемъ, положившимъ начало тому величайшему духовному завоеванію, благодаря которому нѣмецкая философія позднѣе достигла своей наивысшей кульминаціонной точки, развитія,—а именно полезное начало исторіи, понимаемой, какъ саморазвитіе духа. (Однако, нельзя закрывать глаза на то глубокое принципіальное различіе, которое существуетъ между воззрѣніями Лессинга и Гегеля на исторію. Для Лессинга—въ полномъ согласіи съ выясненной выше основной его точкой зрѣнія—исторія представляетъ собою развитіе субъективнаго самосознанія,—человѣческаго разсудка, какъ онъ выражается самъ; для Гегеля же—исторія есть развитіе объективной идеи духа). И вмѣстѣ съ тѣмъ, только благодаря той положительной позиціи, которую

занимаетъ самосознаніе относительно объективно-даннаго, побѣда его становится полной, причемъ теперь въ настоящемъ упраздняется внѣшняя обязательность и нормативная самостоятельность историческаго для самосознанія, но даже и въ прошломъ, въ самомъ источникѣ, подрывается его самостоятельность, и такимъ образомъ исторія превращается во внутреннюю исторію самосознанія.

Такимъ образомъ—въ литературѣ, драмѣ, искусствѣ, въ догматикѣ, этикѣ, религіи, даже вообще въ исторіи—повсюду самосознаніе утверждается въ своихъ исключительныхъ правахъ и добивается признанія въ качествѣ творца этого міра. Центральная идея Лессинга проводится имъ во всѣхъ сферахъ его дѣятельности.

И, разумѣется, высказанное выше мнѣніе Лессинга, согласно которому истинность религіи удостовѣряется не инспираціей, не фактомъ воскресенія Христа и тому подобными историческими событіями, но только тѣмъ, что она—истинна, т. е. что по своей внутренней природѣ она согласуется съ требованіями самосознанія, это мнѣніе, повторяю я, уже само по себѣ вынуждаетъ насъ къ полному отрицанію религіи, какъ таковой. Ибо въ этомъ случаѣ религія оказывается подчиненной самосознанію, какъ своей высшей инстанціи. Не религія, какъ таковая, оказывается истинной, но лишь то, что самосознаніе находитъ въ ней согласнымъ съ самимъ собой, съ своей собственной сущностью.

Какъ ясно понималъ Лессингъ, что здѣсь дѣло идетъ о полномъ упраздненіи религіи, доказываютъ слѣдующія характерныя слова, съ которыми онъ обратился къ Мендельсону, собиравшемуся отвѣчать на приглашеніе Лафатера—обратиться въ христіанство: „Я васъ прошу, если только вы будете отвѣчать, сдѣлать это со всей возможной свободой, со всей, какую только можно представить себѣ, энергіей. Вы одни можете и смѣете написать такимъ образомъ въ томъ дѣлѣ и находитесь поэтому въ безконечно болѣе счастливомъ положеніи, чѣмъ остальные почтенные люди, которые, стремясь разрушить отвратительнѣйшее зданіе безсмыслія, могутъ дѣлать это не иначе, какъ только подъ предлогомъ, что они собираются подводить подъ него новый фундаментъ“.

О какъ былъ правъ Гоце со всей своей свитой, когда онъ объявилъ Лессинга за „одного изъ самыхъ дерзкихъ нарушителей общественнаго спокойствія“, который „стремится поколебать самыя основные устои священной Римской Имперіи“. О глупцы, не понимающіе, что вся несправедливость

Гоце—съ того времени и нашего заключается лишь въ томъ, что—они оказывались правыми!

Не менѣе замѣчательно и то положеніе, которое Лессингъ занялъ—въ жаркой борьбѣ разгорѣвшейся по поводу вольфенбютлеровскихъ фрагментовъ, противъ плоскаго раціонализма и просвѣтительныхъ тенденцій, проникшихъ въ теологію того времени. Какъ и всякій, несущій въ обращеніе только низшую и полную истину, Лессингъ гораздо сильнѣе и глубже, чѣмъ старую неподновленную ортодоксію, ненавидѣлъ жалкую двойственность примиренцевъ. Онъ открыто заявляеть, что путаницѣ и половинчатости этихъ послѣднихъ онъ предпочитаетъ послѣдовательную ортодоксію, какъ болѣе честнаго, какъ менѣе опаснаго противника, который „въ открытомъ бою сражается со здравымъ человѣческимъ разсудкомъ, между тѣмъ какъ новѣйшая теологія стремится подкупить его“; онъ считаетъ болѣе полезнымъ „договориться со своимъ открытымъ противникомъ, чтобъ тѣмъ лучше уберечься отъ ударовъ тайнаго“, онъ заявляетъ, что онъ предпочитаетъ ортодоксію, потому что, если ужъ міру вообще суждено вѣчно коснѣть во лжи, то старыя формы лжи во всякомъ случаѣ предпочтительнѣе новыхъ“. (S. Stahr. Bd. II, S. 277 fg.).

Въ основѣ своей это было только выводомъ изъ принциповъ, которые въ еще болѣе общей и нормативной формѣ были развиты имъ при защитѣ Беренгара противъ Мосхейма. Тотъ,—говоритъ онъ,—оказываетъ плохую услугу человѣческому разуму, который „освобождаеть насъ отъ грубыхъ заблужденій, но остерегается выступать съ полной истиной и хочетъ удовлетворить смѣсью истины и лжи. Потому что, чѣмъ грубѣе заблужденіе, тѣмъ короче и прямѣе путь къ истинѣ, и, наоборотъ, очищенное отъ излишней грубости заблужденіе можетъ на вѣки отдалить насъ отъ истины и тѣмъ труднѣе намъ убѣдиться въ томъ, что это есть заблужденіе“.—„Кто думаетъ только о томъ,—высказываетъ далѣе Лессингъ со всей рѣзкостью своей сильной натуры,—чтобы убѣдить другого въ своей истинѣ, хотя бы для этого и скрывъ ея лицо подъ всякаго рода масками и румянами,—тотъ можетъ еще въ лучшемъ случаѣ быть ея сводникомъ, но любовникомъ ея—никогда“.

Если въ предыдущей фразѣ слова „на вѣки“ замѣнить болѣе мягкими „на тѣмъ болѣе продолжительное время“,—то здѣсь выраженъ одинъ изъ глубочайшихъ законовъ историческаго развитія. Но какъ мало пользы извлекло для себя наше образованное общество изъ „Лаокоона“, также мало пользы и эти слова принесутъ сводникамъ нашего времени, которые снова

въ разныхъ областяхъ жизни пожелали бы утопить открыто и честно выставленныя противорѣчія въ „мутной водѣ“ своего жалкаго половинчатаго посредничества. Однако, если мы основную идею Лессинга прослѣдимъ въ сферахъ искусства, религіи, исторіи,—то какъ же дѣло обстоитъ съ политикой? Но вѣдь это можетъ показаться почти злостной насмѣшкой—развѣ все предыдущее само по себѣ уже не было политикой? Но если кого-нибудь это не удовлетворяетъ, пусть онъ удовлетворится слѣдующими отрывками изъ лессинговскаго „Спартака“.

Консулъ издѣвается надъ Спартакомъ:

„Ich höre, du philosophierest, Spartacus!“

Spartacus:

„Was ist das:—«Du philosophierest?»“

Doch ich erinnere mich. Ihr habt den Menschenverstand in die Schule verwiesen, um ihn lächerlich machen zu können. Wo Du nicht willst, das ich philosophiren soll—philosophieren,—es macht mich lachen!—Nun wohlan. Wir wollen fechten!“

(„Я слышу, ты философствуешь, Спартакъ!“

Спартакъ:

„Что это значитъ:—«Ты философствуешь?»

Впрочемъ, я вспоминаю. Вы человѣческій разсудокъ сослали въ школы, чтобы можно было издѣваться надъ нимъ. И когда ты не хочешь, чтобъ я философствовалъ, то мнѣ становится отъ этого смѣшно!—Прекрасно! Мы будемъ бороться!“).

Прошло двадцать лѣтъ—и предсказаніе исполнилось. Руссо довольно безплодно философствовалъ,—и Спартакъ французской революціи началъ борьбу!

И Штаръ, приводя этотъ отрывокъ, говоритъ: „Это, пожалуй, и будетъ концомъ пѣсни въ переговорахъ Спартака съ консуломъ будущаго“. (Bd. II, S. 327).

Однако,—величіе самого предмета заставляетъ насъ итти дальше. Пора намъ, наконецъ, обратиться къ тому произведенію, которое послужило поводомъ для нашихъ разсужденій.

Когда Адольфъ Штаръ сталъ писать о Лессингѣ, это уже заранѣе вызвало большія ожиданія. Кто имѣлъ возможность слѣдить за дѣятельностью Штара въ области филологіи, археологіи, эстетики, исторіи и т. п., тотъ долженъ былъ знать, какъ особенно пригоденъ онъ для того, чтобы понять въ цѣломъ творенія Лессинга и передать ихъ сущность читателю. Съ давнихъ поръ работая почти во всѣхъ тѣхъ областяхъ, которыя твор-

ческій геній Лессинга избралъ полемъ своей дѣятельности, и получивъ въ каждой изъ нихъ столь детальныя свѣдѣнія, какія даетъ только собственныя занятія опредѣленной спеціальностью, Штаръ, на основаніи всего этого продолжительнаго опыта долженъ былъ знать, какъ безконечно много каждая изъ этихъ дисциплинъ обязана обновляющему генію Лессинга.

Въ каждой изъ этихъ дисциплинъ онъ долженъ былъ признать въ огромной степени руководящее вліяніе со стороны Лессинга, и, благодаря этому, его любовь къ этому генію должна была естественно перейти въ теплое чувство, какое мы обыкновенно испытываемъ лишь по отношенію къ глубоко почитаемому нами учителю. Вліяніе, какое Лессингъ оказалъ на національное развитіе, у Штара повсюду осложнилось воздѣйствіемъ на его личное развитіе, превратилось у него въ фактъ личнаго переживанія.

Къ этому присоединилось еще другое обстоятельство, которое должно было также содѣйствовать тому, чтобы ожиданія, возлагавшіяся на Штара, возросли до необычайныхъ размѣровъ. Уже Лессингъ жаловался на то необычайно рѣзкое различіе, которое въ Германіи обычно раздѣляетъ писателей и ученыхъ въ узкомъ смыслѣ этого слова. „Наши литературные таланты,—говоритъ онъ,—рѣдко бываютъ учеными, а наши ученые рѣдко бываютъ литературными талантами. Первые совсѣмъ не желаютъ читать, рыться въ книгахъ, собирать матеріалы, словомъ, совсѣмъ не желаютъ работать; послѣдніе, наоборотъ, не желаютъ ничего больше дѣлать, кромѣ этого. У первыхъ замѣтенъ недостатокъ въ матеріалѣ, у послѣднихъ—недостатокъ талантливости, чтобы придать этому матеріалу красивую форму". Эта противоположность, которая въ общемъ сегодня проявляется въ еще болѣе обостренной формѣ, чѣмъ прежде,—эта противоположность ни у кого изъ современныхъ писателей не находитъ болѣе глубокаго примиренія, чѣмъ у Штара,—и въ этомъ-то мы и видимъ главную заслугу, какую Штаръ оказалъ нѣмецкой литературѣ.

Но въ сочиненіи, лежащемъ предъ нами, Штаръ превзошелъ всѣ эти возлагавшіяся на него высокія ожиданія, болѣе того—онъ превзошелъ самого себя. Это его произведеніе является величайшимъ его твореніемъ, это есть одно изъ самыхъ цѣльныхъ произведеній во всей нѣмецкой литературѣ. И въ этомъ находившемся въ его распоряженіи обширнѣйшемъ матеріалѣ не осталось ничего, что бы Штаръ не выразилъ въ своей поразительно яркой формѣ и что онъ не обработалъ бы съ тѣмъ глубокимъ пониманіемъ исторически-важнаго, которымъ онъ обязанъ современной философіи и которое составляетъ основу его образованія!

Но что составляетъ особенно важное достоинство этой книги, такъ это то, что Штаръ стремился изъ нея сдѣлать и дѣйствительно ее сдѣлалъ народной книгой. Весь тотъ ученый балластъ, который почтенную книгу Данцель-Гурауера превратилъ въ источникъ мудрости, предназначенный исключительно для источниковъ литературы и записныхъ ученыхъ, былъ совершенно выкинутъ Штаромъ. Онъ сумѣлъ глубочайшіе и труднѣйшіе вопросы изложить такъ сжато, просто и общепонятно, что они должны оказаться легко доступными не только для образованныхъ классовъ, но и для простого народа,—и, благодаря этому, за его книгой обезпечено самое глубокое вліяніе на всю нѣмецкую націю. Намъ неизвѣстна, кажется, ни одна книга, которая была бы столь же просто написана и могла бы въ то же время служить столь же прекраснымъ источникомъ просвѣщенія и ввести въ столь же глубокія сферы мысли. Эта книга не только должна сдѣлаться народной книгой, она несомнѣнно ею и сдѣлается. Образованные люди станутъ ее перелистывать съ цѣлью найти въ ней подходящій матеріалъ, которымъ можно будетъ воспользоваться, когда представится случай „поговорить о Лессингѣ",—но ни одинъ изъ нихъ не броситъ этой книги безъ того, чтобы, къ своему величайшему изумленію, не подняться, благодаря ей, до такого круга идей и до ознакомленія съ такими высочайшими проблемами духа, которыя далеко превосходятъ его первоначальную пустую и поверхностную цѣль, заставившую его взяться за книгу. Но самъ народъ, нѣмецкій народъ, который никогда не боится серьезнаго труда, если только онъ не превышаетъ его силъ,—онъ возьмется за эту книгу съ любовью и усердіемъ, чтобы уразумѣть изъ нея значеніе и вліяніе одного изъ величайшихъ нѣмецкихъ геніевъ, которые когда-либо работали на пользу развитія свободнаго духа.

И эта книга, разъясняя народу то вліяніе, которое нѣкогда Лессингъ оказалъ на своихъ современниковъ, окажется для него источникомъ новаго вліянія. Мы говоримъ это съ полнѣйшей увѣренностью. Въ самомъ дѣлѣ, благодаря тому, что сочиненія Лессинга, составляющія цѣлыхъ 13 томовъ, нуждаются для своего пониманія въ обстоятельномъ знакомствѣ со всѣми условіями того времени, а ученый трудъ Данцель-Гурауера совершенно недоступенъ для простого народа по тѣмъ же причинамъ,—благодаря всему этому совершенно уничтожается возможность вліянія Лессинга на современое намъ народное самосознаніе,—и только теперь, съ появленіемъ этого сжатаго и въ то же время отвѣчающаго всѣмъ необходимымъ условіямъ научности произведенія Штара создается новый второй періодъ для дѣятельнаго воздѣйствія Лессинга на состояніе народнаго духа,

и притомъ нисколько не менѣе значительное, чѣмъ то, которое Лессингъ оказывалъ на своихъ современниковъ.

Что особенно повышаетъ достоинства этого сочиненія—такъ это стиль его. Относительно стиля мы должны признать его настоящимъ художественнымъ произведеніемъ, которое надолго не потеряетъ своего значенія. Его особенностью въ этомъ отношеніи является своего рода цѣломудренная соразмѣрность формы, мягкая теплота, поразительная и въ то же время болѣе всего далекая отъ сухой холодности умѣренность въ выраженіяхъ, умѣренность, которая, чѣмъ менѣе говоритъ она сама по себѣ, тѣмъ болѣе умѣетъ возбуждать сердце и духъ читателя и развивать въ немъ умѣніе уловлять недосказанное, и, наконецъ, извѣстная этика стиля; ибо по всему этому стилю чувствуется, что онъ сложился не изъ желанія угодить современной публикѣ, которая не имѣетъ обыкновенія требовать такого стиля и вслѣдствіе этого почти совсѣмъ отказалась отъ своего права—желать его; чувствуется, что онъ сложился не изъ желанія автора добиться своей писательской славы, но что источникъ его скорѣе всего таится въ томъ глубокомъ, чисто-моральномъ благоговѣніи, которымъ былъ проникнутъ авторъ по отношенію къ задачѣ своего труда. Памятникъ Лессингу,—говоритъ намъ авторъ,- можетъ быть отлитъ только изъ чистаго звучнаго металла, изъ руды, отъ которой отдѣлены всѣ шлаки, а вѣдь это и есть то, что намъ чувствовалось, какъ покоряющая себѣ чистота его стиля, и что мы называли этикой стиля. Особенно та глава, гдѣ рѣчь идетъ о жизненныхъ судьбахъ Лессинга, представляетъ собою настоящій шедевръ въ этомъ отношеніи.

Эти соображенія заставляютъ насъ обратиться теперь къ разсмотрѣнію послѣдняго наиболѣе важнаго достоинства книги Штара, того достоинства, которое, главнымъ образомъ, и побудило насъ только что заявить, что эта книга должна несомнѣнно оказать большое вліяніе на народное самосознаніе современной эпохи. Мы имѣемъ въ виду собственно біографическую сторону сочиненія. Какая геройская, вѣчной борьбѣ посвященная жизнь! Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь эта жизнь была непрерывной, ни на минуту, до самого послѣдняго дыханія непрекращавшейся борьбой съ тѣмъ злымъ рокомъ (Misere), который съ такой безпощадностью могъ обрушиться на нее только въ такой странѣ, какъ тогдашняя Германія. Если когда-нибудь кто-нибудь былъ рожденъ для счастья,—то это былъ какъ разъ Лессингъ со своей веселой радостной и ясной натурой! Если когда-нибудь кто-нибудь казался совершенно застрахованнымъ отъ несчастій, то это опять-таки былъ все тотъ же Лессингъ со своей непобѣдимой силой и

энергіей, при полнѣйшемъ отсутствіи какой бы то ни было сентиментальной слабости, со своей крайне здоровой натурой. И, несмотря на все это, нѣмецкая жизнь сумѣла такого человѣка довести до того, что онъ носился съ мыслью о самоубійствѣ, и только присущая ему гордость была въ силахъ удержать его отъ этого шага! „И еще сегодня,—говоритъ Штаръ (Bd. II, S. 237),—многіе-ли нѣмцы, наслаждающіеся чтеніемъ „Натана Мудраго“, знаютъ, что въ то самое время, когда сплою своего генія Лессингъ создавалъ это свое величайшее твореніе, что въ это самое время ему приходилось бороться съ самой тяжелой нуждой, находиться подъ бременемъ самыхъ пошлыхъ заботъ о ежедневномъ кускѣ хлѣба?“ Въ самомъ дѣлѣ, въ то самое время, когда онъ находился на вершинѣ своей славы и своего творчества,—положеніе его было таково, что онъ въ письмѣ къ брату по поводу предполагавшейся подписки на его „Натана Мудраго“ могъ объ этомъ положенія высказываться въ такихъ безконечно горькихъ и рѣжущихъ своимъ лаконизмомъ словахъ: если даже его друзья и далѣе будутъ проявлять такую же заботливость о его интересахъ, то тѣмъ не менѣе „лошадь можетъ умереть съ голоду раньше, чѣмъ созрѣетъ овесъ!“

Эта непрерывная жизненная борьба Лессинга изображена у Штара съ глубоко-захватывающей простотой и правдивостью и производитъ у него потрясающее впечатлѣніе. Его опредѣленіе на должность въ Вольфенбюттелѣ, должно было, казалось, положитъ конецъ внѣшнимъ заботамъ. Но именно оно навсегда обрекло его на вѣчныя терзанія, въ которыхъ онъ съ тѣхъ поръ медленно и непрерывно истекалъ кровью и подвигался навстрѣчу своей гибели. Лессингъ долженъ былъ собственнымъ опытомъ извѣдать, что значитъ для человѣка, полнаго достоинствъ и обладающаго благородной душой,—имѣть дѣло съ князьями. Что касается правдиваго и неприкрашеннаго выясненія этихъ отношеній, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и характеристики личности самого Лессинга,—то здѣсь книга Штара имѣетъ огромное преимущество передъ произведеніемъ Данцель-Гурауера,—послѣдній, напримѣръ, въ Bd. II, S. 277, имѣетъ храбрость рисовать этого князя, какъ „принца, который, подобно великимъ героямъ древности (!), сумѣлъ соединить въ себѣ героическую славу полководца съ глубокимъ преклоненіемъ предъ героями духа въ поэзіи и философіи, который, какъ никакой другой нѣмецкій князь того времени, испытывалъ огромное удовольствіе—находить и даже самому искать въ своемъ отечествѣ этихъ героевъ духа“.

Если Данцель-Гурауеръ точно знаетъ, что это былъ въ то время пан-

лучшій въ этомъ отношеніи князь въ нѣмецкомъ отечествѣ,—то мы—шлемъ только свое поздравленіе! Что касается правды въ описаніи этихъ отношеній, то она сводится къ слѣдующему: съ обычнымъ самообольщеніемъ эти люди не прочь бываютъ пококетничать съ геніемъ и героемъ славы, въ тщеславной погонѣ за эффектностью они не прочь похвастаться, какъ какимъ-то украшеніемъ, тѣмъ фактомъ, что Лессингъ находится въ ихъ рукахъ, и при этомъ не желаютъ хоть капельку позаботиться о томъ, чтобы доставить ему мало-мальски сносное существованіе. Разъ Лессингъ находится къ нашимъ услугамъ, какое дѣло до того, что онъ, въ запущенномъ и нездоровомъ Вольфенбюттелѣ, подавленный самыми пошлыми заботами и невыносимой нуждой, медленно чахнетъ и духовно и физически идетъ навстрѣчу своей гибели?

И когда казалось, что Лессингъ можетъ еще чего добраго—вспомнить о томъ, что никогда еще онъ, какъ „птица на крышѣ“, не находился въ болѣе жалкомъ и несчастномъ положеніи,—тогда разыгрывалась комедія: однако, мы предпочтемъ предоставить слово самому Штару: „его (Лессинга) должно было постигнуть жестокое разочарованіе. Ибо теперь начиналась возмутительнѣйшая комедія, въ которой объектомъ княжеской безсердечности становилась судьба, жизнь и характеръ самаго выдающагося человѣка, какимъ только обладала Германія, комедія, которая, продолжаясь цѣлыхъ два года, ожесточила этотъ благороднѣйшій характеръ, довела его до состоянія полнѣйшей безнадежности и отчаянія и навсегда подорвала его физическія и духовныя силы. Письма Лессинга отъ этого времени являются прямымъ свидѣтельствомъ тѣхъ по-истинѣ прометеевскихъ терзаній, на которыя обрекала его княжеская небрежность въ отношеніи къ своимъ обѣщаніямъ; и, вмѣстѣ съ тѣмъ, эти письма неизгладимымъ клеймомъ будутъ тяготѣть надъ памятью принца, который всю свою жизнь прилагалъ всѣ усилія къ тому, чтобы, при помощи выгоднаго для себя представительства, создать себѣ славу высоко-образованнаго, гуманнаго, цѣнящаго искусства и науки князя; который поддерживалъ серьезную корреспонденцію на философскія темы съ Моисеемъ Мендельсономъ и старался показать, какъ высоко онъ ставитъ и цѣнитъ во всей его величинѣ и значеніи того самого Лессинга, котораго онъ на цѣлые годы осудилъ влачить жизнь, полную лишеній“.

И Лессингъ самъ пишетъ своей невѣстѣ, что только нѣкоторыя работы, которыя онъ не могъ бы закончить нигдѣ, кромѣ какъ въ Вольфенбюттелѣ, если только онъ не желаетъ даромъ терять всего затраченнаго здѣсь вре-

мена,—только эти работы удерживаютъ его здѣсь. А затѣмъ,—нѣтъ ничего въ мірѣ, что могло бы его задержать тутъ еще дольше.

„Я думаю, что вездѣ я могу найти то самое, что я оставляю здѣсь. Но пусть даже я не найду ничего подобнаго. Лучше итти просить милостыню, чѣмъ позволять обращаться съ собой такимъ образомъ“.

Герцогъ предоставилъ Лессингу мѣсто, которое онъ покинулъ въ такой бѣдности, что послѣ смерти его должны были похоронить на государственный счетъ!

Однако, быть можетъ, господа Данцель-Гурауеръ постараются намъ доказать, что герцогъ, поступая такъ, дѣйствовалъ лишь какъ поклонникъ древности, чтобы такимъ путемъ еще болѣе уподобить Лессинга героямъ древности! О, скорѣе мимо этихъ нѣмецкихъ ученыхъ!—Однако, эта біографія болѣе всего далека отъ того, чтобы вызвать въ читателѣ подавленное настроеніе. Ибо всѣ эти несчастья, сыпавшіяся на Лессинга, никогда не въ силахъ были надломить его непоколебимой гордости и мужества. Въ этой жизни, представлявшей собою длинную вереницу несчастій, нѣтъ ни одного дыханія, ни одной мысли, ни одного движенія, которыхъ онъ могъ бы стыдиться. Этотъ тріумфъ нравственной силы и удалось Штару въ такой потрясающей формѣ раскрыть предъ нашими глазами, поэтому его книга и дѣйствуетъ столь возвышающимъ образомъ на душп читателей. Да, это есть жизнь настоящаго героя, съ которой можно сравнить развѣ только жизнь героевъ, описанныхъ Плутархомъ,—но мы слѣдимъ за нею съ безконечно болѣе захватывающимъ интересомъ именно потому, что эта героическая жизнь протекала среди условій и конфликтовъ, которыя несравненно ближе стоятъ и несравненно болѣе напоминаютъ современныя наши отношенія. Поэтому книга эта будетъ пламенемъ энтузіазма зажигать сердца нѣмецкихъ юношей, и ни одинъ серьезный читатель не выпуститъ ее изъ рукъ безъ того, чтобы не сдѣлаться, благодаря ей, лучше и выше въ нравственномъ отношеніи. И тотъ моральный подъемъ, который эта книга вызоветъ въ душѣ каждаго человѣка, мало-мальски способнаго къ духовному просвѣтленію,—поможетъ ему съ мужественнымъ сердцемъ итти на встрѣчу тѣмъ страданіямъ и конфликтамъ, на которые ему суждено наткнуться въ его собственной жизни. И каждую благородную душу, хоть сколько нибудь одаренную истинной скромностью, эта книга наполнитъ благороднымъ равнодушіемъ ко всему, съ чѣмъ можемъ столкнуться мы въ той культурной борьбѣ, въ которой величайшимъ и лучшимъ изъ насъ суждено въ мученіяхъ медленно истекать своею кровью.

А потому трижды во время является въ свѣтъ эта прекрасная и поучительная книга! Исторія можетъ быть названа непрерывно-развертывающейся цѣпью драмъ, а современная драматическая ситуація начинаетъ страшно сильно походить на ситуацію того времени.

А великимъ драматическимъ закономъ самого Лессинга было: „сходныя ситуаціи создаютъ сходные характеры!“

Система пріобрѣтенныхъ правъ.

Примиреніе положительнаго права и философіи права.

(Въ извлеченіяхъ и изложеніи *Эд. Бернштейна*).

Вступительныя замѣчанія Эд. Бернштейна.

Перепечатывать въ нашемъ собраніи цѣликомъ „Систему пріобрѣтенныхъ правъ“ Лассаля—намъ прежде всего воспрещаетъ то обстоятельство, что надъ этимъ сочиненіемъ все еще тяготѣетъ „авторское право“, и, какъ бы мало ни отвѣчало это право въ своемъ теперешнемъ видѣ желаніямъ самого Лассаля, все-же, какъ законно „пріобрѣтенное право“, оно должно пользоваться съ нашей стороны уваженіемъ. Но и помимо того — самый объемъ и характеръ этого произведенія, его языкъ, понятный — очень часто — однимъ лишь спеціалистамъ, также заставляютъ насъ отказаться отъ мысли перепечатать цѣликомъ это сочиненіе въ нашемъ собраніи, предназначенномъ прежде всего для читателей изъ рабочей среды. Для огромнаго большинства этихъ читателей данное сочиненіе, въ томъ видѣ, какъ оно вышло изъ-подъ пера Лассаля, представляетъ собой просто книгу подъ семью печатями. Самый характеръ сочиненія достаточно объясняетъ, почему именно Лассаль съ этимъ изслѣдованіемъ, затрагивающимъ самые тонкіе юридическіе вопросы, адресовался прежде всего къ читателямъ-спеціалистамъ, къ ученымъ юристамъ и теоретикамъ права. Но, по своему содержанію, изслѣдованіе Лассаля было, разумѣется, предназначено не только для ученаго цеха. Скорѣе наоборотъ,—та революція, которую Лассаль своей книгой стремился внести въ пониманіе права, должна была, черезъ посредство этого сочиненія, захватить своимъ вліяніемъ широкіе круги практическихъ дѣятелей въ сферѣ юриспруденціи, законодательства, политики, словомъ — широкіе круги вообще интересующейся этими вопросами и способной ими интересоваться публики. Къ этимъ кругамъ принадлежатъ и рабочіе, болѣе того — рабочіе прежде всего, ибо

разрѣшеніе проблемы у Лассаля, вполнѣ естественно, совершается въ прямомъ отношеніи къ соціализму,—и мы считаемъ поэтому нашимъ долгомъ ознакомить рабочихъ, хотя въ извлеченіяхъ, съ этимъ сочиненіемъ, работа надъ которымъ, какъ неоднократно повторяетъ Лассаль въ своихъ письмахъ. стоила ему поистинѣ „безумнаго труда". И не взирая на то, что въ своей первой инстанціи книга эта предназначена была для ученыхъ-спеціалистовъ, — въ ней нѣтъ недостатка въ такихъ мѣстахъ, которыя вполнѣ доступны для чтенія и пониманія рабочихъ,—и трудности, стоявшія передъ нами, заключались не въ томъ, чтобы разыскать такія доступныя мѣста, а только въ томъ, чтобы выбрать между ними наиболѣе интересныя. Разумѣется, мы не ограничиваемся одной лишь механической перепечаткой избранныхъ мѣстъ, но стремимся, возможно болѣе ясно и сжато, представить ихъ въ связи съ цѣлостнымъ строеніемъ всего сочиненія.

О руководящей идеѣ и тенденціи „Системы пріобрѣтенныхъ правъ" мы уже имѣли случай обстоятельно высказаться во вступительномъ очеркѣ къ этому собранію; въ дальнѣйшемъ намъ еще достаточно часто придется возвращаться къ той же темѣ въ нашихъ поясненіяхъ и вступительныхъ замѣчаніяхъ по поводу отдѣльныхъ перепечатываемыхъ извлеченій.

Поэтому здѣсь мы ограничимся только слѣдующимъ.

Наиболѣе, пожалуй, сжатымъ и яркимъ образомъ обрисовалъ характеръ произведенія корреспондентъ „Süddeutschen Zeitung", цитированный Лассалемъ въ его обращеніи „Къ берлинскимъ работникамъ", корреспондентъ, которымъ былъ никто иной, какъ самъ Фридрихъ Альбертъ Ланге; въ своей статьѣ, помѣченной 23 сентября 1863 года, онъ пишетъ между прочимъ:

„Теорія пріобрѣтенныхъ правъ" Лассаля (къ слову говоря, на мой взглядъ, одно изъ самыхъ значительнѣйшихъ произведеній въ философско-юридической литературѣ) содержитъ въ себѣ всѣ данныя, ясно и отчетливо представленныя, для того, чтобы на почвѣ ихъ могла быть обоснована практика экспропріаціи правъ". Въ своемъ, до сихъ поръ еще сохранившемъ значительную цѣнность, произведеніи „Рабочій вопросъ" Ланге, въ главѣ о „Собственности, наслѣдственномъ правѣ и земельной рентѣ", снова обращается къ „Системѣ" Лассаля и замѣчаетъ, что его взглядъ на значеніе пріобрѣтенныхъ правъ „долженъ, навѣрное, и въ будущемъ считаться, какъ относительно наиболѣе вѣрный взглядъ" („Рабочій вопросъ", 3 изданіе, стр. 282). Собственныя работы Ланге привели его впослѣдствіи, — какъ онъ пишетъ, между прочимъ, въ письмѣ отъ 6 февраля 1865 года къ своему другу, профессору Кенигсбергскаго университета Юбервегу (письмо это перепечатано въ біографіи Ланге, составленной Элиссеномъ.—Лейпцигъ, Бедекеръ), — „къ весьма интересному открытію", а именно, что „основныя идеи си-

стемы пріобрѣтенныхъ правъ Лассаля, какъ и многія другія соображенія, которыя нынче высказываются по поводу рабочаго вопроса, еще въ 1793 году были, въ яркой формѣ, высказаны Фихте въ его маленькомъ анонимномъ сочиненіи о французской революціи“ („Beiträge zum Bericht. и т. д.“).

Въ упомянутой брошюркѣ [1]) Фихте дѣйствительно занимается, между прочимъ, и вопросомъ о пріобрѣтенныхъ правахъ, причемъ онъ очень обстоятельно доказываетъ, что только тамъ можетъ быть рѣчь о такихъ правахъ, гдѣ есть на лицо какой-либо договорный актъ, основанный на индивидуальной волѣ заинтересованныхъ сторонъ, всякое-же другое право можетъ быть въ любой моментъ экспропріировано, „вытребовано назадъ“ („zurück gefordert“) безъ всякаго вознагражденія. Только собственная воля связываетъ, „чужая воля никогда не связываетъ“. (Полное собраніе сочиненій, томъ 6-ой, стр. 113 и 164). Права „неизмѣннаго духа“ суть основныя первѣйшія права человѣчества“ и „не подлежатъ отчужденію“ (стр. 170 и слѣд.). Совершенно въ томъ же смыслѣ и Лассаль въ своей „Системѣ“ (томъ I, 2-ое изд., стр. 50) „свободу мышленія и воли“ объявляетъ за „основные неприкосновенные принципы, на которыхъ зиждется вообще всякое право“, и провозглашаетъ, „что никакой законодатель не властенъ — отмѣнить свободу человѣческой воли и личной отвѣтственности человѣка, и духъ разсматривать, какъ простую вещь“; далѣе (стр. 52), что формула, согласно которой пріобрѣтенныя права не должны затрагиваться новыми законами, только въ томъ случаѣ оказывается справедливой, если подъ пріобрѣтенными правами разумѣются исключительно такія права, которыя пріобрѣтаются актами индивидуальной воли“. Послужила-ли и въ какой именно степени брошюрка Фихте идейнымъ стимуломъ для Лассаля при созиданіи его „системы“,— эти вопросы, при всей возможности указать новыя параллельныя мѣста, такъ и должны остаться неразрѣшенными. Самъ Лассаль ни разу не упоминаетъ объ этой брошюркѣ и нигдѣ не дѣлаетъ на нее никакихъ указаній. Но во всякомъ случаѣ у него не было недостатка во внѣшнихъ мотивахъ, толкавшихъ его въ сторону его работы. Не говоря уже о политическихъ и соціальныхъ идеяхъ, опредѣлявшихъ собой духовное развитіе

[1]) Полное заглавіе этой брошюрки: „Пособіе къ исправленію (ложныхъ) сужденій публики о французской революціи“; въ своихъ существенныхъ частяхъ эта брошюрка направлена противъ книги „Изслѣдованія о французской революціи и т. д.“, принадлежащей перу одного реакціонера, нѣкоего А. В. Рэбергъ, бывшаго секретаремъ канцлера въ Ганноверѣ.

Лассаля,—одинъ процессъ графини Гатцфельдъ со всей массой затронутыхъ имъ спорныхъ юридическихъ вопросовъ, послужилъ для него достаточнымъ поводомъ, чтобы обстоятельно заняться теоріей и практикой пріобрѣтенныхъ правъ; и мы не ошибемся, если скажемъ, что тѣ многочисленныя примѣчанія, въ которыхъ Лассаль разоблачаетъ столкновеніе юстиціи съ основными идеями дѣйствующаго права, явились результатомъ личнаго, такъ сказать—кровнаго опыта, вынесеннаго Лассалемъ изъ процесса графини Гатцфельдъ. Фихте обычно остается въ сферѣ чисто отвлеченныхъ дедукцій естественнаго права и только въ рѣдкихъ случаяхъ приводитъ для иллюстраціи единичные историческіе примѣры, между тѣмъ какъ Лассаль главной задачей своей работы поставилъ именно — прослѣдить свою идею въ самой исторіи позитивнаго права, и для этого ему пришлось пересмотрѣть и проанализировать (подчасъ въ высшей степени остроумнымъ образомъ) огромную массу юридическаго матеріала.

Лассаль такимъ путемъ надѣялся своимъ произведеніемъ оказать глубокое вліяніе и на сферу юридической практики.

Врядъ-ли ему впрочемъ удалось достигнуть этой цѣли. При всемъ томъ огромномъ вниманіи, которое работа Лассаля встрѣтила со стороны отдѣльныхъ выдающихся философовъ права, она, однако, повидимому, „не завоевала себѣ никакого прочнаго положенія въ юридической литературѣ“, какъ выразился нѣкто Пленеръ въ своей статьѣ о Фердинандѣ Лассалѣ, статьѣ, написанной съ полнымъ безпристрастіемъ и воздающей надлежащую дань уваженія всѣмъ достоинствамъ книги. Среди тѣхъ основаній, изъ которыхъ исходитъ Пленеръ, давая такой свой отзывъ о книгѣ Лассаля, наиболѣе существенныя служатъ, впрочемъ, только къ чести Лассаля. Пленеръ указываетъ на царящее среди юристовъ всеобщее отвращеніе ко всякимъ сложнымъ широкимъ построеніямъ, отвращеніе, которое сулитъ мало добраго Лассалю съ его склонностью къ логическому абсолютизму. Другими словами, консервативный въ широкомъ смыслѣ этого слова способъ мышленія юристовъ стоитъ въ прямомъ противорѣчіи съ тѣмъ философскимъ радикализмомъ, которымъ дышитъ все произведеніе Лассаля.

Въ прямой противоположности съ этимъ утвержденіемъ Пленера стоитъ замѣчаніе Лотарь Бюхера (въ его предисловіи ко второму изданію „Системы“, появившемуся въ 1880 году), что „ни одному практику, обладающему научнымъ пониманіемъ, не можетъ болѣе оставаться чуждой идея „коллизіи законовъ“ (подзаголовокъ перваго тома „Системы“). Однако, это выражено здѣсь такъ осторожно, можно было бы даже сказать—такъ двусмысленно, что въ концѣ концовъ изъ этого замѣчанія нельзя извлечь

рѣшительно никакого заключенія о томъ положеніи, которое въ настоящее время произведеніе Лассаля занимаетъ въ юридической литературѣ. То же самое приходится сказать и о другомъ замѣчаніи Бюхера, слѣдующемъ у него непосредственно за первымъ, именно о томъ, гдѣ онъ высказываетъ свое намѣреніе (осуществленію котораго ему помѣшали его профессіональныя занятія) — показать, какимъ именно образомъ произведеніе Лассаля „могло оставить слѣды своего вліянія въ юридической практикѣ и литературѣ“. Поскольку авторъ этихъ строкъ освѣдомленъ о фактическомъ положеніи дѣлъ, онъ считаетъ возможнымъ это загадочное словечко „могло“ истолковать въ томъ смыслѣ, что „Система“ (собственно первая ея часть, содержащая въ себѣ „теорію пріобрѣтенныхъ правъ“), хотя и обнаруживаетъ въ разнообразныхъ направленіяхъ свое вліяніе на практикѣ, но вліяніе это проявляется неофиціальнымъ путемъ, — офиціальнымъ же признаніемъ, офиціальнымъ авторитетомъ оно не пользуется ни въ одномъ судебномъ установленіи. — Болѣе значительнымъ, чѣмъ у юристовъ, авторитетомъ „Система“ пользуется среди экономистовъ, особенно среди катедръ-соціалистовъ. Мы уже ранѣе указывали, какъ благосклонно отнесся къ „Системѣ“ Фридрихъ Альбертъ Ланге, котораго также обычно причисляютъ къ катедръ-соціалистамъ, хотя онъ, конечно, стоитъ значительно лѣвѣе большинства ихъ. Почти одновременно съ Ланге, и Шэффле призналъ за книгой Лассаля крупное научное значеніе, а Адольфъ Вагнеръ, не замалчивая источника, въ своихъ „Основаніяхъ народнаго хозяйства“ прямо взялъ наиболѣе существенныя дедукціи Лассаля въ качествѣ базиса для построенія „національно-экономической теоріи экспропріаціи“. (Ср. объ этомъ предисловіе Вагнера къ письмамъ Лассаля Родбертусу). Отдѣлы, касающіеся этого вопроса, представляютъ собой спеціальный интересъ для соціалъ-демократіи. Въ какомъ бы революціонномъ освѣщеніи ни рисовали мы себѣ мысленно переходную эпоху отъ буржуазнаго къ соціалистическому строю, — все-же она не можетъ представлять собой непосредственнаго прыжка отъ стараго общества къ новому, и какъ бы ни приходилось при этомъ считаться съ неизбѣжностью глубокихъ и рѣшительныхъ вторженій въ сферу прежнихъ привилегій собственности, все-же это революціонное вторженіе не можетъ быть проявленіемъ безъидейной, стихійно безумствующей силы, — наоборотъ, оно должно явиться выраженіемъ какой-либо опредѣленной идеи права, хотя бы идеи новой, хотя бы и утверждающейся въ жизни съ элементарной непреодолимой силой. Чистѣйшее безуміе — мечтать о какомъ-то внезапномъ, насильственномъ разрушеніи всякой собственности, объ упраздненіи рѣшительно всѣхъ правовыхъ отношеній. Поэтому и для партіи-

ныхъ сторонниковъ революціоннаго соціализма не будетъ безплодной растратой духовной энергіи, если они усилія своей мысли направятъ на то, чтобы уяснить себѣ основную идею теоріи экспропріаціи, — а вѣдь о такой идеѣ, въ широкомъ смыслѣ этого слова, и идетъ рѣчь въ „Системѣ пріобрѣтенныхъ правъ"—въ системѣ, глубоко революціонной по своему духу и въ то же время воздающей должное позитивному праву. Поэтому я и считаю нужнымъ, при выборѣ тѣхъ или иныхъ извлеченій изъ книги Лассаля, возможно болѣе полнымъ образомъ воспроизвести тѣ части этой книги, которыя спеціально касаются ученія объ экспропріаціи, хотя-бы это и заставляло насъ съ меньшимъ вниманіемъ отнестись къ другимъ частямъ книги, представляющимъ по существу одинаково большой интересъ для читателя. Наши извлеченія отнюдь не задаются цѣлью сдѣлать излишнимъ чтеніе самого произведенія Лассаля; они должны только помочь читателю, не имѣющему спеціальныхъ познаній въ данной сферѣ, ознакомиться съ общимъ характеромъ этого произведенія, въ спеціалистѣ же они должны, наоборотъ, пробудить только желаніе—проштудировать самому всю „Систему" въ ея полномъ видѣ.

Въ заключеніе мы приведемъ еще изъ письма Лассаля къ Францу Дункеру (находившемуся въ то время съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ) нѣсколько мѣстъ, изъ которыхъ выясняется, какое значеніе Лассаль самъ придавалъ своей „Системѣ пріобрѣтенныхъ правъ".

Указавъ прежде всего, почему именно, по его мнѣнію, ни одинъ изъ извѣстныхъ ему современныхъ авторовъ не былъ бы въ состояніи написать это произведеніе, которое должно произвести цѣлую революцію, полный переворотъ въ сферѣ научнаго права,—онъ продолжаетъ далѣе: книга эта,—какъ только развиваемое въ ней ученіе сдѣлается господствующимъ ученіемъ (а что оно сдѣлается таковымъ, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, — вопросъ можетъ итти лишь о томъ, насколько раньше или позднѣе оно имъ сдѣлается),—книга эта станетъ тогда необходимой настольной книгой для всѣхъ практиковъ-юристовъ, судей, адвокатовъ, референдаріевъ и т. д. и притомъ безразлично—въ сферѣ дѣйствія земскаго права общаго права и кодекса Наполеона. Это—первое.

„Второе,—книга эта, по своему характеру, обладаетъ одинаково научнымъ и безусловно-революціоннымъ содержаніемъ. Революціонная идея въ ней разработана строго научнымъ образомъ и представлена, какъ научная идея. Всего лучше выяснится для васъ безусловно-политическій характеръ моего произведенія, если я вкратцѣ приведу вамъ то положеніе, въ которомъ я, въ концѣ вступленія, выразилъ основную мысль моей ра-

боты: „Основною мыслью нашей работы, въ ея высшемъ и всеобщемъ пониманіи, является не что иное, какъ мысль, вытекающая изъ самой идеи права, мысль о переходѣ стараго состоянія права въ состояніе новое, причемъ этотъ переходъ совершается въ строгомъ соотвѣтствіи съ самой идеей права“. Ясно само собой послѣ этого, что я долженъ былъ самымъ обстоятельнымъ образомъ ознакомиться со всевозможными политическими вопросами и — вообще — со всѣмъ, что относится къ политической сферѣ. Вы знаете, какое ожесточеніе вызвалъ споръ о „пріобрѣтаемыхъ правахъ“, напримѣръ — по поводу закона объ охотѣ, по поводу преобразованія „десятины“ (при платежахъ), по поводу поземельнаго обложенія и т. д. Все это находитъ здѣсь себѣ полное разрѣшеніе, все вытекаетъ изъ внутренней центральной идеи. При этомъ я поступалъ съ величайшею безпристрастностью, какъ и подобаетъ въ наукѣ; такъ, напримѣръ, я не остановился передъ тѣмъ, чтобъ разоблачить ложность точки зрѣнія, которой держалось въ 48 году наше національное собраніе, принимая новый законъ объ охотѣ, не остановился передъ тѣмъ, чтобы признать, съ теоретической точки зрѣнія, извѣстную справедливость за тѣми яростными воплями негодованія, которыя раздались по этому поводу среди нашей владѣльческой челяди. Разумѣется, мнѣ не стоило чрезмѣрно-большого труда проявить здѣсь такое обязательное для представителей науки безпристрастіе, ибо я той же рукой въ 66 разъ больше взялъ, чѣмъ сначала далъ ею.

„Результатъ всего этого — тотъ, что отнынѣ, если только книга моя достигнетъ хоть нѣкоторой извѣстности, ни одинъ судья, ни одинъ политическій дѣятель не будетъ въ состояніи, особенно въ соотвѣтствующихъ условіяхъ, обходиться безъ помощи этой книги.

„Въ результатѣ, — скажу я, — книга моя не встрѣтитъ себѣ такого безусловнаго и всеобщаго одобренія, какъ прежняя моя книга о Гераклитѣ, наоборотъ, — она раздѣлитъ міръ въ любви и ненависти, она сдѣлается объектомъ безчисленныхъ нападокъ и проклятій и столь же безчисленныхъ восторженныхъ привѣтствій; — по той же причинѣ и раскупаться она будетъ совсѣмъ иначе, чѣмъ прежняя книга.

„Въ-третьихъ, — книга эта, въ цѣломъ, по своимъ результатамъ имѣетъ не только политическое, но и соціально-революціонное значеніе. По своимъ конечнымъ итогамъ, вторая часть, гдѣ изслѣдуется сущность римскаго и германскаго наслѣдственнаго права (послѣднее, вообще, вѣдь можетъ быть понято лишь по уясненіи сущности перваго), гдѣ преобладаетъ чисто теоретическій анализъ, — представляетъ собой не что иное, какъ полное упраздненіе всякаго права, основаннаго на завѣщаніи. Но я подходилъ къ

своей задачѣ, вооруженный не субъективной критикой, не чисто отрицательной полемикой, — нѣтъ, я держался, наоборотъ, позитивнаго метода, я перерылъ всю археологическую кладовую древняго Рима, я мыслью своею облетѣлъ весь универсально-историческій процессъ развитія, — и тамъ, въ прошломъ, я выковалъ свое оружіе, одинаково пригодное для разрѣшенія спорныхъ вопросовъ самой живой современности.

„Я старался разрѣшить задачу, до сихъ поръ еще совсѣмъ не разрѣшенную, восполнить пробѣлъ, который постоянно давалъ о себѣ знать столь ощутительнымъ образомъ, — я старался воздвигнуть, въ интересахъ революціи и соціализма, крѣпкую цитадель строго-научной системы права — въ самомъ лучшемъ и возвышеннѣйшемъ значеніи этого слова,—ту цитадель, укрѣпившись въ которой, мы могли бы увѣренно производить все болѣе далекія и смѣлыя вылазки на отдѣльныя селенія,—и я думаю, что сооруженіе это мнѣ удалось выполнить блестящимъ образомъ, удалось вылить его изъ чистой стали“.

Въ предлагаемой работѣ Лассаля, предназначенной для академически-образованной публики, мы встрѣчаясь съ иностранными цитатами или мало-употребительными иностранными словами, давали имъ въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ переводъ или разъясненіе. Что же касается примѣчаній Лассаля, представляющихъ интересъ для однихъ спеціалистовъ, то, чтобы не запутывать читателя, мы предпочли ихъ совсѣмъ выпустить.

Эдуардъ Бернштейнъ.

Система пріобрѣтенныхъ правъ

I. Изъ предисловія.

„Система пріобрѣтенныхъ правъ“ распадается на двѣ части. Первая имѣетъ спеціальное названіе „Теорія пріобрѣтенныхъ правъ и коллизіи законовъ съ особо-внимательнымъ разсмотрѣніемъ римскаго, французскаго и прусскаго права“; вторая озаглавлена: „Сущность римскаго и германскаго наслѣдственнаго права въ его историко-философскомъ развитіи“. Въ са-

момъ началѣ предисловія къ своему сочиненію Лассаль такъ опредѣляетъ его задачу:

„Если только предлагаемому сочиненію удалось должнымъ образомъ разрѣшить стоявшую передъ нимъ задачу, то можно смѣло сказать, что по своимъ конечнымъ результатамъ оно достигаетъ такой огромной цѣли, какъ обнаруженія передъ нами, въ ея научно-юридическомъ освѣщеніи, той соціально-политической идеи, которая лежитъ въ основѣ всей переживаемой нами эпохи исторіи. Утвержденіе это на первый взглядъ можетъ показаться парадоксальнымъ, а связь сочиненія, преслѣдующаго строго научные и чистые интересы права, съ политическими идеями эпохи можетъ показаться сомнительной. И тѣмъ не менѣе, самый краткій анализъ съ необходимостью обнаруживаетъ передъ нами всю справедливость этого утвержденія.

Что составляетъ глубочайшую основу всей соціальной и политической борьбы нашего времени? Идея пріобрѣтеннаго права снова подверглась въ наши дни ожесточеннымъ нападкамъ,—и тотъ споръ который возгорѣлся нынѣ вокругъ этой идеи и наполняетъ трепетомъ весь современный міръ, образуя собой глубочайшій внутренній источникъ всей соціально-политической борьбы нашего вѣка!

Въ юридической, политической, экономической сферѣ идея пріобрѣтеннаго нрава является живымъ источникомъ всѣхъ дальнѣйшихъ идейныхъ образованій, и тамъ, гдѣ юридическое начало, въ качествѣ частно-правового, представляется на первый взглядъ совершенно обособленнымъ отъ начала политическаго,—тамъ оно является въ сущности еще болѣе политическимъ, чѣмъ само политическое начало въ собственномъ смыслѣ этого слова, потому что тамъ оно становится уже соціальной стихіей". (Лассаль. „Система пріобрѣтенныхъ правъ", предисловіе, стр. VII).

Послѣ краткой полемики съ ограничительнымъ толкованіемъ идеи политическаго начала, какъ оно дается ему со стороны идеологовъ либеральной буржуазіи, Лассаль продолжаетъ:

„Истинная теорія пріобрѣтенныхъ правъ всегда будетъ поэтому вести (входитъ-ли это въ ея значительныя цѣли или нѣтъ—безразлично) къ научному уразумѣнію той самой идеи, которая является двигательнымъ духовнымъ началомъ всего современнаго историческаго періода,— мы понимаемъ это слово въ смыслѣ величайшихъ историческихъ эпохъ, охватывающихъ собою огромную массу явленій въ смыслѣ рѣшительныхъ

поворотныхъ этаповъ въ исторіи развитія человѣческаго духа. И эта идея, пройдя чрезъ этапы нашей теоріи, раскроется въ ней передъ нами въ своемъ законченномъ образѣ, высвободится, благодаря ей, изъ своей первоначальной непосредственной формы, въ которой жизнь ея была подчинена слѣпому инстинкту, и предстанетъ предъ нашимъ сознаніемъ въ своей истинной сущности, въ своей законченной цѣльности. И, такимъ образомъ, теорія пріобрѣтенныхъ правъ въ лицѣ этой идеи должна будетъ вскрыть предъ нашимъ сознаніемъ ту самую стихію, которая уже раньше лежала въ основѣ всей эмпирической дѣйствительности права въ качествѣ ея творческаго органическаго начала. Здѣсь нѣтъ никакого противорѣчія съ предыдущими разсужденіями. Задачей каждой новой эпохи, грядущей на смѣну той, которая уходитъ въ прошлое, является именно стремленіе овладѣть сознаніемъ всѣмъ тѣмъ, что въ скрытой стихійной формѣ (an sich) составляло раньше содержаніе этой прошлой дѣйствительности.

„Въ самомъ дѣлѣ, если-бы удалось научно показать, что рѣшительно все прежнее содержаніе права, какъ въ практическихъ, такъ и историческихъ его проявленіяхъ, съ самого момента его возникновенія въ римскую эпоху, т. е. также и самая система права, если бы, повторяю, удалось показать, что все это прежнее содержаніе права, во всей его совокупности, способно достигнуть совершенно иной и болѣе высокой формы самораскрытія, чѣмъ всѣ тѣ, которыхъ оно достигало раньше,—то этотъ фактъ служилъ бы яснымъ и научно-доказательнымъ симптомомъ въ пользу того, что дѣйствительность права, въ своей идеѣ, стремится перейти въ абсолютно противоположную форму. То, что раньше, начиная съ самыхъ первичныхъ ея образованій, проявлялось въ ней исключительно въ качествѣ безсознательно-дѣйствующаго въ ней активнаго начала (Trieb),—принимается теперь за исходный, но уже сознательный моментъ ея развитія; и въ силу внутренней послѣдовательности свободно и сознательно осуществляющейся въ ней идеи, эта дѣйствительность во всѣхъ своихъ основахъ должна неизбѣжно преобразиться въ новую абсолютно-противоположную ей по своему внѣшнему строенію дѣйствительность, которая внутренно продолжаетъ въ то же время оставаться въ непрерывной теснѣйшей связи со своимъ прошлымъ. И это служило бы вмѣстѣ съ тѣмъ научно-доказательнымъ симптомомъ въ пользу того, что во внутренней жизни права совершается глубочайшій внутренній переворотъ, что въ ней наступаетъ новая поворотная эпоха, имѣющая міровое значеніе". (Стр. IX).

Обнаружить все это полнымъ обстоятельнымъ образомъ,—продолжаетъ Лассаль,—составляетъ задачу не предисловія, но самого сочиненія. И если

читатель, незнакомый еще съ содержаніемъ послѣдняго, тѣмъ не менѣе уже изъ предисловія вполнѣ уясняетъ себѣ отношеніе произведенія къ научному знанію, то это въ сущности является только доказательствомъ того, что „данное произведеніе не вноситъ собой никакихъ сколько-нибудь значительныхъ измѣненій во внутреннее строеніе научнаго знанія“.

Фактически по своему содержанію произведеніе Лассаля даетъ безконечно болѣе того, чего можно было бы ожидать отъ него, судя по заглавію,— это вполнѣ понятно и неизбѣжно, ибо всякому, кто задался бы цѣлью написать теорію пріобрѣтаемыхъ правъ, очень скоро пришлось бы убѣдиться, что выполненіе этой задачи невозможно, если только предварительно онъ не ознакомится съ отдѣльными, положительными правовыми институтами въ ихъ дѣйствительномъ реальномъ содержаніи. Но въ этомъ отношеніи дѣло обстоитъ довольно скверно,—и среди философовъ права именно гегельянцы, за весьма немногими исключеніями, весьма сильно погрѣшили противъ науки права, поскольку они, вмѣсто того, чтобы ознакомиться съ положительной матеріей права, овладѣть его эмпирическимъ содержаніемъ, т. е. содержаніемъ научнаго опыта, — принялись, каждый на свой ладъ, выводить тончайшіе узоры въ сферѣ основныхъ и всеобщихъ принциповъ философіи права, какъ это дѣлаетъ, напримѣръ, и самъ Гегель въ своемъ произведеніи. На почвѣ гегельянской философіи, этой „квинтъ-эссенціи всякой учености“, грозитъ вырасти новый видъ литературно-прихотливаго духовнаго творчества, „новый беллетристическій, богатый духовными пряностями, соусъ, которымъ философы изобильно приправляютъ кушанья, изготовленныя ими изъ вещей, недоступныхъ познанію и непостижимыхъ“.

Самъ Гегель и его философія нисколько неповинны въ этой бѣдѣ. На всѣхъ страницахъ своего произведенія Гегель не перестаетъ неустанно твердить, что ни къ чему такъ сильно не обязываетъ философія, какъ именно къ погруженію въ сферу эмпирическаго знанія. Если-бы гегельянцы твердо держались этого завѣта своего учителя, если-бы они поставили своей задачей—написать философію частнаго права, въ смыслѣ философскаго развитія его отдѣльныхъ конкретныхъ правовыхъ институтовъ,— тогда внимательное изученіе конкретно-опредѣленнаго содержанія этихъ отдѣльныхъ частно-правовыхъ институтовъ немедленно-же открыло бы имъ, что имъ вообще совершенно нечего дѣлать съ абстрактно-всеобщими категоріями собственности, наслѣдственнаго права, договора, семьи и т. п., что римскія понятія собственности, наслѣдованія, семьи и т. п. глубоко отличаются отъ соотвѣтствующихъ понятій германскаго права, что фило-

софія права, принадлежа къ царству историческаго духа, не имѣетъ ничего общаго съ вѣчными логическими категоріями, но что правовые институты являются только реализаціями историческихъ понятій духа, только выраженіемъ духовнаго содержанія того или иного историческаго народнаго духа, того или иного историческаго періода и, какъ таковые, только и могутъ быть понимаемы.

Если теперь, какъ слѣдуетъ изъ всего содержанія произведенія, „приходится совершенно отказаться отъ плана строенія, отъ всей архитектоники гегельянской философіи невозможно сохранить ничего, кромѣ ея основныхъ принциповъ и ея методовъ, чтобы потомъ при помощи ихъ „создать истинную философію права, которая должна оказаться тождественной съ наукой права и вполнѣ совпадать съ нею“,—то, въ концѣ концовъ, эту новую философію права все-же приходится квалифицировать, какъ продуктъ развитія гегельянской философіи, все-же въ рукахъ новыхъ философовъ остается старое знамя, за которое держалась рука самого Гегеля; только теперь это знамя, чтобы оказаться знаменемъ побѣды, должно быть вынесено на новую дорогу. Все это доказывается собственно во второй части сочиненія. Гегель, благодаря своему недостаточному знакомству съ матеріей права, оказался по отношенію къ праву (Recht) пожалуй, болѣе неправымъ (unrecht), чѣмъ по отношенію къ какой бы то ни было другой научной дисциплинѣ.

„Если онъ (Гегель) эпоху римскихъ юристовъ характеризуетъ, какъ эпоху дѣятельнаго проявленія абстрактнаго разсудка, то мы на всемъ протяженіи второго тома будемъ при помощи самаго позитивнаго метода доказывать, что это утвержденіе справедливо именно относительно нашихъ юристовъ, а относительно римскихъ справедливымъ оказывается какъ разъ обратное утвержденіе. Мы убѣдимся, что по своему духовному творчеству они несомнѣнно являются представителями спекулятивнаго понятія,—только послѣднее не достигаетъ въ нихъ своего самопросвѣтленія и самосознанія, какъ это имѣетъ мѣсто въ духовномъ творчествѣ религіознаго и художественнаго духа. Мы убѣдимся, что это дѣятельное проявленіе въ ихъ творчествѣ спекулятивнаго начала совершается въ нихъ съ полной непосредственностью и пламеннымъ усердіемъ религіознаго воодушевленія,—отсюда и вытекаетъ принципіальное, въ высшей степени важное различіе между римскими и послѣ-римскими юристами; это различіе даетъ, между прочимъ,

возможность уяснить себѣ истинный характеръ всего средневѣкового періода въ исторіи права.

„Или—когда Гегель въ римскомъ jus civile (частное право) находитъ несправедливыя и отвратительныя установленія, когда онъ, по отношенію къ этимъ установленіямъ, уличаетъ римскихъ учителей права и преторовъ въ извѣстной непослѣдовательности и считаетъ возможнымъ поставить имъ эту непослѣдовательность въ заслугу, когда онъ за пустое, чисто словесное, хотя и (callide) хитроумно придуманное различіе считаетъ то, что право наслѣдованія называлось у римлянъ не его настоящимъ именемъ, а bonorum possessio (вступленіе во владѣніе имуществомъ), и т. д., — то во всемъ этомъ, какъ обнаружится далѣе, не было ни слова истины, и различіе это является отнюдь не пустымъ, чисто словеснымъ различіемъ, но дѣйствительнымъ, глубокимъ различіемъ спекулятивнаго мышленія.

„И однако, изъ всего этого можно вывести только одно заключеніе, что въ гегельянской философіи содержится болѣе истины, чѣмъ полагалъ это самъ Гегель, что спекулятивное понятіе свое властное вліяніе простираетъ на болѣе широкія сферы жизни и проявляется въ нихъ гораздо болѣе интенсивнымъ образомъ, чѣмъ могъ ожидать этого самъ Гегель“ (XVI и XVII стр.). То глубокое преобразованіе, которому, по мнѣнію Лассаля, должна неизбѣжно подвергнуться гегельянская философія какъ въ ея отношеніи къ праву, такъ и въ отношеніи ея ко всякой другой дисциплинѣ историческаго духа,—будетъ достигнуто, если только отрицаніе этой философіи вмѣстѣ съ тѣмъ явится „воспроизведеніемъ ея собственнаго образа, ея собственнымъ порожденіемъ, ея собственной эманаціей“.

То, что мы изложили до сихъ поръ, является воспроизведеніемъ основныхъ мыслей предисловія. Въ дополненіе къ только-что процитированному нами отрывку мы еще упомянемъ, что въ другомъ мѣстѣ своего предисловія Лассаль отмѣчаетъ то глубокое противорѣчіе, въ которомъ гегельянская система, въ ея отношеніи къ философіи духа, повсюду стоитъ съ собственными принципами и методами гегельянской философіи, и высказываетъ намѣреніе какъ-нибудь въ будущемъ спеціально заняться выясненіемъ этой непослѣдовательности—въ „новой системѣ философіи духа“,—попутно замѣчая, что въ распоряженіи нѣмцевъ всегда будетъ, вѣроятно, находиться достаточно досуга для чисто-теоретической работы.

Въ концѣ предисловія Лассаль выражаетъ надежду, что, хотя онъ и не имѣетъ чести принадлежать къ цеху ученыхъ и не обладаетъ автори-

тетомъ катедръ-профессора, однако, вѣритъ, что ему въ своемъ произведеніи удастся должнымъ образомъ разрѣшить поставленную имъ передъ собой задачу. Въ реальной опредѣленности самого „позитивнаго", въ стремленіи нашей мысли—овладѣть истинно-конкретнымъ богатствомъ всѣхъ его отдѣльныхъ индивидуальныхъ проявленій,—лежитъ неотразимая сила аргументаціи, передъ которой покорно склоняется наше убѣжденіе, и здѣсь же вмѣстѣ съ тѣмъ дается вѣрный залогъ побѣды. Съ чувствомъ глубокаго удовлетворенія онъ свидѣтельствуетъ, что ему на самомъ себѣ пришлось извѣдать это покоряющее вліяніе позитивнаго начала, когда онъ три года тому назадъ своею мыслью уходилъ въ совершенно иныя, повидимому безконечно далекія отъ насъ сферы знанія—въ сферы классической древности. Даже профессіональные филологи, враждебно настроенные противъ его направленія, заявили о своемъ полномъ согласіи съ тѣми выводами, къ которымъ онъ пришелъ въ своемъ изслѣдованіи о философіи Гераклита Темнаго. Но,—заявляетъ онъ въ заключеніе,—эта безконечная отдаленность другъ отъ друга обѣихъ сферъ научнаго знанія—философіи классической древности и философіи права—въ сущности является только призракомъ, какъ это ясно должно, вѣроятно, чувствоваться при изученіи нашихъ изслѣдованій,—и никогда, быть можетъ, мысль объ единствѣ всякаго научнаго знанія съ большею силою не вторгалась въ человѣческое сознаніе, никогда, быть можетъ, она не воспринималась имъ съ большимъ благоговѣніемъ, какъ именно въ часы духовной работы надъ этимъ произведеніемъ. (Стр. XVIII).

II. Изъ вступленія.

Во вступленіи формулируются тѣ вопросы, разрѣшенію которыхъ посвящено само произведеніе, и указывается, какъ именно они разрѣшались ранѣе въ разное время—въ теоріи и на практикѣ. Вступленіе начинается слѣдующими словами:

„Съ давнихъ поръ вопросъ о правомѣрности обратнаго дѣйствія законовъ или правильнѣе—вопросъ о томъ, существуютъ-ли во времени опредѣленныя границы, за которыми прекращается дѣйствіе законовъ, считался однимъ изъ самыхъ труднѣйшихъ и запутаннѣйшихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ однимъ изъ самыхъ важнѣйшихъ вопросовъ въ области права. При его разрѣшеніи приходилось сразу же считаться съ весьма серьезными затрудненіями, которыя поднимались одновременно съ двухъ сторонъ. Съ одной стороны—всѣмъ гарантіямъ права, собственности и гражданской свободы

немедленно же начинала угрожать серьезная опасность, какъ только за законами признавалась сила — распространять свое дѣйствіе на всѣ прежде сложившіяся отношенія права, и эта опасность заставляла самымъ энергичнымъ образомъ протестовать противъ принципа обратнаго дѣйствія. „La rétroactivité“, восклицаетъ Бенжаменъ Констанъ, „est le plus grand attentat que la loi puisse commettre: elle est le déchirement du pacte social, elle est l'annullation des conditions en vertu, desquelles la société a le droit d'exiger l'obéissance de l'individu: car elle lui ravit les garanties qu'elle lui assurait en échange de cette obéissance qui est un sacrifice. La rétroactivité ôte à la loi son caractère; la loi qui rétroagit n'est pas une loi“. (Принципъ обратнаго дѣйствія представляетъ собою величайшее покушеніе (на право), какое только можетъ совершить законъ; принципъ этотъ есть нарушеніе соціальнаго договора, уничтоженіе тѣхъ условій, въ силу которыхъ общество только и имѣетъ право требовать повиновенія со стороны отдѣльной личности; потому что онъ лишаетъ послѣднюю гарантій, выговоренныхъ себѣ ею въ вознагражденіе за то послушаніе, которое съ ея стороны является несомнѣнною жертвою; законъ, обладающій силой обратнаго дѣйствія, перестаетъ быть закономъ). Но стремленіе избѣгнуть этой опасности немедленно же ставитъ насъ лицомъ къ лицу съ другой, не менѣе серьезной; въ самомъ дѣлѣ, теперь во имя той цѣнности, которую называютъ пріобрѣтеннымъ правомъ личности, обнаруживаютъ готовность пожертвовать высочайшимъ жизненнымъ правомъ, какимъ только обладаетъ народъ, какъ цѣлое, — а именно правомъ на свое самоопредѣленіе, т. е. правомъ всеобщаго народнаго самосознанія — автономно руководить своимъ развитіемъ. И въ результатѣ — на почвѣ такихъ разсужденій становится возможнымъ зарожденіе такого изумительнаго воззрѣнія, согласно которому за новыми законами вообще отрицается право на какое бы то ни было вмѣшательство въ уже сложившіяся правоотношенія; такимъ образомъ, у законодателя, по отношенію къ обширнѣйшимъ сферамъ жизни, отнимается теперь всякая возможность воздѣйствія на современныя поколѣнія, и вмѣстѣ съ тѣмъ значительно ограничивается его право вліянія на новыя, еще не родившіяся поколѣнія. И въ строгомъ согласіи съ такимъ строемъ юридической мысли самымъ серьезнымъ образомъ утверждалось, — напримѣръ, по отношенію къ правовымъ нормамъ, регулирующимъ операцію ссуды-займа, — что всѣ ссуды, выданныя при наличности опредѣленныхъ законовъ, не подлежатъ въ будущемъ никакому юридическому воздѣйствію со стороны какого бы то ни было позднѣйшаго законодателя, а должны регулироваться исключительно тѣми законами, которые дѣйствовали въ моментъ

выдачи ссуды, если только новый законодатель не желаетъ навлечь на себя обвиненія въ преклоненіи передъ принципомъ обратнаго дѣйствія.

И, такимъ образомъ, подъ омертвляющимъ дѣйствіемъ этой пышной формулы, въ которую заключенъ принципъ самъ по себѣ истинный, но теоретически недостаточно продуманный, а потому и легко доступный всякимъ ложнымъ толкованіямъ,—радостный садъ жизни, въ которомъ каждый народъ долженъ былъ бы находить для себя живительные соки для своего развитія и процвѣтанія, превращается въ огромное мертвое кладбище. Живыя поколѣнія людей обрекаются на жизнь подземныхъ вымершихъ духовъ, которымъ болѣе недоступны земля и право дѣйствительности, а этимъ кладбищенскимъ духамъ открываютъ теперь выходъ на свободу, на земную поверхность и подъ власть ихъ могильной силы отдаютъ все то, что является условіемъ существованія и развитія живыхъ народныхъ организмовъ". (System. Томъ I, стр. 3 и 4).

Идея, съ такой энергіей высказанная Бенжаменомъ Констаномъ, при своемъ дальнѣйшемъ логическомъ развитіи неизбѣжно ведетъ къ тому, чтобы принципъ отрицанія обратнаго дѣйствія возвести на степень естественнаго права, на которое никакой законодатель не властенъ посягать въ формѣ какихъ бы то ни было его ограниченій. Эта идея у нѣмецкаго юриста Струве получила новую формулировку,—согласно ей, правила, регулирующія примѣненіе въ жизни новыхъ законовъ, не могутъ своимъ источникомъ имѣть положительное законодательство, но должны строго согласоваться съ природой самого законоположенія, являясь его логическимъ порожденіемъ, причемъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ природа этого законоположенія подлежитъ анализу лица, облеченнаго судейскими прерогативами; такимъ образомъ, переходные законы (Uebergangsgesetze) совершенно не должны имѣть мѣста. И если знаменитый Савиньи полагалъ, что Струве, развивая такое воззрѣніе, стоитъ совершенно одиноко, то, по мнѣнію Лассаля, это утвержденіе Савиньи является совершенно несправедливымъ. Та же точка зрѣнія поддерживалась многими юристами, особенно въ формѣ требованія, чтобы правило, согласно которому отрицается принципъ обратнаго дѣйствія, было введено въ конституцію; такимъ путемъ надѣялись охранить его отъ всякихъ ограниченій и покушеній со стороны законодательной власти.

Фактически,—продолжаетъ далѣе Лассаль,—уже декларація правъ человѣка, включенная 24 іюня 1793 года во французскую конституцію, со-

держитъ въ 14 параграфѣ „столь характерное для необузданной энергіи той эпохи“ выраженіе: „Сообщать закону силу обратнаго дѣйствія—равносильно преступленію“. („L'effet rétroactif donné à la loi serait un crime“). Здѣсь, однако, принципъ этотъ былъ формулированъ исключительно по отношенію къ уголовному кодексу; но въ деклараціи правъ, предпосланной конституціи отъ 5 фруктидора III года (22 августа 1795 года) имѣется статья 14, которая гласитъ: „Никакой законъ, относится-ли онъ къ сферѣ уголовнаго или гражданскаго права, не можетъ обладать силой обратнаго дѣйствія“. Аналогичныя опредѣленія имѣются въ конституціи Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки и въ Норвежской конституціи. Однако, мысль о томъ, что по самому существу дѣла невозможно сообщать законамъ силу обратнаго дѣйствія, мысль объ этомъ несомнѣнно гораздо болѣе ранняго происхожденія, чѣмъ цитированныя сейчасъ конституціи; въ совершенно недвусмысленныхъ выраженіяхъ она была высказана въ узаконеніяхъ, относящихся къ эпохѣ римской имперіи; на нее, какъ на общеобязательный принципъ, ссылался Цицеронъ въ своей рѣчи противъ Фарра и, наконецъ, по свидѣтельству самого Лассаля, то же самое утвержденіе, высказанное самымъ энергическимъ образомъ, было вложено Платономъ, въ одномъ изъ его діалоговъ, въ уста Сократу. Въ одномъ Publikationspatent'ѣ, опубликованномъ 5 февраля 1794 года въ дополненіе къ прусскому общему земскому праву, также содержится ссылка на этотъ принципъ, отвергающій за законами силу обратнаго дѣйствія, причемъ онъ упоминается здѣсь, какъ принципъ, не нуждающійся въ санкціи законодателя, т. е. какъ принципъ, входящій въ сферу естественнаго права человѣка.

Но какъ ни совпадаютъ между собой всѣ эти отдѣльные взгляды на самый принципъ, между ними обнаруживается, — продолжаетъ далѣе Лассаль, — глубокое противорѣчіе по вопросу о его примѣненіи на практикѣ, т. е. по вопросу о границахъ его господства. И такъ какъ отвѣтъ на этотъ вопросъ можно получить только путемъ анализа внутренней природы самого принципа, то эта дискуссія насъ снова возвращаетъ къ старому положенію, т. е. снова ставитъ насъ передъ необходимостью—подвергнуть самый принципъ и его значеніе новому изслѣдованію. Законодатели, въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ приходится на практикѣ сталкиваться съ этимъ вопросомъ, легко отдѣлываются отъ всѣхъ сомнѣній, встающихъ предъ ними, ссылками на всякаго рода политическіе мотивы и дешевыми соображеніями объ отсутствіи достаточно точныхъ опредѣленій, которыя охватывали бы все содержаніе, вытекающее изъ этого принципа; что касается судей, то они, руководимые по существу правильной идеей, что принципъ,

при всей его абсолютной справедливости, не можетъ охватить собою абсолютно всѣхъ проявленій жизни, прибѣгаютъ къ статуированію изъ него всякаго рода исключеній. Но это является, очевидно, весьма неудачнымъ и совершенно ненаучнымъ способомъ преодолѣнія затрудненій. Если ограниченія, внесенныя въ принципъ такими исключеніями, вытекаютъ изъ внутренней природы самого принципа, то въ дѣйствительности здѣсь нѣтъ никакого исключенія, наоборотъ, — благодаря именно этимъ ограниченіямъ принципъ открывается передъ нашимъ сознаніемъ въ своей наиболѣе полноопредѣленной формѣ; если же ограниченія были внесены въ принципъ извнѣ, вытекая изъ совершенно посторонних, чуждыхъ данному принципу, основаній, — то здѣсь передъ нами былъ бы фактъ незаконнаго вторженія въ сферу даннаго принципа чуждыхъ ему вліяній.

Знаменитый представитель исторической школы права, Савиньи, своими изслѣдованіями, опубликованными въ восьмомъ томѣ Римскаго Права, внесъ много новаго и цѣннаго въ развитіе ученія по данному вопросу; подвергнувъ суровой критикѣ дурное обыкновеніе прибѣгать въ случаѣ нужды къ произвольному статуированію исключеній, ограничивающихъ принципъ отрицанія обратнаго дѣйствія, онъ подраздѣлилъ всѣ затрагиваемыя даннымъ вопросомъ правоположенія (Rechtsregeln) на двѣ категоріи: во-первыхъ, на такія, которыя касаются случаевъ пріобрѣтенія правъ, т. е. тѣхъ случаевъ, когда та или иная отдѣльная личность стремится войти въ соединеніе съ какимъ-либо правовымъ институтомъ; и, во-вторыхъ, на такія, которыя касаются случаевъ простого существованія правъ; по отношенію къ этой второй категоріи, Савиньи призналъ за новыми законами силу обратнаго дѣйствія. По своему содержанію этотъ установленный Савиньи принципъ разграниченія не представляетъ собой въ сущности ничего новаго въ сравненіи съ одной старой формулой, извѣстной особенно среди французскихъ юристовъ, формулой, согласно которой всѣ опредѣленія, возникшія на почвѣ публичнаго права, по самой природѣ своей обладаютъ силой обратнаго дѣйствія; — Лассаль пишетъ:

„... теперь сразу же становится яснымъ то своеобразное и общее для всѣхъ нихъ содержаніе, которымъ обладаютъ всѣ эти подлежащіе немедленной реализаціи законы. Благодаря тому, что эта наполненная опредѣленнымъ содержаніемъ формула выражена строго категорическимъ образомъ, — законы, къ которымъ она относится, конституируются теперь въ видѣ особаго класса; такимъ образомъ, теперь не только становится возможнымъ немедленно же опредѣлить, какіе именно законы относятся къ этому классу, но вмѣстѣ съ тѣмъ указывается тотъ

общій существенный признакъ, которымъ обладаютъ и должны обладать всѣ эти опредѣленія, чтобы войти въ классъ законовъ, подлежащихъ немедленной реализаціи. И далѣе: ранѣе должно было казаться, что разрѣшеніе вопроса о томъ, слѣдуетъ-ли сообщать данному закону силу обратнаго дѣйствія, зависѣли въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ отъ выясненія тѣхъ цѣлей и оснований, которыя побуждали издавать данный законъ (именно — вытекаетъ-ли онъ изъ основаній общественной пользы). Но теперь, съ появленіемъ вышеприведенной формулы, дѣлается огромный шагъ впередъ, — теперь вопросъ о допустимости немедленной же реализаціи новаго закона разрѣшается не путемъ анализа мотивовъ, которые побудили издать тотъ законъ, но путемъ анализа тѣхъ внутреннихъ свойствъ, которыми онъ самъ обладаетъ, т. е. въ силу объективной природы самаго права, которое имъ регулируется. Такимъ образомъ, Савиньи, придавъ своей формулѣ строго категорическій характеръ, создалъ возможность строгой классификаціи законовъ, благодаря чему ему и удалось всѣ правоположенія (Rechtsregeln) раздѣлить на два обособленныхъ класса, — всякій новый законъ, принадлежащій къ первому классу, не можетъ обладать силой обратнаго дѣйствія; наоборотъ, всякій новый законъ, принадлежащій ко второму классу, долженъ обладать силой обратнаго дѣйствія. Достигнувъ такихъ результатовъ, Савиньи сильно подвинулъ впередъ изученіе даннаго вопроса: въ самомъ дѣлѣ, ему удалось, во-первыхъ, показать, что въ соотвѣтствующихъ областяхъ права принципъ обратнаго дѣйствія можетъ обладать характеромъ такого же строгаго правила, какъ и обратный принципъ, отвергающій за новыми законами силу обратнаго дѣйствія; во-вторыхъ, ему удалось въ принципѣ доказать, что при разрѣшеніи вопроса о томъ, слѣдуетъ или нѣтъ сообщать новымъ законамъ силу обратнаго дѣйствія, необходимо обращаться не къ анализу внутреннихъ мотивовъ законодателя (вѣдь эти мотивы могутъ весьма часто быть совершенно произвольнаго свойства), но къ анализу внутренней природы тѣхъ правъ, которыя регулируются новыми законами. Хотя ему и не удалось разрѣшить самой проблемы, однако, онъ сумѣлъ формулировать ее замѣчательно яснымъ образомъ". (Томъ I, стр. 19 и 20).

Своей классификаціей Савиньи, однако, не удалось достигнуть цѣли и дать законченное разрѣшеніе стоявшей передъ нимъ проблемѣ. Его классификація опирается „на чисто абстрактныя категоріи разсудка, которыя въ послѣдней инстанціи, не имѣя твердыхъ линій разграниченія, переходятъ одна въ другую и не даютъ никакой возможности установить сколько нибудь твердый надежный принципъ для различенія ихъ другъ отъ друга";

а между тѣмъ вопросъ необходимо было разрѣшить путемъ анализа связанныхъ съ нимъ понятій, и оба принципа,—какъ тотъ, который отрицаетъ за новыми законами силу обратнаго дѣйствія, такъ и тотъ, который признаетъ за ними эту силу—свести къ единой высшей идеѣ права. А между тѣмъ неизвѣстно даже то, на какой именно идеѣ права покоится самъ принципъ отрицанія обратнаго дѣйствія. Чтобы имѣть теорію вопроса, безусловно необходимо—„оба принципа (какъ тотъ, который устанавливаетъ опредѣленныя границы, за которыми прекращается дѣйствіе новаго закона, такъ и тотъ, который провозглашаетъ, что таковыхъ границъ вообще не существуетъ) свести къ единой общей правовой идеѣ, какъ ихъ общему высшему источнику, и тѣмъ самымъ оба принципа привести къ единству. Только тамъ, гдѣ установлено такое единство, только тамъ есть теорія! Это единство должно само изъ самого себя, какъ изъ общаго источника, порождать всѣ различія и, въ нихъ сохраняясь, проявлять черезъ нихъ свою дѣятельную силу. Такимъ образомъ, даже тѣ случаи, въ которыхъ новый законъ тотчасъ же осуществляется въ жизни, даже эти случаи должны вытекать изъ идеи, отрицающей за новыми законами силу обратнаго дѣйствія". (Вступленіе, стр. 13).

Тѣмъ, которые имѣютъ обыкновеніе всѣ эти высшія требованія, предъявляемыя теоріей въ области права, высмѣивать, какъ „метафизическія мудрствованія", и для которыхъ поэтому всѣ вышеприведенныя теоретическія возраженія могутъ также показаться метафизическимъ празднословіемъ,—всѣмъ такимъ лицамъ Лассаль указываетъ, что именно здѣсь представляется для нихъ удобный случай убѣдиться въ цѣнности и необходимости истинной теоріи. Дѣйствительно, принципъ Савиньи, въ силу отмѣченнаго выше его несовершенства, не только не исчерпываетъ всей сущности вопроса, но и „приводитъ на практикѣ къ страшной путаницѣ"; при своемъ примѣненіи въ практической жизни онъ часто вступаетъ въ самое безысходное противорѣчіе съ самимъ собою; Лассаль приводитъ въ доказательство этого нѣсколько примѣровъ. Онъ ссылается здѣсь, между прочимъ, на одну статью, посвященную интересующему насъ вопросу, и опубликованную въ 1855 году Борнеманомъ, который вновь подвергнулъ въ ней изслѣдованію вопросъ о допустимости обратнаго дѣйствія. Собственное рѣшеніе, предложенное Борнеманомъ по данному вопросу, сводится, въ концѣ концовъ, къ тому, что въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ не-

обходимо выяснять себѣ цѣли законодателя;—ясно, что здѣсь нѣтъ никакого шага впередъ по сравненію съ Савиньи. Подвергнувъ анализу всѣ эти отдѣльные случаи, Лассаль, въ концѣ концовъ, возвращаясь назадъ, приходитъ къ такому заключенію: если крупные юристы столько разъ безпощадно останавливались передъ этимъ вопросомъ, то именно философія должна приняться теперь за эту задачу и попытаться „діалектически развить внутреннее содержаніе даннаго спекулятивнаго понятія и вскрыть, наконецъ, въ немъ то логическое ядро“, раскусить которое никакъ не удавалось нашимъ знаменитымъ юристамъ и которое они квалифицировали, какъ простую невозможность. По мѣрѣ того, какъ законодательная власть все болѣе переходитъ въ руки буржуазіи, все болѣе возрастаетъ возможность для науки—оказывать вліяніе на законодательство.

„Обновленіе законодательства въ Германіи за послѣдніе двѣнадцать лѣтъ совершалось гораздо болѣе оживленнымъ темпомъ, чѣмъ въ прошлые періоды исторіи. И, однако, размахъ законодательной работы нашихъ дней необходимо признать крайне ничтожнымъ по сравненію съ тѣмъ бурнымъ законодательнымъ періодомъ, который намъ предстоитъ пережить въ ближайшемъ будущемъ. Прибавимъ кстати, что принципъ, отрицающій за законами силу обратнаго дѣйствія, какъ бы онъ ни казался на первый взглядъ простымъ предписаніемъ частнаго права, не способнымъ вызывать противъ себя никакихъ возраженій, — на самомъ дѣлѣ имѣетъ свою собственную исторію, которая всегда стоитъ въ тѣсной внутренней связи съ политическимъ характеромъ того или иного періода; такъ что объ этомъ принципѣ можно было бы даже написать особую весьма поучительную исторію. Кто хотя бы самымъ поверхностнымъ образомъ ознакомился съ сущностью нашей проблемы, тотъ прекрасно пойметъ, почему именно всѣ эпохи лихорадочно-быстраго историческаго развитія,—т. е. эпохи, которыя принято называть революціонными, должны всегда обнаруживать наклонность къ возможно большему расширенію сферы дѣйствія того принципа, согласно которому новые законы подлежатъ немедленной реализаціи; онъ пойметъ также, почему, наоборотъ, всѣ эпохи реакціи, — а, слѣдовательно, и всѣ реакціонныя партіи въ эпохи интенсивнаго историческаго развитія – стремятся самымъ неумѣреннымъ образомъ использовать противоположный принципъ, отвергающій за законами силу обратнаго дѣйствія; разумѣется, лишь постольку, поскольку рѣчь идетъ не о такихъ законахъ, при помощи которыхъ эти партіи стремятся вновь отвоевать для себя старыя права, утраченныя ими въ эпоху предыдущаго законодательства! Но какъ только рѣчь заходитъ о законахъ послѣдняго рода, они немедленно забываютъ всѣ свои

формулы и тонкіе доводы, весь свой благоговѣйный паѳосъ, съ которымъ они защищали за минуту передъ тѣмъ принципъ, отрицающій за законами силу обратнаго дѣйствія, и принимаются теперь самымъ яростнымъ образомъ топтать его своими собственными ногами". (Стр. 29).

Лассаль иллюстрируетъ свою мысль массою примѣровъ, заимствованныхъ имъ изъ исторіи Франціи, изъ различныхъ фазисовъ ея революціи и реставраціи, изъ исторіи Пруссіи до и послѣ Іены, показываетъ, какъ подъ вліяніе господствующихъ политическихъ теченій подпадали даже органы, которымъ ввѣряется охрана частнаго права, — первый ударъ попадаетъ при этомъ на долю прусскаго Верховнаго Трибунала,—бросаетъ мимоходомъ замѣчаніе, что „болѣе строгое и точное пониманіе сущности государства" является тѣмъ источникомъ, „изъ котораго вытекаютъ и будутъ далѣе вытекать всѣ достигнутые въ этомъ столѣтіи успѣхи, какъ бы имъ ни противодѣйствовали мнимые друзья свободы, стремящіеся высоконравственную идею государства истолковать превратно въ смыслѣ необузданнаго произвола отдѣльной личности", и заключаетъ слѣдующимъ образомъ (стр. 41):

„Основной идеей нашей работы является, въ ея высшемъ и глубочайшемъ содержаніи, не что иное, какъ идея о постепенномъ претвореніи стараго права въ право новое, причемъ этотъ процессъ совершается въ полномъ согласіи съ самой идеей права и изъ нея вытекаетъ. Если-бы удалось строго научнымъ образомъ раскрыть передъ всѣми неизбѣжность этого перерожденія права, то тѣмъ самымъ, въ лицѣ этой научной теоріи, мы обрѣли бы могучее духовное оружіе, которое помогло бы, съ одной стороны, облегчить глубоко-преобразовательную работу нашего столѣтія, а съ другой—отразить бурный натискъ шумливыхъ пѣнистыхъ волнъ, готовыхъ потопить подъ собою вспаханныя индивидуальною волею нивы пріобрѣтенныхъ правъ. Пограничныя межи понятій суть не менѣе священныя и божественныя грани, чѣмъ тѣ, которыя покрывали римскія поля, и если-бы удалось провести ихъ, то для охраны ихъ слѣдовало бы возстановить въ полной силѣ законъ Нумы:

„Sei quis terminom exarasit, ipsos boveisque sacrei sunto!"

(„Если кто вспашетъ пограничныя межи (полей),—тотъ вмѣстѣ съ быками да будетъ принесенъ въ жертву богамъ!").

III. Изъ отдѣла: понятіе и его анализъ.

(Томъ I, часть II, отдѣлъ I).

Вторая часть перваго тома, имѣющая названіе „Теорія“, распадается на три отдѣла и 13 параграфовъ. Первый отдѣлъ озаглавленъ „Понятіе и его анализъ“ и состоитъ изъ одного параграфа: „Формула и понятіе“. Лассаль прежде всего замѣчаетъ, что формула, охватывающая собой какъ принципъ обратнаго дѣйствія, такъ и противоположный принципъ отрицанія обратнаго дѣйствія, должна заключать въ себѣ не какое-нибудь произвольно вложенное въ нее содержаніе, но именно идею отрицанія обратнаго дѣйствія, — и уже изъ нея съ внутренней необходимостью должны вытекать и раскрываться передъ нимъ всѣ тѣ заключенія, на которыя она логически обязываетъ; затѣмъ Лассаль приводитъ самую формулу. Она содержитъ въ себѣ у него слѣдующія положенія:

а) „Никакой законъ не можетъ обладать силой обратнаго дѣйствія, если онъ касается личности только черезъ посредство произвольныхъ актовъ ея воли.

б) Каждый законъ можетъ обладать силой обратнаго дѣйствія, если онъ касается личности безъ посредства такихъ свободныхъ актовъ ея воли; если, слѣдовательно, онъ касается личности непосредственно въ ея непроизвольныхъ, общечеловѣческихъ или естественныхъ или отъ общества полученныхъ его свойствахъ (Qualitaten); или если онъ касается ее не прямо, а только тѣмъ путемъ, что измѣняетъ самое общество въ его органическихъ учрежденіяхъ (институтахъ)“.

Принципъ этотъ является единственно правильнымъ, потому что въ немъ выполняется выставленное выше условіе: „онъ вытекаетъ изъ самой идеи отрицанія обратнаго дѣйствія“ (Лассаль, стр. 47). Но что же это за идея? Въ сущности она является простымъ распространеніемъ на юридическую сферу идей субъективной свободы духа, свободы воли и личной отвѣтственности (Zurechnungsfahigkeit) человѣка. Свобода человѣческой воли — неотъемлемое естественное свойство человѣка и, какъ таковое, стоитъ внѣ компетенціи законодателя. Разумѣется, не всегда къ ней относились такимъ образомъ, и, напримѣръ, въ азіатскихъ деспотіяхъ еще до сихъ поръ принципъ субъективной свободы человѣческаго духа не пользуется признаніемъ, — и мы видимъ, что въ нихъ и понынѣ „обратное

дѣйствіе“ закона является, вполнѣ естественно, основнымъ и всеобщимъ принципомъ права. Вѣдь не только положительное право, но одинаково съ нимъ и естественное право представляютъ собой историческія образованія, являются продуктомъ историческаго развитія духа; только при такомъ пониманіи уничтожается мнимая непреодолимая пропасть между ними, и обѣ системы права тѣсно сплетаются одна съ другою.

„Идея обратнаго дѣйствія является въ сущности... ни чѣмъ инымъ, какъ идеей, освящающей вторженіе воли законодателя въ сферу личной свободы и отвѣтственности человѣка.

„Только поэтому принципъ обратнаго дѣйствія является недопустимымъ.— Въ обществѣ человѣкъ есть и долженъ быть свободенъ; даже преступникъ, подвергающійся наказанію, разсматривается, какъ независимое и внутренно-свободное существо; ибо онъ зналъ, какое наказаніе грозитъ ему за его преступленіе, и если онъ тѣмъ не менѣе совершилъ его, слѣдовательно, онъ путемъ внутренно свободнаго выбора, подчинился этимъ извѣстнымъ ему послѣдствіямъ. Если онъ не понимаетъ значенія и послѣдствій своего поступка, самъ законъ освобождаетъ его отъ наказанія въ силу его неотвѣтственности. Такимъ образомъ, обратное дѣйствіе—недопустимо, ибо въ противномъ случаѣ личность можетъ сказать законодателю или судьѣ: если бы въ то время законъ установилъ именно такія послѣдствія для моего дѣянія, то я не совершилъ бы его; ибо я былъ свободенъ—совершить или не совершить его. И если, не взирая на это возраженіе, его все-таки присуждаютъ къ наказанію, то это осужденіе н можетъ уже быть слѣдствіемъ его свободнаго выбора, его свободной сознательной воли, но является по отношенію къ нему проявленіемъ грубаго и коварнаго насилія. Совершенно также обстоитъ дѣло и въ сферѣ частнаго права. Ибо послѣднее представляетъ собою въ сущности не что иное, какъ реализацію свободной воли человѣка. Если по этому какой-нибудь позднѣйшій законъ, обладая силой обратнаго дѣйствія, обращается на дѣяніе, свободно совершенное въ прошломъ какой-нибудь личностью, то воля ея, благодаря этому, насилуется и искажается; почему одинъ французскій юристъ остроумно назвалъ этотъ принципъ обратнаго дѣйствія „западней, которую законодатель ставитъ для уловленія индивидуумовъ“ (un piège tendu aux individus par le législateur). Какъ ни велика можетъ быть власть законодателя, никогда она, однако, не можетъ простираться такъ далеко, чтобы погасить въ личности ея желанія и заставить ее проникнуться другими желаніями. Законъ, одаренный силой обратнаго дѣйствія, перестаетъ поэтому быть

закономъ, ибо онъ становится абсолютной несправедливостью, упраздняетъ вообще самую идею права. Здѣсь съ полною ясностью обнаруживается та внутренняя принудительность, которая такъ часто признавалась какъ за самымъ принципомъ, отвергающимъ законность обратнаго дѣйствія, такъ и за всѣмъ тѣмъ, что изъ этого принципа вытекаетъ. Законъ, обладающій силой обратнаго дѣйствія, уничтожаетъ волю индивидуума. Но воля есть неотъемлемое естественное свойство человѣка, и положительное право является лишь благоустроеннымъ царствомъ этой воли, лишь такой сферой, которая наиболѣе полно обезпечиваетъ ей свободу ея проявленій (nur die gesicherte Sphäre und das gegliederte Reich seiner freien Ausführung). Но законъ, обладающій силой обратнаго дѣйствія, насилуетъ и упраздняетъ не только свободную волю человѣка, но вмѣстѣ съ тѣмъ и его мысль, и его знаніе" („Система", томъ I, стр. 47, 48, 49). Свободная воля и свободное мышленіе являются тѣми основными и неприкосновенными устоями, на которыхъ зиждется все право"; поэтому — не во власти правомѣрно дѣйствующаго законодателя одарять свои законы силой обратнаго дѣйствія, посягающей на самую идею права. И нѣтъ нужды—обременять конституцію особыми спеціальными опредѣленіями,—и безъ нихъ, само собою, должно быть ясно, что „никакой законодатель не властенъ упразднить свободу человѣческой воли и личную отвѣтственность человѣка, не властенъ духъ его квалифицировать, какъ простую вещь".

Однако, съ такимъ возраженіемъ личность можетъ вступить только въ томъ случаѣ, если вновь изданный законъ готовъ посягнуть на ея свободное дѣяніе, на индивидуальный актъ ея воли.

„Наоборотъ, тѣ права, къ которымъ законъ, какъ таковой, пріобщаетъ личность безъ посредства ея индивидуальной воли, представляютъ собой только всеобщія свойства и правовыя функціи (Qualitaten und Befügnisse), присущія личности лишь въ силу пріобщившаго ихъ къ ней закона,— и, слѣдовательно, они вмѣстѣ съ нимъ появляются и вмѣстѣ съ нимъ исчезаютъ.

„Законъ есть выраженіе правосознанія цѣлаго народа. Все нормированное въ законахъ право, какъ таковое—все бытіе индивидуума—является въ силу этого только отдѣльнымъ опредѣленнымъ моментомъ (Bestimmtheit) въ жизни всеобщаго духа, который находится въ состояніи вѣчнаго движенія,—и потому всякій новый законъ, въ которомъ кристаллизуется это новое опредѣленное состояніе всеобщаго духа, съ тѣмъ же правомъ немедленно-же обращается на личность, съ какимъ обращался на нее прежній законъ, отвѣчавшій прежнему моменту въ жизни всеобщаго духа.

Прочнымъ пріобрѣтеніемъ личности можетъ быть только то, что ей правомѣрно удается извлечь изъ этого несущагося потока путемъ собственной дѣятельности, путемъ собственной воли, что ей удается сдѣлать своимъ. Слѣдовательно, каждый законъ, который не затрагиваетъ прежнихъ индивидуальныхъ актовъ воли, и именно постольку, поскольку онъ ихъ не затрагиваетъ, долженъ по природѣ своей немедленно вступать въ силу! Но уже изъ сказаннаго ясно, что здѣсь не можетъ быть и рѣчи объ обогащеніи его силою обратнаго дѣйствія. Принципъ обратнаго дѣйствія является на сцену лишь тогда, когда требуется оказать воздѣйствіе на правоотношенія, установившіяся до момента вступленія въ силу закона. Но если всѣ прежніе волевые акты отсюдь еще не затрагиваются новымъ закономъ, то его немедленное обращеніе на сферу правовыхъ функцій личности является отнюдь не проявленіемъ принципа обратнаго дѣйствія, а просто фактомъ немедленнаго вступленія въ силу, — что требуется самой природой и опредѣленіемъ закона, какъ таковаго.

„Если сравнить вышесказанное съ извѣстной формулой, согласно которой пріобрѣтенныя права должны быть неприкосновенны для новыхъ законовъ, то очевидно, что эта формула только тогда можетъ оказаться правильной, если подъ пріобрѣтенными правами въ ней будутъ разумѣться исключительно такія права, которыя пріобрѣтаются чрезъ посредство индивидуальныхъ актовъ воли. Или же,—что совпадаетъ съ предыдущимъ,—самое понятіе пріобрѣтенныхъ правъ здѣсь понимается такимъ образомъ, что лишь тѣ права можно отнести къ пріобрѣтеннымъ правамъ, которыя вступаютъ въ соединеніе съ субъектомъ и имъ присваиваются черезъ посредство его индивидуальныхъ волевыхъ актовъ.“ („Система“, томъ I, стр. 51, 52).

Это понятіе уже содержитъ въ себѣ всю теорію пріобрѣтенныхъ правъ, но именно только въ себѣ (an sich), въ скрытомъ, неразвитомъ видѣ. Для полнаго развитія понятія необходимо сначала, освободившись отъ затемняющаго вліянія его чувственныхъ элементовъ, точно опредѣлить какъ его объемъ, такъ и его логическія границы. Эту задачу можно выполнить только во второмъ параграфѣ и въ параграфахъ шестомъ и седьмомъ. Только послѣ этого понятіе пріобрѣтаемыхъ правъ, завершивъ свое саморазвитіе, оказывается способнымъ возвыситься на степень теоріи и системы пріобрѣтенныхъ правъ. (Стр. 52).

Теперь, какъ выше сообщалось, Лассаль обращается къ помощи эмпирической аргументаціи для защиты своей тезы,—а именно, онъ заимствуетъ изъ сферы китайскаго, индійскаго и моисеева законодательствъ цѣлый рядъ болѣе или менѣе ясно выраженныхъ примѣровъ абсолютнаго пониманія принципа обратнаго дѣйствія, т. е. такого пониманія, при которомъ уничтожается всякое различіе между правоотношеніями, вытекающими изъ законовъ, и такими правоотношеніями, которыя сложились на почвѣ правомѣрныхъ для прежняго времени дѣйствій личности. „Та Чингъ Лао Ли"—общій сводъ узаконеній, дѣйствующихъ въ Китаѣ,—такъ говоритъ въ своемъ 43 отдѣлѣ:

„Всѣ законы, имѣющіе характеръ основныхъ и изданные, какъ таковые, вступаютъ въ законную силу съ самаго дня ихъ опубликованія; и каждое дѣяніе должно оцѣниваться согласно самымъ послѣднимъ законамъ, хотя-бы такое дѣяніе и было совершено до опубликованія этихъ законовъ." (Цитировано по изданію S. Th. Staunton, Лондонъ, 1810).

Фактъ провозглашенія этого принципа, да притомъ еще въ сводѣ уголовныхъ законовъ (въ Китаѣ вообще не приводится никакого различія между уголовными и гражданскими законами) вполнѣ согласуется со всѣмъ тѣмъ, что уже ранѣе было извѣстно о подражательномъ характерѣ китайскаго и—въ широкомъ смыслѣ этого слова—вообще азіатскаго духа.

Этотъ принципъ, въ сущности, просто исходитъ изъ того положенія, которое фигурируетъ также въ европейскихъ уложеніяхъ на первомъ планѣ,—а именно, что каждый новый законъ по своему содержанію отражаетъ въ себѣ ту новую ступень, до которой удалось подняться разуму въ данный моментъ его развитія и которую государство или общество возводитъ теперь въ обязательную норму. Въ самомъ дѣлѣ, если уже каждая личность всѣ свои прежніе поступки, какъ бы они далеко ни отстояли по времени отъ даннаго момента, всегда съ полнымъ правомъ расцѣниваетъ съ точки зрѣнія того правосознанія, которымъ она сейчасъ обладаетъ;—то почему-же не должно то же самое происходить и въ обществѣ, гдѣ дѣло идетъ также о новой стадіи въ развитіи разума, объявляемой теперь для всѣхъ обязательной нормой, о новомъ моментѣ въ „проявленіи всеобщаго сознанія"?

Въ нашихъ уложеніяхъ вслѣдъ за провозглашеніемъ этого принципа слѣдуетъ провозглашеніе принципа отрицанія обратнаго дѣйствія, въ которомъ содержится — признаніе принципа свободной субъективности; но такъ какъ азіатскому духу еще до сихъ поръ остается чуждой какъ эта

идея, такъ и связанное съ ней различеніе между бытіемъ и дѣйствіемъ, то онъ и не ставитъ данному принципу рѣшительно никакихъ ограниченій. „Съ полнымъ правомъ“ поэтому „въ китайскомъ сводѣ законовъ принимается и высказывается мысль о томъ, что всѣ наличныя отношенія (Seiende) подлежатъ немедленному воздѣйствію и преобразованію, ибо эта мысль является неизбѣжнымъ выводомъ изъ того принципа, согласно которому законы вступаютъ въ силу съ самаго дня ихъ опубликованія и должны, такимъ образомъ, немедленно-же подчинить своимъ нормамъ наличную дѣйствительность (das Seiende) и отношеніе къ ней.“ („Система“, томъ I, стр. 54).

Также обстоятъ дѣла и въ Индіи. Но такъ какъ Лассаль не имѣлъ возможности воспользоваться сводомъ индусскихъ законовъ въ изданіи Colebrocke, то ему пришлось для доказательства той мысли, что и индусскій духъ также не проводитъ никакого различія между дѣйствіемъ и состояніемъ, заимствовать нѣсколько опредѣленій изъ законовъ Ману, относящихся къ гораздо болѣе далекому прошлому. „Если-бы“, говоритъ Лассаль, „задались цѣлью—путемъ анализа глубочайшихъ источниковъ восточнаго духа, но вмѣстѣ съ тѣмъ съ сохраненіемъ терминологіи современныхъ юристовъ,—установить классификацію законовъ, то пришлось бы, какъ это ни странно звучитъ для нашего уха, законы, регулирующіе дѣйствія, отнести къ законамъ, регулирующимъ состояніе личностей индивидуумовъ.“ (Стр. 56).

Въ религіозной сферѣ,—а на Востокѣ сфера религіи и права еще до сихъ поръ совпадаютъ,—тотъ же строй идей,—замѣчаетъ между прочимъ Лассаль,—имѣлъ своихъ представителей и въ самой Европѣ; совершенно очевидно, что догма Св. Августина о состояніи благодати и его борьба съ ученіемъ Пелагія, въ своей основѣ, исходитъ именно изъ этой, получившей только дальнѣйшее развитіе, древне-азіатской идеи объ идентичности дѣйствія и состоянія личности, (согласно Пелагію, каждый человѣкъ съ самаго дня своего рожденія уже носитъ въ себѣ способность достигнуть состоянія святости путемъ точнаго выполненія Христова ученія; что же касается Августина, то онъ упорно держался догмы о наслѣдственности первороднаго грѣха, и самую возможность слѣдованія заповѣдямъ Христа ставилъ въ зависимость отъ обладаній Божественной благодатью, отъ особаго состоянія благодати. Примѣръ прекрасно иллюстрируетъ противоположность обоихъ принциповъ, и если ученіе Пелагія было принято именно восточными общинами, а позднѣе вообще греческой церковью, а св. Августинъ явился, наоборотъ, однимъ изъ главныхъ пред-

ставителей западной церкви, то мы имѣемъ здѣсь дѣло уже не съ первоначальными явленіями, но съ процессами несравненно болѣе сложнаго свойства, входить въ подробный анализъ которыхъ мы здѣсь не имѣемъ возможности). Что касается еврейскаго народа, который по своему духу занимаетъ промежуточное положеніе между западными и восточными народами, то,—говоритъ Лассаль,—въ Библіи содержится указаніе на одинъ поразительно чистый случай примѣненія въ жизни принципа обратнаго дѣйствія. А именно, въ 4 книгѣ Моисея, глава 27, стихъ 4 и слѣд., разсказывается о томъ, какъ однажды Богъ, черезъ посредство Моисея, по просьбѣ дочерей Целафедада повелѣлъ, чтобъ отнынѣ, въ случаѣ отсутствія сыновей, отцовское наслѣдіе переходило въ руки дочерей, а не братьевъ умершаго, какъ это было до сихъ поръ, и, согласно этому повелѣнію, дочери Целафедада были тотчасъ-же введены во владѣніе наслѣдствомъ, оставшимся послѣ смерти ихъ родителя. Богъ, повелѣвшій къ гражданскому процессу примѣнить принципъ обратнаго дѣйствія, есть именно восточный Богъ, который еще совсѣмъ не слышалъ ни о какихъ Пандектахъ и не имѣлъ еще случая ознакомиться съ греческимъ искусствомъ и наукою. Греки были народомъ, въ лицѣ которыхъ идея субъективности духа впервые проникла въ міровую исторію въ своей первоначальной формѣ, и поэтому именно у нихъ можно впервые обрѣсти идею отрицанія обратнаго дѣйствія, которая понимается ими, какъ внутренняя логическая необходимость.

Указавъ на необходимость разсматривать философію права, какъ историческую науку, т. е. какъ науку, которая, подобно философіи религіи, имѣетъ дѣло съ продуктами послѣдовательнаго историческаго развитія духа, Лассаль бросаетъ теперь „бѣглый взглядъ на всю огромную сферу, охватываемую вопросами права“, которые уже получили у него свое разрѣшеніе при помощи формулированнаго имъ выше принципа.

„Законъ,—говоритъ онъ,—который измѣняетъ правоспособность личности (die Personenkapazitat) или погашаетъ ее у цѣлаго класса личностей, тѣмъ самымъ мгновенно-же измѣняетъ правоспособность всѣхъ личностей и немедленно-же погашаетъ ее у всѣхъ тѣхъ личностей, которыя раньше обладали ею, а по новому закону болѣе уже не обладаютъ. Но дѣйствія, уже совершенныя на почвѣ этой правоспособности, сохраняютъ и теперь всю свою силу и не могутъ быть новымъ закономъ объявлены недѣйствительными“. (Стр. 61).

Если, напримѣръ, законодатель повышаетъ возрастъ совершеннолѣтія съ 21 года, какимъ онъ былъ раньше, до 25 лѣтъ, то немедленно-же всѣ лица, находящіяся въ возрастѣ между 21 и 25 годамъ, теряютъ всѣ правомочія, соединенныя съ совершеннолѣтіемъ. Ибо ни возрастъ, ни совершеннолѣтіе не являются результатами волевыхъ актовъ со стороны этихъ личностей. Но всѣ правомѣрныя дѣйствія, совершенныя ими въ силу ихъ прежняго совершеннолѣтія, и сейчасъ сохраняютъ передъ лицомъ права все свое дѣйствительное значеніе, „ибо въ противномъ случаѣ ихъ волевые акты подверглись бы насилію и уничтоженію“.

Но если совершеннолѣтіе становится юридическимъ фактомъ лишь при условіи выполненія опредѣленныхъ въ законѣ дѣйствій, то оно не можетъ уже быть уничтожено никакимъ позднѣе изданнымъ закономъ, вносящимъ новыя условія для его констатированія или вовсе отмѣняющимъ таковыя, ибо въ этомъ случаѣ совершеннолѣтіе достигается путемъ особыхъ индивидуальныхъ дѣйствій. Совершенно также обстоитъ дѣло и съ вопросомъ объ эмансипаціи изъ-подъ родительской власти. Поскольку родительская власть прекращается сама собой съ достиженіемъ совершеннолѣтія, постольку всякое возвышеніе возраста для достиженія послѣдняго приводитъ къ тому, что всѣ, переходящіе отнынѣ снова въ разрядъ несовершеннолѣтнихъ, тѣмъ самымъ снова подпадаютъ подъ власть родителей, въ наше время — подъ власть отца. Но если власть эта является слѣдствіемъ какого-либо свободно выполняемаго дѣйствія (напримѣръ, въ сферѣ дѣйствія Наполеонова кодекса—Code Napoléon—она является слѣдствіемъ бракосочетанія, а въ древнемъ Римѣ она была слѣдствіемъ принятія какой-либо должности или пріобрѣтенія какого-либо сана), то она не можетъ быть затронута позднѣйшими законами, отмѣняющими старыя опредѣленія.

Далѣе, что касается институтовъ брака и развода, то въ этой сферѣ силой немедленнаго дѣйствія долженъ обладать каждый законъ, который вноситъ органическія измѣненія въ эти институты, т. е. измѣняетъ тѣ общія свойства, права и обязанности, которыя законъ вообще возлагаетъ на супруговъ. Но если новый законъ, обращенный на супруговъ, проявляетъ по отношенію къ нимъ свою силу такимъ образомъ, что измѣняетъ тѣ правовые результаты, которые вытекаютъ изъ опредѣленныхъ индивидуальныхъ актовъ, свободно выполняемыхъ той или иной стороной, —то такой законъ не можетъ обладать силой немедленнаго дѣйствія, потому что въ этомъ случаѣ немедленное дѣйствіе было бы въ сущности равносильно обратному дѣйствію. Законъ, который вводитъ или

упраздняетъ институтъ развода, измѣняетъ личныя права супруговъ (покровительство, повиновеніе и т. под.), устанавливаетъ новыя основанія для развода, —можетъ немедленно-же быть обращенъ на всѣхъ лицъ, уже состоящихъ въ бракѣ, поскольку лишь онъ не распространяется на собственные акты супруговъ, выполненные ими до момента его опубликованія. Расторжимъ бракъ или нѣтъ,—это вѣдь является простымъ свойствомъ, сообщаемымъ браку силою закона, но не дѣяніемъ или продуктомъ дѣйствія того или иного отдѣльнаго супруга [1]).

Точно также обстоитъ дѣло съ договорами и въ сферѣ публичнаго права; и прежде всего — въ сферѣ уголовнаго права. Но и здѣсь такой, напримѣръ, законъ, который измѣняетъ условія натурализаціи, не можетъ распространяться на иностранцевъ, успѣвшихъ натурализоваться ранѣе, согласно старымъ условіямъ; наоборотъ, если-бы государство въ одинъ прекрасный день всѣхъ проживающихъ на его территоріи иностранцевъ одарило правами гражданства, не справляясь съ ихъ индивидуальной волей, а потомъ вздумало бы отмѣнить соотвѣтствующій законъ, то оно могло бы съ полнымъ правомъ примѣнить эту мѣру по отношенію ко всѣмъ тѣмъ иностранцамъ, которые въ предыдущій періодъ не успѣли еще путемъ опредѣленныхъ волевыхъ актовъ—предоставленныя имъ права гражданства претворить въ свое дѣйствительное право, сдѣлать ихъ своей собственностью. Точно также всѣ ограниченія, вносимыя въ избирательное право вновь изданнымъ закономъ, распространяются на всѣхъ гражданъ, которые пользовались раньше этимъ правомъ, но выборы, уже произведенные ими на почвѣ стараго закона, никакой новый законъ не можетъ объявить недѣйствительными, ибо „индивидуальные акты всегда сохраняютъ всю свою силу“. (Стр. 69).

Такимъ образомъ, —заключаетъ Лассаль,—благодаря выставленному принципу удается, наконецъ, выполнить формулированное ранѣе требованіе и достигнуть, такимъ образомъ, слиянія въ одной общей идеѣ права

[1]) На это можно возразить, что и расторженіе брака относится къ категоріи актовъ, свободно выполняемыхъ супругами, и каждое измѣненіе законодательства, регулирующаго институтъ брака, воздѣйствуетъ и на прежній первоначальный характеръ этихъ актовъ; по нашему мнѣнію, не легко отвести такое возраженіе. Позднѣе мы увидимъ, что, согласно теоріи Лассаля, права, пріобрѣтаемыя въ силу свободно-выполняемыхъ актовъ, отъ этого еще не становятся абсолютными.

обоихъ первоначальныхъ основныхъ положеній, какъ того, которое требуетъ признанія за законами силы немедленнаго дѣйствія, такъ и того, которое отрицаетъ за ними эту силу, причемъ самъ принципъ, „вмѣсто того, чтобы быть простой формулой, воплощаетъ въ себѣ только одну правовую идею—идею отрицанія обратнаго дѣйствія".

„Теперь нѣтъ больше двухъ особыхъ эмпирическихъ (äusserliche) правилъ, изъ которыхъ одно опредѣляетъ, въ какихъ именно случаяхъ должно имѣть мѣсто обратное дѣйствіе, а другое — въ какихъ именно случаяхъ должно имѣть мѣсто отрицаніе обратнаго дѣйствія. Теперь правило отрицанія обратнаго дѣйствія впервые возвышается на степень идеи отрицанія обратнаго дѣйствія; только теперь уясняется, изъ какой именно высшей идеи права исходитъ вообще самъ принципъ отрицанія обратнаго дѣйствія и почему именно онъ является истиной. Далѣе — оба правила, опредѣляющія, въ какихъ случаяхъ долженъ дѣйствовать принципъ отрицанія обратнаго дѣйствія, и въ какихъ—принципъ немедленной реализаціи новыхъ законовъ, оба эти правила переходятъ теперь въ общее логическое единство (in eine begriffliche Einheit); оба принципа, вмѣсто того, чтобы противостоять другъ другу и разграничивать сферы своего господства особыми независимыми областями права, внутренно объединяются теперь между собой, разрѣшаясь въ единой общей для нихъ идеѣ права; въ-третьихъ, наконецъ,—только теперь достигается тотъ логическій и вмѣстѣ съ тѣмъ практическій результатъ, что вообще ни въ коемъ случаѣ недопустима дѣйствительная реализація принципа обратнаго дѣйствія, недопустимы какъ единичныя, такъ и групповыя (Klassenausnahmen) исключенія изъ принципа отрицанія обратнаго дѣйствія; что даже немедленная реализація новыхъ законовъ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ она оказывается допустимой, должна утверждаться и осуществляться въ силу самой идеи отрицанія обратнаго дѣйствія, и притомъ такая немедленная реализація, вытекающая изъ самой этой идеи, въ сущности является только немедленнымъ вступленіемъ въ силу новаго закона,—каковое качество лежитъ въ самомъ свойствѣ закона, — но отнюдь не реализаціей принципа обратнаго дѣйствія".

IV. Изъ отдѣла: Понятіе и его объемъ.

(Томъ I, часть II).

Этотъ отдѣлъ также состоитъ только изъ одного параграфа; онъ называется „Сфера волевыхъ дѣйствій“. Заглавіе показываетъ, что въ немъ долженъ быть подвергнутъ изслѣдованію вопросъ о томъ, какія именно явленія, входящія въ область права, охватываются понятіемъ индивидуальнаго волевого акта, того самаго акта, который служитъ единственнымъ источникомъ пріобрѣтенныхъ правъ.

Изъ теоріи, развиваемой Лассалемъ, повидимому, должно было бы слѣдовать, что изъ простыхъ чисто внѣшнихъ фактовъ и событій или изъ дѣйствій третьихъ лицъ (такъ какъ послѣднія для даннаго индивидуума также являются чисто внѣшними событіями) данный индивидуумъ не можетъ извлечь для себя никакихъ пріобрѣтенныхъ правъ. Однако,—замѣчаетъ Лассаль,—это только такъ кажется, и правило, построенное на такомъ предположеніи, должно было бы считаться съ массою ограничивающихъ его исключеній, что совершенно недопустимо по отношенію къ нашему понятію,—послѣднее по самой природѣ своей требуетъ, чтобы всѣ такія исключенія вытекали бы изъ него самого, какъ его логическія послѣдствія.

Возможно мыслить такія права, которыя формально, съ внѣшней стороны, являются результатами дѣйствій третьихъ лицъ или результатами чуждыхъ воли личности внѣшнихъ событій, но въ то же время „по своей внутренней сущности разсматриваются правомъ, какъ собственные волевые акты данной личности“. Положимъ, что такія права дѣйствительно существуютъ. Тогда, согласно нашему понятію, эти права должны принадлежать къ сферѣ пріобрѣтенныхъ правъ; это послужило бы только блестящимъ подтвержденіемъ тѣхъ заключеній, на которыя логически обязываетъ наше понятіе. Такія права дѣйствительно встрѣчаются, и нашей задачей является теперь — разсмотрѣть одно за другимъ всѣ эти кажущіяся исключенія изъ основного принципа и, „обнаруживъ внутреннюю природу этихъ исключеній, представить ихъ, какъ логическіе результаты самого понятія“. Лассаль, руководясь категоріями римскаго права, раздѣлилъ всѣ относящіяся сюда права на пять группъ. Вотъ эти группы:

А. Наслѣдственное и семейное право. Личное представительство.

Б. Дѣйствія, въ которыхъ нѣтъ истиннаго изъявленія воли (ungewollte

Handlungen), dolus (обманъ), принужденіе, существенное и несущественное заблужденіе, Ignorantia juris et facti (незнаніе закона и фактовъ).

В. Квазиконтрактъ (Obligationes quasi ex contractu).

Г. Usucapio (пріобрѣтеніе по праву давностнаго владѣнія).

Е. Просрочка исковой давности; obligatio naturalis и civilis (натуральныя обязательства, т. е. такія, которыя могутъ имѣть всѣ другіе юридическіе эффекты, кромѣ права иска, и гражданскія, снабженныя правомъ иска).

Гдѣ было возможно выразить это въ немногихъ словахъ, мы вездѣ въ скобкахъ давали переводъ или разъясненія юридическимъ терминамъ; однако, мы полагаемъ, что нѣтъ нужды входить въ подробныя разъясненія отдѣльныхъ категорій права,—несвѣдущему читателю такія разъясненія, все равно, помогутъ мало, а спеціалисты права въ нихъ совершенно не нуждаются.

Мы уже говорили, какой именно цѣли стремится Лассаль достигнуть своимъ обзоромъ. Именно,—Лассаль доказываетъ или, вѣрнѣе, стремится доказать, что въ каждой изъ этихъ категорій (заимствованныхъ въ большинствѣ случаевъ изъ римскаго права и позднѣе изъ него перешедшихъ въ кодексы современныхъ государствъ) только тѣ права относились юристами къ сферѣ пріобрѣтенныхъ правъ, которыя, хотя-бы только логически (begrifflich), заключали въ себѣ моментъ индивидуальнаго волевого дѣйствія; тѣ же права, по отношенію къ которымъ этотъ моментъ отсутствовалъ, за пріобрѣтенныя права отнюдь не признавались. Слѣдовательно,—доказываетъ Лассаль,—каждый юристъ, сознательно или безсознательно, но всегда во всѣхъ случаяхъ стремился прежде всего опредѣлить, не скрывается-ли за даннымъ правомъ дѣйствующей индивидуальной воли (даже въ тѣхъ случаяхъ, когда это право, казалось, цѣликомъ вытекало изъ чисто внѣшнихъ объективныхъ фактовъ),—и въ наличности или отсутствіи этой дѣйствующей индивидуальной воли онъ находилъ критерій (практическій приговоръ или принципъ права) для окончательнаго рѣшенія этого вопроса.

Разумѣется, мы не можемъ слѣдовать за Лассалемъ во всѣхъ деталяхъ его изслѣдованія; мы остановимся только на нѣкоторыхъ наиболѣе интересныхъ мѣстахъ этого изслѣдованія. Но вездѣ, во всѣхъ своихъ частяхъ, оно обнаруживаетъ предъ нами поразительную тонкость юридической или — вѣрнѣе — спекулятивной (вѣдь для Лассаля — въ творчествѣ крупнѣйшихъ римскихъ юристовъ проявляется дѣятельность „спекулятивнаго понятія“) аргументаціи Лассаля; однако, не вездѣ эта аргументація

намъ представляется одинаково удачной, не вездѣ она свободна отъ нѣкоторой искусственности, какъ мы уже имѣли случай показать это въ другомъ мѣстѣ (во вступительномъ очеркѣ—см. томъ I, по поводу одного изъ тѣхъ правовыхъ институтовъ, разсмотрѣніемъ которыхъ намъ предстоитъ теперь заняться. Мы имѣемъ въ виду категорію римскаго наслѣдственнаго права, которая фигурируетъ вмѣстѣ съ другими въ общей группѣ А.

Разсужденія по поводу группы А, охватывающей собой наслѣдственное и семейное право, а также право личнаго представительства, являются въ сущности только вступленіемъ ко второй части „Системы",—иначе говоря, соображенія, развиваемыя здѣсь Лассалемъ, подлежатъ еще доказательству, и притомъ, какъ выражается Лассаль со своимъ обычнымъ пристрастіемъ къ превосходнымъ степенямъ, „доказательству самому строгому и самому научному", что и предстоитъ ему еще выполнить во второй части. А здѣсь онъ только, въ формѣ простыхъ утвержденій, сообщаетъ результаты своего дальнѣйшаго изслѣдованія.

Всѣ права, которыя возникаютъ у личности въ силу самаго факта ея рожденія или въ силу факта смерти другой личности и которыя за нею закрѣпляются институтомъ семейнаго права, „пріобрѣтаются личностью въ силу той идентичности лицъ и идентичности индивидуальныхъ воль, которая, согласно воззрѣнію права, царитъ внутри каждой семьи". Въ силу этой идентичности каждое волевое правомѣрное дѣйствіе одного члена семьи является вмѣстѣ съ тѣмъ, съ точки зрѣнія права, какъ волевое дѣйствіе любого другого члена той же семьи. Въ случаяхъ наслѣдованія послѣднее на первый взглядъ представляется простымъ послѣдствіемъ чисто-внѣшняго событія—смерти лица, оставляющаго наслѣдство; но на самомъ дѣлѣ право наслѣдованія своимъ источникомъ имѣетъ послѣднюю волю наслѣдодателя, будетъ ли эта воля прямо имъ выражена въ завѣщаніи или только предполагаться закономъ,—въ первомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ наслѣдованіемъ по завѣщанію (die testamentarische Erbschaft), во второмъ — съ наслѣдованіемъ по праву родства (Intestatserbfolge). Вслѣдствіе указанной идентичности, составляющей основу семейнаго права, это дѣйствительное или только закономъ предполагаемое волевое дѣйствіе наслѣдодателя представляется, „какъ собственное волевое дѣйствіе наслѣдователя".

Если-бы законъ,—говоритъ Лассаль въ примѣчаніи,—совершенно отмѣ-

нилъ всякое наслѣдованіе по праву родства, то послѣднее, конечно, въ этомъ случаѣ уже не могло бы болѣе разсматриваться, какъ послѣдствіе предполагаемаго закономъ волевого акта со стороны лица, оставляющаго наслѣдство. Но въ этомъ случаѣ немедленно-же возникало бы взамѣнъ прежняго новое право наслѣдованія, на этотъ разъ — не черезъ фактъ смерти, но черезъ фактъ рожденія (послѣднее для данной личности является, правда, простымъ событіемъ, но по отношенію къ родителямъ оно представляетъ собою дѣйствіе), или же это наслѣдованіе разсматривалось бы теперь, какъ пріобрѣтеніе собственности, которая здѣсь пріобрѣталась бы, какъ общая семейная собственность.

Это превращеніе наслѣдственнаго права въ право наслѣдованія, принадлежащее наслѣднику въ силу того, что онъ, согласно принципу идентичности всѣхъ членовъ семейной группы, разсматривается, какъ активный носитель лежащаго въ основѣ этого права индивидуальнаго волевого дѣйствія, не можетъ намъ поэтому представляться какой-то произвольной и странной операціей, тѣмъ болѣе что оно- такое превращеніе—находитъ себѣ „нѣкоторую, не вполнѣ, впрочемъ, надежную опору въ ученіи о личномъ представительствѣ; согласно этому ученію, всѣ, напримѣръ, пріобрѣтенія ребенка или римскаго невольника—въ силу устанавливаемой по закону идентичности соотвѣтствующихъ лицъ — также разсматриваются какъ правомѣрныя пріобрѣтенія отца или рабовладѣльца“. (Стр. 74).

Развитыя выше соображенія относятся ко всѣмъ правамъ, которыя закрѣпляются за личностью институтомъ семейнаго права. Такъ, напримѣръ, право натурализаціи, пріобрѣтаемое въ силу самаго факта рожденія, вытекаетъ какъ будто-бы, подобно правамъ совершеннолѣтія, изъ простого чисто внѣшняго событія, и, слѣдовательно, можетъ быть позднѣе отмѣнено какимъ-нибудь вновь изданнымъ закономъ. Но здѣсь снова необходимо напомнить, что если для ребенка рожденіе является простымъ событіемъ, въ которомъ онъ играетъ чисто пассивную роль, то по отношенію къ родителямъ оно, наоборотъ, обладаетъ всѣми свойствами волевого дѣйственнаго акта, и поэтому всѣ права, возникающія у ребенка въ моментъ его рожденія, — въ силу принципа волевой идентичности всѣхъ лицъ семьи, разсматриваются, какъ права, пріобрѣтенныя ребенкомъ чрезъ посредство его собственнаго индивидуальнаго волевого дѣйствія. (Стр. 74).

Своимъ соображеніямъ по поводу группы Б. Лассаль предпосылаетъ слѣдующія замѣчанія, которыя всего лучше разъясняютъ характерныя особенности этой группы:

„На первый взглядъ можетъ показаться, что анализъ дѣйствій, охватываемыхъ группою В и совершаемыхъ при отсутствіи въ нихъ воли, въ условіяхъ принужденій, обмана и заблужденія, является совершенно излишнимъ; въ самомъ дѣлѣ, вѣдь законы, относящіеся къ этой группѣ, могутъ реализироваться въ жизни личности не иначе, какъ только черезъ посредство ея индивидуальныхъ дѣйствій, и, слѣдовательно, обратное дѣйствіе этихъ законовъ является недопустимымъ уже въ силу формулированнаго нами въ первомъ параграфѣ принципа. Однако, нужно принять здѣсь во вниманіе слѣдующее: во всѣхъ данныхъ случаяхъ воля и дѣйствіе находятся между собой во внутреннемъ противорѣчіи, причемъ воля дѣйствующей личности противостоитъ, какъ чуждое начало, выполняемому личностью внѣшнему дѣйствію; съ другой стороны, согласно развиваемой нами теоріи, только тѣ права могутъ быть отнесены къ категоріи пріобрѣтенныхъ правъ, которыя личность осуществляетъ чрезъ посредство своего волевого дѣйствія; слѣдовательно, съ точки зрѣнія такого высшаго анализа въ нашей теоріи обнаружилось бы глубокое внутреннее противорѣчіе, если-бы пришлось допустить, что данныя права пріобрѣтаются личностью чрезъ посредство дѣйствія, не согласованнаго съ ея волей, дѣйствія чисто внѣшняго относительно этой воли. Въ самомъ дѣлѣ, въ этомъ случаѣ воля, какъ таковая, перестала бы служить источникомъ пріобрѣтенія правъ, и не видно было бы, откуда, собственно, по этой теоріи вытекаетъ самая сила пріобрѣтенія. Слѣдовательно, если-бы мы даже были вынуждены допустить, что дѣйствія, совершенныя въ условіяхъ принужденія, обмана и заблужденія, не могутъ подлежать никакому воздѣйствію со стороны позднѣе изданныхъ законовъ (хотя по этому вопросу среди юристовъ встрѣчаются также различныя мнѣнія); если-бы мы — далѣе — вынуждены были допустить, что къ такому отрицанію силы обратнаго дѣйствія насъ въ данномъ случаѣ формально обязываетъ самый принципъ, лежащій въ основѣ нашей теоріи,—то, однако, мы имѣли бы право сказать, что нашъ принципъ только съ внѣшней формальной стороны оправдываетъ такія допущенія, а внутренно они находятся въ глубокомъ противорѣчіи съ сущностью нашей теоріи. — Слѣдовательно, если серьезно считаться съ тѣми требованіями, которыя къ намъ предъявляетъ теорія, какъ таковая, то всѣ такія, съ внѣшней стороны какъ будто-бы и знакомыя допущенія мы должны признать по существу незаконными и показать, что въ дѣйствительности каждое пріобрѣтенное право своимъ источникомъ имѣетъ не внѣшнее дѣйствіе индивидуума, но именно актъ его внутренней воли, хотя-бы такой внутренній актъ и проти-

ворѣчилъ по своей сущности внѣшнему дѣйствію индивидуума". (Стр. 75—76).

Изъ самаго текста мы прежде всего приведемъ разъясненія Лассаля по поводу правъ обжалованія, опорочиванія или реституціи, предоставляемыхъ закономъ личности, дѣйствовавшей въ условіяхъ принужденія.

„Если какое-нибудь лицо вынуждается къ совершенію какого-нибудь дѣйствія, то на первый взглядъ представляется, что послѣднее можетъ разсматриваться, какъ выраженіе его собственной воли. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь данное лицо можетъ не подчиниться принужденію или же терпѣливо вынести все то, чѣмъ ему угрожаютъ за такое неподчиненіе. Съ этой точки зрѣнія фактъ принужденія можетъ разсматриваться, какъ одинъ изъ мотивовъ воли, но не какъ условіе, исключающее самую возможность ея проявленія (coactus volui). Однако, при правильномъ пониманіи идеи свободной воли получаютъ силу слѣдующія соображенія.

Сущность воли составляетъ — индивидуальное самоопредѣленіе. Но это самоопредѣленіе становится невозможнымъ, если другое лицо, какимъ-либо способомъ, противорѣчащимъ праву, оказываетъ давленіе на другое лицо, превращая его такимъ образомъ изъ существа, свободно себя опредѣляющаго, въ существо, опредѣляющее свои дѣйствія по требованіямъ чуждой ему воли.—Наоборотъ, если страхъ возникаетъ въ душѣ дѣйствующей личности не подъ вліяніемъ внѣшней угрозы, но порождается внутренними процессами ея собственной мысли, то, разумѣется, онъ теперь уже нисколько не уничтожаетъ ея свободной воли и тѣмъ самымъ не можетъ лишить силы ни одного ея дѣйствія, хотя-бы и совершеннаго подъ вліяніемъ этого страха. Ибо такое дѣйствіе, являясь результатомъ внутреннихъ процессовъ мысли самой личности, является вмѣстѣ съ тѣмъ какъ ея собственное свободное самоопредѣленіе. И поскольку законъ предоставляетъ въ распоряженіе потерпѣвшихъ правомѣрныя средства для опороченія актовъ, совершенныхъ ими въ условіяхъ принужденія, постольку сами эти средства основываются на признаніи идеи индивидуальной свободы воли. Поэтому въ каждомъ вынужденномъ волевомъ актѣ, хотя-бы онъ съ внѣшней стороны удовлетворялъ всѣмъ требованіямъ закона, дѣйствовавшаго въ моментъ совершенія этого акта, — нѣтъ на самомъ дѣлѣ никакой самоопредѣляющейся, а потому и свободной воли, нѣтъ вообще никакой дѣйствительной воли". (Стр. 79).

По поводу тѣхъ правомѣрныхъ средствъ защиты, которыя законъ предоставляетъ потерпѣвшему отъ обмана, Лассаль говоритъ:

„Обманъ состоитъ въ томъ, что дѣйствующее лицо преднамѣренно

вводится другимъ лицомъ въ заблужденіе относительно тѣхъ фактовъ, которые опредѣляютъ собою волю дѣйствующаго лица. Но такое ложное представленіе, утвердившееся въ сознаніи дѣйствующаго лица, можетъ опять-таки въ извѣстныхъ случаяхъ играть роль простого мотива, опредѣляющаго направленіе воли; здѣсь, слѣдовательно, свободная воля остается въ неприкосновенности.

И такъ, дѣйствительно, бываетъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда ложное представленіе образуется само собой, а не подъ вліяніемъ другого лица, когда, слѣдовательно, мы имѣемъ дѣло съ заблужденіемъ, а не съ обманомъ.

Но тамъ, гдѣ ложное направленіе сознанія опредѣляется въ данномъ субъектѣ активнымъ воздѣйствіемъ на него со стороны другого субъекта,— тамъ мы имѣемъ дѣло съ прямымъ посягательствомъ на волю дѣйствующаго лица и притомъ съ посягательствомъ въ сферѣ наиболѣе важной для опредѣленія воли — въ сферѣ знанія; тамъ данное лицо унижается въ своей способности свободнаго самоопредѣленія и низводится другимъ лицомъ на степень существа несвободнаго, подвластнаго чужимъ опредѣленіямъ,—и теперь по отношенію къ нему не можетъ уже быть болѣе рѣчи о свободно выполняемомъ имъ волевомъ дѣйствіи.

Всѣ правомѣрныя средства, предоставляемыя лицу, потерпѣвшему отъ обмана (dolus), для опороченія совершеннаго въ такихъ условіяхъ акта, а также и всѣ „реституціи“ должны поэтому (въ силу того же основанія) строго сообразоваться съ законами, которыя дѣйствовали въ моментъ совершенія этого акта. Мы говоримъ — въ моментъ совершенія акта, но не—въ моментъ выполненія самого dolus, такъ какъ весьма легко представить себѣ случай, когда оба момента не совпадаютъ между собой по времени, но раздѣлены періодомъ, въ теченіе котораго законы успѣли подвергнуться измѣненіямъ. Но что изъ двухъ моментовъ для насъ имѣетъ важность именно моментъ совершенія дѣйствія и законы, дѣйствительные для этого момента,—явствуетъ изъ того, что право на опороченіе своего внѣшняго несвободнаго дѣйствія обманутое лицо можетъ пріобрѣсти только черезъ посредство новаго истинно-волевого акта, который мыслится уже отличнымъ отъ прежнаго дѣйствія“. (Стр. 80—82).

И Лассаль прибавляетъ въ особомъ примѣчаніи: только на почвѣ этого анализа „вполнѣ послѣдовательно и удовлетворительно“, наконецъ, выясняется, почему именно право на возвращеніе къ старому состоянію (послѣ дѣйствій, совершенныхъ въ условіяхъ обмана и принужденія), какъ и вообще всякое право реституціи, относится къ сферѣ истинно-пріобрѣ-

тенныхъ правъ, — источникомъ всѣхъ реституцій, въ концѣ концовъ, является основная идея индивидуальной свободной воли, которая не подлежитъ никакому посягательству, какимъ-бы путемъ это посягательство не осуществлялось, путемъ-ли собственнаго, путемъ-ли чужого искажающаго волю дѣйствія.

Свое полное и дѣйствительное разрѣшеніе,—говоритъ Лассаль,—эта проблема права можетъ получить лишь послѣ того, какъ будетъ выяснена сущность простого заблужденія и разрѣшенъ вмѣстѣ съ тѣмъ вопросъ о томъ, какимъ именно образомъ, при наличности этого заблужденія все-таки, согласно вышесказанному, сохраняется свободная воля дѣйствующаго субъекта.

„Если какое-нибудь лицо, вызывая въ дѣйствующемъ субъектѣ ложное представленіе о какихъ-нибудь фактахъ, опредѣляющихъ собой направленіе его воли, тѣмъ самымъ уничтожаетъ свободу этой воли, то почему-же эта свободная воля прекрасно уживается съ тѣмъ же самымъ ложнымъ представленіемъ, если только оно возникаетъ въ сознаніи дѣйствующаго субъекта самостоятельно, независимо отъ вліянія третьяго лица? Здѣсь прежде всего необходимо вспомнить о нашемъ положеніи, приведенномъ ранѣе:—свобода воли есть индивидуальное самоопредѣленіе. Слѣдовательно, всякое ложное представленіе, если только оно является продуктомъ собственной дѣятельности субъекта, вмѣстѣ съ тѣмъ открывается передъ нами, какъ его индивидуальное самоопредѣленіе, представляетъ собою актъ его внутренней свободы и притомъ еще свидѣтельствуетъ именно о неограниченной произвольной свободѣ, а отнюдь не объ отсутствіи этой свободы.

Мы находимся здѣсь въ царствѣ формальной свободы или частнаго произвола, гдѣ даже совершенно произвольная воля обладаетъ всей силой авторитета. Субъектъ здѣсь не обязанъ знать и стремиться къ истинному. Онъ обладаетъ даже формально неограниченнымъ правомъ— совершенно не заботиться объ истинѣ, не подвергать изслѣдованію міръ объективнаго и не заботиться о согласованіи съ нимъ содержанія своего сознанія. Эта беззаботность относительно истины является, слѣдовательно, однимъ изъ проявленій принадлежащаго личности права на самоопредѣленіе, и потому ложное представленіе, которое она сама образуетъ, которое составляетъ продуктъ собственной дѣятельности ея духа, необходимо разсматривать, какъ ея индивидуальное самоопредѣленіе, какъ проявленіе ея свободной воли. Теперь, слѣдовательно, выясняется, почему въ случаяхъ обмана и принужденія, когда посторонній субъектъ, дѣйствуя вопреки

праву, вторгается въ сферу воли дѣйствующей личности, почему въ этихъ случаяхъ не можетъ быть и рѣчи о наличности у послѣдней свободной воли, и почему самопроизвольно возникшее у нея ложное представленіе представляетъ собою скорѣе проявленіе ея индивидуальнаго самоопредѣленія и, какъ таковое, отнюдь не можетъ вести къ упраздненію ея свободной воли". (Стр. 83 и 84).

Между тѣмъ право и законодательство обыкновенно различаютъ разныя формы заблужденія и только при опредѣленныхъ условіяхъ и съ опредѣленными оговорками принимаютъ принципъ, согласно которому заблужденіе, какъ таковое, еще не отнимаетъ силы у совершеннаго подъ вліяніемъ этого заблужденія дѣйствія. Это является простымъ послѣдствіемъ того факта, что различныя формы заблужденія стоятъ въ весьма различныхъ отношеніяхъ къ волѣ дѣйствующаго субъекта, что не всякое заблужденіе оставляетъ волю послѣдняго въ неприкосновенности. Въ разное время законодатели издавали по этому поводу различныя опредѣленія, причемъ, согласно этимъ опредѣленіямъ, одни заблужденія вели къ уничтоженію дѣйствительности юридическаго дѣйствія, совершеннаго подъ ихъ вліяніемъ, другія, наоборотъ, оставались въ этомъ отношеніи безрезультатными; одни считались „несущественными" („unecht") или „вредными" („schödlich") заблужденіями, за другими, наоборотъ, признавалось свойство настоящихъ „существенныхъ" заблужденій. Всѣ такіе случаи обыкновенно точно распредѣлялись по отдѣльнымъ спеціальнымъ группамъ; соотвѣтствующія имъ опредѣленія имѣли чисто эмпирическій „позитивный" характеръ, — единственный принципъ, которымъ руководились авторы этихъ опредѣленій, былъ принципъ справедливости, взгляды на которую въ различныя эпохи послѣдовательно мѣнялись. Лассаль указываетъ, что здѣсь, дѣйствительно, передъ нами поднимается важный вопросъ. который законодательство разрѣшало обыкновенно „позитивно", т. е. съ извѣстной произвольностью нормировало тѣ случаи, въ которыхъ заблужденія должно было вести къ тѣмъ или инымъ послѣдствіямъ. Лассаль эту эмпирическую произвольность при разрѣшеніи даннаго вопроса, ставитъ въ связь съ тѣмъ фактомъ, что побудительные мотивы—т. е. тѣ мотивы, которые ведутъ къ заключенію извѣстной сдѣлки или къ совершенію извѣстнаго дѣйствія въ сферѣ права — стоятъ въ чисто количественномъ отношеніи къ содержанію воли, причемъ они могутъ совпадать съ нимъ, но могутъ и не совпадать; поэтому одни заблужденія въ побудительныхъ мотивахъ — напримѣръ, ошибочное предположеніе, что долгъ еще не уплаченъ—ведутъ къ тому, что совершаемое (дѣйствіе уплата суммы денегъ) перестаетъ сов-

падать съ тѣмъ дѣйствіемъ, которое стремится совершить дѣйствующее лицо (именно выплату долга); наоборотъ, другія заблужденія въ побудительныхъ мотивахъ—напримѣръ, предположеніе, что покупаемая полезная вещь обладаетъ высокой мѣновой стоимостью—не оказываютъ никакого вліянія на природу дѣйствія, совершить которое стремится данное лицо. При покупкѣ полезныхъ вещей существенный моментъ заключается именно въ полезности вещи, а не въ ея мѣновой стоимости. Покупатель стремится обладать этой полезностью, и, разъ онъ достигъ своей цѣли, дѣйствительность совершеннаго акта купли-продажи не можетъ подлежать сомнѣнію. Ошибка въ оцѣнкѣ мѣновой стоимости данной вещи, иначе говоря—ошибка въ опредѣленіи цѣны ея, не можетъ считаться ошибкой въ мотивахъ даннаго дѣйствія, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда дѣло идетъ о предметахъ, назначеніе которыхъ заключается именно въ томъ, чтобы служить мѣновой цѣнностью, напримѣръ —о благородныхъ металлахъ. И если, несмотря на это, въ прусскомъ земскомъ правѣ (im preusischen Landrecht) покупателю безъ всякихъ оговорокъ предоставляется право обжалованія мѣновыхъ сдѣлокъ въ случаѣ чрезмѣрно высокой цѣны купленной вещи,—то это отклоненіе отъ римскаго права—какъ ни представляется оно „нелогичнымъ и не юридическимъ“ — объясняется измѣнившимися культурными условіями, которыя мѣновую цѣнность вещи превращаютъ въ сущность вещи, поглощающую въ себѣ всѣ остальныя ея свойства.

Послѣдній примѣръ, между прочимъ, показываетъ какъ можетъ иной разъ одно понятіе переходить въ другое, — послѣ этого читатель безъ дальнѣйшихъ комментаріевъ пойметъ слѣдующее положеніе Лассаля.

„Слѣдовательно, вопросъ о томъ, исчерпываютъ-ли собой мотивы даннаго дѣйствія все содержаніе воли, содержатъ-ли они въ самихъ себѣ эту волю, иначе говоря—вопросъ объ отношеніи мотивовъ къ волѣ есть, какъ мы видимъ, вопросъ чисто количественнаго свойства. И именно потому, что вопросъ этотъ чисто количественный, — здѣсь, внутри этихъ количественныхъ границъ, обозначается такой пунктъ, гдѣ для законодательства встаетъ задача—при помощи своего позитивнаго метода опредѣлить, гдѣ именно количественный моментъ простой мотиваціи начинаетъ переходить, а гдѣ—нѣтъ въ качественный моментъ волевого дѣйствія“. (Стр. 88—91).

Но поскольку позитивныя законодательства устанавливали въ спеціальныхъ опредѣленіяхъ границы, поскольку они указывали средства къ уничтоженію дѣйствительной силы дѣйствій, совершенныхъ въ условіяхъ обмана,

принужденія или существеннаго (echten) заблужденія (т. е. „въ условіяхъ отсутствія полной воли, явившихся результатомъ ошибочнаго мотива"), — постольку, необходимо замѣтить, всѣ эти опредѣленія „исходили не изъ принципа внѣшней справедливости, но изъ констатированія факта, что въ данномъ дѣйствіи, юридическая сила котораго подлежитъ уничтоженію, отсутствуетъ истинно-волевой моментъ". Въ концѣ концовъ, всѣ эти опредѣленія такъ или иначе связаны въ своей основѣ съ спекулятивнымъ понятіемъ свободной воли.

Различіе въ логическихъ свойствахъ воли сохраняетъ свою силу даже по отношенію къ разнымъ типамъ заблужденій въ мотивахъ. причемъ здѣсь необходимо разсмотрѣть заблужденія относительно факта и заблужденія относительно права, заблужденія извинительныя и заблужденія неизвинительныя.

Заблужденіе относительно факта есть заблужденіе относительно какихъ-нибудь данныхъ дѣйствительности, поскольку послѣднія „не стоятъ такъ близко и непосредственно передъ индивидуумомъ, чтобы онъ могъ прямо наблюдать и точно знать ихъ".

Свобода воли—въ сферѣ права—есть индивидуальное самоопредѣленіе. Если кто-нибудь не знаетъ такого обстоятельства, которое могъ бы знать въ его положеніи человѣкъ, обладающій нормальными чувствами,— тогда дѣйствіе, совершенное имъ въ условіяхъ такого незнанія, еще не превращается благодаря этому въ дѣйствіе, въ которомъ отсутствуетъ моментъ свободной воли. Его воля, его свободное самоопредѣленіе еще не уничтожается отъ того, что дѣйствіе его приводитъ не къ тѣмъ результатамъ, къ которымъ онъ стремится. То, что онъ заблуждается относительно даннаго обстоятельства, — причина этого лежитъ въ немъ самомъ. Но если, наоборотъ, заблужденіе его проистекаетъ отъ того, что фактическія данныя, на которыхъ онъ строитъ свои расчеты, представляются ему такими, какими они могли бы представиться въ его положеніи также и человѣку съ нормальными чувствами,—тогда въ дѣйствіи, совершенномъ имъ на почвѣ такого заблужденія, уже перестаетъ присутствовать свободная воля; и если,—замѣчаетъ Лассаль,—римское право объявляетъ такія дѣйствія не имѣющими дѣйствительной силы, — то именно потому, что въ нихъ отсутствуетъ свободная воля, она искажается въ нихъ, какъ и въ случаѣ обмана.

Подобнымъ же образомъ обстоитъ дѣло и съ заблужденіями относительно права. Въ частномъ правѣ „воплощается только собственная внутренняя сущность индивидуума, состояніе достигнутой имъ

разумности"; законъ является объективизацiей правосознанiя даннаго народа, какъ опредѣленной индивидуальности. Слѣдовательно, кто заблуждается относительно права, тотъ заблуждается „относительно собственной сущности своего духа, относительно чего духу не подобаетъ заблуждаться, ибо по отношенiю къ нему ничто не остается чуждымъ". Въ этомъ случаѣ всегда необходимо предполагать лично отвѣтственную волю человѣка. Его незнанiе о правѣ открывается передъ нами, какъ слѣдствiе его свободнаго самоопредѣленiя, и основанное на немъ заблужденiе относительно права—какъ собственный актъ его воли; и потому такое заблужденiе является передъ нами, какъ заблужденiе, не теряющее своей силы, слѣдовательно, заблужденiе для него вредное. Это подтверждается, между прочимъ, тѣмъ фактомъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ, именно тамъ, гдѣ истинная природа права, которую мы только-что охарактеризовали, уничтожается, гдѣ, слѣдовательно, право теряетъ свое тождество съ народнымъ духомъ и становится партикулярнымъ и т. д. правомъ, — тамъ заблужденiямъ относительно права, дѣйствительно, не приписывается никакихъ пагубныхъ для личности послѣдствiй.

Мы не станемъ останавливаться на разсужденiяхъ Лассаля по поводу групоъ В, Г и Д нашей таблицы; въ нихъ, какъ и раньше, подвергаются изслѣдованiю — понятiе о предполагаемой или нормальной волѣ (при квазиконтрактахъ и специально въ случаѣ веденiя дѣлъ за отсутствующее лицо, для охраны его страдающихъ интересовъ и при неимѣнiи отъ него офицiальнаго мандата,—такъ, называемое „negotiorum gestio"); затѣмъ — понятiе о волѣ, прiобрѣтающей право на что-нибудь путемъ длительнаго пользованiя этимъ правомъ (напримѣръ, въ случаѣ прiобрѣтенiя собственности по праву пользованiя — „usucapio"); и, наконецъ, понятiе о волѣ, выражающейся въ упущенiяхъ (въ различныхъ случаяхъ давности). Послѣ всѣхъ прежнихъ разсужденiй, даже человѣкъ, мало знакомый съ вопросами права, безъ всякаго труда пойметъ, почему, напримѣръ, въ тѣхъ случаяхъ, когда какое-нибудь лицо, въ теченiе всего, болѣе или менѣе продолжительнаго, предоставленнаго ему по закону срока не осуществляло своего притязанiя, законъ въ правѣ здѣсь тѣмъ не менѣе усматривать наличность положительнаго волевого дѣйствiя, хотя-бы это воздержанiе отъ реализацiи своего права являлось послѣдствiемъ простой небрежности. Въ самомъ дѣлѣ, поскольку данное лицо въ теченiе всего опредѣленнаго ему закономъ срока не заботилось объ осуществленiи

принадлежащаго ему права на какое-нибудь притязаніе, — постольку оно добровольно отказывалось отъ этого осуществленія, проявляло свою волю именно въ томъ, что не заботилось о такомъ правомѣрномъ осуществленіи своего права. Но это еще не значитъ, что теперь оно должно отказаться отъ самого права на это притязаніе,—только по истеченія опредѣленнаго срока послѣднее для противной, отвѣтствующей стороны теряетъ свой обязательный, гражданско-юридическій характеръ и превращается въ право натуральное, осуществленіе котораго зависитъ теперь исключительно отъ доброй воли отвѣтчика. Но и отвѣтчикъ, поскольку онъ не выполняетъ какого-либо лежащаго на немъ обязательства, также проявляетъ здѣсь, согласно теоріи Лассаля, свою волю, волю — не выполнять своего обязательства. Нетрудно будетъ далѣе понять послѣ этого, почему новый законъ, удлиняющій сроки, не можетъ снова облечь правомѣрной силой никакое просроченное притязаніе, хотя бы срокъ его дѣйствія истекъ передъ самымъ изданіемъ новаго закона; наоборотъ — новый законъ, удлиняющій сроки, можетъ немедленно же быть обращенъ на всѣ притязанія, срокъ дѣйствія которыхъ еще не кончился. Но въ послѣднемъ случаѣ онъ не можетъ касаться ни одного уже выполненнаго заинтересованными сторонами волевого дѣйствія, ибо такое дѣйствіе, быть можетъ, могло состояться именно только въ условіяхъ пренебреженія срокомъ давности.

Въ концѣ своихъ разсужденій по поводу группы 3, Лассаль ставитъ передъ собой такой вопросъ: можетъ-ли какая-нибудь перемѣна въ законодательствѣ своимъ послѣдствіемъ имѣть превращеніе прежде только натуральной воли въ волю гражданскую, т. е. можетъ-ли эта перемѣна какое-нибудь обязательство, основанное въ моментъ сдѣлки на чисто натуральной волѣ (на полюбовномъ соглашеніи) превратить теперь въ обязательство гражданско-юридическое, превратить въ силу того, что, согласно новымъ опредѣленіямъ закона, условія этой сдѣлки въ настоящее время являются вполнѣ достаточными для обоснованія на ихъ почвѣ такой юридически-обязательной, „гражданской“ воли. „Достаточно только,—говоритъ Лассаль,—поставить вопросъ такимъ образомъ, достаточно только при помощи такой постановки вопроса вскрыть его внутренно-логическую природу, чтобы сразу же сталъ ясенъ и неизбѣженъ безусловно-отрицательный отвѣтъ на него“. Ибо въ этомъ случаѣ мы имѣли бы дѣло съ несомнѣннымъ проявленіемъ принципа обратнаго дѣйствія. „Такое же отвѣчающее волѣ индивидуума превращеніе его натуральной воли въ волю гражданскую было бы по отношенію къ нему насиліемъ, уничтожало бы его свободу дѣйствій и сдѣлкѣ его сообщило бы большее значеніе, чѣмъ

она имѣла и должна была имѣть по мысли самого индивидуума, —въ самомъ дѣлѣ, вѣдь послѣдній, въ моментъ заключенія сдѣлки, довольствовался той обязательностью, которая вытекала изъ существа натуральной воли, и отказывался сообщить ей силу гражданско принудительной сдѣлки". (Стр. 117).

Такъ, напримѣръ, во всеобщемъ прусскомъ земскомъ правѣ содержится статья, согласно которой при сдѣлкахъ, устанавливающихъ высоту ссуднаго процента, можно возбудить жалобу на невыполненіе условій сдѣлки только въ томъ случаѣ, если эти условія закрѣплены особымъ письменнымъ договоромъ. И если теперь по новому закону уничтожается обязательность такого письменнаго договора, то значитъ-ли это, что всѣ устныя сдѣлки, заключенныя при дѣйствіи всеобщаго земскаго права, пріобрѣтаютъ теперь благодаря этому закону дѣйствительную силу? Разумѣется — нѣтъ, съ этимъ согласится всякій. Но до сихъ поръ разрѣшеніе вопроса основывалось исключительно на анализѣ формальныхъ условій сдѣлки, а такой анализъ является безусловно недостаточнымъ и, въ концѣ концовъ, можетъ даже,—какъ доказываетъ Лассаль ссылками на литературу права и на данныя практическаго опыта,—вести къ грубымъ существеннымъ заблужденіямъ. Форма во всѣхъ этихъ случаяхъ лишь постольку подлежитъ анализу, поскольку въ ней обнаруживается природа, сущность соотвѣтствующаго сдѣлкѣ дѣйствія.

Въ концѣ этого отдѣла Лассаль замѣчаетъ: только теперь, послѣ того, какъ удалось показать, что даже тѣ, на первый взглядъ, чисто внѣшнія событія, на которыя не распространяется дѣйствіе вновь изданныхъ законовъ, даже они служатъ источникомъ пріобрѣтенныхъ правъ не въ качествѣ событій, но именно потому, что они содержатъ въ себѣ моментъ индивидуальнаго волевого дѣйствія,—только теперь можно сказать, что развитая въ параграфѣ I идея свободной воли „дѣйствительно открывается передъ нами въ качествѣ единственнаго источника принципа отрицанія обратнаго дѣйствія". (Стр. 129). Въ самомъ дѣлѣ, идея, развитая въ параграфѣ I, при всей своей правильности, все-же до сихъ поръ могла представляться недостаточной: до сихъ поръ, въ противовѣсъ ей, всегда можно было ссылаться на опредѣленія, содержащіяся во всѣхъ законодательствахъ, освящаемыя самимъ правосознаніемъ и стоящія, на первый взглядъ, съ нею въ противорѣчіи, на тѣ именно опредѣленія, согласно которымъ вновь изданные законы не могутъ распространять своего дѣй-

ствія на многія, чисто внѣшнія по отношенію къ волѣ личности, событія и на права, изъ нихъ вытекающія для этой личности. Теперь это мнимое противорѣчіе преодолѣвается, преодолѣвается тѣмъ путемъ, что вскрывается внутренняя природа этихъ событій, яко-бы внѣшнихъ относительно воли дѣйствующей личности (именно въ нихъ обнаруживается моментъ волевого дѣйствія). Вмѣстѣ съ тѣмъ теперь дается ключъ къ пониманію тѣхъ практическихъ противорѣчій, въ которыя законодатели и юристы впадали прежде со своими собственными теоріями права. Такъ въ параграфѣ 14 вступленія ко всеобщему земскому праву содержится такое опредѣленіе: „Новые законы не могутъ распространяться на дѣйствія, уже совершенныя, и на событія, уже имѣвшія мѣсто до опубликованія этихъ законовъ“, а между тѣмъ въ самомъ земскомъ правѣ этотъ принципъ, согласно которому всѣ такія событія должны были бы стоять внѣ сферы воздѣйствія новыхъ законовъ, отнюдь не проводится съ твердой послѣдовательностью. Совершенно то же самое мы видимъ у римскихъ и французскихъ юристовъ. Въ основѣ всѣхъ такихъ противорѣчій лежитъ чисто теоретическое недоразумѣніе—недостаточно глубокое уразумѣніе своей собственной сущности.

„Понятіе, которое мы представили въ качествѣ единственнаго источника принципа отрицанія обратнаго дѣйствія и надъ которымъ мы и далѣе будемъ оперировать въ томъ же духѣ, фактически является новымъ не въ томъ смыслѣ, что намъ впервые пришлось здѣсь имѣть съ нимъ дѣло. Если-бы оно было новымъ въ этомъ смыслѣ, тогда его пришлось бы въ силу этого признать безусловно ложнымъ! Мы, наоборотъ, утверждаемъ и должны это утверждать, если только желаемъ построить истинную теорію, что ни одинъ законодатель, ни одинъ юристъ, начиная съ Θеодосія и вплоть до Савиньи, во всѣхъ своихъ размышленіяхъ, законоположеніяхъ и писаніяхъ, посвященныхъ этой темѣ, не руководился ничѣмъ инымъ, какъ именно этимъ развитымъ въ нашемъ анализѣ понятіемъ,—оно, это понятіе, во всѣхъ нихъ, во всѣхъ проявленіяхъ ихъ творчества, было въ нихъ дѣйственнымъ и руководящимъ моментомъ. И мы полагаемъ, что въ той массѣ эмпирическихъ законоположеній и юридическихъ опредѣленій, которыя намъ пришлось разсмотрѣть до сихъ поръ, мы съ полной ясностью обнаружили наличность этого дѣйственнаго момента, а въ дальнѣйшемъ его руководящая роль будетъ выступать передъ нами съ еще большей широтой и силой. Новымъ развиваемое нами понятіе является только въ томъ смыслѣ, что оно теперь впервые достигаетъ у насъ своего самоопредѣленія (zum Erkennen seiner selbst) и только теперь, раскрыв-

шись въ своей внутренней сущности, оно можетъ достигнуть—внутри научно организованнаго права—своего полнаго развитія, только теперь оно можетъ возвыситься на степень систематической теоріи или ученія.—Всѣ формулы, которыя ранѣе разными авторами предлагались по этому вопросу, исходили именно изъ этого понятія,—въ немъ лежитъ основаніе ихъ относительной справедливости; а въ томъ, что онѣ не усваивали цѣликомъ всего содержанія этого понятія, кроется причина ихъ огромной подчасъ практической несправедливости. Здѣсь снова проявляется тотъ всеобщій, для спекулятивнаго мышленія, законъ, что чѣмъ болѣе какая-нибудь идея разсудка, въ смутномъ предчувствіи истины, приближается къ спекулятивному понятію, тѣмъ болѣе она отъ него отклоняется въ какомъ-нибудь другомъ направленіи и порождаетъ тѣмъ большія искаженія истины". (Стр. 130—131).

Лассаль приводитъ въ доказательство этого нѣсколько примѣровъ изъ произведеній извѣстныхъ теоретиковъ права, въ которыхъ выставляются весьма несходныя, взаимно исключающія другъ друга положенія по данному вопросу,—во всѣхъ нихъ можно обнаружить приближеніе, хотя бы и съ разныхъ сторонъ, къ „истинному понятію", ибо это понятіе является ихъ внутреннимъ дѣйственнымъ моментомъ (sie von ihm „hervorgetrieben" sind),—но въ то же время въ какомъ-либо другомъ направленіи они отъ него уклоняются, потому что это понятіе еще не достигло въ нихъ состоянія своей „спекулятивной прозрачности" (speculativen Selbstdurchsichtigkeit). И Лассаль заканчиваетъ свои разсужденія такими словами: „Но само это предчувствіе истиннаго, только-что развитаго нами понятія, его стихійно-внутреннее, дѣйственное обнаруженіе въ ученіяхъ всѣхъ авторовъ, въ практическихъ опредѣленіяхъ всѣхъ законодателей, само по себѣ это является уже наилучшимъ доказательствомъ объективности и непроизвольности самого понятія, какъ и всѣхъ послѣдствій, на которыя оно логически обязываетъ; и эти послѣдствія, вытекающія изъ нашего понятія, должны въ самомъ рѣшительномъ противорѣчіи стоять ко всѣмъ прежнимъ ученіямъ, наполненнымъ внутреннимъ хаосомъ (Verfilzung), страдающимъ отъ спутанности,—ибо таковы свойства каждой формулы, которая только смутно руководится истиннымъ понятіемъ, но не успѣло еще воплотить его въ себѣ во всей его чистотѣ и цѣльности". (Стр. 132).

V. Изъ отдѣла: Понятіе и его развитіе.

(Томъ I, часть II, отдѣлъ III, §§ 3—6).

Въ 11 параграфахъ (§§ 3—13) этого отдѣла Лассаль развиваетъ дальнѣйшія заключенія, которыя вытекаютъ изъ выведеннаго имъ ранѣе понятія (о субъективности воли, какъ источникѣ пріобрѣтенныхъ правъ) и имѣютъ отношеніе къ вопросу о томъ, какой силой дѣйствія обладаютъ новые законы въ сферѣ частнаго и публичнаго права. Мы прежде всего разсмотримъ четыре первыхъ параграфа этого отдѣла, причемъ и въ нихъ мы коснемся, разумѣется, только наиболѣе существеннаго.

Въ § 3—„дополнительное замѣчаніе. Rechtshängigkeit. Novatio (обновленіе обязательства въ отношеніи объекта или сторонъ). Судебное рѣшеніе и полюбовная сдѣлка"—Лассаль пишетъ:

„Если обратное дѣйствіе состоитъ только въ томъ и только потому исключается, что индивидуальное волевое дѣйствіе отдѣльнаго лица не подлежитъ впослѣдствіи никакому на него посягательству, то является, конечно, совершенно безразличнымъ, имѣло-ли данное право своимъ первоначальнымъ источникомъ индивидуальную волю, или же оно первоначально было даровано закономъ и уже затѣмъ активно использовано и усвоено личностью. Другими словами: по отношенію къ rechtshängige Sachen новые законы, отмѣняющіе или модифицирующіе прежнее право, не обладаютъ силой обратнаго дѣйствія" (стр. 133).

Это положеніе опять-таки подлежитъ, однако, извѣстнымъ ограниченіямъ вытекающимъ изъ природы самого понятія, ограниченіямъ, обоснованіе которыхъ пока еще невозможно,—рѣчь объ нихъ будетъ итти въ § 7 и дальнѣйшихъ.

Въ § 4—„Das Optionsrecht"—говорится:

„Каждое предоставляемое закономъ чисто факультативное право, каждое Optionsrecht, претворяется — въ строгомъ согласіи съ развиваемой теоріей—въ право пріобрѣтенное, только въ томъ случаѣ, если со стороны личности имѣло мѣсто фактическое использованіе этого права въ опредѣленномъ дѣйствіи, въ которомъ она и выразила свою волю — воспользоваться этимъ правомъ; если-же такого дѣйствія съ ея стороны не послѣдовало, то новый законъ, изданный въ отмѣну стараго, всегда можетъ лишить ее этого права, не прегрѣшая этимъ противъ принципа, отрицаю-

щаго за новыми законами силу обратнаго дѣйствія“. (Стр. 136). Это значитъ, что въ данномъ случаѣ — въ дѣйствительности и не было никакого обратнаго дѣйствія.

Что касается права протеста, о чемъ идетъ рѣчь въ § 5, то относительно него Лассаль устанавливаетъ такое положеніе: всякое право протеста, предоставленное закономъ простымъ лицамъ по отношенію къ какимъ-нибудь дѣйствіямъ или какой-нибудь сдѣлкѣ, можетъ быть новымъ закономъ, отмѣняющимъ это право, уничтожено и по отношенію къ ранѣе состоявшимся сдѣлкамъ, но лишь подъ тѣмъ условіемъ, чтобы чрезъ это не нарушались права этихъ третьихъ лицъ, пріобрѣтенныя ими другимъ путемъ, независимо отъ этого права. За этимъ исключеніемъ право протеста, какъ цѣликомъ вытекающее изъ закона, уничтожается вмѣстѣ съ уничтоженіемъ самого закона.

---

§ 6 имѣетъ такой подзаголовокъ: „Новыя изъявленія воли. Отсрочки. Измѣненія залогового права, завѣщаній. Выкупъ. Emphyteusis (наслѣдственная аренда). Rentenkontract. Отказъ отъ даренія. Различія.

Въ этомъ параграфѣ Лассаль изъ формулированнаго имъ ранѣе принципа отрицанія обратнаго дѣйствія выводитъ одно заключеніе, которое на первый взглядъ представляется, какъ онъ самъ выражается, полнымъ отрицаніемъ этого принципа, но на самомъ дѣлѣ яснѣе, чѣмъ всякое другое, выставляетъ предъ нами этотъ принципъ въ качествѣ истиннаго закона дѣйствительности; согласно этому заключенію, вновь изданные законы могутъ погашать даже пріобрѣтенныя права, лишать дѣйствительной силы уже заключенныя сдѣлки и упразднять всѣ вытекающія изъ тѣхъ и другихъ послѣдствія, но не безусловно, а лишь постольку, поскольку они „дальнѣйшее сохраненіе этихъ правъ ставятъ въ зависимость отъ нѣкоторыхъ условій, именно такихъ, вопросъ о принятіи и выполненіи которыхъ рѣшается исключительно свободной волей заинтересованныхъ лицъ“. Такимъ образомъ, здѣсь пріобрѣтенное право уничтожается, и лежавшее въ его основѣ первоначальное волевое дѣйствіе теряетъ свою силу не потому, что этого требуетъ законъ, но потому, что личность не выполняетъ указаннаго условія; слѣдовательно, здѣсь она добровольно отказывается отъ своего права, а не потому, что ея воля подвергается внѣшнему давленію. Отсюда слѣдуетъ, что въ той абсолютной формѣ, въ какой многіе юристы защищаютъ принципъ отрицанія обратнаго дѣйствія

(согласно ихъ ученію, ни одно изъ сложившихся уже правоотношеній не подлежитъ никакому воздѣйствію со стороны вновь издаваемыхъ законовъ), въ такой абсолютной формѣ этотъ принципъ оказывается не только недостаточно полнымъ, но и прямо невѣрнымъ. Если какое-либо новое, требуемое закономъ волевое дѣйствіе не выполняется, то извѣстныя правоотношенія, обладавшія ранѣе дѣйствительной силой, теперь становятся недѣйствительными, но отнюдь не въ силу обратнаго дѣйствія. Ибо никто не можетъ отнести на счетъ обратнаго дѣйствія тотъ фактъ, что отнынѣ, для сохраненія въ полной силѣ прежняго правомѣрно-выполненнаго волевого дѣйствія, законъ требуетъ отъ личности выполненія новаго волевого дѣйствія. Въ противномъ случаѣ „у государства отрицалось бы его положительное право — требовать отъ индавидуумовъ опредѣленныхъ дѣйствій, какъ условія, выполненіемъ котораго они пріобрѣтаютъ право на охрану своихъ гражданскихъ интересовъ со стороны государства". (Стр. 142). Законъ, предъявляющій къ личности такія требованія, можетъ быть дурнымъ и стѣснительнымъ закономъ, но отъ этого онъ не становится закономъ, обладающимъ силой обратнаго дѣйствія, посягающимъ на индивидуальную волю личности. Въ „эмпирическомъ матеріалѣ права" (im „empirisch-juristischen Stoff"), т. е. въ практикѣ законодательства и права, это положеніе проявляется и признается въ массѣ случаевъ, въ самыхъ разнообразныхъ и далеко недвусмысленныхъ формахъ; однако, нигдѣ еще не удавалось извлечь и познать изъ нея ту идею свободной воли, изъ которой исходитъ это положеніе. Вслѣдствіе этого до сихъ поръ еще ни разу не удавалось развить и прослѣдить это положеніе во всѣхъ вытекающихъ изъ него послѣдствіяхъ.

Чтобы доказать свою мысль, Лассаль исторически прослѣживаетъ, какъ на практикѣ разрѣшались всѣ тѣ вопросы права, которые перечислены были въ началѣ параграфа. Мы не станемъ слѣдовать за нимъ въ этомъ историческомъ обзорѣ, но должны на мгновеніе остановиться на одномъ случайномъ замѣчаніи, которое Лассаль попутно вплетаетъ въ общій ходъ своихъ разсужденій. Онъ указываетъ на то, что французскіе юристы, обсуждая вопросъ о пожизненной рентѣ, позволили обмануть себя внѣшнимъ сходствомъ двухъ по существу совершенно различныхъ случаевъ, и формулу, относящуюся къ одному изъ этихъ случаевъ, распространили также на другой, благодаря чему создалось основаніе для прямого посягательства на пріобрѣтенное право; въ связи съ этими соображеніями Лассаль и дѣлаетъ свое примѣчаніе. Оно гласитъ: „Счастье это или несчастье, — но истину невозможно уложить въ одну опредѣленную формулу! Яснымъ доказа-

тельствомъ этого можетъ служить хотя бы тотъ фактъ, что формула, выставленная нами самими въ § 1,—если только брать ее въ прямомъ словесномъ смыслѣ, какъ она выражена, и не вскрывать ея болѣе глубокаго логическаго содержанія, — оказалась уже ложной по отношенію къ тѣмъ случаямъ, которыя мы разсмотрѣли въ этомъ параграфѣ. Ибо всѣ разсмотрѣнные нами здѣсь законы, будучи обращены на личность, реализуются въ ея жизни только черезъ посредство ея собственнаго волевого дѣйствія! Слѣдовательно, наша формула уже здѣсь оказалась ложной, — и тѣмъ не менѣе необходимо признать, что все, развитое нами выше, съ желѣзной необходимостью вытекаетъ изъ формулированнаго въ § 1 понятія. Но формула, какъ таковая, можетъ и должна была оказаться здѣсь ложной, потому что кромѣ прежняго волевого акта, чрезъ посредство котораго новый законъ реализуется въ жизни индивидуума, здѣсь передъ нами на лицо еще новое второе волевое дѣйствіе, выполняемое личностью только послѣ изданія закона,—при отсутствіи этого второго дѣйствія законъ не могъ бы быть обращенъ на личность, и послѣдняя, совершая это дѣйствіе, тѣмъ самымъ добровольно свободно подчиняетъ себя всѣмъ послѣдствіямъ новаго закона.

Точно также и слѣдующій параграфъ является въ сущности отрицаніемъ нашей формулы, хотя мысли, въ немъ развиваемыя, съ строго логической необходимостью вытекаютъ изъ той самой идеи, которая лежитъ въ глубинѣ нашей формулы. Дѣйствительной формулой принципа обратнаго дѣйствія можетъ быть только формула самого понятія, т. е. правило: ни въ коемъ случаѣ нельзя посягать на индивидуальную свободную волю. Но къ чему именно это понятіе обязываетъ и что оно собой отвергаетъ — можетъ раскрыть передъ нами только полный анализъ его богатаго внутренняго содержанія". (Стр. 159).

Мы подошли теперь къ центральному пункту въ разсужденіяхъ Лассаля. Если, согласно положенію, установленному въ этомъ параграфѣ, новый законъ принципіально не можетъ уничтожить ни одного изъ тѣхъ правъ, которыхъ онъ собою касается,—то, однако, предъ нимъ теперь уже открывается достаточно широкій просторъ, чтобы вліять на тѣ формальныя условія, среди которыхъ эти права осуществляются. Такъ, дальнѣйшее обладаніе этими правами онъ ставитъ теперь въ зависимость отъ выполненія личностью новыхъ опредѣленныхъ волевыхъ актовъ, онъ пріобрѣтаетъ теперь по отношенію къ этимъ правамъ модифицирующую силу. Сообразно плану своей работы, Лассаль постепенно, путемъ послѣдовательнаго развитія своей теоріи, возноситъ теперь читателя на такую идейную

вершину, съ высоты которой предъ нимъ открывается, что законъ и пріобрѣтенное право не представляютъ собою чуждыхъ другъ друга, взаимно исключающихъ категорій, но что законъ вторгается въ сферу владѣній права и подчиняетъ ее своему духовному вліянію. Въ слѣдующемъ параграфѣ, одномъ изъ важнѣйшихъ во всемъ произведеніи Лассаля (въ письмѣ къ Марксу отъ 28 іюля 1861 года Лассаль называетъ этотъ и 10 §§ „основными устоями перваго тома, ради систематическаго развитія которыхъ —въ связи съ § 1—я собственно и задумалъ первоначально написать все сочиненіе“; а въ письмѣ къ Родбертусу, пересылая ему свою книгу, онъ пишетъ, что пересылаетъ ее „главнымъ образомъ ради § 7 перваго тома“); въ этомъ седьмомъ параграфѣ мы увидимъ, что законъ, какъ выраженіе правосознанія народа въ соотвѣтствующій моментъ его развитія, обладаетъ по отношенію къ пріобрѣтенному праву совершенно особымъ, еще болѣе проникающимъ вліяніемъ.

Если Лассаль этотъ параграфъ отнесъ къ тому же отдѣлу, къ которому принадлежатъ и предыдущіе параграфы, то, однако, сравнительно съ ними онъ, не только по содержанію, но и по самой величинѣ своей, занимаетъ въ этомъ отдѣлѣ исключительное положеніе. Будетъ поэтому вполнѣ справедливо, если мы, при нашемъ суммарномъ изложеніи книги, этимъ параграфомъ начнемъ новую главу.

VI. Изъ отдѣла: Понятіе и его развитіе.

Продолженіе.

(Томъ I, часть II, отдѣлъ III, § 7).

Если первая часть книги своимъ подзаголовкомъ имѣла „Примиреніе положительнаго права съ философіей права“, то этотъ параграфъ, которому, какъ мы говорили, Лассаль придавалъ огромнѣйшую цѣнность, можно было бы спеціально озаглавить такимъ образомъ: „Примиреніе принципа положительнаго права съ принципомъ революціи“. Въ этомъ параграфѣ Лассаль, главнымъ образомъ, подвергаетъ изслѣдованію вопросъ о внутренно-логическомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и реально-фактическомъ вліяніи абсолютныхъ или принудительныхъ законовъ,—т. е. такихъ законовъ, по отношенію къ которымъ частная воля не въ правѣ заключать никакихъ особыхъ договоровъ,—на пріобрѣтенныя права; далѣе—вопросъ о вознагражденіи за права отмѣняемыя и, наконецъ, во-

просъ о природѣ, собственно — о принципіальномъ раздѣленіи на группы абсолютныхъ законовъ. Вступительныя положенія, которыми Лассаль начинаетъ свое изслѣдованіе, по своей важности, заслуживаютъ того, чтобы привести ихъ цѣликомъ. Они формулированы у него такимъ образомъ:

„Каждое лицо, черезъ посредство своихъ дѣйствій, черезъ посредство односторонняго или двухсторонняго договора, можетъ обезпечить для себя или другихъ лицъ какія-либо права только въ томъ случаѣ, если и поскольку это разрѣшается существующими законами.

Можетъ показаться страннымъ, что въ научномъ изслѣдованіи, посвященномъ вопросамъ права, считаютъ нужнымъ съ такой обстоятельностью формулировать такое элементарное, само собой разумѣющееся, положеніе.

И, однако, именно въ небрежномъ и невнимательномъ отношеніи къ этому элементарному простому положенію и къ вытекающимъ изъ него заключеніямъ и таится источникъ тѣхъ безчисленныхъ трудностей, которыя были созданы для себя самими же изслѣдователями, а также тѣхъ многочисленныхъ грубыхъ заблужденій, въ которыя непрестанно впадали изслѣдователи при каждой попыткѣ преодолѣть эти трудности. Ибо въ предыдущемъ положеніи уже содержится слѣдующее само собой изъ него вытекающее новое положеніе: каждое лицо можетъ себѣ и другимъ обезпечить какія-либо права лишь постольку и лишь на столь продолжительное время, поскольку и какъ долго существующіе въ каждый данный моментъ законы разсматриваютъ эти права, со стороны ихъ содержанія, какъ дозволенныя.

Другими словами: въ этомъ положеніи мы имѣемъ передъ собой логическую основу для того разрушительнаго (и, однако, совершенно свободнаго отъ какой бы то ни было связи съ принципомъ обратнаго дѣйствія) воздѣйствія, которое присуще запретительнымъ или принудительнымъ законамъ по отношенію къ ранѣе заключеннымъ договорамъ, — и въ настоящее время нашей задачей является—ближе развить и обосновать правомѣрность такого воздѣйствія, его логическія границы и его согласіе съ нашей теоріей индивидуальной свободной воли.

Эта правомѣрность и вмѣстѣ съ тѣмъ, — что по существу одно съ другимъ совпадаетъ—полная неприкосновенность (Nichtverletzung) принципа правомѣрно-осуществляемой свободной воли выражаются въ слѣдующемъ общемъ для нихъ обоихъ положеніи, обоснованіе котораго должно послѣдовать сейчасъ-же вслѣдъ за его формулировкой:

въ каждомъ договорномъ актѣ съ самаго начала мыслится молчаливо подразумѣваемая въ немъ оговорка, что выговоренное въ этомъ актѣ для себя или для другихъ лицъ право должно обладать дѣйствительной силой лишь до тѣхъ поръ, пока законодательство вообще будетъ разсматривать такое право, какъ допустимое.

И въ каждомъ договорномъ актѣ эту подразумѣваемую въ немъ оговорку необходимо понимать, какъ добровольное выраженіе собственной воли заинтересованныхъ лицъ, потому что противоположно-выраженная воля была бы тѣмъ самымъ съ перваго же момента волей неправомѣрной, а потому не имѣющей силы". (Стр. 163 и 164).

Аргументація этого положенія,—неоднократно, впрочемъ, съ тѣхъ поръ подвергавшагося всевозможнымъ нападкамъ,—отличается большой простотой. „Единственный источникъ права есть общее сознаніе всего народа, всеобщій духъ". Со времени Гегеля эта идея теоретически считается столь твердо установленной, что нѣтъ нужды приводить въ ея защиту какія-либо новыя доказательства; а со времени Савиньи она такъ прочно укрѣпилась даже и среди позитивно-настроенныхъ юристовъ, что и съ ихъ стороны нечего опасаться возраженій. Савиньи, который также охотно вспоминаетъ объ этой идеѣ всякій разъ, какъ ему приходится касаться пріобрѣтенныхъ правъ, повиненъ только въ томъ, что онъ не подвергаетъ эту идею исчерпывающему анализу и не выводитъ изъ нея всѣхъ, существенно важныхъ для нашего вопроса, заключеній. А этотъ анализъ приводитъ къ такому заключенію:

„Съ точки зрѣнія права, представляется совершенно невозможнымъ, чтобы индивидуумъ стремился отказаться отъ своей общности съ этой единственной субстанціей права, разорвать соединяющую его съ нею общую связь и обезпечить для себя твердую устойчивость въ процессѣ ея вѣчнаго движенія". Такое стремленіе привело бы только къ абсолютному отрицанію права (das absolute Unrecht), къ уничтоженію самой идеи права, которая именно и заключается только въ этой общности, только въ томъ, что то, что въ каждый данный моментъ составляетъ абсолютное содержаніе всеобщаго сознанія, вмѣстѣ съ тѣмъ является „дѣйствительнымъ содержаніемъ и для всѣхъ отдѣльныхъ личностей"... Стремиться пріобрѣсти какое-нибудь право и вмѣстѣ съ тѣмъ желать сохранить его за собой также и на то время, когда всеобщее сознаніе уже перестанетъ считать его допустимымъ и дозволительнымъ правомъ,—это значитъ „одновременно, единымъ разомъ, и утверждать—и отвергать,

и провозглашать—и отрицать тотъ принципъ, права который служитъ основой всѣхъ пріобрѣтенныхъ правъ, именно—единеніе со всеобщимъ сознаніемъ!“ (Стр. 165).

Въ связи съ этимъ положеніемъ Лассаль высказываетъ слѣдующее замѣчаніе, которое содержитъ въ себѣ одинъ изъ сильнѣйшихъ аргументовъ, когда-либо направлявшихся противъ анархической доктрины, поскольку она исходитъ изъ теоріи естественнаго права.

„Индивидуумъ никогда не можетъ стремиться—чрезъ пріобрѣтеніе какого-нибудь права выйти изъ сферы воздѣйствія всеобщаго правосознанія. Такая независимость отъ всеобщаго правосознанія, логически разсуждая, могла бы въ каждомъ случаѣ осуществиться только при условіи воздержанія отъ пріобрѣтенія того или иного права; слѣдовательно, только такой индивидуумъ могъ бы дѣйствительно стоять совершенно внѣ сферы этого воздѣйствія, который (если-бы только вообще возможно было мыслить такой случай),—какъ сейчасъ, такъ и вообще всегда—не обнаруживалъ бы ни малѣйшаго стремленія къ пріобрѣтенію, пользованію и обладанію какимъ бы то ни было правомъ“.

„Если бы только вообще было возможно мыслить такой случай“. Иначе говоря—такой случай является немыслимымъ. Такой случай есть простая абстракція отъ всѣхъ формъ извѣстнымъ образомъ урегулированной общественной совмѣстной жизни.

Свой аргументъ Лассаль направляетъ здѣсь собственно не противъ анархизма, но противъ консервативной школы права, которая отрицаетъ за законами правомочіе отчуждать чьи-нибудь пріобрѣтенныя права одностороннимъ способомъ, именно—безъ вознагражденія. Въ связи съ этимъ аргументомъ Лассаль далѣе доказываетъ, что всѣ выше развитыя соображенія нисколько не теряютъ своей силы даже по отношенію къ тѣмъ случаямъ, когда законъ разрѣшаетъ индивидууму—закрѣпить навѣки за собой какое-нибудь опредѣленное право и обезпечить себя такимъ образомъ отъ всякихъ будущихъ перемѣнъ въ законодательствѣ, которыя могли бы вести къ отрицанію этого права. Такой законъ могъ бы обладать дѣйствительной силой вообще не болѣе продолжительное время, какъ и всякій другой законъ, т. е. сила за нимъ сохраняется лишь до тѣхъ поръ, пока онъ самъ продолжаетъ существовать въ качествѣ закона; такой законъ, стремящійся увѣковѣчить право, могъ создаться только на почвѣ „ложнаго пониманія внутренней и вѣчной природы всякаго права“, и, „разумѣется, при болѣе глубокомъ и правильномъ уразумѣніи права, какъ воплощенія послѣдовательно смѣняющихся моментовъ въ процессѣ

развитія всеобщаго разума, такой законъ долженъ былъ бы самъ собой немедленно и безслѣдно исчезнуть".

„Такимъ образомъ для индивидуума нѣтъ возможности нигдѣ, ни на одномъ пунктѣ территоріи права водрузить знамя своего господства и объявить себя здѣсь самодержавнымъ на всѣ времена и относительно всѣхъ будущихъ принудительныхъ или запретительныхъ (прогибитивныхъ) [1] законовъ. Ибо ничто иное, какъ именно этотъ принципъ самодержавности личности, лежитъ въ основѣ того требованія, согласно которому пріобрѣтенное право должно сохранять свою силу даже на тѣ времена, когда именемъ прогибитивныхъ законовъ оно будетъ объявлено болѣе недопустимымъ". (Стр. 166).

Водрузить знамя своего личнаго господства на территоріи права—это равносильно тому, если-бы кто-нибудь, вонзивъ его древко въ какой-нибудь точкѣ земного шара, сталъ стремиться сохранить его неподвижнымъ въ то самое время, какъ весь земной шаръ, къ которому прикрѣплено это древко, находится въ вѣчномъ движеніи. Здѣсь таится „истинный смыслъ такъ часто повторявшагося афоризма: нѣтъ права противъ права",— и нашъ принципъ является въ сущности простымъ развитіемъ той идеи права, которая усвоена [2]) всей современной философіей, а позднѣе мы

[1]) Прогибитивные законы суть такіе законы, которые воспрещаютъ опредѣленныя дѣйствія и правоотношенія (отъ латинскаго глагола prohibere—воспрещать, препятствовать), иначе говоря, ставятъ ихъ внѣ сферы права.

[2]) Здѣсь Лассаль, въ особомъ примѣчаніи, въ качествѣ примѣра, приводитъ одно положеніе Фихте, содержащееся въ оставшихся послѣ него замѣткахъ, которыя были напечатаны въ седьмомъ томѣ полнаго собранія сочиненій Фихте, а впослѣдствіи были, въ извлеченіи, опубликованы имъ отдѣльно подъ названіемъ: „Политическое завѣщаніе Фихте". Положеніе это формулировано такимъ образомъ: „Человѣкъ не можетъ давать никакихъ обѣщаній, не можетъ связывать себя ничѣмъ, что шло бы въ разрѣзъ съ его собственнымъ назначеніемъ.—Глубже выражая мысль: не можетъ быть вообще, на мой взглядъ, никакихъ дѣйствительныхъ обязательствъ, кромѣ тѣхъ, которыя требуются самимъ правомъ". Въ цитированномъ мѣстѣ рѣчь идетъ о присягѣ на вѣрноподданство. Въ болѣе общей формѣ эта мысль развивается Фихте въ его трактатѣ о французской революціи. Достаточно взять отсюда только одну цитату: „Если-бы въ общественномъ договорѣ подразумѣвалась оговорка, согласно которой онъ долженъ навѣки оставаться неизмѣннымъ,—то это было бы самымъ жестокимъ противорѣчіемъ съ духомъ человѣчества". (Фихте. Собр. сочиненій, томъ VI, стр. 103). Во всякомъ случаѣ, вышеприведенное положеніе Лассаля можетъ служить

увидимъ, что, въ силу своей обязательной логической природы, онъ, какъ руководящій дѣйственный моментъ, проявлялся даже въ юридическомъ творчествѣ древне-римскихъ юристовъ".

Послѣ всего сказаннаго выше сразу же становится ясной „вся безсодержательность и глубокое противорѣчіе съ духомъ права тѣхъ безсмысленныхъ негодующихъ воплей, которые со стороны заинтересованныхъ лицъ раздаются всякій разъ, какъ общественный духъ въ своемъ вѣчномъ неустанномъ саморазвитіи достигаетъ такой ступени, находясь на которой, онъ объявляетъ отнынѣ законченнымъ существованіе какого-нибудь прежняго права, напримѣръ—отмѣняетъ институтъ крѣпостничества, подвластности (Hörigkeit), Robbotten, уничтожаетъ феодальное право ссылки и понужденія, отмѣняетъ повинности и оброки опредѣленнаго рода, право охоты, свободу отъ уплаты поземельнаго налога, право наслѣдованія по системѣ фидеикомиссовъ и т. д. О какомъ бы то ни было обратномъ дѣйствіи и какомъ бы то ни было посягательствѣ на пріобрѣтенныя права во всѣхъ этихъ случаяхъ, какъ мы уже видѣли, не можетъ быть и рѣчи". (Стр. 167).

Здѣсь Лассаль временно прерываетъ общій ходъ своихъ разсужденій, чтобы на одномъ философѣ права—нѣкоемъ Фр. I. Сталѣ, который въ то время представлялъ собою наиболѣе крупную научную величину въ лагерѣ феодальныхъ консерваторовъ,—попробовать силу выкованнаго имъ оружія, т. е. свою теорію пріобрѣтенныхъ правъ противопоставить теоріи этого „идеолога умирающаго міра", какъ онъ его называетъ. Нечего и говорить, что въ этомъ идейномъ состязаніи Сталь, несмотря на всю свою крупную научную силу, терпитъ самое жестокое пораженіе. Именно потому, что, при своей духовной одаренности, онъ долженъ былъ сдѣлать извѣстныя уступки праву, понимаемому въ эволюціонномъ смыслѣ,—именно поэтому въ его теоріи и должны были обнаружиться тѣ многочисленные принципіальные изъяны, которые и дали Лассалю богатый матеріалъ для жестокаго осмѣянія своего противника. Онъ бросаетъ ему въ лицо ворохъ его собственныхъ фразъ и показываетъ, что именно тѣ самыя теоріи, при помощи которыхъ Сталь пытался обосновать логическую силу ученій, оставшихся намъ отъ феодальнаго міра,—именно эти теоріи доставляютъ „коммунистамъ", съ которыми воюетъ Сталь, самое дѣйствительное и вѣрное оружіе, какое только можно придумать, для борьбы съ милыми его

свидѣтельствомъ того, что основная идея „Системы пріобрѣтенныхъ правъ" не оставалась чуждой и духу самого Фихте.

сердцу идеями; Лассаль иронически замѣчаетъ, что у Сталя „среди невообразимаго хаоса понятій самыя жестокія противорѣчія мирно похрапываютъ другъ возлѣ друга“. Съ такой же ироніей онъ говоритъ про него, что Сталь, какъ волокита, любезничаетъ съ современной философіей, чего, однако, никто не можетъ дѣлать, не принимая стыда на свою душу; онъ издѣвается надъ нимъ, говоря, что Сталь, тотъ самый Сталь, который вѣчно воевалъ съ якобинцами, самъ, однако, въ концѣ концовъ заразился якобинскимъ ядомъ, неизбѣжно отравляющимъ кровь всѣмъ, кто ни приближается къ современной философіи,—и принялся теперь направо и налѣво раздавать отпущенія грѣховъ за „насильственное уничтоженіе пріобрѣтенныхъ правъ по политическимъ мотивамъ“ (собственная фраза Сталя). Возвращаясь къ своей темѣ, онъ рѣзко замѣчаетъ, что „если онъ и позволилъ себѣ эту маленькую экскурсію въ сторону, то только для того, чтобы попутно показать, съ помощью какой безсодержательной и безсмысленной, внутренно противорѣчивой болтовни можно въ наши дни пріобрѣсти себѣ репутацію мыслителя, и гдѣ-же? —на родинѣ великаго Гегеля“.

Изъ всей этой, въ цѣломъ уже устарѣвшей, конечно, полемики мы возьмемъ только одно мѣсто, о которомъ намъ уже приходилось упоминать раньше.

По поводу „Варѳоломеевской ночи собственности“, какъ онъ называетъ знаменитую ночь 4 августа 1789 года, когда за одинъ разъ было покончено со всѣми феодальными правами, Сталь пишетъ между прочимъ: „Нѣтъ такого времени, которое было бы призвано творить судъ надъ прошлымъ и по своей волѣ, и по своей оцѣнкѣ признавать или отвергать тѣ права, которыя исходятъ изъ этого прошлаго“. На это Лассаль отвѣчаетъ, что само по себѣ положеніе „нѣтъ такого времени, которому принадлежало бы право подвергать своему суду прошлое“ является вполнѣ правильнымъ, но что къ заключенію, которое Сталь изъ него стремится вывести, оно отнюдь не обязываетъ. „Наоборотъ, та самая автономія, которую господинъ Сталь признаетъ здѣсь за каждой эпохой, необходимо подразумѣваетъ, что ни одна эпоха не можетъ пребывать подъ властью другой эпохи; что, слѣдовательно, ни одна эпоха правомѣрнымъ путемъ не можетъ быть обязана—хранить и беречь въ себѣ то, что противорѣчитъ ея собственному правосознанію, что ею отнынѣ разсматривается, какъ воплощеніе безправія, но не права. Если бы настоящее дѣйствительно находилось бы подъ властью правовыхъ нормъ прошлаго, тогда истина, что каждая эпоха обладаетъ въ сферѣ права полной автономіей, пере-

стала бы быть истиной; и если-бы только въ принципѣ можно было допустить, что хотя-бы только одна эпоха можетъ стоять подъ властью правовыхъ нормъ другой эпохи, тогда въ лицѣ этого допущенія мы имѣли бы передъ собой логическій и юридическій базисъ, опираясь на который мы были бы въ правѣ перевернуть отношенія и, на этотъ разъ само прошлое подчинить правовымъ нормамъ болѣе развитаго и болѣе могущественнаго настоящаго, одарить настоящее, вопреки духу истиннаго права, силой обратнаго дѣйствія относительно прошлаго и произвести въ немъ такимъ образомъ настоящія революціонныя преобразованія (durchwühlen), т. е. дѣйствія, признаваемыя, съ точки зрѣнія совершеннаго правосознанія, недопустимыми и неправомѣрными, признать такими же недопустимыми и недѣйствительными въ самый моментъ ихъ зарожденія. Сами „коммунисты", съ которыми господинъ Сталь полемизируетъ на страницѣ 338, не имѣли бы никакихъ основаній отвергать такія послѣдствія, на которыя обязываетъ эта теорія Сталя!" (Стр. 173).

Каковы эти послѣдствія—ясно само собой.

Въ нихъ лежало бы оправданіе не только экспропріаціи безъ вознагражденія, но экспропріаціи, осложненной возложеніемъ отвѣтственности на носителей стараго права, иначе говоря, въ нихъ лежало бы оправданіе принципа обратнаго дѣйствія, реализируемаго въ своемъ полномъ абсолютномъ содержаніи.

Возвращаясь къ самому факту, Лассаль со своей точки зрѣнія показываетъ, почему именно въ декретахъ знаменитой ночи 4 августа 1789 г., которыми были упразднены права, сложившіяся въ эпоху феодализма, почему именно въ этихъ декретахъ нельзя видѣть никакого посягательства на право и никакого истинно-обратнаго дѣйствія. Права, отмѣненныя въ этихъ декретахъ, „были дѣйствительно пріобрѣтены, — говоритъ онъ, — но съ самаго же начала они были пріобрѣтены не навѣки, а лишь до тѣхъ поръ, пока общественное самосознаніе, въ своемъ неустанномъ процессѣ развитія, не возвысится на такую новую ступень, на которой дальнѣйшее сохраненіе этихъ правъ явится для него уже невозможнымъ съ правовой точки зрѣнія, иначе говоря, лишь до тѣхъ поръ, пока эти права, вмѣсто того, чтобы служить воплощеніемъ субстанціи права, не превратятся для него въ воплощеніе безправія (Unrecht)". (Стр. 181).

Долгое время, пока теорія, въ процессѣ саморазвитія, не возвышается до такой нормы, въ которой съ полной ясностью раскрывается ея внутреннее содержаніе, — истина познается человѣкомъ непосредственно, путемъ „инстинктивной дѣятельности понятія". Благодаря именно такой „инстинк-

тивной дѣятельности“ и оказались для того времени возможными, какъ самые законы, такъ и ихъ логическая защита; — но именно потому, что здѣсь приходилось имѣть дѣло съ проявленіями смутнаго инстинкта, — именно поэтому мы и встрѣчаемся въ этой области съ актами неувѣренности и колебанія, непослѣдовательности и возвратомъ къ старому. Лассаль обнаруживаетъ это прежде всего относительно Мерлинъ фонъ-Дуэ, „вообще говоря, столь проницательнаго въ вопросахъ права мыслителя“. Послѣдній, взявъ подъ свою защиту декреты 4 августа, вынужденъ былъ въ своей аргументаціи обращаться къ помощи такихъ выраженій, какъ, „вѣчный, никогда не старѣющій законъ природы“; спору нѣтъ, въ глубинѣ такихъ выраженій таится предчувствіе истины, но, къ, сожалѣнію, они лишены всякихъ научно-юридическихъ основаній и легко вырождаются въ пустыя декламаціи, которыми можно доказать все, что угодно.

Этими замѣчаніями заканчивается полемика Лассаля съ Савиньи, въ теченіе которой Лассаль развилъ свою, нынѣ сдѣлавшуюся знаменитой, теорію вознагражденія.

Теорія вознагражденія.

Савиньи въ своей „Системѣ современнаго римскаго права“ выставилъ требованіе, согласно которому, при упраздненіи правовыхъ институтовъ, охватывающихъ собой длительныя правоотношенія, должно имѣть мѣсто „истинное полноцѣнное вознагражденіе“ за отчуждаемыя права. При такой системѣ уничтоженія старыхъ правъ „вполнѣ достигается“ любая „истинная политическая или народно-хозяйственная цѣль“, достигается „безъ обогащенія одной стороны на счетъ другой, каковое обогащеніе ни въ коемъ случаѣ не можетъ найти себѣ оправданія въ природѣ самихъ законовъ“.

Противъ этой теоріи Лассаль обрушивается со всей силой своей энергіи. По его мнѣнію, нѣтъ болѣе грубаго заблужденія, чѣмъ именно здѣсь, въ этомъ признаніи права на вознагражденіе.

„Это съ желѣзной, логическою необходимостью вытекаетъ изъ развиваемой нами теоріи. Каждый договорный актъ, которымъ индивидуумъ выговариваетъ для себя какое-нибудь право, можетъ обезпечивать за нимъ дѣйствительность этого (и это подразумѣвается въ немъ съ самаго же момента его заключенія) лишь до наступленія такого момента, когда дальнѣйшее всеобщее существованіе такого права оказывается уже въ противорѣчіи съ самосознаніемъ общественнаго духа, отрицающимъ это

право и объявляющимъ дальнѣйшее сохраненіе этого права невозможнымъ. Право лишь до тѣхъ поръ обладало дѣйствительной силой, пока оно могло и должно было ею обладать. Но вотъ наступилъ роковой день, неизбѣжность котораго съ самаго начала предвидѣлась въ актѣ,—и этимъ все сказано!

Та граница, до которой право могло и должно было обладать дѣйствительной силой, теперь достигнута, — а потому ни съ логической, ни съ юридической точки зрѣнія, предъ нами нѣтъ здѣсь никакихъ основаній требовать вознагражденія.—Здѣсь нѣтъ вообще ничего, что слѣдовало бы вознаграждать. Здѣсь у личности вообще ровно ничего не отнимается, ничего такого, что, какъ при экспропріаціи, можно было бы признать ея правомѣрной собственностью. Признавать здѣсь, тѣмъ не менѣе, право на вознагражденіе, т. е. признавать его тамъ, гдѣ отчуждамое право, по своему содержанію, является уже, передъ лицомъ общественнаго самосознанія, какъ право запрещенное, т. е. находящееся въ противорѣчіи съ правомъ,—это, разсуждая логически, значило бы не что иное, какъ одарять цѣлые классы лицъ или отдѣльныхъ индивидуумовъ правомъ — возлагать на общественный духъ особую дань за его дальнѣйшее развитіе; слѣдовательно, такое признаніе вынуждало бы предполагать, что общественный духъ съ этими классами лицъ или отдѣльными индивидуумами связанъ отношеніемъ вассально-податной зависимости". (Стр. 188, 189).

Однако, сколь „неотразимымъ и убѣдительнымъ" ни представляется этотъ „строго логическій анализъ", — развитыя выше мысли могутъ дать поводъ къ не менѣе грубымъ заблужденіямъ, чѣмъ въ другомъ направленіи — разсужденія Савиньи, и, чтобы устранить ихъ возможность, выдвигается слѣдующее различіе, о которомъ всегда необходимо помнить при дальнѣйшемъ.

„Именно, всегда необходимо обращать вниманіе на то, что именно въ дѣйствительности воспрещается (prohibiert) и исключается правосознаніемъ, наполненнымъ нынѣ новымъ духовнымъ содержаніемъ,— само правовое отношеніе или же только опредѣленный модусъ его реализаціи.

Эта мысль нуждается въ болѣе тонкомъ развитіи.

Право юридически квалифицируется не только черезъ содержаніе того, что въ силу его присвоится, иначе говоря, не только черезъ то требованіе, на которое оно доставляетъ притязаніе, но и черезъ свойство самого юридическаго основанія (Rechtstitel), изъ котораго вытекаетъ

данное притязаніе. Только оба эти момента вмѣстѣ въ состояніи дѣйствительно и опредѣленно квалифицировать каждое право. Я могу предъявить претензію на такую-то сумму денегъ, на такое-то количество продуктовъ, на такія-то услуги. Но остается еще невыясненнымъ вопросъ, изъ какого именно основанія исходитъ мое притязаніе, изъ правъ на мѣновую или потребительную полезность данной вещи, или изъ эмфитевтическаго (возникшаго изъ наслѣдственной аренды) права и т. д., изъ права пользованія, возникшаго по контракту или закону, изъ вещнаго или обязательнаго права, изъ возмезднаго или безвозмезднаго притязанія и т. д.

Слѣдовательно, дѣйствительное право, въ своей юридической опредѣленности, выступаетъ передъ нами лишь тогда, когда къ содержанію и объекту права присоединяется еще юридическое основаніе, изъ котораго исходитъ это право.

Если теперь, съ наступленіемъ новаго момента въ развитіи общественнаго сознанія, отрицательный моментъ, содержащійся въ немъ, долженъ проявиться въ полной мѣрѣ, т. е. если теперь, въ силу этого новаго поворота,—за какимъ-либо опредѣленнымъ вещнымъ или обязательственымъ правомъ отрицается правомѣрность его дальнѣйшаго существованія и одновременно съ тѣмъ принимается, что изъ этого юридическаго основанія (напримѣръ, изъ господско-владѣльческихъ правъ) вообще не должно болѣе возникать никакого права на объектъ прежняго права,— то теперь въ полной силѣ выступаетъ на сцену выше развитое нами заключеніе, — и о вознагражденіи не можетъ быть и рѣчи. Но если общественному сознанію въ его новой стадіи отрицательный моментъ (die Prohibition) оказывается присущимъ не въ полной мѣрѣ, то это означаетъ, что изъ того же самаго юридическаго основанія могутъ еще и теперь продолжать возникать права, и притомъ права также и на прежній объектъ права (собственно—на объектъ права того же самаго рода), съ тѣмъ лишь ограниченіемъ, что теперь, въ силу его особенной вредности и непозволительности исключается прежній опредѣленный видъ право-осуществленія (напримѣръ, теперь отмѣняются вещныя [1]) права, но могутъ сохраниться права обязательственныя и т. д.); разъ дѣло обстоитъ именно такъ, то теперь во всякомъ случаѣ должно наступать извѣстное преобразованіе права. Это преобразованіе можетъ принимать и нерѣдко дѣйствительно принимаетъ форму вознагражденія. Однако, такая

[1]) Вещныя права основываютъ притязанія на вещи, особенно на почву, обязательственныя—наоборотъ—на дѣйствіе лицъ.

форма является лишь его внѣшней обманчивой стороной. На самомъ же дѣлѣ оно является именно только преобразованіемъ, т. е. переведеніемъ даннаго права, признаваемаго еще за право дѣйствительное, изъ воспрещенной (prohibierten) формы его въ форму реализаціи не воспрещенную (unprohibierte). Именно такое преобразованіе должно осуществиться,— по той весьма простой причинѣ, что уничтоженію можетъ быть подвергнуто вообще лишь то, что дѣйствительно отнынѣ воспрещается (prohibiert ist) съ точки зрѣнія новаго правосознанія,—но не болѣе этого. Слѣдовательно, если общественное правосознаніе не противится еще тому, чтобы данное опредѣленное юридическое основаніе могло еще вообще служить опорой для притязаній, именно — притязаній на этотъ опредѣленный объектъ правоотношенія, — тогда (поскольку воспрещеніе (Prohibition) не можетъ быть проведено далѣе указанныхъ ему границъ) должно осуществиться превращеніе (Ueberleitung) даннаго права, разсматриваемаго еще за дѣйствительное право, изъ формы, сдѣлавшейся отнынѣ недозволенной, въ форму пока еще дозволенную. О какомъ бы то ни было вознагражденіи, какъ таковомъ, хотя-бы и въ формѣ денежнаго эквивалента, здѣсь въ дѣйствительности нѣтъ и рѣчи. Фактически воспрещеніе проводится лишь въ такихъ предѣлахъ, въ какихъ оно должно быть проведено съ точки зрѣнія общественнаго духа въ его теперешнемъ состояніи,—не болѣе того; и только въ силу отсутствія воспрещенія (durch die Nichtprohibition) дозволенная форма реализаціи права становится на мѣсто недозволенной, напримѣръ, право на валовой доходъ чужого лица замѣняется правомъ на чистый доходъ, денежная повинность заступаетъ мѣсто натуральной повинности и т. д.“ (Стр. 189—191).

Лассаль въ особомъ замѣчаніи поясняетъ развитыя выше соображенія на примѣрѣ экспропріаціи земельной площади подъ общественныя постройки. Здѣсь только единичный случайный объектъ выводится изъ сферы частнаго распоряженія, самая же категорія (Art) даннаго объекта права (землевладѣніе) остается незатронутой,—поэтому здѣсь должно быть выплачено вознагражденіе. Но и здѣсь вознагражденіе является въ сущности простымъ призракомъ,—на самомъ дѣлѣ здѣсь имѣетъ мѣсто преобразованіе одной опредѣленной и отнынѣ воспрещенной (prohibierten) формы собственности на данную площадь территоріи въ другую форму, пока еще не воспрещенную (nichtprohibierte). Собственность на данную вещь заключается, во-первыхъ, въ обладаніи ея специфической полезностью (ея „единичное своеобразное существованіе“) и, во-вторыхъ, въ обладаніи ея мѣновой стоимостью, которая является общимъ свойствомъ всѣхъ

другихъ вещей. Первое свойство собственности, при экспропріаціи подъ общественныя постройки, просто уничтожается (prohibiert), ибо субъективная цѣнность вещи (такъ называемая Liebhaberpreis) вообще не подлежитъ вознагражденію при ея отчужденіи; но второе свойство собственности остается въ неприкосновенности (unprohibiert), и владѣльцу отчуждаемой вещи выплачивается соотвѣтствующая сумма денегъ.

Въ полномъ согласіи „съ истинной логикой понятія“ Лассаль доказываетъ далѣе, что французское національное собраніе, разрѣшая въ революціонную эпоху вопросъ объ уничтоженіи феодальныхъ привилегій, стѣснявшихъ свободу личности и собственности, дѣйствовало здѣсь въ духѣ именно этого выставленнаго имъ принципа. При разрѣшеніи этого вопроса, только-что конституировавшемуся національному собранію пришлось имѣть дѣло съ двумя обширными и принципіально различными группами правъ: во-первыхъ, съ правами, сложившимися на почвѣ отношеній господства и подчиненія, исходившими, слѣдовательно, изъ чисто личнаго права; и, во-вторыхъ, съ правами, источникомъ которыхъ являлось предоставленіе нуждавшимся земельной площади въ обмѣнъ за извѣстныя услуги съ ихъ стороны, т. е. правами, которыя были пріобрѣтены соотвѣтствующими землевладѣльцами „возмездно“ „auf lästigen Titel“, какъ „возмездныя“. Что касается правъ первой категоріи, то необходимо помнить, что отнынѣ, согласно новому правосознанію, не должны болѣе сохраняться никакія отношенія личнаго господства и подчиненія, что отнынѣ, относительно правъ, никакое неравенство между отдѣльными личностями болѣе не допускается; и поскольку обновленный духъ свою „отрицательную“ (прогибитивную) силу направляетъ не только противъ дальнѣйшаго сохраненія даннаго права въ его конкретно-опредѣленномъ содержаніи, но вмѣстѣ съ тѣмъ и вообще противъ самого юридическаго основанія, на которомъ покоятся эти правоотношенія — постольку его „отрицаніе“ (Prohibition) проявляется въ полной мѣрѣ, и „для вознагражденія не оказывается никакихъ логически-мыслимыхъ основаній“. Совершенно иначе обстоитъ дѣло со второю группою правъ. Что изъ передачи въ чужое пользованіе земельной собственности возникаютъ извѣстныя реальныя повинности и обязательственныя права на опредѣленныя человѣческія дѣйствія,— противъ этого новое правосознаніе не протестуетъ, оно желаетъ только уничтожить опредѣленныя формы (Arten) реализаціи этихъ правъ, уничтожить потому, что считаетъ ихъ вредными или—какъ напримѣръ, относительно неподлежащихъ погашенію натуральныхъ платежей и повинностей— несовмѣстимыми съ присущей ему идеей личной свободы. Не самое право,

только его непогашаемость (его вѣчность), не субстанцію права, но только опредѣленную форму его реализаціи, — отрицаетъ отнынѣ новое правосознаніе; такимъ образомъ, право становится теперь отчуждаемымъ по выкупу, но этотъ выкупъ имѣетъ „только чисто внѣшнее сходство съ вознагражденіемъ за уничтоженное право (für ein Prohibiertes) на самомъ же дѣлѣ, логически, онъ является продолженіемъ стараго права, самого по себѣ еще не подвергшагося запрету (noch nicht Prohibierten)". Но если-бы уничтоженіе этихъ правъ основывалось исключительно на томъ, что первоначально эти права были конституированы, какъ права, вообще не подлежащія погашенію (вѣчныя),—тогда выкупъ за эти права, былъ бы проявленіемъ дѣйствительнаго, т. е. неправомѣрнаго (verwerfliche) обратнаго дѣйствія. Сообразно этому, уже въ первомъ декретѣ знаменитой августовской ночи было сказано:

„Національное собраніе цѣликомъ и совершенно отмѣняетъ весь феодальный режимъ и постановляетъ, что изъ всѣхъ феодальныхъ и ленно-податныхъ правъ и обязанностей, тѣ, которыя относятся къ сферѣ дѣйствительной или личной „мертвой руки" или личныхъ сервитутовъ, упраздняются безъ всякаго вознагражденія, — всѣ же остальныя объявляются подлежащими выкупу".

Въ декретѣ, изданномъ тѣмъ же національнымъ собраніемъ отъ 15 марта 1790 года, этотъ августовскій декретъ приводится къ своему чистому логическому выраженію.

Въ началѣ этого параграфа указывалось, что въ каждомъ договорномъ актѣ безусловно необходимо предполагать молчаливо подразумѣваемое имъ допущеніе, согласно которому право, конституированное въ этомъ актѣ, должно обладать дѣйствительной силой лишь до тѣхъ поръ, пока общественный духъ признаетъ его допустимымъ правомъ; теперь Лассаль заключаетъ, что, согласно выше развитымъ положеніямъ, въ каждомъ такомъ договорномъ актѣ необходимо подразумѣвать еще новое молчаливое условіе, именно слѣдующее:

„До тѣхъ поръ, пока на этомъ самомъ юридическомъ основаніи и по отношенію къ этому самому объекту права, можетъ еще вновь пріобрѣтаться право на какое-нибудь притязаніе, признаваемое, слѣдовательно, за притязаніе правомѣрное, — до тѣхъ поръ это право, конституированное для себя индивидуумомъ, должно существовать въ какой-либо новой (но какой угодно) формѣ и въ какой-либо новой опредѣленности (Bestimmtheit), съ тѣмъ лишь условіемъ, чтобы эта новая форма и новая опре-

дѣленность (Bestimmtheit) признавались бы допустимыми съ точки зрѣнія правосознанія новаго законодателя; слѣдовательно, въ любой формѣ, въ какой только, на почвѣ этого самаго юридическаго основанія и по отношенію къ этому самому объекту права, могутъ еще, даже послѣ изданія новаго закона, вновь пріобрѣтаться права". (Стр. 194).

Если съ этой достигнутой теперь точки зрѣнія подвергнуть изслѣдованію прусскій законъ отъ 2 марта 1850 года, именно содержащіяся въ немъ опредѣленія относительно регулированія и уничтоженія помѣщичьихъ и крестьянскихъ отношеній,—то мы,—говоритъ Лассаль,—должны въ концѣ нашего анализа прійти къ самымъ „плачевнымъ" относительно этого закона заключеніямъ. Правда, въ параграфѣ третьемъ этого закона содержатся опредѣленія, которыя даютъ поводъ думать, что авторы закона исходили какъ будто-бы изъ принципа, формулированнаго Лассалемъ, и держались того же строя идей, какъ и дѣятели французскаго національнаго собранія; именно, слѣдующія опредѣленія:

„платежи и повинности, сложившіяся на почвѣ прежнихъ помѣщичьихъ, протекціонныхъ (schutzherrliche) и владѣльческихъ правъ, если они, не принадлежа къ категоріи общественныхъ налоговъ, обладаютъ все-же свойствами налоговъ",

согласно § 3 абз. 10, подлежатъ уничтоженію безъ всякаго вознагражденія; а въ концѣ того же параграфа постановляется:

„поскольку, однако... имѣющіеся въ виду услуги, платежи и повинности были установлены дѣйствительно въ обмѣнъ за отчужденную или переданную въ пользованіе землю",

постольку обязательство безвозмезднаго погашенія на нихъ не распространяется. Однако, эти провозглашенные здѣсь принципы немедленно же и открыто нарушаются послѣдующими дополнительными опредѣленіями. Такъ, согласно абзацу 2 параграфа 11 закона, ungemessene услуги также подлежатъ выкупу. Охваченный справедливымъ негодованіемъ, Лассаль пишетъ по этому поводу (интересно эти разсужденія Лассаля сравнить съ соотвѣтствующими разсужденіями Фихте — въ его неоднократно упоминавшейся нами статьѣ. См. сочиненія Фихте, томъ VI, стр. 179 и слѣдующія, также стр. 230 и слѣд.):

„Ungemessene услуги носятъ въ себѣ такое ясное свидѣтельство своего феодальнаго происхожденія, что даже самъ прусскій законодатель не могъ отрицать этого. Въ прусскомъ законѣ отъ 25 сентября 1820 года (Сводъ законовъ, стр. 169), изданномъ для вестфальскихъ,

горныхъ и ганзейскихъ округовъ страны, содержатся слѣдующіе параграфы, включаемые сюда какъ бы нарочно, чтобы устранить всякія сомнѣнія относительно того, дѣйствительно-ли эти права были уничтожены во французскую эпоху:

§ 3. „Крѣпостное состояніе и наслѣдственная зависимость (Erbuntertänigkeit) уничтожаются со всѣми ихъ послѣдствіями“.

§ 4. „Къ этимъ послѣдствіямъ относятся и потому упраздняются:... № 4 всѣ ungemessenen углуги, хотя-бы даже обусловленныя фактомъ обладанія какой-нибудь земельной площадью“.

И если тѣмъ не менѣе законъ теперь постановляетъ, что эти услуги подлежатъ погашенію лишь по выкупу, то этотъ фактъ является не только интереснымъ показателемъ того, какъ далеко ушло впередъ наше конституціонное законодательство отъ эпохи абсолютизма, но свидѣтельствуетъ еще кое о чемъ другомъ, гораздо болѣе важномъ.

Наука, первой обязанностью которой является строго неумолимая послѣдовательность мысли, не можетъ поэтому ни въ коемъ случаѣ отказаться отъ своего права — со всей, ей одной свойственной силой и опредѣленностью выраженій вскрыть передъ нами истинное содержаніе понятій, какъ бы рѣзкимъ оно намъ ни показалось. А потому мы обязаны сказать, что разъ законъ — тѣ личныя услуги, которыя самъ прусскій законодатель призналъ „послѣдствіями крѣпостничества и наслѣдственной зависимости“, что разъ законъ эти личныя услуги объявилъ подлежащими погашенію только по выкупу, слѣдовательно, призналъ за ними право на дальнѣйшее существованіе, то этотъ законъ является ничѣмъ инымъ, какъ преступленіемъ противъ права, — ограбленіемъ бѣдныхъ людей въ пользу богатой земельной аристократіи.

Въ средніе вѣка еще можно было — правомѣрнымъ путемъ (ибо положительное право всегда должно служить только отраженіемъ правосознанія данной эпохи) облагать крестьянскія помѣстья и ихъ владѣльцевъ феодальными повинностями, исходя при этомъ изъ дѣйствительныхъ для того времени (damals geltender) отношеній общественнаго права, хотя историческая дѣйствительность и свидѣтельствуетъ о томъ, что эти феодальныя повинности сложились путемъ насилія, узурпаціи и подчиненія. Но совсѣмъ другое дѣло—дальнѣйшее сохраненіе феодальныхъ правовыхъ институтовъ и ихъ капитализацію санкціонировать теперь, въ такую эпоху, которая не вѣритъ больше въ это право, санкціонировать ихъ въ то самое время, когда неправомѣрность и недѣйствительность (Widerrechtlichkeit und Ungültigkeit) всѣхъ правъ, стоящихъ подъ знакомъ феодализма,

самимъ законодателемъ прокламируется, какъ повелительный законъ всеобщаго правосознанія. (Ср. еще ст. 42 конституціи 31 января 1850 года) [1]). Этотъ недостатотъ вѣры къ самому себѣ, это удержаніе стараго права посредствомъ его капитализаціи, удержаніе его вопреки властнымъ заявленіямъ со стороны собственнаго правосознанія, превращаетъ предписываемый по закону выкупъ въ преступное, по отношенію къ праву и собственному правосознанію, посягательство на собственность бѣднѣйшихъ классовъ населенія въ пользу землевладѣльческой знати, превращаетъ его, слѣдовательно, въ актъ грабительства" [2]). (Стр. 199—201).

Лассаль показываетъ, что аналогичныя узаконенія были изданы относительно пошлинъ, выплачиваемыхъ при переходѣ владѣнія изъ рукъ въ руки (Bezitzveränderungsabgaben), такъ называемыхъ „Laudemien". Интересно далѣе отмѣтить слѣдующій любопытный фактъ: въ то время, какъ французское національное собраніе — тѣ платежи и повинности, которыя оно не отмѣнило цѣликомъ, объявило „доступными погашенію", т. е., во имя провозглашеннаго имъ принципа свободы личности и почвы, уничтожило присущее имъ ранѣе свойство безусловной неотчуждаемости (die Zwangsbestimmung der Unablöslichkeit),—прусское законодательство въ реакціонную эпоху значительно оставило позади себя революціонную Францію, поскольку оно провозгласило обязательность (Zwang) ихъ погашенія; но въ позднѣйшую эпоху, закономъ 2 марта 1850 года, выкупъ этихъ услугъ и повинностей, совершаемый на основѣ ихъ капитализаціи, былъ снова поставленъ въ зависимость отъ обоюднаго соглашенія заинтересованныхъ сторонъ. А совсѣмъ недавно, въ сессію 1850—1860 года, либеральное министерство (министерство Шверинъ-Ауэрсвальдъ), защищая въ ландтагѣ внесенный имъ проектъ упраздненія, на почвѣ извѣстнаго вознагражденія, прежней свободы отъ поземельнаго обложенія, — мотивировало его слѣдующимъ любопытнымъ образомъ: правительство, говорило оно, „надѣется" путемъ такого закона „привести къ

---

[1]) Согласно этой конституціи, всѣ повинности, коренившіяся въ помѣщичьемъ и т. п. правѣ, объявлялись „подлежащими упраздненію безъ вознагражденія".

[2]) Это есть то самое мѣсто, на которое Лассаль, иронизируя надъ своими судьями, ссылался въ своей защитительной рѣчи „Наука и работники", какъ на доказательство того, что можно было раньше безнаказанно высказывать въ самой Пруссіи въ научномъ сочиненіи.

удовлетворительному разрѣшенію вопросъ, который иначе, если таковое его разрѣшеніе не послѣдуетъ въ скоромъ времени, грозитъ быстро же принять постановку, гораздо болѣе опасную и менѣе внимательную къ интересамъ собственниковъ"; эта мотивировка даетъ намъ ключъ къ пониманію слѣдующаго „радикальнаго" опредѣленія Лассаля: „Феодальный духъ чувствуетъ, что дни его сочтены, и съ судорожной поспѣшностью онъ обѣими руками обшариваетъ теперь карманы народа, чтобы еще раньше, чѣмъ раздастся роковой для него крикъ пѣтуховъ, успѣть, при помощи новаго насилія, превратить свое феодальное владычество въ владычество буржуазное". (Стр. 202). Въ особомъ примѣчаніи Лассаль отпускаетъ затѣмъ нѣсколько заслуженныхъ комплиментовъ по адресу прусскаго Верховнаго Трибунала, показывая на нѣсколькихъ постановленіяхъ послѣдняго, какъ глубоко онъ сумѣлъ проникнуть въ истинный „духъ" этого закона. Необходимо самому ознакомиться съ этими комментаріями Лассаля, чтобы понять всю сокрушительную силу ироніи, съ которой Лассаль выражаетъ свое глубочайшее почтеніе къ прусскимъ судьямъ—въ письмѣ къ Марксу.

Послѣ нѣсколькихъ короткихъ замѣчаній о недопустимости вознагражденія при упраздненіи крѣпостного состоянія, хотя-бы даже крѣпостные были пріобрѣтены посредствомъ покупки (лицо продающее, при продажѣ принадлежащей ему вещи, вообще не можетъ передавать съ него покупателю никакихъ болѣе значительныхъ правъ, чѣмъ тѣ, которыми оно само обладаетъ, и каждое юридическое свойство продаваемой вещи переходитъ при продажѣ въ руки покупателя съ тѣми самыми изъянами, которые ему вообще свойственны по самой природѣ), Лассаль съ точки зрѣнія своей теоріи подвергаетъ изслѣдованію законъ объ охотѣ, принятый прусскимъ національнымъ собраніемъ 31 октября 1848 года; согласно этому закону, отнынѣ совершенно отмѣнялось владѣльческое право охоты, отмѣнялось безъ всякаго вознагражденія, даже и въ тѣхъ случаяхъ, какъ бы рѣдки они ни были,—когда земельные собственники могли бы представить доказательства, что данное право отчуждалось ими въ пользованіе окрестныхъ крестьянъ на извѣстныхъ условіяхъ; Лассаль находитъ, что, издавая такой законъ, національное собраніе совершало несомнѣнное нарушеніе основного принципа, хотя въ извиненіе ему и можно сказать, что это нарушеніе не могло вести къ серьезнымъ послѣдствіямъ и, совершая его, собраніе находилось подъ властнымъ вліяніемъ своего времени, — но все-же константировать это нарушеніе принципа приходится. Ибо, разъ

законъ при извѣстныхъ условіяхъ разрѣшаетъ и теперь отчуждать подъ аренду право охоты,—то совершенно нельзя понять, почему именно такое право, сложившееся на почвѣ ранѣе заключенныхъ договоровъ, должно подлежать упраздненію безъ всякаго вознагражденія и безъ превращенія его въ какую-либо новую допускаемую закономъ форму, — напримѣръ, въ арендное право на самый продолжительный срокъ, какой только допускается въ новомъ законѣ (12 лѣтъ).

Въ письмѣ къ Францу Дункеру, которое мы цитировали въ другомъ мѣстѣ, Лассаль ссылается на эти соображенія, какъ на доказательство строгой безпристрастности своего произведенія.

Затѣмъ Лассаль переходитъ къ упоминавшемуся уже раньше вопросу объ освобожденіи нѣкоторыхъ классовъ земельныхъ собственниковъ отъ уплаты поземельнаго налога. Запретительный (prohibitieve) принципъ правосознанія гласитъ: привилегій не должно быть. „Но въ томъ, что произошло,—нельзя усмотрѣть ни капитуляціи самого права передъ новымъ правосознаніемъ, ни даже формальнаго его преобразованія". Въ самомъ дѣлѣ, вознагражденіе въ данномъ случаѣ было бы только новымъ признаніемъ и увѣковѣчиваніемъ привилегіи, отвергнутой правосознаніемъ народа, а отнюдь не ея упраздненіемъ.

Ссылка на пріобрѣтеніе данной привилегіи чрезъ посредство акта покупки, является здѣсь, какъ и въ случаѣ упраздненія крѣпостничества одинаково недѣйствительной, „пустой, отвратительной болтовней". Лицо, продающее другому свое имѣнье, можетъ продавать его лишь на тѣхъ условіяхъ, на которыхъ оно само имъ обладало, т. е. съ той, между прочимъ, оговоркой, что связанное съ этимъ имѣніемъ право не платить поземельнаго налога будетъ принадлежать новому владѣльцу имѣнія лишь до тѣхъ поръ, пока не будетъ изданъ законъ, отмѣняющій это право. Выговоренныя условія роста по ссудамъ и займамъ образуютъ собой несомнѣнно „пріобрѣтенныя права",—но никогда еще не приходилось слышать, чтобы, при установленіи законодателемъ извѣстнаго процентнаго максимума и подчиненіи ему всѣхъ прежде заключенныхъ сдѣлокъ, находились такіе наивные люди, которые, на основаніи этого закона, стали бы требовать отъ государства вознагражденія за утраченные имъ проценты,—вѣдь такое вознагражденіе было бы равносильно сохраненію старой процентной нормы, отнынѣ воспрещенной въ законѣ. Этотъ примѣръ мы заимствовали изъ сферы частнаго права, чтобы тѣмъ сильнѣе показать, какъ мало значенія могутъ имѣть такія возраженія въ сферѣ публичнаго права. Всѣ эти разсужденія сохраняютъ свою силу и относительно

поземельнаго налога: каждый долженъ здѣсь знать, что нельзя даже мысленно предоставить себѣ такого права, которое навѣки исключало бы верховный суверенитетъ государства во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда оно предъявляетъ къ отдѣльнымъ личностямъ опредѣленныя обязательства въ интересахъ общественнаго цѣлаго. Притязаніе на вознагражденіе, высчитываемое по способу капитализаціи той части чистаго дохода, которой пріобрѣтаемое имѣніе лишается при уничтоженіи его свободы отъ поземельнаго обложенія, еще съ другой точки зрѣнія является „чудовищнымъ по своей абсурдности“. Въ случаѣ своего признанія, это право на вознагражденіе свидѣтельствовало бы собой ни о чемъ другомъ, какъ о существованіи пріобрѣтеннаго права на количественную неизмѣнность всѣхъ налоговъ.

При каждомъ новомъ повышеніи поземельнаго обложенія, при каждомъ новомъ пониженіи таможенныхъ пошлинъ на хлѣбъ,—необходимо было бы, сообразно этому, прежде всего выплатить соотвѣтственную выкупную сумму въ пользу землевладѣльцевъ. Даже англійскіе тори, при отмѣнѣ хлѣбныхъ законовъ, не оказались „настолько безстыдными, чтобы требовать отъ націи, въ возмѣщеніе своихъ понизившихся доходовъ, выплаты соотвѣтствующей капитализированной суммы, не оказались настолько безстыдными, чтобы при покупкахъ имѣній, сдѣлавшихся теперь менѣе прибыльными, предъявлять къ общественному духу искъ на вознагражденіе за пониженіе ихъ доходности“.

Истинный смыслъ этого права притязанія на вознагражденія, въ концѣ концовъ, сводится къ утвержденію, что „вообще нѣтъ никакого общественнаго права, но что все общественное право составляетъ собою частную собственность одного владѣющаго класса, которому государство обязано выплачивать особый выкупъ за каждое даруемое имъ разрѣшеніе на дальнѣйшее развитіе общественнаго духа“. (Стр. 208).

Послѣ этихъ вступительныхъ замѣчаній Лассаль, возвращаясь къ прусскимъ юнкерамъ, отнимаетъ у нихъ (какъ онъ выражается въ письмѣ къ Дункеру) правой рукой 66 разъ то, что только что онъ подарилъ имъ— въ вопросѣ о правѣ на охоту — лѣвой. Вознагражденіе за уничтоженіе прежной свободы рыцарскихъ помѣстій отъ поземельнаго обложенія представляло бы собой,—говоритъ Лассаль,—не выкупъ, но простую дань, превращеніе временной привилегіи въ привилегію окончательную и вѣчную, а такія новыя свойства она пріобрѣтаетъ только съ этого момента, такъ какъ теперь капиталъ, выплаченный въ видѣ выкупа, навсегда своими процентами обезпечиваетъ своему владѣльцу потребную сумму денегъ

въ качествѣ эквивалента за утраченную свободу отъ налога. Всякій проектъ, имѣющій цѣлью узаконить такое вознагражденіе, свидѣтельствовалъ бы собой о „возмущеніи противъ самой логики“ и потому неизбѣжно долженъ, въ концѣ концовъ, „вызвать противъ себя самого такое же возмущеніе со стороны непредубѣжденнаго человѣка, обладающаго элементарнымъ чувствомъ права“.

И это свое возмущеніе Лассаль выражаетъ теперь въ слѣдующихъ словахъ, сохранившихъ всю свою силу даже для нашихъ дней:

„Если какое-нибудь правительство—какъ это стало извѣстно о прусскомъ правительствѣ въ тотъ моментъ, когда пишутся эти строки (зима 1859 года)—обнаруживаетъ непостижимую слабость и соглашается утвердить такой проектъ, то тѣмъ самымъ оно немедленно же и принципіально отказывается отъ суверенныхъ правъ государственной власти; и если-бы камера, въ забвеніи своихъ обязанностей и изъ вниманія къ слабости правительства, согласилась бы дать свое одобреніе этому проекту,—то ей, въ согласіи съ логикой, оставалось бы только возвѣстить отнынѣ о подвластности народа земельной аристократіи“. (Стр. 209—210).

Въ Пруссіи неправомѣрность такого закона съ тѣмъ большей рѣзкостью бросается въ глаза, что въ ней еще 27 октября 1810 года состоялось законодательное постановленіе о безвозмездномъ отчужденіи прежняго права на свободу отъ налогового обложенія дворянскихъ помѣстій. Въ этомъ законѣ говорится между прочимъ: „мы надѣемся что тѣ, на которыхъ распространяется это постановленіе, найдутъ для себя утѣшеніе въ томъ, что въ будущемъ на нихъ не можетъ болѣе падать упрека, что они уклоняются отъ общественныхъ повинностей на счетъ своихъ согражданъ; другое утѣшеніе они найдутъ для себя, мы надѣемся, въ томъ соображеніи, что предстоящіе имъ отнынѣ платежи по земельному налогу не могутъ итти въ сравненіе съ тѣми расходами, которые лежали бы на нихъ, если бы отъ нихъ и понынѣ требовалось выполненіе служебно-рыцарскихъ обязанностей, связанныхъ первоначально съ ихъ помѣстьями“.

Такъ говоритъ законъ 1810 года. Однако, чисто утопическое ожиданіе Фридриха Вильгельма III (т. е. собственно его тогдашнихъ министровъ), что страдающая отъ новаго закона сторона примирится съ нимъ послѣ этой аппеляціи къ ея правовой совѣсти, должно было жестоко разбиться при столкновеніи съ земельной аристократіей, чуждой по духу своему всякому голосу права и совѣсти и до мозга костей

охваченной вѣчной жаждой эксплуатаціей; однако,—замѣчаетъ Лассаль,—этому не слѣдуетъ много изумляться, какъ и тому, что „правительство, щеголяющее конституціоннымъ знаменемъ, отваживается теперь, вопреки истинному духу права, отстаивать проектъ вознагражденія за отмѣняемыя привилегіи, противорѣчащія—какъ сказано въ цитированномъ выше законѣ—„естественной справедливости", —и уже цѣлое полустолѣтіе существующія только вопреки закону; дѣйствуя такъ, правительство только рискуетъ обнаружить предъ всѣмъ народомъ, что мы со всей нашей конституціонной болтовней еще не возвысились даже до высоты свободомыслящаго абсолютизма" [1]). (Стр. 209—210, примѣчаніе).

Разумѣется, вознагражденіе было, въ концѣ концовъ, выплачено. Но не взирая на это, наши современные аграріи, ссылаясь на то же поземельное обложеніе, за которое они столь беззаконно уже получили вознагражденіе, осмѣливаются теперь сызнова предъявлять къ общественному духу новые иски. Въ наши дни аграріи очень любятъ противопоставлять добраго Лассаля скверной современной соціалъ-демократіи,—не мѣшало бы этимъ господамъ почаще перечитывать мѣста, въ родѣ только что процитированнаго нами.

Продолжая далѣе свой принципіальный анализъ, Лассаль переходитъ къ вопросу, въ какихъ именно случаяхъ запретительные законы должны обращаться, указаннымъ способомъ, на ранѣе заключенные договорные акты, подвергая немедленному же погашенію права, пріобрѣтенныя на ихъ почвѣ; и въ какихъ именно случаяхъ они такой силой обладать не могутъ. Этотъ анализъ,—пишетъ Лассаль,—никоимъ образомъ не можетъ вести къ опроверженію развитыхъ выше соображеній, ибо онъ, только въ ясной развернутой формѣ долженъ вскрыть передъ нами то, что уже раньше молчаливо въ нихъ разумѣлось. Этотъ анализъ долженъ только обнаружить передъ нами ту единственную границу, которая

---

[1]) „Свободомыслящій абсолютизмъ" 1810 года въ значительнѣйшей степени представлялъ собою, разумѣется, простой продуктъ французской революціи и иностраннаго наполеоновскаго владычества. Много разъ цитированное мѣсто изъ второй рѣчи о конституціи, гдѣ Лассаль „съ полнѣйшимъ безпристрастіемъ" свидѣтельствуетъ о благотворномъ вліяніи на правительство внѣшнихъ осложненій, заставлявшихъ его содѣйствовать прогрессу народовъ, несомнѣнно опирается на примѣры, подобные только-что приведенному.

существуетъ для немедленной реализаціи запретительныхъ законовъ; опредѣливъ эту границу, мы тѣмъ самымъ дадимъ болѣе глубокое обоснованіе нашимъ прежнимъ соображеніемъ, только теперь поставимъ ихъ на вполнѣ твердый базисъ и сдѣлаемъ ихъ неуязвимыми; съ другой стороны, этотъ анализъ предохранитъ насъ отъ всякихъ ошибокъ въ пользованіи найденнымъ закономъ, заставить насъ провести нашу истину чрезъ стадію ея логическаго отрицанія и тѣмъ самымъ окончательно обнаружитъ передъ нами ея несомнѣнную очевидность. Законъ, развитіемъ котораго намъ предстоитъ теперь заняться и относительно котораго позднѣе обнаружится, что онъ съ внутренней необходимостью вытекаетъ изъ развитаго выше принципа отрицанія обратнаго дѣйствія, гласитъ слѣдующее:

„Всѣ запретительные или принудительные законы, какъ бы разнообразны они не были по своему содержанію, могутъ быть только двоякаго рода.

Или они могутъ опредѣлять, что существовавшее ранѣе опредѣленное право (содержаніе права) вообще не можетъ быть болѣе собственностью индивидуума и никакимъ волевымъ актомъ не можетъ быть таковымъ сдѣлано.

Или же они могутъ допускать и по отношенію къ будущему, чтобы данное право, какъ таковое, продолжало оставаться собственностью индивидуума и могло таковымъ дѣлаться, и тогда они касаются только того вопроса, въ какой именно формѣ и при соблюденіи какихъ именно условій должно совершаться соединеніе индивидуума съ содержаніемъ этого права, чтобы такое соединеніе было правомѣрнымъ и обладало дѣйствительной силой (gültig)“.

Запретительные законы перваго рода, слѣдовательно, тѣ законы, которые отрицаютъ, что содержаніе даннаго права вообще еще можетъ быть обращено индивидуумомъ въ свою собственность, подчинено ея личной волѣ... такіе законы должны немедленно воздѣйствовать на всѣ существующіе договорные акты и тѣмъ болѣе на всѣ другія правоотношенія.

„Запретительные законы второго рода, т. е. тѣ законы, которые, не уничтожая способности даннаго права становиться индивидуальной собственностью, касаются только тѣхъ правилъ, которыя опредѣляютъ, въ какой именно формѣ и съ соблюденіемъ какихъ именно условій волевые акты должны вести къ соединенію индивидуума съ этимъ правомъ, чтобы сдѣлать его собственностью индивидуума,—такіе законы никогда не мо-

гутъ воздѣйствовать на существующія правоотношенія, установившіяся черезъ посредство индивидуальныхъ волевыхъ актовъ". (Стр. 212—213).

„Къ какому именно изъ двухъ разрядовъ принадлежитъ тотъ или иной запретительный законъ, — при разрѣшеніи этого вопроса не можетъ возникнуть никакихъ сомнѣній, если только хоть сколько-нибудь точно уяснили себѣ опредѣленную цѣль и содержаніе этого закона. Запретительный законъ относительно того или иного юридическаго основанія, на почвѣ котораго совершается пріобрѣтеніе правъ, — какъ напримѣръ, въ случаѣ пріобрѣтенія правъ на всякаго рода обязательства (сюда относятся всѣ притязанія — одного лица относительно другого — на опредѣленныя дѣйствія, какъ: выплату денегъ, выдачу чего-нибудь и т. д.)—такой законъ будетъ закономъ первой категоріи, потому что специфическая юридическая природа всѣхъ обязательственныхъ правъ опредѣляется не только черезъ то дѣйствіе, на которое они даютъ право, но также черезъ то опредѣленное юридическое основаніе, на почвѣ котораго здѣсь совершается пріобрѣтеніе этого права; только черезъ него (покупка, ссуда, вознагражденіе и т. д.) данное право получаетъ свою полную юридическую опредѣленность. Иначе обстоитъ дѣло съ вещными правами, т. е. съ притязаніями, направленными на ту или иную вещь. Для полной квалификаціи этихъ правъ вполнѣ достаточно опредѣлить лишь содержаніе того права, на которое они доставляютъ притязаніе, и тотъ объектъ права, который они подчиняютъ этому притязанію. То или иное юридическое основаніе, на почвѣ котораго совершается пріобрѣтеніе правъ (наслѣдованіе, владѣніе, купля и т. д.), здѣсь не имѣетъ никакого значенія, является чистой формой, и потому запретительный законъ относительно такого юридическаго основанія въ сферѣ вещныхъ правъ долженъ быть причисленъ ко второй группѣ законовъ. Юридическое основаніе, изъ котораго вытекаетъ то или иное вещное право, получаетъ значеніе здѣсь только въ томъ случаѣ, если оно обнаруживается въ самомъ содержаніи этого права, давая ему такимъ образомъ болѣе полное опредѣленіе. Такъ, напримѣръ, бываетъ съ тѣми вещными правами, которые вытекаютъ изъ правъ господства (Oberhoheit), ибо они свою особенную квалификацію (какъ составляющія феодальную собственность) получаютъ только черезъ то юридическое основаніе, на почвѣ котораго совершается ихъ пріобрѣтеніе. Если законъ постановляетъ, что феодальная собственность отнынѣ не должна болѣе существовать, тогда немедленно же упраздняются всѣ вытекающія изъ нея денежныя повинности, даже тѣ, которыя могли бы еще составить содержаніе новыхъ сдѣлокъ на почвѣ какого либо новаго юридическаго

основанія (купля, ссуда подъ залогъ и т. д.). Но если законъ постановляетъ, что данное вешное право отнынѣ не можетъ болѣе слагаться на почвѣ одного лишь какого-нибудь, опредѣленно имъ указываемаго юридическаго основанія, напримѣръ, собственность на землю на почвѣ даренія и безъ составленія особаго офиціальнаго акта, удостовѣряющаго фактъ этого даренія, — то всѣ права собственности на землю, пріобрѣтенныя раньше на почвѣ такихъ же дареній, поскольку до сихъ поръ они обладали дѣйствительной силой, этимъ закономъ не затрагиваются, ибо онъ касается не самого права индивидуума—вообще пріобрѣтать собственность на землю, но только опредѣленной формы перенесенія этого права съ одного лица на другое. То же самое нужно сказать и о законѣ, который объявляетъ недѣйствительнымъ перенесеніе съ одного лица на другое право собственности безъ личной передачи.

Но если законъ вообще уничтожаетъ право собственности на опредѣленнаго рода объекты, то теперь само собой разумѣется (и въ этомъ никто не можетъ видѣть обратнаго дѣйствія), что всѣ этого рода объекты, пріобрѣтены-ли они путемъ покупки, наслѣдованія или еще какимъ-либо инымъ способомъ, отнынѣ выпадаютъ изъ сферы собственности индивидуума. У нихъ теперь отнимается способность — становиться объектами собственности.

Коротко говоря, тѣ законы, которые какое-либо прежнее право ставятъ вообще внѣ сферы частной собственности, какъ напримѣръ, законы французской революціи относительно фидеикомиссовъ, феодальныхъ повинностей, вѣчныхъ рентъ и т. д., т. е. тѣ законы, которые у этого права вообще отнимаютъ способность быть объектомъ собственности,—должны немедленно же воздѣйствовать „также и на уже сложившіяся правовыя и договорныя отношенія“ (стр. 217). Къ этому положенію Лассаль дѣлаетъ длинное примѣчаніе, на которое онъ уже разъ ссылался, полемизируя со Сталемъ, и къ которому онъ охотно возвращается при дальнѣйшемъ изложеніи. Между прочимъ, отчасти оно было уже цитировано въ предисловіи къ „Бастіа-Шульце“, и тамъ Лассалемъ было между прочимъ сказано, что цитата, заимствованная имъ изъ этого примѣчанія,—въ сжатой формѣ содержитъ въ себѣ „программу политико-экономическаго сочиненія“, которое онъ намѣревался написать позднѣе подъ заглавіемъ: „Основныя черты научной національной экономіи“. Однако, цитата эта представляетъ собой только очень ничтожный отрывокъ изъ этого обширнаго примѣчанія и свой истинный философскій и историческій смыслъ можетъ получить только въ общей связи со всѣмъ примѣчаніемъ. Все это

примѣчаніе въ цѣломъ можно съ полнымъ основаніемъ назвать „философско-исторической программой Лассаля“. Въ виду таковаго его значенія, а также въ виду той цѣнности, которую самъ Лассаль придавалъ ему, мы приведемъ его полностью, выдѣливъ его въ самостоятельный отдѣлъ.

Философско-историческая программа Лассаля.

Прежде всего приведемъ то мѣсто изъ полемики со Сталемъ, въ которомъ Лассаль ссылается на интересующее насъ примѣчаніе. Въ немъ говорится:

„Въ теченіе этого параграфа мы еще увидимъ (а сейчасъ приходится ограничиться только общимъ указаніемъ на это), что при изданіи абсолютныхъ запретительныхъ законовъ послѣдніе всегда и исключительно опираются на тотъ фактъ, что мыслимая прежде въ качествѣ отчуждаемой области человѣческой свободы (по терминологіи юристовъ — сфера такъ называемаго частнаго произвола) отнынѣ разсматривается, какъ неотчуждаемая свобода человѣка, почему она отнынѣ и не можетъ, путемъ какого бы то ни было акта о передачѣ, перейти въ собственность третьяго человѣка или вообще оставаться въ качествѣ таковой. И обусловленное этими законами уничтоженіе пріобрѣтенныхъ мною ранѣе правъ на такія, неподлежащія отнынѣ отчужденію, свободно-волевыя функціи другого индивидуума исходитъ, слѣдовательно, изъ того, что понятіе человѣческой свободы подверглось нынѣ позитивному расширенію и разрастанію“. (Стр. 174—175).

Переходимъ теперь къ самому примѣчанію:

„Какъ ни парадоксальнымъ на первый взглядъ можетъ показаться это утвержденіе, однако, въ общемъ, культурно-историческій процессъ всей исторіи права состоитъ именно въ томъ, чтобы все болѣе ограничивать сферу собственности отдѣльной личности, чтобы все большее количество объектовъ выводить изъ сферы частной собственности. И если-бы нужно было писать исторію права съ культурно-исторической точки зрѣнія, то эта идея должна была бы служить одной изъ самыхъ главныхъ руководящихъ идей произведенія. Разумѣется, еще ни разу не дѣлалось такой попытки. Обычно изслѣдователи сами закрывали себѣ вѣрную дорогу, поскольку, не проникая въ истинную сущность вещи, позволяли обмануть себя діалектическими свойствами того или иного отдѣльнаго понятія. Такъ, напримѣръ, упраздненіе фидеикоммиссовъ всегда

разсматривалось, какъ расширеніе свободы собственности, какъ уничтоженіе ограничивающихъ ее институтовъ. Но таковымъ оно фактически является и таковымъ дѣйствительно представляется лишь для тѣхъ, для которыхъ это уничтоженіе фидеикомиссовъ желательно съ точки зрѣнія ихъ собственныхъ интересовъ. На самомъ дѣлѣ, упраздненіе фидеикомиссовъ является, какъ мы уже говорили раньше, уничтоженіемъ свободы собственника распоряжаться своей собственностью, давать ей то или иное опредѣленное назначеніе, слѣдовательно, оно, въ концѣ концовъ, ограничиваетъ право собственности. Эпоху господства свободной конкуренціи опять-таки принято считать такой эпохой, въ которой собственность впервые достигаетъ своей полной истинной свободы, своего полнаго истиннаго развитія. Такъ обычно и характеризуютъ эту эпоху, да и самое выраженіе „неограниченная свобода собственности“ является обыкновенно для всего этого направленія любимымъ лозунгомъ. Въ силу той діалектичности, которая свойственна каждому понятію, эта сторона несомнѣнно имѣетъ свои реальныя проявленія, и отрицать ихъ невозможно. Но взятый въ своемъ глубочайшемъ внутреннемъ содержаніи, принципъ свободной конкуренціи, отрицаніе всякой монополіи и цеховой исключительности исходитъ изъ той идеи, что всякое исключительное право на занятіе промыслами и торговлей, т. е. право на то, чтобы другія лица не смѣли совершать дѣйствій, самихъ по себѣ дозволенныхъ, — что такое право не можетъ входить въ сферу частной собственности отдѣльной личности. Какъ не можетъ на первый взглядъ показаться противорѣчащимъ дѣйствительности и парадоксальнымъ наше утвержденіе, что такое все возрастающее сокращеніе сферы частной собственности образуетъ собой дѣйствительный законъ культурно-историческаго развитія права,—оно цѣликомъ оправдывается при болѣе детальномъ и глубокомъ анализѣ, хотя, вмѣсто такого анализа, мы и должны здѣсь ограничиться только довольно поверхностнымъ обзоромъ.

Вполнѣ естественно, что на зарѣ исторіи человѣкъ, подобно ребенку, ко всему простираетъ свои руки, все считаетъ своимъ и не признаетъ никакихъ ограниченій для сферы своего личнаго произвола. Эти границы предъ нимъ выступаютъ только позднѣе, но чѣмъ далѣе, тѣмъ все болѣе и болѣе. Идолопоклонникъ еще разбиваетъ своихъ идоловъ, если они не исполняютъ его воли,—иначе говоря, съ самими богами онъ еще обращается какъ со своей личной собственностью! Sacra [1]) скоро вы-

[1]) Религіозныя святыни и т. п.

ходятъ изъ сферы личнаго произвола человѣка, но самъ человѣкъ еще долго остается простымъ объектомъ собственности другого человѣка. Жизнь побѣжденнаго составляетъ собственность побѣдителя, и это право собственности еще долгое время сохраняется, сначала въ безусловной, затѣмъ въ условной формѣ рабства. Жена есть собственность мужа, объектъ покупки (сравни еще римское coemptio, conventio in manum etc.), дѣти—собственность отца, который, согласно суровому духу древняго права, можетъ убить ихъ и, наконецъ, неоплатный должникъ, со всѣмъ своимъ тѣломъ, свободой и жизнью, составляетъ собственность кредитора.

Внутри семьи право распоряженія собственностью проявляется, какъ неограниченное право на полное лишеніе наслѣдства. Позднѣе возникшіе законы объ обязательномъ выдѣленіи, при завѣщаніяхъ и дареніяхъ, опредѣленныхъ частей имущества относятся уже къ многочисленнымъ для этого времени ограниченіямъ въ правѣ собственности. Рабство смягчается въ крѣпостную зависимость, право собственности на жизнь человѣка—въ право собственности на его рабочую силу, въ теченіе всей его жизни въ право полнаго и пожизненнаго пользованія этой силой. Крѣпостное состояніе смягчается въ простую зависимость той или иной степени, т. е. право собственности на всю рабочую силу другого человѣка все болѣе сокращается, и постепенно смягчается въ право собственности на опредѣленный способъ использованія подчиненнаго человѣка, въ право собственности на опредѣленную часть его рабочей силы и рабочаго времени,—слѣдовательно, теперь онъ имѣетъ уже возможность пріобрѣтать и для себя самого. Право первой ночи (jus primae noctis) является уже уничтоженіемъ прежняго постояннаго права собственности на тѣло рабыни, ограниченіемъ прежняго права пользоваться ею, какъ женщиной. — Средніе вѣка являются именно такимъ періодомъ, когда—уже въ условіяхъ отсутствія рабства — человѣческая воля, во всѣхъ своихъ трехъ моментахъ (всеобщность, отдѣльность, особенность) можетъ обращаться въ объектъ частной собственности. Ибо это есть такой періодъ, когда—во-первыхъ—всеобщность воли или общественная воля, въ ея самыхъ различныхъ градаціяхъ, проявляется въ видѣ частной собственности: въ связанныхъ съ землевладѣніемъ суверенныхъ правахъ и прикосновенности къ таковымъ, въ разнообразныхъ другихъ обществахъ и государственныхъ привилегіяхъ различныхъ сословій и классовъ; въ общественныхъ должностяхъ, пріобрѣтенныхъ посредствомъ наслѣдованія и покупки; это есть такой періодъ, когда, по вѣрному замѣчанію одного французскаго историка права, „феодальная собственность обнаруживала притязаніе—все охватить

собою, воздухъ и воду, общественныя и религіозныя отношенія“, когда князья по своей волѣ опредѣляли даже порядокъ престолонаслѣдованія въ своихъ странахъ (ср., напримѣръ, завѣщанія у Сисмонди: „Histoire des Français“, VII, 328 стр. и слѣд., и въ „Preuves de l'Histoire de Lorraine“ par Dom Calmet, III, 277 и слѣд.). Далѣе—это есть такой періодъ, когда индивидуальная воля также проявляется въ видѣ частной собственности—именно, это обнаруживается въ личной несвободѣ человѣка, находящагося въ состояніи крѣпостной зависимости—во всѣхъ ея разнообразныхъ отттѣнкахъ; такой же индивидуальная воля является даже у лично свободныхъ людей,—такъ напримѣръ, право выбора супруга для наслѣдницы леннаго имѣнія и даже право выбора супруги для его наслѣдника принадлежитъ не имъ самимъ, но владѣльцу этого имѣнія. Въ-третьихъ, наконецъ,—особенность воли, даже у свободныхъ людей (какими занятіями и ремеслами они не могутъ заниматься, гдѣ они должны искать сбыта продуктамъ своего труда, гдѣ покупать предметы, нужные имъ для удовлетворенія потребностей) проявляется въ этотъ періодъ опять-таки, какъ частная собственность другихъ лицъ,—достаточно вспомнить о монопольномъ и цеховомъ строѣ, о принадлежащемъ леннымъ владѣльцамъ правѣ ссылки и понужденія и т. д. Эта возможность для человѣческой воли—во всѣхъ своихъ трехъ моментахъ обращаться въ объектъ частной собственности и является, въ философско-юридическомъ отношеніи, характерной особенностью среднихъ вѣковъ.

Такъ какъ воля во всѣхъ своихъ трехъ моментахъ проявляется, какъ собственность, то—при такомъ строѣ жизни—все рѣшительно становится объектомъ собственности, что только вообще можетъ имъ становиться,—и несвобода при такихъ условіяхъ является полной. И именно потому, что здѣсь все возможное, даже сама воля, можетъ становиться собственностью, именно поэтому дѣлается понятнымъ, и именно отсюда вытекаетъ своеобразное характерное для средихъ вѣковъ раздробленіе права собственности. Въ римскую эпоху, при строго-выдержанной исключительности свободной римской индивидуальности (bei der spröden Exclusivität der freien mischen Individualität), совершенно немыслимо такое право собственности на вещь (хотя-бы само по себѣ такое право и являлось допустимымъ), которое для своей реализаціи должно было бы сперва пройти черезъ индивидуальную волю другого индивидуума, самого собственника этой вещи, и подчинить его себѣ, —въ Римѣ такія права являются скорѣе чисто личными притязаніями; но здѣсь, въ германскомъ средневѣковомъ мірѣ каждое такое право, которое для своей

реализаціи должно первоначально пройти волю другого лица, собственника вещи, и подчинить его себѣ, — здѣсь такое право можетъ совершенно свободно становиться вещественной собственностью, и именно потому можетъ, что здѣсь сама свободная человѣческая воля можетъ обращаться въ объектъ собственности. Многочисленныя и безплодныя попытки германистовъ—примирить германское понятіе собственности съ римскимъ, ихъ жалкія мучительныя усилія — хоть какъ-нибудь постигнуть сущность перваго, ихъ откровенное признаніе, что оно представляется имъ настоящимъ „contradictio in adjecto“, — все это находитъ себѣ объясненіе въ томъ, что они безсознательно всегда исходили изъ римскаго понятія—о нераздѣльности права собственности и изъ римской идеи—объ индивидуальной свободѣ воли. Эта ошибка неизбѣжна обрекала на неудачу и полную безплодность всѣ такія попытки съ ихъ стороны. Никому не приходило въ голову такая, однако, простая и ясная мысль, что прежде чѣмъ опредѣлять понятіе собственности, сложившееся у даннаго народа, необходимо сначала опредѣлить и изслѣдовать его понятіе свободы.

Никому не приходило въ голову, что само понятіе свободы у различныхъ народовъ неодинаково, ибо оно отражаетъ въ себѣ своеобразныя свойства историческаго духа того или иного отдѣльнаго народа. Если-бы эта мысль пришла имъ въ голову, они, несомнѣнно, задумались бы надъ той древне-германской чертой, которую отмѣчаетъ уже Тацитъ въ своихъ наблюденіяхъ,—а именно, что у германцевъ свободный человѣкъ могъ запродать себя въ рабство другому человѣку (German., стр. 24). Это такъ рѣзко противорѣчило римскому правосознанію:—у римлянъ ни одинъ свободный человѣкъ, путемъ какой бы то ни было сдѣлки, не могъ отдать себя въ рабство другому человѣку. „Conventio privata neque servum quemquam, neque libertum alicujus facere potest“ [1]), L. 37 de lib. caus. (40, 12). Нѣтъ ничего поучительнѣе и характернѣе того способа, которымъ пораженный римлянинъ выражаетъ свое удивленіе по поводу того, какъ германецъ, поставившій ставкой въ игрѣ свою свободу и проигравшій ее, добровольно подчиняется, какъ бы онъ ни былъ молодъ и силенъ, тому, чтобы его связали и обращались съ нимъ, какъ съ рабомъ: „quamvis juvenior, quamvis robustior, adligari se ac venire patitur; ea est in re prava pervicacia—ipsi fidem vocant“ — „какъ сильна и упорна въ нихъ преданность этому отвратительному обычаю—сами они называютъ это fides—

---

[1]) Путемъ какой бы то ни было частной сдѣлки никто не можетъ сдѣлать себя рабомъ или вольноотпущенникомъ другого.

вѣрностью данному обязательству“,—прибавляетъ Тацитъ,—слова, которыя по силѣ выраженнаго въ нихъ контраста съ собственнымъ настроеніемъ, даютъ возможность глубоко проникнуть въ психологію германскаго духа, а вмѣстѣ съ тѣмъ понять развитіе правосознанія германцевъ и ихъ политическую исторію. Въ самомъ дѣлѣ, если германское понятіе воли таково, что оно разрѣшаетъ индивидууму съ полнымъ ничѣмъ неограниченнымъ произволомъ распоряжаться всей сферой своей свободной воли и отчуждать ее полностью въ собственность другого человѣка, то ясно, что и по отношенію къ частичнымъ (partiellen) проявленіямъ своей воли индивидуумъ здѣсь также не связанъ никакими ограниченіями и всегда можетъ любое опредѣленное волевое дѣйствіе, на которое онъ принимаетъ обязательство—вообще или по отношенію къ опредѣленному объекту, превращать въ правомѣрную собственность чужой индивидуальной воли.

Если, напримѣръ, имѣется какой-либо земельный участокъ, принадлежащій чужому собственнику, то ясно, что право пользованія этимъ участкомъ можетъ быть предоставлено мнѣ, постороннему лицу, только съ согласія самого собственника, его воли,—въ римскомъ правѣ такое право пользованія и характеризуется поэтому, какъ личное притязаніе; что же касается германцевъ, то у нихъ, въ противоположность этому, не только самое право пользованія, но даже опредѣленный способъ пользованія, въ которомъ выражается со стороны собственника эксплуатація его участка,—могутъ становиться объектомъ моей вѣчной вещественной собственности (въ формѣ вѣчной ренты на овесъ, клеверъ и т. п.). Высшая и низшая форма собственности, право собственности на самую вещь и на пользованіе ею, въ самыхъ разнообразныхъ формахъ расходятся здѣсь между собой и порождаютъ въ результатѣ то раздробленіе права собственности, которое является такимъ тяжелымъ тормазомъ для сельско-хозяйственнаго и индустріальнаго прогресса.

Французская революція, какъ это должно уже быть ясно послѣ анализа, даннаго нами выше по отношенію къ нѣкоторымъ, наиболѣе важнымъ законамъ, порождаемымъ въ эту революціонную эпоху, является именно такимъ упраздненіемъ частной собственности на человѣческую волю во всѣхъ ея трехъ моментахъ,—какъ и вообще всякій крупный культурный прогрессъ состоитъ всегда въ сокращеніи сферы собственности.— Нѣтъ надобности, полагаемъ мы, указывать на то, что понятіе собственности берется нами здѣсь въ его истинномъ значеніи, именно въ смыслѣ исключительной частной собственности того или иного опредѣленнаго

особаго субъекта. Что принадлежитъ единичной личности, какъ таковой, слѣдовательно, каждой единичной личности безъ различія между ними,— не представляетъ уже собой собственности, какъ извѣстно это было самимъ римлянамъ, — и здѣсь только снова обнаруживается идентичность логическихъ моментовъ единичности и всеобщности.

Не будетъ отступленіемъ отъ общаго хода нашего изслѣдованія, если мы замѣтимъ, что хотя современный періодъ принято называть періодомъ индивидуализма и понимать это опредѣленіе въ смыслѣ господства для нашего времени идей либерализма, хотя такое опредѣленіе очень прочно укрѣпилось въ обычномъ словоупотребленіи и не легко будетъ съ нимъ теперь бороться,—однако, по существу оно является глубоко неправильнымъ. Истинный индивидуализмъ долженъ быть проникнутъ рѣзко-революціоннымъ настроеніемъ не только противъ всего существующаго строя, но и противъ тенденцій нашего такъ называемаго либерализма (достаточно вспомнить, напримѣръ, Фихте). То, противъ чего направлены глубочайшія теченія нашего времени, противъ чего они еще до сихъ поръ направляютъ свои волны, — есть не моментъ индивидуальнаго (въ томъ пониманіи, какое мы ему придали, они скорѣе должны, какъ и моментъ всеобщаго, стоять на ихъ сторонѣ), но именно моментъ особеннаго, перешедшій намъ въ наслѣдіе отъ средневѣковаго міра и до сихъ поръ еще продолжающій оставаться такимъ уродливымъ наростомъ въ духовномъ организмѣ современныхъ народовъ (im Fleische haftende Knorren). Такимъ уродливымъ наростомъ моментъ этотъ является вездѣ, гдѣ онъ—въ сферѣ, опредѣленной логическими свойствами самого понятія, т. е. въ царствѣ личной воли и частнаго произвола — стремится утвердить знамя своего господства. Либерализмъ—всѣ тѣ права, къ которымъ онъ стремится (политическія—напримѣръ, избирательное право; или соціальныя—напримѣръ, связанное съ свободой промысловъ право на свободное использованіе своей рабочей силы) желаетъ пріобрѣсти не для индивидуума вообще, но всегда только для индивидуума, находящагося въ особомъ положеніи, напримѣръ, выплачивающаго такое-то количество налоговъ, обладающаго капиталомъ и т. д.; слѣдовательно, всегда только для особаго индивидуума!

Въ настоящее время Европа стоитъ передъ слѣдующими двумя весьма интересными вопросами, касающимися собственности. Восточная деспотія и европейская абсолютная монархія, съ точки зрѣнія права, различаются другъ отъ друга, вообще говоря, тѣмъ, что въ первой даже частно-правовыя отношенія личности составляютъ собственность властителя, а въ послѣдней же—лишь то, что относится къ сферѣ общественной воли, можетъ стано-

виться болѣе или менѣе исключительной собственностью той или иной опредѣленной фамиліи.

Въ политическомъ отношеніи Европа стоитъ передъ задачей — уничтожить такія условія, при которыхъ общественная воля націи можетъ находиться въ собственности одной фамиліи.

Пока этого удалось достигнуть одной лишь Франціи, и не только въ принципахъ французской революціи, но также и въ самой дѣйствительности, несмотря на то, что послѣдняя какъ будто-бы опровергаетъ наше утвержденіе. Истинность его доказывается тѣмъ, что вотъ уже цѣлыхъ шестьдесятъ лѣтъ ни одна фамилія во Франціи не можетъ основать прочной династіи; далѣе — тѣмъ, что даже овладѣвающіе трономъ властители вынуждены отнынѣ основывать свое положеніе не на правѣ собственности, а на народномъ избраніи, почему они являются передъ нами только временными, случайными и обманчивыми носителями національной воли, а отнюдь не ея собственниками; въ-третьихъ, наконецъ, тѣмъ, что эти властители вынуждены, относительно заграничныхъ государствъ, представлять въ своемъ лицѣ (хотя бы и непослѣдовательно, и противорѣчиво) тотъ принципъ, согласно которому общественная воля націи не можетъ быть собственностью отдѣльной семьи (принципъ національности).

Въ Германіи этотъ вопросъ ставится еще болѣе рѣзкимъ образомъ, ибо здѣсь не только содержаніе народной воли, но даже то, что здѣсь вообще нѣтъ никакого нѣмецкаго народа, какъ единаго цѣлаго (право народнаго духа) утверждается, какъ право собственности нѣсколькихъ фамилій.

Въ соціальномъ отношеніи міръ стоитъ сейчасъ передъ вопросомъ, можетъ-ли наше время, не признающее болѣе никакой собственности на право непосредственной эксплуатаціи другого человѣка, мириться съ такимъ правомъ на его эксплуатацію въ косвенной формѣ, т. е., глубже выражая мысль: должно-ли свободное проявленіе и развитіе собственной рабочей энергіи находиться въ исключительной частной собственности того лица, которое владѣетъ субстратомъ труда и необходимымъ для его проявленія капиталомъ; должно-ли, иначе говоря, предпринимателю, какъ таковому, (оставляя въ сторонѣ вопросъ о вознагражденіи его за духовный трудъ)—принадлежать право собственности на цѣнность, создаваемую чужимъ трудомъ (премія на капиталъ, капиталистическая прибыль, которая образуется на счетъ разницы между продажной цѣной изготовленнаго продукта и суммой заработной платы и вознагражденія, выплачиваемыхъ всѣмъ рабочимъ, такъ или иначе занятымъ въ процессѣ

изготовленія этого продукта, т. е. также занятымъ и духовнымъ трудомъ).

Слово „эмансипація“, которое нынче охотно повторяется всякій разъ, какъ рѣчь заходитъ о какихъ бы то ни было освободительныхъ тенденціяхъ, причемъ для самихъ произносящихъ это слово она сплошь и рядомъ не имѣетъ яснаго опредѣленнаго смысла, — всего болѣе подходитъ именно для нашего случая, если только его брать въ первоначальномъ строгомъ значеніи: emancipio—выводить изъ сферы собственности.

Что культурно-исторический процессъ развитія права дѣйствительно состоитъ въ этомъ все прогрессирующемъ сокращеніи сферы собственности (здѣсь намъ пришлось ограничиться только самой общей и бѣглой характеристикой этого процесса), что именно таково его дѣйствительное содержаніе—обнаружить это во всемъ богатствѣ его конкретныхъ проявленій возможно только при глубокомъ и критическомъ уразумѣніи какъ экономическихъ, такъ и юридическихъ законовъ и отношеній каждой данной эпохи, только путемъ самаго детальнаго изученія всѣхъ условій различныхъ историческихъ періодовъ. Но уже этого поверхностного обзора было достаточно, чтобы совершенно освободить обнаруженный нами законъ историческаго движенія отъ облекавшей его первоначально внѣшней парадоксальности; уже теперь должно быть ясно, что это все прогрессирующее сокращеніе сферы частной собственности своимъ базисомъ имѣетъ не что иное, какъ положительное развитіе человѣческой свободы, и только здѣсь, въ этой сферѣ, достигаетъ своей истинной реализаціи. Мы уже тогда обращали вниманіе на то, что расширеніе идеи свободы, въ концѣ концовъ, должно неизбѣжно вести къ тому, что мыслимая прежде въ качествѣ отчуждаемой часть человѣческой свободы (называемая также юристами частнымъ произволомъ), должна непрерывно, въ процессѣ этого безостановочнаго поступательнаго движенія, обращаться въ свободу неотчуждаемую (поэтому нынѣ она разсматривается, какъ вытекающая изъ нравственной идеи и общественнаго права, и регулируется абсолютными (принудительными) законами); отнынѣ никто, хотя бы путемъ полюбовной сдѣлки, не можетъ эту прежде отчуждаемую часть человѣческой свободы вновь подвергать отчужденію или даже только оставлять ее въ отчужденномъ состояніи; къ такимъ результатамъ не могутъ также вести отнынѣ никакія внѣшнія событія, въ родѣ войны, рожденія, происхожденія и т. под. Что здѣсь приходится констатировать постоянное возрастаніе человѣческой свободы,—ясно само собой; ибо чрезъ это непрерывно сокращается и ограничивается для личнаго произвола (собственнаго или чужого—безразлично) правоспособность — отрицать (пе-

giren) позитивную сущность свободы. Это непрерывное увеличеніе и возрастаніе свободы должно необходимо — въ сферѣ взаимныхъ отношеній между отдѣльными личностями—выражаться, какъ сокращеніе того, что можетъ подлежать безграничному произволу отдѣльныхъ индивидуумовъ, и тѣмъ самымъ должно представляться и дѣйствительно представляется (предыдущій обзоръ долженъ былъ обнаружить это предъ нами), какъ послѣдовательное сокращеніе сферы частной собственности.

Въ строгомъ согласіи съ этой тенденціей, указанной нами для историческаго развитія права и выражающейся въ томъ, что все бо́льшее количество объектовъ права выводится изъ сферы собственности,—въ строгомъ согласіи съ этимъ въ экономическомъ развитіи человѣчества наблюдается другая, параллельная первой, тенденція, и сводится она къ тому, чтобы все бо́льшее количество факторовъ производства, а, слѣдовательно, и все бо́льшее количество самыхъ продуктовъ производства высвобождать изъ экономической сферы собственности, гдѣ имъ присущъ моментъ прибыли (der Entgeltlichkeit), и переводить ихъ въ новую экономическую сферу, въ которой отсутствуетъ моментъ прибыли (der Unentgeltlichkeit, gratuité, communaute); это достигается путемъ непрерывнаго уменьшенія издержекъ производства и сведенія продажной цѣны къ цѣнѣ этихъ издержекъ. Мысль эта сама по себѣ является безусловно правильной, но Бастіа, въ своихъ „Harmonics economiques“, при характерномъ для него недостаточно критическомъ пониманіи экономическихъ категорій, придалъ ей совершенно ложное и одностороннее толкованіе“. (Стр. 217—223).

По поводу заключительнаго положенія, высказаннаго въ этомъ примѣчаніи, завязался впослѣдствіи споръ (въ письмахъ) между Лассалемъ и Родбертусомъ. Родбертусъ написалъ [1]) Лассалю, что это положеніе, съ такой „помпой“ („schwülstig“) выставленное Бастіа, не сулитъ рабочему классу никакихъ абсолютно облегченій („nicht die Butter zum Brod“). Сейчасъ нельзя съ увѣренностью сказать, хотѣлъ-ли Родбертусъ своими словами возразить и противъ самихъ параллелей Лассаля, — во всякомъ случаѣ Лассаль понялъ его именно такимъ образомъ и, разумѣется, со всей силой своей энергіи возсталъ противъ того, чтобы его параллели могли дать поводъ къ такимъ замѣчаніямъ. „Какъ!“ писалъ онъ, повторяя замѣчаніе Родбертуса, „развѣ я отрицалъ это или говорилъ что-нибудь про-

[1]) Въ цитированномъ уже выше письмѣ.

тивъ? Развѣ я желалъ подвергнуть сомнѣнію мысль, противъ которой нынѣ не возвышаетъ голоса ни одинъ [1]) ученый въ сферѣ національной экономіи, мысль о томъ, что при современныхъ антагонистическихъ производственныхъ отношеніяхъ заработная плата въ общемъ осуждена вѣчно качаться, качаться, какъ маятникъ, вокругъ уровня, образуемаго стоимостью средствъ, безусловно необходимыхъ для существованія рабочаго? Оспаривать этотъ законъ мнѣ никогда не приходило въ голову. Безспорнымъ для меня представляется и тотъ выводъ изъ этого закона, согласно которому все, что рабочіе могутъ выиграть въ качествѣ потребителей при возрастающемъ удешевленіи товаровъ, все это, съ другой стороны, какъ производители, они теряютъ на заработной платѣ, и положеніе ихъ, благодаря этому, нисколько не измѣняется". Но вѣдь въ своемъ примѣчаніи онъ говорилъ отнюдь не о рабочихъ и не о какомъ-либо различіи внутри современнаго общества. Выставленныя имъ параллели, если выразить его мысли другими словами, говорятъ только слѣдующее: „Будете-ли вы имѣть въ виду современное общество, понимаемое, какъ единство (отвлекаясь отъ классовыхъ и производственныхъ противорѣчій внутри его), будете-ли вы имѣть въ виду современныхъ предпринимателей и капиталистовъ (ибо вѣдь именно они представляютъ себѣ современный міръ въ такомъ видѣ), будете-ли вы, наконецъ, имѣть въ виду будущее общество, основанное, что касается производства и распредѣленія, на началахъ солидарности,—во всѣхъ этихъ случаяхъ для общества не остается безразличнымъ вопросъ: бóльшее-ли количество труда воплощаетъ въ себѣ данный продуктъ и, если—да, то въ какой именно степени. Въ общемъ—если отвлечься отъ тенденціи, царящей въ сферѣ земледѣльческаго производства, (здѣсь я придерживаюсь точки зрѣнія Рикардо [2]) и не

---

[1]) Письмо помѣчено 17 февраля 1863 года, слѣдовательно, оно было написано еще до опубликованія „Гласнаго отвѣта"; отсюда видно, что это было твердое убѣжденіе Лассаля, а отнюдь не простая реторическая фраза, когда онъ писалъ въ немъ (какъ повторялъ это и позднѣе), что желѣзный законъ заработной платы единогласно признается въ настоящее время всѣми представителями національно-экономической науки.

[2]) Именно, по Рикардо цѣна земледѣльческихъ продуктовъ опредѣляется издержками производства такихъ продуктовъ на почвѣ наихудшаго качества, а такъ какъ—въ общемъ и цѣломъ,—благодаря непрерывному возрастанію населенія, подъ обработку должны поступать съ теченіемъ времени земли все болѣе худшаго качества, то земледѣльческіе продукты въ общемъ также имѣютъ тенденцію непрерывно подниматься въ цѣнѣ. Родбертусъ оспаривалъ это положеніе, указывая на

согласенъ съ вашимъ ученіемъ, какъ вы развили его въ своемъ „Третьемъ соціальномъ письмѣ") — эволюція въ сферѣ промышленности ведетъ къ тому, чтобы все болѣе сокращать издержки производства товаровъ, дѣлать ихъ все болѣе дешевыми... Какъ въ сферѣ права его эволюція выражается въ томъ, чтобы все большее количество объектовъ права выводить изъ сферы собственности, — такъ и здѣсь, благодаря этой экономической тенденціи къ пониженію издержекъ производства, слѣдовательно—къ возрастанію gratuite (т. е. къ ослабленію момента прибыли),—все большее количество факторовъ производства и продуктовъ производства выводится изъ экономической сферы собственности съ присущимъ ей моментомъ прибыли. Экономической сферой собственности и является, вѣдь, въ этомъ смыслѣ сфера „издержекъ производства!" (Письмо Лассаля къ Родбертусу. Берлинъ, 1878 годъ, стр. 23 и слѣд.).

Разумѣется,—продолжаетъ далѣе Лассаль,—въ настоящее время этотъ процессъ оказывается выгоднымъ исключительно для капиталистовъ и предпринимателей и ни въ малѣйшей степени—для рабочихъ, которые, какъ это прекрасно выяснилъ самъ Родбертусъ, совершенно устраняются отъ повышенія продуктивности труда. Но именно поэтому Лассаль въ своемъ положеніи, послужившемъ источникомъ спора, и выразился, что Бастіа, при недостаточно глубокомъ критическомъ пониманіи экономическихъ категорій, придалъ мысли, самой по себѣ безусловно вѣрной, „совершенно ложное и одностороннее толкованіе". Здѣсь имѣлось въ виду между прочимъ, что „онъ—Бастіа—хотѣлъ то, что является истиннымъ — только относительно міра, понимаемаго въ смыслѣ единства, распространить также на антагонистическія противорѣчія внутри этого міра, именно—на положеніе рабочихъ". Сама по себѣ параллель остается, слѣдовательно, правильной, хотя, быть можетъ,—съ чѣмъ Лассаль охотно соглашается — и не особенно глубокой. И если даже признать, что она могла дать Родбертусу поводъ—искать въ ней болѣе глубокаго смысла, чѣмъ въ ней есть на самомъ дѣлѣ, — то, однако, формулировка, данная имъ соціальному вопросу въ томъ же примѣчаніи нѣсколькими строками выше [1]), должна была бы, казалось, предохранить Лассаля отъ всякихъ недоразумѣній и подозрѣній, что онъ въ иллюзіяхъ Бастіа готовъ усмотрѣть, хотя-бы только

то, что продуктивность земледѣлія не стоитъ на одномъ уровнѣ, но также обладаетъ способностью къ повышенію,

1) Формулировка, согласно которой предпринимательская прибыль опредѣляется, какъ „собственность на цѣнность, создаваемую чужимъ трудомъ".

въ возможности, какія-то радостныя перспективы для рабочаго класса. Если въ своемъ замѣчаніи Родбертусъ хотѣлъ выставить такое возраженіе противъ Лассаля, то оно, дѣйствительно, оказывается совершенно несправедливымъ.

Впрочемъ, параллель, проводимая Лассалемъ, въ своей первой части, а именно утвержденіе (составляющее центральную идею всего отрывка), что „въ общемъ культурно-историческій процессъ всей исторіи права состоитъ именно въ томъ, чтобы все болѣе ограничивать сферу собственности отдѣльной личности, все большее количество объектовъ права ставить внѣ сферы частной собственности",— утвержденіе это не отличается неуязвимостью; и нельзя отрицать, что если даже и не придавать ему „въ общемъ" черезчуръ распространительнаго толкованія, то все-же оно не выдерживаетъ испытанія передъ лицомъ болѣе глубокой критики. Конечно, примѣры въ родѣ тѣхъ, которые приводитъ К. Диль въ своемъ сочиненіи о Прудонѣ (томъ I, стр. 49 и слѣд.) и которыми онъ думаетъ сразить Лассаля, какъ доказательствомъ того, что въ дѣйствительности въ жизни наблюдаются рядомъ другъ съ другомъ два противоположныхъ процесса— процессъ суженія и процессъ расширенія права собственности,—такіе примѣры на самомъ дѣлѣ утвержденія Лассаля нисколько не колеблютъ, ибо, за однимъ единственнымъ исключеніемъ, всѣ они цѣликомъ относятся къ группѣ фактовъ, свидѣтельствующихъ о сокращеніи сферы частной собственности; а это единственное исключеніе, о которомъ мы упомянули,— новое рентное законодательство въ Пруссіи—такого рода, что, самое большее, оно, мягко выражаясь, даетъ собою образецъ законодательнаго анахронизма, но уже во всякомъ случаѣ не можетъ свидѣтельствовать о томъ, что современная идея права коренится въ идеѣ собственности.

Нѣтъ,—что касается развитія собственности въ позднѣйшія эпохи, начиная отъ среднихъ вѣковъ и кончая новой и самой новѣйшей,—то здѣсь Лассаль оказывается безусловно правъ. Остроумно и убѣдительно онъ доказываетъ, напримѣръ, что упраздненіе феодальнаго строя, по существу дѣла, несомнѣнно означало ограниченіе права собственности, — не взирая на то, что въ новое время собственность, по сравненію съ феодальной эпохой, обладаетъ несравненно большей подвижностью. Ошибка Лассаля состоитъ только въ томъ, что свое положеніе, безусловно справедливое для опредѣленной — правда, очень обширной исторической эпохи, онъ переноситъ вообще на историческое развитіе всѣхъ временъ,—а между тѣмъ въ исторіи мы знаемъ и такую эпоху, когда развитіе совершалось въ противоположномъ направленіи, — отъ ограниченной къ болѣе или менѣе

неограниченной частной собственности. Его взглядъ на первобытную исторію является безусловно ошибочнымъ, и на такомъ ошибочномъ пониманіи первобытной исторіи основано его рѣзкое противопоставленіе другъ другу германскаго и римскаго понятія собственности и обозначеніе опредѣленной формы правосознанія, какъ специфически-германской формы, на самомъ же дѣлѣ она является только однимъ изъ этаповъ культурной эволюціи, чрезъ который, въ процессѣ своего развитія, проходятъ всѣ народы и на которомъ германцы находились именно въ тотъ историческій моментъ, когда имъ пришлось столкнуться съ римлянами. Ошибка Лассаля отчасти объясняется тѣмъ жалкимъ состояніемъ, въ которомъ находились наши знанія о доисторическомъ періодѣ человѣчества въ тотъ моментъ, когда Лассаль писалъ свое произведеніе. Но уже тогда былъ извѣстенъ фактъ, что первобытной формой собственности у всѣхъ историческихъ народовъ является естественно сложившаяся общая собственность, и съ этимъ фактомъ теорія Лассаля стоитъ въ противорѣчіи, поскольку Лассаль, безъ всякихъ оговорокъ, вводитъ человѣка въ исторію въ качествѣ неограниченнаго собственника (такое предположеніе, разумѣется, было очень выгодно для его теоріи въ смыслѣ ея стройности). По поводу самой теоріи и отношенія къ ней вышеупомянутаго Диля необходимо замѣтить еще слѣдующее: въ цитированномъ мѣстѣ Диль соглашается признать относительную цѣнность за теоріей Лассаля, но „лишь постольку, поскольку въ исторіи человѣчества послѣдовательно отмѣнялись, во имя культурныхъ интересовъ, такія формы собственности, которыя оказывались въ противорѣчіи съ высшей нравственной точкой зрѣнія“,—по поводу этихъ „исправленій“ Диля можно сказать только одно, что послѣ нихъ эта теорія Лассаля, правда „односторонняя“, но отнюдь не „совершенно произвольная“ и во всякомъ случаѣ въ извѣстныхъ своихъ частяхъ основанная на весьма тонкомъ анализѣ, теперь, при помощи усилій Диля, вырождается въ ничего не говорящую плоскую болтовню.

Къ сожалѣнію, мы должны отказаться отъ желанія—долѣе останавливаться на анализѣ вышеприведеннаго отрывка Лассаля. Мы ограничимся только однимъ замѣчаніемъ по поводу того мѣста, въ которомъ Лассаль говоритъ объ отношеніи либерализма къ индивидуализму. Ошибка Лассаля здѣсь, по нашему мнѣнію, заключается въ томъ, что онъ понятіе либерализмъ понимаетъ исключительно въ смыслѣ узкаго буржуазнаго либерализма, но съ другой стороны это мѣсто, на нашъ взглядъ, прекрасно выясняетъ, что то, противъ чего направляется соціализмъ (онъ разумѣется у Лассаля подъ словами „глубочайшія теченія нашего времени“), состав-

ляетъ отнюдь не моментъ индивидуальнаго (какъ твердятъ это постоянно либералы и анархисты), но именно, разъ уже слѣдовать выраженіямъ самого Лассаля, „перешедшій къ намъ въ наслѣдіе отъ среднихъ вѣковъ и до сихъ поръ еще продолжающій оставаться такимъ уродливымъ наростомъ — моментъ особеннаго“, иначе говоря, всевозможныя экономическія, политическія и т. п. привилегіи.

Въ концѣ седьмого параграфа Лассаль даетъ еще нѣсколько замѣчаній, еще глубже выясняющихъ сущность понятія абсолютныхъ законовъ, а затѣмъ, приведя, въ качествѣ примѣровъ, нѣсколько узаконеній римскихъ императоровъ и нѣсколько опредѣленій изъ законодательства 18 и 19 столѣтій, онъ, на основаніи цѣлаго ряда правоположеній римскихъ юристовъ, показываетъ, что даже эти „виртуозы формально-юридической логики, съ которыми по виртуозности никто не могъ впослѣдствіи сравняться“, даже они при построеніи своихъ опредѣленій внутренно всегда руководились этой самой теоріей, оправдываемой такою массой другихъ доказательствъ. Показавъ затѣмъ, что подтвержденіемъ его теоріи, развитой путемъ чисто логическаго анализа понятій, могутъ служить также Пандекты — собраніе опредѣленій римскихъ юристовъ,—Лассаль говоритъ въ заключеніе: „отнынѣ мы можемъ считать нашу теорію совершенно неуязвимой для какой бы то ни было научной критики, и теперь намъ остается только—въ послѣдующихъ параграфахъ — заняться развитіемъ вытекающихъ изъ нея заключеній“. (Стр. 251).

VII. Изъ отдѣла: Понятіе и его развитіе.

Окончаніе.

(Томъ I, часть II, отдѣлъ III, §§ 8—13.)

Послѣдніе шесть параграфовъ этого отдѣла, §§ 8—13, посвящены отчасти такимъ изслѣдованіямъ, которыя при своемъ спеціально-юридическомъ характерѣ, не представляютъ общаго интереса, а потому мы съ полнымъ правомъ можемъ совершенно ихъ не касаться. Но въ другихъ своихъ частяхъ они и для насъ имѣютъ извѣстную цѣнность, поскольку въ нихъ дается дальнѣйшее принципіальное обоснованіе теоріи, а потому мы не

можемъ отказаться отъ того, чтобы посвятить имъ еще нѣкоторое время.

Въ § 8 Лассаль подвергаетъ изслѣдованію вопросъ, могутъ-ли новые запретительные законы оказывать вліяніе на иски, уже вчиненные, и на такіе иски, по которымъ уже состоялось судебное постановленіе, причемъ онъ всегда обращаетъ строгое вниманіе на различіе (уже охарактеризованное нами выше) между вещными и обязательственными правами. Такъ какъ,—развиваетъ свой взглядъ Лассаль,—обязательственное право въ своей юридической природѣ опредѣляется не только черезъ то дѣйствіе, на которое оно даетъ притязаніе, но также чрезъ то юридическое основаніе, изъ котораго оно само исходитъ,—то законъ, опредѣляющій, что отнынѣ изъ даннаго юридическаго основанія не могутъ болѣе возникать никакія обязательства, тѣмъ самымъ неизбѣжно погашаетъ всѣ такія притязанія даже тогда, когда по нимъ были заявлены иски еще до опубликованія новаго закона. Но онъ не можетъ погашать притязаній, получившихъ законную силу ранѣе такого опубликованія. Для иска, уже вчиненнаго, но не получившаго пока разрѣшенія, опредѣляющимъ моментомъ является именно то юридическое основаніе, на которое опирается притязаніе; но если приговоръ уже состоялся, тогда не первоначальное основаніе, но уже самъ приговоръ играетъ роль такого рѣшающаго момента. Вмѣстѣ съ приговоромъ создается новое право, основанное на опредѣленномъ волевомъ дѣйствіи; отсюда понятно, почему юристами принимается принципъ, согласно которому приговоръ обладаетъ такой же дѣйственной силой, какъ и контрактъ.

Если законъ изъемлетъ изъ сферы гражданскаго оборота самый объектъ какого-нибудь обязательственнаго права, т. е. то опредѣленное дѣйствіе, къ требованію котораго управомочиваетъ данное обязательство, то—само собой разумѣется—этотъ законъ погашаетъ и самое обязательство, хотя бы оно и опиралось на обращенное въ его пользу судебное рѣшеніе. Если новый законъ воспрещаетъ всякое понужденіе къ браку, какъ стоящее въ противорѣчіи съ личной свободой,—то тѣмъ самымъ онъ лишаетъ дѣйствительной силы всѣ состоявшіеся на основаніи прежняго закона приговоры, обязующіе къ выполненію брачныхъ обязательствъ.

Что касается тѣхъ вещныхъ правъ, для опредѣленія юридической природы которыхъ несущественно знать, изъ какого именно юридическаго основанія они исходятъ, то запретительный законъ, направленный противъ такихъ вещныхъ правъ, не можетъ обладать силой относительно исковъ, уже вчиненныхъ,—онъ дѣйствителенъ только по отношенію къ будущимъ

притязаніямъ на такія права. Но тамъ, гдѣ вещное право, въ своей спеціальной природѣ, опредѣляется тѣмъ юридическимъ основаніемъ, которое служитъ опорой даннаго права,—тамъ законъ, воспрещающій отнынѣ основывать притязанія на этомъ юридическомъ основаніи, погашаетъ одновременно и самое право; а вмѣстѣ съ нимъ теряютъ всякую силу какъ приговоры, уже состоявшіеся по старымъ искамъ, такъ и новые иски, уже заявленные, но не получившіе пока своего разрѣшенія.

Въ § 9 изслѣдуется вопросъ, могутъ-ли запретительные законы вообще, отнынѣ воспрещающіе опредѣленныя права и притязанія (а не только опредѣленныя формы этихъ правъ),—касаться заднимъ числомъ такихъ дѣйствій, которыя, на почвѣ прежняго права, были совершены впередъ (im Voraus)—напримѣръ, произведенныя впередъ выплаты денегъ на основаніи Alimentenanspruch; могутъ-ли въ этихъ случаяхъ такіе запретительные законы состоявшееся объявлять несостоявшимся. Въ согласіи со всѣми другими Лассаль самымъ рѣшительнымъ образомъ отрицаетъ здѣсь за законами такую силу, но прибавляетъ при этомъ, что то правило, на которое обыкновенно ссылаются здѣсь въ защиту отрицательнаго отвѣта, правило, согласно которому дѣйствія, уже совершенныя, вообще не могутъ быть затронуты новыми законами, такое правило, взятое, какъ абсолютный принципъ, теоретически совершенно несостоятельно, такъ какъ въ дѣйствительности постоянно встрѣчаются обратные, противорѣчащіе случаи, когда законъ состоявшееся объявляетъ несостоявшимся. Такъ, напримѣръ, если законъ дальнѣйшее сохраненіе какого-либо правоотношенія ставитъ въ зависимость отъ выполненія новаго волевого дѣйствія, то, разумѣется, въ томъ случаѣ, если это требуемое новое волевое дѣйствіе не выполняется, состоявшееся ранѣе становится нынѣ, благодаря новому закону, несостоявшимся. Почему именно здѣсь приходится ограничивать сферу дѣйствія новыхъ законовъ, это скорѣе всего находитъ себѣ объясненіе въ сущности владѣнія, какъ „особаго самостоятельнаго права, основывающагося на фактическомъ соединеніи личности съ какой-либо вещью“. Такъ понимается нынѣ сущность владѣнія, и такое пониманіе получило всеобщее признаніе послѣ того, какъ оно было обосновано Савиньи въ его „классическомъ произведеніи“ — въ сочиненіи „Право владѣнія“. Владѣніе, какъ вещное право, основывается на томъ, что „соединеніе (Ineinssetzung) вещи съ личностью уже само по себѣ образуетъ такую правомѣрную связь, относительно которой causa (основаніе) отступаетъ на задній планъ“.

(Стр. 256). Отсюда съ необходимостью вытекаетъ, что до тѣхъ поръ, пока данный объектъ вообще можетъ еще становиться объектомъ владѣнія, до тѣхъ поръ остается совершенно безразличнымъ, воспрещается или нѣтъ новымъ закономъ пріобрѣтеніе и возникновеніе этого еще дозволительнаго самого по себѣ владѣнія на почвѣ даннаго опредѣленнаго юридическаго основанія. Такой законъ не можетъ затрагивать владѣній, уже осуществившихся. Только такой законъ, который опредѣляетъ, что данный предметъ вообще не можетъ быть больше объектомъ владѣнія, только такой законъ доставляетъ возможность—объявить всѣ такія владѣнія недѣйствительными. Такъ какъ даже личное состояніе можетъ становиться объектомъ владѣнія, то поэтому каждое личное состояніе, явившееся результатомъ волевого дѣйствія, сохраняетъ свою силу даже въ томъ случаѣ, если изданы запретительные законы, направленные противъ этого состоянія - -при томъ лишь, впрочемъ, условіи, если эти законы направлены только противъ опредѣленнаго способа пріобрѣтенія такого состоянія, но не противъ самого существованія этого состоянія. Такъ, напримѣръ, законъ, объявляющій отнынѣ бракъ нерасторжимымъ, не затрагиваетъ уже состоявшихся разводовъ, хотя онъ и касается существованія правъ, не затрагиваетъ потому, что онъ воспрещаетъ не самое состояніе безбрачія, но только достиженіе впредь такого состоянія со стороны лицъ, связанныхъ брачнымъ союзомъ. Но онъ аннулируетъ даже уже состоявшіяся судебныя опредѣленія, благопріятныя разводу, если только (какъ это происходитъ въ сферѣ дѣйствія французскаго гражданскаго права) для признанія развода предварительно требуется, чтобы онъ былъ засвидѣтельствованъ особыми гражданскими чиновниками, дѣйствующими на основаніи этихъ судебныхъ опредѣленій, и если только самый законъ опубликованъ былъ раньше, чѣмъ эти чиновники успѣли выполнить всѣ формальности.

Въ § 10 разсматривается, главнымъ образомъ, вопросъ о томъ, могутъ-ли и при какихъ именно условіяхъ волевыя дѣйствія, считавшіяся раньше по закону недозволенными, достигать впослѣдствіи, съ отмѣной соотвѣтствующихъ запретительныхъ законовъ, своего признанія—„konvaleszieren“ (исцѣлиться); одновременно разсматривается и другой вопросъ, стоящій въ связи съ первымъ, — о логическомъ различіи между юридическими и фактическими измѣненіями въ тѣхъ условіяхъ, которыя опредѣляютъ собою природу волевого дѣйствія. Лассаль называетъ

этотъ анализъ логически-отвлеченной обратной провѣркой истинности тѣхъ положеній, которыя въ предыдущихъ параграфахъ были установлены по вопросу объ ограничительномъ вліяніи новыхъ запретительныхъ законовъ на силу первоначально-дѣйствительныхъ волевыхъ актовъ. Сущность его разсужденій сводится къ слѣдующему: „индивидуальная воля, дѣйствущая вопреки запретительному закону, ни при какихъ условіяхъ не можетъ получить юридически-обязательнаго признанія, но всегда является передъ нами, какъ чисто фактическая натуральная воля“ (т. е. какъ такая воля, слѣдовать которой юридически никто не обязанъ).

„Но если,—пишетъ далѣе Лассаль,—эта натуральная воля удерживается индивидуумомъ вплоть до отмѣны запретительнаго закона, то отнынѣ, съ устраненіемъ этого единственнаго, стоявшаго ранѣе на ея пути препятствія, эта до сихъ поръ чисто фактическая воля должна получить также юридическое бытіе, т. е. дѣйствіе, не имѣвшее ранѣе юридической силы, получаетъ его теперь заднимъ числомъ (konvaleszíert nachträglich); и ясно, что такое обогащеніе прежняго дѣйствія новою силой нельзя относить на счетъ обратнаго дѣйствія, нельзя въ немъ, слѣдовательно, видѣть посягательства на свободную индивидуальную волю, оно — такое обогащеніе — основывается скорѣе именно на этомъ самомъ понятіи свободной индивидуальной воли, ибо послѣднее, поскольку ему не противостоятъ запретительные законы, требуетъ безусловнаго признанія законности своего существованія“. (Стр. 260). Изъ этого анализа само собой вытекаетъ, что такое наступающее впослѣдствіи обогащеніе прежняго дѣйствія юридической силой (konvaleszenz) можетъ осуществляться только при наличности слѣдующихъ двухъ условій:

„1. если прежній запретительный законъ касался содержанія дѣйствія, но не его формы; другими словами, если раньше, благодаря воспрещенію, индивидууму было безусловно невозможно — сообщить содержанію своей воли правомѣрно-юридическое бытіе; но если воспрещеніе распространялось только на нѣкоторыя опредѣленныя формы дѣйствія и не затрагивало другихъ формъ, въ которыхъ можно было бы проявить то же содержаніе воли,—тогда обогащеніе дѣйствія недоставшей ему ранѣе юридической силой не можетъ имѣть мѣста;

2. воля, какъ уже было ранѣе сказано, должна имѣть длительный характеръ и не прекращать своего осуществленія вплоть до наступленія новаго состоянія права. Иначе говоря, она должна была обнаружиться не въ единичномъ только мимолетномъ дѣйствіи“. (Стр. 261).

Если, напримѣръ, законъ объявилъ юридически необязательной только

одну опредѣленную форму какого-либо дѣйствія, то индивидуумъ, избравшій для проявленія своей воли именно эту, а не какую-либо другую — обладающую юридической силой—форму, тѣмъ самымъ свидѣтельствовалъ бы, что онъ желалъ здѣсь выразить только свою натуральную, но отнюдь не свою гражданско-юридическую волю. Объявить ее впослѣдствіи, на основаніи позднѣйшаго закона, юридически-обязательной волей, — было бы въ этомъ случаѣ проявленіемъ настоящаго обратнаго дѣйствія, т. е. посягательствомъ на принципъ свободы воли. Совершенно также обстояло бы дѣло отъ того, чтобы въ длительныхъ проявленіяхъ воли (т. е. такихъ ея проявленіяхъ, которыя не прекращаются вплоть до наступленія новаго правосостоянія) неизмѣнно свидѣтельствовать о своемъ стремленіи къ сохраненію прежней силы за своимъ первоначальнымъ дѣйствіемъ. Однако, здѣсь необходимо обращать вниманіе на одно важное различіе.

Дѣйствіе можетъ получить недостававшую ему ранѣе юридически-обязательную силу чрезъ наступившее впослѣдствіи измѣненіе въ юридическихъ или въ чисто фактическихъ условіяхъ. Напримѣръ, согласно французскому закону, браки, заключенные лицами ранѣе достиженія ими опредѣленнаго возраста, не считаются юридически-обязательными, но на ряду съ этимъ тотъ же законъ опредѣляетъ, что эти браки получаютъ юридическое признаніе, если только связанныя ими лица сохраняютъ брачныя отношенія не менѣе шести мѣсяцевъ послѣ достиженія требуемаго закономъ возраста. Если, такимъ образомъ, кто-нибудь во Франціи вступилъ въ бракъ ранѣе законнаго возраста и оставался или остается въ этомъ бракѣ не менѣе шести мѣсяцевъ послѣ его достиженія,—то бракъ отнынѣ пріобрѣтаетъ юридически обязательный характеръ, и не потому, что теперь измѣнилось общественное правосознаніе, но только потому, что съ достиженіемъ этого возраста произошло фактическое измѣненіе. Такъ, напримѣръ, въ Римѣ бракъ сенатора съ дочерью вольноотпущенника, не считался юридически дѣйствительнымъ, но онъ становился таковымъ, если сенаторъ терялъ свое званіе, сохраняя въ то же время брачныя отношенія. То, что бракъ, благодаря исключенію супруга изъ сената, получалъ силу, какой онъ не обладалъ раньше (konvaleszierte),—это также являлось результатомъ чисто-фактическаго измѣненія въ общественномъ, именно въ государственномъ положеніи супруга. Инымъ представляется дѣло въ томъ случаѣ, если бракъ, заключенный несовершеннолѣтними, становится легальнымъ бракомъ потому, что законъ понижаетъ возрастъ, обусловливающій юридическую дѣйствительность брака; если, напримѣръ, бракъ сенатора съ дочерью вольноотпущенника становится законнымъ бракомъ по-

тому, что отнынѣ вообще отмѣняется воспрещеніе такихъ браковъ. Въ этомъ случаѣ передъ нами былъ бы на лицо фактъ измѣненія въ самомъ общественномъ правосознаніи; съ точки зрѣнія новаго правосознанія юридически дѣйствительнымъ становится то, что раньше не обладало такимъ свойствомъ; въ полномъ согласіи со своими прежними положеніями, Лассаль теперь устанавливаетъ, что такое юридическое измѣненіе должно совершенно инымъ образомъ воздѣйствовать на соотвѣтствующіе волевые акты и ихъ послѣдствія, чѣмъ чисто фактическое измѣненіе. Сущность его мыслей сводится къ слѣдующему:

Каждое дѣйствіе, которое не стоитъ въ противорѣчіи съ дѣйствительной для даннаго момента идеей права, должно, съ точки зрѣнія послѣдней, разсматриваться, какъ такое дѣйствіе, которое само собой входитъ въ сферу индивидуальной свободной воли. Новому правосознанію прежнее воспрещеніе этого дѣйствія представляется уже, как „вторженіе въ сферу собственныхъ, потенціально (въ самихъ себѣ) уже существующихъ (an sich seiende) правомочій индивидуальной свободной воли или какъ непризнаваніе таковыхъ". Уничтоженіе прежняго воспрещенія является, такимъ образомъ, только признаніемъ того, что дѣйствія, прежде воспрещенныя, отнынѣ должны разсматриваться, какъ дѣйствія законно дозволительныя, т. е. какъ обладающія законной силой. Въ строгомъ согласіи съ этимъ, прежнія дѣйствія должны теперь разсматриваться, какъ обладающія дѣйствительной силой съ самаго момента ихъ совершенія и сами по себѣ. Дѣтей сенатора, родившихся во время его сожительства съ дочерью вольноотпущенника, римскій законъ продолжалъ считать незаконными даже тогда, когда позднѣе самъ бракъ, благодаря потерѣ сенаторомъ своего званія, пріобрѣталъ законную силу. Законными считались только позднѣе родившіяся дѣти. Это было вполнѣ логично съ точки зрѣнія римскаго права, потому что бракъ, бывшій ранѣе незаконнымъ бракомъ, становился здѣсь юридически дѣйствительнымъ не потому, что произошли какія нибудь измѣненія въ самомъ правосознаніи народа, но только въ силу чисто фактическихъ измѣненій. Но если въ глазахъ закона опредѣленная форма брака, не обезпечивавшая ранѣе дѣйствительной силы браку, теперь получала такое значеніе, то, въ строгомъ согласіи съ логикой права, дѣти, родившіяся отъ такого брака до опубликованія новаго закона, должны съ его появленія получить законное признаніе. Съ точки зрѣнія новаго правосознанія такой бракъ уже съ самаго начала является дѣйствительнымъ бракомъ. Поэтому прусскій законъ, опубликованный въ 1816 году, призналъ браки, заключенные въ Вестфаліи въ эпоху

наполеоновскаго владычества путемъ обряда церковнаго вѣнчанія—имѣющими законную силу, а дѣтей, родившихся отъ такихъ браковъ — законными дѣтьми, хотя-бы при этомъ и не были соблюдены гражданско-юридическія формы, требуемыя французскимъ законодательствомъ для сообщенія браку дѣйствительной силы; и поступая такъ, прусскій законодатель былъ вполнѣ правъ, потому что вновь отнынѣ вводимое прусское земское право этихъ формъ не предписываетъ, а религіозная совѣсть запрещала здѣсь многимъ людямъ соблюденіе формальностей, требуемыхъ французскимъ закономъ, и тѣмъ самымъ дѣлала для нихъ вообще невозможнымъ заключеніе браковъ, которые считались бы дѣйствительными съ точки зрѣнія французскаго законодательства. Въ силу такого религіознаго воззрѣнія, о которомъ можно быть, конечно, разнаго мнѣнія, новый законъ и уничтожилъ старое воспрещеніе (Prohibition), обладавшее по существу абсолютнымъ (nicht vermeidliche) характеромъ.

Но,—продолжаетъ Лассаль,—новое правосознаніе объявляетъ только одно,—что извѣстное, разсматривавшееся раньше, какъ воспрещенное, волевое дѣйствіе внутренно потенціально (an sich) было съ самаго начала дѣйствіемъ сильнымъ,—но оно не можетъ ему впослѣдствіи заднимъ числомъ сообщить юридическую силу также и на то время, когда оно находилось еще подъ дѣйствіемъ запрета. Обратимся снова къ нашему примѣру: новое правосознаніе можетъ признать законными тѣхъ дѣтей, которые родились отъ брака, раньше считавшагося незаконнымъ бракомъ, но оно не можетъ распространить на нихъ силу юридическаго признанія (Legitimität) также и на то время, когда они находились подъ дѣйствіемъ запрета; не можетъ, слѣдовательно, облечь ихъ на это время правопритязаніями, вытекающими изъ такого юридическаго признанія; такъ, оно не можетъ заднимъ числомъ объявить ихъ равноправными сонаслѣдниками по отношенію къ наслѣдствамъ, объявившимся въ то время. Это было бы „логически невозможнымъ и неправомѣрнымъ обратнымъ дѣйствіемъ". Ибо, „если даже извѣстное отношеніе и разсматривается отнынѣ, какъ такое, которому потенціально (an sich) уже въ самомъ прошломъ была присуща внутренняя сила,—то, однако, логически невозможно повліять на него заднимъ числомъ такъ, чтобы оно получило правомѣрную дѣйствительность въ такое время, когда за нимъ эта дѣйствительность прямо отрицалась въ силу самой природы субстанціи права, въ силу тогдашняго содержанія всеобщаго правосознанія". (Стр. 265).

Теперь,—пишетъ Лассаль,—„намъ удалось, наконецъ, раскрыть внутреннюю сущность того истиннаго спекулятивнаго понятія, на которомъ осно-

вывается какъ уничтожающая (abrogirende) сила вновь издаваемыхъ запретительныхъ законовъ (по отношенію къ прежде дѣйствительнымъ сдѣлкамъ — объ этомъ мы говорили въ § 7), — такъ и обогащеніе прежде недѣйствительныхъ сдѣлокъ дѣйствительной силой (при упраздненіи запретительныхъ законовъ—анализъ, данный въ этомъ параграфѣ)“. То и другое дѣйствіе имѣютъ прямо противоположный характеръ, но оба они одинаково основываются „на одномъ и томъ же истинно спекулятивномъ понятіи духа, согласно которому то, что прежде существовало только потенціально, въ самомъ себѣ (an sich), отнынѣ вступаетъ въ дѣйствительность“.

„Тамъ, при вступленіи въ силу новыхъ запретительныхъ законовъ, въ дѣйствительность переходитъ ограниченіе, существовавшее ранѣе только въ потенціальной скрытой формѣ: — здѣсь, при упраздненіи запретительныхъ законовъ, въ дѣйствительность переходитъ ранѣе также лишь потенціально существовавшее опредѣленное правомочіе. И такъ какъ духъ свое такое утвержденіе въ дѣйствительности понимаетъ не какъ произвольное и случайное утвержденіе, но именно какъ обнаруженіе своей собственной субстанціальной сущности, уже ранѣе въ немъ потенціально обрѣтавшейся; такъ какъ, слѣдовательно, эта сущность, какъ его потенціальное бытіе (Ansich), переходила въ такомъ же потенціальномъ состояніи также и во всѣ его прежнія духовныя проявленія и въ нихъ внутренно содержалась, — то теперь, когда это потенціальное бытіе становится бытіемъ дѣйствительнымъ, — въ его прежнихъ проявленіяхъ совершается также переходъ къ дѣйствительному существованію (Wirklichwerdung), т. е. въ нихъ ab nunc [1]) обнаруживается дѣйствіе новаго закона.—Но такъ какъ оно обнаруживается въ нихъ только теперь, а право, какъ таковое, относится не къ сферѣ потенціальнаго бытія, но къ сферѣ того, что въ данный моментъ всеобщимъ правосознаніемъ признается, какъ дѣйствительное, обязательное, — то поэтому дѣйствія, совершенныя въ то время, когда новыя правоотношенія обладали еще только потенціальнымъ бытіемъ, подлежатъ и понынѣ оцѣнкѣ съ точки зрѣнія того, что для того времени было дѣйствительнымъ, т. е. съ точки зрѣнія прежняго права“. (Стр. 266).

Аналогичнымъ способомъ Лассаль изслѣдуетъ далѣе вопросъ о дѣйствіи подтвержденія (Ratihabition), т. е. вопросъ о томъ, къ какимъ послѣдствіямъ приводитъ признаніе волевыхъ актовъ со стороны какого-либо

---

[1]) Отнынѣ.

единичнаго лица, согласіе котораго необходимо для приданія этимъ актамъ дѣйствительной силы; Лассаль показываетъ, что подтвержденіе, представляя собой чисто фактическое измѣненіе, тѣмъ не менѣе свое дѣйствіе обращаетъ назадъ, на самое начало акта, нуждающагося въ этомъ подтвержденіи, и сообщаетъ ему дѣйствительную силу съ самаго момента его совершенія; однако, доказываетъ Лассаль, въ этомъ нельзя усматривать рѣшительно никакого противорѣчія съ выше развитыми положеніями; наоборотъ, — болѣе глубокій анализъ сущности и вліянія подтвержденія дастъ намъ только возможность „систематически" обнаружить, какъ широко простирается сфера вліянія логическихъ различій, вскрытыхъ нашимъ прежнимъ анализомъ. Доказательство сводится, въ главныхъ чертахъ, къ слѣдующему: подтвержденіе какого-нибудь дѣйствія только потому и лишь постольку можетъ одарить это дѣйствіе въ самомъ прошломъ, т. е. съ момента его совершенія, недостававшей ему ранѣе юридической силой, если оно состоитъ не въ томъ, что, благодаря ему, устраняется какое-либо запрещеніе, продиктованное общественнымъ правосознаніемъ, но только въ томъ, что теперь устраняется какое-либо препятствіе, лежащее въ сферѣ частнаго права, относившееся исключительно къ сферѣ индивидуальной воли; но тамъ, гдѣ подтвержденіе представляетъ собой фактическое устраненіе запретительныхъ законовъ (какъ напримѣръ, въ римскомъ правѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда отецъ дастъ впослѣдствіи свое согласіе на бракъ, не имѣющій дѣйствительной силы безъ этого согласія),—тамъ подтвержденіе одаряетъ дѣйствіе юридической силой только съ того момента, когда состоялось самоподтвержденіе.

Въ § 11 разсматривается вопросъ о томъ, какимъ образомъ осуществляется впослѣдствіи, въ силу отмѣны формальныхъ запретительныхъ законовъ, преобразованіе первоначально чисто натуральной воли въ волю юридически-обязательную, т. е. вопросъ о томъ, при какихъ именно условіяхъ отмѣна этихъ законовъ можетъ вести къ такому преобразованію, не нарушая развитаго выше основного принципа, отрицающаго законность обратнаго дѣйствія; а предъ нами былъ бы случай несомнѣннаго обратнаго дѣйствія, если-бы натуральная, т. е. юридически-необязательная воля, которая себя заявила таковой именно тѣмъ, что она не пожелала себя подчинить предписываемымъ по закону формальностямъ, если-бы такая воля впослѣдствіи новымъ законодателемъ была бы преобразована въ волю юридически-сильную. Однако, мы пройдемъ мимо всѣхъ относящихся сюда

разсужденій Лассаля и обратимся прямо къ гораздо болѣе интересному для насъ параграфу 12-му.

Въ этомъ параграфѣ разсматривается вопросъ о правѣ индивидуума на облегченія льготы (Erleichterungen), предоставляемыя по новымъ законамъ, причемъ особое вниманіе обращается на сферу уголовнаго права. Лассаль устанавливаетъ здѣсь прежде всего слѣдующее положеніе, на которое внутренно опирались всѣ прежнія его заключенія:

„Каждый новый законъ, поскольку онъ направленъ въ пользу индивидуума и не затрагиваетъ дѣйствительно пріобрѣтенныхъ правъ другого индивидуума, долженъ быть немедленно и безусловно обращенъ къ исполненію". (Стр. 292). Объ обратномъ дѣйствіи во всѣхъ такихъ случаяхъ не можетъ быть и рѣчи. Правомѣрность этого правила признавалась уже самими римлянами, а сверхъ того необходимо замѣтить, что, согласно § 7, права, противостоящія новымъ абсолютнымъ законамъ, тѣмъ самымъ перестаютъ представлять собой пріобрѣтенныя права. Никакой индивидуумъ не имѣетъ права требовать, чтобы то, что уже входитъ въ содержаніе всеобщаго духа, было поэтому закономъ, но каждый индивидуумъ имѣетъ право, „чтобы то, что разъ уже вошло въ признанное содержаніе всеобщаго духа, хотя-бы только относилось въ немъ также и къ нему, этому индивидууму". Это требованіе заключаетъ въ себѣ въ сущности не что иное, какъ опредѣленіе формальнаго понятія всеобщаго духа: существовать для всѣхъ отдѣльныхъ личностей; про это требованіе можно сказать, что оно дѣйствительно должно быть названо „самымъ основнымъ и первѣйшимъ изъ числа всѣхъ пріобрѣтенныхъ правъ личности" („das erworbenste von allen Rechten des Individuums").

„Въ государствѣ каждая отдѣльная личность, чрезъ посредство всей своей жизни, мышленія и дѣятельности, является дѣйствительнымъ соучастникомъ въ образованіи всеобщаго духа (Mitproducent) или должна по крайней мѣрѣ разсматриваться, какъ таковая. И если она, какъ отдѣльная личность, не въ правѣ претендовать на то, чтобы достигнутое ею состояніе разумности составило собой общепризнанное содержаніе всеобщаго духа, движеніе котораго подчинено собственнымъ законамъ, то она, однако, обладаетъ безусловнымъ правомъ на то, чтобы все, что однажды было отнесено, по общему признанію, къ содержанію всеобщаго духа, существовало бы въ немъ также и для нея, и ей, личности, шло на пользу. Это есть основное первѣйшее право (Urrecht) индивидуума по отношенію къ государству. Это право — требовать къ себѣ отношенія, отвѣчающаго общепризнанному содержанію всеобщаго духа, конституируется и пріобрѣ-

тается не чрезъ одно какое-либо единичное дѣйствіе, но чрезъ всю дѣятельность въ цѣломъ индивидуума въ государствѣ. Это есть абсолютное пріобрѣтенное право индивидуума, по отношенію къ которому всѣ остальныя опредѣленныя пріобрѣтенныя права являются его простыми порожденіями". (Стр. 297).

Если исходить изъ этой „единственно правильной философской идеи права", то намъ ясно станетъ, въ какомъ „жестокомъ (абсолютномъ) противорѣчіи съ правомъ" стоитъ та мнимая справедливость, та бережная внимательность къ чужимъ, страдающимъ отъ новаго закона интересамъ, которая заставляла откладывать на извѣстный срокъ моментъ вступленія въ силу этихъ законовъ, направленныхъ въ пользу опредѣленныхъ классовъ или индивидуумовъ; такъ напримѣръ, въ Вестфаліи, несмотря на упраздненіе фидеикоммиссовъ, за первымъ поколѣніемъ прежнихъ правовладѣльцевъ было сохранено право первородства — въ ущербъ интересамъ остальныхъ, законныхъ отнынѣ претендентовъ на наслѣдство. Эта кажущаяся справедливость на самомъ дѣлѣ является „высшей несправедливостью, жесточайшимъ нарушеніемъ права". Согласно § 7, права первородства были пріобрѣтены ранѣе съ тою оговоркой, что они подлежатъ немедленному погашенію, какъ только обнаружится ихъ несовмѣстимость съ всеобщимъ правосознаніемъ, вступившимъ въ новую фазу своего развитія. И разъ только дѣйствительно произошло такое преобразованіе общественнаго правосознанія,—упраздненіе правъ первородства не можетъ уже отнынѣ считаться посягательствомъ на пріобрѣтенныя права,—наоборотъ, именно въ бережномъ къ нимъ отношеніи заключается несомнѣнное посягательство на самое основное изъ всѣхъ пріобрѣтенныхъ правъ — именно, на то право новыхъ п етендентовъ на наслѣдство, согласно которому они могутъ требовать, чтобы то, что отнынѣ вошло уже въ содержаніе всеобщаго правосознанія, относилось въ немъ также и къ нимъ". (Стр. 295).

Приступая къ своимъ весьма интереснымъ разсужденіямъ по поводу уголовнаго права, Лассаль устанавливаетъ прежде всего слѣдующія положенія:

„Съ особенной силой этотъ моментъ (т. е. то, о чемъ говорилось въ началѣ этого параграфа) проявляется въ сферѣ уголовнаго права, какъ это должно вытекать изъ самаго существа дѣла. Это вытекаетъ изъ того весьма простого основанія, что въ уголовномъ правѣ индивидууму никогда не противостоитъ другой индивидуумъ, но всегда само общество, какъ таковое. Упраздненіе или смягченіе уголовныхъ законовъ въ благо-

пріятномъ для личности направленіи никогда, слѣдовательно, по самому существу дѣла, не можетъ вести на практикѣ къ коллизіи съ пріобрѣтенными индивидуальными правами; а вѣдь только наличность такой коллизіи и могла бы создать возможность обратнаго дѣйствія.

Отсюда слѣдуетъ, что немедленное обращеніе къ дѣйствію новаго болѣе благопріятнаго для личности уголовнаго закона является абсолютнымъ требованіемъ самого понятія,—какъ въ томъ случаѣ, когда даннымъ закономъ вовсе отмѣняется какая-либо опредѣленная форма наказанія (напримѣръ, смертная казнь, выставленіе къ позорному столбу, палочные удары), такъ и въ томъ, когда дѣйствія, считавшіяся ранѣе наказуемыми, отнынѣ вообще объявляются ненаказуемыми; при этомъ совершенно безразлично, на какой именно ступени развитія находится данное дѣло: совершился-ли до опубликованія новаго закона только самый фактъ преступленія, или уже успѣлъ начаться по поводу этого преступленія криминальный процессъ, или же, наконецъ, ко времени опубликованія новаго закона, уже вынесенъ опредѣленный, обладающій юридической силой приговоръ. Разъ законъ отмѣняетъ наказуемость того дѣйствія, на которое обращена карательная сила приговора, то послѣдній, хотя и успѣлъ войти въ законную силу, тѣмъ не менѣе также подлежитъ погашенію, — такая сила новаго закона необходимо, какъ неизбѣжное послѣдствіе, вытекаетъ изъ самой идеи права, и если юристы полнымъ молчаніемъ обходили такія послѣдствія вновь издаваемыхъ облегчительныхъ уголовныхъ законовъ, а нерѣдко даже прямо ихъ отвергали,— то это ихъ заблужденіе, съ трудомъ по существу постижимое, приходится отнести только на счетъ омертвляющаго вліянія формулы, какъ таковой. Источникомъ такого, заслуживающаго вниманія, заблужденія является широко-распространенное представленіе о ненарушимости и авторитетности „res judicata“ [1]). Но такое представленіе, какъ бы оно ни было само по себѣ правильнымъ, при обращеніи на сферу уголовнаго права приводитъ къ вопіющей несправедливости. Судебное рѣшеніе въ гражданскомъ процессѣ дѣйствительно является, какъ мы уже видѣли раньше, опорой правъ, пріобрѣтенныхъ личностью, и эти права, какъ пріобрѣтенныя чрезъ посредство индивидуальныхъ волевыхъ актовъ, остаются въ неприкосновенности даже въ томъ случаѣ, если отпадаетъ основаніе ихъ возникновенія (§ 3). Но въ сферѣ уголовнаго процесса разсматривать такія res judicata, какъ пріобрѣтенное право общества,—было бы прямымъ абсурдомъ. Ибо

---

[1]) Res judicata—дѣла, юридически вполнѣ законченныя.

здѣсь такое пріобрѣтенное право было бы въ сущности ни чѣмъ инымъ, какъ пріобрѣтеннымъ правомъ общества — относиться къ индивидууму съ точки зрѣнія, противной тому общественному, властно-принудительному правосознанію, котораго достигло общество въ данный моментъ своего развитія. Если-бы даже общество и обладало такимъ правомъ (а такое право не можетъ мыслиться безъ логическаго противорѣчія), то оно, однако, никогда, ни въ какихъ случаяхъ не могло бы имъ пользоваться, ибо интересъ общества, какъ таковаго, заключается всегда и единственно только въ томъ, чтобы реализовать свое духовное содержаніе, а отнюдь не въ томъ, чтобы отвергать его или оставлять его неосуществленнымъ". (Стр. 296).

Путемъ анализа сущности и значенія всеобщаго духа доказывается далѣе, что право — требовать немедленнаго на себя обращенія новаго правосознанія, складывающагося благопріятно для личности, дѣйствительно является „абсолютнымъ правомъ индивидуума". Чрезъ то судебное рѣшеніе, которымъ заканчивается уголовный процессъ, общество не пріобрѣтаетъ себѣ рѣшительно никакихъ правъ, ибо права могутъ пріобрѣтаться только чрезъ посредство свободныхъ индивидуальныхъ дѣйствій, а такія права у общества могутъ возникать только въ гражданскомъ, но отнюдь не въ уголовномъ процессѣ. Въ уголовномъ процессѣ приговоръ является скорѣе простымъ выводомъ изъ посылокъ силлогизма (Schluss), выводомъ, согласно которому личность, совершившая извѣстное дѣяніе, подводится подъ дѣйствіе всеобщаго (т. е. закона):

„Данное дѣяніе подлежитъ такому-то наказанію,
Данное лицо совершило это дѣяніе,—
Слѣдовательно, оно подлежитъ этому наказанію".

Но какъ только обнаруживается, что первая посылка содержала въ себѣ ложное допущеніе (а новый законъ, поскольку онъ не воспрещаетъ отнынѣ дѣянія, считавшагося ранѣе воспрещеннымъ, или, по крайней мѣрѣ, подводитъ его подъ дѣйствіе болѣе слабаго наказанія, и даетъ собой такое несомнѣнное, законодательное доказательство ея ложности), то вмѣстѣ съ ней и заключеніе силлогизма становится ложнымъ и отнынѣ само собой отпадаетъ. Въ противоположность гражданскому процессу, гдѣ приговоръ является простымъ доказательствомъ между тяжущимися сторонами,—въ уголовномъ процессѣ приговоръ основывается на фикціи абсолютной истины, и именно потому, что онъ основывается на такомъ предположеніи, должно немедленно же (какъ только является убѣдительное и безспорное доказательство ложности этой мнимой истины) получить

силу такое положеніе. Фикція уступаетъ мѣсто истинѣ, т. е. приговоръ въ уголовномъ процессѣ, хотя и вступившій въ законную силу, „не можетъ сохранять ее за собой въ такое время, когда наказуемость дѣянія, констатированнаго приговоромъ, отнынѣ отрицается правосознаніемъ всеобщаго духа, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самой субстанціей права“. (Стр. 297).

Въ полномъ согласіи со своими прежними положеніями, развитыми въ §§ 8 и 9, Лассаль замѣчаетъ въ особомъ примѣчаніи, что за приговоромъ здѣсь отрицается только сила дальнѣйшаго дѣйствія, наоборотъ — штрафы, уже выплаченные по этому приговору, въ случаѣ отмѣны наказуемости самого дѣянія, отнюдь не подлежатъ возвращенію; точно также пострадавшій не въ правѣ требовать себѣ вознагражденія за наказаніе, имъ уже отбытое, хотя бы на такомъ вознагражденіи настаивалъ невинно арестованный.

Безспорность и неуязвимость принципа, согласно которому приговоръ въ уголовномъ процессѣ теряетъ свою силу при наступленіи новаго состоянія права, всего яснѣе обнаруживается въ тѣхъ случаяхъ, когда, согласно новому правосознанію, дѣяніе, считавшееся ранѣе наказуемымъ, отнынѣ не только перестаетъ быть таковымъ, но даже вмѣняется въ заслугу,—такъ, напримѣръ, оцѣнивало французское правосознаніе, въ эпоху Лассаля, факты противодѣйствія чиновникамъ, превысившимъ свои полномочія. Но и тамъ, гдѣ контрастъ не является такимъ рѣзкимъ, гдѣ наказуемыя прежде дѣянія становятся отнынѣ только дозволенными, — и тамъ дальнѣйшее сохраненіе наказаній за такія дѣянія является, согласно основной идеѣ права, прямымъ „преступленіемъ противъ личной свободы“.

Какими словами долженъ былъ бы Лассаль заклеймить въ наши дни поведеніе прусскихъ судовъ, которые послѣ паденія исключительнаго закона противъ соціалистовъ, не только не прекратили дѣйствія приговоровъ, состоявшимся ранѣе по дѣламъ о нарушеніи этого закона, но даже сочли возможнымъ постановить новые аналогичные приговоры! Нѣкоторые добросердечные люди требовали опубликованія особаго закона объ амнистіи, который долженъ былъ бы погасить всѣ такіе приговоры, но, по Лассалю, даже такой законъ здѣсь былъ бы совершенно излишнимъ.

„Было бы большимъ заблужденіемъ,—пишетъ онъ, —думать, что задачей амнистіи или помилованія является примиреніе новаго правосознанія со старымъ, умирающимъ, въ ихъ противорѣчивомъ отношеніи къ прежнимъ приговорамъ, обладающимъ еще законной силой,—хотя въ тѣхъ или иныхъ отдѣльныхъ случаяхъ амнистія и можетъ служить для этой цѣли.

„Амнистія, какъ и помилованіе всегда предполагаютъ, что дѣйствіе,

подлежащее амнистіи, остается одинаково наказуемымъ и съ точки зрѣнія теперешняго новаго правосознанія. Иначе его нечего было бы амнистировать (забывать--zu vergessen). Заключеніе же, къ которому мы пришли сейчасъ въ концѣ нашего анализа, состоитъ, наоборотъ, въ томъ, что по самому существу дѣла, въ силу самой идеи права, какъ таковой, дальнѣйшее теченіе наказанія за дѣйствіе, отнынѣ ненаказуемое, не должно имѣть мѣста. Приговоръ, обладающій законной силой и основанный на уголовномъ законѣ, который нынѣ является отмѣненнымъ и не замѣщенъ никакимъ другимъ закономъ равносильнаго содержанія, необходимо разсматривать, какъ такой приговоръ, который лишенъ силы или кассированъ (въ границахъ, въ которыхъ онъ еще не успѣлъ реализоваться) именемъ новаго высшаго народнаго правосознанія, этой единственной субстанціи всякаго права.

Развитыя здѣсь соображенія могутъ быть, слѣдовательно, сведены къ слѣдующему положенію: правило nulla poena sine lege [1]) нужно понимать не только въ томъ смыслѣ, что никакое наказаніе не можетъ быть возложено безъ соотвѣтствующаго закона, но также и въ томъ смыслѣ, что дальнѣйшее теченіе уже вступившаго въ силу наказанія не можетъ продолжаться при отсутствіи прежняго или новаго идентичнаго со старымъ закона". (Стр. 299).

Юристы, какъ тѣ, которые работали надъ дальнѣйшимъ развитіемъ права, такъ и тѣ, которые занимались преподаваніемъ права, до сихъ поръ въ своемъ, вырождавшемся въ безсмысленное идолопоклонство, преклоненіи передъ формулой „res judicata" (дѣлъ, юридически законченныхъ), какъ общее правило, совершенно замалчивали вопросъ о томъ дѣйствіи, которое неизбѣжно должно было всякій разъ само собой обнаруживаться при опубликованіи новаго уголовнаго закона, вводящаго извѣстныя смягченія сравнительно съ прежнимъ; что касается законодателей, то у нихъ, наоборотъ, можно иной разъ встрѣтиться съ прямой офиціальной санкціей нашего принципа. Такъ, напримѣръ, согласно § 18 вступленія ко всеобщему земскому прусскому праву, всякое смягченіе нормъ наказанія, разъ таковое будетъ установлено новыми законоположеніями, должно обращаться и на тѣхъ преступниковъ, которыхъ, на основѣ прежнихъ узаконеній, постигло болѣе суровое наказаніе, если только отбыть его они еще до конца не успѣли. Что же послѣ этого приходится сказать о достигнутомъ нами съ тѣхъ поръ прогрессѣ, если общее уголовное уложеніе, опу-

---

[1]) Нѣтъ наказанія безъ закона.

бликованное въ Пруссіи въ 1821 году, исключило вышеупомянутый параграфъ, содержавшій въ себѣ если не полное признаніе принципа, то хотя бы нѣкоторое его „предчувствіе“? Если оно примѣненіе смягченныхъ нормъ наказанія ограничило только тѣми случаями, въ которыхъ дѣла еще не получили своего окончательнаго разрѣшенія? И снова Лассаль со всей силой своихъ выраженій обрушивается на прусскую реакцію:

„Глубокая, яростная въ смутномъ предчувствіи новаго будущаго, ненависть ко всему разумному характеризуетъ собой эпоху прусской реакціи, наступившую съ 1849 года; какъ гнѣвное проклятіе, все на своемъ пути поражающее, она разражается даже тамъ, гдѣ нѣтъ никакого разумнаго смысла и основанія для проявленія этой ненависти; эта слѣпая ненависть ко всему разумному и заставила прусскую реакцію загасить послѣдніе свѣтлые лучи, которые пробивались въ ея собственномъ законодательствѣ, оставшемся отъ прошлаго столѣтія“. (Стр. 300).

Какъ мы уже выше показали, юридическая практика нашихъ дней, не погнушавшаяся заднимъ числомъ использовать исключительные законы противъ соціалистовъ, оставила далеко позади себя законодательную практику эпохи, наступившей послѣ эры 48-го года и получившей спеціальное наименованіе „эпохи реакціи“. Несомнѣнно—„въ предчувствіи будущаго“, но конечно—„безъ всякой ненависти“.

Только „кровожадной“ эпохѣ французской революціи оказался въ достаточной степени присущимъ „логическій инстинктъ“ и чувство „благородной гуманности“, чтобы въ полной мѣрѣ удовлетворить этому требованію основной идеи права. Именно въ законѣ, принятомъ законодательнымъ собраніемъ 3 сентября 1792 года въ дополненіе къ опубликованному въ 1791 году новому уголовному уложенію, было прямо и точно сказано, что всѣмъ осужденнымъ, стоящимъ подъ дѣйствіемъ приговоровъ, вступившихъ въ законную силу, тѣмъ не менѣе обезпечивается право—пользоваться всякими смягченіями карательныхъ нормъ, разъ только такое смягченіе будетъ проведено въ новыхъ законахъ. Однако, и во Франціи наступившая позднѣе реакція обнаружила свои слѣды ослабленіемъ силы этого принципа. 22-го фримэра VIII-го года республики опубликовывается, въ консульство Бонапарта, новая конституція,—и уже спустя три дня, на основаніи новаго закона, понизившаго карательныя нормы, смягчаются наказанія по старымъ дѣламъ, но отнынѣ **только такимъ** дѣламъ, по которымъ еще не закончено разсмотрѣніе кассаціонныхъ жалобъ.

Въ § 13, послѣднемъ параграфѣ этого отдѣла, Лассаль вновь возвращается къ понятію, формулированному имъ — правда, въ чисто абстрактной формѣ — еще въ параграфѣ первомъ, чтобы на этотъ разъ, въ заключительномъ анализѣ, представить его передъ нами во всей полнотѣ его конкретнаго содержанія, какъ оно раскрылось передъ нами на всемъ протяженіи предыдущаго изслѣдованія. Уже ранѣе было показано, что понятіе пріобрѣтенныхъ правъ опирается на понятіе индивидуальнаго волевого дѣйствія, а принципъ неприкосновенности этихъ правъ или принципъ отрицанія обратнаго дѣйствія — на понятіе свободной воли. Далѣе было показано, что даже тѣ пріобрѣтенныя права, которыя на первый взглядъ представляются вытекающими не изъ собственныхъ волевыхъ дѣйствій личности, а изъ чисто внѣшнихъ по отношенію къ ней событій, дѣйствій третьихъ лицъ, закона,—на самомъ дѣлѣ—въ свѣтѣ истиннаго спекулятивнаго анализа должны также мыслиться, какъ обусловленныя духовной свободной дѣятельностью индивидуума; что только одно спекулятивное понятіе обладаетъ силой „путемъ собственной діалектики развить изъ себя всѣ различія, сила и значеніе которыхъ обнаруживается во всей массѣ спеціальныхъ случаевъ". Изъ двухъ противоположныхъ принциповъ: — индивидуальной свободной воли и субстанціи права, какъ таковой, т. е. закона,— каждый съ самаго начала уже содержитъ въ самомъ себѣ другой принципъ, вмѣстѣ съ нимъ образуя одно общее единство: индивидуальное волевое дѣйствіе только тогда будетъ дѣйствіемъ юридически-обязательнымъ, если оно, въ качествѣ посредствующаго начала, содержитъ въ себѣ самую субстанцію права (законъ); наоборотъ, поскольку эта субстанція признаетъ за индивидуальной волей юридическую силу, постольку эта воля сама исходитъ отъ высшей субстанціи права— народнаго духа. На этомъ спекулятивномъ законѣ духа——идентичности логическихъ противорѣчій, изъ которыхъ каждое уже содержитъ въ себѣ другое, покоится, какъ на своемъ глубочайшемъ внутреннемъ базисѣ, то, „что оба противорѣчія не могутъ занимать по отношенію другъ къ другу абстрактно-исключающаго (одно другое) положенія", что наличность юридически-сильной свободной воли съ самаго начала связана съ предположеніемъ ея единства, съ самой субстанціей права, что поэтому, если въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи эта субстанція отрицаетъ правомѣрность того или иного опредѣленнаго волевого дѣйствія, то послѣднее перестаетъ быть отнынѣ источникомъ силы, и въ этомъ нельзя усматривать никакого обратнаго дѣйствія, никакого посягательства на свободную волю; наоборотъ, если въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи

субстанція права начинаетъ относиться утвердительно къ воспрещенному ранѣе дѣйствію индивидуальной воли, то чрезъ это теперь, само собой, въ данномъ актѣ индивидуальной свободной воли обнаруживается (heraustrete) присущая ему субстанціональная сила (Konvaleszenz).

„Эти спекулятивные законы со всѣмъ хаосомъ ихъ ближайшихъ и дальнѣйшихъ, такъ многообразно развѣтвляющихся и переплетающихся противорѣчій, со всей казуистикой ихъ индивидуальныхъ проявленій, — разрѣшаются для насъ въ единство спекулятивнаго понятія и выступаютъ передъ нами, какъ опредѣленія, вытекающія изъ этого понятія, изъ его внутренней сущности. И послѣ того, какъ мы уже готовы были отчаяться въ возможности свести ихъ хотя-бы къ многообразію твердыхъ опредѣленныхъ принциповъ, — всѣ они, весь этотъ спутанный клубокъ безсвязныхъ, несоединимыхъ и противорѣчивыхъ правилъ, вдругъ открываются передъ нами, какъ излученія центральнаго солнца единой спекулятивной идеи, подобно тому, какъ лучи, причудливо разбѣгающіеся по всѣмъ направленіямъ, исходятъ на самомъ дѣлѣ изъ единаго общаго для нихъ всѣхъ свѣтящагося центра; и это центральное солнце единой спекулятивной идеи и порождаетъ ихъ всѣхъ изъ себя, путемъ собственной внутренней дѣятельности, какъ свои излученія. Только тамъ, гдѣ есть это единство, только тамъ есть наука, система, доказательство и увѣренность. Однако, здѣсь не можетъ быть рѣчи о субъективно-произвольной идеѣ, ибо именно въ эмпирико-историческомъ матеріалѣ мы только и могли обрѣсти и обнаружить—повсюду здѣсь разбросанные—disjecta membra (распавшіеся элементы) этого спекулятивнаго понятія. Чистая эмпирія всегда будетъ напоминать собой, служащую ей прообразомъ, глубоко трогательную судьбу богини Изиды, которая бродитъ въ поискахъ за разбросанными членами своего бога, всѣхъ ихъ находитъ, собираетъ вмѣстѣ,—и изъ нихъ, въ концѣ концовъ, образуется единое цѣлое! И философія, поскольку она въ эмпиріи разыскиваетъ распавшіеся члены своего бога — идеи, можетъ быть увѣрена, что она добьется такихъ же счастливыхъ результатовъ. Ибо единство идеи, disjecta membra которой она собираетъ, есть тотъ творческій органъ, живой родникъ свободно струящейся жизни, который теперь самъ собой, въ неустанномъ процессѣ своей творческой плодотворной работы, долженъ обнаружить предъ нами все богатство своего позитивнаго содержанія и отмести въ сторону всѣ прежнія заблужденія“. (Стр. 303).

Но именно потому, что Лассаль велъ свое изслѣдованіе, исходя исключительно отъ чисто спекулятивнаго понятія, — именно, оперируя все время надъ понятіемъ индивидуальной свободной воли, съ одной стороны,

и понятіемъ субстанціи права — съ другой; именно потому, что онъ всю свою теорію развилъ, исходя исключительно отъ этихъ двухъ факторовъ,— именно поэтому онъ въ данной работѣ разрѣшилъ не только ту задачу, которую онъ первоначально поставилъ передъ собой, онъ сдѣлалъ больше, онъ въ принципѣ разрѣшилъ, между прочимъ, также вопросъ о мѣстной коллизіи законовъ. Ибо этотъ вопросъ основывается на тѣхъ же самыхъ логическихъ моментахъ, какъ и прежній вопросъ. Какъ именно перекрещиваются между собой эти логическіе моменты, во времени или въ пространствѣ, должно быть совершенно безразличнымъ, ибо эти формы бытія, согласно понятію, идентичны другъ другу. Однако, попытка показать практически, что въ развитомъ выше анализѣ уже внутренно содержится принципіальное разрѣшеніе вопроса о мѣстной коллизіи законовъ, потребовала бы новаго обширнаго изслѣдованія, которое здѣсь не представляетъ особаго интереса; поэтому Лассаль ограничивается только двумя замѣчаніями, воспроизведеніемъ которыхъ мы и закончимъ эту главу. Лассаль пишетъ:

„Прежде всего можно выставить формулу, согласно которой судья, въ тѣхъ случаяхъ, когда коллизія сводится на коллизію во времени, обязанъ руководствоваться новымъ закономъ, въ случаѣ же чисто мѣстной коллизіи — правомъ Prozessforum'а; но въ тѣхъ случаяхъ мѣстной коллизіи, когда законъ (какъ если-бы коллизія была во времени) подлежалъ выполненію въ самое время совершенія дѣянія, въ этихъ случаяхъ должно приниматься во вниманіе относительно право- и дѣеспособности лица— право его мѣстожительства, относительно формальной дѣйствительности совершеннаго имъ дѣянія — право мѣста, гдѣ совершено это дѣяніе; что же касается юридическихъ послѣдствій дѣянія, то здѣсь принимаемое во вниманіе право опредѣляется въ согласіи съ тѣми индивидуальными, хотя-бы только молчаливо подразумѣваемыми цѣлями, которыя преслѣдуютъ обѣ стороны, — и въ этомъ случаѣ оно можетъ быть, смотря по обстоятельствамъ, или опять-таки правомъ мѣста, гдѣ совершено дѣяніе, или правомъ мѣстожительства лица, его совершившаго, или правомъ мѣста, гдѣ должны осуществиться эти послѣдствія; такимъ образомъ, здѣсь является возможность выбора, и рѣшеніе вопроса будетъ зависѣть отъ той или иной интерпретаціи фактической воли обѣихъ сторонъ; поэтому здѣсь передъ нами (на это никогда не обращали должнаго вниманія и всегда впадали здѣсь въ ошибку) нѣтъ никакой коллизіи законовъ, а только простой случай болѣе или менѣе затруднительнаго опредѣленія тѣхъ фактическихъ цѣлей, которыя преслѣдуются сторонами; но именно по

этому данный случай не имѣетъ никакого касательства къ тѣмъ принципамъ, анализомъ которыхъ мы сейчасъ были заняты“. (Стр. 304).

VIII. Изъ „Приложенiй“.

Третья и послѣдняя часть перваго тома, носящая такое заглавiе и въ свою очередь распадающаяся на шесть подъ-отдѣловъ, начинается со стороны Лассаля замѣчанiемъ, что задачей ея не можетъ быть изслѣдованiе такихъ юридическихъ вопросовъ, разрѣшенiе которыхъ, если и не было дано раньше въ прямой и точной формѣ, то во всякомъ случаѣ непосредственно вытекаетъ изъ самой столь обстоятельно разсмотрѣнной ранѣе теорiи. Въ планы его работы никоимъ образомъ не входитъ—дать такое детальное и обстоятельное описанiе всѣхъ отдѣльныхъ случаевъ, при которомъ собственной мысли читателя нечего было бы дѣлать. Поэтому онъ остановится еще только на нѣкоторыхъ немногихъ вопросахъ, представляющихъ собой особый интересъ или особыя трудности, особенно на вопросѣ о наслѣдственномъ правѣ, подробное разсмотрѣнiе котораго въ двойномъ отношенiи оказывается необходимымъ для развитiя и подтвержденiя самой теорiи.

Для насъ, разумѣется, наиболѣе запутанные вопросы чисто юридическаго свойства, не представляющiе собой общаго интереса, сами собой отпадаютъ. и мы ограничимся только тѣмъ, что остановимся на двухъ пунктахъ, которымъ Лассаль, повидимому, самъ придавалъ особенную цѣнность.

Въ подъ-отдѣлѣ II рѣчь идетъ о двухъ видахъ вещныхъ правъ, объ арендѣ и фамильныхъ фидеикомиссахъ въ нѣмецкомъ правѣ. Что касается аренды, то въ связи съ нею здѣсь разсматривается собственно только побочный вопросъ второстепеннаго значенiя, на которомъ мы останавливаться не станемъ; по вопросу о фидеикомиссахъ, который вообще на протяженiи всей работы постоянно выдвигается на первый планъ, Лассаль снова удѣляетъ очень много вниманiя; отчасти это приходится объяснить близкой связью этого вопроса съ вопросомъ наслѣдственнаго права, который спецiально интересуетъ Лассаля; отчасти, вѣроятно, тѣмъ, что въ процессѣ графини Гатцфельдъ Лассаль имѣлъ такую массу поводовъ съ нимъ обстоятельно ознакомиться. Теперь,—пишетъ Лассаль,—намъ предстоитъ заняться слѣдующимъ вопросомъ:

„Должны-ли и, слѣдовательно, могутъ-ли фидеикомиссы (въ случаѣ состоявшейся законодательной отмѣны этого института) становиться свободной

собственностью въ рукахъ ихъ теперешняго владѣльца? Не должны-ли они, наоборотъ, какъ собственность, только теперь дѣлающаяся доступной наслѣдованію, пойти въ раздѣлъ между теперешнимъ владѣльцемъ и фамильными членами основателя этого изъ фидеикомисса той же линіи, именно тѣми изъ числа этихъ членовъ, которые, согласно общему наслѣдственному праву этой страны, являются равноправными притязателями на наслѣдство?" (Стр. 334—335).

Уже одна постановка второго вопроса, въ силу полнаго противорѣчія съ господствующими традиціями, можетъ показаться въ высшей степени парадоксальной. И, однако,—далѣе „обнаружится, что, при болѣе тщательномъ изслѣдованіи, безусловный утвердительный отвѣтъ на этотъ вопросъ не можетъ подлежать никакому сомнѣнію".

„Съ такой абсолютной безусловностью данный вопросъ можетъ быть разрѣшенъ именно потому, что разрѣшеніе его цѣликомъ зависитъ отъ того или иного отвѣта на другой вопросъ: является-ли владѣтель фидеикомисса настоящимъ, хотя-бы и ограниченнымъ извѣстными условіями, собственникомъ этого фидеикомисса, или же ему принадлежитъ только право пользованія имъ, собственность же на самую субстанцію мыслится по отношенію къ нему, какъ и по отношенію ко всей нисходящей фамильной линіи основателя этого фидеикомисса, — въ состояніи бездѣйствія (ruhend zu denken)?

Если владѣтель фидеикомисса является собственникомъ, только ограниченнымъ извѣстными условіями, — тогда нѣтъ ничего яснѣе, что французскіе законодатели, упраздняя фидеикомиссы, дѣйствовали вполнѣ правомѣрно и правильно.

Въ этомъ случаѣ—владѣтель фидеикомисса уже до закона былъ, хотя и ограниченнымъ, но все-же собственникомъ самой субстанціи; теперь, съ отмѣною, въ силу новаго запретительнаго закона, этихъ ограниченій, онъ необходимо и самъ собой становится ея неограниченнымъ собственникомъ. Ничего не можетъ быть проще, и всего менѣе можно задумываться надъ разрѣшеніемъ такого вопроса.

Но ничего не можетъ быть также яснѣе, что этотъ практическій выводъ является совершенно недопустимымъ въ томъ случаѣ, если прежнимъ субъектомъ и истиннымъ собственникомъ на самую субстанцію фидеикомисса было, наоборотъ, все нисходящее потомство его основателя въ цѣломъ; очевидно, что здѣсь, въ порядкѣ наслѣдованія, установленномъ основателемъ фидеикомисса, должно было всегда проявляться (lebendig werden) и всегда осуществляться право наслѣдованія именно

этого потомства, причемъ своимъ источникомъ оно — это право — всегда имѣетъ не волю послѣдняго владѣльца фидеикомисса, но именно волю его первоначальнаго основателя; и именно потому, что право собственности на самую субстанцію фидеикомисса in perpetuum (вѣчно) переносится на все нисходящее потомство въ его цѣломъ, именно поэтому каждому отдѣльному лицу, временно становящемуся по порядку во главѣ фидеикомисса, должно принадлежать только право пользованія имъ (nur mit dem Eigentum an den Nutzungen).

И если въ силу принципа, лежащаго въ основѣ французскаго законодательства, связанная прежде фидеикомиссами собственность отнынѣ становится, благодаря уничтоженію прежнихъ ограниченій, свободной собственностью въ рукахъ ея теперешняго владѣльца, — то здѣсь, въ нашемъ послѣднемъ случаѣ, изъ того же самаго принципа и съ той же безусловной необходимостью вытекаетъ, что эта собственнотть отнынѣ превращается въ свободную собственность семьи, какъ истиннаго собственника, связаннаго опредѣленнымъ (по способу фидеикомиссовъ) порядковъ наслѣдованія. Или—и это есть только иной способъ выраженія, съ большею силой подчеркивающій сильный источникъ права:—она отнынѣ превращается въ свободную собственность вѣчной (perpetuellen) семьи, на которую уже первоначально самимъ основателемъ было перенесено право собственности на субстанцію; и въ лицѣ всѣхъ теперешнихъ юридическихъ субъектовъ этого неизсякающаго (perpetuirlichen) понятія семьи, послѣдняя находитъ только своихъ временныхъ представителей, которые, въ смыслѣ правъ на наслѣдство, стоятъ въ томъ же отношеніи къ первоначальному основателю, какъ и теперешній владѣтель фидеикомисса". (Стр. 335—336).

Вмѣстѣ съ уничтоженіемъ, согласно закону, фидеикомиссовъ,—уничтожается и самая возможность того, чтобы на „вѣчную семью"—это непрерывно развивающееся семейное древо — въ лицѣ ея будущихъ поколѣній по прежнему переносилось право собственности. Мы уже знаемъ, что воспрещеніе (Prohibition) не можетъ быть проведено далѣе тѣхъ границъ, которыя ему указываются содержаніемъ запретительнаго (prohibierten) правосознанія; иначе говоря, простое воспрещеніе фидеикомиссовъ не должно на практикѣ вести къ злоупотребленіямъ въ смыслѣ посягательства на общее наслѣдственное право, до сихъ поръ еще, какъ таковое, сохранившее свою силу даже съ точки зрѣнія новаго правосознанія; поэтому, съ отмѣною фидеикомиссовъ, собственность „вѣчной семьи", собственность будущихъ, еще не существующихъ, отпрысковъ семейнаго древа (какъ не существующіе, они не могутъ еще обладать никакими пріобрѣтенными

правами) становится собственностью сейчасъ существующей дѣйствительной семьи. Всякій иной способъ разрѣшенія вопроса былъ бы, какъ скоро мы убѣдимся въ этомъ, обращеніемъ къ „истинному обратному дѣйствію“ — и для того только, чтобы избѣжать „призрачнаго обратнаго дѣйствія“. Но если упраздняется наслѣдственное право будущихъ поколѣній вѣчной семьи, то вмѣстѣ съ нимъ самъ собою совершенно упраздняется и порядокъ наслѣдованія, установленный основателемъ фидеикомисса съ единственной цѣлью — охраненія этого права: то, что до сихъ поръ было собственностью семьи, какъ понятія,—отнынѣ становится „собственностью ея живой... реальности въ лицѣ ея сейчасъ существующихъ юридическихъ субъектовъ“.

Никогда основатель фидеикоммисса не думалъ и не могъ думать о какомъ-либо отдѣльномъ опредѣленномъ членѣ въ ряду своего потомства, никогда онъ не желалъ именно ему передать свою собственность; объ этомъ ясно свидѣтельствуютъ самыя опредѣленія (столь для нихъ характерныя) этихъ институтовъ, какъ такихъ институтовъ, которые своею цѣлью имѣютъ „сохраненіе фамиліи“ или „поддержаніе блеска фамилія“ или „сохраненіе древа и имени“.

Уже въ силу этого — превращеніе фидеикоммисса въ свободную собственность его теперешняго владѣтеля было бы „полнымъ искаженіемъ (Denaturierung) индивидуальнаго акта (именно первоначальной воли основателя фидеикомисса) и, слѣдовательно, представляло бы собой несомнѣнное обратное дѣйствіе“. (Стр. 337). Въ такомъ обратномъ дѣйствіи несомнѣнно оказался повиненъ вышеупомянутый французскій законъ, и притомъ „именно потому, что онъ, при своемъ недостаточно глубокомъ теоретическомъ уразумѣніи вопроса, не провелъ уничтоженія стараго института съ достаточной послѣдовательностью“. По этому поводу можно, между прочимъ, замѣтить, что законъ „можетъ иной разъ оказаться обратно дѣйствующимъ закономъ именно благодаря тому, что онъ не достаточно послѣдовательно и глубоко проводитъ въ жизнь новое правосознаніе“. (Стр. 339).

Лассаль показываетъ это, между прочимъ, на вопросѣ о томъ, какъ понимается наслѣдственное право въ отношеніи къ женскимъ членамъ фамильнаго древа, связаннаго съ фидеикомиссомъ. А затѣмъ онъ приступаетъ къ доказательству того, что и въ нѣмецкомъ правѣ (мѣстами эта мысль у него проскальзывала уже ранѣе) фидеикомиссъ необходимо „по самой субстанціи его“, разсматривать, „какъ покоющійся въ собственности фамиліи“ („als im Eigentum der Familie ruhend“), а не такъ, что

случайный владѣтель его является его истиннымъ и только ограниченнымъ собственникомъ (таковъ взглядъ на него различныхъ новѣйшихъ авторовъ).

„Безусловная ложность (Verwerflichkeit) такого взгляда не можетъ ни на одно мгновеніе подлежать сомнѣнію. Уже на основаніи вышесказаннаго должно быть несомнѣнно ясно, что только пониманіе этого института, какъ фамильной собственности, дѣйствительно отвѣчаетъ самому понятію. Владѣтель римскаго фамильнаго фидеикомисса, безспорно, былъ въ дѣйствительности ограниченнымъ собственникомъ, — и только затемняющимъ вліяніемъ римскаго фидеикомисса, съ которымъ нѣмецкій фидеикоммисъ, съ точки зрѣнія права, не имѣетъ по существу ничего общаго, только безсознательнымъ воздѣйствіемъ римскихъ категорій права на современныя категоріи, громко протестующія противъ такого непозволительнаго смѣшиванія,—и можно объяснить зарожденіе вышеуказаннаго безусловно ложнаго пониманія“.

„Въ нѣмецкомъ правѣ выступаетъ понятіе коллективной общей собственности, принадлежащей множеству лицъ, мыслимому, какъ юридическое единство. По отношенію къ фидеикомису это есть только дальнѣйшее органическое развитіе древне-германскаго представленія о нравственномъ единствѣ семьи и о вытекающемъ изъ такого единства общемъ характерѣ ея собственности, какъ это ясно обнаруживается въ древнемъ правѣ интестата [1]). Понимаемая въ смыслѣ такого дальнѣйшаго развитія древняго народнаго представленія, эта собственность становится отнынѣ собственностью семьи, какъ понятія, и неизбѣжно поэтому мыслится, какъ собственность, на вѣки неотчуждаемая, до тѣхъ поръ, по крайней мѣрѣ, пока логическое понятіе семьи обладаетъ еще хоть нѣкоторой реальностью въ лицѣ своихъ живущихъ субъектовъ (членовъ этой семьи)“. (Стр. 343—345).

Формально-юридическіе критеріи могутъ служить новымъ доказательствомъ въ пользу именно такого пониманія нѣмецкаго фидеикомисса. Въ то время, какъ римскій фидеикоммиссъ могъ переходить въ собственность его теперешняго случайнаго владѣльца и даже, въ случаѣ согласія на это со стороны остальныхъ заинтересованныхъ лицъ, могъ обращаться въ продажу,—относительно нѣмецкаго фамильнаго фидеикомисса такіе юридическіе процессы совершенно не могли имѣть мѣста. Подтвержденіемъ этого могутъ, между прочимъ, служить старые юридическіе документы, а также

---

[1]) Наслѣдованіе безъ завѣщанія по общему закону или обычаю.

и прямыя опредѣленія законодателей, которые, своимъ практическимъ чутьемъ, обыкновенно „ближе подходятъ къ истинѣ, чѣмъ (юридическіе) авторы при помощи своихъ половинчатыхъ теорій“. (Стр. 349).

Къ этому Лассаль дѣлаетъ слѣдующее примѣчаніе:

„Не слѣдуетъ упускать изъ вида, что на такомъ ложномъ пониманіи института фидеикоммиссовъ, помимо теоретической путаницы идей, безспорно отразились также и политическія вліянія; слѣды ихъ—несомнѣнны, хотя дѣйствіе ихъ и проявлялось обычно въ безсознательной формѣ.

Въ большинствѣ случаевъ сторонниками и защитниками такого взгляда на фидеикоммиссы являются либеральные писатели. Либерализмъ, въ силу своей собственной ограниченности, полагалъ, что несравненно легче справиться съ ограниченной собственностью владѣльцевъ фидеикоммисса, чѣмъ съ правомъ фамильной собственности,—вѣдь для этого ему достаточно было только уничтожить всѣ такія стѣсняющія собственность „ограниченія“,—правда, при этомъ права агнатовъ (родственниковъ съ отцовской стороны) превращались въ пустыя безплодныя „ожиданія“, но зато со стороны самихъ собственниковъ уже нельзя было теперь ожидать никакихъ жалобъ и протестовъ!—Но тамъ, гдѣ характеристика фидеикоммисса исходила со стороны представителей земельной аристократіи, тамъ (напримѣръ, со стороны придворнаго совѣтника Колера, владѣльца княжескаго имѣнія Оттингенъ-Валлерштейнъ) фидеикоммиссъ, въ согласіи съ его истинной логической природой, всегда истолковывался, какъ собственность, принадлежащая всей семьѣ въ цѣломъ и ея будущимъ номолѣніямъ. Такимъ образомъ, оказывается, что въ данномъ случаѣ „право понятія“ только у феодаловъ достигаетъ своего признанія!“

Что именно требуетъ это право, мы уже видѣли раньше; Лассаль повторяетъ это еще разъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ, предварительно процитировавъ, въ пользу своего утвержденія, соотвѣтствующія опредѣленія изъ баварскаго, австрійскаго и прусскаго законодательства:

„Слѣдовательно, если-бы теперь въ одномъ изъ этихъ трехъ государствъ пришли къ заключенію о необходимости уничтожить фидеикоммиссы, то не могло бы быть и спора о томъ, ,что упраздненіе этихъ фидеикоммиссовъ должно здѣсь совершиться именно въ томъ самомъ направленіи, какъ мы установили выше, т. е.—съ уничтоженіемъ прежняго порядка наслѣдованія, отвѣчавшаго древнему закону частнаго интестата, внутренно связанное прежде наслѣдственное право семьи должно отнынѣ получить возможность свободной реализаціи, но только въ строгомъ соотвѣтствіи съ современнымъ правомъ интестата“. (Стр. 350).

Такимъ образомъ, въ концѣ концовъ, это „право полнаго понятія" доставляетъ феодаламъ еще больше огорченій, чѣмъ половинчатость либеральнаго законодательства. Послѣдніе, заставивъ членовъ фамильной группы удовольствоваться сравнительно скромными подаяніями для обезпеченія имъ существованія, превращаетъ теперешнихъ владѣльцевъ фидеикоммиссовъ въ полноправныхъ и неограниченныхъ собственниковъ; что же касается „права полнаго понятія", то, въ согласіи съ нимъ, всѣ члены фамильной группы, кто только можетъ изъ нихъ обосновать свои притязанія на почвѣ современнаго общаго наслѣдственнаго права, должны стать сонаслѣдниками по отношенію къ этому отнынѣ свободному имѣнію.

Правомѣрный характеръ развитаго здѣсь принципа находитъ себѣ, съ другой стороны, подтвержденіе и въ общихъ основаніяхъ справедливости; во имя этихъ основаній онъ и приводился иногда на практикѣ въ различныхъ законодательствахъ; Лассаль приводитъ одинъ примѣръ изъ исторіи пьемонтскаго права. Но всего рѣшительнѣе и неотразимѣе свидѣтельствуетъ въ пользу этого принципа то обстоятельство, что даже тамъ, гдѣ упраздненіе фидеикоммисса совершалось не въ силу преобразованія права, а въ силу простого чисто внѣшняго факта—вымиранія всего мужского древа, идущаго отъ основателя этого фидеикоммисса,—даже здѣсь, по единогласному признанію всѣхъ авторитетовъ нѣмецкаго права, на сцену должно было въ этомъ случаѣ выступить, обладающее полной силой, право наслѣдованія по женской линіи въ предѣлахъ той же фамильной группы, хотя-бы даже была извѣстна прямая, даже клятвенно (eidlich) подтвержденная воля основателя, рѣшительно отстранявшаго отъ наслѣдованія потомство въ женской линіи.

Лассаль приводитъ нѣсколько соотвѣтствующихъ примѣровъ изъ исторіи обще-имперскаго права, а затѣмъ, показавъ еще разъ, почему именно преобразованіе права, выразившееся въ содержаніи запретительнаго закона, должно обладать большей силой дѣйствія, чѣмъ простая фактическая перемѣна въ видѣ чисто внѣшняго и случайнаго событія,—онъ замѣчаетъ, что съ момента вступленія въ силу новаго запретительнаго закона, отмѣняющаго порядокъ наслѣдованія по правиламъ фидеикоммисса, теперешній владѣтель этого фидеикоммисса, какъ таковой, долженъ считаться „умершимъ", и отнынѣ, на ряду со своими братьями и сестрами, какъ и другими родственниками отъ того же генеалогическаго древа, онъ является, по отношенію къ свободному отнынѣ имѣнію, простымъ сонаслѣдникомъ на почвѣ интестата. Показавъ далѣе, что всѣ заключенія, развитыя имъ

по поводу фидеикоммисовъ, оказываются еще болѣе безспорными по отношенію къ ленимъ владѣніямъ, онъ и заканчиваетъ этимъ второй подъ-отдѣлъ.

Въ подъ-отдѣлѣ пятомъ рѣчь идетъ о той юридической нормѣ, согласно которой разъяснительные (interpretierende) законы начинаютъ дѣйствовать не съ того дня, когда они опубликованы, но со дня опубликованія того закона, въ разъясненіе котораго они изданы. Правомѣрность такого обращенія ихъ на прошлое ни въ коемъ случаѣ не можетъ подлежать сомнѣнію, и основывается она на различіи между внутренней потенціальной сущностью (Ansich) идеи права и такой же понтеціальной сущностью (Ansich) закона.

„Идея права, въ своей идеальности (Idealität), содержитъ въ себѣ между прочимъ то, что еще не успѣло претвориться въ дѣйствительность, т. е. еще не успѣло сдѣлаться правомъ; это право изъ нея осаждается (herausgesetzt wird) только въ процессѣ историческаго развитія. Потенціальная сущность (Ansich) идеи права и есть именно такая, еще не достигшая своего проявленія сущность (das noch nicht Gesetzte); и, слѣдовательно, только съ момента своего проявленія она можетъ притязать на дѣйствительность.

Но та потенціальная сущность (Ansich), о которой идетъ теперь рѣчь, какъ потенціальная сущность закона (Ansich des Gesetzes), есть уже проявившаяся сущность (ein gesetztes) и должна поэтому, какъ такой уже реализовавшійся моментъ (gesetztes Moment) идеи права, требовать себѣ дѣйствительнаго бытія; какъ потенціально (an sich) содержащаяся въ самомъ законѣ, она уже сдѣлалась объективной дѣйствительностью права, и поэтому ея разъясненіе (Explication), по своему значенію, есть не развитіе ея въ сторону объективнаго (objectiven Entfaltung), т. е. не обнаруженіе того, чего раньше въ ней не было, но только обнаруженіе для субъективнаго сознанія того, что уже раньше содержалось въ ней объективнаго". (Стр. 370) [1]).

---

[1]) Логическій анализъ понятій въ этомъ отрывкѣ основанъ у Лассаля на томъ, что слово законъ въ нѣмецкомъ языкѣ (Gesetz) есть производное отъ глагола setzen—ставить, полагать, утверждать во внѣ; причастіе отъ этого глагола, взятое въ субстанціональной формѣ (das Gesetzte), по транскрипціи и произношенію почти ничѣмъ не отличается отъ существительнаго законъ (das Gesetz). Въ русскомъ переводѣ эти

Та же самая идея выражена въ римскомъ правоположеніи: eadem vis inest tacitis atque expressis—одинаковая сила присуща какъ высказаннымъ, такъ и не высказаннымъ (опредѣленіямъ). У народовъ древности, въ классическую эпоху, когда „внутреннее нравственное единство народнаго духа—Этосъ (Ethos)—разсматривалось, какъ уже нѣкая твердая опредѣленность, новый запретительный законъ могъ быть обращенъ даже на прежнія, до сихъ поръ еще никакимъ закономъ не воспрещаемыя дѣянія, ибо, въ силу этой объективной субстанціональности народнаго духа, новый законъ могъ разсматриваться, какъ простое обнаруженіе (Deklaration) того содержанія (моральнаго закона), которое уже ранѣе потенціально (an sich) заключалось въ субстанціи права. Но это является недопустимымъ въ наше время, когда „субъективизмъ и индивидуализмъ, образованіе и скепсисъ“ разрушили среди отдѣльныхъ личностей присущее имъ прежде строгое единство моральныхъ воззрѣній относительно народнаго духа, когда, по своему этическому сознанію, личности, входящія въ составъ одного и того же государства, такъ глубоко различаются между собой, какъ будто бы онѣ отдѣлены другъ отъ друга цѣлыми міровыми періодами, когда это этическое сознаніе, вмѣсто того, чтобы опредѣляться у нихъ всеобщимъ народнымъ этосомъ, на самомъ дѣлѣ почти всегда опредѣляется случайными условіями ихъ духовнаго развитія со всѣми его случайными дефектами и случайными преимуществами. При такихъ условіяхъ въ полной силѣ должно оставаться правило, что только то содержаніе всеобщаго правосознанія можетъ притязать на дѣйствительность, которое такъ или иначе—въ прямой-ли документальной формѣ или по существу дѣла (implicite)—уже достигло своего проявленія (gesetzt worden). Но это проявленіе можетъ осуществляться разными способами. Лассаль переходитъ теперь къ развитію своей теоріи возникновенія права путемъ революціи или въ процессѣ революцій.

два слова, связанные у Лассаля общностью корня, приходится передавать различными словами, отъ чего, конечно, значительно ослабляется логическая сила анализа.

(Примѣчаніе переводчика).

ПРАВО,

какъ простой продуктъ революціонныхъ выступленій народа.

„Но если всеобщее народное правосознаніе только въ томъ случаѣ можетъ притязать на юридическую обязательность, если оно по своему содержанію уже достигло своего проявленія, то слѣдуетъ-ли изъ этого, что формой его проявленія должна быть исключительно словесная форма (in Worten)? Не можетъ-ли оно обнаружиться также и въ дѣяніяхъ цѣлаго народа, въ дѣяніяхъ, наполненныхъ опредѣленнымъ внутреннимъ содержаніемъ? Согласно самой идеѣ права, возможность такой формы проявленія не подлежитъ сомнѣнію; ибо вѣдь этой идеей, какъ мы видѣли раньше, требуется только одно,—чтобы содержаніе всеобщаго правосознанія такъ или иначе достигло своего обнаруженія и утвержденія. Но своего утвержденія и претворенія въ дѣйствительность оно можетъ достигать съ одинаковымъ успѣхомъ какъ черезъ посредство словъ, такъ и чрезъ посредство дѣйствій—verbis aut factis. Эта мысль, какъ строго логическое неустранимое заключеніе, уже содержится въ томъ ранѣе разсмотрѣнномъ и общепризнанномъ положеніи, что даже то, что въ законѣ высказано лишь implicite или молчаливо въ немъ подразумѣвается, должно обладать той же обязательностью, какъ и выраженное въ немъ expressis verbis [1]). Въ самомъ дѣлѣ, разъ оно содержится въ законѣ только implicite,—оно, слѣдовательно, не выражено въ немъ словесно, прямыми словами; и если это, не выраженное въ прямыхъ словахъ содержаніе должно, однако, (въ силу той логической необходимости, съ которой оно обнаруживается передъ нами, какъ внутреннее, молчаливо-подразумѣвающееся содержаніе закона) обладать юридической обязательностью,—то, очевидно, во имя той же идеи права, та же обязательность должна быть присуща и тому всенародному правосознанію, которое еще не получило своего словеснаго выраженія и пока лишь стихійнымъ путемъ проявилось въ дѣйствіяхъ цѣлаго народа". (Стр. 376).

Наиболѣе принципіально и точно эта мысль выражена у римскаго юриста Юліана, который обосновываетъ ее слѣдующимъ образомъ (мы

---

[1]) Въ ясныхъ точныхъ словахъ.

опускаемъ латинскій текстъ и пользуемся переводомъ Лассаля): „Такъ какъ законы обладаютъ обязательной силой только потому, что они приняты волею народа, то, очевидно, одинаково обязательны должны быть для насъ и такіе законы, которые народъ одобрилъ безъ посредства какихъ бы то ни было письменныхъ документовъ; въ самомъ дѣлѣ—какая разница, выразилъ-ли народъ свою волю посредствомъ голосованія или же фактами и дѣйствіями? Вполнѣ поэтому справедливымъ является утвержденіе, что законы отмѣняются не только въ силу формальной отмѣны ихъ со стороны законодателя, но и въ силу единодушной воли всего народа, хотя бы и не получившей словеснаго выраженія“.

Въ такомъ именно принципіальномъ значеніи законъ выступаетъ предъ нами на практикѣ не только въ эпоху господства обычнаго права,—но „даже въ такое время, когда объ обычномъ правѣ не можетъ быть болѣе и рѣчи, въ эпохи тѣхъ быстрыхъ судорожныхъ преобразованій всеобщаго правосознанія, которыми такъ богата новѣйшая исторія“. Иначе говоря — въ эпохи революцій.

Лассаль глубже развиваетъ свою мысль, выставляя далѣе, во всей ихъ противоположности, дѣятельность французскаго Конвента 1792 года и прусскаго Верховнаго Трибунала въ пятидесятыхъ годахъ нашего столѣтія; эти параллели являются дѣйствительно столь классическаго свойства, что заслуживаютъ вполнѣ своего воспроизведенія здѣсь, хотя-бы въ общихъ чертахъ. Стремясь ввести принципъ равенства внутри семейныхъ отношеній и воспрепятствовать дальнѣйшему сохраненію старыхъ, основанныхъ на обычномъ и т. п. правѣ, привилегій первородства, какъ и вообще привилегій мужской линіи въ потомствѣ наслѣдодателя,—французскій Конвентъ, уже декретомъ отъ 7 марта 1793 года, объявилъ, что отнынѣ теряется правомочіе — закрѣплять путемъ завѣщаній свое наслѣдство исключительно за прямой линіей потомства, т. е. устранять отъ правъ наслѣдованія всѣхъ, за исключеніемъ одного единственнаго прямого потомка; а 17-го Нивоза 2-го года (6 января 1794 года) былъ опубликованъ совершенно новый законъ о правахъ наслѣдованія, законъ, важнѣйшія основанія котораго впослѣдствіи перешли въ Гражданское уложеніе, кодифицированное въ эпоху Наполеона. Въ первой части этого закона Конвентъ

постановляетъ, что всѣ тѣ наслѣдства, которыя открылись со времени 14 іюля 1789 года, подлежатъ, съ юридической точки зрѣнія, дѣйствію того же принципа равенства, что всѣ диспозиціи, составленныя послѣ этого дня наслѣдодателями на случай смерти, всѣ юридически оформленные акты о введеніи въ наслѣдство,—объявляются отнынѣ недѣйствительными, и наслѣдства, уже юридически-открывшіяся на почвѣ этихъ диспозицій и т. д., становятся снова открытыми и подлежатъ отнынѣ раздѣлу на равныхъ доляхъ между естественными наслѣдниками (между дѣтьми, внуками или наслѣдниками умершаго лица въ боковыхъ линіяхъ). Это постановленіе сохраняетъ свою силу даже относительно завѣщаній и актовъ о порядкѣ наслѣдованія, составленныхъ еще до 14 іюля, если только составители ихъ были еще живы въ день 14 іюля 1789 года.

Эти законодательныя постановленія Конвента впослѣдствіи подвергались нареканіямъ, какъ построенныя на принципѣ обратнаго дѣйствія, а съ той или иной стороны выставлялись даже иногда, какъ проявленіе „неистовства“, которымъ былъ одержимъ Конвентъ; по этому поводу Лассаль останавливается на рѣчахъ Верлье, бывшаго докладчикомъ въ Конвентѣ относительно этого декрета, а также на тѣхъ постановленіяхъ Конвента, въ которыхъ онъ отвергъ предложенія, имѣвшія цѣлью еще болѣе усилить дѣйствіе новаго декрета, подчинивъ ему еще болѣе ранніе акты о завѣщаніяхъ: и на основаніи этихъ данныхъ Лассаль утверждаетъ, что Конвентъ, издавая свои постановленія, во всякомъ случаѣ не стремился охватить прошлое новыми законами во имя обратнаго дѣйствія, и если-бы онъ даже фактически оказался въ этомъ повиненъ, то внутренно онъ былъ, однако, убѣжденъ въ томъ, что здѣсь нѣтъ никакого обратнаго дѣйствія. Вопросъ, слѣдовательно, долженъ быть поставленъ только такимъ образомъ: не оказался-ли Конвентъ фактически, вопреки своимъ убѣжденіямъ и стремленіямъ, повиненъ въ обратномъ дѣйствіи? Послѣ всѣхъ развитыхъ выше соображеній этотъ вопросъ встаетъ передъ нами въ совершенно новомъ освѣщеніи, и только въ связи съ ними онъ можетъ получить свое истинное разрѣшеніе.

„До-революціонное наслѣдственное право во Франціи основывалось—среди высшихъ сословій — на привилегіи первородства и привилегіяхъ мужской линіи потомства; вплоть до самой революціи на этихъ привилегіяхъ держались какъ французскія coutumes [1]), такъ и семейные обычаи. Съ отмѣной этихъ привилегій само собой вступало въ силу новое

[1]) Обычное право.

наслѣдственное право, основанное на естественномъ равенствѣ всѣхъ членовъ семейной группы,—это и выразилъ Конвентъ въ законѣ 17-го Нивоза; полное принципіальное (prohibitive) уничтоженіе этихъ привилегій, ихъ упраздненіе силою принудительнаго (zwingende) закона явилось необходимымъ послѣдствіемъ того новаго правосознанія французской націи, которое принесла съ собой французская революція и которое нынѣ, въ силу своего содержанія, повелительно требовало утвержденія въ жизни принципа равенства всѣхъ передъ лицомъ закона. Теперь оставалось выяснить только одно: когда именно это преобразованное правосознаніе націи претворилось въ дѣйствительность, иначе говоря, въ какой именно моментъ исторіи оно сдѣлалось правомъ? Вѣдь съ этого момента всѣ противостоящія ему индивидуальныя дѣйствія, какъ дѣйствія, не согласованныя съ этой всеобщей волей, повелительно выраженной и уже овладѣвшей сферой права, т. е. пріобрѣтшей свойства дѣйствительной воли,—перестали быть дѣйствіями, юридически-обязательными, сдѣлались дѣйствіями юридически-ничтожными (nichtige), и притомъ—ничтожными уже въ самое время ихъ совершенія.

И мы теперь видимъ, что Конвентъ, на новыхъ принципахъ перестраивая наслѣдственное право, внутренно руководился той самой идеей, которая была выражена Юліаномъ,—а именно: совершенно безразлично, какимъ именно путемъ выражаетъ народъ свою волю, verbis aut factis—въ словахъ или дѣйствіяхъ. И мы должны повторить, что, дѣйствительно, въ силу самой идеи права, нѣтъ ни малѣйшаго различія между тѣмъ и другимъ способомъ выраженія воли. Ибо самымъ понятіемъ права требуется только одно, чтобы народный духъ свое духовное содержаніе проявилъ, какъ предметъ своей воли, въ сферѣ права, т. е. въ дѣйствительности. Но при извѣстныхъ условіяхъ этой цѣли всеобщая воля не менѣе опредѣленно и энергично достигаетъ и путемъ фактическаго разрушенія стараго состоянія права, разрушенія, которое осуществляется дѣятельностью цѣлаго народа.

Штурмомъ Бастиліи,—что случилось именно въ день 14 іюля 1789 года,—французскій народъ открыто обнаружилъ, что въ немъ живетъ уже и новое правосознаніе, требующее уравненія всѣхъ передъ лицомъ права и враждебное тѣмъ привилегіямъ и преимуществамъ, на которыхъ строилось прежнее право; этимъ штурмомъ онъ въ дребезги разрушилъ всѣ прежніе устои, на которыхъ зиждилось старое право феодальнаго общества.

Отсюда, однако, не слѣдуетъ еще, что отнынѣ всѣ законы, которые

французская революція въ процессѣ своего развитія должна была поставить на мѣсто старыхъ законовъ, всѣ безъ исключенія могутъ быть сведены къ историческому дню 14 іюля 1789 года“. (Стр. 379—380).

Это оказывается справедливымъ только по отношенію къ тѣмъ случаямъ, гдѣ новое право, по своему содержанію, цѣликомъ исчерпывалось простымъ отрицаніемъ прежде существовавшихъ привилегій, гдѣ, слѣдовательно, это право можно было назвать простой декларацiей тѣхъ эмансипаціонныхъ принциповъ (уничтоженіе привилегій), которыя вошли отнынѣ въ народное правосознаніе; но этого нельзя сказать относительно тѣхъ законовъ, въ которыхъ послѣдовательно раскрывалось это вновь пробивавшееся, народное правосознаніе; правда, и эти законы—въ своей внутренней потенціальной сущности (Ansich) — также охватывались содержаніемъ новаго правосознанія, но они содержались въ немъ не какъ сущность, уже достигшая своего проявленія, — но именно какъ внутренній ростокъ (Keim), какъ потенціальная сущность (Ansich) идеи права“. И Конвентъ, дѣйствительно, ни одинъ изъ своихъ законовъ не сводилъ на 14 іюля 1789 года, за исключеніемъ лишь закона о наслѣдственномъ правѣ, ибо этотъ законъ, по своему содержанію, былъ въ его глазахъ простымъ послѣдствіемъ только-что провозглашеннаго упраздненія всѣхъ привилегій.

И Лассаль свою защиту той юридической точки зрѣнія, на которой стоялъ французскій Конвентъ, резюмируетъ въ слѣдующихъ словахъ:

„Такимъ образомъ, мы видимъ, что философское собраніе само заявило, что принятый имъ законъ о правахъ наслѣдованія въ сущности является простой декларацiей тѣхъ принциповъ, которые самъ народъ торжественно провозгласилъ и претворилъ въ дѣйствительное право своимъ Бастильскимъ штурмомъ.—Если уже говорить о „романской“ природѣ современныхъ французовъ, то подъ тѣмъ, что принято называть романскимъ началомъ, нужно понимать именно эту объективную пластинку идеи, которая оказывается присущей французамъ, но въ дѣйствительности носитъ на себѣ, какъ мы уже видѣли, слѣды римскаго происхожденія.—И двоякимъ образомъ исторія оправдала точку зрѣнія Конвента! Во-первыхъ, тѣмъ, что принципы, положенные закономъ отъ 17-го Нивоза въ основу наслѣдственнаго права, сохранились, какъ мы уже упоминали раньше, во всей своей силѣ и неприкосновенности въ эпоху имперіи, перешли даже въ эпоху реставраціи и продолжали неизмѣнно царить какъ въ эпоху іюльской династіи, такъ и въ эпоху второй имперіи; и въ этомъ непрерывно продолжающемся ихъ господствѣ яснѣе, чѣмъ въ чемъ-либо другомъ, обна-

руживается дѣйственная сила этихъ принциповъ, какъ сумѣвшихъ воплотить въ себѣ властно повелительное содержаніе того новаго правосознанія, которое вошло въ плоть и кровь современнаго французскаго общества съ эпохи великой французской революціи. Во-вторыхъ, тѣмъ, что всѣ историки, нѣмецкіе и французскіе, реакціоннаго и революціоннаго направленія, въ философскихъ произведеніяхъ и въ маленькихъ общедоступныхъ книжкахъ,—всѣ и вездѣ французскую революцію ведутъ именно отъ великаго дня 14 іюля 1789 года! Слѣдовательно, всѣ они согласны между собой въ томъ, что именно въ этомъ событіи беретъ свое начало великій переворотъ, совершившійся въ правосознаніи французской націи, что въ немъ онъ сказался наиболѣе рѣшительнымъ образомъ! Всѣ они, слѣдовательно, косвенно сходятся между собой въ томъ, что съ французскаго Конвента слѣдуетъ снять всякій упрекъ за яко-бы произвольный выборъ этого дня, какъ того дня, которымъ начинается эпоха новаго правосознанія французскаго общества!“ (Стр. 381).

Теперь въ видѣ контраста — пониманіе права или вѣрнѣе истолкованіе права со стороны прусскихъ судебныхъ учрежденій; именно — прусскаго Верховнаго Трибунала.

18 марта 1848 года въ Пруссіи произошла революція, абсолютная власть короны была уничтожена, и созвано было учредительное собраніе для выработки основъ новаго конституціоннаго строя. Вмѣстѣ съ ниспроверженіемъ прежняго политическаго строя нѣкоторыя дѣйствія, считавшіяся ранѣе по уголовному кодексу наказуемыми, отнынѣ, естественно, перестали заключать въ себѣ составъ преступленія, — иначе говоря, съ точки зрѣнія новой народной воли, достигшей отнынѣ своего утвержденія въ сферѣ права, эти дѣйствія перестали считаться преступными уже теперь, еще до выработки новаго уголовнаго уложенія. Не взирая на то, уже въ первые мѣсяцы послѣ мартовскаго переворота былъ возбужденъ цѣлый рядъ преслѣдованій на основаніи статей стараго уголовнаго уложенія, а въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1848 года дѣло дошло до прямыхъ политическихъ процессовъ противъ членовъ національнаго собранія и его главныхъ вождей; судебныя палаты, въ большинствѣ случаевъ, оставляли безъ всякаго вниманія ссылки на то, что общественное право со времени мартовской революціи стало уже не тѣмъ, какимъ оно было раньше. Правда, всеобщее земское право, въ противоположность юридической нормѣ, принятой въ римскомъ правѣ и гласящей, что совершенно безразлично, ка-

кимъ именно путемъ осуществляется отмѣна закона, въ словахъ или въ дѣйствіяхъ, — въ противоположность этой нормѣ земское всеобщее право можетъ сослаться на § 59 вступленія, который гласитъ, что законы „до тѣхъ поръ сохраняютъ свою силу, пока они снова не отмѣняются точно выраженной волей законодателя".

По этому поводу необходимо, однако, замѣтить — во-первыхъ то, что такія рѣшенія, основанныя на уже устарѣвшихъ для даннаго времени правовыхъ нормахъ, утверждались судебными палатами даже въ тѣхъ округахъ Пруссіи, которые совсѣмъ не стояли подъ дѣйствіемъ всеобщаго земскаго права, а во-вторыхъ, —замѣчаетъ Лассаль,—слѣдовало бы еще поразмыслить, не является-ли § 59, вполнѣ естественный для абсолютнаго государства, фактически отмѣненнымъ уже въ силу того самаго переворота, который нынѣ совершился въ общественномъ правосознаніи.

Во всякомъ случаѣ — самое бо́льшее, къ чему обязываетъ этотъ параграфъ — это считать недопустимымъ такой способъ упраздненія старыхъ законовъ, который основывается на однихъ только дѣйствіяхъ народа, но имъ нисколько не исключается необходимость отмѣны прежнихъ законовъ въ томъ случаѣ, если такая отмѣна, хотя и не прямо, но тѣмъ не менѣе необходимо вытекаетъ изъ самаго содержанія какого-либо новаго закона; да и сами прусскіе трибуналы никогда не чувствовали себя стѣсненными этимъ параграфомъ въ тѣхъ аналогичныхъ случаяхъ, когда имъ приходилось отмѣнять старые законы на томъ основаніи, что такая отмѣна implicite подразумѣвается въ новыхъ законахъ.

И еще болѣе понятно, что § 59 ни въ коемъ случаѣ не можетъ воспрепятствовать законодателю, — провести закономѣрнымъ способомъ отмѣну цѣлой категоріи дѣйствительныхъ для даннаго времени правъ или даже всей совокупности современныхъ законовъ. Выражать это въ особомъ спеціальномъ положеніи—было бы совершенно безплодной тавтологіей, въ высшей степени смѣшной и безцѣльной формалистикой. Да и не было бы ровно никакого основанія входить въ обсужденіе этой аксіомы, если-бы это столь простое—простое до плоскости! — положеніе не отрицалось Королевскимъ Верховнымъ Прусскимъ Трибуналомъ — высшей инстанціей Пруссіи въ вопросахъ права — по отношенію къ прусской конституціи. Въ двухъ своихъ постановленіяхъ это просвѣщеннѣйшее учрежденіе сочло себя въ правѣ объявить, что тѣ самыя сословныя различія, которыя прямо и недвусмысленно были уничтожены статьей 4 прусской конституціи (нужно помнить, конституціи, принятой законодателемъ,- конституціи отъ 4 дек. 1848 года, соотв. 31 янв. 1850 года),

необходимо, однако, разсматривать, какъ продолжающія существовать далѣе! А статья четвертая гласила ясно: „Всѣ пруссаки равны передъ лицомъ закона. Сословныя привилегіи не должны имѣть мѣста“.

Анализъ соотвѣтствующихъ опредѣленій Трибунала,—замѣчаетъ Лассаль съ язвительной проніей,—не представляетъ собственно ни малѣйшаго научнаго интереса, да и вообще выдвинутый здѣсь вопросъ „совершенно не заслуживаетъ обсужденія съ истинно научной точки зрѣнія,“ скорѣе его необходимо отнести „къ компетенціи самаго элементарнаго здраваго человѣческаго разсудка“; но въ виду того, что для рѣшеній этого высшаго, никакой цензуры надъ собой не знающаго, судебнаго установленія нѣтъ иного контроля, кромѣ контроля научнаго знанія, — то онъ и считаетъ своимъ долгомъ, какъ авторъ научнаго произведенія, — произвести здѣсь такую оцѣнку и рѣшеніямъ, въ родѣ вышеупомянутыхъ, воздвигнуть подобающій имъ по заслугамъ памятникъ, который на столь-же продолжительное время закрѣпитъ за ними память въ потомствѣ, на сколько времени окажутся въ силахъ обезпечить вниманіе самому произведенію его научныя достоинства.

И, дѣйствительно, эти постановленія Верховнаго Трибунала вполнѣ заслуживаютъ тѣхъ памятниковъ, которые въ честь ихъ воздвигнулъ Лассаль, сдѣлавъ ихъ чрезъ посредство своего сочиненія видимыми для широкихъ круговъ и на долгое время. Далѣе мы воспроизводимъ только наиболѣе существенныя изъ тѣхъ энергичныхъ надписей, которыя красуются на этихъ „памятникахъ.“

Въ своихъ постановленіяхъ трибуналъ, между прочимъ, касается вопроса о законности браковъ, заключенныхъ лицами благороднаго званія съ женщинами „изъ крестьянскаго или низшаго городского состоянія“, какъ выражается всеобщее земское право. Согласно этому уложенію (II, I §§ 30—33), женщины названныхъ состояній не могутъ заключать съ мужчинами благороднаго званія юридически дѣйствительныхъ браковъ, и потому такіе браки, какъ „воспрещенные законами въ силу неравенства состояній“, должны считаться (§ 940), если только они были заключены безъ требуемой диспенсаціи, ничтожными, недѣйствительными. Казалось бы, нужно было думать,—замѣчаетъ прежде всего Лассаль,—что эта сословная привилегія дворянства—„неравенство правъ на почвѣ сословныхъ различій“—уже уничтожены въ силу статьи 4 новой конституціи. Такого взгляда придерживались суды всѣхъ инстанцій, а въ первое время послѣ введенія новой конституціи и самъ Верховный Трибуналъ. Въ

1851 году онъ еще разъ высказался въ этомъ духѣ. Но, какъ восхитительно выразился 24 марта 1860 года въ прусской палатѣ господъ самъ вице-президентъ Трибунала, господинъ фонъ-Гогце, юстиція, благодаря тѣмъ потрясеніямъ, которыя пришлось пережить странѣ въ 1848, 1849 и 1850 годы, „была приведена въ смущеніе“, и „потребовалось—замѣтьте, послѣ 1851 года!—нѣкоторое время, прежде чѣмъ она успѣла оріентироваться“. Но послѣ того, какъ она „оріентировалась“, Верховный Трибуналъ „неизмѣнно держался противоположнаго взгляда“. Государственный министръ и главный президентъ Верховнаго Трибунала, Уденъ, присоединился къ этому заявленію.

Эта „неизмѣнная юстиція“ Верховнаго Трибунала нашла себѣ выраженіе, какъ уже выше было упомянуто, въ двухъ постановленіяхъ. Первое изъ нихъ помѣчено 25 ноября 1853 года, второе, болѣе обстоятельное—24 ноября 1856 года. Этимъ послѣднимъ Лассаль и пользуется, главнымъ образомъ, при своемъ анализѣ. Верховный Трибуналъ ссылается прежде всего на то, что вышеупомянутый § 59 вступленія ко всеобщему земскому праву находитъ себѣ новое подтвержденіе и признаніе въ статьѣ 109 конституціи, поскольку въ послѣдней значится: „Всѣ опредѣленія существующихъ уложеній, отдѣльные законы и постановленія, которые не противорѣчатъ нынѣшней конституціи, остаются въ силѣ до тѣхъ поръ, пока они не будутъ измѣнены закономъ.“ „Особенно неудачная ссылка“,—замѣчаетъ Лассаль,—ибо въ этой статьѣ конституціи вѣдь прямо сказано, (что, разумѣется, и само по себѣ должно быть каждому яснымъ),—что всѣ отдѣльныя постановленія существующихъ уложеній, хотя-бы они и не были отмѣнены путемъ ссылокъ на соотвѣтствующіе параграфы и даты, тѣмъ не менѣе объявляются лишенными силы, если только они оказываются въ противорѣчіи съ конституціей и ея опредѣленіями.

Это значило бы, говорится далѣе въ постановленіи,—слишкомъ далеко зайти въ своихъ заключеніяхъ, если полагать, что воспрещеніе указанныхъ ранѣе браковъ, установленное въ земскомъ правѣ, дѣйствительно отмѣняется статьей 4 конституціи. „Съ точнымъ текстомъ статьи это стоитъ въ прямомъ противорѣчіи“. „Надпись“ Лассаля: Въ статьѣ, по ея точному тексту, не говорится о томъ, что сословныя привилегіи отмѣняются, но что онѣ „не имѣютъ мѣста“. Но такъ какъ отсутствіе привилегій, которыя существовали раньше, могло произойти не иначе, какъ только путемъ ихъ отмѣны,—то, „обладая самой скромной дозой логики, безусловно приходится заключить, что даже по точному непосредственному тексту статьи 4 въ ней провозглашается прямое упраздненіе привилегій.“

Верховный Трибуналъ: Занимающая насъ статья всеобщаго земскаго права отнюдь не стоитъ въ противорѣчіи съ основными положеніями пересмотрѣнной конституціи. Еще менѣе это можно утверждать по отношенію къ вступительнымъ словамъ статьи четвертой: „Всѣ пруссаки равны передъ закономъ.“ Дѣйствительно, въ словахъ этихъ не содержится болѣе того, что уже ранѣе было высказано въ § 22 вступленія ко всеобщему земскому праву, а именно въ словахъ: „Законы государства обязательны для всѣхъ членовъ послѣдняго безъ различія состоянія, ранга и пола“.

Лассаль: „Поразительнѣйшее заблужденіе!“ Что законы государства обязательны для членовъ всѣхъ сословій,—это положеніе еще не исключило возможности того, что для членовъ разныхъ сословій существуютъ разные законы, т. е. еще не исключаетъ возможности „неравенства передъ закономъ.“ Доказательствомъ этого можетъ служить какъ разъ само всеобщее земское право, поскольку оно гражданское общество разсматриваетъ, какъ состоящее изъ цѣлаго ряда различныхъ сословій, надѣленныхъ различными правами; сословіе опредѣляетъ, какъ особый кругъ равноправныхъ личностей, и только одно одинаково вмѣняетъ въ обязанность всѣмъ членамъ всѣхъ сословій, а именно, чтобы они оказывали одинаковое повиновеніе по отношенію къ тѣмъ неодинаковымъ законамъ, которые надѣляютъ различныя сословія различными правами. Конституція 1848 года (соотв. 1850), руководилась, наоборотъ, какъ извѣстно каждому, стремленіемъ—уничтожить основной принципъ сословнаго общества—неравноправность различныхъ сословій, какъ это съ безусловною необходимостью вытекаетъ изъ перваго положенія статьи 4, гласящаго, что передъ лицомъ закона никому не должно отныне дѣлать никакихъ различій, къ какому бы сословію данное лицо ни принадлежало. Уже въ силу этого положенія уничтожалась прежняя неправоспособность женщинъ низшихъ сословій—вступать въ бракъ съ лицами благороднаго званія. Но конституція не ограничилась однимъ только этимъ положеніемъ, въ которомъ внутренно уже содержалось упраздненіе всѣхъ сословныхъ привилегій, и присоединила къ нему еще новое положеніе, гласившее прямо: „сословныя привилегіи не имѣютъ мѣста“.

Верховный Трибуналъ: „Такого рода общія аксіомы... вообще должны пониматься болѣе (!) въ томъ смыслѣ, что онѣ предуказываютъ основные руководящіе принципы для будущаго законодательства, чѣмъ въ томъ, что онѣ уже теперь должны непосредственно примѣняться на практикѣ въ вопросахъ гражданскаго права“.

Лассаль: „Это утвержденіе является не только совершенно без-

смысленнымъ измышленіемъ (ибо всякая конституція стремится быть также закономъ, но только еще болѣе фундаментальнымъ и еще болѣе обязательнымъ закономъ, чѣмъ остальные), но оно стоитъ въ прямомъ противорѣчіи съ статьей 109 конституціи, въ которой (поскольку она объявляетъ лишенными силы всѣ законы, ей противорѣчащіе) до чрезвычайности ясно утверждается, что конституція должна быть не простымъ обѣтованіемъ для „будущаго законодательства, но непосредственной дѣйствительностью права. Это прекрасно чувствуетъ самъ Верховный Трибуналъ, почему ему и понадобилось вставить туманное словечко „болѣе".

Верховный Трибуналъ: „При такомъ пониманіи конституціи уничтожается сила всеобщей разъяснительной юридической нормы: Lex posterior generalis non derogat priori speciali". [1])

Лассаль: „Это звучитъ очень глубокомысленно и по ученому! Къ сожалѣнію только, все это утвержденіе основано на страшнѣйшей путаницѣ, на в высшей степени плачевномъ забвеніи первѣйшаго элементарнаго принципа юридической науки". Цитированная выше норма относится, какъ это можно видѣть уже у Савиньи, только къ отдѣльнымъ случаямъ, представляющимъ собой исключенія изъ прежнихъ законовъ, отмѣченныхъ отнынѣ въ силу новыхъ опредѣленій. Эти исключенія, согласно данной нормѣ, не могутъ быть уничтожены силою новаго общаго закона; это требованіе является простымъ, само собой понятнымъ логическимъ заключеніемъ, ибо, въ случаѣ отмѣны какого-нибудь закона, отмѣняется только то, что въ немъ содержалось, но такая отмѣна отнюдь еще не обязываетъ насъ признать истиннымъ то, что уже ранѣе изъ него этимъ закономъ исключалось, что уже ранѣе по отношенію къ нему утверждалось, какъ ему противоположное. До очевидности ясно должно быть послѣ этого, что данная разъяснительная норма уже потому не можетъ имѣть здѣсь мѣста, что воспрещеніе опредѣленной категоріи браковъ, содержащееся во всеобщемъ земскомъ правѣ, не только не представляетъ собой ровно никакого исключенія изъ основнаго интересующаго насъ здѣсь принципа этого земскаго права (принципа сословной неравноправности), но именно является какъ разъ простымъ примѣненіемъ этого принципа къ частному случаю, — и само собой разумѣется, что всѣ такія примѣненія общаго правила подлежатъ упраздненію вмѣстѣ съ упраздненіемъ самого

---

[1]) Позднѣе изданный общій законъ не можетъ служить ограниченіемъ по отношенію къ ранѣе (до него) существовавшему спеціальному закону.

правила. Остается еще предположить, что на Верховный Трибуналъ, когда онъ цитировалъ свою норму, напало непостижимое затменіе, и онъ совершенно позабылъ, что римляне подъ выраженіемъ „lex specialis" понимали не такой законъ (какъ это можно было бы предполагать, основываясь на нѣмецко-латинскомъ выраженіи „speziell"), который проводитъ спеціальныя подраздѣленія относительно общихъ юридическихъ принциповъ, но,—наоборотъ, — законъ, который всеобщіе дѣйствительные для извѣстной сферы права принципы подчиняетъ опредѣленнымъ ограниченіямъ, образуетъ изъ нихъ исключенія.

Достаточно было бы обратиться къ Савиньи, чтобы уразумѣть эту истину. „Какой низкой софистической уловкой должна послѣ этого представляться столь глубокомысленная ссылка королевскаго Верховнаго Трибунала на эту разъяснительную норму!"

Но и при всемъ томъ вопросъ не разъясняется, и остается попрежнему непонятнымъ, почему именно воспрещеніе смѣшанныхъ браковъ нельзя относить къ категоріи сословныхъ привилегій.

Въ попыткахъ отвѣтить на этотъ вопросъ оба постановленія Верховнаго Трибунала нѣсколько отклоняются одно отъ другого. Постановленіе отъ 1853 года въ этомъ отношеніи высказывается нѣсколько... откровеннѣе, чѣмъ постановленіе отъ 1856 года.

Верховный Трибуналъ 1853 года: „Ни о какихъ привилегіяхъ въ пользу дворянскаго сословія не можетъ быть тутъ и рѣчи; они (т. е. опредѣленія, согласно которымъ воспрещаются смѣшанные браки) устанавливаютъ только благопріятное для этого сословія ограниченіе (!!!), обязательное относительно нѣкоторыхъ его членовъ".

Лассаль: „Благопріятное для кого-либо ограниченіе" въ сферѣ права и есть какъ разъ то, что обыкновенно называютъ привилегіей. И если она ограничивается рамками какого-либо сословія, тогда она является сословной привилегіей!

Верховный Трибуналъ 1853 года пишетъ далѣе: сословныя привилегіи... болѣе не существуютъ, но „различіе состояній, фактически и юридически, еще и теперь остается и должно неизбѣжно оставаться въ каждомъ государствѣ, какова бы ни была его конституція, ибо оно опредѣляется условіями воспитанія, образованія, образа жизни, профессіи и имущества".

Лассаль: „Этимъ крайне убѣдительнымъ утвержденіемъ вообще упраздняется статья 4 конституціи. Фактическія различія воспитанія, образованія, имущества, разумѣется, продолжаютъ сохраняться и далѣе. Но вѣдь

эти различія не закрѣпляются правомъ. Право само по себѣ ничего не имѣетъ противъ того, чтобы данное лицо было въ такой-то степени богато, образовано, красиво и чтобы оно считало себя знатнымъ, какъ это только ему заблагоразсудится. Привилегія въ юридическомъ смыслѣ возникаетъ только тогда, когда этимъ фактическимъ различіямъ дается соотвѣтствующее выраженіе въ самомъ правѣ. Именно это и отрицаетъ статья 4. И если Верховный Трибуналъ на томъ основаніи, что фактическія различія состояній продолжаютъ существовать и понынѣ, заключаетъ отсюда, что, слѣдовательно, они должны неизмѣнно сохраняться въ самомъ правѣ, да еще притомъ въ правѣ каждаго государства, — то это умозаключеніе является прямой безсмыслицей — вопіющимъ противорѣчіемъ съ основной идеей современнаго общества, какъ оно начало складываться съ эпохи французской революціи 1789 года".

Въ постановленіи Верховнаго Трибунала отъ 1856 года прилагательное „благопріятное" уже отсутствуетъ, и сущность мотивировки сводится къ утвержденію, что воспрещеніе смѣшанныхъ браковъ можетъ быть введено въ законъ на томъ основаніи, что оно представляетъ собой не привилегію, а, наоборотъ, „ограниченіе для отдѣльныхъ членовъ благороднаго сословія въ правѣ свободнаго выбора себѣ супруги".

Но дѣло отъ такого толкованія нисколько не улучшается.

Какъ ни комично само по себѣ возраженіе, выдвигаемое Лассалемъ противъ точки зрѣнія Трибунала, — оно, по существу дѣла, оказывается для нея убійственнымъ; сводится оно къ заключенію, что это „ограниченіе" для юноши благороднаго званія въ правѣ свободнаго выбора себѣ супруги превращается неизбѣжно на другой сторонѣ въ преимущество, именно въ сословную привилегію женщины благороднаго происхожденія относительно женщинъ низшихъ сословій, поскольку такое „ограниченіе" представляетъ первой, на почвѣ сословности, исключительное право на заключеніе брака съ мужчиной благороднаго званія.

Отъ Верховнаго Трибунала можно было бы ожидать, что онъ и самъ пойметъ логическую неизбѣжность такого заключенія; требованіе „такой въ высшей степени умѣренной сообразительности" вѣдь не можетъ же, „по отношенію къ высшему судебному учрежденію показаться чрезмѣрнымъ требованіемъ".

Во второмъ постановленіи Трибуналъ воздержался также и отъ повторенія той неловкости, съ которой онъ въ 1853 году открыто провозгласилъ, что сословныя различія и понынѣ продолжаютъ существовать даже въ юридической формѣ. Теперь, въ 1856 году, онъ сослался на другое

опредѣленіе, содержащееся во всеобщемъ земскомъ правѣ, а именно, что „для лицъ низшаго сословія, состоящихъ въ бракѣ“, „поводомъ для развода не могутъ служить словесныя оскорбленія, равно какъ фактическія данныя ничтожнаго значенія“. Никто не будетъ утверждать,—пишетъ Трибуналъ,—что эти опредѣленія земскаго права отмѣняются статьей 4 конституціи, и, однако, они по существу совершенно одинаковаго значенія съ тѣмъ опредѣленіемъ, которое воспрещаетъ смѣшанные браки.

Лассаль: „Страстный любитель музыки придетъ въ сильнѣйшее нервное изступленіе, если на него сразу обрушится цѣлый квартетъ фальшивыхъ квинтъ, — и такое же впечатлѣніе, полагаемъ мы, должны на каждаго юриста произвести вышеприведенныя слова Трибунала. Тяжелыя оскорбленія являются юридически основаніемъ для развода, но самая наличность оскорбленія и тяжесть послѣдняго опредѣляются фактическими условіями, а такъ какъ вопросъ о томъ, существуетъ-ли въ наличности оскорбленіе и представляетъ-ли оно собой тяжелое оскорбленіе, есть вопросъ не права, но простого факта,—то при разрѣшеніи его необходимо обратиться къ выясненію всѣхъ фактическихъ условій и между прочимъ—къ опредѣленію степени духовнаго развитія данныхъ лицъ. Это фактическое различіе въ степени духовнаго развитія и въ житейскихъ привычкахъ, которыя у какого-либо высшаго государственнаго чиновника, конечно, должны быть совершенно иныя, чѣмъ у простого поденщика, и желаетъ подчеркнуть § 701, причемъ онъ это различіе называетъ различіемъ въ сословномъ положеніи, съ каковымъ оно дѣйствительно, какъ общее правило, совпадаетъ. Значеніе этого различія такъ понятно само по себѣ и такъ рѣшительно опредѣляетъ собой юридическую природу интересующихъ насъ правоотношеній, что оно, несомнѣнно, пользовалось бы всей силой юридическаго признанія даже въ томъ случаѣ, если-бы § 701 вообще совсѣмъ не существовало. Такъ напримѣръ, Наполеоновъ кодексъ не признаетъ никакихъ юридическихъ различій между сословіями, и, однако, ни одному французскому трибуналу никогда бы не пришло въ голову однимъ и тѣмъ же масштабомъ измѣрять оскорбленія на супружеской почвѣ въ семьѣ депутата и такія-же оскорбленія въ семьѣ дровосѣка. А между тѣмъ Верховный Трибуналъ своимъ опредѣленіемъ § 701, вытекающаго въ сущности изъ природы чисто фактическихъ отношеній, придалъ ему такое толкованіе, какъ будто законодатель, въ силу этого параграфа, желалъ надѣлить крестьянъ и рабочихъ особымъ сословнымъ правомъ—правомъ колотить и ругать своихъ женъ. Но если даже и держаться такого толкованія, то изъ него вытекаетъ только одно,

что это опредѣленіе, въ свою очередь, также подлежитъ отмѣнѣ въ силу статьи 4 конституціи. Таковы,—заключаетъ Лассаль,—по своей внутренней сущности, тѣ основанія, на которыя опирался Верховный Трибуналъ въ своихъ постановленіяхъ".

„И на почвѣ такихъ-то основаній дѣйствительные браки объявлялись недѣйствительными, законные дѣти—незаконными, безспорныя наслѣдственныя права отвергались,—словомъ, дѣлалось все то, въ чемъ съ ужасомъ и отвращеніемъ принято обвинять только самыя крайнія революціонныя направленія, въ особенности коммунизмъ,—а именно разрушалась семья и собственность.

Всѣ эти примѣры, съ которыми мы ознакомились въ данномъ отдѣлѣ, могутъ служить для насъ, между прочимъ, яркой иллюстраціей того, о чемъ намъ уже пришлось говорить во вступленіи и что мы тамъ назвали политической исторіей принципа, отрицающаго за новыми законами силу обратнаго дѣйствія; иллюстраціей, не лишенной интереса въ смыслѣ выясненія физіологіи опредѣленныхъ историческихъ періодовъ и явленій. Изъ всего вышесказаннаго должно быть теперь ясно, что, относительно разобранныхъ нами рѣшеній, королевскій Верховный Трибуналъ вполнѣ заслуженно можетъ быть названъ Конвентомъ на-изнанку. Въ самомъ дѣлѣ, работу, выполненную Верховнымъ Трибуналомъ, нельзя даже охарактеризовать, какъ противоположность, по сравненію съ работой французскаго Конвента, но именно, какъ ея извращеніе. Въ самомъ дѣлѣ, французскій Конвентъ одарилъ новый законъ силой юридической обязательности, исходя изъ новаго правосознанія науки, которое успѣло вылиться пока только въ однихъ дѣйствіяхъ, одарилъ этотъ законъ силою въ такое время, когда могло еще представляться сомнительнымъ, созрѣло-ли новое правосознаніе въ достаточной мѣрѣ для того, чтобы утверждаться въ сферѣ права, какъ дѣйствительность; Верховный же Трибуналъ продолжаетъ отказывать въ юридической санкціи новому правосознанію даже послѣ того, какъ оно въ точныхъ терминахъ было признано самимъ законодателемъ и санкціонировано имъ въ качествѣ закона; продолжаетъ настаивать на дальнѣйшемъ сохраненіи старыхъ законовъ даже послѣ того, какъ они были отвергнуты волею законодателя, — и съ полнымъ правомъ поэтому онъ заслуживаетъ наименованія реакціоннаго конвента въ противоположность французскому революціонному конвенту!" (Стр. 394—395).

Во вступительномъ очеркѣ (см. т. I) было уже разсказано, какъ четыре года спустя послѣ появленія въ свѣтъ „Системы пріобрѣтенныхъ правъ", этотъ самый прусскій Верховный Трибуналъ — разумѣется, при помощи судей — столь блестящимъ образомъ оправдалъ свое право—носить брошенный ему со стороны Лассаля титулъ, что даже самые ручные либералы, по крайней мѣрѣ на мгновеніе, пришли въ настроеніе, подобное тому, въ которомъ находился Лассаль, работая надъ созиданіемъ своего „памятника" въ честь этого трибунала. Мы имѣемъ въ виду то безпримѣрное по своему произволу истолкованіе, которое онъ далъ статьѣ 84, включенной въ прусскую конституцію въ охрану свободы рѣчи депутатовъ, и посредствомъ котораго онъ превратилъ эту статью въ настоящую юридическую ловушку, отдающую депутатовъ во власть всѣхъ случайностей каприза любого авантюриста, домогающагося получить мѣсто государственнаго прокурора или судьи. А такъ какъ своимъ рѣшеніемъ Верховный Трибуналъ затронулъ не простого индивидуума, но почти все народное представительство, то оно и привлекло къ себѣ несравненно большее вниманіе и сдѣлало Верховный Трибуналъ объектомъ общаго презрѣнія въ безконечно большей степени, чѣмъ удалось ему это сдѣлать своими прежними постановленіями, такъ жестоко пострадавшими отъ критическаго анализа Лассаля. Но и эти послѣднія, по степени воплощенной въ нихъ политической коррупціи, нисколько не уступаютъ первому, — и въ тѣмъ большей степени заслуживаютъ своего позорнаго увѣковѣчиванія, что были изданы въ относительно спокойное время и безъ помощи посредниковъ-судей.

Шестой и послѣдній подъ-отдѣлъ главы „приложеній" носитъ заглавіе: „Наслѣдственное право въ формально-юридическомъ отношеніи". Въ послѣднихъ отдѣлахъ перваго тома вопросы наслѣдственнаго права вообще все болѣе и болѣе выдвигаются на первый планъ, и въ этомъ отношеніи послѣдній отдѣлъ является прямымъ переходомъ ко второй части сочиненія. Лассаль послѣдовательно разсматриваетъ здѣсь всѣ тѣ различные юридическіе элементы, изъ которыхъ слагается наслѣдственный процессъ, какъ таковой: само завѣщаніе, лицо завѣщателя, т. е. того, кто изъявляетъ въ завѣщаніи свою волю, лицо „des Honorirten", т. е. того, кто въ завѣщаніи указуется въ качествѣ наслѣдователя, содержаніе завѣщанія, время, моментъ открытія и принятія наслѣдства, наслѣдованіе въ порядкѣ интестата, т. е. наслѣдованіе, осуществляющееся независимо отъ воли наслѣдодателя, выраженной имъ въ завѣщаніи,

или при отсутствіи завѣщанія; Лассаль устанавливаетъ различныя юридическія и фактическія условія, имѣющія здѣсь значеніе, и затѣмъ подвергаетъ изслѣдованію вопросъ о томъ, какое вліяніе оказываютъ различныя юридическія и фактическія измѣненія на юридическую силу волеизъявленій наслѣдодателя и притязаній наслѣдователя; какъ далеко здѣсь простирается уваженіе къ „пріобрѣтеннымъ правамъ"; наконецъ — въ какихъ именно границахъ эти, впослѣдствіи наступившія измѣненія могутъ оказывать воздѣйствіе на уже сложившіяся въ этой сферѣ правоотношенія; при разрѣшеніи всѣхъ этихъ вопросовъ Лассаль постоянно исходитъ отъ своего основного принципа, въ достаточной степени обоснованнаго выше. Изслѣдованіе это слишкомъ спеціальнаго рода, чтобы мы стали на немъ останавливаться, даже на отдѣльныхъ его моментахъ; мы ограничимся поэтому только воспроизведеніемъ заключенія, гдѣ Лассаль на примѣрѣ выясняетъ, какъ различно понимается наслѣдованіе въ римскомъ правѣ, съ одной стороны, и во французскомъ — съ другой. Это заключеніе, являясь переходомъ ко второй части „Системы пріобрѣтенныхъ правъ", содержитъ въ себѣ слѣдующія положенія:

„Наше прежнее изслѣдованіе уполномочиваетъ насъ къ слѣдующему заключенію, вполнѣ согласующемуся съ тѣми положеніями, которыя были развиты въ §§ 7—11 нашей теоріи: новые законы о порядкѣ наслѣдованія по правиламъ интестата проявляютъ свое дѣйствіе лишь постольку, поскольку наслѣдство еще не сдѣлалось уже пріобрѣтеннымъ наслѣдствомъ, потому что вплоть до наступленія этого момента должна еще сохраняться способность къ наслѣдованію и право наслѣдника на это опредѣленное наслѣдство; наоборотъ, всякій такой законъ, изданный уже послѣ того, какъ состоялось пріобрѣтеніе наслѣдства, по отношенію къ нему не имѣетъ никакой силы, потому что чрезъ принятіе данное опредѣленное наслѣдство уже перестало существовать, какъ таковое, и перешло отнынѣ въ наслѣдственное имущество и вообще въ собственность.

Отсюда само собой вытекаетъ дальнѣйшее заключеніе, что въ системѣ римскаго права такіе законы, изданные послѣ смерти наслѣдодателя и раньше вступленія въ наслѣдство наслѣдователя, должны немедленно же обращаться на heres extraneus [1]), ибо послѣдній пріобрѣтаетъ наслѣдство только въ силу Adition; наоборотъ, во французскомъ и прусскомъ

---

[1]) Чужой, т. е. не имѣющій самъ по себѣ правъ на наслѣдство, въ силу отсутствія персональныхъ отношеній къ наслѣдодателю.

правѣ, а также и въ римскомъ по отношенію къ suus heres [1]), всѣ такіе изданные послѣ смерти наслѣдодателя законы остаются совершенно безъ вліянія, потому что здѣсь наслѣдникъ пріобрѣталъ наслѣдство ipso jure [2]), уже въ силу самой смерти наслѣдодателя и помимо выполненія особыхъ процессуальныхъ правилъ (Antretung).

Изъ этого положенія можно, очевидно, вывести прямое заключеніе, что опредѣляющимъ моментомъ, при разрѣшеніи вопроса о допустимости или недопустимости здѣсь воздѣйствія новыхъ законовъ на наслѣдственныя отношенія, служитъ различіе въ способахъ пріобрѣтенія наслѣдства,—пріобрѣтается-ли оно ipso jure или въ силу Adition.

Это заключеніе, какъ таковое, вполнѣ согласуется съ утвержденіями, которыя уже ранѣе приходилось слышать въ юридическихъ сферахъ по этому вопросу, хотя обыкновенно они выдвигаются въ связи съ иной аргументаціей.

Несмотря, однако, на тотъ широкій и прочный внутренній базисъ, на которомъ — въ лицѣ развитыхъ выше соображеній — покоится полученный нами сейчасъ выводъ, — этотъ послѣдній, хотя и пригодный для внѣшне-юридическаго употребленія, долженъ быть, однако, названъ безплоднымъ и мертвымъ выводомъ, и будетъ оставаться таковымъ до тѣхъ поръ, пока намъ не удастся вскрыть внутренній смыслъ указаннаго выше различія между двумя способами пріобрѣтенія наслѣдства — ipso jure и въ силу Adition. Въ самомъ дѣлѣ, передъ нами немедленно-же встаютъ новые вопросы, разрѣшить которые намъ необходимо въ интересахъ болѣе глубокаго органическаго познанія. Откуда возникаетъ и что собою означаетъ эго различіе? Чѣмъ объяснить самое существованіе этого различія между французскимъ и прусскимъ правомъ съ одной стороны и римскимъ — съ другой, а затѣмъ внутри самого римскаго права — между suus heres и extraneus? Далѣе—представляетъ-ли собою пріобрѣтеніе наслѣдства ipso jure, какъ это почти можетъ показаться съ перваго взгляда, чисто легальный способъ пріобрѣтенія, т. е. такой способъ, который вытекаетъ непосредственно и исключительно изъ самого закона? Если это и является вполнѣ правдоподобнымъ относительно наслѣдства, переходящаго въ порядкѣ интестата, то какъ согласовать это съ тѣмъ фактомъ, что во французскомъ и прусскомъ правѣ даже наслѣдникъ по завѣщанію

---

[1]) Свой, т. е. самъ по себѣ обладающій правами на наслѣдство, въ качествѣ лица, персонально связаннаго съ личностью наслѣдодателя.

[2]) Наслѣдникъ по собственному праву, т. е. въ силу опредѣленныхъ предписаній послѣдняго.

разсматривается, какъ пріобрѣтающій наслѣдство ipso jure, а въ римскомъ правѣ suus heres, какъ scriptus heres? [1]) Всѣ эти вопросы сами собой приводятъ насъ къ новому, — насколько истиннымъ и справедливымъ является утвержденіе, высказанное нами еще въ § 2—А, а именно, что всякое наслѣдство представляетъ собой пріобрѣтеніе, которое осуществляется не въ силу чисто внѣшняго событія (смерти), не въ силу воли, исходящей отъ третьяго лица, но въ силу собственнаго индивидуальнаго волевого дѣйствія со стороны самого наслѣдника. По отношенію къ первымъ, ранѣе намѣтившимся вопросамъ, этотъ послѣдній вопросъ является какъ бы ихъ внутреннимъ центромъ; въ немъ, въ этомъ послѣднемъ вопросѣ, уже внутренно содержатся всѣ предыдущіе вопросы, такъ что, найдя отвѣтъ на него, мы вмѣстѣ съ тѣмъ найдемъ отвѣтъ на всѣ прежніе поставленные нами вопросы.

Къ этому вопросу мы и должны теперь обратиться, а для этого намъ необходимо сначала выяснить сущность наслѣдственнаго права, —только послѣ этого всѣ наши прежнія заключенія, достигнутыя нами въ этой сферѣ, раскроются передъ нами въ своемъ глубочайшемъ цѣлостномъ содержаніи". (Стр. 428—431).

IX. „Сущность римскаго и германскаго наслѣдственнаго права въ историко-философскомъ развитіи"

(отрывки).

(Вторая часть „Системы пріобрѣтенныхъ правъ").

Если-бы, когда появилась „Система", Лассаля спросили, какою частью ея онъ наиболѣе гордится, какой именно части онъ придаетъ наибольшую научную цѣнность,—то, несомнѣнно, онъ прямо указалъ бы на вторую. И дѣйствительно, что касается изученія первоисточниковъ, идейнаго творчества, размаха аналитической мысли,—то во всѣхъ этихъ отношеніяхъ, на созданіе второй части „Системы" потрачено безконечно болѣе труда, чѣмъ на созданіе первой; и можно считать безспорнымъ, что разсматриваемая, какъ чисто духовное твореніе, вторая часть стоитъ значительно выше первой. И тѣмъ не менѣе все это нисколько не можетъ служить опроверженіемъ того, что мы уже раньше высказали во вступительномъ

---

[1]) Наслѣдникъ по завѣщанію.

очеркѣ, а именно,—что все это, съ такимъ искусствомъ воздвигнутое здѣсь зданіе покоится на совершенно ненадежномъ фундаментѣ. Чѣмъ глубже мы вчитывались въ эту часть „Системы", тѣмъ болѣе крѣпло въ насъ это убѣжденіе, тѣмъ болѣе выяснялась передъ нами вся искусственность ея анализа. Въ своемъ родѣ это есть несомнѣнно грандіозное твореніе, которое на каждаго должно производить сильнѣйшее впечатлѣніе поразительной стройностью своей аргументаціи и богатствомъ своихъ тонкихъ построеній; но въ цѣломъ оно представляетъ собой не менѣе грандіозное заблужденіе. Грандіозное заблужденіе также и въ томъ смыслѣ, что его могъ совершить только такой высоко-одаренный и широко образованный человѣкъ, какимъ былъ Лассаль; знаменитый, нынѣ покойный, юристъ Р. Іерингъ, ознакомившись съ „Системой", назвалъ [1]) вторую часть „хаосомъ спекуляціи", но одновременно онъ прекрасно выразился: „На скалахъ и утесахъ встрѣчаются только серны и горныя козы, но не овцы".

Такую характеристику произведенія надобно, конечно, понимать не въ томъ смыслѣ, что всѣ отдѣльныя части аргументаціи оказываются одинаково ложными. Отъ такихъ плачевныхъ результатовъ Лассаля должно было предохранить уже одно только глубоко присущее ему чувство вниманія къ конкретно-эмпирическому матеріалу. На почвѣ этого матеріала онъ могъ разводить, какія ему угодно, вычурные узоры (даже и здѣсь онъ оставался одинаково великимъ!),—но матеріалъ все-же оставался матеріаломъ, а во-вторыхъ -даже въ его анализѣ, поскольку дѣло шло о простой характеристикѣ фактическихъ данныхъ, а не о сложныхъ логически-спекулятивныхъ операціяхъ,—всегда можно встрѣтить много цѣннаго и истиннаго. Уже тотъ фактъ, что онъ никогда не упускаетъ изъ вида различныя свойства римскаго и германскаго народнаго духа и повсюду стремится обнаружить слѣды ихъ вліянія,—уже одно это позволяетъ ему глубже уразумѣть сущность многихъ отдѣльныхъ явленій, чѣмъ удавалось этого достигнуть тѣмъ изъ его предшественниковъ, которые подходили къ анализу старыхъ правовыхъ институтовъ съ новѣйшими,

---

[1]) Въ „Прусской Судебной Газетѣ", издававшейся нѣкіимъ Хирземенцелемъ, бывшимъ нѣкогда другомъ Лассаля. Хирземенцель въ своихъ замѣткахъ всталъ на защиту Лассаля противъ шутливыхъ выраженій Іеринга,—въ отвѣтъ на это послѣдній въ новомъ письмѣ выступилъ противъ такого ложнаго истолкованія своей критики; здѣсь и содержится вышеприведенная фраза Іеринга. (См. Р. Іерингъ. „Шутка и дѣло въ юриспруденціи", 3-е изд., стр. 36).

вообще позднѣе сложившимися понятіями. Но такое преимущество на сторонѣ Лассаля—только тамъ, гдѣ сами эти отдѣльныя явленія такъ или иначе соотвѣтствуютъ развиваемой имъ теоріи; гдѣ же они оказываются съ нею въ противорѣчіи, тамъ онъ—въ своемъ пониманіи ихъ, какъ уже указывалось во вступительномъ очеркѣ, стоитъ сплошь и рядомъ значительно позади своихъ предшественниковъ.

Все то, что Лассаль стремился доказать въ „Сущности римскаго и германскаго наслѣдственнаго права“, можно, въ согласіи съ тѣмъ, какъ намъ уже приходилось говорить во вступительномъ очеркѣ, свести вкратцѣ къ слѣдующимъ положеніямъ: въ то время, какъ германское наслѣдственное право выросло на почвѣ семейственнаго права, —римское, въ противоположность ему,—представляетъ собой не что иное, какъ продолженіе и безсмертіе субъективной воли, какъ таковой, что и выражается въ завѣщаніи; такимъ образомъ смыслъ завѣщанія—это только перенесеніе воли отъ одного лица на другое, причемъ вопросъ объ имуществѣ является совершенно случайнымъ второстепеннымъ вопросомъ; далѣе—римляне вступили въ исторію, уже знакомые съ завѣщаніемъ, между тѣмъ какъ греки его просто заимствовали у римлянъ,—и это завѣщаніе, по своему внутреннему смыслу, такъ глубоко сплетается съ идеей безсмертія (именно идеей сохраненія субъективной воли даже послѣ смерти субъекта этой воли), что все наслѣдственное право германскихъ народовъ (къ которымъ Лассаль причисляетъ и французовъ), поскольку оно воплощается въ завѣщаніи, представляетъ собой одно лишь колоссальное недоразумѣніе, теоретическую невозможность.

Для доказательства своихъ положеній Лассаль обращается во-первыхъ къ исторіи самого римскаго права, прослѣживая его во всѣхъ его развѣтвленіяхъ и сплетеніяхъ, а во-вторыхъ—къ римской миѳологіи, причемъ въ этой сферѣ анализъ его, при всей его внутренней несостоятельности, отличается подчасъ большимъ остроуміемъ.

Въ краткихъ извлеченіяхъ нѣтъ никакой возможности ознакомить читателя со всей этой аргументаціей Лассаля: этого не позволяетъ прежде всего строгое единство и стройность самой аргументаціи, не допускающей того, чтобы изъ нея вырывали отдѣльныя звенья; кромѣ того, такое отрывочное положеніе, чтобы быть понятнымъ читателямъ, не имѣющимъ спеціальныхъ познаній въ сферѣ римскаго права, само потребовало бы новыхъ обширныхъ разъясненій. Не взирая на все это, мы, однако, не отказались бы отъ такой попытки, если-бы къ первымъ двумъ не присоединилось еще третье рѣшающе основаніе, заставляющее насъ оконча-

тельно отказаться отъ такой попытки, именно то, что, въ своей основѣ, эта аргументація, съ чѣмъ нынче согласится всякій мало-мальски свѣдующій въ этихъ вопросахъ человѣкъ, является совершенно несостоятельной. Достаточно ограничиться въ доказательство этого двумя примѣрами, подрывающими въ корнѣ всю аргументацію Лассаля: укажемъ прежде всего на тотъ фактъ, что наслѣдованіе въ порядкѣ интестата, впервые упоминаемое у римлянъ въ 12 таблицахъ, т. е. около 450 года старой эры, —почти во всѣхъ своихъ существенныхъ пунктахъ совпадаетъ съ порядкомъ наслѣдованія, установленнымъ за 140 лѣтъ передъ тѣмъ Солономъ и за цѣлую тысячу лѣтъ Моисеемъ; такимъ образомъ, его ни въ коемъ случаѣ нельзя назвать специфическимъ продуктомъ римскаго народнаго духа. Укажемъ еще на тотъ фактъ, что германцы, именно послѣ того, какъ они вошли въ ближайшее соприкосновеніе съ римлянами, подверглись эволюціи, которая ихъ также должна была привести къ усвоенію института наслѣдованія, совершенно аналогичнаго римскому интестату эпохи 12 таблицъ; да отчасти, если имѣть въ виду переходъ отъ материнскаго къ отцовскому праву, она и фактически привела къ такимъ результатамъ. Въ самомъ дѣлѣ, у германцевъ уже въ эпоху Тацита дѣти наслѣдовали отъ отца, а тамъ, гдѣ дѣтей не было, братья и дяди отца (такъ называемые „агнаты“ римскаго права) на ряду съ братьями и дядями матери; это право послѣднихъ—выступать въ качествѣ сонаслѣдниковъ —прямо указываетъ на эпоху матріархата и на ряду съ другими фактами служитъ доказательствомъ того, что слѣды послѣдняго еще долгое время продолжали сохраняться у германцевъ. Наоборотъ, у римлянъ отцовское право сложилось уже задолго до эпохи 12 таблицъ; отецъ былъ здѣсь неограниченнымъ господиномъ надъ женой и дѣтьми; насколько велика и безгранична была его власть, показываетъ, между прочимъ, тотъ фактъ, что слово „familia“, которое первоначально употреблялось только по отношенію къ рабамъ, впослѣдствіи стало служить для обозначенія въ совокупности всего личнаго персонала дома, подчиненнаго власти отца. Въ этомъ отношеніи является безусловно правильнымъ утвержденіе, что римское наслѣдственное право содержитъ въ себѣ моментъ перенесенія воли; въ римской семьѣ дѣйствительно переходитъ по наслѣдству право власти, а потому утвержденіе, что слово heres—наслѣдникъ по своему первоначальному происхожденію стоитъ въ тѣсной связи со словомъ herus—господинъ (ср. замѣчаніе Лассаля, которое имѣется у него на стр. 189—190), получаетъ нѣкоторую правдоподобность, не взирая даже на то, что гласная коренного слога въ одномъ словѣ—долгая, а въ другомъ—короткая. Но

этимъ отнюдь еще не доказывается, что римское наслѣдственное право было только перенесеніемъ воли съ одного лица на другое и что передача имущества была въ немъ только подчиненнымъ случайнымъ моментомъ; правильнѣе будетъ сказать, что перенесеніе воли было въ немъ только формой, подъ которой осуществлялась передача имущества, собственно— опредѣленной существенной доли его. Что же касается завѣщанія, т. е. права наслѣдодателя свободно распоряжаться своимъ имуществомъ, то оно могло сложиться лишь послѣ того, какъ матріархатъ, стоящій еще довольно близко къ первобытному коммунизму и предполагающій наличность сравнительно еще многочисленныхъ коммунистическихъ учрежденій,—уступилъ свое мѣсто отцовскому праву. И такъ какъ въ Римѣ этотъ процессъ совершился задолго до того момента, къ которому отнотятся наши первыя объ немъ историческія свѣдѣнія и такъ какъ эти древнѣйшія свѣдѣнія рисуютъ намъ римлянъ, какъ народъ, стоящій уже сравнительно на высокой ступени развитія, у преддверія цивилизаціи, съ ясно выраженнымъ институтомъ патріархата,—то нетрудно теперь, на основаніи однихъ только этихъ данныхъ, безъ особой помощи миѳологическихъ источниковъ, найти причину того факта, что римлянамъ, уже съ самаго начала ихъ исторіи, было извѣстно право наслѣдованія по завѣщанію. Что касается германцевъ, то къ тому времени, когда они вошли въ соприкосновеніе съ римлянами, они находились еще только при началѣ того самаго процесса, который у римлянъ получилъ уже свое вполнѣ ясное и законченное выраженіе.

Въ этомъ и лежитъ вполнѣ естественное объясненіе того факта, почему они, во-первыхъ, совсѣмъ не знаютъ въ это время о наслѣдованіи чрезъ завѣщаніе, и почему, во-вторыхъ, самое право наслѣдованія въ порядкѣ интестата у нихъ имѣетъ рѣзкія отличія по сравненію съ аналогичнымъ древне-римскимъ правомъ. Германское право интестата основывается на болѣе первоначальномъ характерѣ родового и семейнаго союза (семья здѣсь понимается, какъ сравнительно тѣсный союзъ на началахъ кровнаго родства), чѣмъ аналогичное римское право,—но различаются они,—какъ полагаетъ Лассаль,—вовсе не тѣмъ, что германское представляетъ собой „семейное право“ въ его временномъ смыслѣ, а римское нѣтъ. Различія между ними въ этомъ отношеніи обусловливаются скорѣе нахожденіемъ этихъ народовъ на различныхъ ступеняхъ развитія, чѣмъ принципіально различными свойствами ихъ національнаго духа; и такимъ образомъ не могутъ подлежать отрицанію слѣдующіе выводы, признаваемые также массою другихъ изслѣдователей: римляне, если и не явля-

ются первоначальными иниціаторами относительно института завѣщанія, то во всякомъ случаѣ первые дали ему въ жизни строго-послѣдовательное полное развитіе; этому акту завѣщанія, какъ, разумѣется, и всякимъ другимъ актамъ имущественно-юридическаго характера, они сообщили особое религіозное значеніе, отвѣчающее ихъ общимъ религіознымъ представленіямъ; далѣе—это завѣщаніе, по своему содержанію, было болѣе, чѣмъ простымъ актомъ о передачѣ имущества, ибо съ нимъ связывалось также перенесеніе съ одного лица на другое различныхъ религіозныхъ и др. обязательствъ; соприкосновеніе германцевъ, находившихся еще въ полуварварскомъ состояніи, съ высоко-цивилизованными римлянами должно было, наконецъ, неизбѣжно поставить первыхъ подъ вліяніе послѣднихъ, подчинить германскія учрежденія, сложившіяся у нихъ путемъ самостоятельнаго развитія, воздѣйствію со стороны соотвѣтствующихъ римскихъ учрежденій.

Но чтобы дать читателямъ нашего изданія возможность ознакомиться хотя-бы съ нѣсколькими отрывками изъ второй части произведенія, мы воспроизведемъ ниже наиболѣе важныя мѣста изъ ея заключительной главы (второй отдѣлъ второго тома), главы, въ которой Лассаль подвергаетъ изслѣдованію вопросъ о сущности германскаго наслѣдственнаго права.

„Германцы, въ моментъ появленія своего на исторической сценѣ, знаютъ наслѣдованіе только въ порядкѣ интестата, какъ сообщаетъ объ этомъ уже Тацитъ. Но само это названіе, въ силу своего внѣшняго сходства съ аналогичнымъ названіемъ римскаго права, способно привести къ серьезнымъ заблужденіямъ, если немедленно-же не выяснить въ полномъ объемѣ того глубокаго различія, которое существуетъ между соотвѣтствующими институтами римскаго и германскаго права, различія, на столько глубокаго, что, въ концѣ концовъ, оно ничего не оставляетъ у нихъ общаго, кромѣ самого названія. Ибо здѣсь рѣчь идетъ не о различіи въ предписаніяхъ права,—какъ не велико это различіе, оно само по себѣ еще не исключаетъ возможности сохраненія у нихъ чего-нибудь общаго; здѣсь рѣчь идетъ о различіи въ самой идеѣ обоихъ институтовъ, т. е. о такомъ различіи, которое превращаетъ ихъ въ институты, принципіально чуждые другъ другу по своей внутренней сущности. Въ самомъ дѣлѣ, исторически мы убѣждаемся, что право интестата понимается двояко: оно можетъ пониматься въ смыслѣ чисто-вспомогательнаго (subsidär) института, который выплываетъ на сцену лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда индивидуальная воля наслѣдодателя не получила своего выраженія

(такъ понималось оно въ Римѣ); но оно можетъ еще пониматься, какъ право единственное и исключительное, принципіально отрицающее всякое значеніе за волей наслѣдодателя въ разрѣшеніи вопроса о дальнѣйшей судьбѣ его имущества; и нетрудно понять, что по существу здѣсь передъ нами два принципіально различныхъ между собой правовыхъ института, которые должны быть проникнуты двумя принципіально различными идеями, и, выражаясь рѣзко, не имѣютъ между собой по существу ничего общаго, кромѣ того, что въ такомъ чисто внѣшнемъ фактѣ, какъ смерть наслѣдодателя, они находятъ для себя общій поводъ для проявленія наружу различныхъ свойствъ того или другого народнаго духа.

Римское понятіе интестата, къ выясненію сущности котораго мы должны теперь обратиться, исходило изъ понятія всеобщей воли народа, причемъ сама эта всеобщая воля себя обнаруживаетъ и утверждаетъ въ качествѣ воли этого опредѣленнаго, хотя и не обособленнаго индивидуума. Ясно само собой, что такое понятіе интестата не можетъ имѣть рѣшительно ничего общаго съ соотвѣтствующимъ понятіемъ германскаго наслѣдственнаго права; да и какъ они могутъ имѣть между собой что-нибудь общее, когда въ одномъ случаѣ у римлянъ—право интестата имѣетъ чисто субсидіарный (вспомогательный) характеръ, выступая на сцену лишь въ тѣ моменты, когда наслѣдодатель не сдѣлалъ такого употребленія изъ принадлежащаго ему, въ абсолютной формѣ, права на выраженіе своей посмертной воли въ завѣщаніи;—между тѣмъ какъ въ другомъ случаѣ—у германскихъ народовъ—это право интестата, въ своей первоначальной національной формѣ, выступаетъ пррѳдъ нами, какъ исключительное наслѣдственное право, совершенно не признающее завѣщанія, какъ такового. И далѣе—въ наслѣдственномъ правѣ германскихъ народовъ понятіе интестата неизмѣнно сохраняетъ свой властно-принудительный принципіальный характеръ, даже въ такихъ относительно недавнихъ образованіяхъ наслѣдственнаго права, какъ право непремѣннаго наслѣдника и право на неотъемлемую долю въ наслѣдствѣ; сравнительно съ этимъ моментомъ самому завѣщанію удѣляется весьма скромная роль, имѣющая не качественное, но чисто количественное значеніе (disponible Quantität). И, наконецъ, у германскихъ народовъ такъ послѣдовательно выдерживается этотъ субстанціональный и самостоятельный характеръ права интестата, что даже право наслѣдниковъ на наслѣдство начинаетъ у нихъ дѣйствовать не съ момента смерти наслѣдодателя, но еще раньше, при его жизни, поскольку оно ограничиваетъ его въ свободѣ—отчуждать по своему произволу „наслѣдственную собственность“.

Уже изъ этихъ соображенiй съ достаточной ясностью обнаруживается, что именно германское наслѣдственное право (въ порядкѣ интестата) дѣйствительно является настоящимъ семейственнымъ правомъ, а вовсе не римское, какъ это совершенно несправедливо относительно него утверждалось. Такимъ образомъ, дѣло идетъ теперь лишь о томъ, чтобы глубже и основательнѣе ознакомиться съ сущностью семейнаго права.

Понятiе семьи можно опредѣлить такъ: это есть нравственная идентичность лицъ, составляющихъ данную семью, причемъ эта идентичность, въ качествѣ своей субстанцiональной основы, имѣетъ не простое утвержденiе внутри семьи субъективной воли, но открывающееся во внутреннемъ ощущенiи единство духа или любовь. Но такъ какъ ощущенiе есть нѣчто непосредственное или нѣчто реально-существующее (Seiende) въ духѣ,—то и единство здѣсь есть также реально-существующее, иначе говоря, оно есть идентичность крови. Слѣдовательно, здѣсь выступаетъ моментъ произрожденiя (Zeugung) съ его специфическимъ характеромъ. Но если это нравственное единство лицъ и образуетъ собой понятiе семьи, то отсюда съ необходимостью вытекаютъ слѣдующiя логическiя послѣдствiя: имущество, по своей субстанцiи, должно быть само по себѣ общей семейной собственностью. Право наслѣдника (въ порядкѣ интестата) на имущество будетъ поэтому возникать не только съ момента смерти наслѣдодателя и будетъ принадлежать ему не въ силу того, что такова воля послѣдняго. Такъ какъ это право, само по себѣ существующее, основывается не на волѣ наслѣдодателя, а на реально-существующемъ отношенiи (именно на положенiи наслѣдника, какъ члена семейной группы),—то, очевидно, что это право будетъ прiобрѣтаться имъ уже съ самаго момента его вступленiя въ семью, съ самаго момента его рожденiя, со смертью же наслѣдодателя оно будетъ только осуществляться въ дѣйствительности; наконецъ, это собственное, само по себѣ существующее право наслѣдника, будетъ проявляться, какъ таковое, т. е. какъ реально-существующее, еще при жизни самого наслѣдодателя,—и эта независимая отъ воли послѣдняго (сама по себѣ существующая) общность имущественной субстанцiи и должна будетъ находить себѣ выраженiе въ извѣстныхъ стѣсненiяхъ, которыми ограничивается индивидуальное право собственника на распоряженiе своей собственностью.

На основанiи этихъ соображенiй мы можемъ уже сейчасъ установить слѣдующiя положенiя: въ Римѣ, по своей субстанцiи, наслѣдственное право было правомъ на непрерывную преемственность воли, и только въ силу ея непрерывности, наслѣдникъ, становясь субъектомъ этой воли, уже

тѣмъ самымъ accidentell [1]) становился обладателемъ всего отъ нея Dependirenden [2]); что касается германскихъ народовъ, то у нихъ наслѣдственное право было собственнымъ и самостоятельнымъ правомъ члена семейной группы, и притомъ уже не правомъ на непрерывную преемственность воли, но, по самой субстанціи своей, ничѣмъ инымъ, какъ имущественнымъ правомъ, иначе говоря, правомъ на участіе въ общей (общей въ силу внутреннихъ свойствъ —an sich) семейной собственности, правомъ, которое пріобрѣталось при самомъ вхожденіи въ составъ семейной группы.

Въ этихъ своеобразныхъ особенностяхъ германскаго наслѣдственнаго права такъ очевидно воплощается содержаніе проанализированнаго выше понятія, ихъ взаимное соотвѣтствіе такъ рѣзко бросается въ глаза, что намъ нѣтъ никакой необходимости болѣе подробно останавливаться на выясненіи этого соотвѣтствія, — достаточно еще нѣсколько штриховъ, чтобы закончить эту картину ихъ полнаго совпаденія.

Основнымъ принципомъ римскаго наслѣдственнаго права былъ принципъ, согласно которому наслѣдникъ своимъ собственнымъ имуществомъ долженъ былъ отвѣчать за всѣ долги наслѣдодателя; что касается германскаго права, которое не видѣло въ наслѣдствѣ никакого преемства воли, но только моментъ имущественнаго пріобрѣтенія, — то оно, въ противность римскому, своимъ основнымъ принципомъ ставило правило, согласно которому обязательства, вытекающія изъ этого пріобрѣтенія, ни въ коемъ случаѣ не могли превышать самого пріобрѣтенія, иначе говоря, наслѣдникъ никогда не могъ отвѣчать ultra vires hereditatis [3]): „Здѣсь строго соблюдалось правило, что наслѣдникъ изъ своего собственнаго, ранѣе пріобрѣтеннаго имущества, не обязанъ ничего отдавать или платить за долги умершаго“ [4]).

Еще много времени спустя послѣ того, какъ завѣщанія вошли въ общее употребленіе, право завѣщать по своему желанію принадлежало только

[1]) Само собой.

[2]) Зависящаго, ею обусловливаемаго.

[3]) Свыше общей суммы наслѣдства.

[4]) Glosse zum Sachsenspiegel, I, 6. Можетъ показаться сомнительнымъ, допустимо-ли еще говорить о спеціально „германскомъ“ правѣ относительно такихъ правоопредѣленій, которые ведутъ свое происхожденіе отъ 13 столѣтія нашей эры; вѣдь мы имѣемъ основаніе поставить вопросъ, не представляютъ-ли они продуктъ взаимодѣйствія германскихъ и римскихъ вліяній? Далѣе мы, однако, увидимъ, почему Лассаль считаетъ это допустимымъ.

тому, кто не имѣлъ никакихъ законныхъ наслѣдниковъ. Но тотъ, кто имѣлъ такихъ наслѣдниковъ, могъ завѣщать только постольку, поскольку это дозволяли права ближайшихъ наслѣдниковъ,—болѣе того, даже внутри этихъ границъ, онъ могъ завѣщать сплошь и рядомъ лишь тогда, если его распоряженіе клонилось къ выгодѣ одного изъ родственниковъ или супруговъ"... (Стр. 479—482).

Въ весьма интересномъ и сравнительно длинномъ примѣчаніи, которымъ Лассаль снабжаетъ одно мѣсто, слѣдующее у него далѣе за воспроизведенными выше отрывками, онъ такъ, между прочимъ, высказывается по поводу теоріи наслѣдственнаго права, построенной Гегелемъ:

„Пониманіе наслѣдственнаго права, какъ такого права, корень котораго таится въ нравственной идентичности членовъ семейной группы, причемъ свое внѣшнее реальное выраженіе эта нравственная идентичность получаетъ въ общей собственности, — такое пониманіе наслѣдственнаго права, принадлежитъ, какъ мы уже ранѣе упоминали, Гегелю. Ошибка Гегеля состояла лишь въ томъ, что онъ, въ качествѣ идеи наслѣдственнаго права вообще, принимаетъ то, что на самомъ дѣлѣ является только опредѣленной исторической идеей германскаго наслѣдственнаго права. Римскому наслѣдственному праву эта идея остается, какъ мы видѣли, совершенно чуждой, и въ этомъ отношеніи нѣтъ различія между правомъ интестата и правомъ наслѣдованія по завѣщанію"...

„Не слѣдуетъ упускать изъ виду (а между тѣмъ на это никогда не обращалось должнаго вниманія), что у Гегеля вообще нельзя найти никакого, сколько-нибудь основательно разработаннаго понятія о наслѣдственномъ правѣ чрезъ завѣщаніе. Да это и не могло быть иначе, такъ какъ его понятіе о наслѣдственномъ правѣ является простымъ отвлеченіемъ отъ національнаго духа такого народа, наслѣдственное право котораго было въ своихъ существенныхъ чертахъ правомъ интестата и которому поэтому понятіе наслѣдственнаго права чрезъ завѣщаніе внутренно оставалось всегда столь-же чуждымъ, сколь чужда была идея самого завѣщанія его первоначальному національному духу. Въ этомъ кроется причина той неблагосклонности, съ которой Гегель (§ 180) вообще относится къ завѣщанію. Онъ энергично заявляетъ, что чистый произволъ умершаго не можетъ быть сдѣланъ принципомъ для права завѣщанія; римское наслѣдственное право, основанное на такомъ принципѣ, представляется ему поэтому простою безнравственностью; онъ такъ прямо его и опредѣляетъ, сравнивая съ правомъ отца—продавать своихъ дѣтей. Для настоящаго времени къ завѣщанію можно относиться съ такимъ же отвраще-

ніемъ, съ какимъ къ нему вообще относился Гегель, — и скоро уже, быть можетъ, обнаружится, что изъ нашего объективнаго анализа сами собой вытекаютъ, хотя и иныя, но еще болѣе радикальныя заключенія относительно современнаго права завѣщанія. Но распространять эти заключенія на такую эпоху, когда завѣщаніе, въ процессѣ историческаго развитія духа, только впервые слагалось, и тѣмъ самымъ усматривать въ римскомъ правѣ одинъ только произволъ и безнравственность, — это значитъ обнаруживать по отношенію къ послѣднему огромную несправедливость и вмѣстѣ съ тѣмъ погрѣшать противъ основнаго требованія самой гегельянской философіи, — вѣдь, согласно послѣдней, всѣ историческія инстанціи необходимо понимать, какъ послѣдовательныя градаціи въ развитіи разумнаго и нравственнаго духа". (Стр. 487—488).

„Однако, если на основаніи предыдущихъ разсужденій уже и выяснилось, что германское наслѣдственное право внутренно опредѣляется правиломъ: le mort saisit le vif [1]), —то вѣдь, очевидно, всѣ эти разсужденія могутъ пока относиться только и исключительно къ германскому праву интестата, какъ къ такому праву, въ основѣ котораго лежитъ общая семейная собственность; такимъ образомъ, передъ нами поднимается теперь новый вопросъ,—какъ объяснить себѣ то, что то же самое правило, вплоть до нашихъ дней, неизмѣнно царило и надъ правомъ завѣщанія этихъ народовъ?

Вопросъ этотъ для всякаго, кто только со вниманіемъ слѣдилъ за развитіемъ нашихъ идей о сущности римскаго и германскаго наслѣдственнаго права,—не представляетъ больше никакого вопроса.

Какъ мы уже видѣли, германскіе народы, въ первобытную эпоху своего національнаго существованія, совсѣмъ не знаютъ завѣщанія. Когда они вошли въ соприкосновеніе съ римлянами, они нашли у нихъ этотъ институтъ наслѣдственнаго права и внѣшнимъ образомъ его заимствовали, но понять внутренній духовный смыслъ римскаго завѣщанія они, разумѣется, оказались не въ состояніи; тѣмъ менѣе можно было ожидать отъ нихъ такого пониманія, что постигнуть смыслъ его оказались не въ силахъ даже новѣйшие авторы и вплоть до самаго послѣдняго времени. Римское завѣщаніе они (германскіе народы) приняли за то, чѣмъ оно

---

[1]) Дословно: „Мертвый схватываетъ живого". Это значитъ: мертвый вводитъ живого во владѣніе имуществомъ, т. е. со смертью наслѣдодателя наслѣдство непосредственно переходитъ къ наслѣднику.

представляется съ своей внѣшней, чувственной стороны—за право распоряженія своимъ имуществомъ.

Германскіе народы переняли у римлянъ завѣщаніе именно въ смыслѣ такого права на распоряженіе своимъ имуществомъ, ибо, понимаемое въ такомъ смыслѣ, оно вполнѣ отвѣчаетъ ихъ чувству индивидуальной свободы, поскольку въ идеѣ индивидуальнаго труда (labor, Errungenschaft), въ противоположность къ неподвижной имущественной субстанціи, т. е. именно въ пользованіи этой субстанціей (въ пользованіи, выражающемся въ Fahrniss und Acquest), обнаруживается аналогичный элементъ, и открывается просторъ для проявленія этой свободы въ распоряженіи имуществомъ. Они переняли этотъ институтъ завѣщанія не безъ нѣкотораго сопротивленія со стороны ихъ собственной національной субстанціи противъ чуждаго пришельца. Но они такъ плохо поняли идею римскаго завѣщанія, что еще въ теченіе сравнительно долгаго времени были не въ состояніи понять даже его чисто внѣшняго юридическаго характера, ибо, истолковавъ завѣщаніе въ смыслѣ права распоряжаться своимъ имуществомъ, они цѣликомъ его отождествляли съ дареніемъ между живущими людьми. Многочисленныя свидѣтельства служатъ этому подтвержденіемъ“... (Стр. 487—489).

„Это искаженіе въ германскомъ правѣ юридической сущности римскаго завѣщанія, какъ возникшее на почвѣ искаженія его логической сущности, является само по себѣ вполнѣ логическимъ и послѣдовательнымъ результатомъ этого основного искаженія. Это есть заблужденіе, но въ этомъ заблужденіи содержится больше истины, чѣмъ могло бы содержаться въ преодолѣніи заблужденія.

Это заблужденіе является лишь доказательствомъ того сопротивленія, которое, еще при самомъ усвоеніи чуждаго института завѣщанія, національное воззрѣніе и здравая логика германскаго права проявили по отношенію къ чуждой, непонятной для нихъ сущности римскаго наслѣдства, что и выразилось въ безсознательномъ отождествленіи его съ дареніями между живущими людьми.

Много проходитъ времени, прежде чѣмъ преодолѣвается это заблужденіе относительно юридической природы римскаго завѣщанія, прежде чѣмъ и у германскихъ народовъ завѣщаніе, какъ и въ Римѣ, начинаетъ пониматься въ смыслѣ акта, отъ котораго составитель завѣщанія можетъ въ любой моментъ по произволу отказаться и который свою юридическую силу пріобрѣтаетъ только съ момента смерти наслѣдодателя; и это преодолѣніе заблужденія осуществляется лишь путемъ многочисленныхъ и по-

степенныхъ переходовъ, давать исторію которыхъ — здѣсь не мѣсто. Но если теперь и удалось преодолѣть юридическое заблужденіе, то, однако, логическое заблужденіе осталось въ полной силѣ, т. е. именно то заблужденіе, которое заставляетъ видѣть въ римскомъ завѣщаніи простой актъ о передачѣ имущества и, въ качествѣ именно такого акта, вводить его въ свою юридическую практику. И въ результатѣ—отъ такого преодолѣнія заблужденія не только не получилось никакого выигрыша, но—болѣе того, именно только теперь заблужденіе вступило въ свою вторую, еще болѣе субстанціональную фазу. Ибо отнынѣ римское завѣщаніе, со своимъ опредѣленнымъ юридическимъ характеромъ, оказалось оторваннымъ отъ той прежней родственной ему логической почвы, въ которой—въ одной только—оно находило свой духовный корень, внутреннюю возможность своего существованія и которая —одна только— ему сообщала этотъ специфическій юридическій характеръ,—именно отнынѣ была разорвана его связь съ идеей непрерывной преемственности субъекта воли; и отнынѣ лишенное своего органическаго базиса, оно, чисто внѣшнимъ и внутренно-противорѣчивымъ образомъ, было перенесено въ такой духовный міръ (наслѣдованіе въ порядкѣ интестата, наслѣдованіе, какъ собственное право члена семейной группы на общее—по своей сущности—семейное имущество) и на такую юридическую почву, съ которыми оно стоитъ въ непримиримѣйшемъ конфликтѣ, въ отношеніи внутренней невозможности".

И теперь нѣтъ нужды болѣе доказывать (ибо такимъ доказательствомъ служитъ весь этотъ томъ, доказательствомъ, строгая объективность и неопровержимость котораго не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію), но достаточно только еще разъ провозгласить, что все право завѣщанія германскихъ народовъ, какъ это ясно обнаруживается всѣмъ нашимъ анализомъ, представляетъ собой не что иное, какъ—одно огромное недоразумѣніе! Недоразумѣніе, происхожденіе, природу и свойства котораго мы уже выяснили самымъ тщательнымъ образомъ.

Націи могутъ перенимать чуждые имъ, а потому, въ своей внутренней сущности, остающіеся для нихъ непонятными институты. Юристы могутъ уловить внѣшній юридическій характеръ этихъ институтовъ и въ такомъ видѣ ввести ихъ въ новую юридическую сферу. Но то, что въ результатѣ изъ всего этого образуется,—никогда не представляетъ собой дѣйствительнаго усвоенія чуждаго начала. Чтобы быть дѣйствительно усвоеннымъ, это чуждое начало должно быть усвоено въ своей духовной логической природѣ, — но въ такой формѣ оно совсѣмъ не можетъ быть усвоено, не

можетъ именно потому, что оно является чуждымъ началомъ для всякаго другого народнаго духа. Глубоко искаженное въ своей внутренней идеѣ, — это чуждое, внѣшне заимствованное учрежденіе (правильнѣе то, что абстрагировано отъ его внѣшняго юридическаго характера) подпадаетъ отнынѣ подъ властное вліяніе собственной національной идеи перенимающаго его народнаго духа и самымъ насильственнымъ образомъ связывается съ нею въ чисто внѣшнее единство. Но именно потому, что это учрежденіе, лишенное своей внутренней идеи, должно отнынѣ пріобрѣсти совершенно новую юридическую форму, не похожую на ту, которой оно обладало раньше, на своей первоначальной родной почвѣ,—именно поэтому оно, по истеченіи болѣе или менѣе продолжительныхъ періодовъ времени, представляется, какъ принадлежащее къ собственному духовному инвентарю воспринявшей его націи;—на самомъ же дѣлѣ оно находится и остается съ нимъ только въ такомъ единствѣ, въ какой заноза (шипъ) находится съ мясомъ облегающаго ее тѣла. Лишенное своей внутренней идеи, оно теряетъ теперь всякое сходство съ своимъ прежнимъ органическимъ образомъ и, во всѣхъ отношеніяхъ, оказывается теперь въ самомъ жестокомъ противорѣчіи съ той новой почвой, на которую оно отнынѣ пересажено, съ той національной идеей, подъ властное вліяніе которой оно отнынѣ поставлено,—иначе говоря, оно есть и остается — противорѣчіемъ въ самомъ себѣ, внутренней невозможностью. (Стр. 491—493).

Римское право, отождествляя, въ качествѣ субъектовъ воли, наслѣдника и наслѣдодателя, — дѣствительно устанавливаетъ непрерывность существованія воли умершаго лица, хотя-бы это понималось столь же супра-натуральнымъ и идеалистическимъ образомъ, какъ и дальнѣйшее существованіе Христа въ потустороннемъ мірѣ; поэтому римское право и является единственнымъ внутренно-согласованнымъ, единственнымъ внутренно-возможнымъ правомъ завѣщанія. Правда, мы уже видѣли, что понимаемое въ такомъ смыслѣ право завѣщанія оказывается и неизбѣжно должно оказаться внутренно-несостоятельнымъ правомъ, ибо лежащая въ основѣ его спиритуалистическая предпосылка требуетъ признанія такой невозможности, какъ равенства между собой А и В, признанія того, чтобы наслѣдникъ и наслѣдодатель, какъ опредѣленные субъекты воли, перестали быть другими относительно другъ друга; противорѣчіе этой супра-натуральной предпосылки съ дѣйствительностью должно обнаруживаться какъ въ самой догматикѣ наслѣдственнаго права, поскольку она касается глубочайшихъ основъ этого права

завѣщанія, такъ и въ исторіи послѣдняго. Но разъ только закрыть глаза на невозможность этой предпосылки и встать на почву такого воззрѣнія,— то въ границахъ его, а слѣдовательно — и въ границахъ такого пониманія права завѣщанія все оказывается разумнымъ, внутренно-согласованнымъ и необходимымъ. Достаточно только допустить, что субъектъ воли, не взирая на смерть естественнаго субстрата этой воли, продолжаетъ существовать и далѣе, — и тогда оказывается совершенно естественнымъ и понятнымъ, что это воля даже послѣ смерти своего первоначальнаго субъекта можетъ по прежнему дѣйствовать. (Стр. 496).

„Только теперь, послѣ того, какъ мы охарактеризовали ту своеобразную форму, въ которой институтъ завѣщанія перешелъ къ германскимъ народамъ, только теперь становится яснымъ и внутренно понятнымъ, что въ ту эпоху, когда однимъ энергичнымъ ударомъ было разомъ покончено со всѣми чисто эмпирическими традиціями, когда, по выраженію Гегеля, „міръ былъ поставленъ на свою голову — разумъ“, — что въ эту эпоху былъ не только возможенъ, но и прямо неизбѣженъ законъ 7 — 10 марта 1793 года, которымъ французскій національный Конвентъ постановилъ, что отнынѣ уничтожается всякое правомочіе — завѣщать въ прямой линіи. Относить этотъ законъ на счетъ пристрастія Конвента къ пустымъ декламаціямъ, видѣть въ немъ проявленіе его маніи къ абстрактнымъ формуламъ равенства,—было бы утвержденіемъ, лишеннымъ всякого внутренняго содержанія. Инстинктъ всегда предшествуетъ сознательной теоріи,—такъ и данный законъ въ сущности былъ ничѣмъ инымъ, какъ совершенно безсознательнымъ стремленіемъ народнаго духа къ своей собственной національной субстанціи [1]) стремленіемъ, кото-

[1]) Это мѣсто, какъ и другія аналогичныя мѣста, дали поводъ Лотарь Бюхеру (въ своемъ завѣщаніи Лассаль назначилъ его своимъ литературнымъ наслѣдникомъ) высказать въ предисловіи ко второму изданію „Системы“ слѣдующее замѣчаніе: если-бы Лассаль дожилъ „до сегодняшняго дня“ (написано въ 1880 году), то „наша внутренняя исторія“ послужила бы для него, „быть можетъ, поводомъ для болѣе глубокаго развитія той мысли, что трудно народу самому познать свою собственную субстанцію“: „а если-бы только онъ дожилъ до марта 1871 года, то вѣ оятно, много цѣннаго и плодотворнаго, для его пониманія французской революціи, принесло бы ему размышленіе о томъ, что—не всякое разрушеніе символическаго зданія означаетъ собой штурмъ Бастиліи и ведетъ по своимъ послѣдствіямъ къ 4 августа“. И несомнѣнно, „онъ не поднялъ бы своего пера противъ нѣмецкаго меча и не объявилъ бы французскую коммуну за вѣчную — окончательную форму, въ которой должна осуществиться эмансипація труда“. (Стр. XX Предисловія).

рое сложилось само собой на почвѣ реакцій противъ всего, носящаго на себѣ печать эмпирической традиціи. Разумѣется, дѣло идетъ не о возвращеніи въ первобытные германскіе лѣса. Наслѣдственное право, какъ оно выразилось въ этомъ законѣ французскаго Конвента, логически отличается отъ соотвѣтствующаго права въ пониманіи германскихъ народовъ, — и особенностью его является здѣсь именно то, что наслѣдники, въ порядкѣ интестата, (дѣти) не имѣютъ при жизни наслѣдодателя никакого права (никакого самого по себѣ существующаго права) на имущество послѣдняго, между тѣмъ какъ самъ наслѣдодатель можетъ здѣсь (въ противность германскому обычаю), на началахъ возмездности, отчуждать по произволу все свое имущество; и въ согласіи съ этимъ—всѣ части наслѣдства могутъ подлежать здѣсь отчужденію за долги. Наслѣдники (въ порядкѣ интестата) наслѣдуютъ здѣсь, слѣдовательно, лишь постольку, поскольку что-нибудь еще остается изъ наслѣдства въ моментъ смерти наслѣдодателя; они закономѣрно наслѣдуютъ, поскольку вообще какая-нибудь часть имущества существуетъ, какъ объектъ наслѣдованія; но они не имѣютъ никакого права на то, чтобы вотъ эта какая-

---

Какъ плохо, однако, зналъ г. Бюхеръ того человѣка, который написалъ „Программу работниковъ", который въ своей „Итальянской войнѣ" объявилъ „неисторическимъ и невозможнымъ" стремленіе—вновь отвоевать Эльзасъ - Лотарингію отъ Франціи, который въ войнѣ Пруссіи съ Франціей (идея такой войны была тогда очень популярна) видѣлъ несчастіе для освободительнаго движенія Германіи! Какъ плохо, однако, умѣлъ читать г. Бюхеръ, — если только не слѣдуетъ сказать больше: какъ хорошо онъ умѣлъ—читать плохо!

Самъ Лассаль къ выше цитированному мѣсту дѣлаетъ слѣдующее, проникнутое совершенно инымъ духомъ, примѣчаніе:

„Здѣсь снова попутно обнаруживается, сколь поверхностна и невѣжественна въ своей основѣ болтовня поденныхъ публицистовъ à la Dietzel, которые въ французской революціи 1789 года усматриваютъ тріумфъ „романизма" и гибель германскихъ элементовъ въ французской націи. Въ прямой противоположности съ этимъ мы видимъ, что Конвентъ, какъ разъ наоборотъ, вырвался изъ подъ вліянія романизма, за много столѣтій передъ тѣмъ чисто эмпирическимъ путемъ усвоеннаго французской націей и преспокойно продолжающаго все еще до сихъ поръ неизмѣнно тяготѣть надъ Германіей, вырвался для того, чтобы съ огромной энергіей вновь возвратиться къ собственному содержанію германскаго духа. Разъ уже намъ, впрочемъ, пришлось (какъ приходилось нѣсколько разъ и раньше на протяженіи нашего сочиненія) упомянуть объ этой глубокомысленной болтовнѣ Dietzel'я, болтовнѣ, которая, именно благодаря своей поверхностности, получила

нибудь часть состоянія живущаго еще лица перешла къ нимъ впослѣдствіи, какъ наслѣдство. Иначе говоря, здѣсь, въ отличіе отъ германскаго права, уже получила свое развитіе идея индивидуальной свободы, и выражается она въ томъ, что собственникъ здѣсь уже разсматривается, какъ единственный и безусловный собственникъ. Другими словами, — собственность здѣсь уже не представляетъ собою того, чѣмъ ее желаетъ видѣть Гегель и чѣмъ она дѣйствительно является въ германскомъ правѣ, т. е. общей самой по себѣ — an sich фамильной собственности, въ которой это свойство ея (т. е. внутренно ей присущей общности — diese ansichseiende Gemeinsamkeit) только внѣшне обнаруживается въ моментъ смерти наслѣдодателя. Ибо, если-бы и здѣсь она понималась въ такомъ смыслѣ, то это неизбѣжно предполагало бы, что и здѣсь, уже при жизни собственника, у его наслѣдниковъ въ порядкѣ интестата существуетъ внутренно имъ присущее право наслѣдованія, право, которое ограничиваетъ собственника въ его силѣ отчуждать свое имущество, хотя и достигаетъ своего дѣйствительнаго осуществленія лишь съ момента смерти этого собственника. Но такъ какъ здѣсь этого на самомъ дѣлѣ не бываетъ, то поэтому здѣсь собственность является чисто индивидуальной собственностью, но не фамильной собственностью. (Съ однимъ лишь ограниченіемъ — правомъ даренія собственникъ располагаетъ, разъ у него есть дѣти, лишь по отношенію къ такъ называемой quotite disponible своего имущества). На какомъ же принципѣ здѣсь основывается наслѣдованіе въ порядкѣ интестата? Такъ какъ собственникъ можетъ здѣсь дарить

огромную популярность и увлекла за собой даже такихъ людей, о которыхъ мы привыкли быть болѣе высокаго мнѣнія, — то не будетъ излишнимъ привести здѣсь иное мнѣніе: мы имѣемъ въ виду то мнѣніе, которое нѣкто Эдуардъ Гансъ, человѣкъ совершенно иной, реальной складки ума, высказалъ объ отношеніи французской революціи къ германскому и романскому духу. Гансъ („Наслѣдственное право“, III, 480) заключаетъ свои соображенія о взаимныхъ отношеніяхъ романскаго и германскаго духа во Франціи слѣдующими словами: „Если романская душа французской націи уже въ средніе вѣка успѣла развернуться въ своемъ полномъ блескѣ, то опять-таки съ той же эпохи и германскій духъ начинаетъ обнаруживать въ ней свою кипучую дѣятельность, стремясь, въ бурныхъ пламенныхъ порываніяхъ, сбросить съ себя всѣ тяготѣющія на немъ оковы, — и новая культура, гребни высочайшихъ волнъ которой озарены блескомъ именно этого германскаго начала, позволяетъ говорить о старой Франціи, какъ о странѣ, рѣзко отличающейся отъ Франціи современной“. (Стр. 499—500).

и отчуждать все свое имущество на началахъ возмездности, то оно основывается не на собственномъ имущественномъ правѣ наслѣдниковъ (въ порядкѣ интестата), ибо иначе это право должно было бы, въ своей сущности, обнаруживаться уже при жизни собственника. Такъ какъ — далѣе — наслѣдодатель не можетъ здѣсь изъявлять своей воли въ завѣщаніи, то оно основывается также и не на предполагаемой волѣ собственника. Ясно послѣ этого, что такой порядокъ наслѣдованія основывается здѣсь ни на чемъ иномъ, какъ на всеобщей волѣ государства, вступающей въ распоряженіе всѣмъ тѣмъ имуществомъ, которое остается послѣ смерти собственника. Онъ основывается на семьѣ, ибо только на нее одну онъ ссылается, — но, ссылаясь на семью, онъ исходитъ не изъ собственнаго права наслѣдника, также не изъ предполагаемой воли умершаго собственника, но основывается на семьѣ какъ на государственномъ институтѣ. (Именно поэтому право собственника на дареніе и можетъ быть здѣсь ограничено въ интересахъ семьи). Здѣсь открывается передъ нами (если разсматривать дѣло по существу) духовная близость французской революціи съ древне-римскимъ народнымъ духомъ и его суровымъ jus civile. Однако, нельзя въ то же время упускать изъ виду ихъ различія и противоположности. Тамъ силой авторитета обладала всеобщая воля государства, но только потому, что она мыслилась какъ предполагаемая воля индивидуума; здѣсь, наоборотъ, силой авторитета обладаетъ индивидуальное отношеніе семьи, но только потому, что семья здѣсь мыслится, какъ государственное учрежденіе. Слѣдовательно, и тамъ, и здѣсь, всеобщее является духовнымъ базисомъ наслѣдственнаго права, — но здѣсь, въ послѣднемъ случаѣ, это проводится болѣе глубокимъ и болѣе принципіальнымъ образомъ, чѣмъ въ первомъ.

Само собою ясно, что на томъ же самомъ принципѣ будетъ строиться всякое наслѣдственное право, которое, подобно Конвенту, отрицаетъ свободу завѣщанія и въ то же время не признаетъ за наслѣдниками (въ порядкѣ интестата), при жизни собственника, никакого права на его имущество.

Но даже и тамъ, гдѣ (какъ это бываетъ въ большинствѣ современныхъ системъ наслѣдственнаго права) соблюдается лишь послѣднее условіе, а свобода завѣщанія, хотя бы и внутри опредѣленныхъ количественныхъ границъ (quotité disponible), все-же признается, — даже и тамъ, относительно характера наслѣдственнаго права, сохраняетъ силу все вышесказанное, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока дѣло

не идетъ еще объ этой quotité disponible, по отношенію къ которой осуществляется свобода завѣщанія. (Ибо, поскольку индивидуумъ не можетъ завѣщать, постольку право интестата не можетъ быть понимаемо какъ право, основанное на предполагаемой индивидуальной волѣ). Слѣдовательно, какъ это и ни можетъ показаться изумительнымъ или даже ужаснымъ, но послѣдовательный анализъ обязываетъ насъ признать, что большинство современныхъ системъ, наслѣдственнаго права (напримѣръ, Наполеоновъ кодексъ), по своему внутреннему глубочайшему содержанію (поскольку рѣчь не идетъ о quotite disponible) представляетъ собой въ принципѣ не что иное, какъ подчиненіе состояній, остающихся за смертью собственниковъ, регулирующему воздѣйствію во имя общественныхъ интересовъ.

Въ силу того нутренняго абсолютнаго противорѣчія, которое таится въ понятіи завѣщанія, ни одному еще философу не удалось дать этому понятію сколько нибудь точное и состоятельное опредѣленіе; обнаружить безплодность такихъ усилій—и будетъ послѣдней задачей и заключеніемъ нашего анализа.

Относительно Гегеля мы уже показали, что его теорія наслѣдственнаго права представляетъ собой единственно и исключительно теорію права интестата,—что же касается права завѣщанія, то оно на почвѣ его теоріи не только не обосновывается, но и вообще не можетъ быть обосновано. Единственный философъ, который еще, кромѣ Гегеля, выступилъ съ теоріей наслѣдственнаго права, заслуживающей такого названія,—былъ Лейбницъ. Его теорія завѣщанія сводится къ слѣдующему: „Testamenta vero mero jure nullius essent momenti, nisi anima esset immortalis, sed quia mortui revera adhuc vivunt, ideo monent domini rerum, quos vero heredes reliquerunt, concipiendi sunt ut procuratores im rem suam“. („Завѣщанія, по справедливости, не могли бы имѣть никакой силы, если-бы душа не была безсмертной. Но такъ какъ умершіе дѣйствительно продолжаютъ существовать и далѣе, то они я остаются настоящими собственниками: что же касается тѣхъ, кого они оставляютъ въ качествѣ своихъ наслѣдниковъ, то ихъ необходимо разсматривать, какъ простыхъ управляющихъ, которымъ умершіе собственники ввѣряютъ надзоръ за своимъ имуществомъ“).

Во многихъ отношеніяхъ эти глубоко-содержательныя слова глубокаго мыслителя представляютъ собой огромнѣйшій интересъ! Прежде всего ясно обнаруживается, какъ близокъ былъ здѣсь Лейбницъ къ тому, чтобы изъ нѣдръ собственнаго мышленія самостоятельнымъ путемъ воспроизвести

принципъ римскаго наслѣдственнаго права,—для творца философской системы монадологіи, въ которой принципъ чистой индивидуальности достигаетъ своего высочайшаго духовнаго выраженія, необходимость такого совпаденія болѣе, чѣмъ понятна. Завѣщаніе у него обладаетъ силой только потому, что индивидуальная душа наслѣдодателя—безсмертна, только потому, что души, даже послѣ смерти, manent domini rerum,—совершенно аналогично тому, какъ обстоитъ дѣло съ римскимъ завѣщаніемъ: вѣдь вѣра въ его объективное значеніе также покоится, какъ мы уже выяснили, на вѣрѣ въ усопшихъ духовъ. Но никто, въ отдѣльности, не можетъ мыслить съ послѣдовательностью народнаго духа, и Лейбницъ, уже стоявшій на пути къ тому, чтобы на почвѣ христіанскаго духа воспроизвести идею римскаго завѣщанія, — силою вліяній, исходившихъ отъ этой родной ему сферы, былъ вновь отброшенъ въ сторону отъ этой дороги и долженъ былъ, въ концѣ концовъ, дойти до того, что составляетъ чистѣйшую противоположность сравнительно съ римской идеей наслѣдственнаго права. По своей идеѣ, римское завѣщаніе и вообще римское наслѣдственное право есть примиреніе, отождествленіе наслѣдодателя и наслѣдника, какъ субъектовъ воли; это предполагаетъ, что первый продолжаетъ жить въ послѣднемъ, а послѣдній—heres—самъ является этимъ самымъ наслѣдодателемъ и его продолженіемъ въ жизни. Но такое пониманіе совершенно не могло укрѣпиться тамъ, гдѣ поле жизни принадлежитъ христіанскому духу, ибо послѣдній сферой дальнѣйшаго существованія индивидуума всего менѣе склоненъ признавать сферу субъективной воли, которую онъ безповоротно отвергаетъ; поэтому здѣсь наслѣдодатель остается собственникомъ имущества, а наслѣдникъ является простымъ управляющимъ умершаго собственника.

Критическій анализъ очень быстро разоблачаетъ внутреннюю несостоятельность теоріи Лейбница.

Прежде всего ясно (это признается и съ удареніемъ подчеркивается самимъ Лейбницомъ), что о завѣщаніи въ его теоріи можетъ быть рѣчь лишь постольку, поскольку признается лежащая въ основѣ ея идея безсмертія души. Но и при условіи признанія этой идеи теорія его остается одинаково несостоятельной, какъ въ философскомъ, такъ и въ юридическомъ отношеніи. Во-первыхъ, потому, что, съ точки зрѣнія христіанскаго пониманія безсмертія (въ противоположность римскому пониманію), духъ, продолжающій существовать въ качествѣ чистой души, не можетъ переноситься на земной внѣшній міръ и его вещественные элементы. По христіанскому пониманію,—послѣ смерти тѣла, чистая сущность духа возвра-

щается въ небо; и его дальнѣйшее небесное существованіе выражается именно тѣмъ, что отнынѣ въ немъ самомъ исчезаютъ всѣ слѣды земной природы и прекращаются всѣ его прежнія отношенія съ земнымъ началамъ. Поэтому съ точки зрѣнія христіанскаго пониманія безсмертной души умершій не можетъ оставаться болѣе собственникомъ. Римлянинъ можетъ его дальнѣйшее существованіе мыслить именно въ такой формѣ, ибо онъ безконечность усматриваетъ вообще въ самой волѣ, — поэтому онъ и безсмертіе воли наслѣдователя понимаетъ, какъ ея дальнѣйшее существованіе въ субъективной волѣ какого-либо другого живущаго лица. Но христіанскій духъ, именно потому, что для него безсмертіе есть возвращеніе къ своей чистой родовой сущности, не можетъ это безсмертіе получать внутри какого-либо другого живущаго субъемта, но долженъ его переносить въ трансцендентное небо абсолютной духовности,—и этимъ самымъ свидѣтельствуетъ, что онъ принципіально, въ силу собственной внутренней идеи, не можетъ продолжать оставаться собственникомъ.

Во-вторыхъ, если-бы умершій оставался собственникомъ, не продолжая въ то же время своего существованія въ живущемъ субъектѣ,—то ясно — и съ философской, и съ юридической точки зрѣнія, что онъ теперь уже не можетъ по отношенію къ живущему субъекту занимать своего прежняго позитивнаго, внутренно ихъ обоихъ примиряющаго положенія, т. е. послѣдній—живущій субъектъ—уже не можетъ болѣе разсматриваться, какъ его замѣститель, какъ его довѣренное лицо, — и стремленіе Лейбница поставить ихъ въ такія именно взаимныя отношенія является совершенно произвольнымъ; при такомъ нашемъ допущеніи, умершее лицо, продолжая оставаться субъектомъ воли и собственности, вполнѣ послѣдовательно должно было бы встать въ чисто отрицательное отношеніе къ живущему субъекту, который уже не представляетъ собой собственника; философски— это есть первая ступень ихъ взаимнаго отношенія, исторически — это есть ступень пеласгическая. Въ-третьихъ, наконецъ, — къ философскому опроверженію теоріи Лейбница присоединяется, какъ его необходимое послѣдствіе, опроверженіе юридическое: позабудемъ даже на время объ нашихъ первыхъ двухъ возраженіяхъ, — теорія Лейбница отъ этого выигрываетъ все-же немного; правда, ей удается теперь спасти отъ крушенія наслѣдство, основанное на завѣщаніи,—но взамѣнъ этого теперь обрекается на гибель собственность. Въ самомъ дѣлѣ, по теоріи Лейбница, Адамъ, какъ первый завѣщатель, былъ бы единственнымъ собственникомъ, всѣ-же остальные люди, на всѣ времена, представляли бы собой простыхъ его новѣренныхъ и управителей. Юридическая категорія собствен-

ности исчезаетъ безслѣдно, а потому вся эта теорія стоитъ въ безысходномъ противорѣчіи со всѣми матеріальными основами юридической науки. Такъ распадается, на ряду съ другими, и теорія Лейбница.—Необходимо, наконецъ, еще отмѣтить, что хотя всѣ развитыя выше идеи относятся въ системѣ Лейбница собственно только къ теоріи завѣщанія, однако, въ силу внутренней логической связанности, одинаково страдаетъ и одинаково гибнетъ отъ того же противорѣчія и его теорія интестата. Ибо, разъ только Лейбницъ принимаетъ положеніе, что въ силу безсмертія души, умершіе собственники продолжаютъ на самомъ дѣлѣ существовать далѣе, оставаясь и впредь дѣйствительными собственниками покинутаго ими имущества (sed quia mortui revera adhuc vivunt ideo manent domini rerum), — то все вышесказанное должно неизбѣжно, и даже въ еще большей степени, сохранять свою силу и относительно имущества, переходящаго въ наслѣдство въ порядкѣ интестата,— и Лейбницъ такимъ образомъ уничтожаетъ теперь, въ сущности, и все то, что ему приходилось говорить о наслѣдственномъ правѣ интестата.

Блестящимъ подтвержденіемъ и прямымъ дополненіемъ всего того, что было сказано раньше, служитъ тотъ открывающійся теперь передъ нами фактъ, что теорія наслѣдственнаго права, развиваемая Лейбницемъ, обнаруживая полную свою неспособность дать обоснованіе праву интестата, представляетъ собою только и исключительно теорію завѣщанія, совершенно также, какъ теорія наслѣдственнаго права, построенная Гегелемъ, будучи безсильна обосновать право завѣщанія, является только и исключительно теорій интестата. Лейбницъ, въ качествѣ теоріи наслѣдственнаго права, можетъ построить только и исключительно теорію завѣщанія—именно потому, что онъ исходитъ отъ индивидуальнаго духа; Гегель, въ качествѣ теоріи наслѣдственнаго права, можетъ построить только и исключительно теорію интестата — именно потому, что онъ исходитъ отъ всеобщаго духа (именно—семьи). Поэтому Гегель и долженъ германское наслѣдственное право понимать, какъ соотвѣтствующее съ идеей наслѣдственнаго права вообще; въ свою очередь Лейбницъ базисомъ для своей теоріи долженъ былъ выбрать принципъ, который, при всемъ его внутреннемъ глубочайшемъ отличіи, представляетъ собою несомнѣнную аналогію съ основной идеей римскаго наслѣдственнаго права. Но какъ бы ни была теперь ясна для насъ полная несостоятельность теоріи Лейбница, — огромной заслугой этого мыслителя, всегда умѣвшаго своимъ испытующимъ взоромъ глубоко проникать сквозь обманчивую внѣш-

ность явленій въ ихъ сокровенную внутреннюю сущность, останется великая глубокая мысль, который мы и закончимъ наше изложеніе:

„Testamenta vero mero jure nullius essent momenti, nisi anima esset immortalis“.

„Завѣщанія были бы лишены всякой дѣйствительной силы, если-бы душа не была безсмертной“, — повторимъ мы вслѣдъ за Лассалемъ имъ самимъ данный переводъ этого заключительнаго изреченія. И такъ какъ душа понимается здѣсь безсмертной не въ томъ смыслѣ, какъ это требуется, по Лассалю, идеей завѣщанія, такъ какъ далѣе въ настоящее время право интестата представляетъ собой только „подчиненіе состояній, остающихся за смертью собственниковъ, регулирующему воздѣйствію во имя общественныхъ интересовъ“, т. е. воздѣйствію со стороны государства, —то здѣсь самъ собой уже разрѣшается вопросъ, —въ какой именно степени наслѣдственное право, не погрѣшая противъ той основаной идеи, развитію которой посвящена эта книга, можетъ претендоватъ въ настоящее время на свою неприкосновенность, какъ „пріобрѣтенное право“.
